

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

№ 5 (161) 2013 год

ИСТОРИЯ,
ФИЛОСОФИЯ,
ФИЛОЛОГИЯ

Рубрики номера:

История

Философия

Филология

Минск 2013

Учреждение образования
«Белорусский государственный
технологический университет»

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

*Издается с июля 1993 года
Выходит один раз в месяц*

№ 5 (161) 2013 год

**ИСТОРИЯ,
ФИЛОСОФИЯ,
ФИЛОЛОГИЯ**

Минск 2013

Учредитель – учреждение образования «Белорусский государственный технологический университет»

Главный редактор журнала – Жарский Иван Михайлович, ректор, профессор, кандидат химических наук

Редакционная коллегия номера:

И. В. Полуян, профессор кафедры истории Беларуси и политологии, доктор исторических наук, профессор (главный редактор номера);

П. А. Водопьянов, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор кафедры философии и права, доктор философских наук, профессор (заместитель главного редактора номера);

Н. М. Забавский, декан исторического факультета БГПУ имени Максима Танка, доктор исторических наук, профессор;

Л. Е. Земляков, заведующий отделом новейшей истории Республики Беларусь ГНУ «Институт истории НАН Беларуси», доктор политических наук, профессор;

Т. П. Короткая, профессор кафедры философии БГЭУ, доктор философских наук, профессор;

С. В. Решетников, заведующий кафедрой политологии юридического факультета БГУ, доктор политических наук, профессор;

А. В. Посох, доцент кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук, доцент;

В. М. Острога, доцент кафедры истории Беларуси и политологии, кандидат исторических наук, доцент (секретарь)

Адрес редакции: ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.

Телефоны: главного редактора журнала – (+375 17) 226-14-32,

главного редактора номера – (+375 17) 327-71-95.

E-mail: root@bstu.unibel.by, <http://www.bstu.unibel.by>

Свидетельство о государственной регистрации средств массовой информации

№ 1329 от 23.04.2010, выданное Министерством информации Республики Беларусь.

*Журнал включен в «Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований»*

Редактор Е. К. Лабоха

Компьютерная верстка Е. В. Ильченко, С. С. Белявская, О. Ю. Шантарович

Корректор Е. К. Лабоха, Е. С. Ватеничкина

Подписано в печать 13.08.2013. Формат 60×84¹/₈.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 26,6. Уч.-изд. л. 28,6.

Тираж 110 экз. Заказ 318.

Издатель и полиграфическое исполнение: УО «Белорусский государственный технологический университет».

ЛИ № 02330/0549423 от 08.04.2009. ЛП № 02330/0150477 от 16.01.2009.

Ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.

ИСТОРИЯ

УДК 327(476)(438)

И. В. Полуян, доктор исторических наук, профессор (БГТУ)

БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Одним из основных принципов внешней политики Республики Беларусь является принцип многовекторности. Он означает готовность республики к взаимовыгодному, равноправному сотрудничеству с любым народом и государством независимо от его географического положения. При этом приоритет отдается сотрудничеству с соседними государствами, в первую очередь с нашим восточным соседом – Россией.

Вместе с тем Республика Беларусь выступает за развитие разностороннего, взаимовыгодного сотрудничества и с нашим западным соседом – Польшей. Однако непереносимым условием такого сотрудничества является отказ правящих кругов этой страны от любого вмешательства в наши внутренние дела, от всяких территориальных притязаний.

One of the basic principles of the foreign policy of the Republic of Belarus is the principle of multi-vector. It means a willingness of the republic to mutual, equal cooperation with any nation and the state, regardless of geographic location. With priority given to cooperation with neighboring countries, especially with our eastern neighbor – Russia. However the Republic of Belarus supports the development of multifaceted and mutually beneficial cooperation with our western neighbor – Poland. However to be of such cooperation is the refusal of the ruling circles of the country from any interference in our internal affairs from any territorial claims.

Введение. Основными принципами внешней политики Республики Беларусь являются уважение государственного суверенитета и территориальной целостности стран; невмешательство во внутренние дела других государств; уважение их законных национальных интересов; развитие разностороннего взаимовыгодного сотрудничества; отказ от применения вооруженной силы и угрозы силы; решение спорных вопросов политическими средствами – за столом переговоров, а также принцип многовекторности.

Последний принцип означает готовность республики к взаимовыгодному сотрудничеству с любым народом и государством независимо от его географического положения, при условии готовности этого народа, государства также следовать названным принципам. При этом приоритет отдается прежде всего сотрудничеству с соседними государствами, в первую очередь с нашим восточным соседом – Россией.

Вместе с тем Республика Беларусь выступает за развитие разностороннего взаимовыгодного сотрудничества и с нашим западным соседом – Республикой Польша. Однако непереносимым условием такого сотрудничества является уважение польской стороной названных принципов, отказ правящих кругов этой страны от любого вмешательства в наши внутренние дела, от всяких территориальных притязаний. С этих позиций следует относиться и к нашему непростому общему историческому прошлому,

выбросив на свалку истории канувшую в Лету идею восстановления Речи Посполитой «от моря до моря».

Основная часть. Межгосударственные отношения – это двусторонний процесс. Для их позитивного развития требуется добрая воля обеих сторон. Со стороны Республики Беларусь такая воля очевидна, чего нельзя сказать о другой стороне.

С 2006 г. Польша проводит политику «замораживания» официальных контактов с белорусскими властями. Во второй половине 2011 г. Польша председательствовала в Европейском Союзе. Использовала ли она эту уникальную в своем роде возможность для вовлечения Беларуси в общеевропейские процессы, как должен был поступить любой добрый сосед? Никким образом. Более того, польское руководство стремилось сделать все возможное, чтобы не допустить равноправного сотрудничества Беларуси с Европейским Союзом, проводя политику активного вмешательства в наши внутренние дела, создавая напряженность в среде польского национального меньшинства нашей страны [1].

Кроме того, в последние годы официальной Варшава вслед за отдельными националистическими группировками стала выступать с территориальными притязаниями к Беларуси. Так, несколько лет назад министр иностранных дел Польши Р. Сикорский на международной конференции в Германии выступил с заявлением,

которое иначе как провокационным не назовешь. Он заявил о готовности Польши вернуть Германии ее восточные земли (речь идет о землях, отошедших к Польше после разгрома фашистской Германии в 1945 г. по решению Большой тройки – И. В. Сталина, Д. Рузвельта и У. Черчилля), если Германия, со своей стороны, поможет Польше вернуть «ее восточные кресла». Речь идет о Западной Беларуси и Западной Украине, захваченных буржуазной Польшей с помощью Антанты в 1920 г. Некоторое время спустя в том же духе высказался и нынешний польский премьер Д. Туск.

Захваченные силой, эти исконно белорусские и украинские земли, подавляющее большинство населения которых составляли и составляют сегодня белорусы и украинцы, в течение почти 20 лет находились в составе межвоенной Польши. Их население, подвергаясь жестокому экономическому, социально-политическому, национальному и духовному угнетению со стороны польских властей, вело неустанную борьбу за свое освобождение и воссоединение со своими восточными кровными братьями.

Их заветная мечта сбылась осенью 1939 г., когда в результате освободительного похода Красной Армии Западная Беларусь и Западная Украина в полном соответствии с волеизъявлением их населения, выраженным их свободно избранными Народными собраниями, воссоединились соответственно с Белорусской ССР и Украинской ССР. Историческая справедливость восторжествовала [2, с. 259].

Актом открытого вмешательства в наши внутренние дела следует рассматривать и принятую польским парламентом пресловутую «Карту поляка», с помощью которой официальная Варшава пытается насаждать в Беларуси свою агентуру. Предпринимаются с их стороны попытки использовать в тех же целях католическую церковь и польскую диаспору в республике.

В данном контексте следует отметить принятое в 2011 г. заключение Конституционного Суда Республики Беларусь о несоответствии польского закона «О Карте поляка» двусторонним и международным обязательствам Польши и принятие в декабре 2011 г. нашим парламентом Закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О государственной службе Республики Беларусь», дополнившего перечень ограничений, связанных с госслужбой, в частности, ограничением на получение госслужащими от иностранных государств документов, предоставляющих право на льготы и преимущества в связи с политическими, религиозными взглядами или национальной принадлежностью, а равно пользование такими льготами и преимуществами.

Большое внимание уделяет Польша информационному влиянию на внутривнутриполитическую ситуацию в Беларуси. Варшава финансирует вещание на Беларусь радиостанции «Радио Рация» и спутникового телеканала «Белсат».

После проведения 19 декабря 2010 г. выборов Президента Беларуси и поствыборных событий в Минске официальная Варшава пошла на обострение отношений с Беларусью, взяв на себя роль одного из наиболее активных инициаторов введения визовых санкций Евросоюза. Еще до их официального принятия Советом ЕС 31 января 2011 г., Польша в одностороннем порядке ввела аналогичные санкции на национальном уровне. Представители Польши также неоднократно выступали за введение экономических санкций в рамках ЕС в отношении Беларуси.

На сегодня чувствительными в белорусско-польских отношениях остаются ситуация вокруг союза поляков Беларуси, реализация закона «О Карте поляка» в отношении граждан Беларуси без учета позиции белорусской стороны, а также сроки вступления в силу договора о малом приграничном движении.

Обострение политических отношений негативно сказывается на сотрудничестве наших стран в других областях, в частности в экономической и культурной сферах.

В Беларуси зарегистрировано 345 предприятий с участием польского капитала, из них 212 совместных и 133 иностранных. В январе – ноябре 2012 г. объем белорусского экспорта в Польшу составил 871,4 млн. дол. США, или 83,4% к аналогичному периоду 2011 г. Основные экспортируемые товары в Польшу: нефтепродукты, калийные удобрения, сжиженный газ, лесоматериалы (необработанные), изолированные провода и кабели, полуфабрикаты нелегированной стали, тракторы, седельные тягачи и др.

Основу белорусского импорта из Польши составляют: свинина, свежие фрукты, провода изолированные, бумажные санитарно-гигиенические изделия, изделия из пластмассы, оборудование для термической обработки материалов, части и принадлежности для автомобилей и тракторов, арматура. В Польше действует товаропроводящая сеть белорусских субъектов хозяйствования.

Вопросы активизации торгово-экономического инвестиционного сотрудничества в октябре 2012 г. обсуждались в Минске на Белорусско-Польском экономическом форуме «Добрососедство 2012». На фоне определенного позитива в развитии белорусско-польских отношений в сфере культуры в негативе выделяется так называемый «Отчет о состоянии свободной культуры и НПО в Беларуси» (НПО –

неправительственные организации – И. П.), подготовленный польским фондом Culture Enter. Издание содержит ряд фактов, искажающих реальное положение дел в Беларуси и нацеливающих читателя на неадекватное восприятие действий белорусского руководства в области культуры и гражданского общества. Презентация отчета была проведена в г. Люблине 15 октября 2012 г. на официальной встрече курирующих вопросы культурного сотрудничества старших должностных лиц министерств культуры и иностранных дел стран – участниц «Восточного партнерства». В презентации принял участие заместитель министра иностранных дел Польши [3].

Заключение. Таким образом, сегодня у нас с Польшей, точнее с польским политическим руководством, складываются непростые отношения. С простыми гражданами этой страны у нас не было и, надеемся, никогда не будет серьезных разногласий, а тем более вражды. Ведь у нас была общая история, и многие общественные и политические деятели работали на благо двух наших народов, и нам не надо постоянно спорить, поляки это были или белорусы, чтобы оценить то большое наследие, которое они оставили всем нам.

Не исключено, что проводимая польской правящей элитой, особенно в последние годы, недружественная политика в отношении Беларуси продиктована соответствующими рекомендациями ее заокеанских покровителей. Общеизвестно, что за спиной нынешней Польши стоит Вашингтон.

Совершенно очевидно, что только отказ официальной Варшавы от всяких попыток вмешательства в наши внутренние дела, от всяких притязаний на наши земли может открыть путь для широкого взаимовыгодного сотрудничества наших народов и государств.

Далее отметим, что в своей внешнеполитической деятельности Республика Беларусь исходит из убеждения, что в современных условиях стабильность международных отношений может быть достигнута только на основе реального равноправия всех субъектов, взаимного уважения и сотрудничества, призванных обеспечить надежную безопасность каждого члена мирового сообщества.

Напомним еще раз, что ключевым приоритетом внешней политики Республики Беларусь являются страны-соседи, включая Польшу. При этом стратегическое значение для Беларуси имеет сотрудничество с Российской Федерацией. Вместе с тем для дальнейшего успешного развития республики важным является укрепление взаимовыгодных деловых отношений со всеми государствами, в том числе и Европы.

Взаимные интересы в сфере обеспечения функционирования ключевых транспортных и энергетических коммуникаций, развития трансграничного сотрудничества, стратегического транзита, регионального партнерства, борьбы с нелегальной миграцией и преступностью, культурного и экологического взаимодействия являются конкретными платформами для выстраивания конструктивного диалога между Беларусью и Европейским союзом, в том числе и с отдельными его членами.

В современных условиях движение мирового сообщества от однополярного мира в сторону многополярного мироустройства сопровождается формированием новых центров силы. Их борьба за лидерство порождает новые глобальные противоречия, которые чреваты очередным переделом сфер влияния и нарушением существующего миропорядка.

С учетом происходящих в мире глобальных процессов и тенденций Республика Беларусь особое значение придает сегодня активной сбалансированной внешней политике, последовательно защищающей и продвигающей свои национальные интересы. Беларусь в целом позитивно воспринимает инициативу Евросоюза «Восточное партнерство», направленную на вовлечение шести стран (Беларуси, Украины, Молдовы, Грузии, Армении, Азербайджана) в процессы экономических и социальных реформ, призванных приблизить их к европейским стандартам. Правда, республика готова участвовать в данной программе при одном непреклонном условии: на равноправной взаимовыгодной основе и не в ущерб своим внутренним и внешнеполитическим интересам [4].

Республика не пошла и не пойдет на поводу у тех, кто настойчиво пытается нас убедить в неизбежности дилеммы – Беларусь либо с Востоком (Россией), либо с Западом (Европой). Наша задача – быть связующим звеном между Востоком и Западом.

Литература

1. Польша – Беларусь. 1921–1953: сб. док. и материалов / сост.: А. Н. Вабищевич [и др.]. – Минск: Беларуская навука, 2012. – С. 3.
2. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. Ч. 2 / рэдкал.: М. П. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларусь, 1995. – 560 с.
3. Дорога между Варшавой и Минском // Беларусь сегодня. – 2012. – 29 марта. – № 59. – С. 3.
4. Диалог Беларусь – Европа: актуальные вопросы / Информационно-аналитический центр при администрации Президента Респ. Беларусь. – Минск, 2009. – С. 6–7.

Поступила 20.03.2013

УДК 9:323.15

В. Е. Козляков, доктор исторических наук, профессор (БГТУ)**ИСТОКИ И СУЩНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНО-ПЕРСОНАЛЬНОГО АВТОНОМИЗМА**

В статье раскрываются истоки и сущность национально-персонального автономизма. Автор подчеркивает, что идеи данной программы были высказаны задолго до появления известных работ К. Реннера, О. Бауэра и связаны с традициями греческих, еврейских, финикийских общин в древневосточных и античных цивилизациях. Доказывается, что непосредственным прообразом национально-персональной автономии являются ваады – центральные советы еврейских кагалов, существовавшие в Польше, Литве и Беларуси в XVI–XVIII вв.

The origins and essence of people's personal autonomism are developed in the article. The author emphasizes that the ideas of this program had been made long before the famous studies of K. Renner and O. Braner which related to the traditions of Greek, Jewish, Phoenician and ancient civilizations. It is proved that vaady are direct prototype of the national personal autonomy. They have existed in Poland, Lithuania and Belarus in the XVI–XVIII centuries as central Councils of Jewish kagals.

Введение. Решение современных проблем национальных общностей, проживающих дисперсно, все чаще связывают с предоставлением национально-персональной автономии. Как правило, истоки подобной программы усматривают в идеях австрийских социал-демократов К. Реннера и О. Бауэра, сформулированных еще в начале XX в.

Однако, как показывает анализ, подобные идеи не являлись «кабинетной выдумкой» известных австро-марксистов, имевших, правда, право претендовать на роль «первопроходцев» в теоретическом и правовом ее обосновании. Известный польский теоретик Л. Кульчицкий (Мазовецкий) в свое время писал, что принцип экстерриториальной национальной автономии он впервые сформулировал, «не будучи знаком с трудом Р. Шпрингера (К. Реннера), в лекциях о сущности нации, организованными в Кракове Народным университетом имени А. Мицкевича». Экстерриториальную автономию автор рассматривал в качестве возможного дополнения к автономии территориальной [1, с. 128]. Известный еврейский теоретик М. Лазерсон также указывал, что задолго «до Шпрингера выдвигалась необходимость отстаивания персонального принципа» [2, с. 25–26].

Многие авторы признавали, что подобные идеи, в свою очередь, связаны с традициями греческих, еврейских, финикийских и других этнических общин в древневосточных и античных цивилизациях. Но наиболее подробно принцип национально-персонального автономизма был проработан еврейскими теоретиками. «Еврейская энциклопедия», изданная в начале XX в., утверждала, что «в своей основе это явление не новое, а только приспособленное к современным формам жизни, многовековое стремление рассеянного народа поддерживать свое само-

бытное существование путем самостоятельной организации внутреннего быта и культурных учреждений» [3, стб. 359].

Основная часть. Прообразом национально-персональной автономии для еврейства являлись ваады – центральные советы кагалов, существовавшие в Польше, Литве и Беларуси в XVI–XVIII вв. Кагалы – это органы управления еврейских общин. Они избирались ежегодно, посредством голосования или жребия. Но как отмечал С. Бершадский, в течение всего XVIII в. «кагал вербовался из небольшого круга семей, связанных между собою сознанием своих интересов» [4, с. 16].

Полномочия кагала были достаточно широкими. Он, например, взыскивал в своем округе и вносил в казну государственные подати, делал раскладки на евреев казенных и общественных налогов, заведовал синагогами, кладбищами, а также всеми благотворительными учреждениями, выдавал купчие «крепости» на недвижимое имущество, отвечал за обучение юношества, разбирал тяжбы между членами общины при помощи местных еврейских судей и раввина.

Но бывали случаи, когда местный раввинский суд колебался в применении тех или иных законов или когда недовольные решением суда обращались к другому – высшему суду. Известны факты споров между кагалами. В таких случаях ежегодно устраивались съезды раввинов и старшин общин, игравших роль высших судебных учреждений. Постепенно такие съезды превращались в ежегодно созываемые сеймы (ваады). Существовал, например, «Сейм (Ваад) четырех областей Польши» – Великой Польши, Малой Польши, Подолии и Волыни. Ваад не только разрешал судебные тяжбы и разъяснял законы, но и издавал новые постановления относительно устройства общественного

и духовного быта евреев в разных местностях. Деятельность «Ваада четырех областей» особенно усилилась в XVII в. Кроме того, Великое княжество Литовское имело свой особый ваад, в котором участвовали раввины и кагалыные депутаты от пяти главных еврейских общин: Бреста, Гродно, Пинска, Слуцка и Вильно [5, с. 118–119]. Такой вариант автономизма дал право авторам «Еврейской энциклопедии» (т. 5) называть «ваад» автономной организацией, в компетенцию которой входила законодательная, административная, юридическая и духовно-культурная деятельность среди еврейства [6, стб. 195].

Видимо, излишняя самостоятельность и обособленность этой еврейской структуры вызвала недовольство властей Речи Посполитой, где и без того процветала анархия. Поэтому король Август IV в 1764 г. распустил «Ваад четырех областей». Не последнюю роль в этом решении сыграл сейм Речи Посполитой, полагавший, что вводимый подушный налог, в том числе и для евреев, будет более доходным для государственной казны, чем общая сумма, уплачиваемая ваадам от имени всего еврейства. Ведь кагалыные старшины могли определенную часть собираемых средств утаивать от государства. Но после разделов Речи Посполитой русские чиновники вернули еврейским общинам полномочия, которые стали даже шире, чем до начала польских реформ [7, с. 437]. Однако о реставрации ваадов речь не шла. Более того, указом Сената России (1786 г.) евреи получали «полное уважение к их вероучению и обрядности», даже разбираться в своих межсубных тяжбах, но не получили согласия на учреждение «еврейских съездов» (ваадов) на территории Беларуси и Украины. Тем не менее после включения белорусских земель в Россию были учреждены губернские и уездные кагалы «с положениями по собственному их выбору» числом еврейских судей, которые разбирали дела евреев между собой [8, с. 119–121, 150].

Однако у российских купцов вскоре возникли определенные опасения, что еврейские торговцы включенных в состав России белорусских и украинских земель, опираясь на разветвленные собственные международные структуры и связи, составят серьезную конкуренцию на просторах империи. Учитывая верноподданнические просьбы и пожелания московских и смоленских купцов, Екатерина II указом от 23 декабря 1791 г. запретила евреям записываться в купеческое сословие российских городов и портов, а разрешила иметь права «гражданства и мещанства» только в городах белорусских губерний и Таврической области. Чуть позже в «черту

оседлости» были включены города некоторых украинских губерний [9, с. 248]. Поначалу сохранялись в качестве официальных учреждений и кагалы. Однако в России они были ликвидированы в 1844 г.

Интенсивное развитие индустриального общества на основе рыночных отношений способствовало, с одной стороны, стремлению к национальной жизни, а с другой – ломке замкнутых национальных перегородок. Подобные процессы не могли не затронуть еврейство, поставленное в ряде стран в положение касты. Но политическая и экономическая элита вынуждена была считаться с серьезными позициями еврейских финансовых кругов во всем мире. Развернувшаяся конкурентная борьба среди предпринимательства приводила к тому, что некоторые группировки были не прочь потеснить еврейский капитал на мировых рынках, не очень стесняясь при этом в выборе средств.

Несмотря на очевидное расслоение еврейства, общее его благосостояние, как и отдельных социальных групп, за исключением немногочисленных люмпенизированных низов, было несравненно выше огромной массы крестьянства и лиц наемного труда, где большую часть составляли белорусы, русские, украинцы. Видимо, поэтому стихийное проявление социального протеста трудящихся приобретало четко выраженную национальную окраску, порой антисемитскую. Вместе с тем различные ограничения, направленные против еврейства, его социальное расслоение приводили многих лиц еврейского происхождения в революционное движение.

Подобные тенденции заставляли все чаще задумываться еврейскую интеллигенцию. Возникла непростая дилемма: сохранить при определенной модернизации общины кастовую обособленность еврейства или постараться легитимно конституировать его в особую экстерриториальную нацию с сохранением еврейских общинных традиций. Многие еврейские теоретики полагали, что для того, чтобы еврейскому народу добиться равенства с другими народами, ему «недостает большинства атрибутов для признания его нацией». «Для признания евреев национальностью им недостает того индивидуального духа, свойственного всем другим нациям, который создается общностью территории», – писал теоретик еврейского территориализма Л. Пинскер [10, с. 10]. Подобная точка зрения привела к возникновению сионизма.

Но существовала и другая точка зрения, которая была связана с экстерриториальным решением еврейской национальной проблемы – созданием еврейских обществ в странах диаспоры

путем достижения национально-персональной автономии. «Государственное признание еврейской нации как особого коллектива, – писал Х. Коробков, – влечет за собой признание необходимости создания еврейского национального Ваада-сейма как органа еврейского национального представительства, опирающегося на местные национальные ячейки – еврейские общины» [11, с. 13]. Так отдельные еврейские деятели под лозунгами учреждения национально-персонального автономизма попытались возродить, разумеется, в модернизированном виде, кагалные традиции, а фактически создать самостоятельные государства в системах национальных государств.

Поэтому не случайно многие еврейские деятели обрушились с критикой на О. Бауэра, отказавшего еврейству в праве на национально-персональную автономию. Австрийский социал-демократ резонно полагал, что нельзя игнорировать ассимиляцию еврейства, впитывавшего в больших масштабах европейскую культуру, сливавшегося с другими европейскими народами [12, с. 389]. Но даже еврейские социалисты не соглашались с таким подходом. Например, лидеры БУНДа, отстаивая укороченный вариант национально-персонального автономизма – культурно-национальную автономию евреев, – также полагали, что в этом учреждении – еврейской общине – можно было бы видеть «не только результат старого, но, с известными оговорками, эмбрион нового» [13, с. 777].

Теоретически идеи национально-персональной автономии могли быть использованы для любой этнической группы из существовавших в России. Не случайно к этим идеям проявляли интерес многие национальные партии. Однако практическое значение национально-персональный автономизм имел прежде всего для еврейства, не имевшего своей территории в России, в то время как ее имели многие этносы необъятной страны.

Заключение. Таким образом, различные варианты национально-персонального автономизма имели историческую основу. Подобные идеи несли в себе, безусловно, демократическое содержание, поскольку, с одной стороны, были направлены против самодержавных порядков и способствовали активизации национальной жизни, росту национального самосознания. Но с другой стороны, наблюдались попытки с помощью подобных идей обособить и разгородить между собой различные этносы, поставить искусственные барьеры между народами вопреки закономерным интеграционным процессам. Эти противоречивые тенденции не исчезли, они сохранились.

Литература

1. Кульчицкий (Мазовецкий), Л. Автономия и федерация в современных конституционных государствах / Л. Кульчицкий (Мазовецкий); пер. с пол. А. Паткина. – М.: Общественная польза, 1907. – 232 с.
2. Лазерсон, М. Я. Автономия и федерация / М. Я. Лазерсон. – Пг.: Книга, 1917. – 52 с.
3. Автономизм // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем: в 16 т. – СПб.: О-во для науч. евр. изд.; Изд-во Брокгауз-Ефрон, Б. г. – Т. 1: А-Алме-мар / под общ. ред. С. М. Дубнова [и др.]. – Стб. 359–362.
4. Бершадский, С. А. Литовские евреи. История их юридического и общественного положения в Литве от Витовта до Люблинской унии. 1388–1569 гг. / С. А. Бершадский. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1883. – 432 с.
5. Дубнов, С. М. Краткая история евреев: в 3 ч. / С. М. Дубнов. – СПб.: Общественная польза, 1911. – Ч. III: Средние века и новое время в Европе. – 160 с.
6. Ваад // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем: в 16 т. – СПб.: О-во для науч. евр. изд.; Изд-во Брокгауз-Ефрон, Б. г. – Т. 5: Брес-сиур-Гадасси / под общ. ред. Л. М. Каценельсона, Д. Г. Гинзбурга. – Стб. 191–197.
7. Эйтингер, Ш. История еврейского народа. Т. 5. Новое время / Ш. Эйтингер. – Тель-Авив, 1967. – 628 с.
8. Голицын, Н. Н. История русского законодательства о евреях. Т. 1. (1649–1825) / Н. Н. Голицын. – СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1886. – 1116 с.
9. Анішчанка, Я. Мяжа яўрэйскай аселасці / Я. Анішчанка // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: ў 6 т. Т. 5 / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 1999. – С. 248.
10. Пинскер, Л. С. «Автоэмансипация!» (призыв русского еврея к своим соплеменникам) / Л. С. Пинскер. – СПб.: Тип. Х. Брауде, 1898. – 42 с.
11. Коробков, Х. Г. Национальные задачи российско-еврейской демократии (к Всероссийскому Еврейскому съезду) / Х. Г. Коробков. – Пг.: Книга, 1917. – 34 с.
12. Бауэр, О. Национальный вопрос и социал-демократия / О. Бауэр. – СПб.: СЕРП, 1909. – 606 с.
13. Медем, Вл. Национальное движение и национальные социалистические партии в России / Вл. Медем // Формы национального движения в современных государствах / под ред. А. Ч. Костелянского. – СПб.: Общественная польза, 1910. – С. 748–798.

Поступила 20.03.2013

УДК 739.2.033(476)

Н. І. Наркевіч, кандыдат мастацтвазнаўства, старшы выкладчык
кафедры беларускай і сусветнай мастацкай культуры (БДУКМ)

ШЫЙНЫЯ ГРЫЎНІ Ў ЮВЕЛІРНЫМ МАСТАЦТВЕ БЕЛАРУСІ: ВЫТОКІ І МАСТАЦКІЯ АСАБЛІВАСЦІ

У артыкуле разглядаюцца вытокі і мастацкія асаблівасці шыйных грыўняў у ювелірным мастацтве Беларусі. Асобная ўвага надаецца даследаванню семантыкі формаўтварэння ювелірных вырабаў, кампазіцыі арнаментальных матываў і ўзораў. Закранаюцца пытанні відавых асаблівасцей шыйных грыўняў на тэрыторыі Старажытнай Беларусі, сярод якіх вылучаюцца пласцінчатая, драцяная і вітыя вырабы балцкага тыпу. У поле ўвагі даследчыка прыцягваюцца і традыцыі вырабу шыйных грыўняў, звязаныя з этнічнай прыналежнасцю насельніцтва. Аўтар падкрэслівае, што ў IX–XI стст. дадзена катэгорыя ўпрыгажэнняў была як прадметам імпарта, так і вынікам мясцовай вытворчасці, а прыкладна ў XII – пачатку XIII ст. большая частка вырабаў – гэта грыўні работы мясцовых гарадскіх ювеліраў.

The article deals with the origins and artistic features of hryvnia in jewelry of Belarus. Special attention is given to the semantics of forming jewelry, composition of ornamental motifs and patterns. Touch on issues speciation of new features cervical hryvnia in ancient Belarus, among which are the plate, wire and twisted Balt product type. The focus of the researcher and the traditions of the cervical hryvnia related to ethnicity of the population. The author emphasizes that in IX–XI centuries this category of jewelry was both subject of imports and the result of local production, and about XII – early XIII century most of the product was the work of local urban hryvnia jewelers.

Уводзіны. На тэрыторыі Беларусі шыйныя грыўні складаюць значную групу ювелірных вырабаў – узораў дэкаратыўнага мастацтва, якія ў перыяд Сярэднявечча не страцілі магічны змест. Металічны абруч, надзеты на шыю, здаваўся старажытнаму чалавеку надзейным атрыбутам, які быў здольны перашкодзіць душы пакінуць яго цела. Характар пластыкі ювелірных упрыгажэнняў аказвае на нас моцнае ўздзеянне, не толькі эстэтычнае, але і этычнае, бо ад касцюма і ўпрыгажэнняў залежаць і знешні выгляд чалавека, і яго паводзіны. Таму зразумела, чаму ювелірныя вырабы з’яўляюцца гістарычнымі дакументамі эпохі, якія гавораць пра людзей праўдзіва і дакладна.

Мэта дадзенага артыкула – разгледзець вытокі і мастацкія асаблівасці шыйных грыўняў у айчынным ювелірным мастацтве.

Асноўная частка. Шыйныя грыўні займаюць асобнае месца ў ліку твораў мастацкага рамяства. Такі абруч быў распаўсюджаным упрыгажэннем у самых розных народаў Заходняй і Усходняй Еўропы, а таксама Бліжняга і Сярэдняга Усходу. У нас упрыгажэнне называлі «грыўняй» (па-стараславянску – «грыве»). Назва падобна да слова «грыва», адным з вызначэннем якога ў старажытнасці была «шыя». Ва ўсялякім выпадку, існаваў прыметнік «грыўны», які абазначаў «шыйны» [1, с. 22]. Б. А. Рыбакоў увадзіць паняцце «грыўнае начынне». У яго ўваходзілі каралі, упрыгажэнні шыі і грудзей [2, с. 520].

Шыйныя грыўні вядомыя з 2-га тысячагоддзя да н. э., а на тэрыторыі Беларусі – з ранняга жалезнага веку. Найбольшае распаўсюджванне

ўпрыгажэнні атрымалі менавіта ў VIII–XIII стст. У пачатку 1-га тысячагоддзя грыўні шырока бытуюць у Прыбалтыцы, у фінскіх плямён (мардва і мурама), а таксама ва ўсіх славянскіх – як заходніх, так і ўсходніх [3, с. 130]. Яшчэ з пачатку Сярэднявечча ў варварскіх плямёнаў, вядомых з часоў Рымскай імперыі, існаваў звычай узнагароджваць цэлахоўнікаў і дружыннікаў шыйнымі грыўнямі з золата і серабра. Візантыйскія імператары перанялі гэты звычай і ўзнагароджвалі ўпрыгажэннямі начальніка мечнікаў, пра што гаворыцца ў «Кнізе аб цырыманіях візантыйскага двара» Канстанціна Парфірароднага [4]. Князі маглі насіць па некалькі шыйных грыўняў адначасова. Існуюць выявы шыйных грыўняў на абразях.

Грыўні нярэдка знаходзяць у жаночых пахаваннях старажытных славян. Вось чаму археолагі абгрунтавана настойваюць на тым, што гэта было «тыпова жаночае» ўпрыгажэнне. У некаторых народаў грыўні насілі ў асноўным мужчыны, у іншых – пераважна жанчыны, але вучоныя сцвярджаюць, што заўсёды, у тым ліку і ў славян, гэта была адзнака пэўнага становішча ў грамадстве.

Найбольшага пашырэння на Беларусі шыйныя грыўні дасягнулі ў X–XII стст., а ў XIII–XIV стст. паступова зніклі. Звычайна майстры рабілі іх з бронзы, білону, серабра. Старажытныя славяне насілі розныя віды грыўняў, якія адрозніваліся спосабам вырабу і злучэння канцоў. У археалагічнай літаратуры згадваюцца самыя разнастайныя грыўні, сярод іх вылучаюцца пласцінчатая (арнаментаваныя касымі крыжыкамі,

ромбамі, трохвугольнікамі з насечак і елачак, часта з прымацаванымі трапецыяпадобнымі прывескамі ці бразготкамі), драцяныя і вітыя вырабы балцкага тыпу.

Значную групу шыйных грыўняў складаюць драцяныя вырабы. Гэта ўпрыгажэнні з пластычнай асновай з дроту. У сячэнні грыўні могуць утвараць кола, трохкутнік ці шматграннік. Каб такія вырабы было зручна насіць, сегмент шыйнай грыўні, які непасрэдна датыкаўся да шыі, майстры рабілі кругладрацяным. Сустракаюцца як простыя, так і больш складаныя формы ўпрыгажэнняў – кручаныя, вітыя, выкананыя з ужываннем дадатковага перавітця, часам рознага дыяметра. Паверхня шыйных грыўняў была гранёнай і аздаблялася геаметрычным чаканым арнамантам. Канцы грыўняў маглі быць завершаны невялікімі галоўкамі шарападобнай формы, шматграннымі ромбападобнымі галоўкамі ці элементамі з выкарыстаннем зааморфных матываў. Найбольш ранні тып грыўняў з дроту рабічнага сячэння з заходзячымі і аздобленымі шматграннікам канцамі вядомы з Фінляндыі і датуецца VIII–X стст. Менавіта Фінляндцыя лічыцца іх радзімай [5].

У мастацкіх адносінах цікавасць уяўляюць унікальныя творы, якія ствараліся, відаць, на заказ у адзінкавым экзэмпляры. Так, знойдзеная сярод каштоўных рэчаў скарбу ў ваколіцах в. Добрына Ліёнскага раёна сярэбраная драцяная грыўня з'яўляецца выдатным творам мастацкай апрацоўкі металу. Гэтае спіральна скручанае ўпрыгажэнне IX ст. у выглядзе васьміграннага дроту арнамантавана чатырохплялёсткавымі рэзеткамі з рэльефнымі кропкамі ў цэнтры. Завершанае структурнай асновы дэкору твора надаюць кубікападобныя галоўкі з усечанымі верхнімі вугламі на абодвух канцах дроту.

Мастацкае вырашэнне формы і дэкору вышэй разгляджанага ўпрыгажэння дае магчымасць убачыць прыкметы стылізаванага матыва змяі на канцах грыўні. Традыцыя вырабу і напісання металічных упрыгажэнняў з зааморфнымі канцамі мела месца ў ювелірнай справе Сярэднявечча ў выніку культурных стасункаў з краінамі Балтыйскага рэгіёна і Паўночнай Еўропы. Гэты феномен можна растлумачыць як устойлівасцю традыцый у ювелірнай справе, так і семантычнай нагруквай вобраза змяі ў светаўспрыманні і фальклоры шматлікіх народаў, якая прыводзіць да самастойнага з'яўлення падобных упрыгажэнняў. Папулярнасць вобраза змяі ў дэкоры ўпрыгажэнняў звязана з яе заступніцкай сімволікай. Сама форма ўпрыгажэння нагадвае скручанае змяінае цела. Лаканічны геаметрычны арнамент адводзіць даследчыка ад падобнага меркавання, тым не менш невяў-

ленчыя матывы маглі выкарыстоўвацца для незвычайнага мастацкага кантэксту.

Шматлікія знойдзеныя на Беларусі ўзоры па паходжанні з'яўляюцца балцкімі ўпрыгажэннямі. Іх нязначная колькасць ва ўсходнеславянскіх пахаваннях тлумачыцца, тым, што грыўні з'яўляліся ўпрыгажэннямі знаці або замознага вясковага насельніцтва [6, с. 22; 8].

На землях крывічоў знаходкі шыйных грыўняў нешматлікія. Вырабы з пашыранымі пласцінчатымі канцамі часта аздаблялі трапецыяпадобнымі прывескамі ці бразготкамі (в. Богіна Браслаўскага раёна, в. Стары Пагост Мёрскага раёна, Барысаўшчына і інш.) [6, с. 22]. З IX ст. распаўсюдзіліся вітыя шыйныя грыўні. Сустракаюцца таксама кругладрацяныя вырабы і грыўні балцкіх тыпаў.

Пласцінчатая грыўні атрымалі шырокае распаўсюджванне на тэрыторыі радзімачаў і ў археалагічнай літаратуры часта згадваюцца як «радзіміцкія» [3, с. 130]. Вырабы адрозніваюць радзімічанак ад жанчын іншых усходнеславянскіх плямён. Грыўні мелі розную форму – пласцінчатую або ромбападобную ў сячэнні. Засцежкі вітых грыўняў і аздабленне іх канцоў таксама былі розныя. Канцы ювелірных вырабаў былі петлепадобнымі, чатырохграннымі, конусападобнымі, завужанымі, пласцінчатымі. У XI–XII стст. у радзімачаў з'яўляюцца пласцінчатая вырабы, аналагічныя фінскім, якія ў сячэнні маюць форму трохкутніка [7]. У той жа час у Прыбалтыцы бытуюць пласцінчатая грыўні, якія адрозніваюцца ад фінскіх і радзіміцкіх адсутнасцю на канцах шматграннікаў, канцы прыбалтыйскіх упрыгажэнняў завостраны. Як відаць, славянскія шыйныя грыўні адрозніваюцца характарам аздаблення.

Вітыя грыўні з заходзячымі канцамі, аздобленыя шматграннікам ці рэзеткай, вядомыя ў асноўным на тэрыторыі радзімачаў і ў адзінкавых экзэмплярах – у Разанскай, Пскоўскай, Калінінскай абласцях і ў тагачасных помніках Прыкам'я [5, с. 130].

На Русі асноўная колькасць вітых грыўняў выраблялася з бронзавага ці меднага дроту круглага, радзей чатырохграннага сячэння. Часам для гэтай мэты выкарыстоўваўся дрот з білону. Колькасць дратоў, з якіх звіты гэтыя грыўні, значна вар'іруецца. Ёсць упрыгажэнні, якія ўяўляюць сабой простыя жгуты, звіты з двух-трох дратоў, і грыўні са складанага кручанага з некалькіх падвоеных дратоў жгута. Разам з тым ёсць шыйныя грыўні з простага ці складанага жгута, дадаткова перавітыя сканай ніццю.

Вядомыя шыйныя грыўні і ў рэчавых скарбах. Сярод іх трапляюцца вырабы па форме балцкія і падобныя да грыўняў кіеўскай знаці. Каштоўныя экзэмпляры ювелірных упрыгажэнняў

знойдзены ў Казярожскіх рэчавых скарбах, дзве – у Полацкім скарбе, ёсць згадкі пра знаходку залатога шыйнага калье на тэрыторыі былой Віцебскай губерні [8, с. 263–266; 9]. Сярэбраная плеченая шыйная грыўня знойдзена ў Полацкім скарбе, сярэбраная з масіўнымі заканчэннямі – у Парэцкім грашова-рэчавым скарбе, пяць сярэбраных шыйных грыўняў – у скарбе каля в. Мілкавічы, дзве сярэбраныя – у скарбе каля в. Афераўшчына і г. д. [9].

Высокімі мастацкімі асаблівасцямі вызначаюцца сярэбраныя шыйныя грыўні. Такія якасці серабра, як вялікая коўкасць, цягучасць, плаўкасць, дастатковая цвёрдасць, ва ўсе часы прыцягвалі майстроў розных краін. На тэрыторыі радзімічаў знойдзены цікавыя па-мастацку аздобленыя вырабы. Сярод іх можна адзначыць двухскатнапласцінчатыя з разеткавымі канцамі і шматграннікамі на канцах, вітыя, кручаныя.

Унікальныя для тэрыторыі Беларусі скарб, у які ўваходзілі 7 шыйных сярэбраных грыўняў XI–XII стст., вырабленых у тэхніцы складанага жгута, знойдзены каля пасёлка Козі Рог Буда-Кашалёўскага раёна [9, с. 83]. Гэтыя чудоўныя экзэмпляры вітыя з пласцінчатымі петлепадобнымі канцамі сярэбраных грыўняў захоўваюцца ў Гомельскім палаца-паркавым ансамблі. Упрыгажэнні дадаткова аздоблены сканай ніццю з двух тонкіх перавітых дроцікаў. Кожная грыўня мае некаторыя адрозненні, якія датычаць таўшчыні дратоў і жгутоў, шчыльнасці віцця, арнаментацыі канцоў вырабаў. Гэтыя ювелірныя ўпрыгажэнні сведчаць пра гандлёвыя сувязі радзімічаў з суседнімі землямі Кіеўскай Русі. Падобныя шыйныя грыўні ніколі не сустракаліся на зямлі гэтага племені, што дало магчымасць даследчыкам выказаць меркаванне пра іх выраб у адной з гарадскіх майстэрняў не на тэрыторыі радзімічаў [8, с. 266]. Па характары аздаблення, складу і колькасці вырабаў упрыгажэнні з Козяга Рогу ўнікальныя для тэрыторыі Беларусі і з’яўляюцца аднымі з лепшых твораў старажытнаарускага ювелірнага мастацтва. Вырабы яшчэ раз дэманструюць тонкі мастацкі густ майстроў, высокі ўзровень развіцця тагачаснага рамяства.

Заклучэнне. Як відаць, у IX–XI стст. дадзеная катэгорыя ўпрыгажэнняў была як прадметам імпарту, так і вынікам мясцовай вытворчасці, а прыкладна ў XII – пачатку XIII ст. большая частка вырабаў – гэта грыўні работы мясцовых гарадскіх ювеліраў. Шыйныя грыўні спалучалі

эстэтычныя, сацыяльныя функцыі. Асобна трэба адзначыць засцерагаючую функцыю, прычым такую ролю меў не толькі арнамент, але і сама форма ювелірных вырабаў. Абсалютнай формай у кампазіцыі з’яўляўся круг – геаметрычная фігура, якая сімвалізуе сонца і звязана з функцыяй нараджэння. У кампазіцыі шыйных грыўняў круг падаецца рознымі мадыфікацыямі. Пераважная большасць твораў вызначаецца лакальнай стылістыкай, выдатным адчуваннем матэрыялу, дакладнымі прапорцыямі.

Літаратура

1. Словарь украшений / под ред. О. Я. Гойхмана. – М.: МАКС-Пресс, 2003. – С. 22.
2. Рыбаков, Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1987. – 782 с.
3. Соловьева, Г. Ф. О роли балтского субстрата в истории славянских племен Верхнего Поднепровья / Г. Ф. Соловьева // Совет. археология. – 1971. – № 2. – С. 124–132.
4. Кондаков, Н. П. Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI века / Н. П. Кондаков. – СПб.: Изд-во Императ. акад. наук, 1906. – 123 с.
5. Стерлигова, И. А. Памятники серебряного и золотого дела в Новгороде XI–XII вв. / И. А. Стерлигова // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: художественный металл XI–XV вв. / Рос. акад. наук, Гос. ин-т искусствознания М-ва культуры Рос. Федерации; ред.-сост. И. А. Стерлигова. – М., 1996. – С. 26–68.
6. Дучыц, Л. У. Касцюм жыхароў Беларусі X–XIII стст.: паводле археалаг. звестак / Л. У. Дучыц; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус. навука, 2001. – 80 с.
7. Фехнер, М. В. Шейные гривны / М. В. Фехнер // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / под ред. Б. А. Рыбакова. – М., 1967. – С. 55–88.
8. Литвинов, В. А. Клады древнерусских шейных гривен из Белоруссии / В. А. Литвинов, О. А. Макушников, А. И. Дробушевский // Совет. археология. – 1987. – № 1. – С. 263–266.
9. Археология Беларусі: у 4 т. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі; [наук. рэд. П. Ф. Лысенка]. – Мінск: Беларус. навука, 1997–2001. – Т. 3: Сярэдневяковы перыяд (IX–XIII стст.) / Я. Г. Звяруга [і інш.]; рэдкал.: В. С. Вяргей [і інш.]. – 2000. – 554 с.

Паступіў 20.03.2013

УДК 94(476)«14»

А. У. Казакоў, кандыдат гістарычных навук, асістэнт (БДТУ)

МАСКОЎСКІЯ ЭМІГРАНТЫ Ў ВЯЛІКІМ КНЯСТВЕ ЛІТОЎСКІМ У ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XV СТ. ПА МАТЭРЫЯЛАХ МЕТРЫКІ

Прадстаўлены артыкул мае на мэце прадэманстраваць патэнцыял такой крыніцы, як Метрыка Вялікага Княства Літоўскага, у вывучэнні праблемы эміграцыі з Маскоўскай дзяржавы і іншых рэгіёнаў «нелітоўскай» Русі ў Вялікае Княства Літоўскае ў другой палове XV ст. Аўтар адзначае, што выпадкі пераходу маскоўскай арыстакратыі на службу да вялікіх літоўскіх князёў добра вядомыя з наратыўных крыніц, даўно ўведзеных у навуковы ўжытак. Аднак уважлівае вывучэнне матэрыялаў Метрыкі дазваляе сцвярджаць, што ў другой палове XV ст. у Вялікае Княства Літоўскае перасяляліся і нязнатныя служылыя людзі. Прычым яны рабілі гэта самастойна, а не ў якасці слуг князёў-эмігрантаў. Цяжкасць вывучэння праблемы заключаецца ў тым, што звесткі пра маскоўскіх выхадцаў не сістэматызаваныя і сустракаюцца спарадычна ў Метрыцы, матэрыялы якой за другую палову XV ст. нешматлікія і часта даволі сціслыя.

The article's aim is to demonstrate how such a source as Metrika of the Grand Duchy of Lithuania can be used for the study of the problem of emigration from Moscow principality and other lands of Rus' to the Grand Duchy of Lithuania in the second half of the XVth century. The author notes that facts of aristocracy's transfer from the muscovite to the lithuanian grand dukes' service are well known from narrative sources, which were put into use long time ago. However, accurate study of the documents from Metrika lets to assume that the second half of the XVth century witnessed movement to the Grand Duchy of Lithuania of minor nobility as well. It's important, that they did it independently from the aristocracy (princes and major bojars). The main difficulty in the study of the problem under discussion is that documentary evidence about muscovite immigrants are not systematized and scattered through the Metrika, and the documents themselves are often very brief.

Уводзіны. Праблема міграцыі на абсягах Усходняй Еўропы ў эпоху позняга Сярэднявечча і ранняга Новага часу ўсё больш займае сучасных даследчыкаў. Найбольш плённа гэту праблему распрацоўвае расійскі гісторык К. Ю. Ерусалімска, які вывучае эміграцыю з Маскоўскага царства ў Вялікае Княства Літоўскае і Польшчу (Рэч Паспалітую) у другой палове XVI – пачатку XVII ст. Вялікай вартасцю яго даследаванняў з'яўляецца тая ўвага, якая надаецца не толькі найбольш вядомым эмігрантам кшталту князя А. М. Курбскага, але і вялікай колькасці нязнатных служылых людзей, якія складалі асноўную масу перасяленцаў. Доктарская дысертацыя К. Ю. Ерусалімскага ўтрымлівае пайменны спіс эмігрантаў за акрэслены перыяд, дадзеныя пра якіх былі сабраныя па разнастайных крыніцах. На сённяшні дзень гэта самая грунтоўная праца па праблеме [1].

Эміграцыя з зямель нелітоўскай Русі ў Вялікае Княства Літоўскае не была з'явай выключна часу існавання цэнтралізаванай рускай дзяржавы, а назіралася і раней. Аднак сістэматычнае вывучэнне эміграцыі з рускіх княстваў у Вялікае Княства Літоўскае ў перыяд яго пастаяннага пашырэння, калі насельніцтва рускіх зямель пераходзіла пад уладу літоўскіх гаспадароў, не перамяшчаючыся фізічна, уяўляецца малапрадуктыўным. Адносную ўстойлівасць усходняга мяжа Вялікага Княства Літоўскага набывае прыблізна з сярэдзіны XV ст. і захоўвае

яе да канца гэтага стагоддзя. Дамова 1449 г. вялікага князя маскоўскага Васіля II з вялікім князем літоўскім і каралём польскім Казімірам фактычна засведчыла адмову апошняга ад колішніх прэтэнзій яго папярэднікаў на ўладу ва ўсёй Русі. З канца XV ст. Масква, перахапіўшы ў Вільні ініцыятыву ў барацьбе за збіранне рускіх зямель, пачынае адсоўваць мяжу на захад.

Асноўная частка. Менавіта ў сярэдзіне – канцы XV ст. персанальны склад эміграцыі ў Вялікім Княстве Літоўскім абагачаецца імёнамі прадстаўнікоў эліты Русі. Пад увагай даследчыкаў сацыяльна-палітычных працэсаў, што праходзілі ва Усходняй Еўропе ў перыяд актыўнага тэрытарыяльнага пашырэння Вялікага Княства Маскоўскага, знаходзіліся выпадкі эміграцыі князёў Пронскіх, Івана Дзмітрыевіча Шамячыча, Івана Андрэевіча Мажайскага, Івана Васільевіча (сына Васіля Яраславіча, князя Бораўскага і Серпухаўскога), Васіля Міхайлавіча Вярэйскага і, нарэшце, вялікага князя цвярскага Міхаіла Барысавіча. Многія гісторыкі не спыняліся на канстатацыі факта ад'езду гэтых асоб у Вялікае Княства Літоўскае, але таксама рабілі ўнёсак у вывучэнне іх лёсу і лёсу іх нашчадкаў у эміграцыі (Ю. Вольф, Л. Каланкоўскі, А. А. Зімін, А. Л. Харашкевіч, Б. Н. Флора, М. М. Кром і інш.).

Безумоўна, князі, якія знайшлі прытулак у Вялікім Княстве Літоўскім, прыбывалі туды ў суправаджэнні свайго двара. Яго памеры маглі

залежаць не толькі ад статусу канкрэтнай асобы, але і ад абставін ад'езду. Калі ў 1485 г. апошні цвярскі князь Міхаіл Барысавіч наўрад ці мог збегчы з абложанай маскоўскім войскам Цверы з вялікай світай, то Іван Андрэвіч Мажайскі, які назаўсёды пакінуў свой удзел у 1454 г., меў магчымасць падрыхтавацца да ад'езду. Вядома, што ён «побеже к Литве и з женою и з детми», ратуючыся ад расправы з боку Васіля II [2, с. 213]. Разам з ім выехалі яго баяры Мікіта Канстанцінавіч і Сямён Пятровіч Дабрынскія, а таксама Іван Фёдаравіч Судок Манастыраў [3, с. 308, 312, 527; 4, с. 134]. Раней, у 1446 г., «со княгинею, и с детми, и со всеми людми» накіраваўся ў Вялікае Княства Літоўскае князь Васіль Яраславіч Бораўскі [5, с. 153]. За сваім гаспадаром Васілём Міхайлавічам Вярэйскім, які ад'ехаў у 1483 г., рушыў услед баярын Міхаіл Дзмітрыевіч Шарап [4, с. 159]. У 1492 г. лёс сваіх родзічаў Дабрынскіх падзяліў Юрый Елізаравіч Гусеў [4, с. 130].

Такім чынам, у другой палове XV ст. у сувязі з наступам маскоўскіх князёў на ўдзелы у Вялікае Княства Літоўскае перасяляліся прадстаўнікі ўдзельнай княжацкай эліты, а таксама звязанай з імі баярскай арыстакратыі, што было даўно вядома галоўным чынам з летапісаў і радаводных запісаў. Аднак персанальны спіс эмігрантаў на гэтым не вычэрпваецца. Пераканацца ў гэтым можна, калі пайсці ў вывучэнні пытанні ў адваротным накірунку, не глядзячы ўслед эмігрантам з Масквы і іншых цэнтраў рускага летапісання, а спрабуючы знайсці іх у Вялікім Княстве Літоўскім. Тут вялікую ролю адыгрываюць матэрыялы Метрыкі – комплекса крыніц, які з'яўляецца зборам копіяў актаў, што праходзілі праз вялікакняжацкую канцылярыю. Больш-менш сістэматычна копіі дакументаў пачалі рабіцца і захоўвацца ў канцылярыі прыблізна з сярэдзіны XV ст. Важнасць Метрыкі для вывучэння гісторыі не толькі Беларусі, Літвы і Украіны, але і Расіі цяжка пераацаніць. Дастаткова будзе сказаць, напрыклад, што самым рэпрэзентатыўным спісам маскоўскіх дзяцей баярскіх першай трэці XVI ст. з'яўляецца не што іншае, як рэестры маскоўскіх палонных, складзеныя пры віленскім двары [6, с. 149].

Выявіць эмігрантаў сярод мясцовых абыяцеляў, якія згадваюцца на старонках Метрыкі, дазваляюць удакладненні пра паходжанне той ці іншай асобы. Напрыклад, селішча Міхіева атрымаў у вотчыну ад вялікага князя Казіміра нехта Булгак з Калугі [7, с. 42]. Сямён Галараў, «москвитин», быў надзелены правам спаганяць мыта [7, с. 35]. Нейкаму Якаву, таксама масквіціну, дасталося два сёлы, адно з іх – Бародзічы пад Магілёвам [7, с. 30, 38]. Знаходзім і зусім

сціслае паведамленне пра нейкага цверыча, верагодна па імені Ходар, пасля смерці якога «селцо» Лаўроўскае перайшло ва ўласнасць да яго жонкі, а пасля яе смерці дасталося пісару Мікіце [7, с. 38].

Запісы ў трэцяй кнізе Метрыкі, якія ўтрымліваюць прыведзеную вышэй інфармацыю, не маюць дакладнай датыроўкі і з'яўляюцца вельмі сціслымі, што характэрна для матэрыялаў гэтай кнігі ў цэлым. Змест запісаў таксама не дапамагае іх датаваць, бо гаворка ідзе пра невядомых асоб. За часам пераемніка Казіміра Аляксандра згадваецца яшчэ адзін масквіцін – Угрым, які трымаў дзве цяглі ў Беліцкай воласці Смаленскага павета [8, с. 184]. У 1498 г. вялікі князь кажа пра яго ўладальніцкія правы ў мінулым часе.

Трэба адзначыць, што рэпрэзентатыўнасць метрычнага матэрыяла за другую палову XV ст. даволі нізкая ў параўнанні з пачаткам XVI ст. На жаль, у адрозненне ад палонных масквічоў, прышлыя ні ў якія рэестры не ўносіліся. Згадка пра іх раскіданыя па дакументальных крыніцах. Простая згадка паходжання той ці іншай асобы прысутнічае далёка не заўсёды. У гэтым выпадку нам могуць дапамагчы звесткі рэтраспектыўнага характару. Звернемся да аднаго з такіх прыкладаў.

У 1536 г. гаспадарскія сакольнікі з Навагародка Шчарбовічы, Панфілавічы і Пантусовічы звярнуліся да вялікага князя Жыгімонта Старога з просьбай пацвердзіць іх прыналежнасць да шляхецкага саслоўя. Пры гэтым было адзначана, што іх продкі прыехалі ў Вялікае Княства Літоўскае за часам Казіміра і яшчэ яму служылі ў якасці сакольнікаў: «они за отца нашего (Жыгімонта – А. К.)... до того то панства Великого Князства прыехали и... к той службе (сакольнічай – А. К.) прыступили» [9, арк. 106 адв. – 108]. У дакуменце няма інфармацыі пра тое, адкуль менавіта выехалі гэтыя асобы, але іх імёны дазваляюць меркаваць, што іх радзіма знаходзілася ў межах Русі.

Пацвярджэнне інфармацыі пра тое, што продкі навагародскіх сакольнікаў імігравалі за часам Казіміра, знаходзім у чацвертай кнізе Метрыкі. Там пад 1488 г. утрымліваецца згадка пра сакольніка Васюка Пантусава з двума сынамі (нейкі Пантусаў без пазначэння імя згадваецца і ў 1489 г.), пра Івана Панфілава з трыма сынамі, а таксама пра Шчарбовага брата Заня, Шчарбовага сына Мішку і яшчэ двух Шчарбовічаў [10, с. 69]. Замена -ов, -ев на -ович, -евич у патронімах перасяленцаў з усходу была вельмі распаўсюджанай з'явай [11].

Наяўнасць у нашым распараджэнні акта 1536 г. дазваляе меркаваць, што за часам Казіміра ў Вялікае Княства Літоўскае выехалі некалькі сем'яў (магчыма, звязаныя роднасцю),

якім удалося захаваць карпаратыўнае адзінства, а таксама пранесці памяць пра сваё паходжанне праз некалькі пакаленняў. Таксама можна сцвярджаць, што яны належалі да шляхецкага саслоўя. Аднак самы факт, што ўзнікла сумненне ў іх прыналежнасці да наблітэту, таксама красамоўны. Відавочна, што Шчарбовічы, Пантусовічы і Панфілавічы паходзілі з самай ніжняй страты шляхецкага саслоўя. Варта адзначыць, што перад намі даволі рэдкі выпадак, калі мы можам прасачыць гісторыю аднаго дробнага рода на працягу некалькіх пакаленняў.

Прывядзем яшчэ два пыклады выкарыстання рэтраспектыўных дадзеных. У 1511 г. смаленскія баяры Лявон і Сцяпан, сыны Грыдзі Паўшына, прасілі Жыгімонта Старога пацвердзіць іх правы на маёнткі, каторыя яшчэ за Казімірам атрымаў іх дзед масквіцін Аляксей [12, с. 159–160].

У 1547 г. кіеўскі гараднічы Іван Служка, просячы ў вялікага князя пацвярдзальны прывілей на Новае Сяло, распавёў гісторыю набыцця гэтага маёнтка ягоным бацькам. З аповеду гараднічага вынікае, што Новае Сяло было дадзена Казімірам сыну баярскаму з Вялікага Ноўгарада Рыгору Кашуркіну. Удакладненне пра тое, што Кашуркін прыехаў «из земли московское», дазваляе нам аднесці яго эміграцыю да часу пасля страты Ноўгарадам незалежнасці, г. зн. пасля 1478 г. [13, арк. 192–193]. У адпаведным акце Кашуркін таксама называецца «Григорей новгородец». Звярнуўшыся да 4 кнігі Метрыкі, пад 1486 і 1488 гг. знаходзім дзве згадкі пра Рыгора наўгародца [10, с. 51, 60]. Тое, што гэтак мог быць названы і жыхар Вялікага Ноўгарада, і беларускага Навагародка, не дазваляе нам з упуўненасцю сцвярджаць пра тоеснасць гэтых дзвюх асоб.

Заклучэнне. Як відаць, эміграцыя з рускіх зямель у Вялікае Княства Літоўскае ў другой палове XV ст. зусім не абмяжоўвалася ад'ездамі княжацкай эліты і яе атачэння. Відавочна, што пад уладу літоўскіх гаспадароў пераходзілі людзі і з ніжэйшага пласта феадальнага саслоўя, што ўдаецца высветліць дзякуючы стараннаму пошуку адпаведнай інфармацыі сярод матэрыялаў Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага. Дакументальныя крыніцы за гэты перыяд не даюць нам шмат імёнаў, што абумоўлена перш за ўсё іх невысокай рэпрэзентатыўнасцю ў параўнанні з другой паловай наступнага стагоддзя, якая дае прыкладна паўтары сотні пайменна вядомых эмігрантаў з Маскоўскай дзяржавы. Толькі вывучэнне і супастаўленне звестак (у тым ліку рэтраспектыўных) з самага шырокага кола крыніц, створаных па абодва бакі літоўска-маскоўскай мяжы, дазволіць выявіць максімальную колькасць эмігрантаў і наблізіць нас да ўяўлення маштабаў эміграцыі.

Літаратура

1. Ерусалимский, К. Ю. Московиты в Польско-Литовском государстве второй половины XVI – начала XVII в.: дис. ... д-ра ист. наук: 24.00.01 / К. Ю. Ерусалимский. – М., 2011. – 1057 л.
2. Полное собрание русских летописей: в 43 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 26: Вологодско-Пермская летопись / отв. ред. акад. М. Н. Тихомиров. – 413 с.
3. Веселовский, С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев / С. Б. Веселовский. – М.: Наука, 1969. – 853 с.
4. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих: [в 2 ч.]. – М.: Унив. тип., 1787. – Ч. 2. – [2], 453 с.
5. Полное собрание русских летописей: в 43 т. – СПб.: Археогр. комис., 1910. – Т. 23: Ермолинская летопись. – VI, V, 239 с.
6. Антонов, А. В. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века / А. В. Антонов, М. М. Кром // Арх. рус. истории. – 2002. – Вып. 7. – С. 149–196.
7. Lithuanian Metrica = Литовская Метрика = Lietuvos Metrica: Кн. 3 (1440–1498) / parengė L. Anužytė, A. Baliulis. – Vilnius: Žara, 1998. – 165 p.
8. Lithuanian Metrica = Литовская Метрика = Lietuvos Metrica: Кн. 6 (1494–1506) / parengė A. Baliulis. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2007. – 516 p.
9. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Фонд КМФ-18. – Воп. 1. – Спр. 7. «Книга справ поселских, так теж данин и иных листов поточных за панования короля его милости Жикгамонта Старога» 1444–1549 гг.
10. Lithuanian Metrica = Литовская Метрика = Lietuvos Metrica: Кн. 4 (1479–1491) / Parengė L. Anužytė. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų l-kla, 2004. – 286 p.
11. Казаков, А. В. Имена русских эмигрантов на фоне антропонимии Великого княжества Литовского (конец XV – первая половина XVI вв.) / А. В. Казаков // Верхнее Подонье: Археология. История: сб. науч. ст. / под ред. А. Н. Наумова. – Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2009. – Вып. 4. – С. 236–239.
12. Lithuanian Metrica = Литовская Метрика = Lietuvos Metrica: Кн. 9 (1511–1518) / parengė K. Pietkiewicz. – Vilnius: Žara, 2002. – 615 p.
13. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Фонд КМФ-18. – Воп. 1. – Спр. 31. Привилья, данины, листы, потверженья. «Метрика Яна Глебовича, воеводы виленского, канцлера ВКЛ, в котором привилья, листы, Данины и потверженья короля и великого князя Жыкгимонта Августа вписаны. Справовано и писано через писара его милости Остафья Богдановича Воловича, лето 1546, мца ноября 7 дня, инд. 5». Перапісана. 1546–1549 гг.

Пастыніў 20.03.2013

УДК 947.2:323.311

А. А. Дамарад, кандыдат гістарычных навук, старшы выкладчык (БДТУ)**АРЫСТАКРАТЫЯ БЕЛАРУСІ Ў ГЕНЕАЛАГІЧНЫХ ПРАЦЭСАХ
РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ ХІХ СТАГОДДЗЯ**

У артыкуле разглядаюцца асноўныя аспекты ўплыву арыстакратыі беларускіх зямель на генеалагічныя працэсы ў Расійскай імперыі з ХІХ ст. Раскрываецца яе роля і ўспрыманне ўладамі, а таксама яе вобраз у асяроддзі расійскага дваранства. Удзел арыстакратыі паказваецца на прыкладах найбольш вядомых дваранскіх сямей і іх прадстаўнікоў, акцэнтуюцца ўвага на набліжанасці да імператарскага двара. Па выніках артыкула зроблена выснова аб значнай ролі беларускай арыстакратыі ў названых працэсах.

In article the main aspects of influence of the aristocracy of the Belarusian lands on genealogical processes in the Russian Empire in the XIXth century are considered. Its role and perception the authorities of representatives of the Belarusian nobility, and also her image in the environment of the Russian nobility is shown. Participation of the aristocracy is shown on examples of the most known noble families and their representatives, the attention is focused on their proximity to an imperial yard. Following the results of article the conclusion is drawn on a significant role of the Belarusian aristocracy in the specified processes.

Уводзіны. Генеалогія прадугледжвае збор і сістэматызацыю звестак аб паходжанні, пераемстве і радстве сямей і фамілій. У такім кантэксце важнай падаецца роля беларускага дваранства ў генеалагічных працэсах Расійскай імперыі ХІХ ст. У чалавека, далёкага ад гісторыі, можа ўзнікнуць пытанне, паколькі гэтая роля была значнай, бо, сапраўды, параўнальна невялікая тэрыторыя з яе насельніцтвам не можа значна змяніць дэмаграфічную сітуацыю.

Асноўная частка. У вялікай еўразійскай краіне прадстаўнікі новадалучаных заходніх земляў разглядаліся як б'ольшыя «еўрапейцы», чым самі рускія. Для родаў, якія валодалі тытулам князя Свяшчэннай Рымскай імперыі, легітымізаваць яго ў Расіі можна было ці не аўтаматычна, паколькі ён карыстаўся вялікім аўтарытэтам і значэннем ў Еўропе. Характарызуючы адносіны царскай адміністрацыі да шляхты беларускіх зямель, В. В. Швед справядліва адзначаў, што «палітыка ўсіх цароў ад Кацярыны II да Аляксандра I была прадваранскай падобна палітыцы імператараў Аўстрыі ці каралёў Прусіі. Дзяржаўныя апараты трох захопнікаў зусім не зачыняліся перад добра народжанымі новымі падданымі. Феадальным паняццям, якім пакланяліся не толькі Расія, але і таксама Аўстрыя і Прусія, быў характэрны свойскі касмапалітызм, заснаваны на тым, што рыцарскі стан, як і манархі ўсіх краін, адчуваюць сябе пэўным сатаварыствам» [1, с. 103].

Князь Антоній Генрык Радзівіл у 1816 г. стаў намеснікам Вялікага княства Пазнанскага і нават парадніўся з прускім каралеўскім домам, ажаніўшыся з дачкой Фердынанда Людвіке, княгіне Прускай, маркграфіне Брандэнбургскай. Князь Фрэдэрык Вільгельм Радзівіл адзначаўся на вайскавай службе ў каралеўстве Прус-

кім. Ён камандаваў інжынернымі войскамі, меў званне генерала ад інфантэрыі. Увогуле, Радзівілы ўжо з ХVI ст. карысталіся тытулам князёў Свяшчэннай Рымскай імперыі (з 1518 г.), аднак ў 1541 г. гэтая лінія згасла. Другая галіна роду Радзівілаў атрымала гэты ж тытул «як князі на Олыцэ і Нясвіжы» ад імператара Фердынанда 10 снежня 1547 г. Радзівілы, якія прынялі прускае падданства, пацвердзілі княжацкую годнасць толькі ў 1859 і 1861 гг. Звязана гэта з тым, што, нягледзячы на шлюбны саюз з прускім каралеўскім домам, апошні расчараваўся ў Радзівілах і адварнуўся ад іх [2, с. 325]. Нават у Расійскай імперыі княжацкі тытул Радзівілы пацвердзілі раней – 5 красавіка 1845 г. Трэба заўважыць, што гэтакі парадак атрымання дыпламаў зусім не тыповы, паколькі большасць арыстакратычных родаў былой Рэчы Паспалітай у выпадку пацверджання імі сваіх тытулаў за па-за межамі Расійскай імперыі рабілі гэта раней, чым у ёй.

Дарэчы, і ў Расіі імператарскі дом таксама адварнуўся ад Радзівілаў, паколькі герой беларускай гісторыі князь Дамінік Радзівіл актыўна ўдзельнічаў у вайне на баку Напалеона Банапарта. Выключэннем стала Алена Радзівіл, жонка Міхала Гераніма Радзівіла, якая з фанатычнай прыхільнасцю ставілася да Аляксандра I, праўдападобна была ў яго закаханая. А. Радзівіл з варожаццю ставілася да французскіх войскаў, сынам пісала, што «цэлае іх бярэмя звалілася цяпер на нас, бо гэта для нас бітва, якую вядуць коштам нашым». Пасля стварэння Царства Польскага пісала: «Мы – палякі пад скіпетрам анёла-караля» [3, с. 392].

Прыкладам адпаведных і супрацьлеглых працэсаў у дачыненні да беларускай арыстакратыі можа служыць жыццё князя Льва Людвігавіча

(Гераніма Лявона Дамініка) Радзівіла, асабісты лёс якога адлюстроўвае, як змяняліся адносіны да шляхты беларускіх зямель у залежнасці ад асобы манарха. Год пачатку службы Гераніма Лявона (1825) супаў з узыходжаннем на расійскі трон Мікалая I. Пакуль гэты Радзівіл быў толькі юнкерам Гродзенскага лейб-гвардзейскага гусарскага палка, ягоны лёс з імператарскай асобай не перасякаўся. Падчас паўстання 1830–1831 гг. ён ваяваў на баку расійскіх войскаў, штурмаваў Варшаву. У чыне паручыка атрымаў ордэн Св. Уладзіміра 4-й ступені «за смеласць і мужнасць». Праз год стаў ужо проста флігель-ад'ютантам Мікалая Паўлавіча. Пры двары імператара Геранім Лявон Радзівіл пазнаёміўся са старэйшай за яго на два гады княжнай Сафіяй Урусавай, на якой ажаніўся ў лютым 1833 г. Здавалася, кар'ерны рост і прыхільнасць манарха Радзівілу былі забяспечаны, тым больш што дзякуючы сваёй блізкасці да двара ён здолеў ачысціць ад даўгоў бацькоўскія маёнкі. Аднак любіміца Мікалая I Сафія мела рэпутацыю ягонай каханкі. Да тае пары, пакуль яе законны муж гэта цяпеў, яго кар'ерны рост не спыняўся. У 1844 г. Г. Л. Радзівіл атрымаў званне палкоўніка, а калі пачалася Усходняя вайна, ён у званні генерал-маёра камандаваў рэзервовай уланскай дывізіяй у Крыме. Але калі пасля вайны Г. Л. Радзівіл у атмасферы скандалу развёўся з жонкай, яго кар'ера абарвалася. Ён пакінуў імператарскі двор і адгэтуль трымаўся ад яго далёка. У 1857 г. Аляксандр II прымусіў Г. Л. Радзівіла прадаць вялікаму князю Мікалаю свой буйны маёнтак недалёка ад Барысава. Жыў гэты Радзівіл у Варшаве, а з 1863 г. літаральна засыпаў Санкт-Пецярбург скаргамі, што яго маёнты абкладаюць кантрыбуцыяй, крыўдзяць яго, вернага падданага Расійскай імперыі. Канчаткова расчараваўшыся ў расійскім двары, у 70-х гг. XIX ст. перадаў усе свае ардынацыі і алаідальныя маёнты свайму стрыечнаму брату Антонію Радзівілу за пажыццёвую рэнту 40 тысяч рублёў у год, пакінуў Расійскую імперыю. Памёр Геранім Радзівіл у Парыжы, не пакінуўшы нашчадкаў.

Яшчэ адным прадстаўніком арыстакратыі, удзел якога ў генеалагічных працэсах набыў значны характар, быў Францішак Ксаверый-Станіслаў Любамірскі, адзін з найбагацейшых магнатаў Рэчы Паспалітай. Ён адзначаны на вайскавай службе, з 1777 г. – генерал рускіх войскаў, камандзір Тамбоўскага палка. Праўда, неабходна адзначыць, што са службай Ф. К. С. Любамірскага звязаны цікавы факт. Падчас ягонай службы было выдзена сакрэтнае прадпісанне «о командировании Ф.-К. Любомирского к дивизии или в иное место, но с исключением пребывания в столице, так как он много врет» [5,

с. 151]. Яго сыны Канстанцін і Яўгеній таксама служылі ў войску, прычым старэйшы – Канстанцін – стаў генерал-ад'ютантам імператара Аляксандра I.

Князь Ксаверый-Станіслаў Любамірскі пакінуў пасля сябе дзевяць дзяцей – 5 дачок і 4 сыноў – ад трох жонак. Жонкамі яго паслядоўна былі Антуанета Патоцкая, Тэафіла Ржэвуская, і, нарэшце, Марыя Львоўна Нарышкіна, якая знаходзілася ў сваяцтве з самой дынастыяй Раманавых [6, с. 29]. Шлюб з апошняй яскрава паказвае, якім чынам адбываўся працэс інтэграцыі магнатаў былой Рэчы Паспалітай у склад дваранства Расійскай імперыі. Парадніўшыся з домам Нарышкіных, Ксаверый Любамірскі ўвайшоў у кола вышэйшай расійскай арыстакратыі. Мусіць, менавіта дзякуючы гэтаму ягоны сын Канстанцін пазней увайшоў у свет манарха.

У выключных выпадках асабісты заслугі прадстаўнікоў пэўных беларускіх родаў перад расійскім ўладамі дазвалялі ім увайсці ў склад вышэйшай імперскай арыстакратыі. Так здарылася, у прыватнасці, з родам Святаполк-Мірскіх. Паходзіў гэты род з шараговай шляхты Браслаўскага павету, прычым ніхто з ягоных прадстаўнікоў не меў ні тытулаў, ні ганаровай прыстаўкі да прозвішча – гэта былі проста Мірскія. Аднак з XVII ст. яны пачынаюць прэтэндаваць на княжацкі тытул, звязваючы сябе з князямі Святаполк-Чацвярцінскімі [7, с. 204]. У Расійскай імперыі Тамаш Тэафіл Ян Святаполк-Мірскі карыстаўся пратэктцыяй М. М. Навасільцава, з дапамогай якога ў 1825 г. быў абраны паслом на сейм. Яшчэ раней, у 1821 г., Сенат Царства Польскага прызнаў за Тэафілам Мірскім і яго нашчадкамі княжацкі тытул. У Расіі зацвярджэнне ў княжачы годнасці роду Святаполк-Мірскіх адбылося 18 красавіка 1861 г., калі Імператар Аляксандр II «высочайшым указом» пацвердзіў тытул за Т. Т. Я. Святаполк-Мірскім і яго сынамі «без предьявления документов на сей титул, утраченных во время польской войны 1831 г.» [8, с. 2–3]. С. В. Думін і В. С. Пазднякоў сыходзяцца на думцы, што такое прызнанне адбылося дзякуючы набліжанасці сына Тамаша Тэафіла Яна Святаполк-Мірскага Дзмітрыя Іванавіча да манарха і ягоным заслугам у якасці вайскоўца. Пачаўшы вайсковую службу на Каўказе ў 1841 г., Д. І. Святаполк-Мірскі даслужыўся да генерала ад інфантэрыі, асабліва вызначыўшыся пры ўзяцці ў 1859 г. аула Гуніба і захопе ў палон Шаміля [6, с. 204]. Нельга абысці ўвагай і шлюб Дзмітрыя Іванавіча з Соф'яй Якаўлеўнай, князеўнай Арбеліані. Гэты факт сведчыць аб тым, што род Святаполк-Мірскіх прымаў у вышэйшых колах арыстакратыі Расійскай імперыі як роўны, дастойны княжацкага тытулу дом.

У адрозненні ад «псеўда-князёў», як называў Святаполк-Мірскіх Ю. Вольф, род князёў Святаполк-Чацвярцінскіх быў запісаны ў пятую частку радаводнай кнігі Гродзенскай губерні. Гэта тыя самыя князі, ад каго нібыта пайшлі Святаполк-Мірскія. Аднак, у адрозненні ад апошніх, Святаполк-Чацвярцінскія, па паведамленню С. Васільевіча, сапраўды паходзяць ад князя Аляксандра Юр'евіча Святаполка, які валодаў маёнткам Чацвярня. Ён быў з ліку славетых Рурыкавічаў. У 1843 г. шталмайстар Барыс Антонавіч Святаполк-Чацвярцінскі быў прызнаны разам з нашчадкамі ў княжацкай годнасці. Ягоная родная сястра была замужам за Д. Л. Нарышкіным, які займаў пры імператарскім двары пасады гофмаршала, камергера і обер-егермайстра. Гэты сваяк зноў зацверджаных князёў Святаполк-Чацвярцінскіх не дажыў да часу пацверджання іх тытула, але можна не сумнявацца, што Нарышкін паспрыў гэтаму пацверджанню.

Адной з асобаў, якія змагі адптавацца ў новых умовах, быў князь Ксаверый Францавіч Друцкі-Любецкі. Ён паходзіў са старажытнага княжацкага дому Рурыкавічаў. Ксаверый Друцкі-Любецкі ў 1812, 1815–1817, 1825–1834 гг. быў прадвадзіцелем дваранства Гродзенскай губерні, з 1824 г. – міністрам фінансаў Царства Польскага і нават членам Дзяржаўнага савета Расійскай імперыі (з 1833 г.). Ён у розныя гады быў віленскім і мінскім цывільным губернатарам, меў генеральскі «стацкі» чын тайнага саветніка. За адданую службу князь Друцкі-Любецкі стаў кавалерам ордэнаў Св. Аляксандра Неўскага, Св. Уладзіміра 1-й ступені, Св. Ганны 1-й ступені. Ён быў вядомы не толькі ў Расійскай імперыі, але і «славился во всей Европе», пацверджаннем чаму з'яўляюцца атрыманая ім прускі ордэн Чырвонага Арла і аўстрыйскі ордэн Леапольда 1-й ступені. Вызначыўся Ксаверый Друцкі-Любецкі і як член масонскай ложы. Цікава, але дабіцца канчатковага прызнання княжацкага тытула для сваёй сям'і ў Расіі ён так і не змог. Толькі праз пяць год пасля яго смерці ўказам ад 24 студзеня 1851 г. дазволена ў Расійскай імперыі карыстацца княжацкім тытулам сваякам князя Ксаверыя [8, с. 11].

Найбольш паказальнымі прыкладамі ролі дваранства Беларусі ў генеалагічных працэсах Расіі з'яўляюцца шлюб Стэфаніі, дачкі Дамініка Радзівіла, з Людвігам Леанам Вітгенштэйнам і шлюб князя Ксаверыя Любамірскага з Марыяй Львоўнай Нарышкінай. Калі першы з іх адбыўся з дазволу Аляксандра I і зрабіў Вітген-

штэйнаў адным з найбольш буйных землеўласнікаў у Беларусі, адначасова ператварыўшы Стэфанію Радзівіл у расійскую «барышню», то другі адкрыў прамы доступ князю Любамірскаму ў кола вышэйшай расійскай арыстакратыі. М. Л. Любамірская была дачкой камергера Льва Аляксандравіча Нарышкіна, а сярод яе сваякоў неабходна згадаць Наталлю Кірылаўну, другую жонку цара Аляксея Міхайлавіча, маці Пятра I. Відаць, таксама і дзякуючы гэтаму яе старэйшы сын ад Ксаверыя Любамірскага, Канстанцін, стаў генерал-ад'ютантам імператара Аляксандра I. Яшчэ адзін княжацкі дом з беларускіх зямель таксама парадніўся з сям'ёй Нарышкіных. Брат Марыі Львоўны Дзмітрый Львовіч быў жанаты на князёўне Марыі Антоўны Святаполк-Чацвярцінскай, якая была фаварыткай Аляксандра I [7, с. 34].

Заклучэнне. Такім чынам, арыстакратыя Беларусі займала важнае месца ў генеалагічных працэсах Расійскай імперыі, адыгрывала вядучую ролю ў еўрапезацыі дваранства. Менавіта генеалагічныя сувязі паміж беларускай і расійскай арыстакратыяй дазваляюць казаць пра іх сумесную інтэграцыю.

Літаратура

1. Швед, В. В. Паміж Польшчай і Расіяй: грамадска-палітычнае жыццё на землях Беларусі (1772—1863) / В. В. Швед. – Гродна: ГрДУ, 2001. – 415 с.
2. Тышковский, М. История Польши / М. Тышковский, Я. Кеневич, Е. Хольцер; пер. с пол. – М.: Весь мир, 2004. – 544 с.
3. Polski slownik biograficzny. Tom 28. – Warszawa–Krakow: PAN, 1973. – 370 с.
4. Екатерина П. Аннотированная библиография публикаций / сост. И. В. Бабач, М. В. Бабач, Т. А. Лаптева. – М.: Рос. полит. энцикл., 2004. – 928 с.
5. Долгорукий, П. В. Российская родословная книга: в 4 ч. / П. В. Долгорукий. – Ч. 3. – СПб., 1856. – 368 с.
6. Дворянские роды Российской империи: в 10 т. / авт.-сост. П. Гребенский [и др.]. – Т. 2. – СПб.: ИПК «Вести», 1993. – 262 с.
7. Dunin-Borkowski, J. Almanach blekitny. Genealogie zyjących rodów polskich / J. Dunin-Borkowski. – Lwow, 1908. – 767 s.
8. Васильевич, С. А. Титулованные роды Российской Империи / С. А. Васильевич. – СПб., 1910. – 498 с.

Пастыніў 15.03.2013

УДК 947.6 «XIX–XX»

П. С. Кручак, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (БДТУ)
**ПРАБЛЕМА ЛЮБЛІНСКАЙ УНІІ Ў ГІСТАРЫЯГРАФІІ
 ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XIX – ПАЧАТКУ XX СТ.**

Сёння вельмі актуальнай з’яўляецца праблема вытокаў дзяржаўнасці на беларускіх землях. Многія вучоныя разглядалі Вялікае Княства Літоўскае як найважнейшы этап на шляху стварэння суверэннай беларускай дзяржавы. Аднак у сярэдзіне XVI ст. у выніку заключэння Люблінскай уніі з Польшчай ВКЛ фактычна перастала існаваць як самастойная дзяржава. У дадзеным артыкуле разглядаецца пытанне аб тым, як трактавалася праблема Люблінскай уніі ў айчыннай гістарыяграфіі ў другой палове XIX – пачатку XX ст.

Today is a very urgent problem of the origins of statehood in Belarus. Many scholars have examined the Grand Duchy of Lithuania as an important step towards the creation of a sovereign Belarus. However, in the middle of the XVI century in the result of the Lyublinski union with Poland GDL ceased to exist as a state the independent. This article addresses the question of how to treat the problem of the Union of Lublin in the national historiography in the second half of the XIX – early XX century.

Уводзіны. Пытанне уній Вялікага Княства Літоўскага і Каралеўства Польскага і, у прыватнасці, месца і ролі Люблінскай уніі ва ўзаемаадносінах гэтых дзяржаваў, займала значнае месца ў гістарыяграфіі. Гэтай праблемай цікавіліся як польскія, так і расійскія гісторыкі. Пры гэтым погляды гісторыкаў на змест Люблінскага акта доўгі час зводзіліся да аднаго – гэта юрыдычнае і фактычнае аб’яднанне двух народаў у адзін і дзвюх дзяржаў у адзіную Рэч Паспалітую. Яшчэ храністы XVI ст. М. Стрыйкоўскі, М. Бельскі і Л. Горніцкі адназначна падкрэслівалі, што унія канчаткова злучала дзве дзяржавы ў адну. На такіх жа пазіцыях стаялі польскія даследчыкі XVII–XVIII стст., а разам з імі – заходнееўрапейскія і расійскія гісторыкі. Напрыклад, Т. Нарбут падкрэсліваў, што пасля Любліна самастойнасць Вялікага Княства Літоўскага перастала існаваць і з гэтага моманту пачынаецца выключна гісторыя польская [1, с. 219]. А вядомы расійскі гісторык М. Г. Устраляў у сваёй «Рускай гісторыі» называў Люблінскую унію горшым бедствам, чым мангола-татарскае нашэсце, бо дзякуючы ёй быў уведзены польскі стыль кіравання, «чуждая смесь анархii и деспотизма». На яго думку, Вялікае Княства Літоўскае пасля Люблінскай уніі наогул трапіла пад уладу «жыдоў і татараў» [2, с. 101]. Як бачна, пазіцыі польскіх і расійскіх гісторыкаў на Люблінскую ўнію ў асноўным супадалі.

Асноўная частка. Значнае месца праблема Люблінскай уніі займала ў гістарыяграфіі другой паловы XIX – пачатку XX ст. Трэба адзначыць, што ў гістарыяграфіі дадзенага перыяду выразна акрэслілася тры накірункі – афіцыйна-кансерватыўны, або ўрадавы, ліберальны і дэмакратычны. Першымі да вывучэння гэтага пытання звярнуліся прадстаўнікі ўрадавага лагера. Іх цікавасць да мінулага Беларусі асабліва ўзрасла пасля падаўлення паўстання 1863–1864 гг., калі

перад гісторыкамі была пастаўлена задача аргументавана даказаць, што беларусы ніколі раней не мелі сваёй уласнай дзяржаўнасці і што ўключэнне беларускіх зямель у склад Расійскай імперыі з’яўляецца актам гістарычнай справядлівасці.

Паказальнымі ў гэтым плане з’яўляюцца працы І. Бяляева, П. Бранцава і П. Баццюшкава. І. Бяляеў бачыў у каталіцкім Захадзе, і перш за ўсё ў Польшчы, галоўных праціўнікаў расійскай дзяржаўнасці. На яго думку, да Крэўскай уніі паўночна-заходняя Русь у саюзе з Літвой вяла барацьбу за абарону Усходняй Русі ад лацінства і анямечвання. Аднак унія палажыла пачатак паланізацыі беларускіх зямель і садзейнічала страце старадаўніх паралелей у гістарычным развіцці Полацка і Ноўгарада. Завяршыўся гэты працэс заключэннем акта Люблінскай уніі [3, с. 422].

Такія ж погляды былі выкладзены і ў працы П. Баццюшкава, якая была напісана па заказе Міністэрства ўнутраных спраў Расіі. Ужо ў прадмове аўтар заявіў, што галоўнай мэтай выдання з’яўляецца доказ «неоспоримых прав России на западные ее окраины». На яго думку, на першым этапе існавання Вялікага Княства Літоўскага ў гэтай дзяржаве панавалі руская народнасць, руская культура і руская мова. Такая сітуацыя працягвалася да канца XIV ст., калі ў выніку уній з Польшчай умацніўся польскі і каталіцкі ўплыў. Завяршыўся гэты працэс «насильственным слиянием Литовско-Русского государства с Польшей в 1569 г.». Галоўным вынікам Люблінскай уніі стаў унутраны разлад у Літоўска-Рускай дзяржаве і натуральнае імкненне часкі яе насельніцтва да збліжэння з праваслаўнай Расіяй [4, с. 4–5].

Вялікае месца праблема Люблінскай уніі займала ў працах аднаго з ідэолагаў «заходне-русизму» М. Каяловіча. У сваіх гістарычных

даследаваннях вучоны развіваў думку аб адзінстве інтарэсаў рускага народа, да якога ён адносіў таксама беларусаў і ўкраінцаў. Трэба адзначыць, што працы М. Каяловіча грунтаваліся на вялікім фактычным матэрыяле, але падаваўся гэты матэрыял вельмі тэндэнцыйна і аднабакова. Усё гістарычнае мінулае Беларусі ён зводзіў да нацыянальна-рэлігійнага пытання, якое вырашаў адназначна з пункту гледжання «рускага народа» і праваслаўя. У якасці галоўнага фактара, які вызначаў усю гісторыю Заходняй Русі (да якой М. Каяловіч адносіў Беларусь, Літву і Украіну), гісторык назваў барацьбу паміж Расіяй і Польшчай за ўплыў у краі.

Вучоны падкрэсліваў, што на першым этапе існавання ВКЛ ў ім панаваў рускі элемент і нават існавала магчымасць аб'яднання ўсіх рускіх зямель у адзіную дзяржаву. Аднак літоўцы, якія не жадалі гэтага аб'яднання, пайшлі на збліжэнне з Польшчай. Гэтае збліжэнне пачалося з моманту заключэння Крэўскай уніі і завяршылася ў 1569 г., калі сілай быў праведзены акт Люблінскай уніі. М. Каяловіч падкрэсліваў, што Люблінская унія ўяўляла сабой «картину жестокага насілля, с адной стороны, и позорного унижения, с другой. Не трудно угадать, что унижение здесь досталось на долю литовцев, а насиллие было делом поляков» [5, с. 87].

Унія, на думку вучонага, мела вельмі негатыўныя наступствы. Яна не толькі прывяла да страты нацыянальнага «заходнерускага» развіцця, але і садзейнічала прыгоннаму занявольванню сялянства. Менавіта Люблінская унія шырока адчыніла дзверы палякам, якія рушылі шырокім патокам, у першую чаргу на ўкраінскія землі, несучы з сабою каталіцкую веру, зневажальны погляд на ўсё рускае і на праваслаўе.

На думку М. Каяловіча, менавіта Украіна найбольш пацярпела ад уніі, бо ўкраінскія землі канчаткова страцілі сваю аўтаномію і былі ўключаны ў склад непасрэдна Польшчы. Гэта, у сваю чаргу, абумовіла пашырэнне крыніц папаўнення казачтва прадстаўнікамі розных слаёў праваслаўнага насельніцтва. Менавіта Запарожская сеч з канца XVI ст. стала цэнтрам кансалідацыі ўсяго праваслаўнага насельніцтва ў барацьбе з польска-каталіцкай агрэсіяй. Цікава, што, параўноўваючы беларусаў і ўкраінцаў, вучоны даваў перавагу апошнім. Беларусы, на яго думку, не маюць такіх рыс, як украінцы – упэўненасці ў сабе, пастаянства ў рэлігіі. Вучоны звязвае гэта з вельмі беднымі прыродна-кліматчнымі ўмовамі пражывання беларусаў. У выніку такога становішча сепаратызм у Беларусі не можа мець ніякай моцы і будучае ў яе можа быць толькі разам з Расіяй [5, с. 87].

Такім чынам, прадстаўнікі афіцыйна-кансерватыўнага накірунку ў гістарыяграфіі давалі

адназначна адмоўную характарыстыку Люблінскай уніі. На іх думку, гэта быў акт прымусу з боку Польшчы, які адчыніў шляхі да паланізацыі і акаталічвання беларускіх і ўкраінскіх зямель. Аднак унія не ўзмацніла дзяржаву, наадварот, аслабіла яе. Яе непасрэдным вынікам стала узмацненне нацыянальна-вызваленчай барацьбы беларускага і ўкраінскага народаў і іх імкненне да ўз'яднання з адзінавернай праваслаўнай Расіяй. Гэтая барацьба і завяршылася ў канцы XVIII ст. падзелаў Рэчы Паспалітай.

Значнае месца праблема Люблінскай уніі займала ў працах прадстаўнікоў ліберальнага накірунку ў гістарыяграфіі. Да іх у першую чаргу можна аднесці І. Лапо і М. Любаўскага.

І. Лапо лічыў, што галоўнай прычынай, якая падштурхнула Вялікае Княства Літоўскае да збліжэння з Польшчай, была знешняя пагроза спачатку з боку крыжакоў, а пазней і з боку Маскоўскай дзяржавы. У сярэдзіне XVI ст. новая дамова паміж Польшчай і ВКЛ была неабходна абодвум краінам. Аднак у менш выгадным становішчы ў гэты час аказалася менавіта Вялікае Княства, якое было зацікаўлена ў ваеннай дапамозе з боку Польшчы і было вымушана пайсці на заключэнне уніі на польскіх умовах. Аднак і Люблінская унія не прывяла да жадаемых вынікаў. Пасля далучэння да Польшчы Валыні, Падляшша і Кіеўшчыны дататкі і войска з гэтых зямель сталі паступаць не на карысць Вялікага Княства, што не садзейнічала паляпшэнню яго становішча ў Лівонскай вайне.

Вучоны падкрэсліваў, што унія не прывяла да поўнай інкарпарацыі Вялікага Княства Літоўскага ў склад польскай дзяржавы. ВКЛ захавала ўласную дзяржаўную пячатку, уласную фінансавую сістэму, уласнае заканадаўства. Не садзейнічала адзінству Рэчы Паспалітай і тое, што ў Польшчы і Вялікага Княства былі розныя дзяржаўныя інтарэсы. Таму І. Лапо робіць выснову, што «Літва і Польшча засталіся асобнымі адзінкамі з асобнымі тэрыторыямі і асобнымі правамі і пасля ўніі 1569 г., хаця яны мелі супольны сойм і супольнага караля. Літоўскае Вялікае княства засталася і пасля 1569 г. са сваімі парадкамі, асаблівасцямі, і Люблінскі сойм патрабаваў толькі, каб ліцвіны селі з палякамі ў супольным сойме, і не падумаў аб болей глыбокай рэформе Літвы, дзякуючы якой яна зрабілася б Польшчай» [6, с. 185]. Такія высновы І. Лапо робіць дзякуючы разгляду не толькі матэрыялаў Люблінскай уніі, але і спецыяльнаму вывучэнню хода гісторыі ВКЛ і пасля 1569 г.

Зусім да іншых высноў прыйшоў другі вядомы ліберальны гісторык М. Любаўскі. У сваёй працы «Очерки истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно»

ён разглядае прычыны збліжэння Вялікага Княства Літоўскага і Польшчы. На думку вучонага, у канцы XIV ст. у ВКЛ наступіў крызіс вялікакняжацкай улады, які стаў пагражаць распадам самой літоўска-рускай дзяржавы. Для яго прадухілення вялікі князь Ягайла пачаў шукаць падтрымку звонку. Знешнія абставіны высунулі спрыяльную да гэтага кан'юнктуру ў выглядзе уніі ВКЛ з каронай Польскай. Палітычную гісторыю ВКЛ XV–XVI стст. М. Любаўскі падзяляў на два перыяды. Першы (40-я гг. XV – 40-я гг. XVI стст.) – час княжання Казіміра і яго сыноў. Вядучая палітычная роля ў грамадстве ў гэты перыяд належала беларуска-літоўскай арыстакратыі – князям і панам. Шляхта адыгрывала другасную ролю. Другі перыяд – час княжання Сігізмунда Аўгуста (1548–1572). Шляхта ў гэты час дабіваецца роўных правоў, перапрацоўвае заканадаўства, дзякуючы чаму палітычны лад ВКЛ набліжаецца да польскага. Каб замацаваць такое становішча, шляхта ставіць пытанне аб новай уніі з Польшчай. Люблінская унія 1569 г., на думку М. Любаўскага, паклала канец самастойнаму існаванню літоўска-рускай дзяржавы. Адбылося яе «полное втление в корону польскую» [7, с. 100].

Важнае месца праблема Люблінскай уніі займала ў праца гісторыкаў, якія належалі да дэмакратычнай плыні ў гістарыяграфіі. Да іх у першую чаргу можна аднесці М. Доўнар-Запольскага, У. Пічэту і У. Ігнатюскага.

У адрозненне ад гісторыкаў афіцыйна-кансерватыўнага накірунку, якія разглядалі акт уніі выключна як праяву палітычнага эгаізму палякаў, М. Доўнар-Запольскі адзначаў, што ў аб'яднанні з Польшчай былі зацікаўлены і пэўныя слаі насельніцтва Вялікага Княства Літоўскага. Акрамя таго, заключэнню уніі садзейнічалі і іншыя ўнутрыпалітычныя і знешнепалітычныя фактары, і у першую чаргу няўдалы для ВКЛ ход Лівонскай вайны. Ідэю ўніі перш за ўсё падтрымлівала дробная і сярэдняя шляхта княства, якая імкнулася зраўняцца ў правах са шляхтай Польшчы.

М. Доўнар-Запольскі выказвае цікавую думку, што адной з галоўных прычын заключэння Люблінскай уніі было рэлігійнае пытанне. «Справа ў тым, што ў той час Польшча была ў значнай ступені пратэстанцкай, але ўсё ж каталіцызм быў яшчэ моцны, і барацьба з ім была надзвычай цяжкай. І ў Літве, і на Русі пратэстантызм быў таксама шырока распаўсюджаны. У гэтых умовах праваслаўныя былі натуральнымі саюзнікамі пратэстантаў у справе прызнання свабоды рэлігіі. Такім чынам, шляхта абодвух народаў імкнулася аб'яднацца ў адно палітычнае цэлае для таго, каб дамагчыся свабоды веравызначэння» [8, с. 95].

Ідэя уніі атрымала падтрымку перш за ўсё ў асяродку дробнай і сярэдняй шляхты, якая імкнулася атрымаць «залатыя шляхецкія вольнасці» і дабіцца рэлігійнай свабоды. Буйная ж шляхта і магнаты, якія былі лепш дасведчаныя аб рэальным становішчы ў Польшчы, да апошняга адстойвалі самастойнасць сваёй дзяржавы [8, с. 99].

Апошнім штуршком, які прымусіў дэлегацыю ВКЛ пайсці на падпісанне акта Люблінскай уніі, стала здрада ўкраінскай шляхты, якая згадзілася з далучэннем Вальні, Падляшша і Кіеўскай зямлі да Польшчы і ахвотна прысягнула Кароне. У такіх умовах літоўскім панам і шляхце давялося пайсці на заключэнне уніі. Гісторык падкрэсліваў, што ў далейшым украінская шляхта нічога не выйграла ад сваёй здрады, таму што лепшыя землі паўднёвай Украіны былі захоплены палякамі, а ўнесена імі рэлігійная смута прывяла да казацкіх войнаў [8, с. 101].

Заўважым, што М. Доўнар-Запольскі не пажадаў убачыць аб'ектыўныя прычыны, якія прымусілі ўкраінскую шляхту згадзіцца на ўключэнне іх зямель у склад непасрэдна Польшчы. Справа ў тым, што ў гэты час украінскія землі падвяргаліся пастаянным набегам з боку крымскіх татар. Аслабленае войнамі з Маскоўскай дзяржавай, ВКЛ не магло аказаць ім належнай дапамогі. Таму ўкраінская шляхта спадзявалася атрымаць гэтую дапамогу ад палякаў і большай сваёй часткай добраахвотна прысягнула на вернасць польскай кароне. Трэба адзначыць, што М. Доўнар-Запольскі даваў у цэлым адмоўную характарыстыку Люблінскай уніі і яе наступствам для беларускіх зямель. Выключэннем з'яўляецца толькі нарыс «Асновы дзяржаўнасці Беларусі» [9], які быў напісаны у 1918 г. па заказе ўрада БНР і насіў больш публіцыстычны, чым навуковы характар.

У сваёй жа падагульняючай працы «Гісторыя Беларусі» вучоны назваў унію «актам найвялікшай несправядлівасці» і падкрэсліваў, што аб'яднанне Вялікага Княства Літоўскага і Польшчы на доўгі час ускладніла адносіны паміж беларусамі і палякамі і не толькі не ўзмацніла новую дзяржаву, але і аслабіла яе. Праўда, М. Доўнар-Запольскі адзначаў, што Люблінская унія з юрыдычнага пункту гледжання не знішчала самастойнасці Вялікага Княства Літоўскага, захаваўшы за ім суверэнныя правы [8, с. 102].

Падобныя думкі выказваў і іншы вядомы гісторык У. Пічэта. Ён таксама адзначаў, што ў заключэнні уніі з Польшчай была ў першую чаргу зацікаўлена сама шляхта ВКЛ, якая разглядала яе як сродак барацьбы з магнатамі. Падштурхоўвалі да аб'яднання і знешнепалітычныя абставіны, і ў першую чаргу няўдалы для княства ход Лівонскай вайны. Пры гэтым вучоны падкрэсліваў, што і пасля заключэння Люблінскай уніі ВКЛ

захавала пэўную аўтаномію ў складзе Рэчы Паспалітай.

Праблема Люблінскай уніі займала значнае месца ў працах вядомага беларускага гісторыка У. Ігнатоўскага. Як і яго папярэднікі, гісторык вылучыў унутраныя і знешнія прычыны, якія прымусілі шляхту ВКЛ пайсці на заключэнне уніі з Польшчай. Пры гэтым У. Ігнатоўскі дае выключна адмоўную характарыстыку самаму акту Люблінскай уніі, якая «шырока адчыніла браму для польскага ўплыву... Польшча скарысталася польскай настрой беларускай шляхты і цяжкае палажэнне Вялікага княства, скасавала яго самабытныя палітычны твар... Унія была эгаістычнай з боку палякаў» [10, с. 115]. Палітычная незалежнасць Літвы і Беларусі была знішчана. Наступствы заключэння Люблінскай уніі былі для Беларусі выключна адмоўнымі. Яна ўзмацніла польскія культурны ўплыў і садзейнічала апалячванню вышэйшых станаў беларускага грамадства, якія паступова сталі чужымі для свайго народа. Вынікам гэтага стала абвастрэнне нацыянальна-рэлігійнай барацьбы ў Рэчы Паспалітай. Гэтая барацьба ў рэшце рэшт аслабіла дзяржаву і прывяла да яе гібелі.

Заключэнне. Такім чынам, праблема Люблінскай уніі займала вялікае месца ў гістарыяграфіі другой паловы XIX – пачатку XX ст. Пры гэтым прадстаўнікі афіцыйна-кансерватыўнага накірунку ў гістарыяграфіі разглядалі унію выключна як праўленне польскага эгаізму. Унія, на іх думку, была прымусова навязана Вялікаму Княству Літоўскаму палякамі і азначала поўную ліквідацыю гэтай дзяржавы. У сваю чаргу, прадстаўнікі ліберальнага і дэмакратычнага накірункаў спрабавалі паказаць аб’ектыўныя ўнутраныя і знешнія прычыны, якія прымусілі шляхту ВКЛ пайсці на заключэнне уніі з Польшчай. Пры гэтым усіх гісторыкаў аб’ядноўвала адмоўная ў цэлым характарыстыка самога акта Люблінскай уніі і тых наступстваў, да якіх яна прывяла.

Літаратура

1. Дружчыц, В. Палажэнне Літоўска-беларускай дзяржавы пасля Люблінскай уніі / В. Дружчыц // Працы Беларускага Дзяржаўнага Універсітэту ў Менску. – 1925. – № 6–7. – С. 216–257.
2. Устрялов, Н. Г. Русская история: в 2 ч. / Н. Г. Устрялов. – 2-е изд., испр. – СПб.: Тип. им. Скороходова, 1839. – Ч. 1. – 378 с.
3. Беляев, И. Д. История Полацка, или Северо-Западного края России от древнейших времен до Люблинской унии / И. Д. Беляев. – М.: Тип. М-ва внутренних дел, 1872. – 432 с.
4. Батюшков, П. Н. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края / П. Н. Батюшков. – СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1890. – 376 с.
5. Коялович, М. О. Люблинская уния, или последнее соединение Литовского княжества с Польским королевством на Люблинском сейме в 1569 году / М. Коялович. – СПб.: Газ. Русский инвалид, 1863. – 87 с.
6. Лаппо, И. И. Великое княжество Литовское от времени заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория / И. И. Лаппо. – СПб.: Тип. им. Скороходова, 1901. – 780 с.
7. Любавский, М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / М. К. Любавский. – М.: Императорское общество истории и древностей российских, 1910. – 376 с.
8. Доўнар-Запольскі, М. В. Гісторыя Беларусі / М. В. Доўнар-Запольскі. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1994. – 512 с.
9. Доўнар-Запольскі, М. В. Асновы дзяржаўнасці Беларусі / М. В. Доўнар-Запольскі. – Гродна: М-ва беларускіх спраў, 1919. – 13 с.
10. Ігнатоўскі, У. М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / У. М. Ігнатоўскі. – Мінск: Беларусь, 1991. – 176 с.

Паступіў 25.03.2013

УДК 94(476)«18/19»:37

В. М. Острога, кандидат исторических наук, доцент (БГТУ)**ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

В статье раскрываются особенности и направления правительственной политики в области педагогического образования в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. На фоне определенных успехов и достижений в создании системы подготовки учительских кадров одновременно показана двойственность и непоследовательность царизма в сфере народного образования. Возможности модернизации образования блокировали существующий монархический политический строй и интеллектуально организационный уровень политической элиты.

The article reveals the characteristics and direction of Government policy in the field of teacher education in Belarus in the second half of XIX – beginning of XX centuries. Against the backdrop of some successes and achievements in establishing a system for the training of teachers at the same time, duality and inconsistency of the Tsarist regime in the field of education. Possibility of modernization of education blocked the existing monarchical political system and intellectually organizational level of the political elite.

Введение. Осмысление исторического опыта человечества в области воспитания и образования, поиски путей совершенствования профессионально-педагогической подготовки будущих учителей имеют огромное значение в современной практике реформирования средней и высшей школы. С процессом подготовки современного педагога связывается оптимальное развитие личности, будущее человечества.

Следует отметить, что последняя четверть XIX в. в Западной Европе отмечается началом кардинальной перестройки школы, которая осуществлялась на протяжении всего XX в. Заметное место в ряду педагогов-реформаторов этого времени занимали такие ученые, как Г. Кернштейнер, Д. Дьюи, А. Лай и др. Их реформаторские идеи послужили толчком к внесению корректив в сложившуюся в веках модель школы. Идеи обучения крестьян грамоте выдвигались многими прогрессивными русскими педагогами и общественными деятелями. Без этого нельзя было преодолеть отставания России от западноевропейских стран в области экономики, военного дела, культуры и науки.

В этот период в Беларуси реформируются имеющиеся и создаются новые типы учебных учреждений: начальные народные и церковно-приходские школы, городские, уездные училища и гимназии, в том числе женские, профессиональные учебные заведения. Неотложные задачи в области просвещения были связаны с повышением образовательного уровня населения, расширением профессиональных навыков, вызванных развитием капитализма, внутреннего и внешнего рынков, процессами урбанизации. Неизбежно с ростом количества учебных учреждений встал вопрос и об обеспечении их преподавателями.

Основная часть. Первоначально министерство народного просвещения и православное

духовное ведомство были против специальной системы подготовки учителей. «Началом грамотности и образования должен быть страх божий, а поэтому учителем – личность духовная», – так ответил Св. Синод на предложение известного ученого-хирурга М. И. Пирогова об организации подготовки светских преподавателей [1, с. 96]. В 1860-е гг. во все правительственные школы учителями назначались воспитанники философских классов Минской и Литовской духовных семинарий, священники, дьяки, причетники, для которых по распоряжению попечителя были организованы трехнедельные педагогические курсы в Вильно и Минске. Будущих учителей знакомили с методами обучения письму, чтению и арифметике. Им внушалось, что «учебное начальство смотрит на них не как на обычных учителей русской грамоты, но как на самых деятельных проводников русских идей, русского образования в народе» [2, с. 21]. Но учителей из местных жителей, которые были бы благонадежными и знали бы русский язык, было совсем мало. Поэтому Виленский генерал-губернатор М. Муравьев приглашал также на учительские должности «окончивших и не окончивших духовные семинарии» из центральных российских губерний. В этой связи царское правительство установило режим некоторых льгот, который был закреплен в «Положении об отдельных преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях Западных и Царства Польского», согласно которому лица русского происхождения, назначенные на должность учителей, получали 50%-ные надбавки к окладам. Выходцы из России, а их приехало в Беларусь немного, в основном получали свое назначение в городские училища. Но проблему подготовки учителей для различных типов учебных заведений нельзя было решить без

создания специальной системы педагогического образования.

Непосредственного проводника своих целей правительство увидело в лице русского педагога. По российскому образовательному праву основную массу преподавателей средней школы готовили университеты. Помимо них действовали и специальные педагогические учебные заведения (историко-филологические институты), сеть которых постоянно расширялась. Во второй половине XIX в. с целью подготовки учителей для низшего звена учебных заведений были созданы учительские семинарии и институты, педагогические курсы с 2-летним сроком обучения, при женских гимназиях открывались педагогические классы.

В Северо-Западном крае подготовку учителей для народных училищ, по мнению министра А. В. Головнина, должны были осуществлять учительские семинарии. Утвержденное в 1864 г. «Положение» о Молодечненской учительской семинарии стало основным руководящим документом, регулирующим их учебно-воспитательную и административно-хозяйственную деятельность. Решение об открытии в Беларуси учительских семинарий диктовалось в первую очередь политическими мотивами, которые вытекали из интересов российского монархического строя. Все мероприятия в данном направлении сводились к тому, чтобы, во-первых, при незначительных денежных затратах начать подготовку учителей начальных школ, воспитанных должным образом и преданных государству и православной церкви, и, во-вторых, преобразовать эти семинарии в прототип будущих государственных семинарий во всех регионах Российской империи. Первые учительские семинарии располагались в тихой «лояльной местности», чтобы ликвидировать контакт с польской оппозиционно настроенной интеллигенцией.

В учительские семинарии поступали молодые люди православной веры всех сословий в возрасте от 17 лет, но преимущественно крестьяне, которые окончили народные училища. Изначально срок обучения объявлялся двухлетним, ибо на более продолжительный курс обучения рассчитывать не приходилось из-за отсутствия денег и необходимых преподавателей. Первые учебные планы и программы были очень ограниченными. В качестве основных предметов преподавались те, знание которых было необходимо для практической учительской деятельности. Предусматривалось изучение Закона Божьего, русского и церковнославянского языков, арифметики, чистописания и пения. Небольшое количество часов отводилось на русскую историю и географию, методику преподавания.

В первом классе учащиеся должны были пройти основной курс общеобразовательных предметов. Во втором классе в основном изучалась методика преподавания в начальном училище и проводились практические занятия в школе для приобретения навыков учительского труда.

В 1870 г. было утверждено новое «Положение», согласно которому семинарии преобразовывались из двухклассных в трехклассные. Увеличение срока обучения изменило учебные планы и программы предметов преподавания. Расширение школьной сетки стимулировало рост количества семинарий. В 1909 г. начала работать Рогачевская семинария. С 1 июля 1911 г. министерство разрешило открыть первую в Виленском учебном округе женскую Оршанскую учительскую семинарию [3, с. 477], куда и набирались девушки в возрасте от 14 лет. Создавались параллельные классы, а общее количество воспитанниц составляло 120 человек. Учебно-воспитательная деятельность организовывалась по программам и штатам мужских гимназий, только вместо ручного труда преподавалось рукоделие. В 1914 г. открылась Борисовская женская, в 1915 г. – Гомельская, в 1916 г. – Бобруйская женская семинарии. Возрастал план приема в семинарии, а сами они начали преобразовываться в многокомплектные учебные заведения.

Несмотря на то, что семинарии объявлялись открытыми учебными заведениями, правила у них были установлены, как для закрытых. В обязанности преподавателей входил также всесторонний надзор за жизнью учеников, что расценивалось как «воспитание». Возрастала роль священника, который в своем правовом положении стоял практически на одном уровне с директором. Он не только следил за всеми направлениями учебно-воспитательной работы, но и за взглядами и настроением учеников, подавляя любые вольности и протесты. Царское правительство принимало меры для ограждения учительских семинарий «от влияния злых людей, которые стремятся втянуть учащихся в тайные кружки и товарищества». Циркуляром 1877 г. директора были предупреждены, что «в случае подозрения учеников в политической и морально-религиозной неблагонадежности должны быть исключены, несмотря на отличные способности и поведение» [4, с. 14].

В Беларуси укоренялась государственная модель подготовки учителей, сформулированная в официальных документах и педагогических трудах охранительно-пропагандистской направленности. Основной задачей учителей считалось проведение государственного курса в процессе своей профессиональной деятельности путем выполнения строго фиксированных функциональных обязанностей. Не желая проводить

серьезные и решительные шаги, чтобы поднять народное образование, правительство не собиралось тратить на этот предмет средства. Показателен тот факт, что уже в год открытия Молодечненской семинарии было заявлено, что эти учебные заведения обходятся очень дорого. Чтобы избежать больших затрат на подготовку учителей, обучение способных детей предлагалось вести в народных школах, чтобы «из самих крестьян православной веры могли выходить учителя народных училищ и волостные писари» [5, с. 328]. В 1865 г. такую же мысль поддержал и инспектор Слунский на заседании училищного совета Витебской дирекции. Он также предлагал создавать «образцовые училища», которые служили прообразом учительских семинарий. Причем подготовленный «учитель не должен представлять, что ему дается какое-то новое звание, или он перестает быть крестьянином», «рублей за 50, за бочки полторы хлеба и разрешение пользоваться столом вместе с детьми такой специальный учитель с охотой будет работать» [6, л. 135–136].

Сторонников такой «образовательной политики» нашлось достаточно много. Понятно, что такой подход к формированию учительского корпуса не выдерживал никакой критики. Но следствием стало открытие с начала XX в. одно- и двухлетних педагогических курсов как «более дешевого и более быстрого способа» подготовки «учащего». Но срок обучения был очень коротким, чтобы подготовить из слушателей, которые впервые знакомы с методикой обучения и не имели достаточного общего образования, квалифицированных учителей начальных школ. Поэтому надежда будущих кандидатов на учительские должности, которые поступали на педагогические курсы, с их слов, «по причине недостаточного общего развития, а главным образом слабой подготовки к делу учительства и необходимости хотя бы частичного усовершенствования» [7, л. 66] полностью не оправдывалась. Министерство просвещения интересовалось главным образом количеством количественной стороной вопроса и мало внимания уделяло на эффективность и качество.

Определенную роль в пополнении контингента учителей начальных школ сыграли женские гимназии, при которых с начала XX в. начали открывать восьмые педагогические классы. В итоге более высокий уровень и основательные теоретические знания отличали их выпускниц от воспитанников учительских семинарий и педагогических курсов. Вместе с тем недостаточное количество занятий по специально-профессиональным предметам (педагогика, методика, дидактика) превращала кандидаток на учительские должности хотя и в высокообразованных, но

методически плохо подготовленных к практической деятельности специалистов.

Для подготовки учителей городских училищ, созданных в 1872 г., учреждаются учительские институты. Первыми начали действовать Петербургский и Московский. В 1873 г. создается Виленский еврейский учительский институт, в 1874 г. – Виленский русский учительский институт. В начале XX в. обсуждался вопрос о выборе места для открытия нового учительского института, ибо, как отмечалось в прессе, «новое учебное учреждение несет с собою культуру, дает больший доступ к образованию». В 1910 г. был создан Витебский учительский институт. Позже такие же учебные заведения были открыты в Могилеве (1913 г.) и Минске (1914 г.). Учительские институты содержались за счет казны. Согласно правилам, на учебу принимались молодые люди православного вероисповедания всех сословий в возрасте от 16 до 30 лет. Женщины в учительские институты не принимались. В основном в институты поступали для продолжения образования народные учителя, которые окончили учительские семинарии и имели опыт практической работы в школе. Зачисление велось на конкурсной основе после сдачи следующих экзаменов: Закон Божий, русский язык (письменно и устно), арифметика (письменно и устно), геометрия, история, география, естествознание и физика в объеме программ городских (уездных) училищ. Срок обучения составлял 3 года.

Во второй половине XIX – начале XX в. специализации в подготовке учителей не было: готовили преподавателя широкого профиля, который был бы в состоянии вести практически все учебные дисциплины. Общеобразовательная подготовка ограничивалась прочным усвоением тех предметов, которые будущему учителю пригодятся в дальнейшей деятельности, то есть преподавание каждой дисциплины исходило из требований городских училищ. Но учебный план учительских институтов все же предусматривал достаточно широкое изучение педагогических дисциплин. При ведении курсов наук преподаватели одновременно знакомили воспитанников и с методикой их преподавания.

Система педагогической подготовки, которая сложилась за 50 лет, не раз критиковалась передовой общественностью. В резолюции I Всероссийского съезда по вопросам народного образования, который проходил в 1914 г. в Петрограде, отмечалось, что все существующие типы педагогических учебных заведений являются архаическими учреждениями с недостаточной теоретической и методической подготовкой. Съезд признал необходимость их коренной реорганизации. В 1917 г. было издано новое По-

ложение об учительских институтах, согласно которому предусматривалось значительное повышение общей подготовки абитуриентов (требовалось обязательное среднее образование), создавались 3 отделения: словесно-историческое, физико-математическое и естествоведческо-географическое. Вводилось изучение иностранных языков, политэкономии, философии, истории Беларуси. Институты и учительские семинарии преобразовывались в средние учебные заведения смешанного типа: на учебу на тех же основаниях могли быть приняты и девушки. Воспитанники получали звание студентов и имели право поступать в университеты и иные высшие учебные заведения.

В 1918–1919 гг. учительские институты были реформированы в педагогические институты, получили статус высших учебных учреждений и в советское время являлись основной кузницей педагогических кадров. В 1918 г. гимназии, а вместе с ними и восьмые педагогические классы были отменены. Учительские семинарии в 1919 г. были преобразованы в трехлетние педагогические курсы. В системе педагогического образования еще долгое время сохранялись различные типы учебных учреждений.

Заключение. Таким образом, система народного образования, которая сложилась в Российской империи, не соответствовала новым общественно-политическим и экономическим отношениям, вызванным отменой крепостного права. Школьная реформа 1864 г. со всей остротой выявила проблему педагогических кадров. Во многом благодаря инициативе передовой общественности впервые было создано и организационно оформлено среднее и низшее звено системы педагогического образования. Высшие учебные заведения отсутствовали. Средние педагогические учебные заведения: учительские институты, учительские семинарии, педагогические курсы и восьмые педагогические классы женских семинарий, – несмотря на недостатки в научно-теоретической и специально-профессиональной подготовке, выпускали достаточно квалифицированных кандидатов на учительские должности. Низшие педагогические учебные заведения, к которым относились второклассные и церковно-учительские школы ведомства Св. Синода, отличались низким уровнем общетеоретической и практической подготовки. Учебно-воспитательный процесс был пронизан монархическими идеями и

находился под непосредственным контролем государства и православной церкви. Вместо расширения сети учительских семинарий и институтов, с начала XX в. развивалась система ускоренной и более дешевой подготовки учителей путем открытия педагогических курсов и организации специальных испытаний на звание учителя. Правительство не торопилось развивать сложившуюся систему образования. В итоге ни качественно, ни количественно педагогические учебные заведения не удовлетворяли растущие требования в просвещении народа.

Правительственная политика в области педагогического образования характеризовалась большей реакционностью, двойственностью и непоследовательностью, что во многом диктовалось стремлением после восстания 1863 г. ограничить польское влияние и ускорить русификацию края. В руках царизма просвещение являлось средством социального регулирования и контроля, что проявлялось в том числе в сдерживании подготовки педагогических кадров и установлении строгого надзора за деятельностью учителей и их политической благонадежностью.

Литература

1. Ососков, А. В. Вопросы истории начального образования в России (II пол. XIX – нач. XX вв.): учеб. пособие / А. В. Ососков. – М.: Московский обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской, 1977. – 170 с.
2. Белецкий, А. В. Сорокалетие русской начальной школы в Северо-Западном крае России / А. В. Белецкий. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1905. – 64 с.
3. Открытие женской семинарии в г. Орше (Могилевской губернии) // Народное образование в Виленском учебном округе. – 1911. – № 6. – С. 477.
4. Сянькевіч, Г. Паслядоўнікі К. Д. Ушынскага ў Беларусі (60–90 гг. XIX в.) / Г. Сянькевіч // Народная асвета. – 1974. – № 3. – С. 14–17.
5. Корнилов, И. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы по истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьевскую эпоху / И. Корнилов. – СПб.: Тип. А. В. Суворина, 1908. – Вып. 1. – 504 с.
6. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 2507. – Оп. 1. – Д. 878.
7. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 2254. – Оп. 2. – Д. 693.

Поступила 20.03.2013

УДК 355.123 «1917/1918»

М. Я. Сяменчык, доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры (БДТУ)

ВАЕННАСЛУЖАЧЫЯ РАСІЙСКОЙ АРМІІ ВА ЎЛАДНЫХ СТРУКТУРАХ БЕЛАРУСІ (САКАВІК 1917 – САКАВІК 1918 ГГ.)

Артыкул прысвечаны характарыстыцы вайсковай улады і яе ўплыву на органы цывільнага кіравання і самакіравання Беларусі напярэдні і ў час рэвалюцыйных падзей, а таксама на апошнім этапе ўдзелу Расіі ў сусветнай вайне. Даецца ацэнка існуючай літаратуры па даследуемым пытанні. Паказана структура асноўных вайсковых і цывільных органаў кіравання, іх агульныя задачы і ўзаемадзеянне. Звяртаецца ўвага на мілітарызацыю выканаўчых органаў улады ў Беларусі пасля прыходу да ўлады бальшавікоў.

Article is devoted to the characteristic of the military power and its influence on bodies of civil management and self-government in Belarus on the eve of and at the time of revolutionary events of 1917, and also at the last stage of participation of Russia in World War I. The assessment of existing literature on a case in point is given. The structure of the main military and civil governing bodies, their general tasks and interaction is shown. The attention to militarization of executive bodies of the power in Belarus after coming to power of Bolsheviks is paid.

Уводзіны. Тэма ўзаемадзеяння вайсковых і цывільных структур у час вялікіх сацыяльных узрушэнняў, якімі з'яўляюцца войны і рэвалюцыі, уяўляе значную навуковую цікавасць. Тым не менш, у савецкай гістарыяграфіі яна не знайшла істотнага адлюстравання. У адпаведнасці з ленінскай ацэнкай сусветнай вайны і рэвалюцыі 1917 г., камандаванне і афіцэрскі корпус расійскай арміі, царскі і Часовы ўрад, мясцовыя ўладныя структуры, парадак ажыццяўлення ўлады ў прыфрантавых губернях, у тым ліку беларускіх, падаваліся толькі ў негатыўным асветленні. Таксама партыйныя навукоўцы не акцэнтавалі ўвагі на той акалічнасці, што з перамогай Кастрычніцкай рэвалюцыі органы новай ўлады складаліся пераважна з вайскоўцаў і не карысталіся падтрымкай насельніцтва.

Асноўная частка. Удзел Расійскай імперыі ў сусветнай вайне абумовіў павелічэнне ролі яе арміі ва ўсіх сферах жыццядзейнасці грамадства. Вядома, што з 1915 г. сам манарх у якасці вярхоўнага галоўнакамандуючага значны час знаходзіўся ў магілёўскай Стаўцы. У адпаведнасці з законамі ваеннага часу, усе цывільныя органы кіравання ўвайшлі ў падпарадкаванне ваеннаму камандаванню. Так, да пачатку 1917 г. на не занятай немцамі тэрыторыі Беларусі размяшчаліся войскі Заходняга і Паўночнага франтоў, а таксама Мінскай і Дзвінскай вайсковых акруг. Тут менавіта вышэйшаму камандаванню належала прэрагатыва выдання адпаведных загадаў, распараджэнняў, цыркуляраў у дачыненні мясцовага насельніцтва з мэтай падтрымання належнай абароназдольнасці арміі. Улада камандуючых франтамі і арміямі, начальнікаў акруг і гарнізонаў распаўсюджвалася і на сферу цывільнага кіравання, у тым ліку на пытанні, якія знаходзіліся ў кампетэнцыі губернатараў беларускіх губерняў [1–2].

Гарадскія думы таксама не былі аўтаномнымі ў вырашэнні сваіх праблем [3]. Грамадзянскія ўлады неслі адказнасць за адпраўку майстроў для пабудовы жылля для акупнікаў [4], дастаўку папаўнення, падвозку дроў для чыгункі [5]. Найбольшы аб'ём абавязкаў, ускладзеных на органы ўлады, быў звязаны з забеспячэннем арміі прадуктамі [6]. Невыпадкова ўсе губернатары былі прызначаны ўпаўнаважанымі Старшыні Асобай Нарады па харчовай справе [7].

Нягледзячы на ваенны час, у прыфрантавых раёнах, у тым ліку на Беларусі, сістэма дзяржаўнага кіравання не парушылася і мілітарызацыя яе апарату не адбылася. Тут існавала асобная сістэма ажыццяўлення ўлады, якая спрыяла падрыхтоўцы Дзеючай арміі Расіі да запланаванага на вясну 1917 г. наступлення.

Аўтарытэт і рэальная ўлада камандавання расійскай арміі выразна праявіліся адразу пасля Лютаўскага паўстання ў Петраградзе, калі вышэйшае камандаванне пераканала Мікалая II у неабходнасці адрачэння ад трона. Тым жа якасці вайскоўцаў паспрыялі фарміраванню грамадскіх камітэтаў у краіне, у тым ліку ў гарадах і мястэчках Беларусі. Менавіта апора на сілу гарнізонаў дала магчымасць грамадскім дзеячам арганізаваць перад небяспекай пагромных выступленняў з боку мясцовых юдафобаў і салдат, якія выйшлі з-пад кантролю камандзіраў [8].

У асноўнай жа масе арганізатарамі грамадскіх сходаў і членамі азначаных камітэтаў з'яўляліся вайскоўцы. У іх ліку: генералы Эверт (Мінск) і Максімаў (Бабруйск), есаул Гніларыбаў (Віцебск) і падпалкоўнік Палій (Чэрыкаў), прапаршчыкі Багданаў і Сеўрук (Гомель) і інш. Не менш значную ролю адыгралі вайскоўцы і ў ахове парадку, замяніўшы скасаваную паліцыю да часу, пакуль не была сфарміравана народная міліцыя [9, с. 26–31].

Асноўная ж маса прафесійных вайскоўцаў па-ранейшаму бачыла сваёй найпершай задачай абарону краіны і разгром кайзераўскай Германіі, таму іх удзел у абнаўленні або ўтварэнні новых уладных структур быў нязначным.

З узмацненнем палітызацыі расійскага грамадства роля вышэйшага камандавання ва ўсталяванні новага ладу пераставала выглядаць пазітыўнай. Нягледзячы на прынесеную прысягу Часоваму ўраду, генералітэт і афіцэрскі корпус трапілі пад негаласнае падазрэнне «рэвалюцыйнай дэмакратыі» ў контррэвалюцыйнасці. У выніку дэмакратызацыі арміі, распачатай міністрамі Часовага ўрада А. Гучковым, а затым А. Керанскім пры падтрымцы Петраградскага і мясцовых Саветаў, роля ваеннага камандавання ў сістэме дзяржаўнай улады і нават у межах саміх узброеных сіл стала паступова зніжацца.

Абраны 17 красавіка Камітэт Заходняга фронту (Мінск) не толькі з'яўляўся апорай дэмакратычных сіл, у тым ліку ўрадавых камісарыятаў, але і абмяжоўваў уладу камандавання. Мала таго, з мэтай пастаюўкі генералітэту пад палітычны кантроль «рэвалюцыйнай дэмакратыі» быў заснаваны інстытут ваенных камісараў з ліку цывільных асоб. Важнейшым наступствам гэтага новаўвядзення зрабілася аслабленне сістэмы кіравання ўзброенымі сіламі і зніжэнне аўтарытэту вышэйшага камандавання.

З наданнем усім грамадзянам, у тым ліку вайскоўцам, дэмакратычных свабод новыя органы выканаўчай ўлады – камісарыяты і валасныя камітэты – сталі папаўняцца прадстаўнікамі розных нацыянальных, прафесійных, партыйных, грамадскіх арганізацый, у тым ліку Саветаў. Пры гэтым вайскоўцы больш патрабавальна ставіліся да новых органаў улады. Да прыкладу, менавіта пад уздзеяннем Віцебскага і Гомельскага Саветаў салдацкіх дэпутатаў адбылася замена губернскіх камісараў М. Карташова і М. Друцкага-Сакалінскага. Намеснікам Лепельскага павятовага камісара быў абраны дэпутат Віцебскага Савета салдацкіх дэпутатаў Чумак [9, с. 30, 118–120].

Сапраўднымі выразнікамі інтарэсаў вайскоўцаў з'яўляліся лідары сялянскіх Саветаў, эсэры прапаршчыкі М. Гольман (Магілёў), У. Філіпаў (Орша), салдат В. Майсееў (Віцебск) і інш.

Вясной – летам 1917 г. для вайскоўцаў заняць пасаду ў цывільным апарате было даволі складана. Як правіла, яе мелі адстаўныя ваеннаслужачыя. Толькі ў шэрагу выпадкаў (Барысаў, Мінск, Невель, Полацк) малодшыя афіцэры прызначаліся на пасады павятовых камісараў і іх намеснікаў, а крыху часцей – на міліцэйскія пасады [10].

Значна большая прысутнасць вайскоўцаў назіралася ў органах самакіравання, асабліва,

гарадскіх думах, выбары ў якія адбыліся летам 1917 г. Акрамя іншых, мандаты думскіх гласных набылі ваенныя ўрачы В. Дамагараў, Г. Фёдараў, Д. Збарскі, С. Брадовіч (Бабруйск) [11], В. Шалаеў (Орша) [12], М. Лабендзь (Слуцк) [13], афіцэры П. Асланаў, А. Ліхніцкі (Віцебск), П. Багданаў, П. Сеўрук, салдаты М. Засорын і Р. Шышаеў (Гомель) [14], ваенны ўрач-ветэрынар І. Даленка (Рагачоў) [15] і інш.

У выніку дэмакратызацыі сістэмы дзяржаўнага кіравання і самакіравання Беларусі туды трапіла значная колькасць малодшых афіцэраў. Дзяржаўныя структуры валаснога ўзроўню (харчовыя, зямельныя, выканаўчыя камітэты) адчувалі моцны ўціск з боку тых салдат, якія легальна ці нелегальна траплялі ў сельскую мясцовасць. Іх з'яўленне ў вёсцы часцей за ўсё негатыўна адбівалася на аграрным становішчы і ходзе земскіх выбараў. У цэлым наяўнасць вайскоўцаў ва ўладных структурах Беларусі істотна ўмацоўвала аўтарытэт апошніх і надавала станючы перспектывы на паспяховае завяршэнне рэвалюцыі, што асацыяравалася са скліканнем Устаноўчага сходу.

Пасля ўзброенага звяржэння Часовага ўрада атрамаці салдат, матросаў і рабочых Петраграда прысутнасць вайскоўцаў ва ўладных структурах краіны набыла тэндэнцыю да павелічэння, але не ў камісарыятах, земствах ці думах, а ў Саветах рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў, абвешчаных органамі дзяржаўнай улады. Але на Беларусі азначаныя класавыя грамадска-палітычныя арганізацыі, узначаленыя бундаўцамі, меншавікамі і эсэрамі, успрынялі «рабоча-сялянскую рэвалюцыю» як бальшавіцкі пераварот і адмовіліся прызнаць мэтазгоднасць пераходу ўлады ў свае рукі. На іх думку, перад пагрозай распальвання грамадзянскай вайны бальшавікі не павінны былі ўздзямаць паўстанне і браць на сябе функцыі, ускладзеныя на Устаноўчы сход.

Са свайго боку, бальшавікі пры падтрымцы левых плыняў іншых партый правялі пераабранне Саветаў з мэтай забеспячэння ў іх свайго панавання. З улікам таго, што ў Беларусі партыйная арганізацыя бальшавікоў амаль цалкам складалася з франтавых і тылавых вайскоўцаў, натуральна, што прысутнасць апошніх у Саветах зрабілася пераважаючай. Вызначальным фактарам у гэтым накірунку з'яўлялася дзейнасць надзвычайных органаў улады – Ваенна-рэвалюцыйных камітэтаў, бальшавіцка-вайсковых па складзе, якія існавалі паралельна з Саветамі і, па сутнасці, замянялі іх. Першыя ВРК у гарадах Беларусі ўзніклі ў канцы кастрычніка 1917 г. у Віцебску, Лепелі, Оршы, Рэчыцы, Лунінцы, Слуцку, Нясвіжы, Міры, Полацку, Гарадку, Вілейцы. У некаторых гарадах (Мінск, Віцебск, Гарадок, Магілёў) яны дзейнічалі паралельна з Саветамі

[16, с. 9–11]. Так, у Мінску асноўныя рычагі кіравання засяродзіліся не ў Савеце, а ў ВРК Заходняга фронту. Прычым кіраўніцтва дзвюма ўстановамі здзяйсняў К. Ландэр.

Можна меркаваць, што бальшавікі стараліся не акцэнтаваць увагу на вайсковым складзе новага органа ўлады, таму ўключалі ў яго цывільных таварышаў па партыі. Фарміраванне губернскіх і павятовых уладных структур адбывалася на з'ездах, арганізаваных бальшавікамі і прадстаўленых галоўным чынам салдатамі. Паказальным у гэтым сэнсе з'яўляўся прынцып фарміравання Аблвыкамзаха (старшыня – прапаршчык М. Рагазінскі), са 187 членаў якога асноўную масу – 100 чалавек – склалі дэлегаты II з'езда Заходняга фронту, у тым ліку новы галоўнакамандуючы А. Мяснікоў [17, с. 287]. Бясспрэчна, што дэлегаты Усебеларускага з'езда мелі ўсе падставы не прызнаваць законнай уладу Аблвыкамзаха і СНК Заходняй вобласці і фронту як усталёванай без удзелу карэннага насельніцтва.

Характэрна, што новая «савецкая» ўлада больш ці менш трывала ўсталёўвалася ў губернскіх і павятовых гарадах. Што тычыцца валасных цэнтраў, то абраныя па дэмакратычных прынцыпах земскія сходы і ўправы працягвалі дзейнічаць да вясны наступнага года.

Заклучэнне. Па меры развалу арміі прысутнасць вайскоўцаў у нарадах і вёсках працягвала ўзрастаць, і гэтая акалічнасць у большасці з трывогай успрымалася мірным насельніцтвам, паколькі новая ўлада не заўсёды магла ўратаваць яго ад пагромаў і рабаўніцтва. З другога боку, частка салдацкай масы, прывабленая рэвалюцыйнымі лозунгамі, рабілася апорай новай улады ў барацьбе з прэтэндэнтамі на яе з боку былых саратнікаў па «рэвалюцыйнай дэмакратыі». Але колькасць вайскоўцаў не пераходзіла ў якасць улады: ваенізаваныя Саветы не рабіліся мацнейшымі, бо фарміраваліся без рэальнага ўдзелу насельніцтва і перспектывы на яго абарону ад знешняй бяспекі. І невыпадкова, што, калі 18 лютага 1918 г. кайзераўскія войскі перасеклі акопы былой расійскай арміі на тэрыторыі Беларусі, вышэйшыя органы бальшавіцкай улады не здолелі арганізаваць эфектыўнага супраціўлення і ўцяклі ў Смаленск.

Літаратура

1. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Фонд 2508. – Воп. 1. – Спр. 6516. – Л. 3, 7.
2. Могилевские губернские ведомости. – 1917. – 28 янв.
3. Минский голос. – 1917. – 23 фев.
4. НГАБ. – Фонд 2496. – Воп. 1. – Спр. 3246. – Л. 213.
5. НГАБ. – Фонд 2496. – Воп. 1. – Спр. 3246. – Л. 41.
6. НГАБ. – Фонд 2089. – Воп. 1. – Спр. 102. – Л. 8.
7. НГАБ. – Фонд 2038. – Воп. 1. – Спр. 130. – Л. 23.
8. Сяменчык, М. Я. Аб стане законнасці і правапарадку на Беларусі ў кантэксце рэвалюцыйнага абнаўлення расійскага грамадства ў сакавіку – кастрычніку 1917 г. / М. Я. Сяменчык // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVIII. – С. 97–101.
9. Сяменчык, М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 – сакавік 1918 гг.): у 2 ч. / М. Я. Сяменчык. – Мінск: БДПУ, 2001. – Ч. 1. Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах дэмакратычнага рэжыму. – 200 с.
10. Витебское слово. – 1917. – 7 окт.
11. Голос народа. – 1917. – 6 июля.
12. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – (НАРБ). – Фонд 60. – Воп. 4. – Спр. 4. – Л. 41.
13. Голос народа. – 1917. – 13 июня.
14. Рабочая мысль – 1917. – 24 июня.
15. НАРБ. – Фонд 60. – Воп. 3. – Спр. 164. – Л. 107.
16. Сяменчык, М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 – сакавік 1918 гг.): у 2 ч. / М. Я. Сяменчык. – Мінск: БДПУ, 2001. – Ч. 2. Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах складання таталітарнага рэжыму. – 160 с.
17. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии: док. и материалы: в 2 т. – Минск: Госиздат БССР, 1957. – Т. 2: Победа социалистической революции и упрочение Советской власти в Белоруссии (октябрь 1917 г. – март 1918 г.). – 1072 с.

Паступіў 20.03.2013

УДК 947.6. «1917»

І. М. Рыжанкоў, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (БДТУ)

ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНАЕ ЖЫЦЦЁ НА ЭТАПЕ ПАДРЫХТОЎКІ ДА ЗЕМСКІХ ВЫБАРАЎ: ПА МАТЭРЫЯЛАХ БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯЎ (ВЯСНА – ЛЕТА 1917 Г.)

У артыкуле асвятляецца праблема дэмакратызацыі земстваў на этапе разгортвання Лютаўскай рэвалюцыі. Адзначаецца, што працэс увядзення ў склад земскіх структур прадстаўнікоў Саветаў рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў адбываўся павольна і без эксцэсаў. Часовы ўрад быў зацікаўлены ў дэмакратычным характары рэарганізацыі, бо на восень 1917 г. былі запланаваны выбары ў новыя земскія інстытуцыі. Апошнім падлягала замяніць часовыя, надзвычайныя органы ўлады, створаныя ў ходзе Лютаўскай рэвалюцыі – губернскія і павятовыя камісарыяты, валасныя, харчовыя і зямельныя камітэты – адпаведна зрабіцца інструментам ажыццяўлення пастаноў маючага адбыцца Устаноўчага схода, а ў далейшым – быць асновай рэальнага народаўладдзя. У артыкуле паказваецца працэс стварэння выбарчых акруг, камісій, а таксама асаблівасці перадвыбарчай барацьбы.

In the article the problem of democratization of zemstvos at a stage of expansion of February revolution is covered. It is shown that introduction process in structure of territorial structures of representatives of Councils of working, soldier and country deputies was carried out progressively and without excesses. The provisional government was interested in democratic nature of reorganization as elections were planned for fall of 1917 in new territorial structures. The last needed to replace the temporary, extraordinary authorities created during February revolution – provincial and district commissariats, volost, food and land committees, – respectively to become instruments of implementation of resolutions of the Constituent assembly and further – to be a basis of real democracy. In the article process of creation selective the district, the commissions, and also feature of pre-election fight is shown.

Уводзіны. Звяржэнне самадзяржаўя абумовіла прыцягненне насельніцтва, у тым ліку раней пазбаўленага выбарчага права, да ўдзелу ў вырашэнні дзяржаўных і мясцовых спраў. Асаблівая роля надавалася земствам, але не ў тым іх «цэнзавым» складзе, а ў дэмакратызаваным, папоўненым прадстаўнікамі ад розных (сацыяльных, нацыянальных, канфесійных, прафесійных) пластоў насельніцтва. Кола пытанняў, якія знаходзіліся ў кампетэнцыі земскіх арганізацый (ахова здароўя, адукацыя, камунікацыі, жывёлагадоўля і ветэрынарыя, раслінаводства і аграномія, землеўладкаванне і інш.), павінна было забяспечыць актыўны ўдзел усяго жыхарства ў іх (земстваў) абнаўленні.

Асноўная частка. У першай палове сакавіка 1917 г. Міністэрства ўнутраных спраў разаслала земскім управам даручэнне правесці рэарганізацыю. У ліку першых на Беларусі дэмакратызацыя земстваў адбылася ў Гомельскім і Аршанскім паведах. Былі выпадкі, калі сяляне, як напрыклад у Невельскім павеце, запатрабавалі поўнай адстаўкі земскіх упраў і правядзення перавыбараў «на новых дэмакратычных пачатках» [1], але, як правіла, дзякуючы ўмяшальніцтву ўпаўнаважаных Часовага ўрада, спрэчкі завяршаліся кампрамісам – адпраўкай у адстаўку іх (земскіх упраў) старшын. Тым не менш, прадстаўніцтва сялян на земскіх сходах саступала памешчыцкаму. Так, 17 красавіка на земскім сходзе Клімавіцкага павета суадносіны

і другіх складалі 12 супраць 29. Такая ж сітуацыя назіралася ў Рагачоўскім павеце і на Міншчыне. Разам з тым, акрамя старых «цэнзавых» гласных, на земскіх сходах прысутнічалі прадстаўнікі «рэвалюцыйнай дэмакратыі» – Саветаў рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў. Так, у чэрвені ўсе дэпутаты Гомельскага сялянскага Савета вырашылі ўвайсці ў склад земскага сходу. 29 чэрвеня на пасяджэнні Бабруйскага камісарыята было вырашана папоўніць земскую ўправу 4 прадстаўнікамі выканаўчага камітэта, 2 салдацкімі, 2 сялянскімі і 1 рабочым дэпутатамі Саветаў [2]. З цягам часу ў Віцебскай губерні да справы рэарганізацыі земства таксама падключыліся Саветы салдацкіх, рабочых і сялянскіх дэпутатаў. У такіх умовах дзейнасць дэмакратызаваных земстваў стала выходзіць за межы гаспадарчых або асветных пытанняў і закранала сферу палітыкі. На першае месца выходзіў клопат аб дабрабыце ўсёй дзяржавы, невыпадкова ўдзельнікі земскіх сходаў, на якіх пераважалі памешчыкі, «дружна галасавалі за прапановы сялянскіх дэпутатаў» [3]. Такім чынам, нягледзячы на слабую прысутнасць сялянства ў земствах, нельга сказаць, што яны заставаліся рудыментам старога рэжыму, як гэта прынята лічыць.

Дэмакратычна абраным земствам як органам дзяржаўнага самакіравання надавалася прынцыпова важнае значэнне. Разам з гарадскімі думамі ім належала замяніць усе часовыя, надзвычайныя

органы ўлады, створаныя ў ходзе Лютаўскай рэвалюцыі: губернскія і павятовыя камісарыяты, валасныя, харчовыя і зямельныя камітэты, – адпаведна зрабіцца інструментам ажыццяўлення пастаноў маючага адбыцца Устаноўчага схода, а ў далейшым – быць асновай рэальнага народаўладдзя.

Характэрна тое, што з набыццём грамадзянамі палітычных правоў і свабод менавіта сяляне ператвараліся ў асноўную частку электарату і мелі магчымасць паўплываць на далейшы ход палітычнага, сацыяльна-эканамічнага, культурнага развіцця як асобных рэгіёнаў, так і краіны ў цэлым. Невыпадкова разам з прапагандай земстваў, якую распачалі органы Часовага ўрада, на вёсцы разгарнулася культурна-асветніцкая дзейнасць палітычных партый, у тым ліку з мэтай барацьбы за галасы выбаршчыкаў.

У адпаведнасці з «Палажэннем аб земскіх выбарах» выбары мусілі адбыцца ў жніўні – верасні 1917 г. Салдатам, мабілізаваным з Беларусі, давалі водпуск для ўдзелу ў іх. Для жыхароў Віленскай губерні земскія выбары адбываліся ўпершыню ў гісторыі, і таму пачалася некалькі са спазненнем, толькі ў сярэдзіне кастрычніка. Парадак правядзення выбараў і іншая інфармацыя прыводзіліся ў друку і інструкцыях. Новае выбарчае заканадаўства, распрацаванае Асобай нарадай на чале з таварышчам міністра ўнутраных спраў С. М. Лявонцьевым, прадугледжвала ажыццяўленне выбараў на аснове дэмакратычных прынцыпаў – усеагульнага, роўнага, тайнага і прамога галасавання. Парадак правядзення выбараў выразна акрэсліваўся ў Часовым палажэнні. Паводле закона выбарчая кампанія распачыналася з пасяджэнняў земскіх сходаў і ўпраў, сіламі якіх фарміраваліся выбарчыя акругі, участкі і камісіі. Таксама для воласці, павета, губерні ўсталёўвалася пэўная колькасць гласных у залежнасці ад колькасці насельніцтва (для воласці – 20–50, павета – 30–80, губерні – 30–80, і нарэшце для гарадоў 20–160), прычым выбарчым правам карысталіся ўсе грамадзяне, якія дасягнулі 20-гадовага ўзросту (за выключэннем недзеяздольных і некаторых іншых). Са складаннем кандыдацкіх выбарчых спісаў адбывалася сама працэдура галасавання шляхам «асабістага ўручэння запісак» выбаршчыкамі старшыні выбарчай камісіі, які, не разгортваючы, мусіў кідаць іх (бюлетэні) у апячатаную скрыню [4]. Пасля падліку галасоў («запісак») належала абвясціць вынікі выбараў, затым – склікаць сход абраных земскіх гласных (тэрмін працы да 1 студзеня 1919 г.), на якім фарміравалася ўправа з 3 чалавек.

Усе патрабаванні, якія прад'яўляліся да законных выбараў, належала ў кароткі тэрмін давесці да насельніцтва, і ў першую чаргу ся-

лян. Моцную грамадскую падтрымку і дапамогу дзяржаве ў справе тлумачэння і тэхнічнай арганізацыі земскіх выбараў аказалі савецкія ўстановы. Першапачаткова на I з'ездзе Усерасійскага Савета сялянскіх дэпутатаў была прынята рэзалюцыя аб валасным земстве, якая заклікала «працоўнае рэвалюцыйнае сялянства да самага дзейнаснага ўдзелу ў правядзенні ў жыццё выданага закона аб валасным земстве» [5].

Неўзабаве губернскія, затым павятовыя і валасныя з'езды сялянскіх дэпутатаў усебакова ўхвалілі рэформу мясцовага самакіравання. Так, у чэрвені на пасяджэнні Віцебскага губернскага сялянскага з'езда, пасля даклада Багданава па пытанні арганізацыі земстваў, было прызнана, што валасное земства, акрамя іншага, «моцны сродак развіцця вёскі» [6]. Дэпутаты сялянскага з'езда Пінскага павета выказалі ўпэўненасць у тым, што «валасное земства ўздыме эканамічны дабрабыт насельніцтва, замацуе заваёвы рэвалюцыі і ажыццявіць ідэю самадзейнасці і самавызначэння» [7]. Савецкі актывіст Арлоў на сялянскім з'ездзе ў с. Рудзянец Гомельскага павета заклікаў, каб кожная вёска даслала на валасны сход сваіх прадстаўнікоў для ўтварэння адзінага спісу кандыдатаў у складзе 30 чалавек, а потым за іх прагаласавала.

Са свайго боку, урадавыя сілы былі зацікаўлены ў дэмакратызацыі выбарчых структур. У ліпені, пасля сходу членаў павятовых земскіх упраў і камісараў Віцебшчыны, была заснавана губернская нарада, прысвечаная выбарам у валасное земства. У склад нарады ўваходзілі: губернскі камісар А. О. Валковіч (старшыня), старшыня і члены губернскай земскай управы А. Ф. Ражноўскі і В. Н. Карпаў, Н. Р. Шулепнікаў, прадстаўнік савета пры губернскім камісары В. Н. Бомас, а таксама гарадскі галава В. В. Зарэмба, намеснік губернскага зямельнага камітэта Н. Н. Леман, старшыня губернскага харчовага камітэта М. У. Кандрацьеў і прадстаўнікі Савета салдацкіх і рабочых дэпутатаў. У адпаведнасці з рашэннем Усерасійскага сялянскага з'езда было пастаноўлена папоўніць губернскую земскую ўправу «прадстаўнікамі па адным ад Савета пры губернскім камісары, Савета салдацкіх дэпутатаў, Савета рабочых дэпутатаў, Савета сялянскіх дэпутатаў» [8]. Таксама падчас працы нарады былі зацверджаны мерапрыемствы па арганізацыі курсаў падрыхтоўкі для выбарчай кампаніі лектараў, рэгістратараў, інструктараў, сакратараў, бухгалтараў і іншых спецыялістаў.

У хуткім часе арганізацыйна-тлумачальная праца нарады прынесла плён. Па словах В. В. Зарэмбы, «складанне спісаў грамадзянскага насельніцтва ўжо скончана... публікацыя спісаў

мяркуецца паміж 15–18 ліпеня, а [валасныя] выбары паміж 20–27 жніўня» [9]. Адносна тэрміна правядзення выбараў гласных у павятовае земства, у Дрысенскім павеце абранне 40 гласных было прызначана на 24 верасня (40 гласных ад павета і 2 ад горада). У шэрагу іншых паведаў выбары былі перанесены на кастрычнік, у тым ліку ў Гарадоцкім, Невельскім і Себежскім паветах – 15 кастрычніка, у Віцебскім – 22 кастрычніка (43 гласных, 60 603 выбаршчыкаў), у Рэжыцкім і Полацкім – 29 кастрычніка. Што тычыцца перадвыбарчай кампаніі з удзелам партый і грамадскіх рухаў, то напрыклад у Невельскім павеце «барацьба адбывалася паміж Саветам сялянскіх дэпутатаў і аддзелам Партыі Народнай Свабоды, якая падтрымлівае землеўласнікаў» [10].

Як і ў Віцебскай губерні, на Міншчыне падрыхтоўкай выбараў органаў мясцовага самакіравання падлягала займацца камісарам, выканаўчым камітэтам і земскім управам. У распаўсюджанне губернскага камісара на патрэбы выбараў Міністэрствам унутраных спраў было асiгнавана 93 000 рублёў. Настойлівыя патрабаванні цэнтральных улад аб хутчэйшым правядзенні выбараў вымушалі мясцовыя ўрадавыя структуры напачатку чэрвеня ладзіць пасяджэнні з нагоды падрыхтоўкі рэгіёна да выбараў у земства. Пасля перамоў Мінскага губернскага камісара з дэмакратызаванымі павятовымі земскімі ўправамі было вырашана правесці абранне галосных у валасное земства па прапарцыянальнай сістэме, выключэннем сталі Барысаўскі і Пінскі паветы, дзе выбары мусілі адбыцца па мажарытарнай.

Неўзабаве Мінскі губернскі выканаўчы камітэт загадаў валасным камітэтам склікаць валасныя сходы, дзе дэлегаты ад Савета сялянскіх дэпутатаў мусілі пераконваць выбаршчыкаў у неабходнасці ўдзелу ў выбарах і «растлумачваць» прызначэнне земстваў [11]. Відавочна, што падобныя захады спрыялі пашырэнню палітычнай асветы сялянства і актывізавалі працу земскіх устаноў у гэтым накірунку. Менавіта для ажыццяўлення гэтых мерыпрыемстваў на чарговым пасяджэнні Мінскай павятовай земскай управы была заснавана «асобая група» з удзелам А. В. Васільева, Ф. Ф. Жылінскага і П. Ф. Шастака. Ужо да 20 ліпеня Пінскі павет быў падзелены на 86 выбарчых акруг і ў спіс выбаршчыкаў занесена 59 754 чалавека [12, с. 350]. Аб ходзе мерапрыемстваў па фарміраванні выбарчых камісій, складанні кандыдацкіх

спісаў у валасцях і паветах Мінскай губерні пастаянна паведамлялася ў мясцовай прэсе. Усё ж, нягледзячы на прыкладзеныя намаганні ўладных і грамадскіх сіл Міншчыны, тут адбылося некаторае запавольванне з вызначэннем тэрмінаў выбараў. Паколькі не былі падрыхтаваны выбарчыя спісы, выбары ў валасное земства былі прызначаны на 8 верасня, а ў павятовае – 17 верасня. У палітычнай агітацыі найбольшую энергію ў вёсках Міншчыны выявілі «сялянскі саюз», а ў мястэчках – «Бунд», мала таго, ў некаторых валасцях панавалі антыўрэйскія настроі [13].

Заклучэнне. Такім чынам, урадавыя сілы прыклалі ўсе намаганні, каб працэс дэмакратызацыі земстваў адбыўся мірна і канструктыўна. Сялянства мела магчымасць дэмакратычным шляхам скарыстаць сваё права абіраць і быць абранымі ў органы кіравання. У гэтым жа накірунку дзейнічалі шматлікія дзяржаўныя і грамадска-палітычныя арганізацыі, іх органы друку. У час выбарчай кампаніі сялянства сустракалася з агітатарамі і мела магчымасць пазнаёміцца з партыйнымі праграмамі, што спрыяла яго далейшай палітычнай сацыялізацыі і ўцягненню ў вырашэнне дзяржаўных спраў.

Літаратура

1. Нацыянальны Архіў Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). – Фонд 60. – Воп. 3. – Спр. 242. – Л. 93.
2. НАРБ. – Фонд 60. – Воп. 3. – Спр. 174. – Л. 47–48.
3. НАРБ. – Фонд 60. – Воп. 3. – Спр. 170. – Л. 55–56.
4. НАРБ. – Фонд 60. – Воп. 3. – Спр. 186. – Л. 13.
5. НАРБ. – Фонд 60. – Воп. 3. – С. 186. – Л. 11.
6. Витебский листок. – 1917. – 21 июня.
7. Крестьянская газета. – 1917. – 28 июня.
8. НАРБ. – Фонд 622. – Воп. 1. – Спр. 16. – Л. 5 адв.
9. НАРБ. – Фонд 622. – Воп. 1. – Спр. 16. – Л. 6.
10. НАРБ. – Фонд 60. – Воп. 3. – Спр. 243. – Л. 399.
11. Новое Варшавское утро. – 1917. – 30 июля.
12. Крестьянское движение в 1917 г. / под ред.: М. Н. Покровского, Я. А. Яковлева. – М. – Л.: Госиздат. – 1927. – 442 с.
13. Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі. – Фонд 1778. – Воп. 1. – Спр. 302. – Л. 194.

Пастыніў 20.03.2013

УДК 94(476):323.17«1917»

А. А. Райчонак, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (БДТУ)

ПАДЫХОДЫ ДА ПРАБЛЕМЫ САМАВЫЗНАЧЭННЯ БЕЛАРУСКАЙ НАЦЫІ ПАСЛЯ КАСТРЫЧНІЦКАЙ РЭВАЛЮЦЫІ

У артыкуле разглядаецца развіццё беларускага нацыянальнага руху пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі. Аналізуюцца падыходы розных палітычных партый і рухаў да праблемы рэалізацыі права беларускай нацыі на самавызначэнне. Адлюстроўваецца барацьба гэтых сіл у ходзе разгортвання гістарычнага працэсу. Вылучаюцца ключавыя падзеі гісторыі дадзенага перыяду, якія прывялі ў выніку да стварэння беларускай дзяржаўнасці.

This article examines the development of the Belarusian national movement after the October Revolution. The approaches of different political parties and movements on the issue of the right to self-determination of the Belarusian nation are analysed. The struggle of these forces during the deployment of the historical process is reflected. Highlight key events in the history of the period that led eventually to the establishment of the Belarusian statehood are stood out.

Уводзіны. Кастрычніцкая рэвалюцыя дала новы паварот развіццю працэсу станаўлення беларускай дзяржаўнасці. Абвешчаны бальшавікамі лозунг свабоднага самавызначэння народаў аж да аддзялення паставіў беларускія арганізацыі і партыі непасрэдна перад пытаннем нацыянальнага і дзяржаўнага самавызначэння Беларусі. Практычна адразу пасля прыходу да ўлады бальшавікі заявілі аб прадастаўленні незалежнасці Польшчы і Фінляндыі. Тым не менш, асноўная маса беларускіх дзеячаў працягвала заставацца на пазіцыях аўтанамізму. ВБР сумесна з ЦВБР вырашаюць склікаць 5 снежня ў Мінску ўсеагульны беларускі з'езд. У адозве, прысвечанай падрыхтоўцы з'езда, гаварылася: «Выканаць усе пастаўленыя гісторыяй задачы можа толькі ўлада, абраная самім народам беларускім. Толькі яна арганізуе народ беларускі ў вялікую сілу, здольную абараніць яго нацыянальныя правы» [1, с. 99].

Асноўная частка. У лістападзе з мэтай арганізаваць беларускае сялянства вакол ідэі стварэння аўтаномнай свабоднай Беларусі як часткі Расійскай Федэратыўнай рэспублікі ў Петраградзе беларускімі прадстаўнікамі пры Усерасійскім Савеце Сялянскіх Дэпутатаў быў створаны Беларускі Абласны камітэт (БАК), які пачынае прэтэндаваць на кіраўніцтва ўсім беларускім рухам. З гэтай мэтай ён вырашае склікаць Усебеларускі з'езд. Кіраўнік БАКа Я. Канчар сцвярджае, што з гэтай нагоды ў пачатку лістапада ў яго адбываюцца перамовы з І. Сталіным [2]. Канчаткова рашэнне аб скліканні з'езда і падтрымцы гэтага кроку бальшавікамі было прынята 5 снежня.

Існаванне розных цэнтраў беларускага руху (мінскі, віленскі, петраградскі, франтавы) параджала і розныя падыходы да праблемы арыентацыі ў працэсе самавызначэння Беларусі. Так, віленскі цэнтр прытрымліваўся заходняй арыентацыі. Петраградская група БАКа пры-

трымлівалася безумоўнай Расійскай арыентацыі. Што тычыцца Мінскага і Франтавага цэнтраў, то яны займалі прамежкавы стан, схіляючыся да цеснага саюза з Расіяй, але пры дастатковай аўтаномнасці Беларусі, якая б дазваляла самастойна вырашаць ўсе ўнутраныя пытанні.

Трэба зазначыць, што віленская група была адарваная ад астатніх ліній фронту і дзейнічала самастойна. Па сведчанню таго ж А. Луцкевіча: «Аб тым, што рабілася за ліній фронту, мы нічога не ведалі. Толькі ў 1918 годзе, пасля заняцця немцамі Менску – мы даведаліся, што ... узнавіла сваю дзейнасць БСГ» [3, с. 41].

У Мінскім цэнтры пераважалі дзеячы БСГ, якія фактычна і ўзначалілі Вялікую Беларускаю Раду (ВБР), дзейнасць якой была скіравана на дасягненне праграмных мэтай БСГ – утварэнне аўтаномнай Беларускай рэспублікі ў складзе Расіі. Дзеячы франтавых рад галоўнай мэтай сваёй дзейнасці бачылі захаванне тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі і прадухіленне яе магчымага падзелу паміж Германіяй і Расіяй у выніку Першай сусветнай вайны.

Паміж ВБР і БАКа, натуральна, адбываецца жорсткая барацьба за кіраўніцтва беларускім нацыянальна-палітычным рухам, якая скончылася пагадненнем паміж ВБР і БАКа аб сумесным скліканні з'езда. Пасля таго, як да гэтай ініцыятывы далучыўся Выканаўчы Камітэт II Усерасійскага з'езда бежанцаў, можна казаць, што ў падрыхтоўцы дадзенага з'езда прынялі ўдзел усе галоўныя цэнтры беларускага руху.

На I Усебеларускім з'ездзе прысутнічала 1872 дэлегата, з іх 1167 з правам рашаючага голасу. На ім былі прадстаўлены практычна ўсе слаі беларускага насельніцтва. З грамадскіх і палітычных групавак на з'ездзе выявіліся наступныя: зямляцтвы (беспартыйныя) – магілёўскае, мінскае, віцебскае, смаленскае, віленскае, гродзенскае (г. зн. ад усіх беларускіх губерняў);

фракцыі сацыялістычных партый: эсэраў правых і левых, сацыял-дэмакратаў бальшавікоў, меншавікоў і інтэрнацыяналістаў, беларускай сацыялістычнай грамады і іншых беларускіх палітычных партый; прадстаўнікі дзяржаўных і грамадскіх арганізацый, такіх як земствы, гарадскія самакіраванні, зямельныя камітэты, прафсаюзы, настаўніцкія аб'яднанні, вайсковыя беларускія рады, бежанскія камітэты. Запрашаліся таксама і прадстаўнікі розных Саветаў. Па саслоўнай прыкмеце з'езд быў пераважна сялянскім.

Калі з'езд у сваёй працы падыйшоў да пытання аб краёвай нацыянальнай уладзе і пачаліся гарачыя спрэчкі паміж «рэспубліканцамі» і «абласнікамі», Савет Народных Камісараў Заходняй вобласці і фронту – выканаўчы орган Аблвыкамзаха, які стварыўся рэвалюцыйным шляхам у лістападзе 1917 г. у Мінску на франтавым з'ездзе салдат выключна па класаваму прынцыпу – прымае ўсе меры для таго, каб дабіцца расколу з'езда і адлучэння ад яго «левай» часткі, але безвынікова.

Пасля таго, як з'езд аднагалосна ўхваліў першы пункт рэзалюцыі, дзе казалася: «Замацоўваючы сваё права на самавызначэнне, абвешчанае Расійскай рэвалюцыяй, і свярджваючы дэмакратычны рэспубліканскі лад у межах Беларускай зямлі, для выратавання роднага краю і засцярогі яго ад падзелу і адрыву ад Расійскай дэмакратычнай федэратыўнай рэспублікі, 1-шы Усебеларускі з'езд пастанаўляе: неадкладна ўтварыць са свайго складу орган краёвай улады ў асобе Ўсебеларускага Савета сялянскіх, салдацкіх і рабочых дэпутатаў, які часова становіцца на чале кіравання краем, уступаючы ў правыя дачыненні з цэнтральнай уладай, адказнай перад Саветам рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў» [1, с. 106], ён быў разгнаны ноччу 18 снежня салдатамі, уведзенымі ў будынак пасяджэння з'езда начальнікам мінскага гарнізона, які дзейнічаў па загаду СНК Заходняй вобласці, што убачыў у дзеяннях з'езда замах на сваю ўладу. Прэзідыум і некаторыя дэлегаты з'езда былі арыштаваны.

Факт разгону з'езда, які выклікаў нават размовы на пасяджэнні мірнай дэлегацыі ў Брэсце (4 студзеня 1918 г.), меў для беларускага руху драматычны наступствы.

Пасля разгону Ўсебеларускага з'езда з новай сілай паўстала пытанне знешнепалітычнай арыентацыі беларускага руху. Калі да гэтага спадзяванні на вырашэнне беларускага пытання ўскладаліся на рэвалюцыйныя пераўтварэнні новай улады, то з разгонам з'езда яны былі ў значнай ступені страчаны. Пачаўся актыўны пошук саюзнікаў у барацьбе за ўладу на Беларусі. У гэтай сітуацыі значная частка беларускіх дзеячаў зноў звяртае сваю ўвагу на Германію.

Такая пазіцыя ў значнай ступені была выклікана недаацэнкай мясцовымі бальшавікамі на тым этапе, ролі нацыянальнага фактара. Пры гэтым значны ўплыў на погляды мясцовых бальшавікоў аказваў Троцкі, вайсковы кіраўнік Савецкай дзяржавы, які ўзначальваў дэлегацыю на мірных перамовах з Германіяй. Ён, па сведчанні таго ж Канчара, «самавызначэнне нацыянальнасцяў адкладваў да перамогі пралетарыяту ў сусветным маштабе. Ён прама заявіў: “Вы, беларусы ці ўкраінцы, не замяніце нам завяршыць пралетарскую рэвалюцыю”» [4].

Першымі, хто заявіў аб змене знешнепалітычнай арыентацыі, быў Віленскі БНК. Так, у пастанове, прынятай 18 лютага 1918 г., у прыватнасці гаварылася аб тым, што паколькі бальшавікі ажыццяўляюць гвалт над беларускім народам, то Беларускае Рада аб'яўляе аб разрыве адносін з Расіяй і патрабуе аб'яднання падзеленых ліній фронту частак Беларусі ў адзінае цэлае для пачатку дзяржаўнага будаўніцтва, а таксама што: «Беларуская Рада звяртаецца да ўсіх дзяржаў, якія прызнаюць прынцып самавызначэння нацыянальнасцей, а ў першую чаргу да Германіі, з просьбай аказаць дапамогу ў справе аднаўлення дзяржаўнай незалежнасці былой Літоўска-Беларускай дзяржавы (Вялікага Княства Літоўскага) – нягледзячы на тэрытарыяльны падзел яе мяжою фронту» [5].

У Мінску пасля разгону з'езда ўсялякая працява беларускага руху бярэцца пад сумненне як рэакцыйная, «нацыянальна-шавіністычная». Нават у вобласці культурна-асветніцкай працы адбываюцца замянікі і непаразуменні [6, с. 205]. Амаль усе беларускія нацыянальныя партыі і арганізацыі пераходзяць на нелегальнае становішча, у тым ліку і Савет Старэйшын разгнанага з'езда. На закрытым пасяджэнні 18 снежня ён аб'ясціў сябе выканаўчым органам з'езду – «Саветам з'езду», маючым права кааптацыі дэлегатаў ад зямляцтваў і іншых груп з'езда [1, с. 110].

Выканаўчы камітэт I Усебеларускага з'езда ў перыяд свайго нелегальнага існавання (18.12.1917 – 19.02.1918), выконваючы пастанову з'езда, спрабаваў умяшчацца ў перамовы, якія адбываліся ў Брэсце паміж Савецкай Расіяй і Германіяй, з мэтай не дапусціць падзелу Беларусі, для чаго паслаў сваю дэлегацыю на чале з Цвікевічам. Аднак гэтая дэлегацыя не была афіцыйна прызнаная і ў выніку не змагла аказаць істотнага ўплыву на перагаворны працэс [7].

Між тым, калі ў ноч на 19 лютага 1918 г. Савет Камісараў Заходняй вобласці пад пагрозай нямецкіх войск, якія перайшлі ў наступленне пасля зрыву Брэсцкіх мірных перамоў, пакінуў Мінск, Савет з'езда, дакладней, Выканаўчы

Камітэт Савета І Усебеларускага з'езда, папоўніўшы свае шэрагі прадстаўнікамі нацыянальных меншасцяў (украінцаў, яўрэяў і рускіх), абвешчае сябе часовай вярхоўнай уладай у краі да склікання на дэмакратычных пачатках Устаноўчага Сходу Беларусі.

21 лютага ствараецца Народны Сакратарыят Беларусі, на які ўскладаюцца абавязкі ўрада, аб чым паведамляецца народам Беларусі ў выданай ім І Устаўной грамаце.

Кароткі перыяд незалежнага існавання Выканаўчага Камітэта Савета з'езда з 19 па 25 лютага (момант, калі ў Мінску ўсталёўваецца ўлада германскага вайсковага камандавання) натхняе беларускіх дзеячаў на новыя крокі па стварэнні беларускай дзяржаўнасці.

9 сакавіка, ужо ва ўмовах нямецкай акупацыі, абвешчаецца II Устаўная грамата, у якой Беларусь абвешчаецца Народнай рэспублікай. Праўда, сувязі з Расіяй яшчэ не парываюцца. Беларусь застаецца рэспублікай у рамках Расійскай Федэрацыі. З гэтай падзеі фактычна распачынаецца новы этап развіцця беларускага нацыянальнага руху – пераход да рэалізацыі на практыцы ідэі беларускай дзяржаўнасці.

Заклучэнне. Падводзячы вынікі развіцця ідэі беларускай дзяржаўнасці напярэдадні спроб яе практычнай рэалізацыі, можна зазначыць наступнае. Першае, беларуская нацыя ў гэты час уступіла ў заключную фазу свайго фарміравання і была гатовая весці барацьбу за права на самавызначэнне, але асабліваці яе гістарычнага лёсу прывялі да пэўнай дэфармацыі яе сацыяльнай і эканамічнай структуры. Другое, беларускі нацыянальны рух выпрацаваў свае асноўныя ідэалагічныя палажэнні, сярод якіх адно з галоўных займае патрабаванне права на самавызначэнне беларускай нацыі і патрабаванне аўтаноміі ў якасці канкрэтнай формы ўвасаблення гэтага права. Гэтыя патрабаванні былі характэрныя і для іншых еўрапейскіх нацыянальна-вызваленчых рухаў дадзенага часу, што дазваляе разглядаць беларускі нацыянальны рух як частку еўрапейскага. Трэцяе, Першая Сусветная вайна і Лютаўская і Кастрычніцкая рэвалюцыі выступілі ў якасці каталізатара беларускага нацыянальнага руху і значна прасунулі наперад яго палітычныя патрабаванні. У гэты час фактычна фарміруюцца ўсе галоўныя ідэалагічныя плыні беларускага нацыянальнага

руху і выпрацоўваюцца асноўныя падыходы да праблемы ўвасаблення беларускай нацыянальнай дзяржаўнасці. Гэта, у сваю чаргу, ставіць на парадак дня неабходнасць канкрэтнага ажыццяўлення ідэі беларускай дзяржаўнасці.

Кульмінацыйнай кропкай беларускага нацыянальнага руху ў гэты перыяд з'явіўся I Усебеларускі з'езд. Менавіта пасля яго выкрышталізаваліся асноўныя ідэалагічныя падыходы да праблемы беларускай дзяржаўнасці, якія вызначылі магістральныя накірункі развіцця Беларусі ў гэты перыяд. Сярод іх можна адзначыць наступныя: адмаўленне неабходнасці стварэння якой бы там ні было нацыянальнай дзяржаўнасці; ажыццяўленне нацыянальнага самавызначэння ў форме аўтаноміі ў межах Расійскай рэспублікі (ад абласнога самакіравання да ўтварэння канфедэрацыі); пастаноўка пытання аб утварэнні суверэннай нацыянальнай дзяржавы. Акрамя таго, лёсавызначальнасць дадзенага з'езда не толькі ў выпрацоўцы ідэйных перадумоў утварэння беларускай дзяржаўнасці, але і ў тым, што пасля яго распачалася практычная работа па стварэнні нацыянальнай дзяржавы.

Літаратура

1. Турук, Ф. Ф. Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов / Ф. Ф. Турук. – М.: Госиздат, 1921. – 142 с.
2. НАРБ. – Фонд 311. – Воп. 4. – Спр. 31. – Арк. 1.
3. За дваццаць пяць гадоў (1903–1928): успаміны аб працы першых беларус. паліт. арг.: Беларус. рэвалюц. грамада, Беларус. сацыяліст. грамада / Антон Луцкевіч. – Мінск: Беларус. савец. энцыкл. імя П. Броўкі, 1991. – 62 с.
4. НАРБ. – Фонд 311. – Воп. 4. – Спр. 31. – Арк. 25.
5. Сідарэвіч, А. Правобраз Акту 25 сакавіка / А. Сідарэвіч // Arche. – 2003. – № 2. – С. 156–157.
6. Из истории установления советской власти в Белоруссии и образования БССР [март 1917 г. – февраль 1919 г.] / А. И. Азаров [и др.]. – Минск: Изд-во АН БССР. – Т. 4. – 1954. – 515 с.
7. Цвикевиц, А. Краткий очерк возникновения Белорусской Народной Республики / А. Цвикевиц. – Киев, 1918. – 16 с.

Пастуніў 30.03.2013

УДК 325.2:061.213(476)(477)

В. У. Коваль, кандыдат гістарычных навук, асістэнт (БДТУ)**СУПОЛЬНЫЯ ПРАЕКТЫ МОЛАДЗІ БЕЛАРУСКАЙ
І УКРАЇНСКАЙ ДЫЯСПАР (1918–1939)**

Дадзены артыкул разглядае асноўныя аспекты ўзаемаадносін у асяродку маладых эмігрантаў з Заходняй Украіны і Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд. У ім прааналізаваны малавядомыя ў беларускай гістарыяграфіі працы ўкраінскіх вучоных. Асобная ўвага надаецца даследаванню палітычных, эканамічных, культурных, адукацыйных, спартыўных праектаў паміж беларускімі і ўкраінскімі эмігрантамі. Артыкул аналізуе пытанні гендарнай ролі эмігрантаў у асяродку беларускай і ўкраінскай дыяспар, гендарная гісторыя эміграцыі павінна дапоўніць вывучэнне сацыяльных працэсаў замежжа. Дадзенае даследаванне прысвечана творчым сувязям паміж эмігрантамі, іх супольным тэатральным праектам, маладзёжным арганізацыям, хорам, танцавальным калектывам.

The article retraces the main interrelation between young emigrants from Western Ukraine and Western Belarus in the inter-war period. It analyzes the little-known in Belarus materials and publications of Ukrainian historians. Special attention is given to the characteristic of political, economic, cultural, education, sport projects between Ukrainian and Belarusian emigrants. The article analyzes such questions as a gender role of emigrants among Belarusian and Ukrainian diasporas as a new method of studying social processes. This research dwells upon the creative ties between emigrants, such as common theatres, youth organizations, choruses, dance groups.

Уводзіны. Адною з найбольш цікавых стонак даследавання беларускага замежжа з'яўляецца дзейнасць студэнцкіх арганізацый, жаночых гурткоў і грамадскіх аб'яднанняў. Моладзь дыяспары стала найбольш ініцыятыўнай, прагрэсіўнай і крэатыўнай часткай эміграцыі. Беларускія юнакі і дзяўчаты актыўна супрацоўнічалі з іншымі народамі і дыяспарамі, пра што сведчаць перыядычныя выданні замежжа і архіўныя дакументы. Асобнай тэмай неабходна разглядаць узаемадзеянне беларускай і ўкраінскай дыяспар, бо яно мела свае асаблівасці, адментасці, адрознівалася актыўнасцю і палітызаванасцю.

Асноўная частка. Пры аналізе дзейнасці моладзі беларускай дыяспары трэба даследаваць не толькі прадстаўнікоў палітычнай міжваеннай хвалі, але і эканамічных эмігрантаў. Пры вярбоўцы працоўнай сілы працадаўцы звычайна рабілі абмежаванні па ўзросце, а прыярэтэт быў для маладых, моцных і здаровых мужчын, радзей – жанчын. Безумоўна, неабходна дэтальна разглядаць гісторыю кожнай краіны-рэцыпіента і рэгіёна, аднак рынак працы для эмігрантаў звычайна спецыялізаваўся на цяжкай малааплатай рабоце, бо яе ігнаравала аўтахтоннае насельніцтва. Такім чынам, асноўную масу міжваеннай беларускай эміграцыі склала моладзь, на якую была ўскладзена задача захавання гістарычнай памяці ў асяродку замежжа.

Даволі цікавым аспектам сучасных гендарных даследаванняў стала праца беларускіх і ўкраінскіх жанчын у эміграцыі. Варта падкрэсліць, што роля жаночага руху і ўплыў

грамадскіх жаночых арганізацый на палітычнае жыццё дыяспар адрозніваліся ў розных краінах свету. Значна стымулявала актыўнасць жанчын дыяспар наяўнасць студэнцкай моладзі ў краіне прыбыцця, магчымасць праявіць сябе на міжнародным узроўні, дзейнасць буйных палітычных цэнтраў замежжа.

Дыяспары ў міжваенны час намагаліся ўскласці на жаночы рух пэўныя гаспадарчыя, культурныя і палітычныя функцыі, якія садзейнічалі развіццю асяродкаў. Украінская эміграцыя значна шырэй за беларусаў замежжа развіла дзейнасць жаночых аб'яднанняў. Разам з тым, беларускія эмігранткі таксама далучыліся сваёй працай да міжнароднага жаночага руху, пра што сведчаць архіўныя крыніцы міжваеннага часу. Адною з першых задач жаночых эмігранцкіх суполак стала фарміраванне сталых сувязей з арганізацыямі жанчын іншых народаў, а таксама іх аб'яднанне для прадстаўлення нацыянальных інтарэсаў на міжнародным узроўні. Жаночыя суполкі замежжа аказвалі матэрыяльную і гуманітарную дапамогу, ачольвалі студэнтаў і дзяцей дыяспар, ладзілі культурныя мерапрыемствы і святы, праводзілі Дзень Маці, адчынялі сталоўкі, навучальныя ўстановы, музеі, бібліятэкі, пашыралі выдавецкую дзейнасць у рамках актыўнай культурна-асветнай працы, прымалі ўдзел у міжнародных кангрэсах, канферэнцыях і з'ездах.

Асаблівай актыўнасцю вылучаліся жаночыя арганізацыі ўкраінскіх эмігрантак у Чэхаславакіі, Францыі, ЗША, Канадзе, Бразіліі і Аргенціне. У галіне адукацыі найбольш плённа і паспяхова працавалі ўкраінкі Канады. Варта вызначыць

дзейнасць таварыства Магілянак – гэта дзявочы студэнцкі гурток, заснаваны ў 1923 г. пры Інстытуце імя Пятра Магілы ў Саскатуні [1, с. 24]. Дадзеная навучальная ўстанова спецыялізавалася на падрыхтоўцы педагогаў для школ украінскай дыяспары.

У палітычным плане важную ролю адыгралі Саюз Украінак Канады і Саюз Украінак Амерыкі. Дадзеныя арганізацыі не аднойчы выступалі з вострым асуджэннем польскага ўраду за дыскрымінацыю нацыянальных меншасцей у Другой Рэчы Паспалітай. Жанчыны дыяспары арганізавалі акцыі пратэсту, друкавалі на англійскай мове лістоўкі, дзе ўздымалі вострыя пытанні не толькі пра становішча ўкраінскага народа ў Заходняй Украіне, але і пра цяжкасці беларусаў Заходняй Беларусі. У сваіх прапагандысцкіх матэрыялах жаночыя арганізацыі пісалі пра праблему голаду насельніцтва гэтак званых «усходніх крэсаў», які ў першую чаргу паграджаў беззямельным і малазямельным сялянскім сем'ям. Актывісткі руху падкрэслівалі, што хранічнае недаяданне і курыная слепата былі дастаткова пашырэннымі хваробамі сярод сельскага насельніцтва адзначаных рэгіёнаў, асабліва ў вёсках Галічыны і Прыкарпацця [2, с. 14]. Менавіта складанае матэрыяльнае становішча сялянства прымушала людзей даэміграцыі.

Пра факты супрацоўніцтва беларусаў і ўкраінак замежжа сведчаць дакументы Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва. Эмігранцкія жаночыя арганізацыі ладзілі агульныя мерапрыемствы, сустрэчы і канцэрты. Прыкладам супольнай акцыі стала вечарына ў Парыжы, праведзеная ў снежні 1938 г. Беларускай жаночай грамадой разам з Украінскай жаночай грамадой і Украінскім працоўным саюзам [3, л. 4]. Неабходна адзначыць, што ў міжваенны час толькі пачыналася станаўленне беларускага жаночага руху замежжа, таму засталася няшмат сведчанняў пра рэалізаваныя акцыі і мерапрыемствы беларускіх эмігрантак.

Негатыўна ўплывала на развіццё адзначаных арганізацый традыцыйнае сялянскае выхаванне і ўяўленне пра ролю жанчын у грамадстве. Разам з тым, прагрэсіўныя гендарныя ідэі не мінулі найбольш актыўных прадстаўніц дыяспары. Праблема палітычнай роўнасці мужчын і жанчын пачынае гучаць у асяродку беларускай інтэлігенцыі і эміграцыі ў міжваенны час. У артыкуле часопіса «Жаноцкая справа» Н. Шнаркевіч піша: «Мужчыны нашы і да гэтага часу глядзяць на жанчын як на фізічную сілу. Жанчына павінна ўмець добра зварыць есці, абмыць, абшыць усіх у хаце, спрытна ўвівацца каля гаспадаркі ці наагул быць добраю гаспадыняю. Іншае-ж, як агульныя справы тэй вёскі,

дзе яна жыве, ці таго народу, да якога яна належыць, ці, шырэй гледзячы, – усіх людзей наагул – гэта не яе справа. З такім поглядам нашага мужчыны трэба станоўча змагацца» [4, с. 1–2]. У матэрыяле аўтарам яскрава прадстаўлена пазіцыя Аб'яднання беларускіх жанчын імя Алаізы Пашкевіч (Цёткі), якое і выдавала свой ўласны часопіс «Жаноцкая справа». Актывісткі арганізацыі не толькі займаліся дабрачыннай справай на тэрыторыі Заходняй Беларусі, але і праводзілі акцыі ў асяродку беларускай эміграцыі.

Культурныя ўзаемасувязі беларускіх і ўкраінскіх эмігрантаў актыўна развіваліся ў тэатральным мастацтве. Ініцыятыва па стварэнні амаатарскіх тэатраў у асяродку беларускай і ўкраінскай дыяспары належала моладзі. Неабходна падкрэсліць, што ўкраінская эміграцыя падтрымлівала беларусаў у развіцці тэатральнага мастацтва. Цудоўнай ілюстрацыяй украінскай дапамогі стала першая пастаноўка беларускіх эмігрантаў у Чэхаславакіі – апераэта Ф. Аляхновіча «Птушка шчасця», прэм'ера якой адбылася ў 1924 г. у Юзэфове (Йозефове) на сцэне тэатра ўкраінскага табара [5, с. 4]. Арганізацыйную і творчую падтрымку пры пастаноўцы беларускай апераэты ажыццявіла тэатральная секцыя ўкраінскага Культурна-асветнага гуртка.

Дадзеная грамадская эмігранцкая арганізацыя была дастаткова колькаснай (у 1921 г. – 621 член, у 1922 г. – 1176), першапачаткова яе ўзначальваў І. Мельніцкі, пазней – М. Дальніцкі [6, с. 64]. Культурна-асветны гурток ладзіў разнастайныя курсы, святы, выставы, займаўся выдавецкай дзейнасцю, меў сталыя сувязі з украінскай грамадой у іншых краінах свету. Асноўная праца грамадскага аб'яднання была накіравана на моладзь украінскай эміграцыі, развіццё адукацыйнага ўзроўню эмігрантаў, фарміраванне пачуцця патрыятызма сярод юнакоў і дзяўчат, захаванне нацыянальнай ідэнтычнасці дыяспары. Вядома, што членамі гуртка былі і беларускія эмігранты, яны прымалі ўдзел у яго мерапрыемствах, вучыліся на розных курсах, займаліся ў спартыўных секцыях. Напрыклад, у 1923 г. на гімназічна-рэальных курсах Культурна-асветнага гуртка вучылася 10 беларусаў [6, с. 65]. Украінскія педагогі ставіліся да беларускіх вучняў дастаткова пазітыўна, ім аказвалася матэрыяльная дапамога і маральная падтрымка.

Патрэбна адзначыць, што тэатральнае мастацтва ўкраінскай і беларускай дыяспары набыло сваё развіццё не толькі ў краінах Еўропы, а таксама ў Паўночнай і Паўднёвай Амерыцы. Тэатральныя трупы і харавыя калектывы мелі сапраўдную папулярнасць у асяродку эканамічных эмігрантаў, бо сваёй творчасцю яны нагадвалі пра Бацькаўшчыну, пакінутых там сваякоў,

любимыя мясціны. З 1928 па 1934 г. у Канадзе былі спробы стварыць украінскі прафесійны тэатр пад кіраўніцтвам Піліпа Астапчука, аднак творчая ідэя не была рэалізаваная ў поўнай ступені [7, с. 31]. Найбольш актыўнае аматарскае тэатральнае жыццё ўкраінскай дыяспары было ў Таронта і Вініпеге.

У краінах Лацінскай Амерыкі варта вызначыць ініцыятыву творчай моладзі беларускай і ўкраінскай эміграцыі ў Аргенціне. Беларускае таварыства «Культура» ладзіла спектаклі на беларускай мове ў розных гарадах Аргенціны, аматарская труппа паспяхова гастралювала літаральна па ўсёй краіне. На спектаклі прыходзілі гледачы не толькі з ліку беларускіх эмігрантаў, але і ўкраінцы, палякі і рускія, бо мова ім здавалася зразумелай, а замалёўкі з вясковага жыцця – блізкімі і камічнымі.

Украінская дыяспара надавала асаблівае значэнне песеннай традыцыі, бо яна была выкарыстана палітычнымі лідарамі для нацыянальнай прапаганды. Песня яднала эмігрантаў, спрыяла захаванню нацыянальнай ідэнтычнасці ў прымаючым грамадстве. Гонарам культуры ўкраінскай эміграцыі стала Украінская Рэспубліканская Капэла пад кіраўніцтвам славутага дырыжора Аляксандра Кошыца. Для стварэння нацыянальнай капэлы быў праведзены спецыяльны конкурс у Кіеве, па выніках якога сотня лепшых спевакоў была залічаная ў склад песеннага калектыва. У капэлу ўвайшлі розныя па адукацыйнаму ўзроўню і палітычным перакананням асобы.

З 1919 г. капэла паспяхова гастралювала па Чэхаславакіі, Аўстрыі, Швейцарыі, Францыі, Англіі, Галандыі, Бельгіі, Германіі і Іспаніі. Далёка не ўсе ўкраінскія палітычныя дзеячы лічылі вандраванне капэлы неабходным, што выклікала бурную палеміку ў асяродку дыяспары, таму ў турнэ накіраваліся не ўсе артысты. Перыядычныя выданні віталі гастрольны тур украінскага калектыва, у розных краінах Еўропы выходзілі дзясяткі пазітыўных рэцэнзій, у якіх падкрэслівалася мілагучнасць украінскай народнай песні, абсалютная дасканаласць інтанацый выканаўцаў. З 1922 г. капэла накіравалася ў Злучаныя Штаты Амерыкі, дзе працягнула свае паспяховыя выступленні. Пасля заканчэння турнэ спевакі засталіся на пастаяннае жыхарства ў ЗША.

Артысты Украінскай Рэспубліканскай Капэлы пад кіраўніцтвам А. Кошыца мелі сваіх прыхільнікаў таксама ў асяродку беларускіх эмігрантаў, пра што сведчаць падпісанья для беларусаў фотаздымкі [8, л. 2]. Беларускія паклоннікі падпісвалі здымкі спевакоў пасля паспявых выступленняў капэлы на еўрапейскіх гастролях. Варта падкрэсліць, што ўкраінскія выканаўцы

пакідалі беларусам асабліва цёплыя і сардэчныя словы на памяць, што сведчыць пра прыхільнае стаўленне саміх дыяспар і іх шырокія культурныя сувязі.

Неабходна падкрэсліць, што ў асяродку эміграцыі карысталіся папулярнасцю не толькі ўкраінскія харавыя калектывы і аматарскія тэатральныя трупы, але і танцавальныя групы. Украінскія танцавальныя калектывы і школы танца карысталіся асаблівым поспехам у ЗША і Канадзе, да дзейнасці якіх далучаліся таксама беларускія эмігранты. У Злучаных Штатах Амерыкі ўкраінскімі эмігрантамі ў міжваенны час было арганізавана каля сотні танцавальных груп. Актыўным распаўсюджваннем нацыянальнага ўкраінскага танца ў эміграцыйным асяродку займаўся маэстра Васіль Аўраменка, які стварыў сетку танцавальных школ у ЗША і Канадзе. Яго вучні таксама прапагандавалі ўкраінскую танцавальную традыцыю, сярод іх вылучыліся сваім талентам Віктар Машук, Стэфан Паўлюк, Стэфан Міхайлюк і Іван Юркаў [9, с. 330]. Дзеці і моладзь украінскай дыяспары актыўна вучыліся танцам і спевам у пазакласны час. Вучні выступалі на Шаўчэнкаўскіх канцэртах, на святах, прысвечаных украінскай незалежнасці, на Днях маці і іншых палітычных і культурных мерапрыемствах.

Яскрава вызначыліся беларуска-ўкраінскія кантакты ў супольнай рабоце студэнцкіх арганізацый. Студэнцкая моладзь замежжа стварала прафесійныя, спартыўныя, мастацкія, тэатральныя, музычныя, палітычныя, рэлігійныя, ваенныя, гістарычныя арганізацыі. Чэшска-ўкраінскі камітэт дапамогі ўкраінскім і беларускім студэнтам, Цэнтральнае бюро працы ўкраінскай і беларускай акадэмічнай эміграцыі, Грамада ўкраінскіх і беларускіх студэнтаў лясной інжынерыі ў Празе і іншыя міжнацыянальныя арганізацыі праводзілі паспяховую культурна-асветную работу ў асяродку дыяспар, ажыццяўлялі акцыі матэрыяльнай дапамогі студэнтам, прызначалі спецыяльныя стыпендыі для выдатнікаў і працягвалі падтрымліваць некаторых выпускнікоў.

Асобнай ілюстрацыяй беларуска-ўкраінскіх агульных праектаў сталі мерапрыемствы ў рамках сакалінага руху. Саюз украінскай моладзі ў Чэхаславакіі «Украінскі сокал» бярэ свой пачатак у 1922 г., а годам пазней была створана арганізацыя «Беларускі сокал». Маладзёжная арганізацыя «Сокалаў» з'яўлялася міжнароднай, таму мела вялікую папулярнасць сярод юнакоў і дзяўчат розных нацыянальнасцей.

Саюз актыўна займаўся ідэалагічна-выхаваўчай работай, члены арганізацыі павінны былі абавязкова прайсці ідэалагічны сакаліны курс, дзе наведванне заняткаў старанна адсочвалася старэйшымі. Суполкі саюза мелі назву «гнёзды»,

якія звычайна актыўна супернічалі за лідарства ў арганізацыі. Нацыянальныя сакаліныя саюзы таксама праводзілі работу, накіраваную на культурнае, адукацыйнае, фізічнае і творчае развіццё моладзі: ладзілі канцэртныя і тэатральныя выступленні членаў арганізацыі, стваралі сакаліныя выставы, утрымлівалі бібліятэкі, арганізавалі курсы для непісьменных асоб, праводзілі спартыўныя спаборніцтвы, гульні і алімпіяды, члены арганізацыі выступалі з лекцыямі па роднай мове, літаратуры і гісторыі.

Арганізацыя «Украінскі сокол» была значна буйнейшай за саюз «Беларускі сокол», аднак па структуры яны былі дастаткова падобнымі. Управа «Украінскага сокала» мела чатыры камісіі, якія павінны былі курыраваць фізічнае выхаванне членаў арганізацыі, іх культурны ўзровень, займацца гаспадарчай дзейнасцю і развіццём структур саюза.

У статуте «Беларускага Сокала», які быў састаўлены на чэшскай мове і нагадваў статуты іншых сакаліных арганізацый у Чэхаславакіі, былі акрэслены яго мэты і задачы, дакладна апісвалася, хто можа ўступіць у яго шэрагі: «Членам саюза можа стаць беларус любога пола:

- а) ад 6 да 14 год як школьнік;
- б) ад 14 да 18 як юнак;
- в) ад 18 год як сапраўдны член» [10, л. 16].

Заснавальнікі беларускай арганізацыі наўмысна імкнуліся скапіраваць сакаліны саюз чэшскай моладзі, які стаў прыкладам для эмігрантаў. Варта адзначыць, што дадзены рух быў характэрны таксама для іншых дыяспар у Чэхаславакіі. Сакаліныя гнёзды ўкраінскай і беларускай моладзі дзейнічалі таксама ў іншых краінах свету. Напрыклад, «Украінскі сокол» вызначыўся сваёй плённай працай таксама ў Аргенціне, Францыі і Канадзе. Кожная нацыянальная сакаліная арганізацыя мела свой статут і ўласны сцяг. Моладзь саюза намагалася стварыць свой друкарскі орган, таму большасць адзяленняў утрымлівала часопіс, дзе размяшчаліся ўсе абвесткі і інфармацыйныя матэрыялы.

Сярод членаў «Беларускага сокала» асаблівым попытам карысталіся заняткі па гімнастыцы. У арганізацыі да наведвання ўсіх формаў навучання ставіліся вельмі сур'ёзна. Асоба, якая прапускала мерапрыемствы і заняткі, магла быць выключана з яе шэрагаў, усе свае пропускі член арганізацыі абавязаны быў апісваць у тлумачальных запісках. Прычыны адсутнасці на занятках юнакоў і дзяўчат былі тыповымі для студэнцкай моладзі. Асабліва актыўна саюз разгарнуў сваю працу ў сярэдзіне 20-х гг.

XX ст., аднак паступова роля арганізацыі ў дзейнасці ўсёй беларускай дыяспары паменшылася.

Заклучэнне. Такім чынам, прадстаўнікі беларускай і ўкраінскай дыяспар надавалі асаблівае значэнне рабоце з моладдзю, стваралі і ўтрымлівалі спецыяльныя школы, гімназіі, секцыі, гурткі, арганізацыі. Юнакі і дзяўчаты з энтузіязмам падтрымлівалі ініцыятывы па ажыццяўленню міжнацыянальных праектаў, у тым ліку паміж беларускімі і ўкраінскімі эмігрантамі. Супольныя тэатральныя, музычныя, танцавальныя, спартыўныя, палітычныя, жаночыя мерапрыемствы ў маладзёжным асяродку цудоўным чынам ілюструюць актыўныя кантакты паміж беларускімі і ўкраінскімі замежжам.

Літаратура

1. Когуська, Н. Півстоліття на грамадскай ніві. Нарис історіі Саюзу українок Канады 1926–1976 / Н. Когуська. – Эдмонтон – Вінніпег: Trident Press LTO, 1986. – 1034 с.
2. Ювілейна кніга Украінскага Робітнічага Саюзу 1910–60. – Скрантон: Друкарня прэсавога аргану УРСаюзу, 1960. – 332 с.
3. БДАМЛМ. – Фонд 3. – Воп. 1 – Спр. 308. Бюлетэні ўкраінскага прэс-бюро ў Чэхаславакіі (г. Прага) за 1924–1925 гг. на ўкраінскай мове.
4. Шнаркевіч, Н. Да працы / Н. Шнаркевіч // Жаноцкая справа. – 1931. – № 2. – 16 с.
5. Ш-ло, Л. Беларускі спектакль у Юээфове / Л. Ш-ло // Сялянская праўда. – Вільня, 1924. – № 20. – 4 с.
6. Наріжний, С. Украінська эміграцыя. Культурна праця ўкраінскай эміграцыі між двома сусветнымі войнамі. Репрынтне выданне 1942 року / С. Наріжний. – Львів – Кент – Острог: НТШ, 2008. – 584 с.
7. Ревуцький, В. З історіі украінскага театру в Канаді / В. Ревуцький // Західноканадскі збірнік. – Эдмонтон. – 2000. – Ч. 4. – С. 28–45.
8. БДАМЛМ. – Фонд 3. – Воп. 1. – Спр. 310. Групаваыя фатаграфіі ўдзельнікаў украінскай капэлы ў г. Прага.
9. Нагачевський, А. До історіі украінскага танцю в Альберці / А. Нагачевський // Західноканадскі збірнік. – Эдмонтон – Острог, 2008. – С. 327–348.
10. БДАМЛМ. – Фонд 3. – Воп. 1. – Спр. 174. Статут Саюза моладзі «Беларускі Сакол» у г. Прага з установамі па арганізацыйных пытаннях за 1923–1924 гг.

Паступіў 23.03.2013

УДК 908:06.7(476)323.329«1920»

А. В. Денисов, ассистент (БГТУ)

УЧАСТИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СОЗДАНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОБРОВОЛЬНЫХ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ В СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.

В статье анализируется деятельность добровольных общественных организаций в Советской Беларуси в первой половине 20-х гг. XX в. Конкретным примером служат Минское общество истории и древностей и Минское педагогическое общество, которые в этот период вели активную краеведческую работу. Именно деятельность этих обществ послужила стимулом к дальнейшему генезису краеведческого движения в БССР в 1920-х и 1930-х гг. Главный вопрос, который ставится автором, заключается в роли интеллигенции в данных процессах. Также большой интерес в данном исследовании представляет фундаментальный дуализм в подходах определения назначения интеллигенции в будущем национальном, культурном и государственном строительстве нового Советского государства как со стороны самих представителей интеллигенции, так и со стороны органов власти. Деятельности добровольных общественных организаций в данный период уделялось много внимания со стороны органов власти именно за счет высокой концентрации интеллигенции, что, безусловно, в некоторой степени определяло особенности развития всего краеведческого движения в БССР в 20-х гг. XX в.

The article analyzes the activities of voluntary organizations in the Soviet of Belarus in the first half of the 20s of the twentieth century. Specific examples include the Minsk Society of History and Antiquities and the Minsk Pedagogical Society, which at that time were active in local history work. That the activities of these companies provided the impetus for further movement in the genesis of the local history of the BSSR in the 1920's and 1930's. It is the representatives of the Belarusian intelligentsia tried to implement their cultural, educational, research and community activities through the establishment of voluntary social organizations. The main question raised by the author is the role of intellectuals in these processes. The theme of this research touches and wider issues, particularly the involvement of intellectuals in all public organizations Belarus this period and their relationship with the state. In addition, the research interest is the role of governments vision and objectives that it set the intelligentsia in Soviet Belarus and the identity of the intelligentsia in the activities of voluntary scientific and cultural societies. In the mid-1920's is clearly visible difference in tasks that set themselves intellectuals in civic organizations, local history, and which are set by the intelligentsia and the local history movement of power in Belarus and all over the Soviet Union.

Введение. До настоящего момента роль и значение интеллигенции в деятельности краеведческих организаций Советской Беларуси и краеведческого движения в БССР отличается малой степенью изученности. В белорусской советской историографии, под воздействием идеологических установок, главная и решающая роль в создании краеведческих обществ, их активной деятельности, объединении под руководством центра краеведческой работы отводилась советскому правительству и коммунистической партии [1].

С демократизацией общественной жизни во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. взгляды исследователей на эту проблему изменились [2], однако до сегодняшнего момента специального исследования по этой проблеме не производилось. Тем не менее нормативные, актовые и производственные источники, документы краеведческих обществ БССР позволяют на основе проведенного анализа выявить и показать роль работников интеллектуального

труда в деятельности краеведческих обществ и кружков.

Однако при написании данной статьи мы не могли обойти вниманием вопрос: что же понималось под термином «интеллигенция»? Причем как со стороны самих представителей данной группы, так и со стороны официальных властей. В отношении последних можно использовать следующее определение, данное С. Вольфсоном: «Интеллигенция представляет собой междуклассовую, промежуточную – между пролетариатом и мелкой буржуазией – группировку, образуемую лицами, существующими путем продажи своей умственной (интеллектуальной) энергии» [3, с. 9].

Надо отметить, что такое определение преобладало в советской историографии с начала 1950-х до конца 1980-х гг. и претерпело незначительные изменения. То есть мы видим, что здесь преобладает, помимо классового подхода (где интеллигенция не признавалась самостоятельным классом), типично функциональный,

технократический подход, в соответствии с теми задачами, которые ставились перед интеллигенцией властью.

Сама же интеллигенция в лице многих ее представителей видела свое назначение не только в функциональном смысле, но и в моральном. В целом это определение подsumмировал профессор Р. Мемедов: «Интеллигенция – это часть тех членов общества, которые профессионально заняты квалифицированным умственным трудом, заключающемся в создании, сохранении и распространении ценностей духовной культуры и при этом отличающимися такими идейно-нравственными качествами, как высокое чувство долга, ответственности перед обществом, перед народом, реализуемое на практике стремление ставить службу ему свои знания и способности, бороться против социального зла» [4, с. 23].

Основная часть. В начале 1920-х гг. Советская Социалистическая Республика Беларусь (ССРБ) находилась в тяжелом экономическом положении. Тем не менее именно в этот период начинают возникать краеведческие организации, которые своей целью ставили комплексное, всестороннее изучение родного края для последующего использования полученных данных для культурного, экономического и государственного строительства. Краеведческие организации сформировались и активно действовали как в центре, в Минске, так и на периферии. Их деятельность была теснейшим образом связана со сферой образования и педагогикой. Среди прочих в начале 1920-х гг. особенно активно действовали Минское общество истории и древностей и Минское педагогическое общество.

Минское общество истории и древностей возникло еще в 1919 г., однако легализовать свою деятельность смогло только к 1920 г. С установлением советской власти в Минске, устав общества был утвержден 28 января 1920 г. Первое заседание состоялось в присутствии 400 человек, почетным членом общества стал профессор В. И. Пичета. В президиум вошли Н. Г. Маслаковец (преподаватель 2-й Минской гимназии), А. А. Степуружинский (заведующий 1-й школьной гимназии) [5].

Среди членов-учредителей были такие видные деятели белорусской интеллигенции, как профессор В. И. Пичета, академик Российской академии наук Е. Ф. Карский, Ф. Ф. Турук, преподаватели Белорусского государственного университета (БГУ), школ и гимназий, члены Народного комиссариата просвещения ССРБ, правозащитники и духовенство. Количество членов общества в 1921–1922 гг. составляло более 100 человек [6]. Первым делом Минское

общество истории и древностей занялось налаживанием связей с другими краеведческими организациями, сотрудниками школ. Летом 1921 г. силами общества была проведена научная экспедиция и раскопки в городе Заславле, был собран богатый исторический археологический материал.

Не менее активной деятельностью выделялось в тот период и Минское педагогическое общество, созданное 24 марта 1919 г. Оно базировалось на 2-й минской гимназии, и практически все члены Минского общества истории и древностей являлись членами Минского педагогического общества. А в 1923 г. пост председателя занял Н. Г. Маслаковец. Общее количество членов общества составляло 103 человека, среди которых также преобладали работники просвещения (преподаватели БГУ, минских гимназий, училищ, духовенство, госслужащие).

Устав общества был утвержден Народным комиссариатом просвещения БССР, среди прочего Минское педагогическое общество ставило следующие задачи: объединение всех педагогических деятелей в научной разработке педагогических вопросов, широкое ознакомление всех школьных работников и местного общества с новыми идеями в педагогике, содействие проведению в жизнь научных педагогических идей и строительству школы. Члены общества также занимались краеведением и пытались внедрить новые формы обучения и воспитания в школы на основе практического занятия краеведением [7].

Зимой 1922 г. состоялся объединенный съезд Минского общества истории и древностей, Минского педагогического общества и Белорусского вольно-экономического общества. Темой обсуждения на съезде стали итоги прошедшей в декабре 1921 г. Всероссийской краеведческой конференции, на которой присутствовали и члены Минского общества истории и древностей. Под влиянием краеведческого движения РСФСР на съезде было принято решение провести первую Всебелорусскую краеведческую конференцию и создать Центральное бюро краеведения (ЦБК). Было создано временное бюро краеведения, в состав которого вошло объединенное руководство съезда. На конференции с участием представителей всех краеведческих организаций Беларуси планировалось определить основные направления краеведческой деятельности, а кроме того – придать работе организаций централизованный характер.

Однако власти не дали разрешения на проведение подобной конференции [8]. ЦБК в Беларуси было создано только в начале 1924 г. при Институте белорусской культуры, куда вошли многие члены первых краеведческих

обществ, а первым председателем стал В. И. Пичета. Тогда же была проведена и первая краеведческая конференция [9].

Необходимо отметить, что добровольные общества в своей деятельности в середине 1920-х гг. столкнулись с рядом трудностей, среди которых была трудность легализации своей деятельности. Если в начале 1920-х гг. регистрация добровольных обществ проходила при участии Народного комиссариата просвещения, то в 1922 г. – уже с полной проверкой в Народном комиссариате внутренних дел (НКВД) и Государственном политическом управлении (ГПУ).

3 июля 1922 г. ЦИК и СНК РСФСР было утверждено постановление «О порядке утверждения и регистрации добровольных обществ, не преследующих целей обогащения», а также инструкции порядка регистрации. С этого момента ни одно добровольное общество (за исключением профессиональных союзов) не могло вести свою деятельность легально без регистрации в НКВД и его местных отделениях. Общества, которые не смогли зарегистрироваться в течение двух лет после издания документа, объявлялись закрытыми.

Эта процедура сильно усложнила деятельность многих организаций. В Минске в 1922 г. удалось легализовать свою деятельность нескольким общественным организациям: Вольно-экономическому обществу, Минскому обществу истории и древностей, Научному обществу, Научному Медицинскому обществу, Научному обществу минских зубных врачей.

Заключение. Из данного исследования можно сделать вывод, что роль интеллигенции в создании и деятельности первых краеведческих обществ Советской Беларуси была очень велика. Среди членов первых обществ 90% составили работники просвещения, науки и культуры, светские служащие, а остальную часть – учащиеся школ и высших учебных заведений. Именно представители белорусской интеллигенции пытались реализовать свою культурно-просветительскую, научно-исследовательскую и общественную деятельность посредством открытия

добровольных общественных организаций, что не могло не вызывать определенную настороженность со стороны официальных властей.

Необходимо подчеркнуть, что эта тенденция в белорусском краеведческом движении сохранилась и позднее. Даже к концу 1920-х гг., несмотря на серьезные меры, принятые органами власти по привлечению в краеведческие организации рабочих и крестьян, из общей численности участников краеведческого движения БССР (около 10 000 человек) 96% составляли ученые, работники образования, учащиеся [10].

Литература

1. Амелькович, Л. Г. Деятельность центрального бюро краеведения Белоруссии (1923–1933 гг.) / Л. Г. Амелькович // Вопросы библиоковедения и библиографоведения. Минск, 1975. – С. 59–76.
2. Алексеев, Л. В. Археология и краеведение в Беларуси: XVI в. – 30-е годы XX в. / Л. В. Алексеев; под ред. Б. А. Рыбакова. – Минск: Беларуская наука, 1996. – 206 с.
3. Вольфсон, С. Я. Интеллигенция как социально-экономическая категория / С. Я. Вольфсон. – М.; Л.: Госиздат, 1926. – 61 с.
4. Мемедов, Р. Д. Интеллигенция как социальная общность, ее жизнедеятельность и роль в современном мире: автореф. дис. ... д-ра философских наук: 07.00.02 / Р. Д. Мемедов. – М., 1993. – 45 с.
5. Маслаковец, Н. Г. Краеведение в Белоруссии / Н. Г. Маслаковец // Краеведение. – 1923. – № 3. – С. 301–303.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 34. – Оп. 1. – Д. 170 – Л. 4.
7. НАРБ. – Фонд 34. – Оп. 1. – Д. 171 – Л. 12.
8. Хроника культурной жизни Белоруссии. К изучению Белоруссии // Веснік Народнага Камісарыята асветы С.Р.Р.Б. – 1922. – № 1–3. – С. 26–27.
9. Першы Усебеларускі з'езд краязнаўства // Наш край. – 1926. – № 1. – С. 81–88.
10. НАРБ. – Фонд 4 п. – Оп. 1. – Д. 2002. – Л. 76.

Поступила 28.03.2013

УДК 94(73+476) «1920/1980»

В. А. Острога, кандидат исторических наук, доцент (БГУ)

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ США В БССР В 1920–1980-Е ГГ.

Статья посвящена изучению в Белорусской ССР Новой и Новейшей истории США в период 1920–1980-х гг. Отмечается, что большинство исследований затрагивают вопросы Новейшей американской истории. Дается характеристика отдельных историографических периодов и работ. Делается вывод о большой политизированности советских исследований, касающихся истории США.

The article is devoted to the study of the Byelorussian SSR in Modern and Contemporary history of the United States in the period 1920–1980-ies. It is noted that most of the studies focused on Contemporary American history. Provides a description of selected periods and historiographical works. Found a great politicization of Soviet studies on the history of the United States.

Введение. Статистика свидетельствует, что история США в белорусской советской историографии являлась одной из наиболее изучаемых тем после исследований польской и немецкой истории. Если до войны об Америке выходили единичные публикации, то уже в конце 1940-х гг. исследования на эту тему исчислялись десятками. Значительно расширился и тематический диапазон. Возрастание роли этой страны в мировом масштабе в послевоенный период прямо пропорционально отражалось на числе работ, посвященных ее истории. Пиком интереса стали 1970–1980-е гг. В настоящее время актуальность исторической американистики остается неизменной, так как касается изучения прошлого одной из ведущих стран мира. Представляет актуальность, а также обладает новизной и изучение итогов работ историков и обществоведов прошедших поколений. В статье будет проанализирован весь историографический комплекс, сложившийся в результате исследований белорусскими советскими учеными Новой и Новейшей истории США за весь период существования.

Основная часть. Белорусская американистика начала свое формирование в середине 1920-х гг., однако за весь довоенный период было опубликовано только четыре небольшие книги и пять статей. Публикации выходили с 1926 по 1933 г. Именно эту совокупность немногочисленных работ можно с долей условности назвать довоенной белорусской американстикой. Ее тематика была очень узкой: империализм Северо-Американских Соединенных Штатов (С-АСШ), коммунистическое, рабочее и революционное движение.

Самая первая публикация в этой сфере появилась в 1926 г. – статья известного в то время молодого ученого-популяризатора, политэконома из Белгосуниверситета Л. Кагана «Черные», в которой он анализирует положение афроамериканцев в С-АСШ и уверенно подчеркивает, что «движение американских негров –

огромная сила, и если революционная буря достигнет С-АСШ ... поддержка 10 миллионов негров в пролетарской революции в Америке будет, надо считать, фактором решающего характера» [1, с. 130]. В следующем году он опубликовал свою вторую статью в области американистики «Как возрастал и развивался американский империализм», где дал краткий, но содержательный очерк истории «нарастания и развития империализма Америки» с конца XIX в. до начала XX в.

Стремление выдать желаемую революционную ситуацию за действительную прослеживается и в статье К. Леоновича «Кризис в Соединенных Штатах Северной Америки углубляется», опубликованной в 1931 г. во время мирового экономического кризиса. Автор пишет, что на этой «обетованной земле трубадуров империализма... идет фашизация власти, усиливается террор, идет подготовка к войне», но скоро и там наступят перемены, потому что «компартия Америки после чистки своих рядов... стала уже на путь, который ведет к переменам» [2, с. 12].

В начале 1930-х гг. из печати вышло несколько пособий для школьной и фабрично-заводской молодежи, подготовленных опытными преподавателями Коммунистического университета Беларуси В. Васютинским и В. Стальным, в которых рассматривались вопросы рабочего движения в США.

На этом черно-белом пропагандистском фоне лирическим отступлением, своеобразным «цветным пятном» выглядела популярная брошюра В. Черакова об известном американском изобретателе Т. Эдисоне [3]. Отметим также, что в начале 1930-х гг. президент Белорусской Академии наук и одновременно директор Института истории П. В. Горин (Каляда) инициативно работал над темой «Русско-американские отношения конца XIX в.» [4, л. 60]. Эта работа осталась незавершенной, и, кроме упоминаний в архивах, сведений о ней не сохранилось.

Белорусская историческая американистика приостановила свое развитие в середине 1930-х гг., как и в целом по СССР. И только через десятилетие возобновились исследования в этом направлении.

После войны количество публикаций, касающихся проблем Новой и Новейшей истории США, значительно увеличилось, особенно с конца 1960-х – начала 1970-х гг. Из-за резкого возрастания роли США в международных процессах с 1940-х гг. к ним было приковано большое внимание со стороны историков. За весь послевоенный период вышло в свет свыше 80 публикаций, из них около 30 индивидуальных или коллективных монографий. Подчеркнем, что интерес к истории США существовал на всем протяжении 1940–80-х гг., резко усилившись в 1970-е гг., когда вышло в свет в 4 раза больше публикаций, чем в предыдущее десятилетие, а в последующие 1980-е годы число публикаций удвоилось. Нужно отметить, что тематика исследований была достаточно разнообразной и отражала различные стороны внутренней и внешней политики США: американский империализм и неоколониализм, американский антикоммунизм, деятельность компартии США, милитаризм США, война США в Индокитае, внутренняя политика США, классовая структура населения и другие. Как и прежде, значительное число работ носило остро критический характер. Важно заметить, что фактически все публикации были посвящены периоду Новейшей американской истории.

В послевоенной БССР первая статья в сфере исторической американистики была опубликована в научно-популярном журнале «Полымя» в 1947 г. Это были путевые заметки белорусского историка, секретаря ЦК КПБ Т. С. Горбунова [5]. Научной общеисторической работой можно считать и учебное пособие преподавателей Белгосуниверситета Л. М. Шнеерсона и Д. Б. Мельцера о послевоенном развитии США (1959 г.) [6].

С конца 1940-х гг. отдельной исследовательской темой стал американский антикоммунизм и антисоветизм. В этой области работали ученые В. С. Будако, Ю. В. Калинин и др.

В начале 1950-х гг. наблюдался определенный интерес к истории участия США в интервенции против Советской России и Беларуси, вышла даже отдельная монография С. М. Исаченко «Правал амерыкана-англіійскіх агрэсіўных планаў у Беларусі ў 1917–1920 гг.». Но в дальнейшем он переключился на «политически заостренные» проблемы послевоенного развития «цитадели империализма» [7].

Проблематика, на которую в основном вышли белорусские советские ученые, касалась

агрессивных устремлений «американского империализма и неоколониализма». Уже в 1950-е гг. увидело свет несколько резко критических публикаций белорусских обществоведов П. М. Кирюшина, З. Докторова и М. С. Драгилева об «американской империалистической реакции» [8, 9, 10]. С конца 1950-х гг. в БССР активно изучался милитаризм США. Среди исследователей наиболее выделялся В. П. Васин, который считал военную политику этого государства враждебной трудящимся, а также угрожающей миру [11].

Несмотря на издавна существовавший большой интерес белорусских ученых к истории зарубежных коммунистических партий, как ни странно, деятельность американских коммунистов не стала объектом активных исследований. За весь послевоенный период вышло только несколько публикаций, из них лишь две – Г. И. Миронова и Е. А. Долгучиц – имели академический характер.

В 1960-е и 1970-е гг. ни стилистически, ни концептуально публикации в этой области не изменились. Зачастую названия работ говорили сами за себя, например, «Авантюризм и вероломство – атрибуты американской политики», «Кризис цитадели империализма» и многие другие. В этот период начал активно изучать «политику и практику американского неоколониализма» политэконом Г. Ф. Шмыгов [12]. В начале 1970-х гг. появился ряд работ белорусских исследователей, в которых давался анализ агрессии США в Индокитае. Среди авторов наиболее крупных – А. В. Орловский и П. П. Украинец [13, 14].

В последнем советском десятилетии белорусские американисты Л. Г. Кравченко, В. В. Ровдо и др. стали больше интересоваться и писать о внешней политике США, ее основных направлениях и результатах [15, 16]. Так, в этот период вышло несколько публикаций В. Семенюка, В. А. Зеленецкого и И. В. Прудника о влиянии сионистского лобби на американскую внешнюю политику.

Исследователей БССР в значительной мере интересовали проблемы внутренней политики США. Но приоритетность направлений зачастую определялась на съездах и Пленумах КПСС. Так, в перечень актуальных тем, рекомендованных к разработке, попали: политическая система США, американская классовая структура, социальная политика, молодежное движение, политическая культура в США, профсоюзное движение в США, экономические проблемы этого государства.

Публикации по этим темам стали появляться с 1970-х гг. Среди наиболее значимых названий работы В. Ф. Штрика, А. Сикорского,

А. Мотяшева, Л. М. Мельниковой, В. Мархонько, С. Павлова, И. А. Степанова и других [17, 18, 19, 20, 21, 22, 23]. Они исследовали проблемы «новых левых» в американском молодежном движении, проанализировали причины кризиса социальной политики империализма США, раскрыли феномен «американского образа жизни», охарактеризовали контркультуру и эволюцию молодежного протеста в США в 60–70-е гг. Затрагивались и другие темы.

В этот период увидели свет и ряд монографических изданий, в том числе академических и достаточно фундаментальных: о кризисе социальной политики США (автор Н. Д. Гусев), о влиянии макиавеллизма на политическую мысль США (автор И. А. Степанов) [24, 25]. Также можно отметить труды Ю. В. Калинина, С. Е. Павлова, А. А. Кокорева и др. [26, 27, 28].

Среди исследователей выделяется ряд крупных ученых-американистов – Г. Г. Бойченко, И. И. Антонович, Е. А. Ковалева, В. В. Ровдо [29, 30, 31, 32]. Их работы касались политической организации и классовой структуры США, кризиса «американского образа жизни», деятельности американских профсоюзов, внешнеполитических концепций США. Наибольшей активностью среди них отличался философ А. М. Байчоров, чьи труды раскрывали социально-экономические проблемы в США [33].

Политика перестройки, демократизации и гласности в СССР несколько разрядила критические настроения белорусских ученых в отношении США. Поэтому с конца 1980-х гг. в русле «нового мышления» стали появляться значительно более взвешенные работы. Положение дел, которое сложилось в сфере науки, четко охарактеризовал член-корреспондент АН СССР Н. Н. Болховитинов 9 января 1989 г. в своем докладе на заседании Ученого Совета Института всеобщей истории АН СССР: «Широкое распространение получил очернительский и “зубодробительский” тон, исключалось глубокое, всестороннее, объективное исследование и превращавший отдельные области истории и особенно современной внешней политики США в огромные “черные” пятна... стало привычно обвинять США и их руководителей чуть ли не во всех смертных грехах и создавать у читателя устойчивый “образ врага”. К сожалению приходится констатировать, что свою лепту в обострение отношений с США внесли и историки» [34].

Примером «нового мышления» и начала концептуальных изменений в белорусской американистике может служить пособие Р. А. Чикалова «Социально-экономическое развитие США в 1877–1914 гг.», ставшее единственной работой в республике по Новой истории этого государства [35].

Заключение. Таким образом, белорусская историография, которая сложилась в основном в 1970–1980-е гг., представлена достаточно широким спектром исследований по всем направлениям политической, социально-экономической и культурной жизни Новой и Новейшей истории США. Безусловно, историко-американистские исследования испытали на себе значительное государственное и политическое влияние. В большинстве случаев наиболее характерной чертой белорусских историков-американистов является выраженная односторонность и тенденциозность в работах, но вместе с тем они характеризуются относительной разработанностью и довольно широким тематическим диапазоном. Это был существенный вклад белорусской историографии в исследование Новой и Новейшей истории США в 1920–1980-е гг.

Литература

- Каган, Л. Чорныя / Л. Каган // Польша. – 1926. – № 7. – С. 121–132.
- Леановіч, К. Крызіс у Злучаных Штатах Паўночнай Амерыкі паглыбляецца / К. Леановіч // Бальшавік Беларусі. – 1931. – № 7. – С. 3–12.
- Чаракоў, У. Вялікі вынаходца Томас Альва Эдысон / У. Чаракоў. – Мінск, 1931. – 28 с.
- Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4. – Оп. 5. – Д. 1938.
- Гарбуноў, Ц. У Злучаных Штатах Амерыкі (Дарожныя нататкі) / Ц. Гарбуноў // Польша. – 1947. – № 1. – С. 59–68.
- Шнеерсон, Л. М. США, Англия, Франция после второй мировой войны: учеб. пособие / Л. М. Шнеерсон, Д. Б. Мельцер. – Минск: Изд-во Белгосуниверсита, 1959. – 79 с.
- Исачанка, С. М. Правал амерыкана-англійскіх агрэсіўных планаў у Беларусі ў 1917–1920 гг. / Исачанка, С. М. – Мінск: Дзяржвыд БССР, 1954. – 120 с.
- Кирюшин, П. М. Расизм – оружие американской империалистической реакции / П. М. Кирюшин // Известия Академии наук БССР. – 1950. – № 6. – С. 37–49.
- Доктараў, З. Амерыканскі імперыялізм – злейшы вораг свабодалюбівых народаў. Рэцэнзія / З. Доктараў // Бальшавік Беларусі. – 1952. – № 7. – С. 71–79.
- Драгіллёў, М. С. ЗША – арганізатар імперыялістычнай агрэсіі, аплот сусветнай рэакцыі / М. С. Драгіллёў. – Мінск: Выд-ва АН БССР, 1952. – 48 с.
- Васин, В. Милитаризм США – экономическое бремя трудящихся / В. Васин // Промышленность Белоруссии. – 1972. – № 1. – С. 70–71; Васин, В. П. Милитаризм США – враг

трудящихся и угроза миру / В. Васин. – Минск: Веды, 1972. – 20 с.

12. Шмыгов, Г. Ф. Позолоченные оковы. Политика и практика американского неокolonизма / Г. Ф. Шмыгов. – Минск: Беларусь, 1969. – 111 с.; Шмыгов, Г. Ф. Экспансия международных корпораций США в развивающихся странах / Г. Ф. Шмыгов. – Минск: Веды, 1979. – 23 с.; Шмыгов, Г. Ф. США: социально-экономические аспекты общего кризиса капитализма / Г. Ф. Шмыгов. – Минск: Веды, 1980. – 25 с.

13. Орловский, А. В. Американский империализм – душитель свободы народов Индокитая / А. В. Орловский. – Минск: Изд-во ЦК КПБ, 1972. – 22 с.

14. Украинец, П. П. Агрессия США во Вьетнаме и кризис американского общества / П. П. Украинец. – Минск: Веды, 1972. – 20 с.

15. Кравченко, Л. Г. Внешняя политика США – курс на усиление империалистических агрессивных тенденций / Л. Г. Кравченко. – Минск: Веды, 1982. – 22 с.

16. Ровдо, В. Неоглобализм в идеологии и политике Вашингтона / В. Ровдо // Коммунист Белоруссии. – 1987. – № 10. – С. 80–87.

17. Штрык, У. Ф. «Новые левые» у маладзёжным руху ЗША / У. Ф. Штрык // Весці АН БССР. – Сер. грамад. навук. – 1971. – № 2. – С. 115–120.

18. Сикорский, А. Кризис социальной политики американского империализма / А. Сикорский // Коммунист Белоруссии. – 1975. – № 2. – С. 92–96.

19. Мотяшев, А. «Американский образ жизни» и маневры буржуазной пропаганды / А. Мотяшев // Коммунист Белоруссии. – 1976. – № 5. – С. 84–90.

20. Мельнікава, Л. М. Контркультура і эвалюцыя маладзёжнага пратэсту ў ЗША: 60–70-я гг. / Л. М. Мельнікава // Весці АН БССР. – Сер. грамад. навук. – 1984. – № 3. – С. 24–31.

21. Мархонько, В. «Рейганомика» в теории и на практике / В. Мархонько // Коммунист Белоруссии. – 1984. – № 10. – С. 84–90.

22. Паўлаў, С. Вендэта па-амерыканску / С. Паўлаў // Польша, 1985. – № 1. – С. 144–179.

23. Степанов, С. Конституция США: 200 лет спустя / С. Степанов // Коммунист Белоруссии. – 1987. – № 9. – С. 87–91.

24. Гусев, Н. Д. США: кризис социальной политики / Н. Д. Гусев. – Минск: Беларусь. – 1974. – 270 с.

25. Степанов, И. А. Макиавеллизм и политическая мысль США / И. А. Степанов. – Минск: Наука и техника, 1982. – 252 с.

26. Калинин, Ю. В. США: законы против демократии / Ю. В. Калинин. – Минск: Изд-во БГУ. – 1976. – 79 с.

27. Павлов, С. Е. Вендетта по-американски / С. Е. Павлов. – Минск: Беларусь, 1985. – 190 с.

28. Кокорев, А. А. Куда ты идешь, Америка? / А. А. Кокорев. – Минск: Вышэйшая школа, 1986. – 251 с.

29. Бойченко, Г. Г. Политическая организация США. Общественные институты и их взаимодействие с государством / Г. Г. Бойченко. – Минск: Изд-во БГУ, 1970. – 539 с.

30. Антонович, И. И. Кризис общественного сознания в США и «стратегия выживания» / И. И. Антонович // Вопросы истории. – 1977. – № 11. – С. 145–151;

31. Ковалева, Е. А. Новые тенденции в профсоюзном движении США / Е. А. Ковалева // Вестник Белорусского государственного университета. – Сер. 3. – 1983. – № 1. – С. 45–47.

32. Роўда, У. В. Панідэалагічныя прэтэнзіі амерыканскіх нэакансерватараў / У. В. Роўда // Весці АН БССР. – Сер. грамад. навук. – 1985. – № 6. – С. 40–46; Роўда, У. В. «Стрымліванне камунізму» ў сучасных амерыканскіх знешне-палітычных канцэпцыях / У. В. Роўда, Т. І. Паліхіна // Веснік БДУ. – Сер. 3. – 1989. – № 3. – С. 47–51.

33. Байчоров, А. М. Прогрессивная молодежь США в борьбе за единство демократических сил / А. М. Байчоров. – Минск: ЦК ЛКСМБ, 1974. – 22 с.; Байчоров, А. М. США 70-х: социальные проблемы и противоречия / А. М. Байчоров. – Минск: Беларусь, 1979. – 206 с.; Байчоров, А. «Доктрина Рейгана»: реальность и перспективы / А. Байчоров // Коммунист Белоруссии. – 1987. – № 8. – С. 92–95.

34. Болховитинов, Н. Н. Новое мышление и советская американистика. Доклад на заседании Ученого Совета Института всеобщей истории АН СССР. Выступления в прениях / Н. Н. Болховитинов. – М.: Институт истории АН СССР, 1989. – С. 5–6.

35. Социально-экономическое развитие США в 1877–1914 гг.: учеб.-метод. разработка / сост. Р. А. Чикалов. – Минск: МГПИ, 1991. – 62 с.

Поступила 20.03.2013

УДК 94(476)«1930...»:343.43

І. У. Каляда, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (БДТУ)

БАРАЦЬБА З «НАЦЫЯНАЛ-ДЭМАКРАТЫЗМАМ» І РЭПРЭСІІ НА БЕЛАРУСІ Ў 1930-Я ГАДЫ

Артыкул прысвечаны такой старонцы нашай гісторыі, як рэпрэсіі на Беларусі ў 1930-я гады. Засяроджваецца ўвага на вытоках гэтай трагедыі, а менавіта на барацьбе з «нацыянал-дэмакратызмам», у прыналежнасці да якога абвінавачвалі перш за ўсё беларускую інтэлігенцыю. Вынікам гэтай кампаніі сталі вялікія страты, якія панеслі нашы адукацыя, навука, мастацтва, увогуле культура. Аўтар спрабуе зразумець, чаму такі удар быў нанесены перш за ўсё па інтэлігенцыі, чым гэта абгрунтоўвалася афіцыйна.

The article is devoted to such a page of our history as the repression in Belarus in 1930s. Focuses on the origins of the tragedy, namely the fight against national democracy, in which the accused belong to, first of all, the Belarusian intelligentsia. The result of this campaign was huge losses incurred by our education, science, the arts, the development of a national theater, the culture. The author tries to understand why such a blow was struck, first of all, intellectuals, what is the explanation the authorities.

Уводзіны. 20-я гады ХХ ст. на Беларусі адзначаны правядзеннем беларусізацыі – палітыкі нацыянальна-дзяржаўнага і нацыянальна-культурнага будаўніцтва. Менавіта тады адбыўся сапраўдны ўзлёт інтэлектуальных сіл беларускага народа, уздым яго культуры, навукі, што вызначыла рост нацыянальнай самасвядомасці людзей у тую пару. Аднак з пераходам да фарсіраванай індустрыялізацыі і да гвалтоўнай калектывізацыі на Беларусі ўсталяваўся і пачаў умацоўвацца аўтарытарна-дэспатычны рэжым, які часам яшчэ называюць адміністрацыйна-камандай ці таталітарнай сістэмай. Не толькі ў эканоміцы, але і ў палітыцы, ідэалогіі, навуцы стаўка была зроблена на дыктат.

Асноўная частка. Менавіта з канца 1920-х гадоў у адрас беларускай інтэлігенцыі ўсё часцей сталі гучаць абвінавачванні ў тым, што яна прытрымліваецца ідэалогіі т. зв. «нацыянал-дэмакратызму». У рэспубліцы фактычна распачынаецца кампанія па яго разгрому, якая вызначыла карэнны паварот у нацыянальнай палітыцы і стала прамым адмаўленнем беларусізацыі. Нагадаем, што паняцце «нацыянал-дэмакратызм» узнікла ў пачатку ХХ ст. і азначала кірунак грамадска-палітычнай думкі, які спалучае агульнадэмакратычныя ідэі і мэты з задачамі сацыяльнага і нацыянальнага вызвалення прыгнечаных народаў.

Упершыню ў негатыўным кантэксце тэрмін «нацыянал-дэмакратызм» з'явіўся ў рэзалюцыі кастрычніцкага (1926 г.) пленума ЦК КП(б)Б «Аб нацыянальнай палітыцы ў БССР» і вызначаўся як тэндэнцыя «ставіць нацыянальныя інтарэсы вышэй за класавыя, што ... выявілася ў імкненні вырашчваць нацыянальную форму культуры як шкоду яе пралетарскаму зместу». Асноўнымі метадамі барацьбы з ім прызнавалася крытыка і ленінскае выхаванне.

Па меры згортвання НЭПа «рашучасць» узрастала. Сваю ролю ў гэтым адыграла камісія,

накіраваная на Беларусь у маі 1929 г. ЦК УКП(б) пад кіраўніцтвам старшыні ЦКК Кампартыі Украіны У. Затонскага, якая вывучала практыку правядзення нацыянальнай палітыкі ў БССР. Вывады, зробленыя гэтай камісіяй, былі наступныя: адзначалася, што нацыянал-дэмакратызм у рэспубліцы перайшоў у адкрытае наступленне; падкрэслівалася непамерна вялікая роля ў палітычным жыцці краіны інтэлігенцыі, з настроямі якой лічыцца партыйнае кіраўніцтва; ставілася задача спыніць «занадта зацягнуўшуюся палітыку падладжвання пад вярхушку інтэлігенцыі», а таксама «прымірэнчыскія адносіны да розных ухілаў» [1, с. 108–109]. Дзейнасць камісіі вызначыла пачатак нацыянальнай трагедыі. Палітычныя адзнакі нацыянал-дэмакратызму сталі ненатуральна завастрацца аж да правядзення аналогіі з нацыянал-фашызмам. Пад ім сталі разумець варожую савецкаму ладу ідэалогію і практыку, контррэвалюцыйныя плыні, мэтай якіх была рэстаўрацыя капіталізму ў БССР і арыентацыя на Захад. Пры гэтым палярна мяняліся адзнакі мінулага: ужо ўвесь нацыянальна-вызваленчы рух без якой-небудзь дыферэнцыяцыі, пачынаючы з Ф. Багушэвіча, стаў абвяшчацца рэакцыйным.

Такія вызначэнні ўжо не маглі быць безадраснымі, яны патрабавалі выяўлення канкрэтных ворагаў, прычым з'яднаных у буйныя антысавецкія арганізацыі. Абвінавачванні ў нацыянал-дэмакратызме ўсё часцей сталі гучаць у адрас такіх вядомых партыйных і дзяржаўных дзеячаў, як Зм. Жылуновіч, У. Ігнатоўскі, Дзм. Прышчэпаў, А. Баліцкі, А. Чарвякоў. Шукалі не толькі нацыянал-дэмакратаў, але і тых, каго можна было абвінаваціць ва «ухілах». Так, згодна рашэнню сакавіцкага (1926 г.) пленума ЦК КП(б)Б пачалася праверка палітычнай дзейнасці беларускай інтэлігенцыі. У Інстытуце беларускай культуры А. Цвікевіч, К. Міцкевіч

(Я. Колас), Я. Лёсик былі прылічаны да нацыянал-дэмакратаў, І. Луцкевіч (Я. Купала) абвінавачваўся ў лева-народніцкім ўхіле, А. Смоліч – у нацыянал-дэмакратычным. У БДУ прафесара Д. Жарынава аб’явілі нацыянал-дэмакратам, у прафесара І. Пeralьмана знайшлі яўрэйскі нацыянал-дэмакратычны ўхіл і г. д.

У ходзе кампаніі па выкрыццю «нацдэмаўшчыны» крытыка нярэдка накіроўвалася і супраць старшыні ЦВК БССР А. Чарвякова. На XVI з’ездзе КП(б)Б (10–19 чэрвеня 1937 г.) ён трапіў пад яўна інспіраваны злосны напад з боку кіраўніцтва і дэлегатаў з’езда. Яму было прад’яўлена абвінавачванне ў тым, што ён з’яўляецца ідэйным натхніцелем і кіраўніком нацыянал-апартуністычнага ўхілу ў КП(б)Б і «нацдэмаўскага руху наогул».

Для таго, каб прыдаць бачнасць разгалінаванню так званай нацыянал-дэмакратычнай плыні і яго арганізацыйнай аформленасці, у грамадскае меркаванне настойліва ўкаранялася думка аб існаванні ў рэспубліцы нібыта старанна законспіраванай контррэвалюцыйнай арганізацыі. Апагеям гэтай кампаніі стала сфабрыкаваная справа, якая атрымала назву «Саюза вызвалення Беларусі» (СВБ). Ужо ў кастрычніку 1930 года на пленуме ЦК КП(б)Б у спачуванні (пакуль яшчэ не ў прыналежнасці) да яго былі абвінавачаны Зм. Жылуновіч (у той час кандыдат у члены ЦК і кіраўнік Глаўмастацтва Наркамсветы БССР) і У. Ігнатоўскі (член ЦК, прэзідэнт АН БССР). Больш таго, у канцы 1929 – пачатку 1930 гг. у краіне пракацілася хваля арыштаў тых, хто нібыта прыналежаў да гэтага «Саюза». У 1931 г. пастановай калегіі АДПУ было асуджана 90 чалавек – галоўным чынам работнікаў навукі, культуры, мастацтва, шэрагу наркаматаў рэспублікі, у тым ліку наркам асветы А. Баліцкі, наркам земляробства Дзм. Прышчэпаў, дырэктар выдавецтва «Беларусь» П. Ілючонак. Кіраўніцтва гэтай арганізацыяй прыпісвалася Я. Лёсіку, С. Некрашэвічу, В. Ластоўскаму – акадэмікам АН БССР. Яны нібыта «ставілі сваёй мэтай звергнуць савецкую ўладу і ўстанавіць беларускую буржуазную дзяржаўнасць» [2]. Усе, хто праходзіў па справе «Саюза вызвалення Беларусі», былі прыгавораны да розных тэрмінаў зняволення і высылкі. А ў 1937 г. усіх іх чакалі паўторны суд і смерць.

Абвінавачванні ў нацыянал-дэмакратычным ухіле, пабудаваныя на вельмі няцвёрдых заснаваннях, былі выстаўленыя ў адносінах да другога сакратара ЦК КП(б)Б І. Васілевіча, рэдактара газеты «Чырвоная змена» П. Галавача, вядомага беларускага пісьменніка, у той час намесніка наркама асветы БССР Зм. Жылуновіча (Цішкі Гартнага), далейшы лёс якіх таксама склаўся драматычна.

Пад сцягам барацьбы з «нацдэмаўшчынай» моцны ўдар быў нанесены шмат па якіх групах творчай інтэлігенцыі рэспублікі. Па няпоўных дадзеных у 1930-я гады было асуджана каля 230 членаў Саюза пісьменнікаў Беларусі (больш за палову яго складала). Сярод іх такія выдатныя дзеячы культуры, заснавальнікі сучаснай беларускай літаратуры, як М. Гарэцкі, У. Галубок, М. Чарот, М. Зарэцкі, А. Дудар і інш. Больш за 130 вучоных страціла ў тыя гады Акадэмія навук Беларусі [3, с. 218]. Масавае рэпрэсіі знішчылі значную частку работнікаў мастацтва, асветы. У хуткім часе ўжо само навучанне на беларускай мове становіцца аргументам для абвінавачвання ў нацыянал-дэмакратызме. Так здарылася з таленавітым вучоным, першым рэктарам БДУ У. Пічэтам, у віну якому яшчэ паставілі і «празакходную арыентацыю» за тое, што ва ўніверсітэце ўводзілася выкладанне на беларускай мове і чыталіся курсы лекцый па «Гісторыі славян» і «Гісторыі Польшчы».

Пад выгядам барацьбы з нацыянал-дэмакратызмам з ВНУ былі выдалены выдатныя вучоныя, прыхільнікі беларусізацыі, якія ведалі гісторыю, мову, культуру народа. На доўгія гады былі падарваны асновы для паспяховай падрыхтоўкі нацыянальных кадраў і развіцця навукі і культуры.

У беларускім тэатры былі забаронены амаль усе лепшыя паказы 20-х гадоў. Былі зняты з рэпертуару спектаклі па п’есах А. Міровіча «Кастусь Каліноўскі», «Машэка», М. Чарота «На купале», Я. Купалы «Тутэйшыя», п’есы Ф. Аляхновіча [4]. Пад шыльдаю змагання з нацыянал-дэмакратызмам на мастацкім фронце з ведама аддзела мастацтва Наркамсветы БССР пачынаецца чыстка мастацкай спадчыны. Шэраг мастакоў былі абвінавачаны ў паследаванні буржуазнаму заходнееўрапейскаму мастацтву. У вобразах М. Філіповіча знайшлі ідэалізацыю мінулага, адлюстраванне народных забабонаў і кулацкіх настрояў. Яго ўдзел у экспедыцыях, як і сам факт паездак з мэтай замалёвак старажытных цэркваў і царкоўнага абсталявання, быў расцэнены як варожая дзейнасць нацыянал-дэмакратаў.

Мастакі-графікі былі раскрытыкаваныя за імкненне адродзіць традыцыі Скарынінскай бібліі, што расцэньвалася як праява нацдэмаўшчыны ў мастацтве. З мэтай падпарадкаваць кінавытворчасць партыйнаму дыктату былі моцна раскрытыкаваныя як ідэалагічна невытрыманыя фільмы «Хвоі гамоняць», «Гатэль «Савой», «Кастусь Каліноўскі» і іншыя лепшыя дасягненні беларускай нацыянальнай кінаматаграфіі.

За даволі кароткі тэрмін у якасці выканання сацыяльнага заказу дзяржавы і партыі з’яўляюцца

цэлыя «навуковыя працы», якія тэарэтычна і гістарычна абгрунтавалі разгром нацыянал-дэмакратызму, напрыклад С. Вальфсона «Идеология и методология нацдемократизма» (1931 г.), А. Зюзькова «Крывавы шлях беларускай нацдэмакратыі» (1931 г.), «Навука на службе нацдэмаўскай канррэвалюцыі» (1931 г.). У 1929–1930 гг. на старонках маскоўскай газеты «Комсомольская правда» друкуюцца вялікія артыкулы «канррэвалюцыйная дзейнасць беларускіх нацыянал-дэмакратаў», чэрніцца праца такіх беларускіх дзеячаў, як А. Смоліч, В. Ласатоўскі, А. Цвікевіч, Я. Лёсік, А. Баліцкі, С. Некрашэвіч, У. Ігнатоўскі. Гэтую крытыку падхапіла і газета «Правда», на старонках якой у 1930 г. з’явіўся артыкул «Белорусский национал-демократизм на идеологическом фронте БССР» за подпісам В. Сярбенцы (старшыня Беларускага таварыства гісторыкаў-марксістаў, акадэмік АН БССР), З. Поташа (навуковы супрацоўнік Інстытута гісторыі партыі пры ЦК КП(б)Б), дзе яны з усёй сур’ёзнасцю пісалі, што барацьба супраць нацдэмаў і рускіх вялікадзяржаўнікаў – гэта правядзенне ў жыццё ленінскай нацыянальнай палітыкі [5].

Зразумець сутнасць усяго, што адбывалася ў той час, можна, калі ўлічваць той факт, што праблема нацыянальнага і культурнага будаўніцтва вырашалася ў 1920-я гады як арганічная частка ўсяго комплексу праблем новай эканамічнай палітыкі. Як вядома, нэпаўская мадэль развіцця сацыялізму стала згортвацца ў канцы 1920-х гадоў, што не адлюстравалася на ідэалагічнай дзейнасці партыі. Усё часцей нацыянальнае свядома сталі атаясамліваць з нацыяналістычным, з падазронасцю адносіцца да любых праяў нацыянальных пачуццяў і турбоце аб развіцці нацыянальных культуры і мовы. Гэтая насцярожанасць даволі скоро стала вылівацца ў ваяўнічую нецярпімасць да любога іншадумства.

Адмова ад НЭПа ў цэлым, пераход да прымуковай калектывізацыі, адміністрацыйна-камандных метадаў кіравання непазбежна павінны былі прывесці да дэфармацыі ў нацыянальнай палітыцы. Тым больш што сацыяльнай глебай «нацдэмаўшчыны» аб’яўлялася кулацтва.

Нельга казаць, што разгром нацыянал-дэмакратызма быў вузка лакальнай з’явай, спецыяльна задуманым ударам менавіта супраць нацыянальнай інтэлігенцыі. Ён быў праявай і лагічным вынікам звышцэнтралізацыі, зацвярджэння жорсткай камандна-бюракратычнай казарменнай сістэмы, заснаванай на рэжыме асабістай улады і агульнай падазронасці. Сталінская наменклатура з яе прынцыпам прызначэння зверху не хацела мірыцца з вылучэннем кадраў на месцах. Пагрозу для яе несла і інтэлігенцыя, што вырасла з нацыянальных каранёў, адукаваная, незалежна думачая, нацыянальна свядомая.

Заклучэнне. У ходзе кампаніі па барацьбе з нацыянал-дэмакратызмам беларусізацыі быў нанесены моцны ўдар. Гэтая кампанія вызначыла карэнны паварот у нацыянальнай палітыцы. Вяртанне да ідэі сусветнай рэвалюцыі, адмова ад новай эканамічнай палітыкі, пераход да прымуковай калектывізацыі, уніфікацыя і цэнтралізацыя дзяржаўнага кіравання – усё гэта непазбежна вяло да дэфармацыі ў нацыянальна-культурнай палітыцы. Суадносіны нацыянальнага развіцця і вялікадзяржаўных інтарэсаў цэнтральных партыйна-дзяржаўных структур былі вырашаны на карысць апошніх.

Літаратура

1. Міхнюк, У. Захоўваць вечна: справа № 20951-С / У. Міхнюк // Маладосць. – 1992. – № 6. – С. 110–115.
2. Беларусь: страницы истории / Нац. акад. наук Беларусі, Ін-т истории; редсовет: А. А. Коваленя [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2011. – 408 с.
3. Коледа, И. В. Судьбы белорусской интеллигенции в 20–30-е годы / И. В. Коледа // Интеллигенция, провинция, отечество: материалы Междунар. науч.-теорет. конф. / Ивановский гос. ун-т. – Иваново, 1996. – С. 417–419.
4. Каляда, І. У. Беларусізацыя: прычыны скасавання / І. У. Каляда // Весці АН Беларусі. Сэрыя гуманітарных навук. – 1998. – № 1. – С. 75–80.
5. Сербента, В. Белорусский национал-демократизм на идеологическом фронте БССР / В. Сербента, З. Потыш // Правда. – 1930. – 30 декабря. – С. 3.

Паступіў 20.03.2013

УДК 355.42.424

А. А. Зайцев, кандидат военных наук (Военная академия Республики Беларусь)

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКИХ ПАРТИЗАН В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Опыт ведения военных конфликтов всех стран показывает, что, как бы ни была подготовлена и вооружена армия, без хорошо поставленной разведки она не сможет успешно выполнить свои задачи. В годы Великой Отечественной войны значительную роль в достижении Победы сыграла разведывательная деятельность партизан, имевшая как положительные, так и отрицательные стороны. Опыт организации разведки в годы войны на занятой противником территории имеет большое значение и в разработке современной теории ведения военных действий.

The experience of conducting military conflicts of all countries shows, that how the army has been prepared and armed, without well put reconnaissance cannot successfully carry out its problems. During the Great Patriotic War a considerable role in Victory achievement played the reconnaissance activity of guerilla which had positive and negative sides. The experience of the organization of reconnaissance in time of war on the territory, which was occupied by the enemy, have the great importance in elaboration a modern theory of conducting military actions.

Введение. Разведку не без основания считают ключом к победе. Вторая мировая война характеризовалась широким пространственным размахом и подвижностью участвовавших в ней вооруженных сил. Огромные армии благодаря моторизации обладали способностью к быстрому маневрированию, к созданию в ходе операций крупных группировок в самые короткие сроки и на различных направлениях. В этих условиях разведывательная работа чрезвычайно усложнилась и превратилась в первостепенный фактор ведения войны, а разведка, ведущаяся партизанами, приобрела важнейшее значение [1].

Основная часть. Партизанская разведка стала эффективной не сразу. До середины 1942 г. практически все партизанские отряды вели разведку в своих интересах, и лишь сравнительно небольшое количество партизанских отрядов и групп, организованных на базе разведывательных групп главного разведывательного управления Генерального штаба (далее – ГРУ ГШ) и органов государственной безопасности, вели разведку для армии. Многие разведывательные группы ГРУ ГШ, выполняя свои спецзадания, включались в партизанскую борьбу против захватчиков и выросли в крупные отряды и соединения. Ими руководили К. А. Груздев, С. Н. Каплун, Н. П. Федоров, Г. М. Линьков и др. И это не только не отвлекало их от выполнения поставленных задач, но наоборот – создавало широкие возможности для разведывательной работы.

Специальные отряды и оперативные группы органов государственной безопасности, направленные в тыл врага для ведения разведывательной и диверсионной работы, также втягивались в широкую общую борьбу против захватчиков. Из небольших по составу групп, руководимых Д. Н. Медведевым, С. А. Ваупшасовым,

Н. И. Кузнецовым, К. П. Орловским и др., они вырастали в партизанские отряды и соединения, вписав славные страницы в историю борьбы против захватчиков.

Крупнейшим недостатком начального периода являлась чрезвычайно слабая радиосвязь с партизанскими отрядами. При больших сроках доставки разведданные, имевшие оперативный интерес, старели и теряли свое значение [1].

Другим недостатком было то, что партизаны в этот период имели слабую связь с крупными городами, где были штабы и учреждения врага, где вынашивались его замыслы и через которые непрерывным потоком шли вражеские людские силы и материальные ресурсы.

Третьим недостатком являлось отсутствие разведывательного опыта у командиров и разведчиков. Часто многие захваченные немецкие документы уничтожались партизанами, не имевшими представления об их ценности [2].

Эти трудности были преодолены довольно быстро. В отряды и бригады направлялись опытные разведчики, в большей степени чекисты, шел инструктаж партизан и жителей по вопросам разведывательной работы, разрабатывались ясные и точные директивы о способах и задачах ведения разведки.

Расширяясь, партизанское движение накапливало опыт. Для бесчисленных партизанских отрядов, подпольных организаций разведка становилась одной из основных задач.

Программой партизанского движения Великой Отечественной войны стал знаменитый приказ № 00189 от 5 сентября 1942 г., изданный по итогам совещания партизанских командиров, в котором были изложены задачи и принципы разведывательной деятельности партизан.

Было принято решение руководство разведывательной работой партизан в тылу врага сосредоточить в одних руках, в штабах партизанского движения. Решением ГКО в Центральном штабе, республиканских, фронтовых и областных штабах партизанского движения были образованы разведывательные отделы [3].

Кроме того, специальным приказом Верховного Главнокомандующего, исходя из опыта движения, были назначены заместители командиров по разведке во всех партизанских соединениях, бригадах и отрядах. Этим приказом была определена стройная организация партизанских разведывательных органов в тылу врага.

Среди обязанностей заместителя командира по разведке были подбор и внедрение агенты, практическая работа с нею, получение разведывательных данных, их отбор, первичная обработка, дополнительная проверка и представление разведывательных данных по назначению. Он руководил также и контрразведывательной работой партизан, сводившейся в основном к предотвращению проникновения в отряды агенты врага, ее разоблачению.

Заместитель командира по разведке стал одной из ключевых фигур в партизанском отряде, от его работы во многом зависел не только успех боевой деятельности, но порой и само существование отряда.

Главным и основным методом разведывательной работы партизан являлся сбор сведений о противнике партизанской агентурой из местного населения, проникавшей по заданию партизан и подпольных организаций на объекты врага.

Партизанские разведчики проникали во все структуры военного, политического, административного и хозяйственного аппарата захватчиков. Даже в воинских частях, разведывательных и контрразведывательных органах, дешифровальных пунктах и т. п. работало значительное число агентов партизан и подпольных организаций из числа советских граждан и немецких солдат.

Партизанские бригады и отряды имели в городах, на предприятиях, в оккупационных учреждениях и крупных гарнизонах противника десятки тысяч агентов. В разведывательной работе партизан участвовали сотни тысяч граждан, проживавших на оккупированных территориях.

Минское соединение В. И. Козлова охватывало своей агентурной сетью более 500 местечек, крупных населенных пунктов и городов, расположенных на важных железнодорожных и шоссе коммуникациях, в том числе Минск, Слуцк, Бобруйск, Дзержинск, Старые Дороги, Осиповичи и другие, где в общей

сложности насчитывалось 2192 агента и осветомителя [1].

В партизанские отряды переходило немало перебежчиков – солдат и офицеров врага, главным образом из числа прогрессивно настроенных людей, антифашистов, недовольных режимом и зверствами фашистов на оккупированных территориях.

Партизанская разведка охватывала все виды деятельности вражеской армии, все военные, политические и экономические мероприятия оккупационных германских властей. Она часто раскрывала замыслы противника в зародыше и оказывала тем самым неоценимую услугу Родине.

Партизаны передавали разведывательным группам армейских органов огромный поток информации, заботясь лишь о том, чтобы она как можно быстрее дошла по назначению и принесла пользу. Чаще всего, особенно на первых порах, разведывательные группы ГРУ ГШ Красной Армии посылали эту информацию в свои учреждения и штабы от своего имени. Это было не очень этично, но тем не менее информация передавалась по назначению. Труд партизанских разведчиков не пропадал даром.

Центральный штаб партизанского движения (далее – ЦШПД), получавший из тыла огромный поток разведывательной информации от более 400 радиостанций, выпускал ежедневно на ее основе сводку большого объема и отправлял в Ставку Верховного Главнокомандования, Генеральный штаб, штабы фронтов и в ГРУ ГШ.

Попытка ЦШПД уменьшить объем сводки путем отбора и обобщения материала вызвала резкое нареkanie Ставки, потребовавшей присылать всю сводку полностью, независимо от ее объема. Такая заинтересованность Ставки подтверждала ценность разведывательной работы партизан.

В начальный период войны ЦШПД представлял собой коллегиальный орган, в который входили представители органов военного управления, в том числе и представитель ГРУ ГШ. Смысл его пребывания в составе ЦШПД заключался в координации разведывательной работы. Однако по мере развития разведывательной работы партизан его пребывание в штабе было признано нецелесообразным ввиду известного различия в задачах, методах и направлениях работы.

По указанию Ставки Верховного Главнокомандования коллегиальный принцип штаба был упразднен, и представители других органов из его состава ушли. ЦШПД вменялось в обязанность оказывать необходимую помощь разведорганам в их работе в тылу [1, с. 51].

Партизанские отряды и их разведка оказывали разведывательным группам армий и фронтов огромную помощь. Они принимали их представителей и группы на своих аэродромах и базах. Партизаны снабжали их документами на право проживания или передвижения по районам оккупированной территории, помогали осесть и легализоваться на железнодорожных станциях, в городах и т. д., помогали завести самостоятельную агентуру, переправляли их донесения, переводили агентов через линию фронта, осуществляли вооруженное сопровождение разведчиков, идущих на задание или в новые районы.

Широкая разведывательная и контрразведывательная работа партизан позволяла осуществлять контроль результатов работы многих разведывательных групп армейской разведки, подмечать недостатки, иногда крупные, в организации дела и поведении и помогать разведывательным органам в их устранении.

Необходимо отметить, что, несмотря на огромный размах разведывательной работы партизан и ее выдающееся значение для боевой деятельности партизанских отрядов и соединений, а также операций Красной Армии, в этой работе имели место и недостатки, и неиспользованные возможности. Крупнейшим недостатком было отсутствие у партизанской разведки технического вооружения. Она не имела средств радиоперехвата, телефонного подслушивания, портативных фотоаппаратов, не говоря уже об аппаратах для фотографирования ночью. Партизаны легко преодолели отсутствие приборов для телефонного подслушивания, однако они не смогли организовать подслушивание обмена сообщениями по кабелям связи между главным командованием и штабами армий и групп армий.

Упущенной возможностью следует считать также то, что партизанская разведка не практиковала перехват, дешифровку и использование данных радиосвязи противника.

Другим недостатком было нарушение принципа строгой специализации работы разведывательной агентуры. Дело обстоит таким образом, что разведчику, работавшему в городе, гарнизоне или учреждении врага, поручали выполнять множество других самых разнообразных заданий. И ценнейшие разведчики иногда, не будучи разоблаченными в разведывательной деятельности, погибали или оказывались пойманными при распространении листовок или при попытках достать что-либо нужное партизанам.

Отсутствие у разведывательных групп и резидентур портативных радиоаппаратов ближнего действия, по которым они могли бы, получая

срочные и важные разведывательные сведения, передавать их в штаб отряда или бригады, также было крупнейшим недостатком. Получалось так, что передать эти сведения из отряда или бригады в Москву было намного легче, чем пронести из города и гарнизона врага в отряд или находившуюся где-либо поблизости разведывательную группу. Это приводило к удлинению сроков поступления сведений и стоило жизни некоторым разведчикам.

В целом же разведывательная деятельность партизан сыграла важнейшую роль в ходе войны. Тесная связь с местным населением и подпольными организациями позволяла партизанам держать под непрерывным наблюдением обширные территории в тылу врага и информировать советское командование о многих важных мероприятиях противника, что позволило в конечном итоге достичь победы над врагом.

Заключение. Организация разведки формированиями, остающимися на временно захваченной противником территории, подпольными организациями, агентурой является актуальной в современной теории ведения войны. Деятельность партизанских формирований на территории, занимаемой противником, облегчает ведение специальной, агентурной, а в некоторых случаях и войсковой разведки. Наличие современных средств наблюдения, связи, аппаратуры снятия разведывательной информации с радио- и радиотехнических средств противника позволяет получать разведывательные данные близко к реальному времени с высокой точностью и доводить их в вышестоящие штабы.

Особенно положительным является то, что на получение необходимых сведений о противнике будет затрачиваться значительно меньше времени, так как не будет острой необходимости в подготовке и переброске (выводу) разведывательных органов в районы действий партизанских формирований. Это приведет не только к сокращению сроков получения разведывательной информации, но и к снижению потерь в личном составе.

Литература

1. Киселев, В. К. Партизанская разведка: сентябрь 1943 – июль 1944 / В. К. Киселев. – Минск: БГУ, 1980. – 641 с.
2. Залесский, А. И. В партизанских краях и зонах / А. И. Залесский. – М.: Воениздат, 1962. – 453 с.
3. Бычков, Л. Н. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны / Л. Н. Бычков. – М.: Воениздат, 1965. – 563 с.

Поступила 15.03.2013

УДК 37.09:377,12 «1976/1985»

Н. М. Якуш, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (БДТУ)

УДАСКАНАЛЕННЕ ПАДРЫХТОЎКІ КАДРАЎ МАСАВЫХ ПРАФЕСІЙ У СІСТЭМЕ СЕЛЬСКІХ ПРАФТЭХВУЧЫЛІШЧ БССР (1976–1985)

У артыкуле аналізуюцца пытанні мадэрнізацыі матэрыяльна-вытворчай базы сельскіх прафтэхвучылішч і рацыяналізацыі навучальна-выхаваўчага працэса на навукова-тэхнічнай аснове. Абгрунтаўваецца вывад аб якасна новым этапе палітэхнізацыі беларускай савецкай школы.

This article analyzes the issues of upgrading material production base of rural vocational schools and rationalize educational explains how on the scientific and technical basis. Justified the qualitatively new stage of politehnizacii of the Belarusian Soviet school.

Уводзіны. Прафесійныя тэхнічныя вучылішчы з'яўляліся важнай часткай савецкай адукацыйнай сістэмы на ўсіх этапах яе гісторыі. У разглядаемы перыяд найбольш мэтазгоднай формай падрыхтоўкі працоўных кадрў для патрэб развіцця аграпрамысловага комплекса БССР сталі сельскія прафтэхвучылішчы.

ЦК КПБ і Савет Міністраў Беларускай ССР вызначылі задачай дзясятай – адзінаццатай пяцігодак хуткі колькасны і якасны рост сельскіх ПТВ, іх рацыянальнае размяшчэнне ў адпаведнасці з патрэбамі развіцця калгасна-саўгаснай вытворчасці, эканомікі і культуры рэспублікі пры значным павелічэнні колькасці сярэдніх СПТВ. Ва ўсіх абласцях былі распрацаваны перспектывыя планы ўмацавання вучэбна-матэрыяльнай базы, якія прадугледжвалі тэхнічнае пераўтварэнне дзейных сельскіх прафтэхвучылішч і комплекснае новае будаўніцтва з перспектывай стварэння ў кожным адміністрацыйным раёне сярэдняга СПТВ.

Асноўная частка. Рэалізацыя планаў прывяла да разгортвання значнай па маштабах і тэмпах праграмы будаўніцтва і рэканструкцыі СПТВ. За 1976–1983 гг. было ўведзена ў эксплуатацыю 33 новых вучэбных корпусы, 31 корпус лабараторна-практычных майстэрняў, 20 грамадска-бытавых памяшканняў. У рэспубліцы налічвалася 70 СПТВ, у т. л. 65 – сярэдніх. Іх кантынгент перавысіў 48 тысяч чалавек і ў параўнанні з 1875 годам узрос на чвэрць, а ў сярэдніх СПТВ – больш чым у два разы [1]. З 1 верасня 1984 г. ўсе вучылішчы адпаведна з асноўнымі накірункамі рэформы агульнаадукацыйнай і прафесійнай школы былі пераўтвораны ў сярэднія і ўключаны ў аграпрамысловыя аб'яднанні. Дырэктары сельскіх прафтэхвучылішчаў увайшлі ў склад саветаў раённых аграпрамысловых аб'яднанняў.

Праводзілася і тэхнічнае пераўзбраенне базы навучання. Толькі за 1976–1980 гг. машынна-трактарны парк СПТВ быў папоўнены 1454 трактарамі, 45 бульдозерамі, 45 экскаватарамі, 176 зернеўборачнымі камбайнамі, а ў 1985 г. на адно вучылішча аграпрамысловага комплекса

прыходзілася ў сярэднім 30 трактараў, 12 аўтамашын, 4 зернявых камбайны і многа іншай тэхнікі [2].

Да ўдасканалення базы тэарэтычнага і вытворчага навучання былі прыцягнуты калгасы, саўгасы, прадпрыемствы і ведамствы. Яны ўдзельнічалі ў фарміраванні рэальных магчымасцей для атрымання выпускнікамі СПТВ высокай кваліфікацыі, дапамагалі паскорыць працэс перавода вучылішч на навучанне моладзі прафесіяў шырокага профіля, сумяшчальным і складаным. Патрабаваннем якаснай мадэрнізацыі вучэбнай базы было стварэнне для кожнай прафесіі вучэбнай майстэрні, а для кожнага прадмета – вучэбнага кабінета ці лабараторыі, узброеных тэхнічнымі сродкамі навучання, нагляднымі дапаможнікамі, комплексамі вывучаемых машын, вузлоў, агрэгатаў. У такім накірунку па сістэме сельскіх прафтэхвучылішч у перыяд другой паловы 1970-х гг. было створана і пераабсталявана адпаведна патрабаванням прафесіянальнай падрыхтоўкі, тэхнічнай эстэтыкі і навуковай арганізацыі працы 1777 вучэбных кабінетаў і 152 майстэрні [3]. Гэта значна пашырыла магчымасці кадрвай падрыхтоўкі механізатараў палявых, меліяратыўных, жывёлагадоўчых работ, слесараў-рамонтнікаў і майстроў-наладчыкаў машынна-трактарнага парка, слесараў кантрольна-вымяральных прыбораў і аўтаматыкі, электраманцёраў сельскай электрыфікацыі і інш. І ўсё ж у разглядаемы час вучэбна-матэрыяльная база сельскіх ПТВ у шэрагу момантаў не адказвала запатрабаванням падрыхтоўкі высокакваліфікаваных спецыялістаў. Значная колькасць прафтэхвучылішч не мела пунктаў тэхнічнага абслугоўвання і тэарэтычных кабінетаў па аднаіменнаму прадмету, не ва ўсіх СПТВ былі аўтадромы, палігоны, вучэбныя гаспадаркі. Само ўдасканаленне вучэбна-матэрыяльнай базы праводзілася без сур'ёзнага ўліку пашырэння жаночых прафесій для кваліфікаванай працы ў сельскай гаспадарцы.

У рашаючай ступені павышэнне якасці навучання моладзі у СПТВ залежала ад кваліфікацыі і педагагічнага майстэрства выкладчыкаў

і майстроў вучылішч. Адапаведна з накірункамі ўдасканалення вучэбна-выхаваўчага працэсу інжынерна-педагагічныя работнікі сістэмна праходзілі перападрыхтоўку і стажыроўку ў Беларускай інстытуце механізацыі і электрыфікацыі сельскай гаспадаркі, на Заходняй машынавыправаваўчай станцыі, на заводах – вытворцах сельскагаспадарчай тэхнікі, у Горыцкай сельскагаспадарчай акадэміі, Рэспубліканскім інстытуце работнікаў прафтэхадукцыі, рэспубліканскім і абласных камітэтах удасканалення працы настаўнікаў. На базе саміх вучылішч дзейнічала сетка тэарэтычных семінараў, школ палітэхнічнай і эканамічнай адукацыі, працавалі метадычныя камісіі, якія забяспечвалі рэалізацыю міжпрадметных сувязей.

У 1975–1985 гг. кадравы склад сістэмы сельскіх прафтэхвучылішч быў значна папоўнены за кошт інжынерна-тэхнічных і педагагічных вышэйшых навучальных устаноў Беларускай ССР. Калі ў 1976 г. у СПТВ працавалі 1120 чалавек выкладчыкаў, з якіх вышэйшую адукацыю мелі 79,5%, то ў 1981 г. адпаведна 1717 чалавек і 92,1%, а ў 1983 г. – 1863 чалавекі і 94,6%. Змяніўся у лепшы бок і склад майстроў вытворчага навучання. Калі ў 1976 г. толькі 30 чалавек з іх мелі вышэйшую і незакончаную вышэйшую адукацыю, то ў 1983 г. іх было 218 [4].

Умацаванне матэрыяльна-тэхнічнай базы і павышэнне кваліфікацыі кадравага складу сельскіх прафтэхвучылішч павінны былі найперш забяспечыць характар падрыхтоўкі сельскагаспадарчых рабочых, адлюстраваны ў вучэбных планах, уведзеных у сярэдніх СПТВ з пачатку 1978/1979 навучальнага года. Іх вызначальным момантам была цесная ўзаемасувязь выкладання агульнаадукацыйных дысцыплін з агульна-тэхнічнымі і спецыяльнымі, з вытворчым навучаннем. У прафесіянальна-тэхнічны цыкл быў уведзены курс «Асновы эканомікі працы і вытворчасці». У курсе спецыяльнай тэхналогіі дадаткова ўводзіліся такія тэхнічныя тэмы, як супраціўленне матэрыялаў, дэталі машын, пытанні тэорыі машын і механізмаў, тэхнічны кантроль, надзейнасць і якасць прадукцыі, звесткі па механізацыі і аўтаматызацыі вытворчасці, асновы гігіены і прамысловай санітарыі, што значана пашырала круггляд і забяспечвала прафесійную мабільнасць выпускнікоў [5].

Вялікую работу па змяненню характараў навучання ў разглядаемы час праводзілі калектывы Магілёўскага, Друйскага, Вілейскага, Касцюковіцкага СПТВ. У дадзеных вучылішчах было ўведзена машыннае і безмашыннае праграмаванне навучання, прымянялася інструктыўна-тэхналагічная дакументацыя і перспектыўна-тэматычнае планаванне вучэбных заняткаў,

атрымала распаўсюджванне праблемна-пошукавая методыка правядзення ўрокаў. Працэс тэарэтычнага пазнання быў арганічна ўключаны ў правядзенне конкурсаў прафесійнага майстэрства, алімпіяд, тэматычных вечароў. Вынікам падобных намаганняў станавілася пераўтварэнне заняткаў у цэласны інтэгральны вучэбна-выхаваўчы працэс, які актывізоўваў навукова-тэхнічную думку юнацтва, стымуляваў інтарэс да тэхнічнай творчасці. Напрыклад, на працягу многіх гадоў Магілёўскае СПТВ з'яўлялася ўдзельнікам рэспубліканскай выставы тэхнічнай творчасці. Толькі ў 1982 і 1983 гг. яно атрымала 21 медаль ВДНГ СССР, 8 з якіх былі атрыманы навучэнцамі [6].

У цэлым усе сельскія прафтэхвучылішчы БССР даволі актыўна ўдзельнічалі ва Усесаюзным агляд-конкурсе на лепшую арганізацыю працы ў галіне рацыяналізацыі, вынаходніцтва, тэхнічнай і мастацкай творчасці ў навучальных установах прафтэхадукцыі. Вынікі конкурса падводзіліся на штогодных вучылішчных, абласных і рэспубліканскіх выставах. Непасрэдна ж творчы працэс разгортваўся на базе прадметных кружкаў і кружкаў тэхнічнай творчасці.

Экспанаты, якія дэманстраваліся на выставах сельскімі ПТВ, – гэта ў асноўным дзеючыя мадэлі сельскагаспадарчай тэхнікі і ўсемагчымыя трэнажоры яе разнастайных вузлоў [7]. Многія з распрацоўваемых мадэлей актыўна выкарыстоўваліся ў працэсе навучання. Аўтаматычныя даведачныя ўстаноўкі, ўстаноўкі-экзаменатары, радыёпульты ўпраўлення тэхнічнымі навучальнымі сродкамі, выкананыя рукамі саміх навучэнцаў, былі ва ўсіх сельскіх прафтэхвучылішчах. Менавіта яны рабілі навучэнцаў сутворцамі пазнавальнага працэсу і павышалі прадуктыўнасць заняткаў.

Разам з удасканаленнем тэарэтычнага надвалася вялікая ўвага і пытанням паляпшэння форм арганізацыі вытворчага навучання ў класах-цэхах, палігонах, вучэбных гаспадарках, падчас праходжання практыкі ў калгасах і саўгасах рэспублікі. Задача заключалася ў тым, каб прывесці прафесійнае практычнае навучанне ў адпаведнасць з тэхнічнымі працэсамі ў жывёлагадоўлі і земляробстве, выконваць практычныя работы згодна з тэхналагічнымі картамі, якія адлюстроўвалі патрабаванні перадавой навуковай агра-тэхнікі. У гэтых мэтах ва ўмовах СПТВ выкарыстоўвалася да 350 разнавіднасцей усемагчымых трэнажораў прамысловага і ўласнага вырабу, якія маглі максімальна наблізіць умовы вытворчага навучання да ўмоў вытворчасці.

У значнай меры прафесійныя навыкі будучых земляробаў і жывёлаводаў ажыццяўляліся вучэбнымі гаспадаркамі, якія меліся ў 42 сельскіх ПТВ рэспублікі. У распараджэнні гаспадарак

знаходзілася 26 042 га зямлі, звыш 8 тысяч га-лоў буйной рагатай жывёлы і 4 тысячы свіней. Тут навучэнцы самі ажыццяўлялі працоўны працэс, а майстры вытворчага навучання і спецыялісты ўважліва сачылі за выкананнем прыёмаў агра-тэхнікі, рацыянальнай арганізацыі працы, знаёмлілі навучэнцаў з дасягненнямі перадавога вопыту. Асабліва добра было наладжана вытворчае навучанне ў гаспадарках Касцюковіцкага, Драгічынскага, Ашмянскага, Магілёўскага сельскіх прафтэхвучылішч, дзе ў разглядаемы час быў асвоены звеннявы метады працы навучэнцаў з укараненнем у работу элементаў бригаднага падраду.

У рашаючай ступені ўзровень прафесійнай падрыхтоўкі залежаў ад вытворчай практыкі непасрэдна ў сельскіх гаспадарках. Рашэннямі абкамаў і райкамаў партыі за сельскімі прафтэхвучылішчамі замацоўваліся ў якасці апорных гаспадаркі з перадавымі метадамі вядзення калгасна-саўгаснай вытворчасці. Мэтамі педагагічных калектываў СПТВ была такая арганізацыя практыкі, пры якой навучэнцы задзейнічаны толькі на асноўных работах, знаходзяцца пад кіраўніцтвам вопытных настаўнікаў і маюць магчымасць знаёмства з самымі эфектыўнымі формамі аграрна-вытворчага працэсу.

Трэба зазначыць, што разсяроджанасць навучэнцаў па некалькі чалавек у перадавых калгасах і саўгасах альбо адпраўка іх на час практыкі ў гаспадаркі па месцу пражывання сям'і ў большасці выпадкаў сябе не апраўдвала. Як правіла, у лепшых гаспадарках існавала высокая забяспечанасць механізатарскімі кадрамі, таму кіраўніцтва калектываў не вельмі хацела прыцягваць практыкантаў да самастойнай працы. Да таго ж разсяроджанасць навучэнцаў у межах раёна ці вобласці аслабляла педагагічны кантроль за імі з боку майстроў вытворчага навучання. Таму трэба станоўча ацаніць той факт, што ў рабоце па паляпшэнні арганізацыі вытворчай практыкі навучэнцаў СПТВ Беларускай ССР пачаў выкарыстоўвацца вопыт Херсонскай вобласці, калі з практыкантаў камплектуюць механізаваныя атрады пад кіраўніцтвам майстроў вытворчага навучання. У такіх атрадах на-

вучэнцы лёгка адпрацоўвалі ўсю практычную праграму, маглі паспрабаваць любыя віды работ на рознай тэхніцы.

Заклучэнне. Такім чынам, як бачна з даследавання, ў перыяд 1976–1985 гг. у рэспубліцы вялася значная работа па ўдасканаленні падрыхтоўкі кадраў механізатарскіх прафесій у сістэме СПТВ. Яе асноўнымі накірункамі сталі: стварэнне рэальнай асновы для падрыхтоўкі тэхнічна грамадска сельгасрабочага з высокім узроўнем агульнаадукацыйнай падрыхтоўкі праз мадэрнізацыю вучэбна-вытворчай базы СПТВ; удасканаленне кваліфікацыйнай структуры інжынерна-педагагічных кадраў, павышэнне ўзроўню іх ідэйнай і прафесійнай падрыхтоўкі; актывізацыя і інтэнсіфікацыя вучэбна-выхаваўчага працэсу на аснове яго рацыянальнай навуковай арганізацыі; стварэнне ўмоў для прадукцыйнай працы навучэнцаў у вучэбных гаспадарках; уключэнне навучэнцаў у перадавую вытворчую практыку гаспадарак аграпрамысловага комплексу Беларускай ССР. У даследуемы час адзначыўся яўны якасны скачок беларускай савецкай школы на шляху яе палітэхнізацыі і вырашэння задач прафесійна-спецыялізацыйнай працоўнага навучання. Арсенал метадаў, форм практычнай працы і тэарэтычных разважанняў навукова-метадагічнага характару, назапашаных у БССР, можа быць скарыстаны і ў сучасны момант станаўлення інавацыйнай адукацыі Беларусі.

Літаратура

1. Сельская газета. – 1983. – 31 июля.
2. Настаўніцкая газета. – 1985. – 13 лютага.
3. Коммунист Белоруссии. – 1979. – № 9. – С. 37.
4. Настаўніцкая газета. – 1985. – 7 верасня.
5. Скугаревский, А. Ф. Обучение и воспитание в условиях научно-технического прогресса / А. Ф. Скугаревский, Я. Я. Федоров. – Минск: Вышэйшая школа, 1978. – 128 с.
6. Чырвоная змена. – 1983. – 11 чэрвеня.
7. Рабочая смена. – 1979. – № 11.
8. Віцебскі рабочы. – 1985. – 31 снежня.

Пастуніў 20.03.2013

УДК 9(476)-058.232.6

Н. В. Зайцева, доцент (БНТУ)**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕШЕНИЯ ЖИЛИЩНОЙ ПРОБЛЕМЫ
НА СЕЛЕ В 1966–1975 ГОДАХ**

Важным показателем уровня жизни является наличие и развитие жилищной, культурно-бытовой и социальной и инфраструктуры. В указанное время в колхозах республики наблюдался активный рост жилищного строительства, шел процесс преобразования сельских населенных пунктов в соответствии с требованиями времени, ускорились темпы роста строительства объектов непромышленного назначения. Неудовлетворительные бытовые условия приводили к обострению проблемы трудовых ресурсов, усилению миграционных процессов.

Life style, industrial activity of the farm-hands, the level of development of social needs depends on decision of industrial, economic and cultural problems of villages. The high level of the basic social and industrial foundations and houses, the flats with all modern convinces, the result of the successfully work of a lot of farm-hands, that's why, there are a lot of young people choose the villages for their's permanent places for living. The basic of social and other factors is the highest level of farming intensive. That's why the weak farm-hands enterprises must choose the reliable tendency in social sphere.

Введение. Отличительной чертой сельского строительства в данный период стал переход от возведения отдельных объектов к современной комплексной застройке. Одновременно велось комплексное строительство жилищных и культурно-бытовых объектов. Цель статьи – исследование и анализ основных направлений решения жилищной проблемы белорусского села в 1966–1975 гг.

В статье использованы данные Национального архива Республики Беларусь, материалы статистических сборников, данные исследований, которые проводились ранее.

Основная часть. Значительные достижения в развитии экономики, в том числе и ее аграрного сектора, в указанный период создавали необходимые предпосылки для изменения жилищно-бытовых условий тружеников села. При этом отметим, что существовавшие условия труда и быта не удовлетворяли сельских жителей, что негативно сказывалось на развитии производства, способствовало продолжению излишней миграции из села молодежи, усложняло проблему трудовых ресурсов.

В связи с задачами, которые были поставлены перед колхозами, строительство на селе переводилось на индустриальную основу, основные работы выполнялись передвижными механизированными колоннами и межколхозными строительными организациями. Для руководства ими в 1965 г. было образовано Министерство сельского строительства БССР. В 1968 г. оно объединяло общестроительные и специализированные тресты, 79 передвижных механизированных колонн, 121 межколхозную организацию.

В 1965 г. межколхозные строительные организации (далее – МСО) республики выполнили собственными силами работ на 64 млн. руб.

(включая жилищное строительство) [1, с. 457–460]. Как видно, культура труда в сельскохозяйственном производстве, условия труда и быта не удовлетворяли тружеников села. В связи с этим ускоренное развитие сельского хозяйства должно было сопровождаться расширением культурно-бытового и жилищного строительства, благоустройством населенных пунктов, улучшением условий труда. Строительные работы выполнялись преимущественно подрядным способом. МСО являлись основными подрядчиками колхозов. Располагая своей производственной базой, они способны были выполнять работы на высоком техническом уровне.

Нельзя не отметить, что в течение исследуемого периода постоянно возрастал объем жилищного строительства за счет средств государственных вложений и за счет собственных вложений населения.

Если в 1965 г. для тружеников села было сдано в эксплуатацию больше 119 тыс. м², то за 1967–1970 гг. – 127,5 тыс. квартир общей площадью 6,8 млн. м² [2, с. 236, 675].

Но в строительстве жилых домов на селе были значительные недостатки. Проекты, которые были составлены до 1969 г., имели малый размер подсобных помещений, неудачное размещение кухонь, не предусматривались кладовые. Это объяснялось прежде всего тем, что в типовые проекты сельских домов автоматически переносились нормы и принципы проектирования городских квартир. Также была слабой база многих строительных организаций, что мешало им выполнять большие объемы работ. В ряде хозяйств были свои строительные бригады, но из-за недостатка необходимых материалов они не были полностью загружены.

Для выявления оптимальных архитектурно-планировочных приемов преобразования села

в семи колхозах и совхозах республики было организовано комплексное экспериментально-показательное строительство.

Комплексная застройка имела большую не только экономическую, но и социально-политическую значимость. Она открывала один из основных путей решения задачи по преодолению существенных различий между городом и деревней в социально-экономическом и культурно-бытовом отношении.

Были построены и прошли испытание более 20 типов жилых домов с квартирами, рассчитанными на семьи различного численного состава. Было выявлено, что в условиях Беларуси наиболее полно отвечали архитектурным, экономическим и санитарно-гигиеническим требованиям двухэтажные жилые дома с квартирами на двух уровнях, а также с поэтажным расположением квартир и отдельными входами. С учетом особенностей сельского образа жизни были внесены коррективы в проекты жилых домов: увеличена площадь кухни, предусмотрены санузлы, просторные прихожие, подсобные помещения. Номенклатуру жилья предполагалось расширить за счет роста доли полносборных домов из газосиликатных и керамзитобетонных панелей. Обоснованы были принципы функционального зонирования территории сельских поселений. Также были разработаны примерные нормы обеспеченности населения отдельными видами производственных объектов.

Однако при строительстве не везде учитывались особенности сельского образа жизни в полной мере. Надворные постройки при новых благоустроенных домах затрудняли ведение личного подсобного хозяйства: были малы размеры помещений для содержания скота, птицы, хранения кормов. В результате только 30% семей экспериментально-показательного поселка Снов колхоза им. М. И. Калинина Несвижского района содержали крупный рогатый скот и 87% откармливали свиней [3, л. 143]. Такое же положение сложилось в экспериментально-показательном поселке Вертелишки колхоза «Прогресс» Гродненского района [3, л. 167].

Во многих хозяйствах, которые осуществляли коренные преобразования быта работников, медленно шел процесс переселения людей из малонаселенных деревень в центральную усадьбу, что увеличивало отток населения в города. Например, в вышеупомянутом колхозе «Прогресс» Гродненского района новое благоустроенное жилье предоставлялось преимущественно приезжим работникам. Только две семьи из соседних, подлежащих сселению деревень, получили жилье в поселке Вертелишки. При дефиците работников в 150 человек такое

же количество людей ездило из деревень, находящихся на территории колхоза, на работу в г. Гродно [3, л. 43].

Одной из проблем совершенствования формирования социальной инфраструктуры сельскохозяйственных предприятий была растущая дифференциация колхозов по уровню обеспеченности работников различными учреждениями непродуцированной сферы. Это касалось поселков колхозов, где жилищное строительство полностью, а культурно-бытовое строительство в значительной части осуществлялось за счет средств сельскохозяйственного предприятия. Передовые колхозы год от года улучшали быт своих работников, возводили жилье, детские дошкольные учреждения, школы, клубы, библиотеки. Отстающие хозяйства на реализацию таких программ не имели достаточно средств. Неудовлетворительные бытовые условия приводили к дефициту трудовых ресурсов, что еще больше ухудшало общее экономическое положение колхозов.

Ускорение жилищно-бытовых преобразований в сельской местности было возможно лишь на основе реализации комплекса социально-экономических мер. Так, колхозы, ведущие хозяйство в различных объективных условиях, должны были получать достаточно средств для возмещения издержек и создания фондов производственного и непродуцированного накопления путем более полного учета в закупочных ценах особенностей ведения производства отдельных групп предприятий.

Преобразование сел осуществлялось с учетом множества факторов: специфики производства, специализации и концентрации сельского хозяйства и его организационных форм, состояния расселения, миграции, национальных и исторических особенностей, географических и климатических условий. Планировочные решения усложнялись еще и тем, что были недостаточно разработаны теоретические основы формирования сети перспективных сельских поселений, их размещение и оптимальные размеры, не была выработана научно обоснованная концепция критериев классификации поселений в зависимости от перспектив их развития.

В указанные 10 лет существенно менялся подход проектировщиков к определению перспективных и неперспективных поселений. Вначале очень сильной была тенденция оставить большее количество перспективных пунктов. Большое воздействие на этот процесс оказывало мнение руководителей совхозов и колхозов, настроение жителей.

Всего по республике по первоначальным проектам, получившим юридическое закрепление, было определено около 6 тыс. перспективных

населенных пунктов. В действительности их было значительно больше, так как немало населенных пунктов, выделенных для перспективной застройки, объединяли две и больше деревень.

Перестройка сел предполагала принятие комплекса экономических, государственно-правовых и других мер, направленных на сосредоточение сельских жителей в перспективных населенных пунктах. Это был бы центр, концентрирующий в себе результаты преобразовательных усилий. Поэтому количественные и качественные изменения в территориальном размещении жителей села заслуживали самого пристального внимания. Их знание давало возможность более уверенно определить строительную программу, рационально расходовать материальные ресурсы. Число жителей было важнейшим исходным показателем, основой для всевозможных проектных расчетов. Количество домов, больниц, школ, клубов, магазинов, стадионов, столовых определялось численностью населения. И само количество проектируемых сельских поселений также зависело от числа жителей, трудовая деятельность которых предполагалась быть связанной с сельскохозяйственным производством.

Характерной особенностью не только указанного периода, но и последующих этапов преобразования сел являлось то, что меры, направленные на концентрацию сельских жителей в хозяйственных центрах, сталкивались с противодействующими процессами, и прежде всего с миграцией сельских жителей в город. Доля сельских жителей неуклонно падала. Индустриализация сельскохозяйственного производства влекла за собой постоянное сокращение населения деревни. С 1926 по 1959 г. естественный прирост населения городов в СССР составил приблизительно 13,5 млн. человек. Преобразование сел в городские поселения увеличило городское население еще на 14 млн., а миграционный поток дал городу 42,5–43,5 млн. жителей. Поскольку объект приложения труда – земля – оставался в основном одним и тем же, индустриализация сельскохозяйственного производства влекла за собой постоянное сокращение населения деревни. Между двумя всесоюзными переписями 1959 и 1970 гг. городское население возросло на 36 млн., 16 млн. из этого количества – за счет миграции сельских жителей в город [4, с. 245, 247]. Главная движущая сила миграционных перемещений

выражалась в том, что город постоянно предъявлял требования на рабочую силу. Сам же город пока еще не мог удовлетворить эти потребности за счет собственных трудовых ресурсов и повышения производительности труда. Именно этот процесс дал нам такое понятие, как т. н. «бездомные лимитчики».

Из анализа данных следует, что неуклонно менялось соотношение городского и сельского населения Беларуси и в абсолютном, и в относительном выражениях. В 1975 г. сельское население уже не составляло и половины граждан нашей республики [2, с. 220]. Миграция влекла за собою уменьшение в деревнях количества дворов, семей. В 1960 г. на каждый колхоз в среднем приходилось 394 двора, а в 1972 г. – уже 381, т. е. на 13 дворов меньше [2, с. 212].

Приходилось все меньше рабочих рук на одно хозяйство. В колхозах, где велось комплексное экспериментальное строительство, также падала доля трудоспособных, что являлось закономерным следствием повышения производительности труда. В деревне и не планировалось увеличения рабочей силы. В 10-й пятилетке весь прирост продукции в сельском хозяйстве предполагалось получить за счет повышения производительности труда.

Заключение. Таким образом, сближение уровня и качества жизни колхозников и рабочих должно было реализовываться и в равных гарантиях прав этих групп на жилье. Однако доля средств, направляемых на жилищное строительство в колхозы (за счет всех источников), в общей сумме аналогичных затрат по республике не соответствовала удельному весу жителей этих деревень в населении БССР.

Литература

1. Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т. – Мінск: Навука і тэхніка, 1972. – Т. 5. – 1975. – 532 с.
2. Народное хозяйство СССР за 60 лет: юбилейный стат. сб. / Центр. стат. упр. при Совете Министров СССР. – М.: Статистика, 1977. – 710 с.
3. НАРБ. – Фонд 30. – Оп. 9. – Д. 2297. Справки, статистические данные в ЦК КПБ, СМ БССР о развитии всех отраслей народного хозяйства БССР. – 286 л.
4. Население СССР (численность, состав и движение населения): 1973: стат. сб. / Центр. стат. упр. – М.: Статистика, 1975. – 333 с.

Поступила 15.03.2013

УДК 008:323.1(476)

Л. В. Жарина, кандидат исторических наук, доцент (БГТУ)**КУЛЬТУРА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)**

В статье отмечается, что воспитание национального самосознания белорусов в период глобализации требует пристального внимания со стороны общественных и государственных организаций. Культура является одним из факторов сохранения национальной идентичности. Поэтому необходимо сохранять, популяризировать и передавать будущим поколениям культурное наследие во всех его формах. Автор подчеркивает, что национальное сознание также предполагает осознание и осмысление всего нового, возникающего и развивающегося в жизни нации в ходе развития общества.

In article it is noted that education of national consciousness of Belarusians during globalization demands close attention from the public and state organizations. The culture is one of factors of preservation of national identity. Therefore it is necessary to keep, popularize and transfer to future generations a cultural heritage in all its forms. The author emphasizes that the national consciousness also assumes understanding and judgment of all new, arising and developing in nation lives in society process.

Введение. Современный этап развития белорусского общества характеризуется динамичностью во всех сферах общественной жизни. Прошлый опыт содержит ряд приобретений и ценностей. Поэтому одной из задач новой культурной политики является учет предшествующих позитивных достижений. Надо сказать, что обновленческие процессы коснулись экономики, идеологии, культуры и породили противоречия, в которых прежние оценки подверглись сомнению, критике, переоценке, что привело к поиску новых основ духовного и нравственного развития.

Основная часть. Воспитание национального самосознания белорусов в период глобализации требует комплексного, продуманного, ответственного подхода со стороны общественных и государственных организаций. В Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2010 гг. написано: «Национальная культура относится к числу стратегических ресурсов, которые в значительной степени определяют все аспекты развития общества.

Целью государственной политики в развитии национальной культуры является сохранение историко-культурного наследия и дальнейшее развитие национальной культуры, создание условий для всестороннего развития личности, роста ее творческой инициативы, духовных и эстетических потребностей, что значительно повысит роль личности как главной движущей силы нового постиндустриального общества» [1, с. 117–118].

Культивирование изучения, сохранения и пропаганды национально-исторического наследия является благодатным средством обогащения национального самосознания. В этом участ-

вуют все общественные институты, обладающие воспитательным воздействием (семья, система образования, культура и др.).

Сегодняшнее национально-культурное возрождение Беларуси способствует пробуждению у людей интереса к истории и культуре своей страны. Тем более что история белорусских земель, народа, их населяющего, интересна и богата на события. Изучая героическое прошлое страны, страницы жизни известных и малоизвестных, но не менее достойных представителей различных исторических эпох нашего государства, мы прокладываем путь в будущее.

Следует отметить, что газетная и журнальная продукция, телевизионные программы, театральные постановки активизировали использование материала, отображающего различные страницы истории.

Традиция в культуре содержит своеобразный духовный генофонд, фиксирующий и сохраняющий язык нации, картину мира, свойственную тому или иному культурному сообществу, определяющий способ мировосприятия и смысла человеческого существования. В традиции как деятельности осуществляется передача общественного наследия, происходит становление моделей этнокультурного поведения, усваиваемых человеком в процессе взросления и принятия своей культурной роли, воспитание и социализация личности, формирование групповых и индивидуальных стереотипов специфического для культуры «образа мира».

Современная этническая среда в настоящее время представляет собой многокультурное образование, культура (язык, национальные традиции и обычаи, материальные и духовные ценности, народное творчество, искусство) является одним из факторов сохранения нацио-

нальной идентичности. Национальное самосознание личности выступает основным фактором этнической идентификации. В исследованиях различают три уровня национального самосознания: общенациональный, социальной группы и личностей. В 1985 г., по данным переписи населения в Республике Беларусь, более 80% жителей определили себя как белорусов и более 70% признали своим родным языком белорусский.

В Беларуси исторически сложился интеграционный тип культуры. Интеграции норм и ценностей других культур способствовала этническая толерантность, свойственная белорусам, контакты представителей разных культур в рамках одного государства. Осознание национальных ценностей идет через литературу, искусство, СМИ, театры, школы и т. д. Очевидна организующая, направляющая роль государства в процессе формирования национального самосознания личности. Немало усилий направляется на то, чтобы возродить историко-культурное наследие, историческую память.

В 2004 г. принят закон «О культуре в Республике Беларусь». Статья 19 посвящена сохранению и развитию национальных и культурных традиций. Закон опирается на Всеобщую декларацию о культурном разнообразии, принятую ЮНЕСКО в 2001 г. В ней подчеркивается тот факт, что каждое творчество черпает свои силы в культурных традициях, но достигает расцвета в контакте с другими культурами. Поэтому необходимо сохранять, популяризировать и передавать будущим поколениям культурное наследие во всех его формах, отражающих опыт и чаяния человечества, создавая тем самым питательную среду для творчества во всем его многообразии и поощряя подлинный диалог между культурами [2, с. 7].

Основные положения декларации получили развитие в Конвенции об охране и поощрении разнообразных форм и культурного самовыражения (Париж, 20 октября 2005 г.). В Конвенции подчеркивается важность культуры как социальной сплоченности и необходимость принятия мер для охраны и развития форм культурного самовыражения в контексте более полного осуществления прав человека и основных свобод, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека. В эпоху наступления глобализации именно культурный суверенитет (сохранение уникальности, самобытности культуры) нации является гарантом развития культуры и будущего страны.

Тем не менее, по мнению белорусской писательницы и культуролога Ю. Чернявской,

«Лишь вхождение в орбиту «мирового целого» создает современные нации, и использование потенциала белорусской восточно-западной бивалентности (обладание двумя значимыми качествами) – вернейший путь к формированию современного национального самосознания у всей страны, у каждой этнической группы и у любого живущего в ней человека» [3].

Национальное самосознание является не только осознанием принадлежности к определенной нации, но и осмыслением глубоких качественных изменений в национальной жизни, впитавших в себя все многообразие, богатство черт, свойств культуры, психологии, быта, национального характера, т. е. осознанием и осмыслением всего нового, возникающего и развивающегося в жизни нации в ходе развития общества.

Каждая историческая эпоха не создает наново свою культуру, а опирается на опыт прошлого и использует достижения предыдущих эпох.

Российскому академику Дмитрию Лихачеву принадлежит разработка концепции истории, согласно которой история человечества – это прежде всего история культуры, а сама культура представляет главный смысл и главную ценность существования как отдельных народов, так и государств [4, с. 29]. Культура формируется на протяжении продолжительного периода и передает от поколения к поколению информацию, нормы и правила поведения.

Особое внимание в государственной политике в сфере культуры уделяется развитию народного творчества и ремесел. Республика Беларусь – страна с богатыми историческими традициями. В связи с этим в Программу социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 гг. включено следующее положение: «В целях сохранения историко-культурного наследия страны будут продолжены реставрационно-восстановительные работы на объектах, являющихся памятниками истории и культуры, в том числе в Национальном историко-культурном музее-заповеднике «Несвиж», замковом комплексе в г. п. Мир, зданиях Национального исторического музея Беларуси, а так же реализация программы действий по воссозданию замков Беларуси и других важных объектов» [5, с. 21].

Культурное наследие имеет фундаментальное значение для развития республики, лежит в основе духовного и интеллектуального потенциала страны и является стратегическим ресурсом. Поступательное развитие государства невозможно без культурно-национального развития. Уже сегодня в результате государственной поддержки открыты для посетителей усадьбы

Т. Костюшко в Косово Брестской области, Н. Репина в Здравнево Витебской области, дом-музей А. Мицкевича в Новогрудке. Завершены ремонт и реконструкция здания Национального академического Большого театра оперы и балета Республики Беларусь.

Несмотря на вестернизацию, доминирование массовой культуры, «размывание» национальной и традиционной культур, идет процесс освоения традиционной культуры, белорусского фольклора. Возникают коллективы, которые ориентируются на воспроизведение диалектных стилей фольклора («Княжич», «Ліцвіны» и др.). Пропагандирует средневековую белорусскую музыку ансамбль «Стары Ольса». Будоражат интерес к средневековой истории и культуре фестивали «Навагрудак», «Меч Гедзіміна» и др., а также рыцарские, военно-исторические клубы, клубы исторического моделирования и т. д.

Проводятся региональные и международные праздники-конкурсы по различным видам народных художественных промыслов и ремесел, что способствует возрождению национальных ремесел и сохранению местных традиций. В 2011 г. Большой театр начал проводить фестиваль в Несвиже. Там была представлена опера «Дикая охота короля Стаха» В. Солтана. По мотивам произведений В. Короткевича на подмостках театра поставлена опера «Седа легенда» Д. Смольского, балет «Страсти» (Рогнеда) А. Мдивани.

Современная театральная публика с удовольствием смотрит постановки белорусских драматургов XX века. Особенным успехом пользуются произведения на историческую тематику, мелодрамы конца XX века (А. Дударев, Р. Боровикова, А. Курейчик и др.).

Развитие культурного туризма, придорожного сервиса, агротуризма, строительство усадеб вызвали интерес к местному фольклору, легендам, мифологии, традициям, народным ремеслам, песенной музыкальной белорусской культуре, национальной кухне. Нематериальное культурное наследие (обряды, традиции, ремесла) может стать важной составляющей национального белорусского туристического продукта и активно использоваться в культурном

туризме. Духовное наследие белорусской деревни – основа для развития устойчивого туризма (культурного, экологического, сельского, этнического и др.).

Заключение. Можно сказать, что культурное пространство – это национальное достояние Беларуси. Постоянно меняясь, насыщаясь новыми идеями, ценностями, смыслами, в то же время оно реставрирует, сохраняет, возрождает историко-культурное наследие, вводит их в современный культурный контекст. Это путь к сближению истории и современности, основа для диалога культур и понимания исторически иного пространства и времени.

Новые времена диктуют свои требования. Следует учитывать, что информационные технологии стали одним из основных источников получения информации и проведения свободного времени. Поэтому повышаются требования к уровню развития политической культуры молодых людей как основы формирования гражданской позиции. К традиционным представлениям о воспитании национальной идентичности добавилось умение жить в поликультурном мире, стремление к сохранению мира и стабильности на фоне глобального кризиса и катастроф, укреплению существующих традиций, воспитанию граждан на основе нравственных и духовных ценностей белорусского народа.

Литература

1. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2010 гг. – Минск: Белорусский Дом печати, 2006. – 175 с.
2. Все разные, все уникальные / ЮНЕСКО. – М.: ЮниПринт, 2005. – 36 с.
3. Чернявская, Ю. Белорусское самосознание: парадокс как путь к генеалогии / Ю. Чернявская // Всемирная литература. – 2008. – № 4. – С. 195–206.
4. Лихачев, Д. С. Университетские встречи: 16 текстов / Д. С. Лихачев. – СПб.: СПбГУ, 2006. – 96 с.
5. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 гг. – Минск: Белорусский Дом печати. – 112 с.

Поступила 20.03.2013

УДК 378.015.2.005.32-057.873

П. И. Александрович, кандидат психологических наук, доцент (БГТУ)

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ МАСТЕРСТВО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА

В данной статье раскрыто понятие педагогического мастерства преподавателя вуза. Раскрыты структура педагогического мастерства, знания, навыки, умения, которыми должен обладать преподаватель, основные компоненты педагогической деятельности (гностический, проективный, конструктивный, организационный, коммуникативный). В мастерстве педагога выделяются четыре относительно самостоятельные части: мастерство организатора коллективной и индивидуальной деятельности студентов, мастерство убеждения, мастерство передачи знаний и формирования опыта деятельности, мастерство владения педагогической техникой. Отражаются основные требования компетентности преподавателя в современной системе образования: умение проектировать учебный процесс, использовать инновационные системы обучения, осуществлять педагогическую рефлексию.

In this article the concept of pedagogical skill of the teacher of higher education institution is opened. Discovery of the structure of pedagogical skill, knowledge, skills, abilities, which should have a teacher, the main components of educational activities (gnostic, projective and constructive, organizational and communicative). In the skill of the teacher are four relatively independent parts: skill organizer of collective and individual work of students, skills of persuasion, skill knowledge and experience of the formation, mastery of teaching techniques. Reflected the basic requirements of competence of the teacher in the modern education system: the ability to design the learning process, the use of innovative training systems, to carry out teaching reflection.

Введение. Сущность педагогического мастерства взаимосвязана с педагогической технологией. При этом педагогическое мастерство представляется как высший уровень владения педагогической технологией, однако при этом оно не ограничивается только операционным компонентом, а представляет собой синтез личностно-деловых качеств и свойств, определяющих высокую эффективность педагогического процесса. Педагогическое мастерство выражает высокий уровень развития педагогической деятельности, владения педагогической технологией, в то же время отражает и личность педагога в целом, его опыт, гражданскую и профессиональную позицию.

Основная часть. Наиболее специфично для преподавателя высшей школы сочетание педагогической и научной деятельности. Деятельность преподавателя вуза включает в себя пять компонентов:

- гностический, решающий задачи получения и передачи новых знаний о законах и механизмах функционирования педагогической системы;
- проективный, связанный с проектированием целей преподавания курса и путей их достижения;
- конструктивный, включающий действия по отбору и композиционному построению содержания курса, форм и методов проведения занятий;
- организационный, решающий задачи реализации запланированного;
- коммуникативный, включающий в себя действия, связанные с установлением педаго-

гически целесообразных взаимоотношений между субъектами педагогического процесса.

Сегодня предъявляются все более жесткие и разносторонние требования к педагогической деятельности. Они неизмеримо возрастают при неизбежном возникновении рынка молодых специалистов, развитии многоуровневого образования, внутригосударственной и международной аккредитации вузов и специалистов.

Выделяют следующие компоненты деятельности преподавателя: обучающая, воспитывающая, организаторская, управленческая, конструктивно-диагностическая.

Наличие множества направлений педагогической деятельности позволяет говорить о том, что в каждом из них возможно достижение высокого уровня ее осуществления, ведущего к высокому результату в этой области, или мастерству.

Педагогическое мастерство является стержневым компонентом педагогической культуры, и определяют его как синтез развитого психолого-педагогического мышления, профессионально-педагогических знаний, навыков, умений и эмоционально-волевых средств выразительности, которые во взаимосвязи с качествами личности педагога позволяют ему успешно решать многообразные учебно-воспитательные задачи.

Педагогическое мастерство складывается из специальных знаний, а также умений, навыков и привычек, в которых реализуется совершенное владение основными приемами того или иного вида деятельности. Какие бы частные

задачи ни решал педагог, он всегда является организатором, наставником и мастером педагогического воздействия. Исходя из этого, в мастерстве педагога можно выделить четыре относительно самостоятельные части:

- мастерство организатора коллективной и индивидуальной деятельности студентов;
- мастерство убеждения;
- мастерство передачи знаний и формирования опыта деятельности;
- мастерство владения педагогической техникой.

В реальной педагогической деятельности эти виды мастерства тесно связаны, переплетаются и взаимно усиливают друг друга.

В структуре педагогического мастерства в целом выражается личность и деятельность педагога.

Творческая индивидуальность педагога – это высшая характеристика его деятельности, как и всякое творчество, она тесно связана с его личностью. Деятельность преподавателя включает три компонента:

- педагогическую деятельность;
- педагогическое общение;
- личность.

Особое место в структуре мастерства преподавателя занимает педагогическая техника. Это совокупность умений и навыков, которые необходимы для эффективного применения системы методов педагогического воздействия на отдельных студентов и коллектив в целом: умение выбрать правильный стиль и тон в обращении с воспитанниками, управлять их вниманием, чувство темпа, навыки управления и демонстрации своего отношения к поступкам студентов.

Педагогическая техника – это совокупность способов и приемов, повышающих эффективность применяемых принципов, средств и методов воспитания и обучения.

Речь преподавателя должна отличаться четкостью, выразительностью, ясностью и доступностью изложения. Слишком громкая, крикливая речь не способствует мобилизации внимания студентов, студенты начинают вести посторонние разговоры, вообще внимание их больше отвлекается.

Педагогический такт преподавателя – это целесообразность его действий и поступков во взаимоотношениях со студентами. Проявляется он в правильном подходе к аудитории, к отдельным студентам, умелом учете их состояния, соблюдении меры требовательности. Такт несовместим с высокомерием, барством, зазнайством, черствостью, формализмом, недоброжелательностью. Для педагогического такта нужны гуманизм, уважение другого, чуткость,

справедливость, оптимизм, естественность, искренность, внимательное отношение к студентам.

В структуру педагогического мастерства включены: умение увидеть педагогическую проблему, отобрать, адаптировать и донести до студентов дидактический материал, на основе паритетного диалога организовать творческое учебное сотрудничество. К числу важнейших педагогических умений относят умение понять внутреннюю позицию и состояние студента и на этой основе индивидуализировать образовательный процесс.

Особенности умений и навыков педагогической техники состоят в том, что они проявляются только при непосредственном взаимодействии со студентами. Они всегда носят ярко выраженный индивидуально-личностный характер и существенно зависят от возраста, пола, темперамента и характера педагога, его здоровья и анатомо-физиологических особенностей. Через эти умения в педагогическом взаимодействии наиболее полно раскрываются воспитанникам нравственные и эстетические позиции педагога.

Профессионально-педагогические знания преподавателя должны содержать общие знания, которыми должен овладеть любой специалист, и специальные знания (профессионально-педагогические). Их можно подразделить на четыре группы:

I. Специфические первого вида представляют собой профессионально-педагогические знания. Уровни и способы овладения и проявления этих знаний такие: а) восприятие, понимание, запоминание; б) использование знаний в знакомой ситуации; в) применение знаний в новой ситуации.

II. Специфические второго вида охватывают опыт осуществления профессионально-педагогической деятельности. Ниже приведены уровни и способы овладения этим опытом и его проявления: а) эмпирическое осуществление профессионально-педагогической деятельности; б) осуществление способов профессионально-педагогической деятельности по образцу; в) применение способов профессионально-педагогической деятельности в новой ситуации.

III. Специфические третьего вида – опыт творческой педагогической деятельности. Ниже приведены уровни и способы овладения ими: а) выработка умения выявлять и формулировать проблемы; б) частично-поисковая педагогическая деятельность; в) поисковая (исследовательская) деятельность.

IV. Специфические четвертого вида представляют опыт проявления личностных качеств и профессионально-педагогической направленности. Можно выделить следующие

уровни, способы формирования и их проявления: а) формирование внутренней модели поведения (ВМП) в соответствии с нормами морали и педагогической этики; б) профессионально-педагогическое поведение на основе ВМП; в) творческое отношение к педагогической деятельности, сформированность педагогического кредо.

Содержание элементов профессионально-педагогического характера у педагога-мастера должно состоять:

- 1) из системы профессионально-педагогических знаний;
- 2) системы профессионально-педагогических навыков и умений;
- 3) опыта творческой педагогической деятельности;
- 4) сформированных личностных профессионально значимых качеств педагога.

Профессионально-педагогические умения и навыки должны охватывать те же составные части, что и знания, т. е. в самом общем виде это должны быть умения и навыки:

- 1) отбора, дидактической организации и передачи содержания образования как деятельности обучающихся;
- 2) общения с обучаемыми; использования возможностей развития и воспитания в процессе обучения, перевода с уровня «объект образования, воспитания» на уровень «субъект образования, воспитания»; формирования у обучаемых опыта осуществления деятельности и организации этой деятельности по усвоению содержания;
- 3) организации и осуществления собственной деятельности педагога в процессе обучения;
- 4) формирования себя как личности и педагога, развития профессионально значимых качеств и педагогических способностей, профессионально-педагогической и общественной направленности личности, ориентационно-ценностных отношений личности;
- 5) организации педагогического процесса: создания инструментария педагогического воздействия как системы в целом с целью решения задач образования, воспитания и развития обучаемых в процессе обучения.

Умения и навыки, являясь составной частью основ педагогического мастерства, настолько важны, что некоторые исследователи уровень умений считают определяющим в мастерстве педагога.

Как показывает анализ высказываний педагогов-практиков, изучение и обобщение исследований педагогов-теоретиков, целесообразно выделить такие три аспекта:

– гражданственную и профессионально-педагогическую направленность личности, ко-

торые в общей структуре направленности личности для педагога являются ведущими;

– личностные качества педагога, в том числе профессионально значимые, важность которых для педагогического воздействия отмечают и сами педагоги, и воспитанники;

– педагогические способности, которые помогают человеку овладеть профессией и осуществлять профессиональную педагогическую деятельность на высоком уровне.

Эти составляющие, относящиеся к аспектам личности педагога, являются основой внутренней модели поведения педагога. Личностный аспект основ педагогического мастерства – это не что иное, как осознаваемое и неосознаваемое педагогическое воздействие личности педагога на воспитанников, способствующее достижению конечной цели.

Заключение. Мастер педагогического труда – это прежде всего высококомпетентный в психолого-педагогической и в собственно предметной области специалист, умеющий репродуцировать на высоком уровне профессиональные знания, умения и навыки.

На эффективность его педагогической деятельности оказывают влияние такие факторы, как:

- хорошее знание своего предмета, что дает преподавателю раскрепощенность и уверенность во время занятия;
- способность к постоянному самообучению (усвоение нового в предметной, педагогической, психологической областях);
- наличие потребности в достижениях (стремление превзойти уже достигнутый уровень).

Таким образом, педагогическое мастерство основано на системе знаний, навыков, умений, тесно связанных с профессионально важными качествами преподавателя, позволяющими ему осуществлять свою деятельность на высоком уровне исполнения и эффективно достигать целей воспитания и обучения студентов.

Литература

1. Дьяченко, М. И. Психология высшей школы / М. И. Дьяченко, Л. А. Кандыбович. – Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1978 г. – 320 с.
2. Педагогика и психология высшей школы: учеб. пособие / отв. ред. М. В. Буланова-Топоркова. – Ростов н/Д: Феникс, 2002. – 544 с.
3. Слостенин, В. А. Педагогика: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В. А. Слостенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов; под ред. В. А. Слостенина. – М.: Академия, 2002 – 380 с.

Поступила 20.03.2013

УДК 303.425.4

П. А. Водопьянов, доктор философских наук, профессор (БГТУ)

ИСТОКИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА

В статье дана периодизация основных этапов взаимодействия общества и природы. Показано, что по мере вовлечения вторичных ресурсов в орбиту хозяйственной деятельности происходило нарушение нормального функционирования экосистем, что послужило одной из причин экологического кризиса.

The article presents the analyses of main stages of society and nature interaction. Author shows that the growth of involvement of secondary resources in the orbit of economic global activity is the violation reason of the normal functioning of ecosystems. The destruction of natural ecosystems causes of the global ecological crisis.

Введение. Экологический кризис, охвативший практически все страны мирового сообщества, отличается от всех предшествующих кризисных явлений в геологической истории Земли своей масштабностью и глобальностью. Это обстоятельство обусловлено в первую очередь характером человеческой деятельности, которая в современных условиях превратилась в огромную геологическую силу, приведшей к нарушению экологического равновесия в биосфере. Однако в полной мере оценить причины возникновения экологического кризиса возможно лишь при условии рассмотрения истории взаимодействия общества и природы на различных этапах человеческой истории.

Основная часть. В современной литературе существуют различные подходы к изучению исторической периодизации взаимодействия общества и природы, отражающие те или иные аспекты их взаимоотношений. При этом подчеркивается, что законы развития общества и законы биосферы принципиально отличаются друг от друга по механизмам функционирования и источнику развития. Общество как важнейшая подсистема биосферы имеет свои собственные законы функционирования эволюции, изучение которых в контексте законов эволюции биосферы – важное условие для определения путей выхода из экологического кризиса.

Особое значение в этой связи занимает изучение взаимодействия общества и природы в контексте анализа общественно-экономических формаций. Такой подход позволил разработать периодизацию этапов по степени преодоления естественных ограничений природы и процессов трудовой деятельности. При этом особое внимание уделялось изучению законов природных либо социальных явлений без учета их совместной эволюции. Такого рода недостаток

был преодолен в концепции хозяйственно-культурных типов, в которой учитываются особенности хозяйства и культуры разных народов и уровень их социально-экономического развития. Эти особенности позволяют выделить следующие исторические этапы взаимодействия общества и природы:

- а) этап доиндустриальной культуры (присваивающее (охота и собирательство) и производящее хозяйство (аграрная культура);
- б) эпоха индустриальной культуры;
- в) эпоха постиндустриальной культуры.

Эпоха доиндустриальной культуры охватывает значительный период в человеческой истории, начиная первобытным обществом и кончая промышленным переворотом XVIII века. На ранних этапах своей истории человек полностью зависел от природного окружения. Благодаря совершенствованию орудий труда произошло качественное изменение взаимоотношений человека с окружающим миром, расширившее диапазон его приспособительных возможностей. Если животные в процессе своей жизнедеятельности изменяют окружающую среду своим воздействием на нее, то человек не только видоизменяет ее, но и активно использует разнообразные ресурсы природы для удовлетворения своих потребностей. Отличие человека от животных заключается и в том, что человек в своей деятельности опирается на заранее заданную программу, план, в то время как действия животных совершаются инстинктивно или под влиянием условных рефлексов. Становление человека сопровождалось переходом от присвоения готовых продуктов природы к трудовой деятельности, в процессе которой инстинкты животных уступали место сознательной деятельности человека по изготовлению готовых орудий труда. Последнее основывалось

на опосредованной связи между действиями человека и явлениями природы и сопровождалось появлением понятийного мышления, присущего только человеку. Высказывание К. Маркса о том, что люди начинают отличать себя от животных и отделяют себя от природы, как только начинают производить необходимые им средства к жизни, весьма точно и образно характеризует качественное отличие человека от животных. Именно в процессе трудовой деятельности создается понимание мира и его восприятие, закладываются основы осознания места человека в мире.

Совершенствование средств и орудий труда, в частности метательных орудий, навыков в охоте, выжигании растительности привело к использованию загонного способа охоты, добычи животных более совершенными способами. Это послужило условием возникновения кризисных явлений, связанных с обеднением ресурсов природы, истреблением крупных животных. Истребление животных, выжигание значительных территорий поставило первобытные племена в жесткие условия существования (голода). Этот период обычно обозначается как кризис эпохи неолита, достигший обострения по причине совершенствования технологий, приведших к разрушению определенных компонентов природных экосистем.

Неолитическая революция (X–VIII тыс. лет до н. э.) дала людям возможность использовать надежные и стабильные источники пищи и других необходимых веществ и послужила условием преодоления кризисных явлений за счет освоения новых территорий. В свою очередь, это сопровождалось ростом численности людей за счет удовлетворения их потребностей. Благодаря приручению диких животных и селекции растений человек стал менять окружающую природу и создавать новую, что позволило ему избавиться от голода. Широкое распространение земледелия сопровождалось концентрацией людей в крупных поселениях, вплоть до возникновения городов и развития индустрии. Переход к производящему хозяйству означал установление принципиально нового типа взаимоотношений человека и природы и был напрямую связан с овладением человеком силами природы.

Промышленная революция XVIII века ознаменовала наступление качественно нового этапа во взаимодействии общества и природы, именуемого эпохой индустриальной культуры. Характерной особенностью данного этапа является развитие машинной индустрии, связанное с созданием парового двигателя, прядильного станка, сельскохозяйственных машин (парового плуга, механических сеялок, жаток)

и др. Все это позволило поднять на новую высоту уровень промышленного производства и значительно повысить уровень жизни людей.

С этого времени резко возрастает объем выработки ряда полезных ископаемых, в первую очередь железной руды и угля, древесины, минералов, необходимых для подъема экономического развития. С появлением измененных ландшафтов человек все больше нуждался в поддержании жизни во вторичных ресурсах, для переработки которых требовалось значительное количество энергии, труда и материалов, что негативно сказывалось на состоянии окружающей среды [1, с. 182]. И это послужило началом нового этапа во взаимодействии общества и природы, изменившего ранее существовавшую систему природопользования. А с тех пор, как человек стал активно использовать различные механизмы, интенсивно потреблять ресурсы биосферы и возвращать туда отходы, негативное воздействие на биосферу стало стремительно возрастать.

Промышленный прогресс оказал мощное влияние на развитие различных сторон хозяйственной деятельности в сфере производства и сельского хозяйства. Медленно, но неуклонно происходит сокращение лесных территорий и осушение болотистых систем. В орбиту хозяйственной деятельности вовлекаются водные экосистемы и малые реки, совершенствуются сельскохозяйственные культуры и улучшаются породы животных.

Во второй половине XIX века началось бурное развитие промышленности, в результате чего многократно возросла добыча полезных ископаемых – каменного угля, нефти, железной руды и других руд, потребление древесины.

Внедрение в производство двигателя внутреннего сгорания и сложных машин, рост городов и промышленных центров качественно изменили характер взаимоотношений человека и природы, приводя к росту отходов, мусора, засорению водных источников, почвы, атмосферы.

Благодаря совершенствованию технологических процессов происходит все более полное освоение природных ресурсов, а контакты человека с природой становятся все более глубокими. Труд становится все более отчужденным, отношение производителя к результатам своего труда выступает как сила, противостоящая природе.

Такого рода антагонистический характер отношения человека к природе неизбежно приводил к нарушению экологического равновесия в самой природе из-за исчезновения и гибели многих видов флоры и фауны.

Бурное развитие производительных сил на стадии капиталистического общества сопровождалось освоением новых территорий и интенсивным

потреблением природных ресурсов: уничтожением животного мира, покорением многих стран, строительством городов, изменением структуры земной поверхности и др.

Все положительное, что было накоплено человеческим опытом, было обращено против природы, которая становится лишь вещью, полезной для человека. Люди научились использовать накопленные знания о закономерностях природы, представления о ее единстве и комплексности, осуществлять ширококомасштабное воздействие на природу, создавать новые материалы, не существующие в природе, и, как следствие, оказались заложниками освоенной ими материи. Этот период означал индустриальный способ освоения природы.

Таким образом, первый этап взаимодействия общества и природы охватывает период от возникновения вида *Homo sapiens* до появления земледелия и скотоводства. На данном этапе происходила постоянная миграция населения, обусловленная ухудшением природных условий, исчерпанием природных ресурсов и нехваткой пищи.

На втором этапе, охватившем период до становления капитализма, преобладающим видом производства было земледелие и скотоводство, произошел переход от присваивающей экономики к производящей. Следующий этап связан с созданием городских поселений, в которых концентрировалось производство, что приводило к замене естественной среды искусственной.

Воздействие человека на среду в этот период приводило к нарушению экологического равновесия, хотя негативные последствия человеческой деятельности носили локальный характер и, как правило, не могли оказать существенного влияния на природные экосистемы.

Постепенно человеческая деятельность приобретает глобальный характер и приводит к возникновению экологического кризиса, угрожающего будущему цивилизации.

С XX веком неразрывно связана научно-техническая революция, которая послужила толчком к созданию и техническому использо-

ванию новых технологий, и в первую очередь к овладению атомной энергией. Это принесло фантастическую техническую оснащенность, но и чудовищные техногенные катастрофы, носящие все более и более глобальный характер. Параллельно XX век привнес резкий скачок численности населения, что наряду с военными, национальными конфликтами породило голод во многих районах. Это этап демографического взрыва и новых технологий, который играет решающую роль в выборе путей дальнейшего развития человечества.

Новые достижения в науке, связанные с созданием вычислительных машин, изобретением атомной энергии и открытиями в области биотехнологии, открыли возможности еще более стремительного наступления на природу. С появлением современных компьютеров и робототехники открывается возможность усиления (дополнения) интеллектуальных качеств человека, и потому он в состоянии создать такие механизмы и приспособления, которые – по крайней мере, теоретически – смогут заменить его полностью. Это, по сути дела, означает самоликвидацию человека как деятельного активного существа.

Заключение. В настоящее время человек существенно продвинулся в овладении тайнами живого существа. Значительные успехи достигнуты в постижении живой материи на субмолекулярном уровне, в частности, открыты тончайшие механизмы наследственности, установлены условия взаимодействия генов. На этой основе уже сегодня развивается новая область использования природных процессов – генная инженерия.

Именно на этом пути, на пути достижений современной науки открывается возможность преодоления кризисных явлений в жизни современной цивилизации.

Литература

1. Баландин, Р. К. Природа и цивилизация / Р. К. Баландин, Л. Г. Бондарев. – М.: Мысль, 1988. – 392 с.

Поступила 20.03.2013

УДК 16

В. П. Шалаев, доктор философских наук, профессор, декан
(Поволжский государственный технологический университет, г. Йошкар-Ола, Россия)

УПРАВЛЕНИЕ КАК ФИЛОСОФСКО-СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА: В ПОИСКАХ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ

В настоящей статье исследуется проблема управления в современной науке и обществе. Факторы глобализации, потребления, роста сложности и динамизма общественных процессов рассматриваются как решающие в понимании новых условий управленческой науки и практики во всех сферах жизнедеятельности современного общества. В качестве одной из наиболее адекватных современным условиям парадигм управленческой науки рассматривается и обосновывается синергетический подход в общественности. Синергетика рассматривается с философских позиций как наука о сложном и адекватном управлении сложностью.

In the present article the management problem in modern science and society is investigated. Factors of globalization, consumption, growth of complexity and dynamism of public processes are considered as solving in understanding of new conditions of administrative science and practice in all spheres of activity of modern society. As one of the paradigms of administrative science most adequate to modern conditions synergetic approach is considered and locates in social science. The synergetic is considered from philosophical positions as science about difficult and adequate management of complexity.

Введение. В представленной статье исследуется проблема управления в современной науке и обществе. Факторы глобализации, потребления, роста сложности и динамизма общественных процессов рассматриваются как решающие в понимании новых условий управленческой науки и практики во всех сферах жизнедеятельности современного общества. В основу анализа данной проблемы положены следующие основные контексты:

– системное изменение общества, основанное на его генеральных тенденциях, решающим образом влияет на изменение всех сфер его жизнедеятельности;

– связанные с системным изменением общества процессы своей причиной имеют глобализацию, тенденции потребительского общества, рост сложности внутриобщественных взаимосвязей, рост взаимозависимостей и чувствительности различных систем, рост динамизма (скорость общественных процессов и изменений);

– в новых условиях в обществе назревает потребность в новой науке управления, которая сможет учитывать новые генеральные тенденции и предоставлять качественные знания и технологии управления, способного минимизировать риски в развитии всякой организации;

– в обществе во все большей степени становится востребованной наука о сложных и динамичных системах, одной из наиболее развитых форм которой является сегодня системно-синергетический (синергетический) подход;

– системно-синергетический подход во все большей степени требуется там, где необходимо учитывать сложность и динамизм сфер, их описание, понимание и управление ими;

– к числу таких динамичных сфер относится сфера туриндустрии, основанная на сложном единстве, взаимосвязи и взаимовлиянии многих подсистем (историко-культурных, природно-экологических, транспортных, гостевых, экскурсионных, турагентских, тураператорских, питания, образования, науки, коммуникаций и др.);

– в исследовании особое внимание уделено пониманию новой системно-синергетической (системной) общенаучной методологии и основанной на ней новой общей теории управления. Опираясь на эту новую методологию и новую теорию управления, мы способны по-новому увидеть новые вызовы современной практики управления в любой из сфер общественной жизнедеятельности, в том числе в сфере индустрии туризма, по-новому взглянуть на такие предметы, как менеджмент, маркетинг, реклама, планирование, проектирование и прогнозирование в туризме и др.

В данной статье с философско-синергетической точки зрения введены и рассмотрены понятия, проблемы и сущность прежде всего феномена гиперсложности и метаморфоз социальных коммуникаторов как нового вызова современному человеку, обществу и науке управления. В частности, предметно исследуется проблема науки и практики адекватного управления в гиперсложном обществе как главная проблема современности. В оригинальной трактовке введены понятия гиперсвязи, гиперуправления, коммуникации, коммуницирования, бифуркационности и роль в их понимании синергетики.

В ситуации непрерывно растущей сложности бытия человека, в ситуации глобализации и роста катастрофичности и рисков существования сфера управления становится центральным

направлением вложения сил стран и народов на путях их устойчивого развития. Это направление неустанно разрабатывает и социальное синергетическое знание. В частности, значительные наработки в системе современного синергетического знания могут быть представлены феноменом социальных технологий, акупунктурного управления (В. Венгеров) и др., получающими все более широкое распространение в современных политических, экономических и мировоззренческих процессах, находящихся в инверсии западной цивилизации.

Проблема методологии управления сложными системами. Современное общество и с точки зрения элементной базы, и с точки зрения процессов, в нем протекающих, все более можно назвать устремленным к гиперсложности. При этом управление протекающими процессами все в меньшей степени возможно осуществлять на основе традиционных методов.

Управление долгое время исходило из принципа механического детерминизма. Пока социальные системы были достаточно просты, такой подход оправдывал себя, хотя в своей сути он не учитывал сложность управляемой социальной реальности, специфика которой в способности к самоорганизации, самоорганизации, саморазвитию, самоуправлению, т. е. в наличии внутренних управляющих центров, достаточно автономных от среды.

Модель механического управления оправдывала себя прежде всего на ранних стадиях развития человеческого общества, в условиях общинных форм развития. Эти черты доминировали и в другие исторические эпохи развития человеческого общества (а значит, и личности) – в эпоху господства рабовладельческих, феодальных отношений.

Но рост уровня проявленности личности, индивидуальности, рост сложности связей и отношений людей в обществе, связанный с ростом сложности хозяйственно-экономической, политико-правовой, духовно-культурной, технико-технологической жизни общества, начиная с эпохи Возрождения и Нового времени, принципиально изменил социальные объекты управления и сопряженные с ними многообразные комплексные объекты в системах «человек – техника», «человек – природа». Отличительная особенность этих объектов – гиперсложность, гипертрофированность в развитии одних сфер за счет других, и в то же время все возрастающая взаимозависимость этих сфер.

Гиперсвязь – это своего рода сверхсложная система, функционирование которой необязательно зависит от санкционированного системой изменения своего параметра, но зависящая в

гораздо большей степени от малых, несанкционированных субъектом управления, неучитываемых им факторов, но способных в гиперсложной среде осуществить настоящую революцию, изменить генеральную направленность развития этой системы и сами фундаментальные основы ее существования. В этом статусе могут оказаться и положительно, и отрицательно ориентированные с точки зрения фундаментальных целей системы факторы. Тем важнее для человека научиться их описывать, делать управляемыми.

Один из таких неконтролируемых «социальных микровирусов» способен стереть с лица планеты не только человечество, но и все живое. Интернет как вершина научно-технической мысли есть и вершина показательности того, что нас может ждать, если речь будет идти уже не о потоках информации, но о непосредственным образом взаимосвязанных с ними процессах практически преобразующего материального характера (процессы в области атомной энергетики, атомного, бактериологического и химического оружия и др.).

Человек всю свою земную историю был устремлен к сложности, и сложность эта стала сегодня его очередным испытанием, сопоставимым с проблемами перехода от собирательных обществ к земледельческим и от этих последних к промышленным. Это касается прежде всего обществ, находящихся в рамках именно западной инверсии, западного типа развития или включенных в нее. С этими обществами непосредственным образом связаны сегодня практически все народы планеты.

Сущностная оценка ситуации заключается в том, что судьбой человека во все большей степени становится не только сложность его общественной и личной жизни, но и пропорционально возрастающая с ней сложность управления этой жизнью, своим поведением в ней.

Гиперсложному обществу должна соответствовать специальная система управления, способная эту гиперсложность контролировать, не допуская экспоненциального роста катастроф, в том числе сверхкатастроф, в нашей жизни. Чрезвычайно перспективным направлением обретения этой новой системы управления, способным предложить адекватный методологический инструментальный теоретического описания и конкретные подходы управления гиперсложными социальными объектами, как представляется, является синергетика.

Понятие коммуникаторов. Управление коммуникаторами в гиперсложном обществе. Что мы понимаем под социальными институтами нашего времени? Какова их специфика? Для ответа на этот вопрос представляется уместным

использование коммуникативного подхода. Социальные институты как устойчивая точка социальной реальности, способная устойчиво воспроизводить и развивать себя, является фундаментом сохранения социальности, не мыслима без коммуникаций.

Коммуникация – это определенное единство, система субъектов и связей между ними, поддерживаемых активностью ее участников. Коммуницировать – значит каждый раз восстанавливать и развивать отношения социальных субъектов.

Это отношения социальных субъектов друг с другом по поводу и через определенных посредников, актуализируемых, в форме потребностей, интересов и целей этих субъектов в их взаимных отношениях друг с другом. Посредник – это на самом деле и есть то, что мы привыкли называть обществом. Это все то, что люди создали усилиями своего разума и включили в свое бытие как неотъемлемую часть себя, которую они назвали культурой или тем, что К. Маркс называл Второй Природой Человека. Это вся та совокупность моральных, эстетических, политических, экономических, религиозных, правовых и т. д. ценностей, идей, знаний, установок, а также многообразных технических и технологических артефактов, которыми мы так активно пользуемся, фиксируя их как часть своей эмоциональной и интеллектуальной, физической и духовной жизни. Система коммуникаций – это все то, что отличает род человеческий от окружающего природного мира, делает его особенной формой бытия. Центральным звеном коммуникации является формирование и развитие социальных институтов общества.

Государство и другие социальные институты – это также социальные коммуникаторы-посредники в особой форме их проявленности. Коммуникаторы, будучи созданы самими людьми, тем самым в лице людей получили и механизм своей защищенности, воспроизводства и развития.

Главным отличительным свойством социальных коммуникаторов была и остается их изначальная противоречивость. Их отличительное свойство не только в созданности, производности от человека, но и в относительной независимости от него, в приобретении над пользующимися ими людьми непреклонной власти. Это все то, что может быть достаточно четко схвачено определением «превращенной формы».

История человека – это прежде всего история не просто социальных институтов, но история лежащих в их основе социальных коммуникаторов, ставших базисом социальности в человеке. Такова философская постановка во-

проса о сущности социальных институтов и лежащих в их основе социальных коммуникаций, выступающих в качестве сущности социального коммуникатора – человека. Постановка эта связана с глубинной философской проблемой – проблемой сущности самого человека. Окинув взглядом историю, мы видим, что роль социальных институтов в становлении и развитии человеческого рода фундаментальна. Человек по существу есть Человек коммуницирующий. История есть тем самым история борьбы коммуникаторов друг с другом за власть в обществе, за власть над природой.

Сначала это была история борьбы за выживание человека перед мощью природной стихии. В этой борьбе люди изобрели иллюзорный мир ценностей и образов, объединив его в мифологических и религиозных формах. Этот мир примирял и упорядочивал отношения человека и природы, через многочисленные синкретичные, анимистические и гилозоистические идеи снимал напряжение в их отношениях. Объясняя человеку его малость, эти идеи примиряли человека с природой в том смысле, что снимали соблазн борьбы с ней, учили терпению пребывания в ней. Но, обретя через мифологию и религию духовную опору в себе самом, человек пошел дальше, по пути роста своих потребностей, прежде всего материальных. Он обратился к соблазну физической власти над природой, решая свои проблемы роста за ее счет. Здесь мы видим вторжение в мир социума совершенно другой формы коммуникаторов. Это коммуникаторы агрессии, натиска, потребления.

Современная социально-философская наука все чаще пользуется понятием «общество потребления». Действительно, люди потребляли всегда и лишь за счет этого потребления видели возможность выживания и развития. Это закон социального характера.

Формы коммуникаторов изменились в соответствии с тем новым этапом развития человеческого рода, который мы сегодня во многом называем этапом гипертрофированного потребления природы человеком, или этапом потребления.

В системе гиперсложного общества становится все менее возможным контролировать процессы социальных (в том числе техногенных) и социально-природных связей и отношений. Доминирующее влияние многообразных посредников на своего создателя в силу чрезвычайной сложности системы оказывают стохастические связи и процессы. Они способны изменить генеральную линию развития сложной системы, отклонить ее от сложившихся устойчивых ритмов функционирования и первоначальных целей развития.

Риски манипулятивного управления. Следует также отметить и рост возможностей манипулирования обществом посредством сложившейся системы коммуникаторов и все возрастающей потребности людей в существовании их как своих генеральных посредников в связях с обществом. Манипулируемое общество вырастет на почве манипулируемости коммуникаторов общества. Эта манипулированность тем больше, чем большую силу в обществе набирают процессы мультикультурности, разобщенности и индивидуализированности.

Состояние противостояния индивидов, мультикультурность, рост сложности связей и отношений в обществе, рост сложности и взаимозависимости общества и природы, рост сложности самих коммуникаторов порождают то, что может быть описано понятием внутренне противоречивого, напряженного, кризисного существования людей во все более кризисном и напряженном обществе. Все это – рост ожиданий и активный поиск новых форм стабильности. Начинается борьба людей, социальных групп за гарантии своей жизни в ее новых кризисных условиях существования. Новое состояние нашего общества и его социальных институтов близкое к тому, что получило в синергетической науке наименование бифуркационного.

Наше общество может по праву называться обществом (ориентированным на все большее потребление) чрезвычайно индивидуализированным.

В таком обществе, жаждущем стабильности в своем индивидуализированном потреблении и ощущающем, осознающем кризисность, ускользающую эфемерность стабильности, люди объективно готовы к тому, чтобы воспринимать любые идеи, способные гарантировать им в случае их объективации долгожданную стабильность потребления. В таком обществе на основе этих все возрастающих, подогреваемых наиболее развитыми государствами ожиданий и готовности действовать в соответствии с этими ожиданиями чрезвычайную силу приобретают факторы манипуляции людьми (через СМИ, например). Важную роль здесь играют коммуникаторы, способные привести к успеху в этих манипуляциях. Именно это мы наблюдаем, например, в условиях различного рода выборов во властные структуры современной России и Западного общества. Здесь опасно все: сложность самих коммуникаторов, их ускользающая подконтрольность, использование их в неблагоприятных целях, ничего общего с родовыми целями человечества не имеющих. Нельзя определить сущность коммуникаторов, не определив их тайну как тайну их проектировщика и создателя –

человека. Сила вещей, созданных человеком, – в тайне самого человека, в восприятии себя как их создателя.

Значит, если и ставить вопрос о решении проблемы гиперсложности, то ставить его надо прежде всего в направлении изменения самого человека. Но вопрос изменения человека, изменения его отношений с искусственным миром – вопрос, остающийся открытым. Нам представляется, что форма такого решения может быть только в виде интенсивного революционного шага, своеобразного социального скачка, скачка не только в области нравственности, но и в области рациональности, с переходом к новой рациональности – например, рациональности сложных систем синергетики.

Позитивная программа как проблема в науке и практике управления. Что же необходимо сделать для упорядочения сложившихся кризисных отношений с природой и внутри человеческого общества, с чего начать решать эту глобальную с точки зрения будущего человечества проблему, соразмерную проблеме выживания человечества в новой реальности? Нам представляется, что прежде всего необходимо зафиксировать в качестве аксиоматических следующие положения-факты:

1. Сущность человека как особого феномена мира – в его биосоциальности.

2. Биосоциальность – базис человеческого самоутверждения в мире, экспансии человека в мире.

3. Сущность социального и сущность биологического в человеке – в его фатальной зависимости от человека биосоциального.

4. Содержательно социальность проявлена в вещах, т. е. в явлениях, созданных человеком для себя, для своих целей в качестве посредников с миром природы и обществом себе подобных.

5. Кризисность и конфликтность бытия человека в мире своим источником имеют кризисность, конфликтность человека как существа биосоциального в себе самом.

6. Важным фактором кризиса, конфликтности человека как существа биосоциального является качество созданных и используемых им посредников и собственно качество человеческого управления ими.

Мы должны стать более осторожными и менее безоглядными в использовании создаваемых нами посредников. Мы должны ясно осознать свою реализуемую во вне противоречивость и обрести новую форму отношений с данными посредниками на основе принципа понимания неоднозначности посредника, его противоречивости именно как продленной противоречивости самого человека. Прежде всего

мы должны осознать особенность современных посредников, так как именно они, лежащие в основе этой новой реальности, выступили причиной роста катастрофичности, кризисности, конфликтности отношений человека с миром природы и отношений внутриобщественных.

Во всем этом отправной точкой является знание человеком самого себя в сущности.

Линия рефлексии, развиваемая буддизмом и индуизмом в целом, нам вполне доказательно указывает на источник власти вещей над человеком. Этот источник, эта причина – в человеческих желаниях, влечениях, носящих главным образом телесный характер. Но власть над человеком, конечно же, имеют и не чисто телесные влечения. Любое стремление к обладанию, фиксируемое Э. Фроммом как «модус обладания», уже есть реализованная актуальная форма закабаления человека, форма его потенциального страдания.

В нашем контексте, связанном с опытом описания феномена коммуникаторов как универсальных посредников человека, нет существенной разницы, имеем ли мы дело с идеальным (в смысле не материальным) или с материальным по форме коммуникатором. Человек в любом из этих случаев есть человек, реализующий свои биосоциальные потребности через удвоение своей природы в сторону ее социального усложнения. Биосоциальный человек как сохраняющий и удовлетворяющий себя человек и есть человек, усложняющий свою вторую природу, частью которой он всегда является, оставаясь при этом неотъемлемой составной частью и первой, естественной природы (внутреннего телесного или внешнего телесного миров).

Перед нами человек, идущий к удовлетворению своих двойственных потребностей через рождение сложности одного порядка к рождению сложности второго порядка. Это – устремленный к сложности.

Изменение социальной и социоприродной ситуации в наше время во многом напоминает по своим проявлениям характерные признаки все более нездорового организма, который по своей воле усилиями ускоряет болезнь.

Проведенный нами опыт исследования гиперсложности современного общества и есть, как полагаем, один из опытов самопознания. Познай самого себя – и ты познаешь мир. В этом утверждении своеобразный проект пути, который мы однажды для себя смогли начертать и который восприняли как сущностный для себя. Но этот проект есть, с нашей точки зрения, проект лишь одного из путей.

Познать этот многообразный мир можно лишь путем освоения всего множества его

путей. Сейчас, когда так все непросто, когда мы все ощущаем новый вызов своему земному существованию, пришло время начать идти иным путем своей жизни, не будучи застрахованным от ошибок и на нем.

Заключение. Синергетика как общая теория самоорганизации начала обретать себя в сложный период для судеб науки и философии, когда и науки, и философия начали осознавать себя в состоянии кризисности, невостребованности обществом в тех формах, в которых они до сих пор существовали. В этом смысле синергетика стала своеобразной поисковой формой развития научного знания. Во-вторых, содержательной стороной этой невостребованности стала специфика переходных процессов, с которыми столкнулось общество в Новейшее время. Одним из объективных факторов расхождения социальной реальности с науками и философией стала назревавшая долгое время проблема непрерывного роста сложности общества и с точки зрения его актуальных форм (внутренней структуры), и с точки зрения содержания этих форм. Расхождение проявилось в кризисе общества, его способности контролировать ситуацию в системах «человек – человек», «человек – природа».

Иными словами, синергетика возникает в эпоху все менее контролируемого роста сложности общества и связанного с ним роста кризисности его внутренних и внешних отношений. Для решения поставленных перед собой общественных целей и задач стабилизации этих отношений, прежде всего путем изменения концепции управления, синергетика пошла по естественно парадигмальному пути развития наук. Она предложила диалог наук, диалог социально-гуманитарного и естественно-технического, философии и науки в широком смысле, диалог теорий и подходов, она предложила в широком смысле диалог наличного знания, итогом которого может стать новое знание, новая парадигма знания.

Она попыталась вобрать в себя всю совокупность тектологических, общесистемных, кибернетических и эволюционистских знаний о мире. Имея своей изначальной целью «переоткрытие» ряда важнейших специфических свойств реальности (переоткрытие времени, пространства, роли случайного, малой флуктуации, бифуркационности, открытости и других актуализированных свойств), синергетика невольно стала участником рефлексии современного философского знания, вошла в область его проблематики. Она поставила вопросы места и роли, возможностей и судьбы человека в мире через призму проблем современности. Исследование переходных, кризисных систем

в их развитии, возможностей управления ими (как характерная черта нашего времени) стало своеобразным кредо синергетики. И в этом качестве проблема, осмысленная в представленном материале, – еще одна попытка актуализации востребованной роли синергетики и в научном, и в практическом отношении. Это соответствует назревшим фундаментальным противоречиям человеческого рода, которые необходимо начинать решать в интересах сохранения человека и продолжения его продуктивной роли в обозримой мировой перспективе.

Литература

1. Берталанфи, Л. фон. Общая теория систем: критический обзор / Л. фон Берталанфи // Исследования по общей теории систем. – М.: Прогресс, 1969. – С. 23–82.
2. Богданов, А. А. Тектология (всеобщая организационная наука): в 2 кн. / А. А. Богданов. – М.: Экономика, 1989.
3. Венгеров, А. Б. Синергетика и политика / А. Б. Венгеров // Общественные науки и современность. – 1993. – № 4. – С. 55–69.
4. Князева, Е. Н. Синергетика как новое мировидение: диалог с Пригожиным / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов // Вопросы философии. – 1992. – № 12. – С. 3–20.
5. Маркс, К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. / К. Маркс // Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 46, ч. 1. – М.: Политиздат, 1968. – С. 3–48.
6. Моисеев, Н. Н. Пути к созиданию / Н. Н. Моисеев. – М.: Республика, 1992. – 256 с.
7. Пригожин, И. Порядок из хаоса / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
8. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М.: Прогресс, 1990.
9. Фукуяма, Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 134–147.
10. Хайдеггер, М. Поворот / М. Хайдеггер // Новая технократическая волна на западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 85–92.
11. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций? / С. Хантингтон // Полис. – 1994. – № 1. – С. 33–49.
12. Шалаев, В. П. Актуальная синергетика: человек и общество в эпоху глобальных трансформаций: монография / В. П. Шалаев. – Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2013. – 184 с.

Поступила 30.03.2013

УДК 316.61

К. Э. Бурнашев, кандидат философских наук, доцент
(Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия)

СОЦИАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ ЧЕЛОВЕКА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

В представленной работе осуществляется попытка проанализировать наиболее общие стандарты человека и дать им характеристику. Автор доказывает, что формирование социальных стандартов происходило на протяжении длительного периода истории. Основное внимание уделено проблеме стандартов человека в современном обществе, особенностям их формирования и взаимодействия. Немаловажное место в статье занимает вопрос о формировании стандартов возможного человека, что особенно актуально в условиях глобальных трансформаций.

The present work is an attempt to analyze the most common standards of human rights and to give them a description. The author argues that the formation of social standards going on for a long period of history. Attention is focused on standards in modern society, especially their formation and interaction. The important part of the article is the question of the formation of standards possible person that is particularly relevant in the context of global transformations.

Введение. Принято считать, и весьма справедливо, что человек существо уникальное и неповторимое. Это утверждение во многом неоспоримый факт, простейшим доказательством которого служит невозможность найти двух абсолютно одинаковых индивидов. У каждого человека свой жизненный путь, своя биография. В свете подобных утверждений любые разговоры о стандартах человека выглядят весьма сомнительными и даже противоестественными. «Человек – это прежде всего проект, который переживается субъективно, а не мох, не плесень и не цветная капуста», – писал Ж. П. Сартр [1, с. 322]. Мох, плесень, равно как и цветная капуста, могут быть стандартными. Может ли быть стандартным человек? История отвечает на этот вопрос утвердительно.

Двадцатый век как никакой другой полон попыток стандартизировать человека, загнать его в жесткие рамки определенных образцов, эталонов. Достаточно вспомнить практику стандартизации в тоталитарных режимах Советской России и гитлеровской Германии, формирование стандартов человека в потребительском обществе и др.

Учитывая специфику социально-философского взгляда на исследуемую проблему, отметим, что нами будут рассматриваться только наиболее общие стандарты человека, которые во многом определяют все остальные стандарты, находящиеся в фокусе внимания частных наук, например, психологии, социологии, культурологии и др.

Основная часть. Проблема стандартов человека не получила глубокой проработки в научной традиции, была далека от мейнстрима социально-философской мысли. Это связано с тем, что интерес исследователей, как правило, находился в противоположной области. Куда интереснее изучать человека как существо не-

стандартное, творчески активное, бытийствующее, свободное. Обратная сторона не столь привлекательна, но не менее актуальна, особенно в условиях современной цивилизации, когда «проблема личности фактически сводится к проблеме подтягивания индивида к имеющимся уже образцам», а «проблема выбора связана теперь не столько с творческим усилием личности, сколько с расчетом необходимых шагов для продвижения по структурной решетке внешних стандартов» [2, с. 15].

Как известно, на начальных стадиях своего развития человек не отделял себя от коллектива, не чувствовал своей индивидуальности и личностного начала. Он принадлежал целому, был в синкретическом единстве с миром. Именно в этот период начинает формироваться один из первых стандартов человека, который условно можно назвать стандартом «осредненных» [3, с. 26], или усредненных. Данный стандарт «первоначально принимал значение вполне конкретных и осязаемых явлений. Например, стариков, тотемов (и вообще предков). Со временем контуры стандарта размывались и представлялись в виде семьи богов или единого бога. Культ личности в политике, идеологии, науке, кумиры в искусстве – везде мы находим следы действия этого стандарта» [3, с. 26–27]. Его императив: «Стремись быть таким как все, следуй традиции, прислушивайся к авторитету, уважай старших и т. п.». Человек здесь растворяется в рамках тотальности и мыслится только как часть некоего монолитного целого.

Важнейшую роль в процессе стандартизации в этот исторический период играли табу. «Они мотивировали индивидуальные поступки, но действовали как несгибаемая социальная форма. Запреты в качестве форм социального взаимодействия служили своего рода средством отбора санкционированных обществом

действий, связей, обеспечивающих сохранение социальности, накопление и трансляцию человеческого опыта» [4, с. 433–439].

Следовать стандарту было вполне естественным и единственно возможным способом бытия древнего человека.

Стандарт «усредненных» все еще обладает значительной привлекательностью. По всей видимости, здесь действует механизм «бегства от свободы» описанный видным представителем неофрейдизма Эрихом Фроммом.

Как показал Фромм, бегство может осуществляться различными способами. Во-первых, это авторитаризм. Его главенствующей установкой является «практически полный отказ от независимости своей личности, отождествление своего Я с чем-нибудь или кем-нибудь внешним по отношению к себе» [5, с. 181]. Подобный отказ от «Я» в пользу «Мы» наиболее ярко можно продемонстрировать на примере тоталитарных режимов, которыми была богата история XX века.

Во-вторых, это разрушительность по отношению к миру. К чужакам, любому проявлению инакости «усредненные» испытывают не просто неприязнь, а крайнюю агрессивность. Механизм проявления разрушительных тенденций «усредненных» по отношению к «иным» в яркой литературной форме описан в романе-антиутопии русского писателя Евгения Замятина «Мы» [6, с. 224].

В-третьих, это соглашательство и автоматика. «Этот механизм представляется большинству здоровых людей в современном обществе неким спасительным решением. Одним словом, индивидуум теряет самого себя; общепринятая мораль навязывает ему определенный тип личности, и он его с готовностью принимает, превращаясь при этом в “одного из” и становясь точно таким же, как и все остальные, и таким, каким они хотят его видеть... Как только человек отказывается от самого себя и превращается в робота, он перестает испытывать чувство тревоги и одиночества, подобно миллионам других таких же людей-машин. Цена такому изменению – утрата собственного “Я”» [5, с. 240].

«Усредненные» «роятся» вокруг авторитарных ценностей, находятся под влиянием авторитарной религии. «В повиновении могущественной власти состоит один из способов избавиться от чувства одиночества и собственной ограниченности. Этот акт подчинения лишает его независимости и цельности как индивида, но взамен он обретает чувство безопасности и защищенности благодаря тому, что он как бы становится частью внушающей страх и благоговение силы» [7, с. 37].

Фигура отдельного человека в стандарте «усредненных» не обладает самоценностью, важность имеет лишь целое, которому индивид totalmente подчинен.

В зависимости от исторической эпохи стандарт «усредненных» разнонаправлен. В архаические времена он развернут в прошлое. Здесь происходит опора на авторитет традиции и беспрекословное уважение к предкам как к носителям этих традиций. В Новейшее время мы наблюдаем его иную направленность. В тоталитарных системах организации социального пространства «усредненные» роятся вокруг абстрактных целей, которые находятся, как правило, в будущем. В качестве таких целей выступают «светлое будущее» или «жизнь после смерти». Подобные цели становятся символами «усредненных» индивидов и позволяют правящей элите управлять безликой массой своих рабов.

Символом стандарта «усредненных» можно считать идола в различных его формах. Идолопоклонство – удел не только древних архаических культур. Современными формами идолопоклонства являются например, культ личности, фанатство, культ денег, успеха, развлечения, техники и т. д.

Вслед за стандартом «усредненных», по всей видимости, возник стандарт «обладающих» [3, с. 30]. Его появление на исторической арене связано с возникновением института частной собственности. «Обладание – это отношение к человеку посредством какого-либо агента (вещи, золота, должности и т. п.)... «обладающими» не могут быть одновременно все. Должны существовать те, кем обладают. Чтобы возникали «обладающие», необходимы «усредненные», за которыми остаются права признавать собственника и быть собственностью» [3, с. 31].

На протяжении длительного периода европейской истории соответствовать стандарту «обладающих» могли лишь представители высших слоев общества. Остальные же оставались «усредненными».

Императив данного стандарта можно сформулировать так: «Я есть то, чем я обладаю». Масштаб человека в пространстве «обладающих» измеряется возможностями обладания, чем большим ты владеешь, тем более значим и занимаешь больше места. Причем речь не обязательно идет о вещном обладании. Это обладание титулами, чинами, наградами, регалиями, людьми наконец.

В XIX веке закладываются основания нового человеческого стандарта, типичным представителем которого является «массовый человек» или «человек-потребитель». Будем именовать данный стандарт «потребительским».

«Потребительский» стандарт обладает чертами «усредненных» и «обладающих». От первых он наследует установку: «Будь как все», а от вторых – безудержную экспансию собственной природы в сторону потребительства.

«Масса – это “средний человек”... В сущности, чтобы ощутить массу... не требуется людских скопищ. По одному – единственному человеку можно определить, масса это или нет» [8, с. 18–19].

Представителя потребительского стандарта «массового человека» испанский философ характеризует двумя основными чертами: «Беспрепятственный рост жизненных запросов и, следовательно, безудержная экспансия собственной природы и – второе – врожденная неблагодарность ко всему, что сумело облегчить ему жизнь. Обе черты рисуют весьма знакомый душевный склад – избалованного ребенка. И в общем можно уверенно прилагать их к массовой душе как оси координат» [8, с. 57].

В качестве императива «потребительского» стандарта выступает установка: «Я есть то, чем я обладаю и что потребляю». Согласно этой формуле, чем большим человек обладает, тем больше размер его личности в социальном пространстве потребительского общества. Человек оценивается с точки зрения того, что он имеет.

«Одномерным» именовал представителя данного стандарта Герберт Маркузе. Социальное пространство индустриального общества всецело вытесняет из человека все личное, присваивая его целиком и полностью. «В современную эпоху технологическая реальность вторгается в это личное пространство и сводит его на нет. Массовое производство и распределение претендуют на всего индивида, а индустриальная психология уже давно вышла за пределы завода. Многообразные процессы интроекции кажутся отвердевшими в почти механических реакциях. В результате мы наблюдаем не приспособление, но мимесис: непосредственную идентификацию индивида со своим обществом и через это последнее с обществом как целым» [9, с. 14].

В основании данного стандарта лежат отчужденные ценности, важнейшими из которых являются: деньги, власть, слава, престиж и т. п. «Посредником в мире вещей выступают деньги. В деньгах выражается отчужденная сущность человека. Деньги идеально выражают “Мы” обладающего человека, в них вся палитра красок принимает единый золотой оттенок» [3, с. 32]. Обладание деньгами или контроль над ними вселяет потребителю уверенность и силу в том, что у него есть гарантии. Деньги дают возможность поддерживать определенный уровень потребления, и чем их больше, тем выше

возможности потребителя. Свой денежный эквивалент имеет буквально все, в том числе и сам человек.

Несмотря на очевидную ценность денег в рамках потребительского стандарта, его представители часто стремятся к большему – власти. Деньги дают возможность потреблять вещи, а власть открывает доступ к обладанию людьми, возможность вершить чужие судьбы. Слава же претендует на нечто большее, на душу человека и возможность обладать ею.

Критикуя потребительство и жадность накопительства, Маркс подметил: «Чем ничтожнее твое бытие, чем меньше ты проявляешь свою жизнь, тем больше твое имущество, тем больше твоя отчужденная жизнь» [10, с. 131].

В отличие от стандарта «усредненных», который ориентирован по преимуществу на прошлое, «потребители» живут настоящим и мечтают о будущем, в котором они смогут обладать большим, возможно, добьются власти или будут купаться в лучах славы. Символом потребительского стандарта является «золотой телец».

Заключение. Человек далеко не всегда растворяется в целом или стремится к деньгам, власти и славе. Существует стандарт, ориентированный на иные ценности, нежели «усредненные», «обладающие» и «потребители». Представители данного стандарта – личности, а сам стандарт логично именовать «личностным». Императив данного стандарта: «Будь самим собой, найди свой путь к спасению, осуществи себя в мире».

Появление данного стандарта на сцене истории можно отнести к периоду «осевого времени», который видный представитель экзистенциализма Карл Ясперс датировал 800–200 гг. до н. э. «Человек в качестве отдельного индивидуума отважился на то, чтобы искать опору в самом себе. Отшельники и странствующие мыслители Китая, аскеты Индии, философы Греции и пророки Израиля близки по своей сущности, как бы они ни отличались друг от друга по своей вере, содержанию и внутренней структуре своего учения. Человек может теперь внутренне противопоставить себя всему миру. Он открыл в себе истоки, позволяющие ему возвыситься над миром и над самим собой. <...>

Это – подлинный человек... выходит за пределы своего индивидуального существования, сознавая свое место в целостности бытия... он вступает на путь, пройти который он должен в качестве... индивидуальности. Он может отказаться от всех мирских благ, уйти в пустыню, в лес, в горы; став отшельником, познать творческую силу одиночества и вернуться в мир обладателем знания, мудрецом,

пророком. В осевое время произошло открытие того, что позже стало называться разумом и личностью» [11, с. 32–39].

Представители личностного стандарта ориентированы на продуктивную, неотчужденную активность. «Личность предполагает прежде всего самосозидание, интеллигенцию... Она должна постоянно действенно выявляться...» [12, с. 74].

Личностный стандарт требует значительно напряжения человеческих сил, определенно-го противопоставления себя среде существования. В качестве такого символа, живого воплощения личностного стандарта выступают, на наш взгляд, Великие Учителя человечества – Христос, Будда, Мухаммед, великие античные мыслители и т. д.

Личностный стандарт опирается на общечеловеческие ценности, в нем преодолевается оппозиция «свой – чужие».

Наряду со стандартом «усредненных», «обладающих», «потребителей» и «личностей» выделим еще один стандарт, который будем именовать стандартом «профессионалов». Данный человеческий стандарт имеет давнюю историю и уходит своими корнями во времена появления индивидуального ремесла.

Соответствовать стандарту «профессионалов» непросто, это требует значительного усилия и напряжения человеческих сил, постоянной работы над собой. Перспективы развития данного стандарта очевидны. «В обществе ноосферного типа люди будут различаться по степени и области компетентности» [13, с. 59].

Литература

1. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989. – 398 с.

2. Кемеров, В. Е. Историзм культуры / В. Е. Кемеров // Духовность и культура. Алгоритмы культуры: материалы Всероссийской конференции. – Екатеринбург, 1994. – 152 с.

3. Бекарев, А. М. Социально-исторические стандарты индивида / А. М. Бекарев // Духовность и культура. Алгоритмы культуры: материалы Всероссийской конференции. – Екатеринбург, 1994. – 152 с.

4. Фрейд, З. Психология бессознательного / З. Фрейд. – М.: Просвещение, 1989. – 448 с.

5. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – Минск: Харвест, 2003. – 383 с.

6. Замятин, Е. И. Мы: роман / Е. И. Замятин. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – 224 с.

7. Фромм, Э. Психоанализ и религия; Искусство любить; Иметь или Быть? / Э. Фромм. – Кемерово: Ника-Центр, 1998. – 400 с.

8. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс: сб. / Х. Ортега-и-Гассет; пер. с исп. – М.: Издательство АСТ, 2003. – 509 с.

9. Маркузе, Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества / Г. Маркузе. – М., 1994. – 368 с.

10. Маркс, К. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955–1981. – Т. 42. – 1974. – 514 с.

11. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М., 1991. – 528 с.

12. Лосев, А. Ф. Философия. Мифология. Культура / А. Ф. Лосев. – М.: Изд-во политической литературы, 1991. – 526 с.

13. Финогентов, В. Н. Социально-исторические регуляторы человеческих отношений / В. Н. Финогентов // Духовность и культура. Алгоритмы культуры: материалы Всероссийской конференции. – Екатеринбург, 1994. – 152 с.

Поступила 20.03.2013

УДК 316.4.06

П. М. Бурак, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой (БГТУ)**ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД В СТРАТЕГИИ БЕЗОПАСНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМА НА ПОСТСОВЕТСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ**

Статья посвящается актуальной проблеме разработки философско-методологического анализа сложных, противоречивых тенденций развития современного общества под влиянием эволюции постиндустриализма в условиях глобализации на примере выявления продуктивной роли интегративного подхода. Обосновывается идея о том, что объективные знания о позитивных и негативных проявлениях постиндустриальной трансформации общества, полученные с помощью интегративного подхода, являются необходимой теоретической предпосылкой выбора наиболее безопасного будущего на постсоветских территориях.

The author of article studies the actual problems of development of philosophical and methodological analysis of complex, contradictory trends of modern society influenced by the evolution post-industrial globalization. The research uses the example of productivity of the integrative approach. The author states the idea that objective knowledge about the positive and negative forms of post-industrial transformation of society obtained through an integrative approach is necessary for theoretical premise of choosing the most secure future for post-Soviet countries.

Введение. В настоящее время интегративный подход все более расширяет свои творческие границы и начинает входить в арсенал методологических средств постнеклассической науки, занимая переходное положение между общенаучной и философской методологией. Его необходимость вызвана, в особенности, задачами изучения и проектирования безопасной трансформации позитивного опыта постиндустриализма для целей обеспечения стабильного развития постсоветских обществ.

На основе единства диалектики, системного анализа, принципов синергетики, а также идей эволюции и коэволюции интегративный подход нацелен на изучение и практическую реализацию возможностей продуктивного воздействия на процессы самоорганизации различной природы. Данный подход включает в себя ряд принципов исследований, раскрывающих его позитивное и перспективное содержание.

В настоящей статье намечаются лишь исходные контуры применения интегративного подхода к анализу нестабильности современного общества в целях поиска совокупности исследовательских приемов по адекватному представлению в новом знании единства и многообразия (позитивных и негативных) проявлений свойств, связей и тенденций, вызовов и рисков, формирующих облик глобализирующегося социума. Постиндустриальное общество развитых стран все более отчетливо обнаруживает не только свои креативные достижения в области прикладных сфер науки, в разработке информационно-компьютерных технологий, средств коммуникации, расширении и увеличении масштабов потребления, росте разнообразных способов удовлетворения потребительских запросов общества. К кооперативным характери-

стикам постиндустриализма относятся: радикализация потребительских интенций значительной части населения и превращение потребления в основную жизненную ценность, проективный образ благополучия в будущем, что сопряжено с нарастанием глобальных экологических проблем, нравственной деградацией, антропологическим кризисом общества, превращением развития науки в источник рисков и вызовов социоприродной стабильности. Нормой множества людей в таком обществе все более становятся культурные коды деятельности и поведения, которые открывают возможности синергии генетической, психологической, социально-экономической, экологической и прочих составляющих деструктивного развития. Подобное кооперирование превращает общество в стихийно самоорганизующуюся систему, «нормой» существования которой является перманентно кризисное состояние как атрибутивный способ бытия.

Выявление и глубокое понимание объективных процессов кооперации конструктивных и деструктивных структур и явлений в целостную систему выступает тем неизбежным основанием, которое преобразуется в базовую предпосылку влияния и трансформации постиндустриализма на перспективы стабильности на постсоветских территориях. Интегративный анализ отмеченных социальных изменений может дать необходимое знание на основе выявления конкретных вызовов или проблем, требующих обязательного решения. Такая попытка будет осуществлена в предлагаемой статье.

Основная задача интегративного подхода заключается не только в том, чтобы выявить и понять, каким образом современные вызовы в развитии общества связаны с состоянием его

целостности, но и в том, чтобы отметить возможные перспективы становления его новой целостности на путях преодоления существующей организации социума.

Вначале кратко охарактеризуем основные понятия, выражающие содержание основных идей статьи.

Важнейшие понятия. *Интегративный подход* по своему содержанию представляет собой совокупность исследовательских приемов по селекции и систематизации, адекватной существующим социальным вызовам (противоречиям, проблемам) информации, что позволяет выявить их содержание и проявления на разных уровнях социальной реальности, а также объединить сведения о них в целостное знание благодаря кооперативному использованию методов различных наук. В более краткой интерпретации интегративный подход заключается в исследовании явлений, объектов, процессов как разнородных, имеющих различную природу системных целостностей на основе согласованного, кооперативного использования методов различных наук.

Постиндустриализм: 1) совокупность теоретических концепций, обосновывающих закономерный характер возникновения и становления постиндустриального общества как высшей стадии его исторического развития с присущей ему ведущей ролью информационных, компьютерных технологий, научных знаний, как важнейшего фактора развития прежде всего экономики, роста масштабов и социальной значимости сферы потребления; 2) экономический уклад, существование которого опирается на разностороннее развитие компьютерных, информационных технологий, в котором научное знание играет самую существенную роль в обеспечении инновационного характера данной экономики, а также первостепенное значение приобретает сфера услуг; 3) образ жизни, совокупность ценностных ориентаций, практических профессиональных выборов части населения, нацеленных на достижение престижного положения в обществе, в системе производства и потребления и получение преимуществ в решении проблем личного благополучия.

Вызов – острая социальная проблема (противоречие) или же их совокупность, обуславливающая опасное для сохранения общества как целостной системы, какой-либо его части (сферы и др.) соотношение явлений и процессов стабильности и нестабильности. Если же решение подобной проблемы (разрешение противоречия) откладывается по различным причинам, то в обществе складывается ситуация нарастания стихийной самоорганизации. Характерным признаком подобной ситуации является увеличение

разнообразных рисков в сферах производства, экономики, политики, управления, системе социальных отношений и т. д.

Риск мы понимаем как потенциальную или возможную меру зависимости предполагаемого результата самоорганизации определенной направленности от кооперативного взаимодействия различных по характеру явлений и процессов сохранения и изменения (в том числе в контексте формирования какой-либо целостной системы).

В соответствии с отмеченной характеристикой риск является онтологическим, неустрашимым в абсолютном смысле, атрибутивным свойством организации человеческой деятельности вообще, любого ее вида и формы в частности.

Понятие риска в его объективном значении выражает стихийно действующую тенденцию системообразования (самоорганизации), заключающуюся в том, что любой подобный процесс не заканчивается формированием какой-либо определенной системы как окончательно завершенной. Система как целое всегда включает в свои внутренние и внешние связи элементы неадаптированности, открытости, недостаточной адаптированности к условиям, определенную неразвитость своих частей и отношений, неполную их интегрированность в целостность. Поэтому системообразование выражается в формировании внутреннего потенциала стабильного развития и включает потенциальный риск разрушения.

Риски являются маркерами, обозначающими направления распада целостности общества как системы. При накоплении критической массы рисков или неосуществляемых возможностей продуктивного развития и их кооперативного взаимодействия наступает фаза перехода вызова в кризис системы, означающий распад ее целостности, могущий закончиться исчезновением или гибелью такой системы. Подобное состояние развития кризиса и его завершение в форме саморазрушения социальной системы (общества) американский ученый Джаред Даймонд, исследующий причины гибели древних обособленных цивилизаций и отдельных обществ, называет коллапсом. Наиболее важной причиной социального кризиса в древние времена и в наши дни выступает нерациональное отношение общества к окружающей среде [1].

Козволюция – взаимозависимое, кооперативное развитие взаимодействующих объектов, явлений, процессов различной природы, складывающееся в виде тенденций, сопряженных изменений, сохранение устойчивости, формирования и воспроизводства качественно

новых образований благодаря взаимному повторению отражения их свойств в трансформациях друг друга и возникновению интегративного качества, обуславливающего стабильность новой системы.

Целостность – главная характеристика системы, такое ее состояние, которое выражает единство, скоординированность взаимодействия частей системы, формирование, воспроизводство и сохранение общих, интегративных процессов и свойств всех частей, что делает систему устойчивой их организацией.

В более кратком варианте *целостность* – это совокупность интегративных свойств системы, которые обуславливают сохранение ее качественной определенности и устойчивости.

Система – совокупность взаимодействующих объектов, образующих целостность.

Повторим: главной характеристикой системы является целостность, а главным признаком (выражением) целостности являются интегративные (общие для всех частей) свойства, тенденции, принципы, законы, складывающиеся в результате взаимодействия объектов образующих систем.

Интегративная матрица – совокупность взаимодополняющих правил, методов, понятий, законов различных наук, используемых для выявления и изучения общих, существенных свойств сложных системных объектов, включающих явления различной природы; принципов, выражающих наиболее общие атрибутивные связи системной организации разнообразных объектов и являющихся направляющими идеями изучения формирования их целостности; ценностных ориентаций, которые обуславливаются необходимостью интегративного решения проблем, имеющих основания в различных сферах природной и социальной реальности и направляющих исследования на выявление значения подобных решений; схем решения конкретных исследовательских задач на основе интеграции методов, принципов и целостных критериев развития различных наук.

Одной из важнейших задач практического применения интегративной матрицы в исследовании основных проблем, обуславливающих процессы нестабильности в современном обществе, является создание запаса определяющего знания для формирования совокупности представлений о возможности достижения более стабильной и перспективной формы социальной организации жизни (общества) и об основных чертах данной организации.

В соответствии с существующими разработками проблем будущего социального устройства таким обществом может быть ноосферное общество.

Ноосферное общество – общество, основной целью которого является не рост потребления и достижение благополучия благодаря удовлетворению разнообразных потребностей на основе увеличения использования природных ресурсов, а формирование целостной личности в гармоничном единстве потребляющей и креативной (производящей) ролей, деятельность которой направлена на достижение согласованного воспроизводства репродуктивного потенциала биосферы и устойчивого развития общества.

Ноосфера – единая системная организация общества и природы, складывающаяся и развивающаяся на основе их взаимозависимого воспроизводства при опосредствующем историческом формировании техносферы. Онтологические потребности, или обобщенная потребность человека в бытии, заключаются в воспроизводстве ноосферы как единой системной организации, включающей биосферу, социосферу и техносферу на основе их коэволюции.

Интегративный подход выражает необходимость объединения и согласованного развития знаний о природе, обществе, техносфере в целях формирования ноосферы.

Основная проблема познания общества и его интегративных свойств. Основная проблема философско-методологического анализа современного этапа развития общества заключается в том, что в самой философии еще только осуществляется поиск достаточно репрезентативных методов, а значит, и систематизированных представлений об основополагающих тенденциях, противоречиях и вызовах, которые необходимо основательно, критически изучать и типологизировать, чтобы понять, в каком обществе мы живем и что нужно делать для преодоления его системного кризиса. Как отмечал в одной из своих последних работ теоретик постиндустриального общества Д. Белл, одноименная концепция является пройденным этапом и не объясняет очень многих проблем современного западного общества. Для их исследования недостаточно двух-трех отдельных теорий. Нужны новые масштабные исследования, и прежде всего требуется изучение современного общества как общества разобщения [2, с. 15–19]. Одна из причин недостаточной действенности методологии современного социального познания кроется в слабой скорректированности научных традиций развития методологии. Трансформация диалектического метода, придание ему современных эвристических интенций приостановлено. Системный подход превращается в набор декларативных требований, если он ограничивается набором правил, выработанных наукой и философией в 70–80-е годы XX столетия.

Принципы синергетики как науки о самоорганизации теряют свою эвристическую продуктивность и выхолащиваются вне конкретной связи с содержательными характеристиками различных противоречий, фактически выступая источником самоорганизации и обуславливающими способность систем к кооперативному (коэволюционному) взаимодействию их свойств и тенденций. Противоречия объектов, процессов и явлений выступают базовыми (включая нестабильность, нелинейность, хаотизацию и т. д. связей противоположностей), исходными, субстанциональными элементами спонтанного системобразования (самоорганизации). При нормальном «положении дел», таком состоянии системы, при котором отношение ее противоположных тенденций является неравновесным настолько, что система удерживается в состоянии продуктивных изменений, она является стабильно самовоспроизводящейся и развивающейся. При превышении допустимой размерности неравновесности (по разным причинам) система распадается. Если же в системе исчерпывается внутренний и внешний ресурс взаимозависимого развития противоположных тенденций – она деградирует вплоть до самоликвидации. Состояние соотношения противоположных тенденций (условно позитивных и негативных), которые более не обеспечивают сохранение системной организации общества в той или иной сфере его жизни и ее поступательное развитие, вызывает системный кризис.

Суть кризиса заключается в распаде прежней целостности общества при отсутствии готовности социальных субъектов создавать и реализовывать программы деятельности по его преодолению и формированию более жизнеспособной целостной социальной системы.

Интегративность целостной системы возникает в результате взаимодополняемости свойств взаимодействующих объектов. Подобным же образом на основе взаимодополнения познавательных возможностей методов различных наук складывается интегративный подход. Он необходим в тех случаях, когда познаваемый объект как система имеет сложный по природе, многоуровневый характер. Например, биотехнология как система научных знаний формируется в результате использования методов микробиологического анализа, биоморфологии, генетики, изучения тенденций естественных изменений живых организмов на различных стадиях

их развития, собственно технологии как совокупности последовательных операций получения необходимого продукта и др.

Главную интегрирующую функцию в системобразовании как самоорганизующемся процессе и возникновении интегративных свойств целостности выполняют процессы взаимосвязи противоположных свойств различных объектов, подобных тенденций в их изменении, соотношение которых и является противоречием. Взаимодействие именно противоположностей формирует наиболее устойчивое интегративное свойство, способность воспроизводства целостных систем.

При слишком большом развитии различий объектов, взаимодействии которых образует противоположности, разъединение последних начинает преобладать над процессами интеграции, и тогда в системе возникает кризис, состоящий в ее распаде на отдельные фрагменты. Это – стадия хаоса в процессе эволюции любой системы, в ее самоорганизации. Подобного рода процессы имеют место во многих аспектах развития современного общества.

Заключение. Процессы распада целостности общества как системы по многим направлениям и образуют содержание так называемых вызовов или выступают основными проблемами построения новой системной целостности общества, для чего и необходим интегративный подход в их изучении, интегративный стиль мышления специалистов в области социального строительства и адекватный системобразующий способ действия. Ядром кооперирования и согласованного применения методов различных наук, формирования креативного потенциала адекватного стиля мышления, основным принципом интегрирования социальных институтов и сфер жизни общества в гармонизирующуюся систему может быть принцип коэволюции, являющийся атрибутивным фактором стабилизации систем различной природы.

Литература

1. Даймонд, Дж. Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают / Джаред Даймонд. – М.: АСТ, 2010. – 720 с.
2. Белл, Д. Эпоха разобщенности: размышления о мире XXI века / Д. Белл, В. Л. Инноземцев. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. – 304 с.

Поступила 30.03.2013

УДК 316.728:330.58+316.485

Н. А. Лазаревич, кандидат философских наук, доцент
(Институт философии НАН Беларуси)

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматриваются причины и последствия экологического кризиса в контексте их человекомерного значения. Обращается внимание на то, что данная человекомерность является результатом социопотребительской идеологии современной цивилизации. Подчеркивается, что оптимальная экологическая политика зависит от ценностных ориентаций по отношению к природе и ответственности человека за последствия своей деятельности.

In this article the causes and effects of ecological crisis are considered in the context of their human-dimension value. The special attention is paid to the fact, that this human-dimension is the result of consumer ideology of modern civilization. It is accentuated, that sensible environmental policy depends on axiological orientations, human attitude to nature and the responsibility of a human for his actions.

Введение. Наиболее опасным вызовом современности становится глобальный экологический кризис, истоки которого сопряжены с действием факторов антропогенного характера. В первую очередь речь следует вести о недостатках исторически сложившейся практики природопользования, при которой нагрузка на природные комплексы превышает допустимые нормы. Как следствие, истощаются запасы полезных ископаемых, природного сырья и топлива, снижается плодородие почв. Биосфера не выдерживает тех нагрузок, которые возникают в результате социопотребительской идеологии жизни. К примеру, возобновляемые источники энергоресурсов обеспечивают лишь 10% возросших потребностей современного социума и данная ситуация продолжает усугубляться. Возникает опасность необратимого изменения основных параметров биосферы, в результате чего человечество может лишиться надежд не только на развитие, но и на элементарное выживание.

Негативные процессы, происходящие в биосфере, связаны с деструктивным изменением характера социоприродных отношений, нарушением принципов достаточной потребности общества, идеалов и норм жизни людей, пришедших в несоответствие с постулируемым уровнем экологических знаний, необходимой экологической культурой и нравственным сознанием человека. «Мы уже начинаем понимать, что наши современные нравственные основы, наш духовный мир и поведение в биосфере, которые сложились в результате естественной эволюции, больше уже не соответствуют тем условиям жизни, в которые погружается общество» [1, с. 56].

Речь идет о системном проявлении антропоэкологического кризиса, который объективно связан с недостатками существующей социально-экономической и природоохранной политики современных государств, а также определяется низким уровнем экологической ответст-

венности людей, что объясняется существующими пробелами в экологическом образовании и воспитании. Пути решения данной проблемы следует искать в контексте оценки единства объективно-природных, индивидуально-психологических, социокультурных и экзистенциально-личностных характеристик современного цивилизационного развития [2, с. 15]. В этой связи нужно говорить о новых формах правовой и моральной ответственности людей, общества и государства за сохранение природы, выработку перспективных моделей социоприродных отношений, что напрямую зависит от эффективных средств формирования экологического сознания и экологической культуры личности.

Основная часть. Целостность системы «общество – природа», в которой общество берет на себя функции по поддержанию данной целостности, зависит от соблюдения современным социальным субъектом требований, предъявляемых к системной организации жизни и поддержанию ее необходимого качества. В данной ситуации чрезвычайно важно взглянуть на актуализацию роли морального фактора в жизни общества и человека. Данный фактор всегда выполнял нормативно стабилизирующую функцию самосохранения и саморазвития культуры. В условиях глобального экологического кризиса его значение многократно возрастает, что проявляется в необходимости включения в инструментальные основания современной жизнедеятельности норм ответственного отношения к природе, обуславливающих как сохранение ее естественного потенциала, всего живого на Земле, так и укрепление духовных основ бытия.

Таким образом, социально-экологическая ответственность становится важнейшим регулятором целостности природных систем. На экзистенциальном уровне это означает, что человек воспринимает проблемность экологической

ситуации как момент личностной сопричастности и переживания, пытаясь осознать, в чем лично для него и общества заключается ценность природы. Такое осознание является необходимой предпосылкой выработки адекватных моральных принципов, моделей поведения и деятельности личности.

Экологическая ответственность – нравственное качество человека, которое проявляется прежде всего в ответственном отношении человека к природе и вбирает в себя ряд содержательных черт таких категорий, как отзывчивость, гуманность, рачительность, отличаясь при этом более высоким уровнем обобщения, социальной регуляции и предметной инструментальности. В контексте проявления целостной структуры личности данное качество выполняет ту важнейшую функцию, которая связана с регулированием сложных отношений человека с окружающей его социоприродной реальностью. Эта функция определяется пониманием природы как универсальной ценности, корреляцией естественноприродных и социально значимых задач бытия, проявлением культурно-цивилизационного интереса к вопросам экологии и современным экологическим проблемам, конструктивной установкой на природоохранную деятельность и др. Данный подход основывается на понимании социальными субъектами различного уровня личной ответственности за сохранение природы, выработку оптимальной политики природопользования как в национально-государственном, так и в мировом масштабе.

Эпистемологическое содержание экологической ответственности определяется глубиной и системностью нравственно-экологических знаний, сформированностью на этой основе природоохранительных умений и навыков, проявлением активности и инициативности в процессе природоохранительной деятельности, поддержанием механизмов саморегуляции в природе. Оценочно-результативный компонент данного понятия связан с пониманием человеком фактов и последствий экологического кризиса, ответственности задач «преобразования природы» действительным потребностям общества, приоритетности нравственно-экологических императивов в оценке результатов социоприродной деятельности людей [3, с. 71].

Адекватная оценка глобальности и опасности современного экологического кризиса – это та сторона общественного бытия, которая определяется формированием новых черт сознания людей и характеризуется как процесс его экологизации. Выработка нового экологического сознания и изменения на его основе стиля мышления и ценностных ориентаций человека –

одна из важнейших задач современной системы образования и воспитания.

Продуктивное функционирование экологического сознания сопряжено с актуализацией чувственных и гуманизацией рациональных атрибутов жизни, задействованием таких его основных свойств, как социальная регламентация, орудийная и знаково-символическая опосредованность, а также ряда имплицитных характеристик – иерархичности, оценочности, дифференцированности – и эксплицитных черт – осмысленных суждений, доступных внешнему наблюдению формы экологического поведения. Важным моментом экологизации сознания является процесс трансформации наблюдаемых событий и фактов окружающей среды в идеальные образные представления, соответствующие накопленному уровню объективных экологических знаний в обществе. Трансформация экологических установок и ценностей формирует соответствующую картину мира индивида, которая складывается благодаря постоянному взаимодействию индивидуального сознания с массовыми экологическими установками, рядом геопсихических явлений общественного сознания [4].

Экологическое сознание может быть проанализировано не только с позиций его структуры, но и в контексте основных его типов, каждый из которых характеризуется определенной системой установок и приоритетов. Для антропоцентрического типа экологического сознания высшую ценность представляет человек и его потребности. Природа воспринимается как объект деятельности человека и, следовательно, целью взаимодействия человека с природой признается удовлетворение потребностей человека. Природоохранная деятельность при этом носит утилитарный характер. Экоцентрический тип экологического сознания соответствует гармоничному развитию человека и природы и признается в таком случае высшей ценностью. Следствием данной программы социоприродных отношений является оптимальное удовлетворение потребностей человека и сохранение экологического равновесия в природе [5, с. 14–18].

Формирование экологического сознания находится в зависимости от теоретических представлений и психологических установок, связанных с такой иерархией потребностей, в которой сама потребность сохранения природы занимает доминирующее место. Только основываясь на знании объективных законов функционирования биосферы, общество способно сформировать необходимую политику природопользования, в основе которой будут находиться не только требования экономической

целесообразности, но и культурно-цивилизационные нормы ответственности за будущее человечества.

В современном социально-экологическом знании формируются целостные, интегральные представления, позволяющие учитывать масштабы воздействия человека на окружающую среду и те изменения в ней, которые обусловлены человеческой деятельностью. В свою очередь, это связано с изменением всего комплекса ценностных ориентаций человека, включая изменение стиля его мышления. Новый способ мышления базируется на осознании устойчивости и целостности биосферы как необходимого условия сохранения пригодной для обитания человека окружающей среды.

Данные ценностно-эпистемологические установки должны изменить традиционное методологическое и инструментальное содержание науки, соотносящееся с пониманием ее как средства познания природы с целью ее покорения и неограниченного использования природных ресурсов. Политика экологизации современной науки должна быть связана с методологическим и эпистемологическим обеспечением процессов сохранения природы и преодоления экологического кризиса. Решение данной задачи предполагает внедрение экологических принципов в естественнонаучное и гуманитарное познание и напрямую связано с формированием экологического сознания и ответственности человека.

Заключение. Практика современных социоприродных отношений нуждается в структурных и нормативно-ценностных изменениях. Анализ проблем экологического кризиса выявляет их человекомерное значение. При этом важно обратить внимание на то, что данная человекомерность определяется, с одной стороны, обозначенной выше ситуацией возможного исчезновения самого человека, а с другой стороны, речь следует вести о выполнении человеком своей ноосферной миссии. В последнем случае во внимание необходимо принимать весь комплекс антропных характеристик бытия, связанных как с человеческим разумом, так и с его духовно-нравственным измерением, что в совокупности определяет человека ответственным

и за себя, и за окружающую его действительность.

Негативные процессы, происходящие в биосфере, связаны с деструктивным изменением характера человеческих потребностей, идеалов, норм и образа жизни, не соответствующих необходимым моральным ценностям и лишенных возможности детерминировать новые принципы экологической ответственности, соответствующие «разуму как явлению планетарному».

Актуализация принципов разумного самоограничения, сохранения среды обитания для будущих поколений выступает сегодня своеобразной ноосферной идеологией XXI века, которая должна быть направлена на изменение устоявшихся представлений об уровне жизни и потребностях людей, на усвоение новой системы экологических ценностей и, как следствие, — на изменение «правил поведения» в природном и социальном окружении.

Решение данной задачи следует искать в контексте оценки единства объективно-природных, индивидуально-психологических, социокультурных и экзистенциально-личностных характеристик современного социоприродного развития. Важнейшее значение по-прежнему принадлежит формированию экологического сознания и экологической культуры личности. На это должен быть направлен весь арсенал средств и возможностей как национальных государств, так и влиятельных международных институтов.

Литература

1. Моисеев, Н. Н. Универсум. Информация. Общество / Н. Н. Моисеев. — М.: Устойчивый мир, 2001. — 198 с.
2. Степин, В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. — М.: Мысль, 2004. — 312 с.
3. Каропа, Г. Н. К созданию методики экологического образования школьников / Г. Н. Каропа // *Вопр. психологии.* — 1995. — № 1. — С. 60–73.
4. Скребец В. А. Экологическая психология / В. А. Скребец. — К.: МАУП, 1998. — 144 с.
5. Дерябо, С. Д., Методологические проблемы становления и развития экологической психологии / С. Д. Дерябо, В. А. Ясвин // *Психологический журнал.* — 1996. — № 6 — С. 4–10.

Поступила 30.03.2013

УДК 111+316.35+37.013.73

С. Л. Шалаева, кандидат философских наук, доцент
(Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия)

МЕЖПОКОЛЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В статье исследуется феномен межпоколенных отношений в современном обществе, констатируется их нарастающая кризисность и метаморфозы, которые вызваны происходящими в обществе динамичными изменениями, связанными прежде всего с трансформацией системы ценностей и мировоззрения современного человека. Анализ происходящих изменений позволяет говорить о реальном наступлении префигуративной культуры межпоколенных отношений и подводит к необходимости серьезного осмысления и конфликтологической экспертизы этой ситуации, поскольку модель межпоколенных отношений выступает базовой моделью социального поведения индивидов, поколений и иных социальных общностей в их социальной динамике, значительно влияя на вопросы национальной безопасности современного общества.

In the article the intergenerational phenomenon in the modern society is investigated. There is stated the growing crisis of these relations and metamorphoses, which are caused by society's dynamic changes, those are connected first of all with the transformation of the system of values and world outlook of the modern man. Analysis of the changes happening allows to speak of the actual coming of the prefigurative culture of intergenerational relations and leads to the need for deep understanding and conflict examination of this situation, because the model of intercultural relations becomes a basic model for the individual's, generations' and other social community's social behavior in their social dynamics, considerably influencing the issues of modern society national security.

Введение. Современное российское общество, поддавшись неконтролируемой перед внешними влияниями открытости, испытывая диктат влияния западных идей, в конечном счете оказалось к началу XXI века не в лучшей гуманитарной и экономической форме. Испытывая на себе всю мощь быстро распространяющегося и торжествующего западного мира идей и технологий жизни, российское общество и под воздействием диктующего запада, и под воздействием своего собственного расколовшегося общественного мира до сих пор продолжает переживать на себе процесс бурной, неконтролируемой и нерегулируемой в достаточной мере со стороны взвешенной и ответственной рациональности трансформации и модернизации. Переживая эти бурные изменения, российское общество движется в своем развитии от прежнего условно «тоталитарного» общества к обществу более приемлемому, называемому демократическим.

С научной точки зрения Россия вошла (возможно на несколько поколений – по закону межпоколенной динамики) в достаточно длительный период переходности своей истории. Общим правилом для переходных периодов общественного развития народов, как, впрочем, и отдельных социальных групп и отдельных индивидов в их индивидуальной истории, является резкое повышение степени напряженности и конфликтности в разных сферах общественной и внутриличностной жизни, в том числе и в сфере физического и

духовного воспроизводства, а также в характере межпоколенных отношений.

Наша концепция заключается в том, что межпоколенные отношения выступают в социальной истории народов, социальных групп и отдельных индивидов своеобразной протомоделью, тиражирующейся в последующей жизни этих народов, социальных групп и индивидов на все прочие их отношения, в которые они включены: экономические, политические, образовательные, воспитательные, отношения отдыха и развлечений и др. Поскольку отношения поколений запечатляются в индивидах на уровне первичной социальной культуры, через их первичную социализацию в детстве и юности, то культура эта сопровождает индивидов во всей их социальной истории, влияя на их отношения к себе и окружающему миру во всем многообразии проявлений человека. И отношения эти во многом можно назвать сегодня конфликтными.

Основная часть. С социально-философской точки зрения всякое общество, при обобщенном взгляде на него, условно может быть описано в единстве двух диалектически взаимодополняющих социальных структур – Мира Взрослых и Мира Детства. Оба мира равноположены человеческой истории в ее онтогенетическом и филогенетическом охвате, и их отношения всегда отличались единством и борьбой. Эти два мира взаимодополняют друг друга, не могут существовать друг без друга, помогая друг другу в социализации, обеспечивая своим

присутствием и функционированием процесс наследования, передачи социально-исторической памяти, опираясь на которое общество и развивается как целостная структура. Но они, в то же самое время, и отрицают друг друга. Это отрицание заложено с самого начала их противопоставления, что произошло, по гипотезе Д. Б. Эльконина [1], в результате усложнения содержания и форм трудовой деятельности человека (прежде всего – орудий труда), когда дети не смогли сразу включиться в жизнь взрослых и детство стало особым периодом жизни, специально отведенным для общей ориентации в усложняющемся человеческом мире.

Детство – это период становления ребенка полноценным членом человеческого общества, это время интенсивного развития человека, которое невозможно без посреднической роли взрослого. Именно взрослый выступает посредником между ребенком и совокупностью социокультурных ценностей, установок и норм, которые определяют условия жизни данного общества и возможность нормально жить в нем. С этой точки зрения отношения взрослых и детей уместнее называть диадой, психологическим симбиозом, так как это – целостная система, форма организации совместной жизни и деятельности, которая и обеспечивает обеим сторонам процесс взаимной социализации. Существование такого рода психологического симбиоза неоднократно подмечалось отечественными психологами. Так, Л. С. Выготский говорил о целостной системе взаимодействия «ребенок – взрослый» [2], Д. Б. Эльконин – о системе «дети и общество» («дети в обществе») [1], В. Т. Кудрявцев – об общности «ребенок – взрослый» как реально действующем «полисубъекте развития» или «субъекте культуры» [3].

Проблема взаимоотношения поколений, проблема «отцов и детей» существовала всегда. Объективно существующие противоречия между поколениями всегда являлись двигателем развития каждой личности и, в конечном счете, фактором прогресса общества.

Интерес к проблеме возраста первоначально возник в антропологии, а затем был заимствован другими науками, прежде всего психологией и социологией. Изучая примитивные культуры, ученые впервые столкнулись с возрастом в качестве главного структурообразующего принципа, здесь он прослеживался в организации практически всех форм социальной жизни – в отличие от индустриальных обществ, где он представлен лишь в отдельных институтах или их подразделениях. В примитивной культуре возрастные классы (группы) были древнейшим типом объединений в обществе, и между ними тоже возникали конфликты.

Возрастные конфликты имели социальные причины. В основе социально-возрастного конфликта в традиционных обществах лежал неравномерный доступ различных социально-возрастных групп к наиболее общественно-ценным ролям и материальным благам. На ранних стадиях социогенеза взаимоотношения между поколениями надежно регулировались традицией. Она включала в себя экономические, социальные, идеологические и социально-психологические аспекты [4, с. 109–110].

Повышенная агрессивность юношеского возраста постоянно представляла угрозу межпоколенным отношениям, а следовательно, и целостности социума. Но и ее традиция держала под контролем, используя определенные механизмы переориентации – например, пространственное отделение молодежи от своих старших родственников, вербальное поведение молодежи, ритуальное поведение, набеги на соседей в традиционных культурах, деревенские драки, в которых участвовали неженатые, молодежная субкультура с ее базовыми ценностями.

Однако трансформирующееся общество довольно быстро утрачивает свою традиционную культуру. Последующие поколения ускоренно забывают «голос» своих предков и выстраданную ими мудрость жития противоречивого и несовершенного человека. Либерализм и индивидуальность побеждают культурный консерватизм и коллективизм. Эту интенцию динамики, имеющую неоднозначный и противоречивый характер, можно отметить как симптом нашего времени.

Нынешнее изменение межпоколенных отношений многие современные исследователи склонны во все большей степени рассматривать в русле нарастания конфликтности и кризисности, зачастую начинающих принимать превращенные формы, создающие все более явную угрозу национальной безопасности общества в целом. Сложность и противоречивость этих взаимоотношений в нашем обществе начинает осознаваться и обозначается как «уникальная социальная ситуация развития современного детства» [5], «технологизация мира Детства» [6] и т. д. Нарастающая кризисность и конфликтность межпоколенных отношений начинает принимать форму метаморфоз, к числу наиболее заметных можно отнести следующие [7, с. 524]:

1. Рост продолжительности периода детства в связи с нарушением механизмов и форм социализации детей в современном обществе сочетается с возрастанием требований к социализации индивидов как придатков современной системы экономического разделения труда.

2. Чрезвычайное сокращение численности социальной группы мира детства в сравнении

с непрерывно возрастающей численностью социальной группы пожилых людей в обществе присутствует рядом с сохраняющимися установками на дальнейшее социально-культурное и экономическое развитие общества силами подрастающих поколений.

3. До сих пор актуальна в человеческой культуре установка на гармоничное развитие ребенка как разносторонней личности приходит в противоречие с реальными формами социализации, технологиями образования и воспитания подрастающего поколения.

4. Возрастающая потребность современного общества в инициативном и творческом типе личности приходит во все большее противоречие с глубоко укорененными и широко распространенными в системе социальных институтов формами унификации и стандартизации, а в конечном итоге – технологизации мира детства, под которой мы понимаем превращение детства в технологический придаток современной глобальной цивилизации.

5. Внешне богатое жизненное социокультурное пространство Мира Детства (вся совокупность материализованных атрибутов Мира Детства) в реальности оказывается во все большей степени Миром Взрослого, мыслить и действовать в котором по-взрослому представитель Мира Детства психологически и морально не готов.

Сейчас разворачивается именно тот этап, когда ценности, прежде всего общественные, господствующие ценности, меняют отношения, опережая их, выстукая их демиургом, конструктором и локомотивом их развития. Именно система либеральных ценностей, победившая в современном обществе, – принципиальный и главный фактор господствующих общественных отношений и той формы социализации, что состоялись в современном нам обществе глобализации и постмодерна.

И хотя содержательно социум разнообразен в своих сферах жизнедеятельности, но в его основе всегда находится некая общая система ценностей и связанный с ней соответствующий тип отношений и деятельности, воспроизводящийся в его микроструктурах. Происходящие в социуме под воздействием этих ценностей, отношений и деятельности процессы в системе «общество – человек» зеркальным образом воспроизводятся в системе «взрослые – ребенок». Это является своеобразным воплощением закона единства фило- и онтогенеза в социальном измерении на макро- и микроуровне. В условиях индивидуалистски и потребительски ориентированного общества происходит утрата детством своего онтологического статуса в мире взрослых. Хотя внешне детству предоставляется

все больше свобод в конструировании своего мира, это на самом деле носит направленный и организованный характер, ориентированный на создание «нового типа человека, наделенного наднациональным, миксированным созданием» [8].

Сегодня либеральный индивидуализм и использование в оценке эффективности функционирования социальной сферы рыночной стратегии успеха свободной личности приводят к существенным негативным изменениям в функционировании общественных институтов (семья, мораль, образование, воспитание) [6]. Приоритеты индивидуализма в базовых социальных институтах меняют их структуру, характер социализации, закладывают дисбаланс в развивающуюся личность.

Резко возрастающая кризисность отношений взрослых и детей является следствием новой формы бытия человека, утверждающейся в мире под влиянием западной системы ценностей и организации общественной жизни народов, под влиянием глобализации в ее западо-фиксационной форме [8]. Из активно-позитивных межпоколенных отношений вымываются целые поколения взрослых людей, лишаящие детство непосредственной социализации. Повсеместная замена воспитателя искусственными посредниками (телевидение, Интернет и т. д.), взрывает межпоколенные связи, ведет их ко все большей дистанции и разрыву в понимании друг друга, в конечном счете противопоставляя эти поколения, ставя их в ситуацию конфликта, взаимного потребления и использования во внутритроколенных целях. Таковы вызовы уже не только традиционным поддерживающим и развивающим связям и отношениям, но и сохраняющему самой социальности человека, попадающего в сети всеобщего консьюмеризма, т. е. потребления.

Сегодня мы явно наблюдаем многочисленные проявления кофигуративной культуры, наступление которой было гениально предсказано еще в середине XX века американским этнографом детства М. Мид [9]. В современном нам обществе все более явно наблюдаются многочисленные проявления распространения префигуративной культуры трансляции межпоколенного опыта. Все это позволяет ставить вопрос о феномене наступления *новой неклассической эпохи детства*, которой свойственны свои, особенные черты [10, с. 386–387]. К числу позитивных изменений мира детства можно отнести: быстроту адаптации к динамичным изменениям общества, легкость освоения технических средств, расширение материального мира ребенка, сближение позиций «взрослый – ребенок». Негативными изменениями можно

считать нестабильность и повышенную восприимчивость сознания и поведения ребенка, угасание традиций сюжетно-ролевой игры, исчезновение детского сообщества как социального института, утрату значительной части наследия детского фольклора, чрезмерную погруженность в виртуальный мир, а также повышенную конфликтность в отношениях ребенка с миром взрослых.

Постепенно взрослость перестает быть ценностью, мало того, детские психологические характеристики, образы, формы поведения и творчества (непосредственность, эмоциональность, «детскость» в творчестве и т. д.) все более проникают в мир взрослых (феномен играизации, джейнизм, синдром Питера Пена, модная техника движений Фельденкрайза). Можно констатировать растущее влияние видов досуга и отдыха в молодежной среде, а также экстремальных видов спорта на мир взрослых [10, с. 387–388].

В современном социально-гуманитарном знании набирает силу осознание того, что детство является реальностью, имеющей свою собственную субстанциональную природу, свои законы и логику развития, что это особая самоорганизующаяся реальность, которую необходимо изучать глубоко и целостно. Эта особенная природа детства с наибольшей силой проявляет себя в ситуации глобализационной «смены времен», которой свойственна смена прежних онтологических статусов социальных институтов. Движимое этими процессами, детство из объекта воспитательного и образовательного воздействия взрослого мира во все большей степени проявляет черты субъекта социальных отношений [10, с. 388].

Безусловно, что современные проблемы с детьми – это проблемы социально обусловленные. К тому же исследования, проводимые в области Детства, сами порой, казалось бы, противоречат друг другу. Так, французский историк Ф. Арьес в своей работе «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке» [11] на основе истории повседневности, анализируя художественную и иную литературу, произведения изобразительного искусства, исследует историогенез специфической природы детства, фактически давая начало аксиологическому подходу к ребенку. Идеи Ф. Арьеса дали толчок к возникновению в американской историографии особого направления исследований – проблематики ненависти к детям, цель которых – показать детей как одну из самых угнетенных групп в истории человечества и заставить современников осознать это. Важнейшей работой в этом направлении следует считать «Историю детства» Ллойда Де Моза [12], который ведет

исследование в русле «психоистории» и исходит из того, что дети становятся жертвами агрессивности и жестокости, являющихся неотъемлемой частью человеческой природы вообще.

Сравнивая модели исторического развития детства Арьеса и Де Моза, мы видим у них разные векторы отношения Мира Взрослых к Мирю Детства: у Арьеса – от свободы к закреплению ребенка семьей и школой, у Де Моза – раскрепощение ребенка от тирании взрослых. Однако, как нам представляется, кажущееся противоречие снимается, если обратить внимание на фактор, положенный в основу той и другой классификации отношений. Ф. Арьес обращает внимание на растущую регламентацию детской жизни, связанную с увеличением в рамках развития общества и культуры агентов социализации, а Де Моз акцентирует внимание на изменении внутреннего мира ребенка, росте его личной свободы в результате изменения отношений со взрослыми, прежде всего родителями, перехода от патриархализма к более демократическим отношениям.

Заключение. Влияние западной культуры и цивилизации на открывшееся два десятилетия назад пространство российской культуры, мировоззрение нашего общества фундаментально. На наших глазах происходит драматическая история поляризации и борьбы различных социальных движений в России в различных сферах общественной жизнедеятельности. Эти движения не могли не затронуть, и, безусловно, затронули, и сферу межпоколенных отношений в современном российском обществе. Связанная с последними десятилетиями его социальная нестабильность в условиях кризиса экономических, политических, нравственных и других общественных отношений достаточно быстро размывает традиционные социальные институты (прежде всего традиционную семью, традиционную мораль). Изменения в социальной структуре общества, в системе его ценностных ориентаций напрямую отражаются на взаимоотношениях поколений, способствуют образованию новых социальных общностей и новых отношений между ними.

В каждой из этих новых социальных общностей, и особенно в молодежной среде в силу ее повышенной сензитивности, происходит становление и развитие своей особенной системы ценностей, жизненных приоритетов – возможно, и из числа образованных ранее, но переосмысленных. Современная молодежная среда и современные межпоколенные отношения (как на Западе, так и в России) – это сегодня во многом своеобразный и чрезвычайно значимый полигон отработки стратегий их будущего развития. В среде этих вырабатываемых

стратегий модель межпоколенных отношений в силу ее первичности (начиная с раннего детского и юношеского возраста) будет играть фундаментальную роль и во многом будет влиять на проблемы национальной безопасности современного общества.

Модель межпоколенных отношений можно признать базовой моделью всех последующих моделей социального поведения индивидов, поколений и даже целых народов в их социальной динамике, в том числе в вопросах общечеловеческих (социального мира и войны в обществе, межгосударственного, межкультурного и межнационального общения в мире), в вопросах обеспечения реальной и потенциальной безопасности современного общества.

Литература

1. Эльконин, Д. Б. Психология игры / Д. Б. Эльконин. – М.: Педагогика, 1999. – 360 с.
2. Выготский, Л. С. Младенческий возраст / Л. С. Выготский // Собр. соч. – Т. 4. – М.: Педагогика, 1984. – С. 269–317.
3. Кудрявцев, В. Т. Исследования детского развития на рубеже столетий / В. Т. Кудрявцев // Вопросы психологии. – 2001. – № 2. – С. 3–22.
4. Бочаров, В. В. Антропология возраста / В. В. Бочаров. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001. – 196 с.
5. Абраменкова, В. В. Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре / В. В. Абраменкова. – М.; Воронеж: МОДЭК, 2000. – 416 с.
6. Шалаева, С. Л. Трансформация межпоколенных отношений в условиях современной глобализации / С. Л. Шалаева // Конфликтология. – 2011. – № 1. – С. 129–137.
7. Шалаева, С. Л. Трансформация детства в глобализирующемся мире: синергетический аспект / С. Л. Шалаева // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика / отв. ред. В. В. Василькова. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – С. 517–528.
8. Шалаев, В. П. Актуальная синергетика: человек и общество в эпоху глобальных трансформаций / В. П. Шалаев. – Йошкар-Ола: Поволжский государственный технический университет, 2013. – 184 с.
9. Мид, М. Культура и мир детства. Избранные произведения / М. Мид. – М.: Наука, 1988. – 429 с.
10. Шалаева, С. Л. Субкультура детства в зеркале межпоколенных отношений: современное измерение / С. Л. Шалаева // Социальная синергетика и актуальная наука. Россия в глобальном мире: вызовы и перспективы развития: международный сб. научных трудов / под общ. ред. В. П. Шалаева. – Йошкар-Ола: Марийский государственный технический университет, 2011. – С. 378–379.
11. Арьес, Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / Ф. Арьес. – Екатеринбург: Уральский университет, 1999. – 416 с.
12. Де Моз, Л. Психоистория / Л. Де Моз. – Ростов н/Д: Феникс, 2000. – 512 с.

Поступила 20.03.2013

УДК 165.1:613.94

О. А. Карканица, ассистент (БГТУ)

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ИНЖЕНЕРИЯ: СИНТЕЗ ЗНАНИЙ О ЧЕЛОВЕКЕ

В данной статье автор обращается к проблеме синтеза знаний о человеке, рассматривая возможности ее решения как необходимое условие для обеспечения адекватного анализа основных вариантов будущего человеческой природы и сценариев исключения наиболее серьезных рисков при осуществлении модификации человека средствами человеческой инженерии.

In this article the author deals with the problem of knowledge synthesis, about the human being, considering the possibility of its solution as the necessary condition for providing adequate analysis of the basic variants of the future of the human nature and for exclusion the most serious risks in the exercise the human modification by means of the human engineering.

Введение. Обращение к проблеме синтеза знаний о человеке (то есть к проблеме создания его целостного образа) в контексте тех вопросов, которые решаются человеческой инженерией, не является случайным. В первую очередь оно обусловлено необходимостью в адекватном анализе различных вариантов будущего человеческой природы и сценариев исключения основных рисков при осуществлении модификации человека средствами неоевгеники. До настоящего времени природа человека в нашем сознании представляется антиномичной, разорванной на фрагменты (биологический субстрат и жизнь человеческого духа – сферы антропологической реальности, подчиняющиеся различным законам), поэтому последствия самоинструментализации нашего вида остаются неясными.

Основная часть. В философской и научной литературе обсуждаются по крайней мере три возможных стратегии построения концепции целостного человека.

В первую очередь это выдвигание той или иной уже сложившейся дисциплины (например, психологии или биологии) на роль стержневой при интеграции данных различных наук в единый теоретический образ человека, а также при организации комплексных междисциплинарных исследований этой проблемы. Во-вторых, это использование одного из уже существующих общенаучных подходов, которые изначально ориентированы на комплексную проблематику и исследование сверхсложных иерархически организованных систем (например, исторический подход, реализованный в контексте глобального эволюционизма). В рамках третьей позиции по этому вопросу основанием для синтеза знаний о человеке являются не какие-то фундаментальные теоретические принципы, а общие проблемы и задачи, способные связать фрагментаризированные и продолжающие дробиться антропологические исследования в конкретные маневренные единства исследовательских, практико-ориентированных коллективов [1, с. 41].

Разброс мнений в решении этой проблемы свидетельствует в пользу того, что она еще далека от разрешения. Тем не менее, на наш взгляд, поиск методологических и мировоззренческих оснований решения проблемы синтеза знаний о человеке обладает рядом преимуществ в рамках эволюционно-синергетического подхода. Данный подход позволяет описать человека и его эволюцию на основе достаточно гибких, претендующих на универсальность концептуально-методологических принципов, применимых в области как гуманитарного знания, так и естественно-научных дисциплин:

1. В рамках эволюционно-синергетического подхода формируется представление о едином мировом процессе самоорганизации, охватывающем все проявления материи и духа. В его контексте поставлена цель с минимальным числом гипотез, или «эмпирических обобщений», обозначить, некую единую, непротиворечивую «картину мира», в которую может быть включен и человек как целостный феномен.

2. Данный подход формирует представление о наличии неких общих тенденций развития, связывающих эволюцию человека как биопсихосоциального существа и эволюцию живого мира в единое целое. Речь идет об изучении общих свойств и механизмов, которые определяют изменение характеристик любой изучаемой системы (естественной или искусственной), ее переходы из одного состояния в другое.

3. Не вступая в противоречие с содержанием тезиса о внутреннем единстве мирового эволюционного процесса, можно утверждать, что при этом эволюция человека обладает и собственной спецификой. Ее специфика определяется тем, что она носит направленный характер и включает в себя целеполагание. В этой связи вопрос о будущем человеческой природы, испытывающей на себе модификационные воздействия (частично контролируемые и являющиеся предметом направленных усилий либо осуществляющиеся в значительной степени стихийно в условиях деградации экологической

ниши человека), может быть рассмотрен не абстрактно, а на языке кибернетических систем. Кибернетическими называют системы, в которых изменение состояния определяется, помимо прочих причин, еще и некоторым целенаправленным воздействием, которое вырабатывается самой системой. Выбор этого воздействия всегда может быть представлен в вариационной форме. Появление управляющих воздействий, от которых в той или иной степени зависят будущие состояния системы, позволяет говорить о направляемом развитии, в определенных пределах обеспечивающем ее стабильность. Специфика человеческого вида как кибернетической системы заключается в том, что он выступает субъектом собственной эволюции и способен самостоятельно и, главное, осознанно определять ее цели.

4. Направленность развития социально организованной материи подразумевает и спецификацию универсальных механизмов, мобилизирующих и канализирующих внутрисистемные ресурсы. Для человеческого общества как системы кибернетического типа такими механизмами являются мораль, идеология, политика, культура в целом. Эволюционно-синергетический подход позволяет рассмотреть процессы, протекающие в духовной сфере, в качестве звеньев единого процесса эволюции окружающего мира.

5. Законы, определяющие принципы отбора, которые действуют в живом веществе и обществе, не противоречат законам неживого мира, но при этом могут быть и не выводимы из простейших законов физики. Следовательно, и социальные законы не противоречат законам живого мира, хотя и не выводимы из них. Невыводимость одних законов или принципов отбора из других связана с трансформацией смысла универсальных принципов развития. Эта трансформация обусловлена переходом к более высоким уровням организации материи. На уровне неживой материи законы носят безальтернативный характер. Но на уровне общественной организации материи отбор реализуемых ситуаций из числа мысленно возможных носит форму тенденций [2].

На основе данных эволюционно-синергетических установок открывается возможность для анализа более специфического вопроса – вопроса о сущности отношений между техникой и природой, эволюционными предпосылками развития человека и его способностью к самоинструментализации: вступают ли в противоречие возможности искусственного вмешательства в биологию человека с принципами его естественного развития?

В философии природы и экологии существуют по крайней мере два подхода к определению

сущности отношений между техникой и природой. В рамках традиционной техника рассматривается как фактор антиприродной стратегии развития человека, входящий в конфронтацию и с его собственными естественно-эволюционными силами. Противоположный подход отстаивает возможность гармонизации естественного и искусственного планов бытия. Подобная позиция подразумевает рассмотрение техники, а также навыков ее производства и использования, с одной стороны, и совокупности механизмов воспроизводства жизни, существующих в природе, – с другой, в аспекте их единства. То есть эволюция человека в качестве социального существа, а следовательно, и самоинструментализация нашего вида с этих позиций выступает продолжением биологической эволюции, одним из мощных факторов становления живого [3, с. 100–102].

Какой из данных подходов реализуется в человеческой инженерии? С нашей точки зрения, эти подходы не исключают друг друга. Они фиксируют различные позиции в соотношении внутрисистемных сил – естественно-эволюционных и социотехнических.

На основе эволюционно-синергетического подхода (в частности, в соответствии с идеей нестабильности мира) формируется понимание того, что любая претензия на абсолютный контроль над какой-либо сферой реальности безосновательна. Что предполагает и отказ от представлений о том, что воздействие на природу человека приведет к достижению именно тех целей, реализации того понимания блага, которые закладывались в антропотехнический проект. Подобный отказ обусловлен признанием нелинейного характера развития модифицируемого объекта. Это предполагает, что при прохождении этим объектом точки бифуркации в момент наиболее интенсивного воздействия на него извне (в данном случае это попытка трансформации неких сущностных биологических характеристик человека) может реализоваться один из нескольких возможных вариантов его дальнейшего развития.

Анализ потенциальных путей развития неравновесных систем осложняется тем, что траектории многих из них нестабильны, и это обеспечивает достоверность предсказания лишь на коротких временных интервалах, за пределами которых траектория ускользает от аналитика. Однако существует важное обстоятельство, обеспечивающее определенную степень достоверности прогноза относительно вероятностного поведения таких объектов: вероятность не сколь угодно произвольна, возможны не какие угодно состояния объекта, а лишь те, которые задаются функциями среды и внутрисистемными

ресурсами, их соотношением. Первые описывают идеальные формы реально возможных образований и являются аттракторами, к которым и эволюционирует рассматриваемый объект. Именно поэтому принцип детерминизма, обеспечивающий надежность предсказаний, не может быть полностью отброшен при осуществлении анализа траектории развития модифицируемого объекта. Принцип детерминизма в данном случае подразумевает существование своеобразных правил запрета (универсальных для того или иного класса объектов), налагающих жесткие ограничения на способы существования этих объектов – природных или имеющих искусственное происхождение [4].

Применительно к нашему вопросу это означает, что в случае реализации генно-инженерных проектов мы осуществляем специфическую интервенцию в природные условия и границы нашего существования. Поэтому направленное вмешательство в эволюцию человека и его природы (первоначально выступающей в качестве естественной данности) связано не только с возможностью появления других, более совершенных форм ее организации, но и с процессом выбраковывания тех результатов модификации, которые оказались на запрещенном пути эволюционирования и лишились жизнеспособности. Очевидно, что в первом случае мы будем наблюдать эффект синергии социотехнического вмешательства в природу человека, а во втором – их конфликт, конфронтацию.

Для исключения столь серьезного риска, связанного с генерированием и применением опасного знания в этой области, в основание стратегии самоинструментализации должно закладываться представление о том, что биологическая природа человека как естественная данность не является пассивным, инертным материалом, а обладает неким внутренним измерением в виде потенциальных возможностей (собственной «свободой»). В свою очередь, знание этих возможностей способствует правильному пониманию того, что воздействие на объект такого рода должно выстраиваться по типу резонанса: прилагаться в правильном месте в нужное время, возбуждая действие внутрисистемных ресурсов. Это подразумевает поиск правильного соотношения внутрисистемных ресурсов модифицируемого объекта и способов их мобилизации в желаемом направлении с учетом возможностей среды

(биосоциотехносферы). Поэтому не следует ни жестко противопоставлять принципы социотехнического и естественно-эволюционного развития человечества, ни преувеличивать конструктивные возможности науки и техники в качестве решающего фактора общебиологической эволюции на уровне социально организованной материи.

Заключение. Эволюционно-синергетическая методология, позволяющая, во-первых, выявить два наиболее вероятных варианта будущего человеческой природы, а именно: появление более совершенных организационных форм в процессе самоинструментализации человеческого вида; возможность выбраковывания тех результатов модификации, которые оказались на запрещенном пути эволюционирования вследствие рассогласования механизмов саморегуляции системы как результата технологического вмешательства. Во-вторых, в качестве основного сценария исключения возможных рисков, связанных с самоинструментализацией, был обозначен путь «золотой середины», подразумевающий поиск оптимального соотношения внутрисистемных ресурсов модифицируемого объекта (биологической природы человека) и возможностей мобилизации всей совокупности потенциальных и наиболее благоприятных для его будущего механизмов с учетом возможностей среды. Этот путь учитывает существование достаточно жестких ограничений на процесс самоинструментализации человеческого вида.

Литература

1. Тищенко, П. Д. Институт человека как философская идея / П. Д. Тищенко // Человек. – 2008. – № 3. – С. 30–42.
2. Моисеев, Н. Н. Логика универсального эволюционизма и неоперативность [Электронный ресурс] / Н. Н. Моисеев. – 2010. – Режим доступа: <http://dyyfs.info/logika-universalnogo-evolyucionizma-i-neoperativnost.html>. – Дата доступа: 16.08.2011.
3. Бурак, П. М. Коэволюционная стратегия в становлении ноосферы / П. М. Бурак. – Минск: БГТУ, 2005.
4. Пригожин, И. Философия нестабильности [Электронный ресурс] / И. Пригожин. – 2010. – Режим доступа: <http://dyyfs.info/filosofiya-nestabilnosti.html>. – Дата доступа: 16.08.2011.

Поступила 15.03.2013

УДК 141.7

О. П. Пунченко, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой (Одесская национальная академия связи им. А. С. Попова, Украина);

И. И. Дыдышко, аспирант кафедры философии и истории Украины (Одесская национальная академия связи им. А. С. Попова, Украина)

ЧЕЛОВЕКОТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ

В статье исследуется смысловое содержание категории «интерсубъективность». Она обобщается как нелинейная социальная среда, отражающая духовную синергию социума. Раскрывается противоречивый характер составляющих этой синергии. Человеческий потенциал объясняется через формирование в его интерсубъективном мире нравственных ценностей, императивов, постулатов как смыслообразующих начал этого процесса.

The article analyses the meaning of the category of intersubjectivity. This concept is described as a non-linear social environment which reflects the spiritual synergy of society. Author reflects on the contradictory character of this synergy. Human-creative potential is explained through the formation of its intersubjective world of moral values, imperatives, postulates as semantic beginning of this process.

Введение. Проблема интерсубъективности, ее сущности и содержания является одной из важнейших проблем современной философии. Попытки свести проблему интерсубъективности как направленности сознания субъекта на какой-либо объект или к декартовскому принципу интроспекции как направленности моего мышления на познание моего «внутреннего» мира, что вылилось в интроспективной психологии в метод самонаблюдения, никаким образом не затрагивали повседневное бытие человека. А именно оно и формирует его интерсубъективный мир.

Отдельные идеи проблемы интерсубъективности разрабатывались Э. Гуссерлем, Х. Ортегой-и-Гассетом, В. Ф. Гумбольдом, Э. Бенвенситой, П. Рикером, Э. Агацци, М. М. Бахтиным, А. Ф. Лосевым и др.

Основная часть. В современном научном знании, сосредоточенном на познании «человеко-размерных» объектов (В. С. Степин), сегодня обнаруживается ряд моделей относительно бытия человека в усложняющемся социальном хаосе, предлагаются различные концепции социальной самоорганизации, которые и положили начало новому предмету междисциплинарных исследований – социосинергетике. В ее рамках осуществляется поиск механизмов становления социальных связей и отношений, является природа социальных инноваций и изменений, а в целом – специфика возникновения социального порядка. Социосинергетика генерирует новые модели общественного развития в рамках социальной теории.

Одной из моделей социосинергетике выступает субъективная модель социальной самоорганизации, которая выдвигает на первый план индивидуальное человеческое существование, наполняет его новым культурологическим содержанием. Субъективная модель предполагает

выявление в человеке оснований неустойчивости и нелинейности, а значит, способности человека создавать личностный интерсубъективный мир как способ самоорганизации его бытия.

Формирование интерсубъективного мира человека сопряжено с тем, что этот процесс базируется на трех основных фундаментальных сущностях: коммуникации, информации и культурных ценностях социума. Коммуникация в этом процессе составляет ядро субъектно-субъективных отношений; информация, имеющая сегодня функциональное значение и самостоятельную ценность, выступает, по существу, фундаментом процесса коммуникации; культурные ценности формируют смысловые начала раскрепощения духа человека, его духовность. Еще Н. А. Бердяев указывал на основные ступени развития духовности. Анализируя их, В. В. Попков пишет: «Первая ступень – это духовность, ограниченная природой, зависимостью человека от природной сферы... Вторая ступень – это духовность, ограниченная обществом... Третья ступень – это чистая освобожденная духовность. Это такое состояние, при котором дух овладевает природой и обществом, а социальный мир преобразовывается не декретами очередной победившей политической партии, а деятельной творческой энергией добра» [1, с. 281].

Несомненно, все три ступени участвуют в формировании интерсубъективного мира человека, но третья ступень здесь выступает в качестве детерминирующей.

Интерсубъективный мир человека – это мир, в котором он на основе коммуникации и информации регламентирует свои внешние действия, отношения с другими людьми и социумом в целом, а также формирует свое внутреннее «Я», для того чтобы его деятельность была оценена в качестве конструктивной.

Но мир, который формирует «Я», интерсубъективен, поскольку он раскрывается как «мир культуры, ибо с самого начала повседневность как процесс обучения предстает перед нами как смысловой универсум, совокупность значений, которые мы должны интерпретировать для того, чтобы обрести опору в этом мире, прийти к соглашению с ним» [2, с. 130].

Конечно, вся наша деятельность связана с тем, что мы не просто познаем мир, а преобразовываем его, чтобы обрести опору в нем и скоррелировать наши с ним отношения, которые оказались сегодня крайне необходимы для преодоления ряда глобальных проблем современности. Но корреляция осуществляется в конкретных формах взаимодействия человека и окружающего его социального мира. Значит, здесь должен иметь место диалог «Я» и «Другого», а в отдельных случаях даже наличие «Третьего», и обязательно языка. Это создает среду, в которой и формируется интерсубъективность. Эта среда в большей степени неустойчива, нелинейна. В ней присутствуют различные варианты личностных самореализаций, определяемых избыточной человеческой сущностью. В этой сущности и заключается человекотворческий потенциал, формирующий его интерсубъективный мир. Обладая относительной свободой в выборе навязываемых ему форм повседневного поведения и деятельности, человек оперирует своими потребностями и интересами, носящими у него устойчивый характер. И он заключает с социальной средой конвенцию, через которую и выражаются его отношения с этой средой. «Как носитель социального хаоса, человек предрасположен к межсубъективным взаимодействиям, способен создавать особую, интерсубъективную реальность, в которой также обнаруживаются нелинейные характеристики», – утверждает И. А. Донникова [3, с. 181].

Интерсубъективность – это среда возможных договоренностей и конфликтов, компромиссов и непримиримых позиций, проявление сострадания и безучастия, свободы и необходимости, творчества и деструкции. Сфера интерсубъективности – это «особый тип реальности», где специфически проявляются объективная детерминация и субъективные интенции, потребности и интересы, экзистенциалы и ценности, нормы и своеволие, рациональность и иррациональность, традиции и новации, стереотипы и прозрения, «просвещенное своекорыстие» и общечеловеческие идеалы, явления психики и постулаты идеологии.

Анализируя интерсубъективность как коммуникативную среду, в которой формируется мир взаимоотношений человека и социума,

необходимо отличать интерсубъективность от повседневности. Повседневность характеризуется сложившейся устойчивостью, структурированностью, установленным в социуме порядком. Интерсубъективность формируется нелинейными, но в то же время взаимодействующими системами. Она отождествляется с социальными трансформациями, различного рода общественными модернизациями, вызывающими неустойчивость социального бытия, разрастанием его хаотического развития, в котором и имеет место формирование индивидуального сознания. Оно фактически конституируется в интерсубъективности и одновременно утверждает ее как дофеноменальное (Э. Гуссерль) условие своей активности.

Интерсубъективность, представляя собой коммуникативную среду, в которой в потенциальном виде содержатся структурированные смысловые пространства, формируется в непредсказуемости человеческого поведения, в рамках быть непонятым и не понять самому. Здесь интерсубъективность является переходным состоянием от «Я» к «Другому» и от «Другого» к «Я». Стремясь к самоотжественности, «Я» претерпевает трансформации, открываясь бытию «Другого», поэтому в интерсубъективности обнаруживается нелинейная целостность, которая обладает способностью трансформации в новую вероятностную перспективу коммуникации.

Для анализа интерсубъективности как коммуникативной среды можно использовать понятие «синергетический хаос», который не выражает смысловую неопределенность межсубъективных отношений. Интерсубъективный хаос имманентен коммуникации, даже состоявшийся диалог не гарантирует его преодоления, поскольку предполагает его продолжение.

Интерсубъективный хаос возникает из множества возможных саморегуляций, направленных как вовне, через диалог с «Другим», так и вовнутрь, через диалог с самим собой. Образуется нелинейная коммуникативная среда, в которой интерсубъективный хаос при определенных условиях становится аналогом динамического хаоса и способствует установлению межличностных связей, рождающих смысл. В то же время в интерсубъективности сохраняется негарантированность конструктивной коммуникации. С одной стороны, интерсубъективность может трансформироваться в творческий результат участников коммуникации, а с другой – в ней присутствует возможность распасться на монологические существования разобщенных индивидов. Здесь возникают два противоположных состояния, к которым могут привести межсубъективные взаимодействия. Первое грозит

человеку одиночеством, погружая его в личностное бытие, а второе вводит его в мир культуры, в котором «Я» и «Другой» сосуществуют в толерантном социокультурном пространстве человеческого бытия. Тем самым intersубъективность одновременно проявляет себя и как среда, обладающая неопределенностью и как сеть коммуникаций.

В неустойчивости и нелинейности intersубъективных отношений и взаимодействий в качестве «лакмуса» выступает нравственность, которая создает условия саморождения нового социокультурного бытия. Ценностно-императивная сущность нравственности обуславливает саморазмерность в ней универсального и индивидуально-личностного. Нравственность – это индикатор человекотворческого потенциала личности в нелинейной среде, который нивелирует соотношение вышеотмеченных понятий. Любая универсализация требований нравственности оборачивается перерождением ее в морализаторство. Напротив же, субъективизация нравственных норм приводит к релятивизму, в конечном счете искажает их сущность. Отказ от нравственных императивов превращает человеческую жизнь в «протожизнь», которая, имея все предпосылки для своей конструктивной реализации, практически не осуществляется, и человек постоянно отбрасывается, по выражению В. С. Библера, к «безначальному началу».

Intersубъективность как сфера бытия человека в нелинейной среде самоструктурируется в двух направлениях – горизонтальном и вертикальном.

В горизонтальном направлении она представлена множеством формирующихся дискурсов и контекстов, воспроизводящих социальную хаотичность. Дискурсы горизонтального диалогового пространства предлагают свои правила регуляции отношений, которые Э. Агацци обозначил как «конститутивные», принятые субъектами действия, определяющие, «как должно быть» при выполнении какого-то действия, и зависящие от того, «как устроен (конституирован) предмет, являющийся целью этого действия» [4, с. 69–70].

Вертикальная плоскость intersубъективности конструктивно-творческая. По своему содержанию она ценностно-иерархична, обладает способностью ограничения множественности горизонтальных дискурсов, выявляя связи между ними. «Вертикаль» диалогового пространства определяется императивами, здесь действуют не правила, а нормы. «Моральная пер-

спектива бытия задает совершенно особую систему координат; когда жизнь индивидов измеряется не часами, метрами и килограммами – показателями, которые исходят в дурную бесконечность и в любом, сколь угодно большом, своем натуральном выражении только подчеркивают ограниченность человеческих возможностей, – а абсолютными величинами. Мораль... – не просто путь. Это путь в вечность» [5, с. 259].

Заключение. Возникшая в конце XX века социосинергетика обратилась к формированию intersубъективного мира человека. Использование ее методологии дало возможность выделить сферу духовной синергии как особый тип реальности, в которой формируется intersубъективный мир современного человека. Эта сфера противоречива по содержанию, она источник социального хаоса, следовательно, она нелинейна.

Но возможно ли привести к некоторому относительному порядку социальную среду, придать ей форму линейного развития? Для этого необходимо выделить смыслообразующие начала, которые конструктивно повлияют на процесс формирования intersубъективности человека, помогут раскрыть его человекотворческий потенциал. На наш взгляд, такими началами выступают нравственные ценности, императивы, постулаты. Они через диалог и язык способствуют формированию intersубъективного мира личности, достижению конвенции, консенсусов, компромиссов. Таким образом, формирование intersубъективного мира человека на основе культурных ценностей приобретает особое значение в условиях перехода человечества на антропогенную стадию своего цивилизационного развития.

Литература

1. Попков В. В. Раскрепощение духа / В. В. Попков. – Одесса: Астропринт, 2007. – 304 с.
2. Шюц, А. Структура повседневного мышления / А. Шюц // Социологические исследования. – 1988. – № 2. – С. 129–137.
3. Донникова, И. А. Культурогенная сущность социальной самоорганизации / И. А. Донникова. – Одесса: Печатный дом, 2011. – 280 с.
4. Агацци, Э. Человек как предмет философского познания / Э. Агацци // О человеческом человеке; [под общ. ред. И. Т. Фролова]. – М.: Политиздат, 1991. – С. 69–70.
5. Гусейнов, А. А. Великие моралисты / А. А. Гусейнов. – М.: Республика, 1995. – 351 с.

Поступила 20.03.2013

УДК 316.324.8

Н. Е. Шилина, кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии и истории Украины
(Одесская национальная академия связи им. А. С. Попова, Украина)

СОВРЕМЕННАЯ ЛИЧНОСТЬ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Статья посвящена проблеме становления личности в современном информационном обществе. Автор анализирует психоаналитический подход к рассмотрению личности З. Фрейда и К. Г. Юнга. Затрагивается проблема целостности личности и пути ее достижения.

The article devoted to the problem of development of the personality in the modern information society. The author analyzes the psychoanalytic approach to the personality of S. Freud and C. G Jung.

Введение. Информационное общество – это цивилизация, в основе развития и существования которой лежит особая субстанция, условно именуемая «информацией», обладающая свойством взаимодействия как с духовным, так и с материальным миром человека. Последнее свойство особенно важно для понимания сущности нового общества. С одной стороны, информация формирует материальную среду жизни человека, выступая в роли инновационных технологий, компьютерных программ и т. п. С другой стороны, она выступает основным средством межличностных взаимоотношений, постоянно возникая, видоизменяясь и трансформируясь в процессе перехода от одного человека к другому. Другими словами, информация одновременно определяет и социокультурную жизнь человека, и его материальное бытие.

Основная часть. Основная идея информатизации состоит в обеспечении всеобщего процесса развития человеческой цивилизации, направленного на проникновение знаний в жизнедеятельность каждого человека. В ходе этого процесса создаются качественно новые условия для развития общественного и научного прогресса, науки, образования, культуры; совершенствуются социально-экономические отношения, духовная жизнь, повышается жизненный уровень, достигается решение важнейших принципов демократизации общественной жизни.

Личность – это человеческий индивид в аспекте его социальных качеств, формирующихся в процессе исторических конкретных видов деятельности и общественных отношений. Родившийся ребенок – индивид, но он еще не есть человеческая индивидуальность, так как человеческая индивидуальность – это неповторимый самобытный способ бытия конкретной личности в качестве субъекта самостоятельной деятельности, это индивидуальная форма общественной жизни человека. Индивид становится индивидуальностью по мере того, как перестает быть «единицей» человеческого рода и приобретает относительную самостоятельность своего бытия в обществе, становится личностью. Личность социальна по своей сущности и индивидуальна

по способу своего существования, индивидуальность выражает собственный мир индивида, его особый жизненный путь, который по своему содержанию определяется социальными условиями, а по происхождению, структуре и форме носит индивидуальный характер. Сущность индивидуальности раскрывается в самостоятельности конкретного индивида, его самобытности, способности быть самим собой в рамках социальной системы.

Индивид и общество находятся в диалектических взаимоотношениях, их нельзя противопоставлять, ибо индивид есть общественное существо, и всякое проявление его жизни, даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного ее проявления, обладая общеродовыми признаками, может выступать и как самобытная индивидуальность.

Взаимодействие личности и общества рассматривал в своей теории Зигмунд Фрейд, который в развитии психики выделял 3 уровня: *сознание, предсознание и бессознательное.*

Уровень сознания состоит из ощущений и переживаний, которые мы осознаем в данный момент времени. З. Фрейд считал, что незначительная часть психической жизни (мысли, восприятие, чувства, память) входит в сферу сознания. Что бы в данный момент времени не переживалось в сознании человека, это следует рассматривать как результат процесса избирательной сортировки, в значительной степени регулируемого внешними сигналами. Сознание охватывает только малую часть всей информации, хранящейся в мозге.

Область предсознательного включает в себя весь опыт, который не осознается в данный момент, но может легко вернуться в сознание. Предсознательное наводит мосты между осознаваемыми и неосознаваемыми областями психического.

Самая глубокая и значительная область человеческого разума – это бессознательное. Бессознательное представляет собой хранилище примитивных инстинктивных побуждений, а также эмоций и воспоминаний, которые настолько угрожают сознанию, что были подавлены

и вытеснены в область бессознательного. Неосознаваемый материал во многом определяет наше повседневное функционирование.

Личность – система открытая. Именно благодаря этому можно говорить о воздействии на личность внешней среды и, в частности, информации, о специфике ее развития в условиях информатизации общества. В принципе, мы можем сказать, что у человека существует три уровня хранения информации. Актуальная и востребованная информация, к которой индивид обращается постоянно, находится в нашем сознании. Однако наше время характеризуется огромными объемами, постоянно расширяющимися потоками информации, в результате чего мы можем говорить о расширении сознания современного человека, повышении уровня осознанности и самоорганизации. Часть информации из общего потока вытесняется в наше подсознание, создавая резервное хранилище, к которому индивид может обращаться время от времени в зависимости от необходимости. Со временем усвоенная и обработанная информация, повторенная не единожды и одобренная сознанием, становится неотъемлемой частью нашей личности. Такая информация не нуждается в постоянном контроле и переходит в область бессознательного, продолжая скрыто влиять на индивида.

Иными словами, мы можем говорить о двух взаимодействиях одновременно: взаимодействие биологического и социального в личности и взаимодействие самой личности с обществом.

Личность накапливает полезную для себя информацию, приспособляясь к изменяющимся условиям. Накопление информации повышает уровень организации системы, обеспечивает развитие способности восприятия и порождения информации. И осуществляется оно в результате интеллектуального взаимодействия личности и общества. Сопоставление, вычленение в процессе взаимодействия с внешней средой наиболее ценного, проверка его в трудовой деятельности – все это элементы творческого взаимодействия личности и общества. Чем больший объем полезной информации и накопленного опыта используется личностью при отборе, тем эффективнее процессы саморазвития.

Постоянный поток циркулирующей информации бывает разнообразным, а сама информация – избыточной, повторяющейся. Поэтому очень важно осуществление отбора информации с учетом ее ценности, полезности, эффективности, экономичности, то есть тех ее качеств, которые определяющим образом влияют на поведение самоорганизующихся, самоуправляющихся систем. Именно целенаправленное собирание, интегрирование информации на основе

отражения является предпосылкой, условием развития личности.

Иными словами, информация становится тем связующим звеном, которое обеспечивает интеграцию социальных ценностей в систему самосознания индивида, тем самым обеспечивая более глубокое понимание и осознание своих желаний и потребностей, а также способов их реализации в современном мире, что, в свою очередь, способствует гармонизации внутренней двойственной природы человека и развитию его личности в системе социальных связей и отношений.

Можно сказать, что личность не может существовать вне общества, она – часть информационного пространства этого мира, она является органическим продолжением этого пространства, его создателем и потребителем, начальной и конечной точкой.

Карл Густав Юнг, который создал свою собственную альтернативную психологическую школу, как раз и рассматривал личность во взаимодействии с обществом в целом. При этом он рассматривал даже не конкретный общественный строй, при котором развивается и формируется человеческая личность. Его научный интерес охватывал сразу весь период развития общества, все его исторические этапы, от первобытнообщинного строя до современного информационного общества. Юнг ввел в научный оборот термин коллективное бессознательное как единое поле общечеловеческой памяти, то есть, по сути, он описал феномен общего информационного пространства, связывающего всех людей не только по горизонтали (как временной исторический срез), но и по вертикали (начиная от памяти наших человекообразных предков).

Коллективное бессознательное реализует себя через архетипы – универсальные изначальные врожденные психические структуры, составляющие содержание коллективного бессознательного, то есть это способ, используемый бессознательным для воздействия на человеческое сознание. Однако, по Юнгу, коллективное бессознательное – это глубокий пласт информации, редко осознаваемый человеком непосредственно. Скорее проявление коллективного бессознательного будет проходить через социальные изменения и идеалы. Человеческое сознание вбирает в себя эти идеалы, интегрирует их в свою личность, усваивает их на бессознательном уровне и затем реализует во взаимодействии с окружающим миром, социумом непосредственно.

Можно сделать промежуточный вывод, что, во-первых, в современном обществе главным ресурсом и средством коммуникации между людьми

ми становится информация. Противоречивость информации о себе и о внешнем мире порождает у личности конфликт, заставляющий ее искать способы достижения целостности и гармоничности с окружающим миром.

Во-вторых, единое информационное пространство, так же как и единое психическое пространство (коллективное бессознательное), ставит перед личностью две противоположные задачи: преодолеть разобщенность, созданную личными границами собственного «Я» и объединиться с обществом в поисках целостности, — и сформировать свое личное пространство, выкроить в этой общности свою личную персональную зону комфорта, где личность сможет получить ощущение свободы и осознание своей уникальности и, как ни удивительно, также целостности. Иными словами, сам поиск целостности содержит в себе противоречие: личность одновременно стремится к целостности как отдельности своего «Я» от других людей и целостности как возможности стать одним целым с обществом, слиться с ним в едином направленном усилии.

Проблему целостности личности в информационном обществе исследовала С. А. Бочан [1]. Автор в своем исследовании говорит о том, что современная личность претерпевает значительные изменения под влиянием информатизации. Личность символизирует себя в информационной технологии, компьютер выступает системой, символически изоморфной человеку. Человек становится все более прагматичным и все менее эмоциональным, он устремлен в погоню за информацией, материальными ценностями. Это вызывает состояние душевного дискомфорта, потерю индивидуальности и снижение общекультурного уровня личности, более того, ведет к дегуманизации труда и манипуляции людьми, влечет за собой многие негативные формы поведения человека — озлобленность, агрессивность, конфликтность — и угрожает целостности личности и т. п. Возникает проблема гуманизации как возврата человека к его естественному состоянию, гармоничному развитию, целостности личности. Мы согласны с автором в том, что проблема гуманизации современного общества — это одна из самых острых проблем современности. Человек постепенно вытесняется информационными техно-

логиями, что приводит к обездушиванию личности, потере ее собственной уникальной свободы.

Пассивное потребление информации по компьютеру, телевидению, аудио, радио, телефону все больше вытесняет активные формы досуга, творчества, познания, формирует жесткость мышления, лишает людей непосредственного общения друг с другом. Сужение персонального пространства, отчуждение от живой природы вызывает невольное стремление к упрощению картины мира, боязнь принятия решений, страх ответственности. В современном информационном обществе и его культуре происходят трансформации, способствующие изменению содержания целостности личности. С одной стороны, информационные технологии развивают творческие начала личности, служат средством повышения интеллектуального потенциала, позволяют конструировать виртуальное пространство и виртуальные образы. С другой стороны, они приводят к технократическому мышлению, к отчуждению от общества, разрывают связи между поколениями, природой, тем самым обедняя содержание целостности личности. Эти факторы ведут к кризису идентичности и формированию новой суперидентичности, вынуждая личность вырабатывать новую стратегию поведения [1].

Заключение. Таким образом, современная личность в информационном обществе испытывает на себе ряд позитивных и негативных аспектов информатизации, изменения сути самого социума, подвергается воздействию внешней среды и внутриличностным конфликтам, которые вынуждают ее изменяться, адаптироваться к новым, постоянно меняющимся условиям окружающего мира, стимулируют к поиску целостности и самоидентичности в новом мире, к созданию в своем самосознании новой картины реальности, соответствующей современному информационному пространству.

Литература

1. Бочан, С. А. Проблема целостности личности в информационном обществе: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / С. А. Бочан. — Новочеркасск, 2007. — 153 л.

Поступила 30.03.2013

УДК 316.35:39

В. Н. Ракачев, кандидат исторических наук, доцент
(Кубанский государственный университет, Россия)

БЕЛАРУСЬ И БЕЛОРУСЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЯН: ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья опирается на результаты социально-психологического исследования, направленного на выявление стереотипного образа Беларуси в представлениях россиян, его структуры, содержания и направленности. Исследование, проведенное с использованием метода неоконченных предложений, позволяет говорить о высокой степени согласованности стереотипа, его устойчивости и позитивной направленности.

The article is based on the results of the socio-psychological survey aimed with identifying the structure, content and direction of stereotypical image of Belarus in the attitudes of russians. Research conducted by the method of incomplete sentences, suggests a high degree of consistency of the stereotype, sustainable and positive way.

Введение. Наши представления об окружающем мире в значительной степени стереотипизированы. Стереотипы как особая форма сознания упрощают и схематизируют информацию о внешнем мире и позволяют легко ориентироваться в нем.

Интерес к изучению стереотипов связан с тем, что схемы восприятия относятся к установочным образованиям и так или иначе определяют характер отношений и взаимодействий в обществе [1, с. 64].

В отношении различных групп, социальных объектов в общественном сознании складываются социальные стереотипы, среди которых особое место занимают стереотипы этнические. Этнический стереотип есть представление о нравственном, физическом, умственном состоянии представителей той или иной этнической общности.

Представление о другой этнической группе складывается исторически в процессе реальных взаимоотношений между народами. Конфликты, войны и, наоборот, отношения сотрудничества и солидарности оставляют след в памяти народа, определяя и через столетия окраску и направленность образов друг друга. На содержание этнических стереотипов влияют такие факторы, как специфика стереотипизируемой группы (ее психологические свойства, закрепленные в культуре и в обыденном сознании, система ценностей, общественно-историческое развитие), социально-политические и экономические условия развития групп и специфика взаимоотношений между ними, сложившихся в данный момент, длительность и глубина исторического контакта между группами [2, с. 142].

Основная часть. Исследование преследовало цель определить содержание стереотипного образа Беларуси как страны и белорусов как народа, направленность этих стереотипов (негативную, позитивную, нейтральную), а также

степень согласованности и устойчивости данных образов.

Рабочая гипотеза основывалась на том, что наличие длительных и глубоких исторических и генетических связей между Россией и Беларусью, близость языковая, культурная найдут отражение в высокой степени устойчивости и согласованности стереотипного образа Беларуси, его положительной направленности и детализированном содержании.

В качестве инструментария в исследовании использовался метод неоконченных предложений. Респондентам предлагалось продолжить предложения, начинавшиеся словами «Беларусь – это...». Выбор метода неоконченных предложений в качестве способа выявления стереотипного образа обусловлен тем, что он позволяет получать реакции, в которых проявляются неосознаваемые, но значимые для человека области переживаний и поведения. Предполагается, что, продолжая предложение без дополнительных стимулов, респондент воспроизводит определенный ассоциативный ряд, который включает в себя как стереотипы, так и факты из личного жизненного опыта.

Метод неоконченных предложений относится к проективным и чаще используется психологами. Однако применение его в социологических исследованиях позволяет выйти за рамки частного психологического анализа и изучать феномены, имеющие надиндивидуальный, социальный характер. В этом случае отдельно взятый индивид воспринимается в основном как носитель информации об интересующем исследователя социальном феномене, тогда как индивидуальные проявления различных психологических свойств личности исследователем игнорируются. Из всего массива получаемой информации социолог отбирает то, что непосредственно относится к содержательной стороне изучаемого феномена,

прежде всего к отражению его социального характера.

В то же время применение данного метода дает наибольший эффект как раз в тех исследованиях, где возникает необходимость выявления субъективного восприятия человеком социальной реальности, личностных смыслов индивидов, стереотипов, образов, эталонов, ценностных ориентаций людей и т. д. [3, с. 8].

Анализ полученных данных осуществлялся по принципу «пирамиды обобщений», где в основании располагаются элементарные обоснования (т. е. совокупность элементарных смысловых частиц окончания предложения), а на вершине – структурные показатели [4, с. 12].

Таким образом, на первом этапе в процессе анализа были выделены элементарные обоснования. Затем осуществлялась классификация элементарных обоснований и объединение их в смысловые группы. Это предполагало выделение ряда смысловых оснований, на основе которых определялась однотипность высказываний. Именно они дают представление о структуре изучаемого феномена [4, с. 12]. На основе этих смысловых оснований были сформированы так называемые элементы образа.

В итоге выделенные элементы позволили определить содержание стереотипного образа Беларуси, а также косвенно вывели на содержание этнического стереотипа белорусов. Однако число элементов оказалось слишком большим, чтобы по ним судить о структуре изучаемого образа. Для определения более четких структурных характеристик образа, на основании которых представляется возможным провести его типологический анализ, возникла необходимость осуществить более высокий уровень обобщения. Анализ элементов показал, что многие из них имеют общую смысловую направленность. Отражая определенные детали образа, элементы предполагают наличие более общих характеристик, которые, в свою очередь, и определяют его структуру. На следующем этапе анализа осуществлялся процесс обобщения элементов на более высоком уровне и формирование интегральных понятий – компонентов. Компоненты, таким образом, выступают в качестве структурных показателей изучаемого стереотипного образа и образуют вершину пирамиды обобщений [4].

В результате описанных выше процедур мы получили следующую структуру образа Беларуси, который включает в себя семь основных компонентов:

Компонент 1 объединяет элементы, отражающие природно-климатические и географические особенности Беларуси (лес, природа, города, ресурсы, территория, географическое положение).

Компонент 2 – совокупность элементов, связанных с политико-правовыми аспектами белорусского государства (президент Лукашенко, уровень демократии, уровень развития государства, социальное государство, союзные отношения с Россией, Беларусь как часть России).

Компонент 3 включает набор элементов, характеризующих экономику Беларуси (экономическое сотрудничество с Россией, белорусские товары, уровень экономического развития).

Компонент 4 – совокупность элементов, связанных с этнокультурными особенностями белорусского народа, качествами, чертами характера, присущими жителям Беларуси (этническая характеристика жителей Беларуси, этническая (славянская) общность с русским народом, черты характера, качества белорусов).

Компонент 5 объединил элементы, характеризующие культуру и искусство Беларуси (музыкальная культура, спорт, архитектура, культурное наследие).

Компонент 6 включает элементы, связанные с историческим прошлым Беларуси (Беларусь в Великой Отечественной войне, Беларусь в составе СССР, историческое единство России и Беларуси, культурно-историческое наследие).

Компонент 7 объединил личные оценки, отношения, интенции респондентов в отношении Беларуси (желание побывать, место, где был, симпатии, антипатии).

Интенсивность проявления компонентов отражает структуру соответствующего образа в сознании респондентов. Преобладание одних компонентов, второстепенность других позволяют выделить содержательное ядро и периферию стереотипного образа [4]. Для оценки интенсивности проявления компонентов нами были рассчитаны частоты их встречаемости по всей выборке. Анализ характера распределения этих частот позволил сделать вывод о том, что ядро образа характеризует всего три компонента: 2, 3 и 4. Это соответственно политико-правовые, экономические и этнокультурные характеристики. Остальные компоненты служили для описания периферии образа.

Характеризуя внутреннее содержание компонентов, составивших как ядро, так и периферию образа, необходимо отметить, что оно достаточно однородно. Это свидетельствует о достаточно высокой степени согласованности стереотипа (т. е. высокая степень единства представлений среди членов стереотипизирующей группы), что, собственно, и позволяет отнести выделенные респондентами характеристики к стереотипным. Кроме того, такая ситуация свидетельствует об устойчивости стереотипного образа Беларуси и белорусов в представлениях россиян, поскольку выборка включала различные

возрастные группы. Вместе с тем наблюдается определенная динамика стереотипного образа в зависимости от возраста респондентов.

Итак, всего было выделено 7 компонентов, объединивших 26 элементов, что составляет 97,9% от общего числа. Остальные элементарные обоснования, которые носят характер единичных высказываний, составляют 2,1%. Поскольку перечислить все элементарные обоснования, входящие в отдельные элементы, не представляется возможным, в таблице приведены только типичные.

Остановимся подробнее на содержании компонентов, составляющих ядро стереотипного

образа Беларуси и распределении составляющих их элементов. Компоненты, составившие ядро образа, представлены примерно равными долями. Вместе с тем и среди них выделяется определенная доминанта – это Компонент 3 (включающий набор элементов, характеризующих экономику Беларуси), доля отнесенных к нему предложений составляет 27,5% от общего числа. Затем с незначительным отрывом следует Компонент 2 (объединивший элементы, связанные с политико-правовыми аспектами белорусского государства) – 27,2%. На долю Компонента 4 (качества белорусов) пришлось 18,6% предложений (см. таблицу).

Структура стереотипного образа Беларуси

Компонент	Элемент	Типичные элементарные обоснования	Частота встречаемости элемента, %
Компонент 1 – природно-климатические и географические особенности Беларуси	Лес, природа	«Беловежская пуца», «белорусские леса и болота», «зубры», «природа», «красивая природа», «страна, где есть Полесье, болота, леса»	3,3
	Города	«Бобруйск», «красивые города», «Минск», «столица Минск», «красивый город Минск»	3,0
	Ресурсы	«торф», «торфяные залежи», «богатые природные ресурсы», «богатые ресурсы», «страна с богатыми природными ресурсами», «страна, богатая лесами и животными», «хранилище природных ресурсов»	2,4
	Территория, географическое положение	«маленькая страна», «страна, не Европа», «центр Европы», «близкие соседи наши», «соседи», «соседнее государство»	3,6
<i>Итого</i>			12,3
Компонент 2 – политико-правовые аспекты белорусского государства	Президент Лукашенко	«бабушка Лукашенко», «Лукашенко», «Лукашенко – вечный президент», «Лукашенко – бессменный президент», «бессменный руководитель страны – Лукашенко»	8,7
	Политико-правовой режим	а) <i>демократический</i> : «Демократия», «старое СССР сохранено и построено новое демократическое государство», «законность», «патриотизм», «одни патриоты» «свободная страна»; б) <i>антидемократический</i> : «диктатура», «жесткая политика Лукашенко», «закрытая страна», «запрет свободы слова», «несправедливость», «отсутствие демократии в течение многих лет, отсутствие свободы слова», «отсутствие свободы, прав, диктатура»	10,5
	Уровень развития государства	а) <i>развитое государство</i> : «развитая страна», «высокий уровень развития государства»; б) <i>неразвитое государство</i> : «отсталое государство», «пассивная страна»	1,2
	Социальное государство	«Социализм», «страна, где люди более социально защищены, чем в России», «страна, у которой приоритет социального развития», «власть заботится о людях»	2,4
	Союзное государство	«Союзник», «союзное государство», «страна – наш союзник по СНГ», «страна, которая нас не подведет», «одна из немногих стран бывшего СССР, которая не прекратила сотрудничество с Россией по большинству сфер», «часть СНГ»	3,6
	Беларуся как часть России	«Республика нашей Родины», «часть нашей страны», «Беларусю воспринимаю как Россию...»	0,9
<i>Итого</i>			27,2

Продолжение таблицы

Компонент	Элемент	Типичные элементарные обоснования	Частота встречаемости элемента, %
Компонент 3 – экономика Беларуси	Экономическое сотрудничество с РФ	«Деловой партнер», «хорошая страна для инвестиций», «экономический союз с Россией и Казахстаном», «гастарбайтеры», «дешевая рабочая сила»	1,5
	Белорусские товары	а) <i>товары продовольственные</i> : «бульба (картошка)», «вкусная картошка», «картофель – основная культура», «клюква», «Зубровка», «основная продукция сельского хозяйства – картошка», «страна с картошкой, но без газа»; б) <i>товары непродовольственные</i> : «белорусская одежда», «белорусская одежда из натуральных материалов», «хороший трикотаж», «белье (Милавица)», «косметика», «хорошая мебель», «машины БелАЗ», «мотоцикл “Минск”», «трактора знаменитые – “Беларусь”», «холодильник “Минск”»	14,4
	Уровень экономического развития	а) <i>экономически развитая страна</i> : «имеется тракторный завод», «развита легкая промышленность», «развитие машиностроения», «место, где есть фабрики, заводы, рабочие места», «страна с хорошо развивающейся экономикой», «сельское хозяйство»; б) <i>бедная, слабо развитая страна</i> : «бедность», «низкий уровень жизни», «слаборазвитая экономика», «страна без газа», «финансовая нестабильность», «экономически отсталая страна»	8,4
	Белорусская валюта	«Валюта – “зайчики”», «денежная единица – зайчики»	0,9
	Низкие цены	«Недорогие вещи», «низкие цены», «низкие цены на все», «дешевые машины»	1,2
	Порядок	«Страна, где есть порядок», «чистота», «хорошие дороги», «хорошие широкие дороги, чистота»	1,2
<i>Итого</i>			27,5
Компонент 4 – этнокультурные особенности белорусского народа, качества, черты характера, присущими жителям Беларуси	Этническая принадлежность жителей Беларуси	«Белорусский народ», «белорусский язык», «белорусы народность», «смехотворный язык», «смешное название денег»	1,2
	Этнокультурное единство, братство с русскими	«Близкие по духу люди», «брат славян», «братская страна России», «братский народ», «братья славяне», «жители которой близки русским по духу и житейским понятиям», «наши братья», «наши друзья в области религии и общих интересов»	3,9
	Качества белорусов	а) <i>деятельностные</i> : «работяги», «трудолюбивые люди», «трудолюбие», «нахлебники»; б) <i>коммуникативные</i> : «доброжелательность», «дружба», «доброжелательный народ», «дружелюбный народ», «коллективные», «миролюбие», «мстительность», «отзывчивые люди», «страна с миролюбивым и дружественным народом», «хамы»; в) <i>нравственные</i> : «доброта белорусов», «добрый, хороший народ», «нравственность», «страна, где проживают порядочные люди», «негодяи»	13,5
<i>Итого</i>			18,6
Компонент 5 – культура и искусство Беларуси	Музыкальная культура	«Сябры», «группа Ляпис Трубецкой», «песенный край», «славянский базар (фестиваль)», «народные танцы»	1,5
	Культурно-историческое наследие	«Где много достопримечательностей, памятников культуры, памятников истории», «государство с мощным культурным наследием», «старая архитектура»	0,9
	Прочие достижения в сфере культуры	«Команда КВН “ЧП”», «талантливая страна», «хоккей»	0,9
<i>Итого</i>			3,3

Окончание таблицы

Компонент	Элемент	Типичные элементарные обоснования	Частота встречаемости элемента, %
Компонент 6 – историческое прошлое Беларуси	Беларусь в Великой Отечественной войне	«Брестская крепость», «город-герой Брест», «жертвы войны», «операция “Багратион”», «партизаны», «победа в ВОВ», «последствия войны», «страна, пострадавшая от фашистов», «страна, где было широкое партизанское движение»	3,9
	Беларусь в составе СССР	«Бывшая республика СССР», «одна из бывших республик, входящих в состав СССР», «одна из стран бывшего Советского Союза», «страна, входившая в СССР»	1,8
	Исторические связи с Россией	«Соседи России, имеют одну историю», «страна с богатой историей, с древних времен связанной с Россией – тогда еще Русью» «страна, которая имеет с Россией общие корни», «страна, близкая России по духу, по истории», «часть единой Руси, историческая часть»	1,5
<i>Итого</i>			7,2
Компонент 7 – личные оценки, отношения, интенции	–	«Страна, где живут мои знакомые», «страна, которую я хотела бы посетить», «хотелось бы там побывать», «где я была очень много раз», «мне нравится эта страна»	1,8
Единичные варианты	–	–	2,1
<i>Всего</i>			100

Заключение. Таким образом, респонденты ассоциируют и представляют Беларусь прежде всего через ее экономику, политику и народ.

Внутреннее содержание компонентов неоднородно. Среди составивших компоненты элементов явно выделяются по частоте упоминания одни, и лишь изредка другие. Таковую же ситуацию мы наблюдаем и в отношении элементарных смысловых обоснований. Это позволяет нам определить степень согласованности в отношении тех или иных характеристик, приписанных качеств.

Наибольшая степень согласованности проявляется в таких элементах, как белорусские товары (14,4%), качества белорусов (13,5%), политико-правовой режим (10,5%), президент Лукашенко (8,7%), уровень экономического развития (8,4%). Среди составивших их элементарных обоснований с равной частотой абсолютно лидируют «Лукашенко» и «картошка», в некотором отрыве от них – «братский народ», «доброта» и «дружелюбие».

На основе эмоционального компонента стереотипа в исследовании вырисовываются два противоположных образа Беларуси – «позитивный» и «негативный». По степени интенсивности в целом преобладает «позитивный» образ. Однако в отдельных компонентах и элементах «негатив» явно доминирует. Например, в компоненте 2 (политико-правовые аспекты белорусского государства) в элементе политико-

правовой режим доля элементарных обоснований, характеризующих Беларусь как антидемократическое государство, почти на треть больше, чем тех, которые характеризуют ее прямо или косвенно как демократию (6,3% против 4,2%).

Этнические стереотипы – это, своего рода «культурные» образования. Они естественны и неизбежны до тех пор, пока будут существовать народы и этнические группы [1, с. 67]. Вместе с тем значительное влияние на стереотипы оказывают реальные межэтнические отношения.

Литература

1. Солдатова, Г. У. Психология межэтнической напряженности / Г. У. Солдатова. – М.: Смысл, 1998. – 389 с.
2. Платонов, Ю. П. Этническая психология / Ю. П. Платонов. – СПб.: Речь, 2001. – 319 с.
3. Татарова, Г. Г. Метод неоконченных предложений в изучении образа «культурный человек» / Г. Г. Татарова, А. В. Бурлов // Социология: методология, методы и математическое моделирование (Социология: 4М). – 1997. – № 9. – С. 5–64.
4. Бурлов, А. В. Логическая организация анализа данных, полученных методом неоконченных предложений / А. В. Бурлов, Г. Г. Татарова // Социологические исследования. – 1999. – № 8. – С. 123–133.

Поступила 30.03.2013

УДК 1(091)+355.01

И. Н. Сидоренко, кандидат философских наук, доцент (Военная академия Республики Беларусь)**АНТИНОМИЯ ВОЙНЫ И МИРА В ФИЛОСОФИИ Я. ПАТОЧКИ**

В статье анализируется экзистенциально-феноменологический подход чешского философа Яна Паточки к определению природы войны. Автор статьи рассматривает данный подход как одну из попыток рационализации войны, в данном случае – через раскрытие антиномичной природы социального бытия как противоречивого единства войны и мира, при котором война предстает как стремление к миру, а мир – как подготовка к войне. Современная ситуация социально-экономического кризиса, непрекращающиеся военные конфликты и терроризм доказывают неспособность человека победить в войне, которая стала «борьбой за мир», так как в глобализирующемся мире условием возможности мира уже давно стала война, а мир уже давно перестал быть мирным.

The article analyzes the existential-phenomenological approach of the Czech philosopher Jan Patočka to determine the nature of the war. The author considers this approach as one of the attempts to rationalize the war, in this case, through the disclosure antinomic nature of social existence as a contradictory unity of war and peace in which war is presented as a desire for peace, and the world – as a preparation for war. The current situation of social and economic crisis, the ongoing military conflict and terrorism prove man's inability to win the war, which has become a "struggle for peace", as in a globalizing world, the condition of possibility of the peace has long been a war, and the world has long ceased to be peaceful.

Введение. Сама постановка философского вопроса о сущности войны является проблемой, так как, находясь за рамками рационализации, война выносится и за рамки человеческого, исключается из сферы нормального, признается чем-то алогичным. Однако, с другой стороны, война является «пограничным» социальным явлением как в контексте проблематики смерти и экзистенции человека, так и в качестве бифуркационной неопределенности исторического бытия в этом социальном конфликте. Экзистенциально-феноменологический подход чешского философа Яна Паточки разрешает обозначенное выше противоречие философского анализа войны, а именно: единство онтологической неизбежности и проблематичности рационализации войны.

В своем эссе «Войны XX века и XX век как война» Я. Паточка, реализуя экзистенциально-феноменологический подход к определению сущности войны, раскрывает антиномичную природу социального бытия как противоречивого единства войны и мира: война как стремление к миру и мир как подготовка к войне. В частности, антиномичность Второй мировой войны проявляется в том, что она не закончилась, а перешла в какое-то странное состояние, которое нельзя четко определить ни как война, ни как мир. Антиномичность войны проявляется в том, что она рассматривается всегда с позиции «мира, дня и жизни», что в итоге, с точки зрения чешского философа, исключает темную, ночную сторону жизни.

Основная часть. Причины и особенности ведения войн вплоть до XX века предполагали

их частный характер. Другими словами, война представляла собой не отрицание, а, наоборот, подтверждение мира. Если в осуществлении заботы о войне не иметь в виду конечную цель – мир, то агрессивная сила, пробуждаемая войной, захлестнет государство, создав опасность его уничтожения. Таким образом, окончание войн должно было подразумевать обеспечение мира, что в итоге изначально наделяло войну возможностью быть рационализированной. Однако уже Первая мировая война утрачивает эту возможность вместе с утратой частного характера, что свидетельствует о стирании грани между войной и миром. Так, мир теряет свою общезначимость и всеобщность, а война – свою позитивную цель. В качестве такой позитивной цели, если использовать терминологию Г. Гегеля, может выступать «потрясение», которое необходимо гражданской жизни, чтобы она не окостенела. Поэтому объяснение войн XX века с позиции войн XIX века неправомерно, так как не раскрывает сущности современной войны и не постигает основополагающих принципов XX века как «эпохи ночи».

Я. Паточка в своем эссе поставил задачу разъяснить природу войн XX века, отметив при этом: «То, что сама война может что-то объяснить, что она сама по себе имеет силу, наделяющую смыслом, – эта идея чужда всем философиям истории, а поэтому и всем известным нам экспликациям мировой войны» [1, с. 149]. Истолковывая мировую войну через открытие феномена ночи, Я. Паточка опирается на «Летопись военного времени» Тейяра де Шардена,

отмечая при этом, что величайший опыт фронта и пребывания на линии огня заключается именно в том, что он заставил увидеть ночь и уже не позволяет забыть о ней. Несмотря на то, что с позиции дня жизнь представляет собой высшую ценность, которая правит человеком через требование избегать опасности смерти, на фронте она уступает место жертве, в которой обнаруживается свобода от всех интересов мира, жизни и дня, так как от тех, кто «приносятся в жертву, требуется лишь выдержка перед лицом смерти». Таким образом, вслед за Шарденом Паточка повторяет, что самое глубокое открытие фронта состоит в переживании «обрыва жизни в ночь, борьбу и смерть, осознание, что их нельзя списать со счетов жизни, хотя с точки зрения дня они кажутся просто небытием» [1, с. 151].

Риторика XX века как «эпохи ночи, войны и смерти» не может быть описана в терминах XIX века. Являясь, согласно Я. Паточке, следствием онаучивания, война, тем не менее, не поддается рационализации, поскольку не имеет смысла в себе самой. Что же означает его утверждение о том, что Вторая мировая война не закончилась, а перешла в странное состояние «ни войны, ни мира»? Используя его определение войны через феномен ночи, можно ответить так: мир властвует над человеком через угрозу смерти, а воля к войне ориентируется на будущее поколение, т. е. на мир. Таким образом, война сопутствует миру, закрывающему глаза на смерть.

Различие между войнами Я. Паточка видит в их идейности. Войны всегда проходили на фоне всеобщего убеждения в наличии позитивной идеи, например, идеи о том, что разум управляет миром. Что же касается войн XX века, то их питает идея о том, что не существует никакого вечного объективного смысла мира и вещей и что смысл можно установить только посредством силы. Первая мировая война определила весь характер XX столетия прежде всего потому, что показала, что «преобразование мира в лабораторию, где актуализируются запасы энергии, аккумулированные на протяжении миллиардов лет, должно осуществляться именно посредством войны. Поэтому война имела значение определяющего прорыва в том понимании сущего, исток которого принадлежит XVII веку и которое связано с возникновением механистического естествознания, с отстранением всех «конвенций», стоящих на пути этого высвобождения силы, – путем переоценки всех ценностей под знаком силы» [1, с. 154]. В силу этого энергетическое преобразование мира должно происходить посредством войны, потому что война

как крайняя форма столкновения является самым интенсивным средством быстрого высвобождения аккумулированных сил.

Мысли о войне Я. Паточки созвучны идеям немецкого мыслителя Э. Юнгера. Более того, творчество Э. Юнгера позволило Я. Паточке взглянуть на Первую мировую войну как на прорыв в преобразовании XX века. Объединяет их и претензия на определение метафизического характера мировой войны. Так, в частности у Э. Юнгера, метафизический характер войны есть не что иное, как тотальная мобилизация, выступающая в форме технической революции. Я. Паточка раскрывает метафизическое основание преобразующей силы, разрушающей иллюзорность мира. Переживание войны и описание фронтового опыта занимают одно из центральных мест в мироощущениях Э. Юнгера и Я. Паточки. Поэтому нет ничего удивительного в том, что оба мыслителя воспринимают Первую мировую войну как событие, радикально определившее исторические черты новой эпохи, ознаменовавшее поворот, смену эпох. Так, например, в событии войны Э. Юнгер открывает огромный революционный потенциал, а именно, благодаря осмыслению войны как космического феномена жизни, примиряющего и объединяющего в себе дневную и ночную стороны, он фиксирует переход войны из частичного состояния в состояние тотальное. Такое понимание войны как тотальности позволяет Э. Юнгеру увидеть в технической революции современности скрытый «военный потенциал», выражающийся в том, что техника, обнажая свой военный характер, одновременно выдает свою связь с жизнью, является «инструментом жизни». Так, военный потенциал техники открывает возможность для преобразования мира, смены эпох. Вот как об этом пишет Э. Юнгер: «В смертельно искрящихся зеркалах сражения военной техники мы узрели крушение безнадежно потерянной эпохи» [2, с. 451]. Таким образом, в эпоху масс и машин образ войны вписывается в повседневную жизнь, становится составляющей мира. При этом, как отмечает Я. Паточка, силы дня, которые на протяжении XX века посылали миллионы людей в огненную геенну войны, не умирают, а только исчерпываются, и им все равно, уничтожать или организовывать массы.

В раскрытии природы войны у Я. Паточки прослеживаются и экзистенциальные мотивы. Он обращается к описаниям фронтового опыта Э. Юнгера и Тейяра-де-Шардена, испытавшим потрясение фронта, которое можно определить не просто как травму, а как основополагающее изменение в человеческом существовании. Несомненно, война как фронт отмечает

человека навсегда, проявляя экзистенциальный ужас, отличный от страха, боязни. Подчеркнем, что речь у Я. Паточки не идет о военной романтике и притягательности гибели, «то, что овладевает человеком на фронте, – это подавляющее все чувства ощущение смысловой полноты, которую, однако, трудно выразить с помощью слов» [1, с. 155–156]. Я. Паточка, анализируя фронтовой опыт, выделяет в его переживании несколько фаз.

Первая фаза – это переживание бессмысленности, абсурдности фронта и невыносимого ужаса. Осмысленной здесь остается только мысль о том, что мир, порождающий нечто подобное, должен исчезнуть. В силу этого второй фазой становится активное неприятие, которое выдается как борьба за мир. Ее следствием становится то, что, едва столкнувшись с потрясением мира, человек вновь «захватывается» силами мира, мобилизуясь для новой борьбы. Так, бессмысленность прежней жизни и войны учреждает смысл новой войны, войны против войны. Победа в такой войне является лишь видимостью, благодаря которой готовится будущее поражение, а поражение приводит к возникновению новых битв. То, что действительно побеждает в этой борьбе, – это сила, использующая мир как средство войны.

Так мир становится составной частью войны. Именно поэтому, отмечает Я. Паточка, Германия оказалась способной к повторению драмы 1914 года, т. е. способной ни к чему иному, как к повтору, сопровождаемому еще более бессмысленной военной машинерией, более изощренными актами насилия, мести и *ressentiment*. С точки зрения Я. Паточки, мир, жизнь, день властвуют над человеком при помощи смерти и угрозы для жизни. В воле к войне, таким образом, господствуют день и жизнь, использующие смерть. Воля к войне рассчитывает на будущие поколения, а значит, в ней господствует мир. Таким образом, от войны невозможно избавиться, так как, вооружаясь для защиты мира и тем самым подчиняясь господству жизни, мы обрекаем себя на войну.

Что касается третьей фазы переживания опыта фронта, то она связана с тем, что этот опыт взывает к ночи, даря абсолютную свободу. Мир, во имя которого мы ведем войны, господствует, посылая одних на смерть для того, чтобы у других был завтрашний день. Как уже было отмечено, от тех же, кого приносят в жертву, требуется выдержка перед лицом смерти. Наступает понимание того, что жизнь – это не все, от нее самой можно отказаться. С позиции мира и дня именно этот отказ и требуется. Опыт же фронта – это

абсолютный опыт, дающий возможность постигнуть абсолютную свободу, «свободу от всех интересов мира, дня и жизни». Оказаться способным к такой свободе, быть призванным в мир, который посредством конфликта мобилизует силу, – это значит одновременно преодолеть эту силу, суметь противостоять миру, ставшему волей к войне и опредметившему человека, «вывернув его наизнанку». Ночь, если следовать мысли Я. Паточки, раскрывает предельную возможность для жертвы провозгласить себя в качестве «истинной надындивидуальности». Враг перестает быть абсолютным противником, он становится соучастником постижения опыта абсолютной свободы, тем, с кем возможно «согласие в разногласии». Именно так, согласно мысли чешского философа, проявляется солидарность потрясенных вопреки противостоянию. Четвертой, и последней, фазой становится открытие наличия жизни в ночи, в смерти, преобразование жизненного смысла на границе с «ничто», что в итоге приводит к пониманию того, что именно сама жизнь и порождает войну, а война как средство силы, служащее ее высвобождению, не может закончиться сама собой. Я. Паточка сожалеет, что опыт абсолютной свободы, объединивший врагов в акте солидарности, не нашел применения в истории XX века, породившей такой феномен, как «война против войны».

Закключение. Вывод очевиден и печален, размах социально-экономического кризиса, нищета в странах «третьего мира», военные конфликты и терроризм доказывают неспособность человека глобализирующегося мира победить в войне, которая понимается как «борьба за мир», ведь условием возможности мира уже давно стала война, а мир уже давно перестал быть мирным. Я. Паточка видит только один выход из сложившейся ситуации – это реализация солидарности потрясенных, тех, кто понимает и не остается равнодушным и в чьих руках поэтому потенциально находятся все силы. В силу этого солидарность потрясенных может противостоять всем тем мобилизационным мероприятиям, делающим состояние войны непрерывным.

Литература

1. Паточка, Я. Еретические эссе о философии истории / Я. Паточка; пер. с чеш. П. Прилуцкого; под ред. О. Шпараги. – Минск: И. П. Логвинов, 2008. – 204 с.

2. Juenger, E. Feuer und Blut / E. Juenger. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1978. – 584 s.

Поступила 07.03.2013

УДК 0.88

В. В. Криворотько, кандидат философских наук, доцент (БГТУ)
**ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМ И СОЦИОБИОСФЕРНЫЙ ЭТАП
РАЗВИТИЯ ГЕОВЕРСУМА**

В статье рассмотрены проблемы взаимосвязи постиндустриальной модели развития цивилизации и ее геOVERСУМА. Главное внимание уделено некоторым аспектам деструктивного влияния техногенного социума на социобиосферу. Указывается на необходимость поиска новых стратегий «самодостаточного» развития геOVERСУМА.

In the article problems of relations a postindustrials model development modern civilization and it geOVERSUM are considered. The main attention is paid to some aspects of the destructive influences of technogenic society on a sociobiosphere. It is indicated the need of search of a new strategy of "self-sufficient" development of the geOVERSUM.

Введение. В начале нового тысячелетия наиболее актуальными вопросами научных изысканий по-прежнему остаются проблемы взаимодействия общества и природы. Парадигма постиндустриализма как панацея выхода современной цивилизации на устойчивый характер развития не оправдывает ожидания человечества. По мнению ряда авторитетных исследователей [1, 2], в рамках «западной модели» развития общества в принципе невозможно решить глобальные проблемы современности. Необходимы новые концептуальные подходы в поиске альтернативных вариантов устойчивого развития социума и биосферы.

Основная часть. Современными «маркерами» постиндустриализма становятся глобальные трансформации основных фундаментальных характеристик бытия: пространства и времени. Конкретизация этих представлений ярко иллюстрируется динамикой современного геOVERСУМА. ГеOVERСУМ – системное пространство Земли, включающее не только абиотические, биотические и биокосные компоненты природы, но и социально-техногенные (в том числе и духовные) компоненты социобиосферного общества, возникшего в ходе развития индустриального, а затем и постиндустриального социума.

Сегодня в условиях функционирования постиндустриальной модели развития общества начала доминировать тенденция к «гомогенизации», или сокращению, геОПРОСТРАНСТВА биосферы. Нелинейные процессы постоянно сопровождают функционирование геОБОЛОЧКИ земли, приводя к появлению флуктуаций в ее структуре, а затем и к эмерджентным изменениям. В результате возникают свойства асимметрии геOVERСУМА, которые проявляют себя в возникновении «многослойности», или «полиморфности», географической оболочки Земли. Пространственное-временное «сжатие» мира прежде всего связано с объективным процессом усиления влияния социума (общественной подсистемы) на природную (геосферную) состав-

ляющую геOVERСУМА, что вызывает необратимые глобальные последствия в его развитии. Это привело к возникновению так называемого «социобиосферного эффекта», положив начало становлению и функционированию новой исторической природно-социальной целостности – «социобиосферы», компонентами которой являются подсистемы социума и биосферы [3]. Принципиально важным положением является то, что в рамках этой новой исторической целостности зародился индустриальный тип цивилизации, который затем эволюционировал в постиндустриальную фазу своего развития.

Характер и особенности постиндустриального этапа развития нашей цивилизации деструктивно влияет на функционирование социобиосферы. Этот этап усилил вовлеченность человеческой цивилизации в ноосферный круговорот, однако, к великому сожалению, не привел к снятию фундаментального противоречия между ценностными установками на стандарты массового потребления и природной емкостью самого геOVERСУМА. Сторонники постиндустриализма декларируют, что переход к техногенным технологиям (генная инженерия, микроэлектронные, информационные приложения и т. д.) позволят на основе использования информации значительно уменьшить потребление материальных компонентов геOVERСУМА (биоты, минерально-энергетических ресурсов). Однако, как справедливо отмечают специалисты в области информационных технологий, сама информация существует лишь на основе энергии, которую нужно иметь обществу не только для собственного развития, но для развития тех же высоких технологий. Более того, фаза постиндустриального развития общества предполагает стремление к максимальному потреблению энергии и ресурсов геOVERСУМА как важнейшего условия своего существования.

Техногенный путь развития современной цивилизации вступает в острое противостояние с объективными законами развития геOVERСУМА.

Современные «сервисные», «игровые» технологии не вписываются в рамки емкости современного геOVERСУМА и по своему характеру являются «антиприродными» современной социобиосфере, ведут к разрушению ее биоты. Это связано с тем, что сама техника (научно-технический прогресс) не в состоянии решить проблему отчуждения продуктов своей деятельности от природы самой биосферы, тем самым подводя последнюю к неизбежному экологическому коллапсу.

Примат потребительской культуры постиндустриального развития требует все возрастающего поглощения ресурсов географической среды стран «третьего» мира, стимулируя экспансию к господству над природными и человеческими ресурсами уже всей ойкумены. Сегодня можно утверждать, что эти страны – «доноры постиндустриальной сверхэкономики», а точнее ресурсные доноры «золотого миллиарда» – становятся заложниками западной модели развития, но только на условиях своих сырьевых придатков. Именно в этих странах (Африки, Латинской Америки и ряда стран Юго-Восточной Азии), имеющих крупнейшие мировые запасы углеводородов, руд цветных и редкоземельных металлов, урана, а также дешевой рабочей силы и т. д., наблюдается их грабительское расхищение. В результате усиливается нарушение равновесия в геосистемах, ведущее к загрязнению окружающей среды, увеличению смертности, распространению новых заболеваний вроде птичьего гриппа, СПИДа, атипичной пневмонии и т. п.

Развитие «сверхэкономики» постиндустриализма трансформирует социобиосферу в техносферу (антропосферу), естественные компоненты заменяются искусственными, создается социотехногенная цивилизация человечества, в которой биота представляет собой лишь необходимый «субстрат» для сверхпотребления. Процесс социотехногенеза в рамках постиндустриальной модели развития формирует новую конфигурацию глобального «социотехнического» пространства Земли. Особенность этого геопространства состоит в том, что природные ландшафты (геобиосистемы) преобразуются в окультуренные формы, всецело зависящие от процесса культуро- и социогенеза. Ландшафтное разнообразие стремительно сокращается как в структурном, так и в пространственном отношении. Другими словами, ландшафты, как геофизические системы, функционируют и развиваются по природным закономерностям, сегодня начинают испытывать на себе процесс трансформации (перерождения) в геотехногенные территориальные комплексы.

Последние могут устойчиво развиваться только при условии постоянного контроля со стороны социума. Все это ведет к повышению уровня энтропии геOVERСУМА. Поэтому существует большая вероятность того, что в ходе дальнейшего развития процесса социогенеза и культурогенеза в рамках современной социосферы произойдет структурная перестройка последней, в которой в большей степени будут преобладать элементы структуры антропосферной организации Земли с очень низким уровнем устойчивого развития.

Постиндустриальный этап общественного развития приводит к детерминации человека как биологического, социального и духовного существа, отводя ему роль только функционального элемента современных технологий («генной инженерии», молекулярной биологии, микроэлектронных приложений и т. д.). Феномен человека редуцируется к своему биологическому основанию (субстрату), для которого потребление становится основной экзистенцией своего бытия. Человек постепенно начинает терять свою индивидуальность, критичность, самодостаточность, становясь все более зависимым от наличия и развития постиндустриальных технологий и их всевозможных приложений. Для удовлетворения растущего спроса на глобальное потребление в рамках постиндустриализма увеличивается количество генномодифицированных продуктов, которые вытесняют естественные, натуральные продукты питания. Они, по мнению специалистов, приводят к антропологическим изменениям, мутациям, а затем и к вырождению самой человеческой популяции.

Постиндустриальный глобализм трансформирует традиционные общечеловеческие ценности: социальную справедливость, добро, сострадание, органическое единство с природой и т. п., – сводя их к вульгарному утилитаризму и прагматизму, формируя потребительское сознание, в котором геOVERСУМ предстает преимущественно как объект общества потребления. Человеческая личность под воздействием средств массовой информации, интернета начинает приобретать черты и характер рыночной экономики, модели потребительского сознания, в которых идеи неоллиберализма вытесняют фундаментальные общечеловеческие ценности, подменяя их контркультурными установками. Аксиологическими основаниями постиндустриального развития социума становятся потребительство и утилитаризм. В их основе лежат принципы антропоцентризма и социоцентризма, провозглашающие приоритет техноцентрической модели развития общества в рамках геOVERСУМА.

Итак, «эпоха разобщенности» бросает ошеломительный вызов мировому сообществу: есть ли альтернативные пути устойчивого развития геоверсума? В последнее время появляются исследования, констатирующие, что современная цивилизация с ее ведущими индустриальными державами постепенно вступает в стадию «неоиндустриального» развития. Отличительной характеристикой этой модели западного развития стала переориентация внимания производителей на реальный сектор экономики (выпуск средств производства на основе высоких технологий) [4]. Однако, как подчеркивают аналитики, это не меняет, в принципе, тенденцию возрастания зависимости неоиндустриальной модели социума от природных ресурсов геоверсума. Это свидетельствует о том, что фундаментальное противоречие между законами развития природы и возрастающими потребностями социума не разрешены. Необходимы новые стратегии для выхода современной цивилизации на уровень так называемого «самодостаточного» развития.

Заключение. Поиск новых подходов и принципов выхода цивилизации на «самодостаточный» уровень развития возможен на основе синтеза знаний экософии, синергетики, а также полидисциплинарных наук, в частности общей географии, фокусирующих в себе фундамен-

тальные основания для формирования новой шкалы общечеловеческих ценностей, необходимых для обеспечения безопасного существования человечества в рамках геоверсума.

В связи с этим в рамках ноосферного видения необходима разработка и конкретизация основных представлений о современном геоверсуме и социобиосферном этапе его развития.

Литература

1. Постиндустриализм. Опыт критического анализа / В. И. Якунин [и др.]. – М.: Научный эксперт, 2012. – 288 с.

2. Водопьянов, П. А. Постиндустриализм: проблемы и перспективы развития / П. А. Водопьянов, Ч. С. Кирвель // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 75–79.

3. Шальнев, В. А. Общая география: миф или реальность / В. А. Шальнев, Е. А. Ляшенко // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. – 2009. – Т. 7 (21). – С. 15–24.

4. Губанов, С. С. Неоиндустриализм плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) / С. С. Губанов // Экономист. – 2008. – № 9. – С. 3–27.

Поступила 25.03.2013

УДК 378:33

М. В. Подручный, ассистент (БГТУ)**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СИНТЕЗА
ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО И СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ**

Статья посвящена сравнительному анализу специфики естественнонаучного и социогуманитарного познания в методологической и исторической перспективах. Тенденции конвергенции, характерные для современного этапа развития естествознания и обществоведения, требуют ревидии и анализа метатеоретических оснований научного познания в его транс- и междисциплинарных формах. В качестве одной из синтетических методологий рассмотрено учение глобального эволюционизма.

The article is devoted to a comparative analysis of the specifics of the natural sciences and social and humanitarian knowledge in the methodological and historical prospects. Trends of convergence characteristic to the present stage of development of natural science and social science require revision of meta-theoretical foundations of scientific knowledge in its trans- and interdisciplinary forms.

Введение. Глобальность проблем, обострившихся к началу XXI века, делают актуальным переосмысление способов взаимодействия человека и природы. Новому, более высокому уровню техники и технологии должна соответствовать новая, более высокая ступень развития человеческого общества в целом и самого человека в их взаимодействии с природой. Возникает задача целостного, гармонического развития духовных и материальных сил человека. А путь к ее решению лежит не в дифференциации, т. е. не в разобщении естественных и гуманитарных знаний, но в их интеграции.

Новизна данной темы заключается в том, что до сих пор не рассматривался синтез комплекса социогуманитарных наук и естествознания. Тема синтеза различных отраслей науки и техники начала волновать отечественных ученых уже в 60-х гг. XX века, когда утвердились новые дисциплины: кибернетика, теория связи и теория информации. Именно тогда лингвист В. А. Звегинцев указывал на необходимость объединения разных областей знания для решения проблемы машинного перевода. В начале 80-х гг. интерес к этой проблеме усилился. Стало ясно, что частнонаучными методами проблему не решить. Тогда к представителям частных наук (как естественных, так и общественных) примкнули философы. Были изданы сборники статей «Методологические проблемы взаимодействия общественных, естественных и технических наук» и «Гуманитарное знание. Сущность и функции», в которых философами и учеными анализировались отличительные черты разных наук и проблема синтеза общественных и естественных наук с техническими. В сборнике «Природа науки. Гносеологический аспект» уже появляется термин «социогуманитарные науки». В 1995 г. вышла любопытная книга Г. Д. Гачева «Книга удивлений, или Естествознание глазами гуманитария (образы в

науке)», название которой говорит само за себя. Из работ последних лет следует отметить фундаментальный труд В. С. Степина «Теоретическое знание», где утверждается мысль о том, что на современном этапе развития науки комплексные проблемы можно решить, лишь объединив различные отрасли знания.

Основная часть. М. М. Бахтин отмечал, что «гуманитарные науки – это науки о человеке в его специфике» [1, с. 45–48]. Не просто человек во всем многообразии его проявления, но человеческое – основная характеристика предмета гуманитарнонаучного знания. Экскурс в историю гуманитарного знания обнаруживает, что «специфически человеческое», человечность в античности, в средние века и в новое время понимали весьма различно. В зависимости от этого в корпусе знания об этом феномене выдвигаются те или иные дисциплины, содержание гуманитарного знания меняется. Личность и индивидуальность представляют собой общественные феномены и являются социальными характеристиками человека.

Естественнонаучное и социогуманитарное знание качественно отличаются друг от друга. Объектом познания для естественнонаучного знания является природа, субъектом познания – человек. Этот вид знания носит «объективный» характер. Методами познания являются количественные и экспериментальные, установка в методологии нацелена на анализ. Для социогуманитарного знания объектом и одновременно субъектом познания служит человек. Сам вид знания носит оценочный характер, а среди методов познания можно назвать историко-описательный, историко-сравнительный, функциональный и другие, предполагающие интерпретацию автора. Установка в методологии социогуманитарного знания делается на синтез. В свою очередь, социогуманитарное знание можно подразделить на социальное и

гуманитарное, при этом каждая область имеет свою специфику.

Особенностями социального знания являются выяснение закономерностей, определяющих устойчивость и изменения в социокультурной жизни, анализ факторов, влияющих на поведение людей. Объект познания составляет общество, а предмет – социальные связи и взаимодействия, особенности функционирования социальных групп. К социальным наукам принадлежат: социология, политология, право, политическая экономия, экономика. Ведущая познавательная ориентация социальных наук заключается в том, что познание:

– строится на эмпирическом и рациональном методическом фундаменте, социальные факты рассматриваются как «вещи» (Э. Дюркгейм);

– приобретает характер прикладных исследований; включает разработку моделей, проектов, программ регионального социокультурного развития.

Особенностью гуманитарного знания является то, что происходит разделение собственно научной составляющей гуманитарного знания и эзотерического знания, основанного на чувствовании, интуиции, вере. Объект гуманитарного, так же как и социального, познания составляет человек, однако предметом являются: уникальное, неповторимое, во взаимосвязи с понятием личности; проблемы внутреннего мира человека, жизни его духа.

Ведущие познавательные ориентации гуманитарных наук состоят в рефлексии по поводу социокультурного смысла факта; рассмотрении в качестве текста любой знаково-символической системы, имеющей социокультурный смысл; предположении диалогичности.

Человеческая индивидуальность, личность, будучи активным началом, связующим все общественные отношения, воспроизводит эти отношения, манифестируя себя таким образом, в частности, в текстах. Текст – не только как письменная фиксация речи, но шире – как связанный знаковый комплекс, значащая, содержащая смысл система – является следующим, производным от личности и человеческой индивидуальности уровнем предмета гуманитарного знания. Текст в данной трактовке выступает, в частности, предметом гуманитарных наук.

Одной из важнейших характеристик гуманитарного знания является диалогичность. Диалогичность неразрывно связана с пониманием как методом гуманитарных исследований. Гуманистический диалог можно охарактеризовать как «столкновение различных умов, разных истин, несходных культурных традиций, составляющих единый ум, единую истину и общую культуру» [2, с. 137]. Гуманистическому

диалогу присуще такое толкование синтеза, при котором в единой истине сохраняются истины спорящих сторон. Иначе говоря, единая истина как результат синтеза в диалоге – это плюрализм истин. В гуманистическом диалоге нет развития, а есть инвариантность истин. Такое понимание синтеза в диалоге было обусловлено природой гуманистической культуры с ее глубоким осознанием индивидуальности в первую очередь культур и личности человека и признанием их прав на собственную точку зрения, а в конечном счете – на существование.

Основой понимания диалогичности можно считать два момента: а) квалификацию субъекта – предмета познания как уникальной, неповторимой индивидуальности; б) невозможность в формах научного, по сути дела естественнонаучного знания адекватного отражения этой индивидуальности.

Таким образом, основным и кардинальным различием социогуманитарных наук и естествознания является предмет и объект исследования. Оставив в стороне анализ различий и следуя целям данной статьи, обратим внимание на особенности того исторического этапа, в котором обрелось современное естествознание.

Существует четыре стадии познания природы: синкретическая (начиная с эпохи античности и до возникновения натурфилософии в XIII–XV вв.); аналитическая (XV–XVII вв.); синтетическая (Новое время); интегрально-дифференциальная (настоящее время).

При формировании общих натурфилософских представлений о Природе, она первоначально воспринималась как нечто принципиально целостное, единое или, во всяком случае, каким-то образом связанное воедино. Но по мере необходимой детализации конкретных знаний о Природе они оформлялись в самостоятельные разделы естествознания, прежде всего основные, а именно такие, как физика, химия, биология и психология.

Кроме того, возникли и разнообразные частные специфические разделы естествознания. Однако эту аналитическую стадию исследований Природы, связанную с детализацией естествознания и с его расчленением на отдельные части, в конце концов, должна была сменить или дополнить (как это и произошло в действительности) противоположная по своему характеру стадия их синтеза. За видимой дифференциацией естествознания обязательно следует его существенная интеграция, действительное обобщение, принципиальное углубление.

В настоящее время, вообще говоря, нет ни одной области собственно естественнонаучных исследований, которые относились бы исключительно к физике, химии или биологии в их

чистом изолированном состоянии. Биология опирается на химию и вместе с ней или непосредственно, как сама химия, – на физику. Они пронизаны общими для них законами Природы.

Основной тезис данной статьи утверждает, что в качестве основы синтеза социогуманитарного и естественнонаучного знания может выступить философия. Непосредственной целью науки является описание, объяснение и предсказание процессов и явлений действительности, составляющих предмет ее изучения, на основе открываемых ею законов. Философия всегда выполняла по отношению к науке функции методологии познания и мировоззренческой интерпретации ее результатов.

Философию объединяет с наукой также и стремление к теоретической форме построения знания, к логической доказательности своих выводов. Европейская традиция, восходящая к античности, высоко ценившая единство разума и нравственности, вместе с тем прочно связывала философию с наукой.

Итак, философия и наука довольно тесно взаимосвязаны, у них есть много общего, но есть и существенные различия. Поэтому философию нельзя однозначно причислять к науке и, наоборот, нельзя отрицать ее научность. Философия – отдельная форма познания, имеющая научные основы, проявляющая себя в тех областях научного знания и в те моменты, когда теоретический потенциал в этих областях либо мал, либо вообще отсутствует.

В стремлении быть актуальной современная философия предпринимает попытки выработать контуры универсальной научной методологической программы, которая будет учитывать и особенности интегрально-дифференциальной стадии развития естествознания, и специфику изучения общества и человека. В качестве примера такой программы можно привести учение глобального эволюционизма.

Глобальный эволюционизм – это признание невозможности существования вселенной и всех возможных порождаемых ею систем вне развития, вне эволюции. Он исходит из идеи о единстве мироздания и представления, что мир является эволюционирующей системой.

Глобальный эволюционизм включает четыре типа эволюции: космическую, химическую, социальную и биологическую, – объединяя их генетической и структурной преемственностью. Наряду со стремлением к объединению представлений о живой и неживой природе, социальной жизни и технике одной из целей глобального эволюционизма является потребность интегрировать естественно-научное, обществоведческое, гуманитарное и техническое знание, т. е. глобальный эволюционизм претендует на

создание нового типа целостного знания, сочетающего научные, методологические и философские основания. Глобальный эволюционизм – это по сути синтез системного и эволюционного подхода. Все явления взаимосвязаны, т. е. все признаки, свойства предметов обусловлены взаимодействием друг с другом и мир представляет собой универсальную систему. В этом состоит принцип системности. Иерархия системной организации мира также представляет собой последовательность этапов эволюции его формирования. Это положение составляет содержание принципа развития.

Глобальный эволюционизм позволяет сблизить идеалы естественнонаучного и социально-гуманитарного знания в рамках общенаучной картины мира. Понятия и теории отдельных наук в глобальном эволюционизме обобщаются с помощью таких фундаментальных идей, как принципы системности и самоорганизации. Сложноорганизованные, нелинейные, вариативные системы, очевидно, являются предметом как обществоведения, так и современного естествознания. Метод диалога при изучении гуманитарных процессов (общения или диалога культур) может быть успешно применен в естествознании при анализе экспериментального метода. Принципы понимания, разработанные гуманитариями, могут быть использованы для анализа особенностей естественнонаучного познания. Взаимопроникновение естественнонаучной и гуманитарной исследовательских установок в учении глобального эволюционизма можно обобщить по следующим положениям:

1. Устранение оппозиции «объяснение – понимание». Начиная с неокантианцев и Дильтея, естественные науки рассматривались как объясняющие, а гуманитарные – как понимающие. На современном этапе взаимосвязь понимания и объяснения теоретически осмыслил логик Г. фон Вригт. Он описал метод гуманитарного и естественного познания единообразно и трехчленно: а) «набрасывание смысла» – предположение результата эксперимента или смысла текста; б) интерпретация – подбор терминов и понятий для фиксации результатов эксперимента или нахождения адекватных смыслов для слов текста; в) объяснение – подведение результатов эксперимента под закон или указание на причины, почему автор написал именно так.

2. Устранение оппозиции «ценность – объективизм». Наука не может быть ценностно-нейтральной, так как осуществляющий процесс познания субъект несет ценностный каркас как основу своего сознания. Ценностями в научном процессе являются парадигма, стиль мышления, идеалы и нормы научного познания.

Наука считается этически нагруженной, а выбор модели поведения ученых осуществляется на основе ценностных ориентаций. Таким образом, гуманитарии исходят из ценностей и сравнивают свой объект с ними. Представители естественных наук также исходят из системы ценностей, но не сравнивают объект с идеалом.

3. Устранение оппозиции «историчность – внеисторичность знания». Концепция глобального эволюционизма требует использовать принцип историзма в науках любого рода.

4. Устранение оппозиции «телеологизм – антителеологизм». Телеологизм распространен на Вселенную в форме антропоного принципа.

5. Сходство в трактовке объекта исследования: он понимается как самоорганизующаяся система.

6. Перенос концепции диалогизма с человеческих отношений на отношения человек – природа и человек – машина.

7. Возникновение междисциплинарных комплексов наук: инженерной психологии, экологической этики, математической лингвистики и др.

Особое внимание при определении стратегии исследования должно быть уделено гуманитарному контролю в науке и высоких технологиях. Такой контроль должен исключить использование новых достижений науки и техники в антигуманных целях. В этих целях должны проводиться экологические и социально-гуманитарные экспертизы научно-технических проектов. В связи с этим возрастает ответственность ученых перед обществом за достоверность своих экспертиз и результаты деятельности в науке в целом.

Заключение. Главное различие между социогуманитарным и естественнонаучным знанием лежит в объекте познания, откуда и вытекают различия в предмете, методах и т. д. Естественнонаучное и социогуманитарное знание качественно отличаются друг от друга по методологии. Естествознание носит «объективный», монологический характер. Его методы познания являются количественными и экспериментальными, а методология в целом ориентирована на анализ. Для социогуманитарного познания объектом и одновременно субъектом познания служит человек. Сам вид знания но-

сит оценочный, диалогический характер, а среди методов познания можно назвать историко-описательный, историко-сравнительный, функциональный и другие, предполагающие интерпретацию автора. Установка в методологии социогуманитарного знания делается на синтез. Несмотря на то, что синтетическая и интегрально-дифференциальная стадии развития естествознания являются непродолжительными, и поэтому можно говорить больше о характерных для них тенденциях и потенциальных возможностях, чем о каких-либо итогах, ведущая роль в дальнейшем познании Природы принадлежит синтезу знаний. Прогноз этот обосновывается историей и логикой развития познания. Интегративные тенденции приводят к рождению в рамках философии универсальных теорий, стремящихся все разнообразие природных и социокультурных явлений вывести из одного или нескольких общетеоретических принципов. Философия выполняет функцию интеллектуальной разведки, которая служит для заполнения пробелов, постоянно возникающих в связи с наличием «белых пятен» познавательной картины мира. В конкретном научном плане их предстоит заполнить специалистам-ученым. Примером реализации интегративного потенциала современной философии является глобальный эволюционизм. Большое место в естествознании, общественных науках и философии занимает аксиологический (ценностный) критерий, т. е. обращение к общемировоззренческим, социально-политическим и этическим принципам. Этические и гуманистические проблемы не являются лишь сопутствующими поиску истины. Глобальные проблемы современности заставляют проводить гуманизацию естественных наук, чему способствуют социогуманитарные науки и философия.

Литература

1. Бахтин, М. М. Очерки методологии гуманитарного познания / М. М. Бахтин. – М.: Наука, 1989. – 368 с.
2. Звегинцев, В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика / В. А. Звегинцев. – М.: Наука, 1978. – 340 с.

Поступила 20.03.2013

УДК 316.74:94 (438)

О. А. Матусевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель (БГТУ)

ПОЛЬСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Статья посвящена анализу мероприятий в рамках публичной практики, направленных на формирование социальной памяти поляков в условиях посткоммунистической трансформации общества. Автор рассматривает особенности и механизмы реализации исторической политики, а также способы изменения массовых, обыденных представлений о прошлом в период III Речи Посполитой. В статье в большей степени уделено внимание формальной стороне исторической политики, нежели содержательной или институциональной.

The article is devoted to the analysis of public practice actions which are directed on formation of Polish social memory in the conditions of post-communist transformation of a society. The author examines features and mechanisms of realisation of a historical policy and also methods of change of mass, ordinary notions of the past in the Third Republic of Poland. In the article the basic attention is given to the formal side of the Polish historical policy.

Введение. Тема исторической политики, столь популярная в Польше еще несколько лет назад, казалось бы, исчезла с разворотов ведущих периодических изданий и перестала быть «топовой» в рамках публичного, в особенности политического, дискурса. Однако она неразрывно связана с проводимой в Польше внутренней и внешней государственной политикой. К слову сказать, как и в других государствах, ибо как было правильно замечено, если страна не проводит своей исторической политики, за нее это сделают соседи, но получившийся в итоге образ прошлого вряд ли сможет стать фундаментом национального самосознания населения данной страны (что мы можем наблюдать на белорусском примере).

Определение предмета данного исследования может стать самостоятельной темой публикации, поскольку понятия «историческая политика» или «политика памяти» являются дискуссионными. Историки разных стран, и Польша не исключение, с опаской относятся и к этим понятиям, и к самой возможности проведения данной политики, усматривая в этом посягательство на их профессиональный суверенитет и попытку использовать их самих и результаты их научной деятельности в политических целях. По сути, ставится знак равенства между исторической политикой и манипуляцией или фальсификацией информации о прошлом, что вызывает негативную реакцию исторического сообщества [1, с. 45, 52, 64, 78, 92; 2, с. 244–245]. Такой подход трактует историческую политику фактически как пропаганду, а именно «сознательную деятельность политического класса с целью формирования сферы и характера коллективной исторической памяти» [3, с. 10]. В публичном дискурсе политика памяти рассматривается инструментально, как своего рода институционализированная селекция прошлого, проводимая

в поддержку внутренней и внешней политики. Такую позицию представляет, например, один из идеологов польской исторической политики, историк идеи и публицист Д. Гавин, который считает, что историческая политика – это не что иное, как «использование демократическими (и не только) обществами собственных интерпретаций событий прошлого для достижения, кроме всего прочего, актуальных политических целей» [цит. по 4, с. 43].

Резюмируя научную полемику относительно определения понятия «историческая политика», можно сказать, что историческая политика представляет собой целенаправленную, чаще всего институциональную деятельность публичных акторов, направленную на формирование массовых обыденных представлений о прошлом. Основными задачами этой деятельности является легитимизация власти (или властных притязаний), а также социальной действительности, мобилизация граждан, воздействие на сплоченность и идентичность группы, социализация индивидов и адаптация социальных общностей к реальным изменениям.

Еще более сложная задача – определить соотношение между терминами «историческая политика» и «политика памяти», активно используемыми в научном дискурсе. Поскольку в данной статье не ставится цель дефиниционного анализа области заявленного исследования, то автор считает допустимым без специального анализа и дополнительной аргументации принять точку зрения известного немецкого специалиста в вопросах коллективной памяти А. Асманн, согласно которой методологически нет разницы между политикой памяти и исторической политикой [5, с. 38].

Таким образом, целью статьи является проанализировать историческую политику, проводимую в Польше в конце XX – начале XXI в.

Основная часть. Для того чтобы исследовать историческую политику, необходимо обратиться к механизмам ее реализации. Таковыми являются «символическое насилие» и «изобретение традиций». Первое понятие разрабатывал П. Бурдьё, под которым он понимал навязывание властью своей системы значений, иерархии ценностей, которые приобретают для индивида «естественный» характер. Легитимизация социальной действительности осуществляется на основе «незнания», то есть искаженного, неполного, мифологизированного знания. Символическое насилие основано на бессознательном принятии обывателями господствующих социальных установок [6]. Исходя из вышесказанного, можно говорить о том, что историческая политика – это реализация символического насилия на основе трансформации восприятия прошлого индивидами, в результате чего они воспринимают действительность как должное, таким образом легитимизируя существующую социальную действительность.

«Изобретение традиций» – это процесс формализации и ритуализации, с которым связано обращение к прошлому и в рамках которого происходит поиск ритуалов, церемоний и других способов, связывающих группу с прошлым. К таким способам связи с прошлым относятся установление новых праздников и памятников, преподавание по новым школьным учебникам, поиск новых героев и символов. Благодаря этому события прошлого включаются в обстановку настоящего, у индивидов возникает эмоциональная связь с прошлым, а не критический взгляд на него, формируется чувство причастности к чему-то славному, чувство общности коллективного опыта [7]. На этой основе базируется социальная солидарность и коммуникация, групповая идентичность, национальная гордость и патриотизм.

Анализ использования данных механизмов дает основания выделить два периода в реализации исторической политики в современной Польше, которые отличаются целями, содержательным аспектом и используемым инструментарием. Первый период охватывает 15 лет пост-коммунистической трансформации польского государства, это период III Речи Посполитой. Второй период начинается во время пред-выборной компании 2005 г. Он связан с провозглашенным лозунгом перехода к так называемой IV Речи Посполитой и в большей степени ассоциируется с политической деятельностью братьев Качиньских и политической программой партии «Право и справедливость» (PiS). Этот период связан с трансформацией польского государства в рамках Европейского Союза.

Польский социолог Л. Нияковский выделил черты политики памяти III Речи Посполитой. Во-первых, политика памяти осуществляется в рамках бюрократического аппарата (с учетом специфики его деятельности и внутренней борьбы между различными его уровнями и учреждениями). Государственная историческая политика – это ведомственная политика, что накладывает свой отпечаток на содержание и форму реализуемых мероприятий, а также на их результативность. Во-вторых, в рамках исторической политики переплетаются политическая и научная сферы. Плюрализм научных интерпретаций является благодатной почвой для политических спекуляций. При этом Л. Нияковский отмечает, что союз политиков и ученых является взаимовыгодным. Одни получают компетентное обоснование их политических призывов и программ, другие – поддержку для реализации научных исследований. В-третьих, для Польши характерно отсутствие общегосударственной политики памяти по причине региональной специфики и противостояния на разных уровнях власти, что, по мнению лидеров и сторонников PiS, а позже и многих их политических оппонентов, привело к кризису чувства национальной гордости и патриотизма у поляков. В-четвертых, стремление центральной администрации придерживаться единого направления исторической политики расценивалось на местах как дискриминация национальных меньшинств. И, наконец, пятой особенностью является то, что систематическая смена партии власти приводила к непродолжительности проводимой политики памяти, ограниченности общественного влияния реализуемых мероприятий, незавершенности начинаний и непостоянству общественной коммеморативной практики [4, с. 52–53].

Свое символическое пространство III Речь Посполитая строила на отрицании прошлой действительности и поиске виноватых, желательно за пределами страны (и здесь, несомненно, пригодились опыт межвоенного периода). Связано это было с боязнью спровоцировать внутрисударственные конфликты, поскольку главной задачей на тот момент была интеграция и мобилизация общественности. Период Польской народной республики (ПНР) рассматривался исключительно негативно, происходила практически демонизация строя и его руководителей. Польские политические элиты стремились продемонстрировать отсутствие связи между III Речью Посполитой и ПНР, а также подчеркнуть преемственность с польским государством межвоенного периода. Об этом свидетельствует само название государства, преамбула новой конституции и факт

передачи инсигний последним президентом в изгнании Р. Качоровским первому президенту III Речи Посполитой Л. Валенса.

Актуальная политическая ситуация нуждалась в оценках прошлого, поэтому за неимением научных обратились к публицистическим. Отсутствие научно обоснованных выводов восполнялось журналистскими интерпретациями событий прошлого. Это объясняется также тем, что для появления научной продукции требуется время.

В 1990-е гг. польское общество столкнулось с необходимостью проведения политики памяти, началась «символическая декоммунизация» социального пространства, что особенно сказалось на преобразовании городского ландшафта. Изменения затронули мемориальную и коммеморативную общественную практику: учреждались новые праздники, переименовывались улицы, свержались памятники и возводились новые, менялись названия учреждений и социальных объектов. Все эти процессы сопровождалось политическими спорами и борьбой за формирование нового пантеона героев, чьи имена должны быть увековечены в новом социальном пространстве. Своеобразным способом примирения с прошлым стала реинтерпретация коммунистических символов и включение их в новую общественную мемориальную практику. В 1989 г. на могилу неизвестного солдата торжественно возложили землю, набранную в Катыни [4, с. 125].

Наиболее быстрые изменения произошли в историческом образовании. Были разработаны новые программы, написаны учебники. В исторической литературе появились новые темы, например, советской оккупации, репрессий. Произошла коммерциализация рынка учебников, которые могли представлять альтернативные интерпретации событий прошлого. Для их рекламы и внесения в списки министерства в качестве рекомендуемых учебников привлекались политики и костел. Имела место люстрация науки и искусства. Произведения и авторы, признанные коммунистическими, должны были исчезнуть из публичного пространства (их исключали из школьных программ, театральных репертуаров). Переход на рыночные отношения позволял в отношении неугодных профессоров и деятелей культуры применять не только административные рычаги воздействия, но и финансовые, лишая их дотаций. Аналогичная ситуация складывалась в издательствах [4, с. 126].

На уровне местных властей и локальных инициатив граждан возросла активность по созданию новых «мест памяти». Для этого явления характерны определенные веяния моды на исторические события, личности или даты (Армия Краевая, Иоанн Павел II, Ежи Папе-

лушка). И если в ПНР определяющую роль в коммеморативной практике играла партийная идеология, то на данный момент она завуалирована под дотации и возможности финансирования местных инициатив.

Заключение. В результате проводимой исторической политики социальная память поляков в конце XX в. претерпела значительные изменения. При этом содержательный аспект культурной памяти в меньшей степени трансформировался под действием актуальной политической ситуации, в отличие от коммуникативной памяти, которая отличается противоречивостью. Иногда ее изменения носили характер простого переставления знаков при оценке определенных событий или личностей. И если культурная память сохранила за собой идентификационную функцию, то коммуникативная память стала выполнять исключительно функцию легитимизации настоящего.

Литература

1. Polityka historyczna: historycy, politycy, prasa: materiały konferencji, Warszawa, 15 grudnia 2004 / pod red. A. Paneckiej. – Warszawa: Muzeum Powstania Warszawskiego, 2005. – 272 s.

2. Janowski, M. Polityka historyczna: między edukacją historyczną a propogandą / M. Janowski // Pamięć i polityka historyczna: doświadczenia Polski i jej sąsiadów / pod red. S. M. Nowinowskiego, J. Pomorskiego, R. Stobieckiego. – Łódź: Wydawnictwo Naukowe Ibidem; Instytut Pamięci Narodowej – Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu, 2008. – 398 s.

3. Wolff-Powęska, A. Polskie spory o historii i pamięć. Polityka historyczna / A. Wolff-Powęska // Przegląd Zachodni. – 2007. – № 1. – S. 3–44.

4. Nijakowski, L. M. Polska polityka pamięci: esej socjologiczny / L. M. Nijakowski. – Warszawa: Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne, 2008. – 286 s.

5. Hahn, H. H. Pamięć zbiorowa – przedmiot polityki historycznej? / H. H. Hahn // Narodowe i europejskie aspekty polityki historycznej / pod red. B. Korzeniewskiego. – Poznań: Instytut Zachodni, 2008. – S. 29–42.

6. Руткевич А. М. Пьер Бурдьё / А. М. Руткевич // Современная западная социология. Словарь / под ред. Ю. Н. Давыдова. – М.: Издательство политической литературы, 1990. – S. 45–46.

7. Колягина, Н. [Рецензия] / Н. Колягина // Уроки истории [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.urokiistorii.ru/print/1208>. – Дата доступа: 18.03.2013. – Рец. на кн.: The Invention of Tradition / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. – Cambridge: University Press, 2003. – 322 s.

Поступила 20.03.2013

УДК 1:281.9 (476)

Н. М. Кожич, кандидат философских наук, доцент (БГТУ)**ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

В статье рассматриваются особенности форм и методов деятельности Русской православной церкви в современных условиях; отмечается стремление церкви всячески способствовать решению проблем, вызванных духовно-нравственным кризисом; сделан вывод о том, что, несмотря на неизменность основных догматических положений, православная церковь является открытой структурой, активно взаимодействующей с современным обществом.

The article considers the features of the forms and methods of activity of the Russian Orthodox Church in the modern conditions; noting the desire of the Church to contribute to the resolution of the problems caused by the spiritual-moral crisis; the conclusion is that in spite of the immutability of the main dogmatic statements, the Orthodox Church is an open structure, actively interacting with a modern society.

Введение. Православная церковь всегда видела свое главное предназначение в спасении как отдельного человека, так и человечества в целом. На протяжении веков она использовала традиционные методы для осуществления миссионерской деятельности: проповедь, таинства, беседы и т. д. До революции 1917 г. эта деятельность являлась частью государственной политики, поскольку православие рассматривалось в качестве идеологической основы самого государства. Именно по этой причине светская власть видела свою задачу в том, чтобы защищать религию и церковь. В современных условиях духовно-религиозные задачи не являются приоритетными для государства, которое рассматривает себя как светское. В связи с этим методы миссионерской деятельности нуждаются в существенной корректировке.

Основная часть. В настоящее время православная церковь предпринимает попытку адаптировать систему христианских представлений к уровню сознания современного человека. Тем не менее нельзя утверждать о ее готовности к радикальному пересмотру содержания основных догматических положений. В этой связи церковь разработала новую Концепцию миссионерской деятельности, в основе которой находятся документы и материалы Поместного Собора 1917–18 гг., Архиерейских Соборов Русской православной церкви 1994, 1997, 2000, 2004 гг., «Основ социальной концепции Русской православной церкви» (2000 г.), а также постановления миссионерских съездов, которые прошли до 1917 г. и в течение 1996–2002 гг. В преамбуле концепции подчеркивается, что Православная миссия состоит в том, чтобы «приближаться к миру, освящать и обновлять его, вкладывать новое содержание в привычный образ жизни, принимать местные культуры и способы их выражения, не противоречащие христианской вере, преобразуя их в средства спасения» [1]. Главной особенностью совре-

менного миссионерства является то, что церковь функционирует в принципиально новых условиях, нежели в предыдущие столетия. В концепции сказано, что «за последние 800 лет Русская православная церковь никогда еще не сталкивалась перед необходимостью совершения апостольской проповеди в таких масштабах, когда миссионерское поле вобрало в себя миллионы людей, освободившихся из-под ига безбожной идеологии, проживающих на громадных территориях, со своей культурно-исторической спецификой. Возникла парадоксальная ситуация необходимости «второй христианизации» народов, живущих на территории пастырской ответственности Русской православной церкви и масштабы этой «второй христианизации» беспрецедентны» [1]. Такое положение дел обусловлено тем, что современного человека характеризует индифферентное отношение к вопросам религии и атеизма. Принцип свободы совести, укоренившийся в демократическом обществе, критическое мышление предполагают широкий мировоззренческий выбор. Многие верующие, которые относят себя к конкретному вероисповеданию, храм регулярно не посещают, посты не соблюдают и т. д. Можно со всей очевидностью утверждать, что сейчас есть мало людей, способных к религиозному подвигу, требующему глубокой веры и напряжения духовных сил. Есть также люди, которые не причисляют себя к определенной конфессии, но при этом они верят в сверхъестественные силы, высший разум, астрологию и т. д. Это обстоятельство связано с особенностями современной культуры, которая носит секулярный характер. Именно поэтому главной задачей миссионерской деятельности церковь считает духовно-нравственное оздоровление общества. Важный аспект современного миссионерства – это активное привлечение мирян к распространению православного вероучения путем создания миссионерских

приходов и активизации деятельности православных церковных братств. В концепции подчеркивается необходимость осуществления миссии с учетом потребностей общества, а также учета особенностей социокультурной ситуации. Это включает в себя защиту социально незащищенных слоев населения, противостояние «информационной агрессии» против личности, семьи, общества, осуществляемой деструктивными религиозными организациями. В соответствии с поставленными задачами выделяется несколько основных форм миссионерской деятельности:

1. Воспитательная форма предполагает формирование православного содержания и стиля жизни верующих людей.

2. Апологетическая форма направлена на сравнение православных взглядов с другими религиозными учениями.

3. Информационная форма занимается распространением православного учения через средства массовой информации, интернет, издание религиозной литературы.

4. Внешняя миссия – это распространение православного вероучения среди народов, которые не имеют христианских основ в своей национальной культуре.

5. Миссия примирения – это создание мира на различных уровнях личного, семейного и общественного бытия; культивирование терпимости по отношению к другим культурам и религиозным убеждениям. В широком смысле миссия примирения предполагает совместную деятельность людей для достижения мира, предотвращения конфликтов и экстремизма [1].

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что православная церковь признает себя открытой структурой, активно взаимодействующей с современным обществом. В частности, православная церковь в Беларуси принимает активное участие в проведении и организации научно-практических конференций по богословским вопросам, а также социальным проблемам. Церковь активно расширяет международную и межконфессиональную работу по реализации социальных проектов, принимает участие во встречах с представителями других религиозных объединений стран СНГ, Балтии, немецкими, швейцарскими, австрийскими, американскими протестантами, поддерживает тесные связи с Автокефальными православными церквями. Многие социальные проекты православной церкви в Беларуси финансируются Круглым столом Всемирного Совета Церквей. Одним из них является строительство Дома Милосердия для инвалидов, престарелых и обездоленных людей. В 1992 г. был основан приход Храма в честь Всех Святых в Минске.

Вся его деятельность сосредоточена в Храме Дома Милосердия. Этот храм, по словам протоиерея Феодора Повного, «является духовным стержнем, который призван объединить тех, кто приходит за помощью, а также тех, кто стремится творчески реализовать свой интеллектуальный и духовный потенциал, кто способен и желает послужить Богу и ближним» [2, с. 34]. Деятельность прихода, таким образом, имеет ярко выраженную социальную направленность. Его спецификой является также отсутствие резкого деления на персонал и пациентов, поскольку «работники Дома Милосердия – это в первую очередь высококвалифицированные специалисты, добровольцы и сестры милосердия. Однако в их деятельности также принимают участие прихожане Всесвятского прихода и, наконец, сами подопечные и нуждающиеся в заботе граждане. Универсальность модели Дома Милосердия исходит из того, что каждый проект развивается с учетом потребностей отдельных категорий людей, а в его рамках создаются четкие структуры для удовлетворения этих потребностей. Гибкие структуры реагируют на малейшее изменение ситуации и адаптируются к ней» [2, с. 34–35]. В рамках социального центра Дома Милосердия существует несколько проектов. Это социальная столовая, где получают горячее питание нуждающиеся люди; «Культурный досуг инвалидов тела», «Образовательный проект для детей-сирот с особенностями в психофизическом развитии», «Общественный ресурсный центр психического здоровья»; воскресная школа; иконописная и швейная мастерские; книжная лавка; «Гуманитарный склад». В рамках последнего проекта реализуется гуманитарная помощь гражданам, пострадавшим от чернобыльской катастрофы, а также незащищенным группам населения. Значительная помощь оказывается домам-интернатам и малоимущим семьям. При Доме Милосердия функционирует Сестричество в честь преподобномучениц Великой княгини Елисаветы и инокини Варвары. Его члены оказывают медицинскую и социальную помощь одиноким престарелым людям. Персонал Дома Милосердия активно изучает и заимствует опыт социальной работы государственных учреждений, религиозных конфессий и общественных организаций стран ближнего (Россия) и дальнего (Польша, Германия) зарубежья.

В 90-е гг. XX в. стали восстанавливаться православные церковные братства. Эти организации возникли еще в XV–XVI вв. и первоначально представляли собой национально-религиозные и просветительские организации. Братства – «общества лиц разных сословий для взаимной помощи в нуждах мирских и духовных...» [3, Т. 1,

с. 407]. Их идейной основой была христианская любовь – главный принцип нравственных отношений между людьми. Членом братства мог стать любой православный независимо от социальной и национальной принадлежности. Братства создавались при православных церквях Украины, Беларуси, Литвы и вели борьбу за национально-культурную независимость украинского и белорусского народов, при этом они активно выступали против унии и католицизма.

В настоящее время братства проводят работу по строительству и ремонту храмов, организации воскресных школ, библиотек. Одной из важнейших задач братств является духовно-просветительская и издательская деятельность. Особенно активно в этом направлении работает Православное братство во имя Архистратига Божия Михаила Минской епархии Белорусского Экзархата Русской православной церкви. В частности, братством был издан уникальный фотоальбом «Беларусь Православная», в который вошли работы белорусского фотомастера Владимира Калашникова. В 2002 г. издание братством серии «Сербское богословие XX века» было удостоено специального диплома Союза писателей России. Начиная с 2000 г. братство регулярно организует православные чтения для интеллигенции и студенчества. В рамках этих мероприятий перед аудиторией выступили известные белорусские и российские богословы, среди них: владыка Полоцкий и Глубокский Феодосий, настоятель иеромонах Исидор (Валаам), протоиереи Артемий Владимиров, В. В. Медушевский и др.

В Беларуси также функционирует Братство врачей в честь великомученика и целителя Пантелеймона. Его члены проводят конференции, посвященные проблемам брака и семьи, организуют специальные лекции для молодежи по данной тематике.

Важно отметить, что церковь активно привлекает православную молодежь к социальному служению. На базе приходов функционируют молодежные братства, которые предполагают миссионерскую, катехизаторскую, просветительскую и социальную сферы занятости. Молодые люди принимают участие в турпоходах с посещением православных святынь, в работе приходских мастерских, уборке кладбищ, организации церковных праздников, проводят утренники и театральные представления в интернатах для детей-сирот и т. д. Тем самым молодежные братства «постепенно становятся местом воцерковления и духовно-нравственного просвещения молодежи. Их по праву можно на-

звать очагами миссионерского служения Церкви» [4]. Начиная с 2002 г. функционирует «Объединение молодежи Белорусской Православной Церкви», которое включает в себя 23 молодежные организации. Братства проводят слеты, спортивные соревнования, лектории и семинары по религиозно-просветительской проблематике, а также актуальным проблемам современности. Например, в белорусских епархиях проводится семинар «День молитвы о Божьем творении», который посвящен обсуждению вопросов православного отношения к экологической проблематике. Важное значение для молодежных братств имеют крестные ходы. Как отмечает А. Мосесов, «длительные переходы больших расстояний, ночлег в палатках, встречи с местными жителями, миссионерская работа, совместная молитва и участие в церковных таинствах – все это и многое другое делает крестный ход уникальным по своей сути мероприятием. Крестные ходы помогают возрождению приходской жизни. Ведь опорными пунктами паломничества являются православные приходы. Это приобщение молодежи к нашему духовному наследию и историческому прошлому» [4].

Заключение. Итак, православная церковь постепенно осуществляет модернизацию форм своей деятельности, стремясь к активному взаимодействию с современным обществом. При этом предпринимается попытка способствовать решению социальных проблем и одновременно ведется поиск новых возможностей влияния на мировоззренческие ориентации людей. Православная церковь видит свое призвание в сохранении нравственности и культивировании традиционных ценностей белорусского народа.

Литература

1. Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] / Миссионерский отдел Московского патриархата. – М., 2009–2012. – Режим доступа: <http://portal-missia.ru/>. – Дата доступа: 26.02.2012.
2. Повный, Ф. Дом Милосердия в Минске. Приход в Всех Святых / Ф. Повный // Право на защиту. – 2003. – № 4. – С. 34–37.
3. Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. – (Репр. изд.). – М.: Концерн «Возрождение», 1992. – 2 т.
4. Мосесов, А. Церковное молодежное служение в Беларуси [Электронный ресурс] / А. Мосесов. – М., 1999–2011. – Режим доступа: <http://pravoslavie.ru/>. – Дата доступа: 02.03.2013.

Поступила 15.03.2013

УДК 347.78

Л. А. Кулис, кандидат юридических наук, доцент (БГТУ)**ПРАВОВОЙ РЕЖИМ СЛУЖЕБНЫХ ОБЪЕКТОВ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ**

Статья посвящена анализу соотношения личных неимущественных и имущественных прав на служебные объекты интеллектуальной собственности. В законодательстве об интеллектуальной собственности закреплена презумпция принадлежности нанимателю имущественных прав на служебные объекты интеллектуальной собственности. Обладание имущественными правами имеет самостоятельную экономическую ценность, так как позволяет получать выгоду от использования объекта интеллектуальной собственности.

This article analyzes the relation of personal noneconomic and economic rights to the intellectual property objects, produced in office. In intellectual property law enshrined presumption of property rights of employer to the intellectual property office. Possession of property rights has independent economic value, as it allows to benefit from the intellectual property.

Введение. Актуальность данного вопроса обусловлена тем, что значительная часть объектов интеллектуальной собственности создается наемными работниками при выполнении ими трудовых обязанностей. Используя регулирующую функцию, государство обеспечивает условия заинтересованности работника в создании объектов интеллектуальной собственности и стимулирование нанимателя в инновационной деятельности, что создает фундамент для развития экономики страны.

Когда результат труда наемного работника имеет материально-овещественную форму, то принадлежность нанимателю вещных прав на эти результаты ни у кого не вызывает сомнения. Наемный работник за свой труд по созданию материальных благ получает заработную плату, которая позволяет стимулировать качественные и количественные характеристики труда. Когда в результате работы по трудовому договору (контракту) работник создает объект интеллектуальной собственности, то становится очевидным, что заработная плата не всегда является адекватной компенсацией затрат интеллекта, необходимых для создания такого объекта, следовательно, она не может в полной мере выполнять стимулирующую функцию, обеспечивающую инновационный характер деятельности. Кроме того, получаемая работником зарплата не всегда справедливо соотносится с той выгодой, которую получает наниматель от использования объекта интеллектуальной собственности. Работнику, как правило, неизвестна дальнейшая судьба созданного им объекта, так как способы и формы его использования определяет наниматель, являющийся обладателем исключительного права и других имущественных прав на созданный работником служебный объект интеллектуальной собственности. Обладание имущественными правами на объект интеллектуальной собственности имеет самостоятельную

экономическую ценность, так как позволяет включать его в гражданский оборот и получать от этого материальную выгоду. Обладателю имущественных прав на объект интеллектуальной собственности принадлежит исключительное право использования этого объекта по своему усмотрению, в любой форме и любым способом.

Для стимулирования инновационной деятельности работнику, творческим трудом которого создан объект интеллектуальной собственности, предусмотрена выплата самостоятельного вознаграждения, несмотря на то, что, создавая объект интеллектуальной собственности в рабочее время, работник использует опыт и материальные средства нанимателя.

В законодательстве об интеллектуальной собственности выделены специальные нормы, посвященные служебным объектам интеллектуальной собственности.

Основная часть. Служебным признается объект интеллектуальной собственности, созданный в порядке выполнения трудовых обязанностей или служебного задания с использованием опыта или средств нанимателя. Иными словами, служебный объект интеллектуальной собственности может быть создан только в рамках трудовых отношений лицом, работающим по найму у нанимателя. И кроме того, его создание должно быть непосредственно связано с трудовыми обязанностями работника, которые определяются в трудовом договоре (контракте) и в должностной инструкции.

Статус служебного могут иметь объекты интеллектуальной собственности, относящиеся к авторскому праву, смежному праву (исполнение) и праву промышленной собственности.

Служебные произведения науки, литературы и искусства. Критерии отнесения произведений науки, литературы и искусства к служебным произведениям определены статьей 4

Закона Республики Беларусь от 17.05.2011 № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закона): они должны быть созданы либо по заданию нанимателя, либо в порядке выполнения обязанностей, предусмотренных трудовым договором. Строгое следование названным критериям позволит отграничить служебное произведение от всех остальных объектов авторского права, которые созданы работником в свободное от работы время. Даже если создание произведения осуществлялось в рабочее время, то отсутствие вышеназванных критериев не позволит отнести его к служебным. Например, если разносторонне талантливый преподаватель философии создал компьютерную программу для бухгалтерии в рабочее время и в ущерб своим трудовым обязанностям, используя при этом материальные ресурсы нанимателя (компьютер, канцелярские товары и др.), то признать эту компьютерную программу служебным произведением будет невозможно. Наниматель вправе в порядке, установленном трудовым законодательством, привлечь этого работника к дисциплинарной ответственности за ненадлежащее исполнение трудовых обязанностей либо к материальной ответственности в размере расходованных не по назначению ресурсов нанимателя.

Распределение прав на служебные произведения науки, литературы и искусства закреплено статьей 17 Закона. Неимущественные права на служебное произведение принадлежат автору. Однако законом установлены некоторые ограничения этих прав. Одно из ограничений касается неимущественного права на обнародование и состоит в том, что право обнародовать произведение предоставлено не только автору, но и нанимателю. Автор не вправе запрещать нанимателю обнародование произведения. Автор не вправе также реализовать свое право на отзыв, т. е. право отказаться от ранее принятого решения об обнародовании. Еще одно ограничение неимущественных прав автора касается права на неприкосновенность произведения. Нанимателю, обладающему имущественными правами на служебное произведение, законодатель предоставил право вносить в него изменения, сокращения и дополнения, вызванные необходимостью адаптации произведения к конкретным условиям его использования. При этом наниматель реализует это право без согласия автора. Однако наниматель обязан указать в произведении об осуществленной им адаптации. Личные неимущественные права принадлежат автору независимо от его имущественных прав и сохраняются за ним в случае перехода имущественных прав к другому лицу.

Имущественные права на служебное произведение с момента его создания переходят нанимателю, если договором между ним и работником-автором не предусмотрено иное. Диспозитивный характер данной нормы закрепляет автоматический переход нанимателю имущественных прав на служебное произведение. Для того, чтобы имущественные права на служебное произведение остались у автора, необходимо согласовать такую возможность либо в отдельном договоре гражданско-правового характера, либо в трудовом договоре (контракте). Более приемлемым вариантом представляется заключение гражданско-правового договора, так как после прекращения трудовых отношений будут продолжать действовать предусмотренные договором права и обязанности сторон, касающиеся использования объекта интеллектуальной собственности. Кроме того, в данном договоре можно закрепить разделение имущественных прав между нанимателем и работником по способам использования объекта либо по территории использования. Если все имущественные права согласно договору остаются у автора, то произведение фактически утрачивает статус служебного.

При отсутствии специальной письменной договоренности между работником и нанимателем, обладателем имущественных прав (правообладателем) является наниматель. Согласно статье 17 Закона, в случаях, предусмотренных договором между нанимателем и автором, автор имеет право на получение авторского вознаграждения за использование своего произведения. Конструкция данной правовой нормы, с одной стороны, теоретически закрепляет право автора (т. е. работника) на получение вознаграждения за каждый способ использования созданного им произведения, с другой стороны, практическую реализацию данного права ставит в зависимость от наличия договора между нанимателем и автором, а также от перечня случаев выплаты, предусмотренных таким договором.

Если в течение 5 лет наниматель не начнет использование служебного произведения либо не передаст исключительное право на него другому лицу, то исключительное право на служебное произведение переходит к автору, если иное не предусмотрено соглашением между ними. Возможность сохранения имущественных прав за нанимателем более пятилетнего срока неиспользования служебного произведения зависит от наличия договоренности об этом между нанимателем и работником. В случае прекращения деятельности нанимателя имущественные права на служебное произведение переходят работнику.

Если неимущественные права на произведения охраняются бессрочно, то имущественные права действуют в течение всей жизни автора и 50 лет после его смерти. После истечения указанного срока служебные произведения переходят в общественное достояние. Это означает, что они могут свободно использоваться любым юридическим или физическим лицом без выплаты вознаграждения за их использование. При этом всеми пользователями должны соблюдаться личные неимущественные права авторов.

Служебные исполнения. Из объектов смежных прав, к которым относятся исполнения, фонограммы и передачи организаций эфирного или кабельного вещания, статус служебных могут иметь только исполнения. Правовой режим служебных исполнений не отличается от правового режима служебных произведений.

Служебные объекты права промышленной собственности. Отличительной особенностью объектов права промышленной собственности является то, что права на них подтверждаются и охраняются при условии выдачи охранного документа – патента или свидетельства. Так как принадлежность имущественных прав законодательством закреплена за патентообладателем, то ключевым становится вопрос о том, кому может быть выдан патент на служебное изобретение, полезную модель, промышленный образец, селекционное достижение или иной объект права промышленной собственности. Так, согласно статье 15 Закона Республики Беларусь от 16.12.2002 № 160-З «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы», право на получение патента на изобретение, полезную модель, промышленный образец, созданные работником, принадлежит нанимателю, если договором между ними не предусмотрено иное. Если наниматель реализовал данное право, то он обязан выплатить работнику вознаграждение. Работник, создавший служебное изобретение, полезную модель или промышленный образец, обязан уведомить об

этом нанимателя в письменной форме. Если наниматель в течение 3 месяцев со дня уведомления не подаст заявку в патентный орган либо не примет решения об иной форме использования созданного служебного объекта (например, о сохранении его в тайне), то право на получение патента переходит к работнику. В этом случае наниматель приобретет право использования запатентованного объекта лишь при условии заключения лицензионного договора.

Личное неимущественное право – право авторства – принадлежит авторам объектов промышленной собственности независимо от того, кто является патентообладателем. Право авторства охраняется бессрочно. Сроки охраны имущественных прав определяются сроками действия патентов, которые закреплены законодательством.

Заключение. Придание служебным объектам интеллектуальной собственности специального правового режима, определяющего распределение имущественных и неимущественных прав на эти объекты между работником и нанимателем, призвано обеспечить оптимальный баланс интересов нанимателя, работника и государства.

Литература

1. Гражданский Кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2013. – 656 с.
2. Об авторском праве и смежных правах: Закон Респ. Беларусь от 17 мая 2011 г. № 370 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 60. – 2/1813.
3. О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы: Закон Респ. Беларусь от 16 дек. 2002 г. № 160 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2003. – № 1. – 2/909.

Поступила 20.03.2013

УДК 342.9:343.351

В. А. Зенькович, кандидат юридических наук, доцент (БГЭУ)**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, УСТАНОВЛИВАЮЩИХ АДМИНИСТРАТИВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ**

В данной статье проанализировано действующее гражданско-правовое и административно-деликтное законодательство Республики Беларусь и Российской Федерации, регулирующее оборот объектов авторского права и смежных прав и устанавливающее административную ответственность за нарушение авторских и смежных прав.

In this article current civil and administrative legislation of the Republic of Belarus and the Russian Federation is analyzed. This legislature regulates turnover of intellectual property items and items of neighboring rights and establishes administrative responsibility for violation of author's copyrights and neighboring rights.

Введение. Интеграционные процессы, происходящие на постсоветском пространстве, предполагают наличие максимально схожих единых правил игры для всех государств. В Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности на 2012–2020 гг. [1] (далее – Стратегия) содержатся требования о необходимости перманентного совершенствования правовой базы по регулированию общественных отношений в сфере интеллектуальной собственности.

Основная часть. Административная ответственность является одним из основных видов юридической защиты субъектов и объектов авторских и смежных прав. В Республике Беларусь решение этих вопросов возложено на статью 9.21 *Нарушение авторских, смежных и патентных прав* Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [2] (далее – КоАП). Диспозиция статьи 9.21 КоАП, изложенная в следующей редакции: «Незаконное распространение или иное незаконное использование объектов авторского права, смежных прав или объектов права промышленной собственности, а также сорта растения или топологии интегральной микросхемы», охраняет в том числе круг общественных отношений авторского права и смежных прав.

В статье 16 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» содержится исчерпывающий перечень исключительных (имущественных) прав, принадлежащих автору или иному обладателю авторского права, которые можно использовать самостоятельно или с их разрешения другими лицами в целях получения «...вознаграждения за каждый вид использования произведения».

Перечислим лишь только некоторые из них: воспроизведение произведения; распространение оригинала или экземпляров произведения посредством продажи или иной передачи права собственности; публичное исполнение произведения и т. д. [3].

В статьях 24–31 анализируемого закона содержится перечень исключительных прав субъектов смежных прав. Это прежде всего права осуществлять или разрешать осуществлять следующие действия: использование исполнения, распространение оригинала или экземпляров фонограммы посредством продажи или иной передачи права собственности. Права организаций эфирного или кабельного вещания – разрешать или запрещать другим лицам использовать передачу [3].

Введенные в гражданский оборот незаконно, без разрешения автора или правообладателя, указанные объекты авторского права и смежных прав законодатель относит к категории контрафактных. В соответствии с пунктами первым, вторыми третьим статьи 57 рассматриваемого Закона к ним относятся: экземпляры произведения, записанного исполнения, фонограммы, передачи организации эфирного или кабельного вещания, изготовленные или распространенные без согласия правообладателей, или иное использование которых влечет за собой нарушение авторского права и смежных прав [3].

Это далеко не исчерпывающий перечень имущественных (исключительных) прав авторов и правообладателей авторских и смежных прав, которые наиболее часто являются объектами противоправных посягательств.

Проведенный анализ действующего законодательства свидетельствует о том, что диспозиция статьи 9.21 КоАП предусматривает административную ответственность за любое незаконное использование имущественных прав авторов и правообладателей объектов авторского права и смежных прав. Однако в статье 9.21 КоАП нет критерия, который разделял бы границы этого вида юридической ответственности от другого, например, как в Примечании к статье 201 Уголовного кодекса Республики Беларусь [4] (далее – УК).

Отсутствие Примечания к статье 9.21 КоАП с информацией о наличии квалифицирующего признака, каковым является размер незаконного дохода (причиненного ущерба), не способствует решению в полной мере одной из задач КоАП, направленной на предупреждение административных правонарушений, как того требует часть вторая статьи 1.2 КоАП [2].

Правоприменитель в Республике Беларусь при квалификации выявленных нарушений в сфере авторских и смежных прав руководствуется в своей административно-юрисдикционной деятельности нормой уголовного права, которая в зависимости от размера незаконного дохода или причиненного ущерба устанавливает нижний предел уголовной ответственности и верхний предел административной ответственности за вышеуказанные противоправные действия [4].

Проведенный анализ показывает, что административная ответственность наступает, если на день совершения противоправных действий полученный доход (причиненный ущерб) не превышает пятисот размеров базовой величины, так как в Примечании к статье 201 УК установлено, что незаконный доход (ущерб), превышающий пятисот базовых величин, влечет уголовную ответственность по части второй или третьей данной статьи.

Санкция статьи 9.21 КоАП изложена в следующей редакции: «...влекут наложение штрафа в размере от двадцати до пятидесяти базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения или без конфискации, индивидуального предпринимателя – до ста базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения или без конфискации, а на юридическое лицо – до трехсот базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения или без конфискации».

Видно, что ответственность предусмотрена для трех субъектов правонарушения: общего – лица, достигшего 16 лет, индивидуального предпринимателя и юридического лица. Санкция статьи состоит из двух взысканий: основного – штрафа – и дополнительного – конфискации – для всех трех субъектов, совершивших вышеуказанные противоправные деяния против имущественных прав обладателей авторских и смежных прав.

Законодатель дает право правоприменителю при принятии решения по делам данной категории применять или не применять конфискацию предметов административного правонарушения ко всем трем субъектам правонарушения без исключения. Различие, как мы видим, имеется только в разных размерах штраф-

ных сумм основного взыскания, применяемого ко всем трем субъектам правонарушения.

Сравнив содержание пункта четвертого статьи 57 Закона «Об авторском праве и смежных правах» с действующей редакцией санкции статьи 9.21 КоАП в части такого дополнительного административного взыскания, как конфискация предмета административного правонарушения, выявляется противоречие. Так, в Законе «Об авторском праве и смежных правах» в пункте четвертом статьи 57 содержится следующее указание органу, рассматривающему дело данной категории: «Контрафактные экземпляры произведений, записанных исполнений, фонограмм, передач организаций эфирного или кабельного вещания подлежат обязательной конфискации по решению суда, рассматривающего дела о защите авторского права и смежных прав» [3].

А в пункте 6 статьи 57 Закона «Об авторском праве и смежных правах» конкретизировано и смежных правах» конкретизировано, что «конфискованные по решению суда контрафактные экземпляры произведения, записанного исполнения, фонограммы, передачи организации эфирного или кабельного вещания подлежат уничтожению за счет нарушителя».

В соответствии со статьей 3.2 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь по делам об административных правонарушениях [2] (далее – ПИКоАП) дела по статье 9.21 КоАП рассматривает также суд. И, соответственно, санкция этой статьи предоставляет тому же суду возможность применять или не применять конфискацию этих контрафактных объектов.

На наш взгляд, санкция статьи по делам такой категории должна иметь безальтернативный юридический инструментарий, обязывающий суд только конфисковывать контрафактную продукцию по делам, квалифицируемым по статье 9.21 КоАП, а не оставлять ее в распоряжении правонарушителя.

Исходя из изложенного представляется целесообразным к контрафактным объектам авторского права, смежных прав, являющимся предметами административного правонарушения по статье 9.21 КоАП, однозначно применять такое административное взыскание, как конфискация. Для этого необходимо законодательству Республики Беларусь из санкции статьи 9.21 КоАП исключить слова «или без конфискации», относящиеся ко всем трем субъектам административного правонарушения.

В Российской Федерации административная ответственность также является одним из основных видов юридической защиты субъектов и объектов авторского права и смежных прав от противоправных посягательств. В действующем Кодексе Российской Федерации об

административных правонарушениях [5] (далее – КоАП РФ) за нарушение авторских и смежных прав предусмотрена административная ответственность по части первой статьи 7.12. Это универсальная статья, охраняющая от противоправных посягательств личные неимущественные и имущественные права субъектов авторского права и смежных прав.

Диспозиция части первой этой статьи предусматривает ответственность субъектов правонарушения за совершение таких противоправных действий, как «ввоз, продажа, сдача в прокат или иное незаконное использование экземпляров произведений», т. е. за нарушение авторских и смежных прав.

Санкция состоит из двух взысканий: основного – штрафа – и дополнительного – конфискации. Штраф по степени определенности представляет собой относительно определенную санкцию и варьируется от одной тысячи пятисот до двадцати тысяч российских рублей.

Для сравнения по степени репрессивности штрафных санкций законодательства Республики Беларусь с законодательством Российской Федерации сконвертируем их размеры к долларам США. У нас штрафы варьируют, в зависимости от субъекта правонарушения, от 230 до 3450 дол. США. В Российской Федерации – от 50 до 1330 дол. США. Здесь, безусловно, следует отметить, что такое сравнение не совсем корректно, так как санкция статьи 9.21 КоАП применяется для наказания субъектов, нарушающих не только авторские и смежные права, но и права в сфере промышленной собственности правонарушителей. В КоАП Российской Федерации административная ответственность за нарушение прав изобретателей и патентообладателей наступает по части второй статьи 7.12.

Второе (дополнительное) взыскание – конфискация – установлена в соответствии с требованиями статьи 1252 Гражданского кодекса Российской Федерации [6] без альтернативы, а не как в статье 9.21 КоАП Республики Беларусь.

Диспозиция части второй статьи 7.12 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за нарушение имущественных прав патентообладателей, в том числе и за «присвоение авторства или принуждение к соавторству».

Здесь следует отметить, что по действующему законодательству Республики Беларусь нет административной ответственности за присвоение авторства (иначе говоря, за плагиат), а также за принуждение к соавторству. За совершение таких противоправных действий в Республике Беларусь предусмотрена уголовная ответственность по части первой статьи 201 УК. Здесь мы видим, что позиции законодателей Республики

Беларусь и Российской Федерации по части уголовной ответственности за посягательства на личные неимущественные права субъектов авторских и смежных прав не совпадают.

По Уголовному Кодексу Российской Федерации [7] (далее – УК РФ) за плагиат (присвоение авторства) предусмотрена уголовная ответственность по части первой статьи 146 только в случае причинения автору или иному правообладателю крупного ущерба. Уголовная ответственность за принуждение к соавторству законодательством Российской Федерации (в отличие от законодательства Республики Беларусь) не предусмотрена. И это, видимо, правильно, так как доказать совершение такого противоправного действия, как принуждение к соавторству, достаточно сложно. Подтверждением тому будет отсутствие выявления такого преступления в Республике Беларусь за период действия нового УК (1999 г.). В Примечании к статье 146 УК РФ сказано, что крупным ущербом называется ущерб, сумма которого превышает пятьдесят тысяч российских рублей (или 1700 дол. США). Соответственно, под административную ответственность по КоАП РФ априори попадают противоправные деяния, причинившие ущерб личным неимущественным правам на сумму меньше пятидесяти тысяч российских рублей.

Представляется, что конструкция административной и уголовной ответственности за нарушение личных неимущественных и имущественных прав по законодательству Российской Федерации более удачна благодаря своей гибкости. Порог уголовной ответственности в Российской Федерации за нарушение авторских и смежных прав значительно выше, чем в Республике Беларусь.

Заключение. Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что проведенный сравнительный анализ:

– во-первых, позволил выявить разные подходы нашего законодателя и законодателя Российской Федерации в части, где речь идет об административной ответственности за нарушение имущественных и личных неимущественных авторских и смежных прав;

– во-вторых, подтвердил наши сомнения в правильности конструкции санкции статьи 9.21 КоАП, имеющей расхождение с требованиями части четвертой статьи 57 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» в части, где речь идет о конфискации контрафактной продукции;

– в-третьих, дает нам основание предлагать законодательству Республики Беларусь внести изменения в редакцию санкции статьи 9.21 КоАП «Нарушение авторских, смежных и патентных прав».

Принятие законодателем Республики Беларусь такого предложения, на наш взгляд, позволит: во-первых, устранить разные подходы, существующие в настоящее время в нормах таких отраслей права, как гражданское и административное, в отношении контрафактной продукции, а во-вторых – сблизит позиции законодателя Республики Беларусь с позицией законодателя Российской Федерации в вопросе осуществления административно-юрисдикционной деятельности по делам с контрафактными объектами авторского права и смежных прав.

Литература

1. Стратегия Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности на 2012–2020 годы: утв. Постановлением Совета Министров 2 марта 2012 г. № 205 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2012. – № 30. – 5/35360.
2. Об авторском праве и смежных правах: Закон Респ. Беларусь от 17 мая 2011 г. № 370 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 60. – 2/1813.
3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2007. – 448 с.
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2007. – 704 с.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. – М.: Юрайт-М., 2007. – 251 с.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 4) [Электронный ресурс]: Кодекс Рос. Федерации, 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ; в ред. Закона Рос. Федерации от 04.10.2010 г. № 259-ФЗ // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – М., 2012. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
7. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Кодекс Рос. Федерации, 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ; в ред. Закона Рос. Федерации от 01.03.2012 г. № 18-ФЗ // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – М., 2012. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Поступила 30.03.2013

УДК 347.77.028

Н. П. Бордко, старший преподаватель (БГТУ)**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ
ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКИХ И ПАТЕНТНЫХ ПРАВ**

В статье исследуются вопросы уголовной ответственности за нарушение изобретательских и патентных прав. Раскрывается основной состав преступления (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона). Обозначены рекомендации совершенствования уголовного законодательства с учетом поставленных целей реализации государственной политики в сфере интеллектуальной собственности на 2012–2020 годы.

The article studies the issues of criminal responsibility for violation of inventor's and patent rights. Reveals the basic structure of the crime (the object, the objective side, the subject, the subjective side). Identified recommendations to improve the criminal law taking into account goals of state policy in the sphere of intellectual property in the years 2012–2020.

Введение. Основной целью государственной политики в сфере интеллектуальной собственности является завершение формирования институциональных основ функционирования национальной системы интеллектуальной собственности, отвечающей актуальным и перспективным потребностям экономики и общества. С учетом поставленных целей реализация государственной политики в сфере интеллектуальной собственности будет осуществляться по следующим основным направлениям: развитие законодательства в сфере интеллектуальной собственности; совершенствование механизмов защиты и расширение комплекса мер по противодействию нарушениям в сфере интеллектуальной собственности и др.

Основная часть. Из теории права известны два принципиально разных вида ответственности: правосстановительная и карательная. Цель первой из них, характерной для гражданских деликтов, – восстановить нарушенные права (например, возместить причиненный ущерб). Карательная ответственность в общем виде подразумевает наказание правонарушителя и его воспитание, а также формирование соответствующего правосознания в обществе. К карательным видам ответственности относятся дисциплинарная, административная и уголовная. При этом уголовно-правовая ответственность представляет собой специфический вид карательной ответственности, применяемый для защиты наиболее важных общественных отношений. Конституция Республики Беларусь (ст. 51) гарантирует свободу художественного, научного, технического творчества. При этом интеллектуальная собственность охраняется законом [1].

Предусмотренная в статье 201 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) уголовная ответственность за нарушение авторских, смежных, изобретательских и патентных

прав является одной из гарантий конституционных прав граждан на свободу творчества и защиту интеллектуальной собственности [2].

В части 1 указанной нормы предусмотрена уголовная ответственность за присвоение авторства либо принуждение в авторству, а равно разглашение без согласия автора или заявителя сущности изобретения, полезной модели, промышленного образца или иного объекта права промышленной собственности до официальной публикации сведений о них. Наказываются общественными работами, или штрафом, или исправительными работами на срок до двух лет.

Незаконное распространение или иное незаконное использование объектов авторского права, смежных прав или объектов права промышленной собственности, совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение или сопряженное с получением дохода в крупном размере, наказываются общественными работами, или штрафом, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на срок до двух лет.

Действия, предусмотренные частями первой или второй статьи 201 УК, совершенные повторно, либо группой лиц по предварительному сговору, либо должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, либо повлекшие причинение ущерба в крупном размере, наказываются штрафом, или арестом на срок до пяти лет, или лишением свободы на тот же срок.

Предметом преступлений, предусмотренных как в части 1, так и в части 2, являются объекты авторского права, смежных прав или объекты права промышленной собственности, а также сорта растений, топологии интегральных микросхем. Различаются эти составы по признакам объективной стороны и субъекту преступления. Объективную сторону нарушения

указанных прав образуют альтернативные действия: присвоение авторства, принуждение к соавторству, разглашение без согласия автора или заявителя сущности изобретения, полезной модели, объекта права промышленной собственности, а также сорта растения или топологии интегральной микросхемы до официальной публикации сведений о них. В уголовном законодательстве (ст. 33) уголовные дела о преступлении, предусмотренные частью первой статьи 201 УК, отнесены к уголовным делам частного-публичного обвинения, которые возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, и прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежат. В связи с этим необходимо учитывать, что в соответствии со статьей 8 Закона Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» правом требовать от нарушителя прекращения нарушения патента, а соответственно, и обращаться в правоохранительные органы по поводу возбуждения уголовного дела наделены только патентообладатель и владелец исключительной лицензии [4]. Закон делает исключение из общего правила о возбуждении уголовного дела по признакам части первой статьи 201 УК, т. е. при отсутствии жалобы потерпевшего. Прокурор, а также следователь или дознаватель с согласия прокурора вправе возбудить уголовное дело о любом преступлении и при отсутствии заявления потерпевшего, если данное преступление совершено в отношении лица, находящегося в зависимом состоянии или по иным причинам не способного самостоятельно воспользоваться принадлежащими ему правами. Прокурор в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, уполномочен осуществлять уголовное преследование по указанной категории дел независимо от волеизъявления потерпевшего (ст. 26) [3].

В части 2 предусматривается новый состав преступления, объективную сторону которого образуют действия в виде незаконного распространения или иного незаконного использования указанных предметов преступления. Ответственность за это преступление наступает лишь в том случае, если такие действия совершены повторно в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение (административная преюдиция), либо если они сопряжены с получением дохода в крупном размере, т. е. в тысячу и более раз превышающего размер базовой величины, установленный на день совершения преступления; особо крупном размере – в две тысячи

пятьсот и более раз превышает размер базовой величины.

Как альтернативный признак основного состава преступления преюдиция использована в части 2 статьи 201 УК. В части 3 статьи 201 УК в качестве квалифицирующих признаков указанного преступления предусмотрено совершение деяний: 1) повторно; 2) группой лиц по предварительному сговору; 3) должностным лицом с использованием своих служебных полномочий; 4) повлекших причинение ущерба в крупном размере. Повторностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, предусмотренных одной и той же статьей Особенной части УК. Преступление признается совершенным группой лиц, если хотя бы два лица совместно участвовали в совершении данного преступления в качестве его исполнителя (соисполнительство). Преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если исполнители заранее договорились о совместном совершении данного преступления. Перечень должностных лиц, занимающих ответственное положение, изложен в статье 4 УК.

Присвоение авторства означает, что лицо, которое не принимало участия в работе над объектом промышленной собственности, выдает себя за автора разработки, сделанной другим лицом. Под принуждением к соавторству подразумевается угроза совершения определенных действий, направленных против создателя разработки, если в число соавторов не будет включено лицо, не принимающее творческого участия в работе над объектом промышленной собственности. Под разглашением сущности объектов промышленной собственности до официальной публикации сведений о них понимаются любые действия, связанные с распространением сведений об объектах промышленной собственности, которые могут привести или к утрате патентоспособности, или к иным негативным последствиям. Поскольку эти действия могут затрагивать как интересы авторов, так и интересы потенциальных патентообладателей, рассматриваемый состав теоретически ограждает и изобретательские, и патентные права.

С позиции теории права описанные действия могут караться в рамках уголовного законодательства, если в них будут присутствовать все признаки состава преступления, предусмотренные в норме УК (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона). Действительно, принуждение к соавторству или разглашение конфиденциальных сведений по заявке, при причинении крупного ущерба – общественно опасные

деяния. Зарубежная практика также идет по пути уголовной защиты таких правоотношений, борясь со лжеизобретательством. Например, в США (где только сам изобретатель может подать заявку) подача заявки на выдачу патента сопровождается письменной декларацией («клятва автора»), в которой автор называет себя «действительным и первым изобретателем» по изобретению, описанному в подаваемой заявке. Примечательно, что автор в США несет ответственность за лжесвидетельство при намеренном введении в заблуждение Патентного ведомства США в отношении своего авторства. Лжесвидетельство в США отнесено к разряду тяжких преступлений [5].

По своей конструкции состав преступления является материальным: обязательный его признак – причинение правообладателю крупного ущерба. При определении ущерба будет неверным сослаться на понятие крупного размера ущерба, который дается законодателем в примечании к статье 201 УК. Существующая сегодня следственная и судебная практика не позволяет сделать обобщенного вывода о крупном ущербе. Нет единого мнения относительно данного признака объективной стороны состава рассматриваемого преступления и в юридической литературе. Все это порождает существенные трудности в ходе применения статьи 201 УК на практике. Рассматривая термин «крупный размер дохода» (ущерб), отечественные юристы справедливо отмечают, что данный термин является полисемичным, так как законодатель использует его в различных разделах, главах и статьях УК как в России, так и в нашей стране, придавая различное значение. Так, в главе 23 УК «Преступление против конституционных прав и свобод человека и гражданина», главе 24 «Преступление против собственности» и др. под ущербом понимаются только имущественные последствия. В других главах УК в зависимости от родового, видового и непосредственного объекта кроме имущественных последствий термин «ущерб» может охватывать моральный, экологический и иные виды вреда, в том числе и в виде упущенной выгоды. Следовательно, в данном случае ущерб – оценочный, и необходимо исходить из объективной и субъективной совокупной оценки имущественного и морального вреда с учетом специфики данного преступления. При этом субъективным критерием может служить оценка ущерба как крупного самим автором. Объективным критерием должна быть оценка материального положения последнего: следует принимать во внимание заработную плату,

иные дополнительные доходы, наличие иждивенцев, сложность и трудоемкость созданного объекта интеллектуальной собственности и т. п. Думается, что в понятие «крупный ущерб» должен входить и ущерб деловой репутации, причиненный легальному производителю. Кроме правообладателя ущерб причиняется и потребителю, а также государству, поскольку преступления указанной категории вредят международному авторитету, препятствуют развитию интеллектуального потенциала страны, лишают экономику инвестиционной привлекательности.

Таким образом, мы видим, что ни теорией, ни практикой так и не было выработано единой методики определения (подсчета) крупного размера ущерба. Представляется, что в такой репрессивной отрасли законодательства, как уголовное, введение оценочных понятий недопустимо, поскольку привлечение к уголовной ответственности ведет к таким правовым последствиям, как судимость. Предлагается исключить из диспозиции статьи 201 УК указание на причинение крупного ущерба, сделав данный состав преступления по конструкции формальным. Исключение понятия «крупный ущерб» из диспозиции статьи 201 УК ужесточит уголовную ответственность за нарушение изобретательских и патентных прав, что представляется необходимым в свете политики нашего государства по усилению охраны результатов интеллектуальной деятельности.

Субъект преступления – лицо, достигшее 16 лет. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом. Лицо сознает, что нарушает изобретательские и патентные права, предвидит возможность причинения крупного ущерба и желает этого.

Заключение. В целях обеспечения эффективного предотвращения и пресечения правонарушений в сфере интеллектуальной собственности необходимо совершенствовать регулирование уголовно-правовых отношений, предметом которых выступают объекты интеллектуальной собственности. Следует внести изменения в УК Республики Беларусь, чтобы конкретизировать составы преступлений в сфере интеллектуальной собственности [6].

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2012.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: с изм. и доп.: текст Кодекса по состоянию на 10.01.2011 // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

3. О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы: Закон Респ. Беларусь от 16 дек. 2002 г. № 160-3 // Ведомасці Нац. Схода Рэсп. Беларусь. – 2003. – № 1. – 2/9.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: с изм.

и доп.: текст Кодекса по состоянию на 03.01.2012 // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

5. Берсон, О. Некоторые аспекты патентного законодательства США / О. Берсон // ИС. Промышленная собственность. – 2005. – № 4. – С. 66–73.

6. Стратегия Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности на 2012–2020 годы: утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь 2 марта 2012 г. № 204 // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2012. – № 30. – 5/35360.

Поступила 15.03.2013

УДК 347.214

Е. М. Сергеева, ассистент БГТУ**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СДЕЛОК С НЕДВИЖИМЫМ ИМУЩЕСТВОМ**

Некоторые письменные сделки подлежат нотариальному удостоверению и обязаны проходить государственную регистрацию (например, сделки с недвижимостью). Несоблюдение требований закона к форме сделки может в будущем привести к неблагоприятным последствиям, например, послужить основанием к признанию сделки недействительной.

The article is devoted to analyses of particulars of real estate transactions. Some documented transaction are to be notarized and must register with the government (eg. real estate). Failure to comply the form of the transaction may lead to the future adverse effects, for example, give the foundation to recognize the transaction invalid.

Введение. Недвижимое имущество в силу его высокой экономической ценности является особо значимым объектом гражданских прав. В целях защиты государственных и частных интересов в правоотношениях, связанных с недвижимым имуществом, контроля за использованием и охраной недвижимого имущества законодательством определена обязанность участников гражданского правооборота соблюдать установленную форму сделок.

Основная часть. Сделками в соответствии со ст. 154 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК РБ) признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Это целенаправленные, волевые действия участников сделки. Правовые последствия – возникновение прав и обязанностей, которые имели в виду стороны – влечет только та сделка, которая отвечает всем установленным законодательством условиям действительности: содержание сделки не противоречит законодательству; лица, участвующие в сделке, обладают необходимой дееспособностью; волеизъявления участников сделки отражают их подлинную волю; сделка совершена в форме, установленной законодательством или соглашением сторон. Нарушение любого из названных условий является основанием недействительности сделки. Заключение сделки предполагает волевое поведение физических и юридических лиц, направленное к субъектам сделки, другим участникам гражданского оборота и требующее поэтому внешнего выражения. Следовательно, особенное значение в гражданском праве имеет форма сделки, позволяющая уяснить суть правоотношений сторон.

Под формой сделки понимается способ, посредством которого волеизъявление сторон получает свое внешнее выражение и закрепление. Условия о форме сделки устанавливаются с учетом интересов как государства, так и самих участников.

Форма сделки определяется законодательством. Однако стороны, учитывая специфику своих взаимоотношений, могут установить более сложную форму сделки, чем предусмотрено законодательством, например совершение на бланке определенной формы, скрепление печатью и др. (п. 3 ч. 1 ст. 161 ГК РБ). Вместе с тем соглашения об упрощении установленной законодательством формы сделки недействительны при совершении любых сделок [1].

В соответствии со ст. 159 ГК РБ, сделки совершаются устно или в письменной форме. Устная форма сделки является наиболее простой, она не предполагает необходимости материальной фиксации согласованной воли сторон. Более того, ч. 2 названной статьи допускает в отдельных случаях совершение таких сделок без осуществления их участниками даже устных переговоров, т. е. сделка считается совершенной и в том случае, когда из поведения лица явствует его воля совершить сделку. В устной форме могут совершаться лишь те сделки, для которых законом не установлена письменная форма.

Сделки, требующие более определенного согласования и закрепления волеизъявлений участников, совершаются в письменной форме (простой или нотариальной). Сделка в простой письменной форме должна быть совершена путем составления документа, выражающего ее содержание и подписанного лицом или лицами, совершающими сделку, или уполномоченными ими лицами. В простой письменной форме должны совершаться сделки (за исключением сделок, требующих нотариального удостоверения):

- 1) юридических лиц между собой и с гражданами;
- 2) граждан между собой на сумму, превышающую не менее чем в десять раз установленный законодательством размер базовой величины, если иное не предусмотрено законодательством.

Нотариальное удостоверение сделок осуществляется путем совершения на письменном

документе, соответствующем требованиям статьи 161 ГК РБ, т. е. представляющем собой одну из разновидностей письменной сделки, удостоверительной надписи нотариуса или должностного лица, имеющего право совершать такое нотариальное действие. Нотариальное удостоверение сделок обязательно в случаях:

1) указанных в законодательных актах;

2) предусмотренных соглашением сторон, хотя по законодательству для сделок данного вида эта форма не требовалась бы.

В соответствии с законом ряд сделок кроме оформления в простую письменную или нотариальную форму подлежат государственной регистрации. К таким сделкам относятся сделки с недвижимым имуществом. Ч. 1 ст. 131 ГК РБ указывает, что государственной регистрации подлежат недвижимое имущество, права на него и сделки с ним в случаях, предусмотренных законодательными актами. Наряду с государственной регистрацией могут осуществляться специальная регистрация или учет отдельных видов недвижимого имущества в случаях и порядке, предусмотренных статьей 131 ГК РБ и законодательством о регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним. Причем ч. 1 ст. 166 ГК РБ указывает, что несоблюдение нотариальной формы или требования о государственной регистрации сделки влечет ее недействительность.

Несоблюдение требований закона к форме сделки может в будущем привести к неблагоприятным последствиям, например, послужить основанием к признанию сделки недействительной. Действительными, порождающими юридические последствия, являются сделки, совершенные правоспособными и дееспособными лицами.

Сделки (договоры) с недвижимостью должны заключаться в простой письменной форме с указанием даты их заключения, а затем быть подписаны сторонами. После этого сделки подлежат государственной регистрации.

Договоры могут составляться гражданами (сторонами по договору) самостоятельно. Если проект договора представлен гражданами регистратору, то он должен проверить, соответствует ли содержание договора действительным намерениям сторон, не противоречит ли сделка законодательству Республики Беларусь, указаны ли в договоре все существенные условия. Текст документов должен быть написан ясно и четко, относящиеся к содержанию сделки числа и сроки обозначены хотя бы один раз словами, а наименования юридических лиц приведены без сокращений с указанием адреса их местонахождения. В документах фамилия, имя и отчество гражданина, индивидуального предпри-

нимателя, адрес их места жительства должны быть написаны полностью.

Закон Республики Беларусь «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним» (далее – Закон) определяет правовые основы и порядок государственной регистрации объектов недвижимого имущества. Правила государственной регистрации, в соответствии с п. 1 ст. 3 Закона, определены в отношении следующих видов объектов недвижимого имущества:

– земельные участки;

– капитальные строения (здания, сооружения);

– незавершенные законсервированные капитальные строения;

– изолированные помещения, в том числе жилые;

– машино-места;

– предприятия как имущественные комплексы;

– другие виды недвижимого имущества в случаях, установленных законодательными актами Республики Беларусь [2].

Согласно прямому указанию Закона недвижимое имущество считается созданным, измененным, прекратившим существование с момента государственной регистрации. Основным объектом регистрации считается соответствующее право, а сделка регистрируется как основание возникновения, изменения или прекращения этого права.

Что касается документов, представляемых юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, то они должны быть заверены подписью его руководителя или иного лица, уполномоченного на это учредительными документами либо доверенностью, и скреплены печатью этого юридического лица.

В зависимости от количества лиц, волеизъявление которых обеспечивает совершение сделки, различают одно- и двух- или многосторонние (договоры) сделки.

Самыми распространенными в хозяйственной деятельности и быту являются двухсторонние договоры, которые заключают по соглашению двух сторон.

Существует свобода волеизъявления при совершении сделки, и общепризнанным принципом является свобода заключения договора.

ГК РБ установлено: пределом свободы договора являются предписания законодательных актов, действующих в момент его заключения; если после заключения и до прекращения действия договора принят акт законодательства, устанавливающий новые обязательные для сторон обязательства, условия договора должны быть приведены в соответствие с законодательством согласно ст. 392 ГК РБ.

Каждый договор должен содержать существенные условия, определяющие права и обязанности каждой из сторон. Существенными являются условия, без согласования которых договор нельзя считать заключенным. Общим для всех видов договоров является предмет, на который направлены отношения сторон. Это может быть имущество, подлежащее передаче и приемке, например предприятие как имущественный комплекс. Кроме предмета к существенным условиям отдельных договоров относятся условия, установленные законодательными актами, а также те, согласование которых требует любая из сторон. Если хотя бы по одному из условий стороны не достигли соглашения, договор считается не заключенным.

Существенными условиями сделки (договора) купли-продажи недвижимости являются цена и предмет [1].

Цена недвижимого имущества должна быть согласована сторонами и указана в договоре.

В качестве предмета договора выступает определенный объект недвижимого имущества. В договоре купли-продажи указываются такие данные, которые позволяют определенно установить соответствующее имущество, подлежащее передаче покупателю (кадастровый номер, место расположения или нахождения, размеры и границы земельного участка и др.).

Заключение. В Законе статьей 9 определены категории договоров, которые являются или могут стать в дальнейшем основанием возник-

новения, перехода, прекращения прав или ограничений (обременений) прав на недвижимое имущество, подлежащих государственной регистрации, и возможность признания государственной регистрации недействительной исключительно в судебном порядке.

Государственная регистрация недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним является актом признания и подтверждения государством факта создания, изменения, прекращения существования недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним. Осуществление регистрации, удостоверенное свидетельством о государственной регистрации, является моментом возникновения, перехода или прекращения прав, ограничений (обременений) прав на недвижимое имущество.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой Представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: текст Кодекса по состоянию на 14 апр. 2012 г. [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2005. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/>. – Дата доступа: 14.04.2012.

2. О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним: Закон Респ. Беларусь от 22 июля 2003 г. № 133-3: с изм. и доп. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 87. – 2/882.

Поступила 30.03.2013

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.131.3:82-1 Скарынкін

І. М. Гоўзіч, кандыдат філалагічных навук, дацэнт (БДПУ)

МАСТАЦКА-ВОБРАЗНЫ СВЕТА ПАЭЗІІ УЛАДЗІМІРА СКАРЫНКІНА

У артыкуле даследуюцца складнікі мастацкага свету Уладзіміра Скарынкінна, вызначаюцца прыярытэтныя жанры, якія выкарыстоўвае аўтар. Творчасць паэта разглядаецца як складаны мастацкі феномен, у якім выявілася спалучэнне традыцый і наватарства, класічнага і сучаснага, традыцыйнага і індывідуальна-аўтарскага пачаткаў.

The article explored the components of the artistic world of Vladimir Skarynkin, determined the priority genres were used by the author. Work of the poet is seen as a complex artistic phenomenon, which revealed a blend of tradition and innovation, classic and modern, traditional and individual copyright principles.

Уводзіны. Уладзімір Скарынкін належыць да тых выдатных майстроў слова, чые творчасць і лёс непарыўна звязаны з лёсам Радзімы, больш таго, яго паэзія многімі сваімі гранямі арганічна знітавана і з патрабаваннямі часу. І рух часу, і развіццё духоўнасці самога паэта – роўназалежныя велічыні. Глыбіня зместу, унутраная цэласнасць і паслядоўнасць пазіцыі мастака, арганічная сувязь аб'ектыўнага і суб'ектыўнага, вызначанага яднаннем субстанцыянальнага і асабіста-творчага пачаткаў, уласцівы яго паэзіі. У ёй знайшлі глыбокае асэнсаванне і адлюстраванне суровай памяць вайны, складанае ХХ стагоддзе, перажыванні сучасніка, узаема сувязь і ўзаемаабумоўленасць асобы, прыроды і грамадства, мараль і этыка, праблемы адраджэння духоўных традыцый.

Асноўная частка. У. Скарынкін – адзін з нямногіх беларускіх пісьменнікаў, чыя духоўная і творчая эвалюцыя ўяўляе цікавы і ўнікальны феномен у сучаснай літаратуры, калі «тэхналагічны» пачатак у творчасці мяжуецца з мяккім лірызмам, а ў кнізе «Апошнія слова» (звернем увагу на эпітэт *апошнія*, бо так ці інакш пасля яе выхаду беларускі чытач не пабачыў ніводнага арыгінальнага паэтычнага зборніка, хоць вершы паэта друкаваліся і друкуюцца ў літаратурна-мастацкіх часопісах) – і з публіцыстычнай завостранасцю, і з роздумам пра вечныя чалавечыя духоўныя каштоўнасці. Паэтычным *credo* пісьменніка можна лічыць верш «Паядынак» са зборніка «Гукавы бар'ер»: «Я прымірыць павінен іх цяпер! / Пачаць гатовы кожную гадзіну / Ё душы маёй паэт і інжынер / Паміж сабой смяротны паядынак» [1, с. 18].

Пра падобнае імкненне паяднаць фізіку і лірыку ў рускай літаратуры неаднаразова выкажуцца і Я. Еўтушэнка, і Р. Радзественскі, і Я. Вінакураў, і А. Вазнясенскі, ды многія іншыя паэты-шасцідзясятнікі.

Паэтычны набытак У. Скарынкінна ў параўнанні з равеснікамі-калегамі па літаратурным цэху не такі маштабны, але з самага пачатку яго тэксты вызначаліся шчырымі і непасрэднымі інтанацыямі, пачуццёваасцю і тонкім лірызмам, маляўнічасцю вобразаў і сімвалічнаасцю штрыхоў-дэталей, «тэхнічнай» дасканаласцю. Творы лірычных зборнікаў «Буслы над аэрадромам» (1969), «Гукавы бар'ер» (1972), «Дазвольце ўзлёт» (1975), «Чацвёрты разварот» (1979), «Вугал атакі» (1983), «Пасадачныя агні» (1985), «Выратавальны плыт» (1988), «Размова на парозе» (1991), «Лосвіда» (1993), «Апошнія слова» (1994) адпавядаюць высокаму мастацка-эстэтычнаму ўзроўню слоўнага мастацтва. Паэт валодае цудоўным дарам – выклікаць ў чытача здзіўленне, абвостранае ўспрыманне з'яў назвамі сваіх кніг, першыя шэсць з якіх грунтуюцца на сувязі мастацтва і навукі, лірыкі і фізікі.

У. Скарынкіну выпала нарадзіцца ў вірлі-вым ХХ стагоддзі, і яго творчасць у асноўным прыпадае на апошнія дзесяцігоддзі гэтага часу, пра які М. Ю. Лотман у сваёй працы «Культура і выбух» адзначаў, што асноўнымі заканамер-насцямі развіцця культуры былі барацьба эвалюцыйных і выбуховых тэндэнцый. Мастацкія пошукі У. Скарынкінна – прыклад натуральнай эвалюцыі: ад рамантычна-захопленнага і аптымістычнага сузірання быцця і стварэння да тонкіх лірык карцін, часам змрочаных і падсвечаных вайной і ўспамінамі дзяцінства, да філасофскіх медытацый-разважанняў. Мастак прыходзіць да высновы пра сваё «выпадзенне» з сучаснасці, пра што сведчаць назвы трох апошніх кніг, але ўсё роўна яшчэ цепліцца някідкім промнем у лірычнага героя святло і радасць, надточаныя надзеі.

Ужо ў першых кнігах паэт выявіў цікавасць да вечных тэм чалавечага быцця і да канкрэтных, даволі лакальных набалелых пытанняў, спалучаючы

асацыятыўную вобразнасць з паэтыкай непасрэднага, канкрэтна-пачуццёвага адлюстравання жыцця. Яго вершы з названых зборнікаў і паэмы «Насустрэч веку», «Сляпы дождж», «Высокае сонца», «Узнясенне», «Астральны знак Францыска» прывабліваюць натуральнасцю вобразнасці і рытмамелодыкі, народнымі характарамі-тыпамі, адлюстраванымі ў лірычных і ліра-эпічных творах, а не штучнасцю і залішняй складанасцю паэтычнай інтанацыі.

Цэнтральнай, скразной тэмай творчасці У. Скарынкіна, якая віруе ад зборніка да зборніка, падсвечваючыся новымі гранямі, становіцца тэма любові да Радзімы, неадлучнай ад любові да знаёмых з дзяцінства мясцін, да блізкіх, дарагіх людзей – землякоў, родных, і ў першую чаргу да маці, бацькі і айчыны. Так, у вершы «Другі снег», што ўводзіцца ў зборнік эпітэтам з твора «Вяртанне ў першы снег» Рыгора Барадуліна («Як ціхая аблачынка, / Нада мной праплывае мама»), вобраз самага роднага чалавека асвятляе сабой краявіды, нягледзячы на тое, што «Ціхая аблачынка / Не сядзе каля стала... / Лёгка, як пушынка, / За небакрай сплыла» [1, с. 27]. Вобразы блізкіх людзей становяцца сімваламі адданасці роднай зямлі, працы ў вершах «Камель», «Гост», «Муляр Міша Серабра».

Так ужо на пачатку творчасці Радзіма набывае ў мастака слова вельмі важную іпастась – маці: «Ведаў і хаўтуры, і радзіны / Гэты ціхі некрыклівы кут... / І калісьці пачуццё радзімы / Ё сэрцы маці выспела вась тут» [1, с. 43]. Вобраз маці, маючы рэальнага прататыпа, выяўляе адначасова пачуццё нацыянальнага патрыятызму, пераводзіць грамадзянскую любоў да Айчыны ў сферу асабіста-інтымную («Дома», «Ліпа ля матчынай хаты...», «На радзіме маці» і інш.). Пасля смерці самага блізкага чалавека паэтам авалодаюць горыч і смутак – асірацелы лірычны герой многіх вершаў не мае душэўнага апірышча, востра адчувае ўласную адзіноту («На могілках», «Я не прадам бацькоўскай дом», «Ноч на радзіме», паэма «Узнясенне»). Тэма сіроцтва паралельна развіваецца з тэмай Радзімы, набывае трагічнае гучанне ў сувязі са стратай родных у вершы «Цяпер я круглы сірата...».

«Прывязанасць» У. Скарынкіна да зямных першаасноў своеасабліва: за звычайнымі побытавымі з’явамі і рэчамі ў вершах яго праглядаецца сімвалічны сэнс, прычым і канкрэтыка, і сімволіка прачытваюцца з выразнай драматычнай і нават трагічнай падсветкай жахлівымі падзеямі вайны ці смерцю блізкіх. Так, у адычна-мажорным вершы з першай кнігі «Буслы над аэрадромам» светла-ўзвышаны вобраз Белай Русі ствараюць не толькі «белыя гоні бульбы», «белыя плечы бяроз»,

«белыя россыпы рос», «вейкі рамонкаў белых», і г. д., але і драматычныя штрыхі-дэталі, што аздабляюць партрэт бацькаўшчыны новымі дэталямі: «Толькі *бялеюць скроні / Ўдовінай сівізной*» [1, с. 3]. У вершы «Родны дом», топас *дом (хата)* для паэта – сімвал не толькі шчасця і радасці, але і выпрабавання і пакут, натхнення і любові: «На фронт з галашэннем і плачам / Мужчын ён праводзіў сваіх / І быў у баі гарачым / Крыніцай мужнасці іх» [1, с. 29], а ў творы «Радзімкі смаленых сукоў» хата – гэтая нявеста.

Адным з напрамкаў мастацкай рэалізацыі тэмы радзімы ў творчасці У. Скарынкіна стала выкарыстанне класічнай традыцыі ў розных яе пра явах, найперш у звароце да папулярных твораў патрыятычнай тэматыкі папярэдняга. Атрыбутаванне падобных вершаў адбываецца за кошт эпіграфу: радкі з твораў Янкі Купалы, Рыгора Барадуліна і іншых мастакоў слова (вершы «Русь Белую Храмам я Белым Сню...», «Другі снег»). Даследчыкі сучаснай паэзіі адзначаюць, што ў творах У. Скарынкіна «вобраз Радзімы нясе ў сабе элемент няздзейснай мары: Айчына – Храм Белы, які сніцца лірычнаму герою, ён яшчэ толькі будзе пабудаваны, калі людзі пачнуць жыць у згодзе; толькі тады ў храм прыйдзе Бог, калі беларусы пакладуць на аналоі кнігі Скарыны» [2, с. 102].

Этнаграфія і фальклор – гэтаксама крыніцы любові да Радзімы, нездарма многія творы У. Скарынкіна маюць вытокамі веданне спадчыны, у тым ліку вусна-паэтычнай, народа, яго быту (вершы «Жавароначкі прыляцелі», «Не чыйсці конь бяжыць», «Пародзісты конь» і інш.). Акрамя знешняй арыентацыі на народна-песенныя традыцыі, паэт прысвячае верш «У Гудзевіцкім этнаграфічным музеі» настаўніку беларускай мовы і літаратуры Алесю Балакозу, які сабраў у Гудзевіцкім этнаграфічным музеі артэфакты, што запрасілі «сустрэцца з беларускай даўніною». Наколькі незвычайным для аўтара была сустрэча з абразом, акрытым ручнікамі, калі той пазнаў: «...о, незабыўны міг! – / Былога палачаніна Францыска, / Стваральніка праслаўленага кніг» [3, с. 96].

Мастацкая рэалізацыя тэмы Радзімы ў творчасці У. Скарынкіна часам адрозніваецца ад папулярнага ў нацыянальнай паэзіі яе ўвасаблення, калі вобраз роднага краю вельмі часта паўстае ідэалізаваным, прыхарошаным, пераважна ідылістычна-сялянскім. У вершах У. Скарынкіна з кнігі «Буслы над аэрадромам», «Гукавы бар’ер», «Дазвольце ўзлёт», «Чацвёрты разварот», «Вугал атакі», «Пасадачныя агні», «Выратавальны плыт» нямала і традыцыйнай вобразнай атрыбутыкі, звязанай са светам вёскі і родных людзей (дзьмухаўцы, валошкі / васількі, калос-

се, азёры, бары, лясныя рэкі і г. д.), і нетрадыцыйнай, новай для нацыянальнага паэтычнага «космасу» «тэхналагічна-рукатворнай» атрыбутыкі, дарагой і блізкай сэрцу і душы паэта-інжынера. Самалёты падчас начнога адпачынку нагадваюць птушак, што прыпынілі свой доўгі палёт, каб спачыць і перавесці дух.

Паступова тэма Радзімы ў творчасці У. Скарынкіна набывае адценні акрэсленага гістарызму, філасофскага нападзення, паэт у канцэптуальным разуменні Бацькаўшчыны і спасціжэнні яе духоўнай сутнасці далучаецца да мастацкай традыцыі філасофскай лірыкі: «Жыць і спаваць наканаваў мне лёс, / Таму жыццё маё – / не тамніца. / Мае багі – / вячэстая крыніца, / Зямля бацькоў, / блакітны плёс нябёс» [3, с. 47].

Згадваючы славыты і залаты час ў гісторыі Беларусі – час ВКЛ – У. Скарынкін не можа не спраецываваць гэты перыяд на сучаснасць, ён нібы Мялешка ў знакамітай прамове параўноўвае былое і сучаснасць і з сумаю канстатуе, што былая сталіца славутага княства і асяродак нацыянальнай культуры ўжо не належыць беларускаму народу. У сувязі з адзначанай тэмай у лірыцы У. Скарынкіна атрымлівае ўвасабленне і развіццё матыў вяртання на радзіму, а ў сувязі з ім – матыў душэўнай раздвоенасці-разарванасці, паэт імкнецца паяднаць, як і яго славыты папярэднікі Міхася Стральцоў, горад і вёску, далучыўшы да гэтага складанага працэсу і сваіх дзяцей. У апошніх кнігах паэта тэма «вяртання да вытокаў» набывае ўсё большае гучанне, еднасць прыроды і стану душы лірычнага героя з цягам часу ўсё больш і больш актуалізуецца ў вершах «Перад узыходам сонца», «Дзень спакойнага сэрца», «У заснежаных лясах...», «Сіняя сонь», «У сакавіцкім лесе», «Звыкся з жахамі і дзівосамі...» і інш. Лірычны герой у падобных творах – гарманічная і суладная часцінка прыроды, быцця, нягледзячы на кароткатэрміновасць шчасця («Як бывае ён рэдка – / Дзень спакойнага сэрца» [3, с. 74]).

Спецыфіка мастакоўскага почырку У. Скарынкіна заключаецца ва ўменні лаканічна і разам з тым гранічна дакладна перадаць пачуццё, эмоцыю, калі тэма Радзімы раскрываецца ў лірыцы паэта праз маляўнічае апісанне блізкіх і дарагіх краявідаў, імпрэсіяністычны пейзаж, што нараджае ў рэцыпіента яскравы малюнак, поўны характа і непаўторнасці. Вядучымі трыпамі ў дадзеным выпадку выступаюць адухаўленне і метафарызацыя: «Зара памыла валасы / У рэчцы, як пастушка. / І завязала для красы / Малінавую стужку. / Затым прысела на мастку, / Не тоячы знямогі, / І апусціла ў раку / Бяроза-вая ногі» [1, с. 16].

Па прыродзе свайго таленту У. Скарынкін – паэт-лірык, яго вершам уласцівыя глыбіня і эмацыянальная насычанасць, кожнае слова ў паэ-

тычнай страфе мастака канцэнтруе ў сабе глыбокі сэнс, невыпадкова многія яго творы нагадваюць эскізы, накіды, за немудрагелістымі мікрарабразамі якіх бачыцца шырокая зместавая перспектыва і эмацыянальная аб'ёмнасць. Паказальны ў гэтых адносінах верш «Сіняя сонь»: «Сіняя сонь навакол, / Сінія – / лес і аселица. / З рэшата поўні / на дол / З шоргатам / бліскаўкі сеюцца. / Сіні марозны туман, / Цені размытыя, / сінія. / Яблыні, / дуб-велікан / І ясакары – / у інеі» [3, с. 76]. У. Скарынкін выкарыстоўвае эліптычныя канструкцыі, пазбягаючы дзеясловаў, што надае вершу статычнасць сапраўднага малюнка. Дзеясловы ўжываюцца толькі для «контурнага» пазначэння тых складаных уражанняў, якія ўзніклі ад сузірання родных ваколіц. Поўнасцю выявіць свае адчуванні ў словах паэт нават не спрабуе – намнога больш і лепш за іх гаворыць недасказанасць.

У лірыцы У. Скарынкіна тэма Радзімы распрацоўваецца паралельна з тэмай экалогіі («Дзе буслы кружылі...», «Як папрацавалі бензапілы!..», «Экалагічны верш»), у тым ліку і духоўнай («Яшчэ на свеце многа дзівакоў!..», «У лесе», «Перад уцёкамі ў лістапад», «Кібітка лёсу коціцца няўмольна...» і інш.). Раскрыццё такой спрадвечнай і актуальнай тэмы, як прырода і чалавек, у творчасці паэта паступова поўніцца новым зместам – звяртаецца ўвага найперш на экалогію чалавечай душы, што ці не ўпершыню ў нацыянальнай літаратуры было зроблена Васілём Зуёнкам (верш «Ніхто не пачуў...») і Янкам Сіпаковым (верш «У траве пажухлай і счарнелай...»). На думку У. Скарынкіна, жыццё ва ўрбанізаваным грамадстве, дзе ўсё менш адчуваць становіцца сувязь з зямлёй, народнымі каранямі, не спрыяе захаванню душэўнай гармоніі: «Раве, / грыміць за вокнамі прагрэс, / Вядзе на нас, людзей, / атаку шумам... / І я ўцякаю ўсё часцей / у лес, / Знясілены і мітусней, / і тлумам...» [3, с. 65], таму трэба бегчы «ад званкоў і нарад <...> / у залаты лістапад» [2, с. 66], каб памяняць тлум і балаганны гоман на «ўзнёслую фугу спакою» [4, с. 13] у выканні залатых ствалоў асінак, дашчанай кладкі праз Іслач і нябёсаў.

Жахлівым папярэджаннем будучаю пакаленню і трагічнай песняй гучыць «Калыханка для ўнучкі Насці» пра жыццё сучаснага горада, дзе «...з водаправодных кранаў / Льецца мёртвая вада. <...> / Выпаўзлі на бераг / ракі / Там / з забруджанай ракі. / Там галубкі-небаракі / Чорныя, / нібы гракі. / Кожны дзень / у горад новы / Прылятае шматгаловы, / Ненажэрны, / страшны цмок, / Што мянушку мае – / Смог» [4, с. 89–90].

Ваенная тэма арганічна ўвайшла ў паэзію шматлікіх пакаленняў і для многіх мастакоў слова стала вызначальнай (узгадаем хоць бы Рыгора Барадуліна і Янку Сіпакова), не скончылася яна

і для У. Скарынкiна, заўчасных удоў, для маці, што доўгія дні і ночы чакаюць сыноў. Так, у вершах «З уласнай памяццю я на нажах...», «За мною гоніцца аўчарка», «На Зеелаўскіх вышынях», «Хатынь», «Блакада», «Наста і Еўдакія», паэмах «Узнясенне», «Сляпы дождж» аўтар не толькі расказвае чытачам ўласную трагедыю скалечанага дзяцінства, але і раскрывае трагедыю пакалення бязбацькавічаў, апісвае трагедыю маці, яе балючую, вечна-нязгасную надзею на вяртанне мужа-абаронцы і распавядае пра гора айчыма, што страціў на вайне дачку і жонку, маці і бацьку. Верш «Ці скоро сыночак мой прыйдзе з вайны?» таксама раскрывае тэму вайны, паэт імкнецца перадаць чытачам матуліна гора і трагічнасць лёсу сына-салдата, які загінуў на вайне.

Пры дапамозе выкарыстання традыцый вуснай народнай творчасці аўтар паказвае размову маці са званочкам: «Скажы мне, званочак, / Званочак лясны: Ці скоро сыночак / Мой прыйдзе з вайны? / – Завялы вяночак / На хвалях Дзвіны. / Не скоро сыночак / Твой прыйдзе з вайны. / – А як жа, званочак, / Даведацца мне: / Калі мой сыночак / Мяне / Прыгарне? / – Ты з рэчкі пясочак / На ганку пасей, / Як сеяў сыночак – / Пястун Аляксеі. / – Навошта, званочак, / Званочак лясны, / На ганку пясочак / Мне сеяць рачны? / – Калі ён узыздзе, / Як рунь зеляны, / Сыночак твой прыйдзе / Дадому з вайны» [5, с. 30–31]. Працытаваны верш У. Скарынкiна знешняй фабулай нагадвае баладу А. Куляшова «Маці», але сваёй незакончанасцю, адсутнасцю прамога вырашэння канфлікту паміж жыццём і смерцю набліжаецца да фальклорнай балады. Сталася так, што большасць твораў на гэтую тэму напісана У. Скарынкiным з арыентацыяй на традыцыйны вуснай народнай творчасці, у так званым «песенна-лірычным ключы», як, да прыкладу, верш «Дачка з паходу чакала татку», які нагадвае знакамiты барадулiнаўскі «Бацьку».

Аўтар паспяхова асвойвае ў сваёй лірыцы і гістарычную тэму, пры раскрыцці якой не толькі дакументальна адлюстроўвае і падае, але і асэнсоўвае падзеі гісторыі. «Гістарычная панарамнасць» даволі часта прысутнічае ў вершах, прысвечаных праблемам сучаснасці, бо для пісьменніка характэрна імкненне не толькі знайсці вытокі той ці іншай з’явы, але і прасачыць яе развіццё ў будучым. Менавіта таму для рэалізацыі сваёй задумы паэт абірае жанравую абалонку «гістарычна-панарамных» вершаў-роздумаў пра лёс беларусаў. У падобных творах праз канкрэтныя, адзінкавыя моманты жыцця беларуса можна выразна ўбачыць усю гісторыю краіны і народа. Гэта значыць, што паэт, узгадваючы асобныя падзеі, на першы погляд нават не варта чытацкай увагі, выходзіць на шырокае абагульненне пра лёс нацыі.

Рэлігійныя матывы трывала ўвайшлі ў апошнія зборнікі У. Скарынкiна, паэт разважае пра рэлігійную талерантнасць у вершы «Касцёл і царква ў Глыбокім», называе святым месцам родную зямлю («Калі ў жыцці ўсё менш святога, / Калі жыруюць гандляры / І ўчынкамі сваімі Бога / Ганьбуюць нават святары, / Паедзем на святое месца / Да вечных ісцін / і святых, / Дзе льецца сонечная мяса / З бяздонных восеньскіх вышынь» [4, с. 27]), імкнецца размежаваць і паказаць іншым адрозненне Бога і бажкоў сучаснасці («Атэістычны верш»).

Творчасць У. Скарынкiна, прадстаўленая трыма апошнімі зборнікамі, адметная сваёй роздумнасцю, рэфлексійнасцю, прычым філасофізмам не штучным, інтэлектуалізаваным, а жыццёвым, натуральным, што праяўляецца ў творах рознай праблематыкі (пейзажныя апісанні, вершы на тэму кахання, мастака і мастацтва – «Катэгарычнае прызнанне», «Ода заручліваму прысцёнку», «Апошнія слова», «Не забываць, не хам, не пралаза...», «Свойскія гусі», «Чарнавік» і інш.). Асабліва ўласна філасофскай лірыцы аўтара становіцца пашырэнне ў ёй фаталістычных матываў («Праз могілкі / змалку / ісці ўсё жыццё / Мне наканавана – ДАХАТЫ...» [1, с. 57], з’яўленне знакава-сімвалічнага вобразу сасны над абрывама («Стаіць сасна на пальцах-каранях, / Стараючыся нагадаць як быццам / Мне аб мінулых незваротных днях» [4, с. 29]), гатовай сігануць у самую апраметную.

Арганічнай для творчага тэмпераменту У. Скарынкiна з’яўляецца праца ў тэматычным дыяпазоне інтымнай лірыкі – тэма кахання пастаянна знаходзіцца ў полі яго ўвагі. Аднак лірычны герой твораў гэтай тэматычнай групы лірыкі рэдка калі выступае ўзнёслым і бесклапотным, найчасцей ён задумлены, засмучаны – нават назвы твораў указваюць на іх агульны настрой: «Не скажу табе, у чым прычына...», «Блізкі гай – зялёны...», «Я абразіць Вас пабаюся...», «Зімовым адвяхоркам, як паганец...» і інш.

Пачуццё кахання ў У. Скарынкiна мала ў чым падобнае да бязвоблачнага шчасця, часцей за ўсё гэта боль і пакута ў рознай ступені праяўлення. Не закранаючы пытання аўтабіяграфічнай асновы твораў, варта падкрэсліць іх эмацыянальную дакладнасць, настраёвую адпаведнасць жанравым параметрам інтымнай лірыкі, лепшыя ўзоры якой ніколі не ствараліся ў мажорных інтанацыях. Элегічнасць, мінорнасць вершаў У. Скарынкiна на тэму кахання пераконвае ў непадробнасці высокага пачуцця, дакладна ўзнавіць якое ў слове – адзнака сапраўднага таленту.

Даволі прадстаўнічым у паэзіі У. Скарынкiна з’яўляецца пласт гумарыстычны, прадстаўлены літаратурнымі пародыямі, карыснымі парадзіямі і сатырычнымі вершамі з кніг «Пасадач-

ных агні» і «Размова на парозе». Паэт дасціпна, з лёгкім гумарам, а часам і з'едлівай іроніяй выкрывае асноўныя заганы сучасніка (у тым ліку і мастака-творцы), якія ўзніклі і завастрыліся пад уплывам змен у грамадстве напрыканцы XX стагоддзя.

Тэматычная разнастайнасць паэзіі У. Скарынка «апануа» ў адпаведную жанравую абалонку, паэт з аднолькавым поспехам карыстаецца рознымі класічнымі (сталымі, традыцыйнымі) жанрамі. Побач з гучнай, закліковай одай у яго існуе і сумная, ціхая элегія, і трагедыяная паэма балада, і павучальная прытча, і песня, і прысвячэнне, і калыханка, і класічны санет, і ўсходняя газель.

Вобразны свет паэзіі У. Скарынка вытрыманы ў розных колерах, маляўнічы, у ім арганічна спалучаюцца эпітэты, метафары, параўнанні, дэталі і сімвалы.

Эпітэты У. Скарынка вызначаюцца разнастайнасцю: пасталелая душа, блакітная мара, ціхая аблачынка, дождж сляпы, няўтольная крыўда, чарадзейны спеў, урачыстыя ранкі і інш. У большасці яны індывідуальна-аўтарскія, а не сталыя, сведчаць пра чуйныя адносіны паэта да роднай прыроды, яго захапленне прыгажосцю свету і ўменне бачыць незвычайнае ў звычайным, складанае ў простым, вялікае ў малым.

Даволі пашыраная з'ява ў паэзіі У. Скарынка – параўнанні, якія арганічна ўпісваюцца ў кантэкст верша як пры дапамозе злучнікаў, так і без іх, бо як паэт-лірык ён не можа не параўноўваць, не супастаўляць, не прыпадабняць далёкія, але ў нечым падобныя прадметы і з'явы: пянёк, як грамафонная пласцінка; як пальцы піяніста, пракочваецца хваля; нявестай пазірала хата; аброшаныя лапкі хвой, нібы алмазныя падвескі і інш.

Адной з яркіх асаблівасцей ранняй паэзіі У. Скарынка з'яўляецца яе метафарызацыя. У залежнасці ад эстэтычных задач, зместу і жанру пад рукою мастака самае непэтычнае, немасцяцкае слова становіцца высокамастацкім і высокапаэтычным. Падобная своеасаблівасць паэзіі мастака – вынік індывідуальна-аўтарскага бачання свету, спроба ўзбагаціць і «ўшчыльніць» змест твора.

Метафара ў У. Скарынка – выразны вобразны сродак мовы, які ўтвараецца на аснове паралельнага існавання, на ўнутраным супастаўленні прамога і пераноснага значэння слова: сланечнікі ззялі; самалёты застылі сціпла да зары; поўня бераг азірала слепа; журботна і жудасна стогнуць званы; прыветныя хаты гасцям да вайны ўсміхаліся шыбамі вокан; прасоўвае пальцы сонца праз парэпанья драціцы; зямля стаілася і лічыць; кукарэкаць пачала зара і інш.

Вобразы-сімвалы ў паэзіі У. Скарынка – праявы глабальных архетыпаў, перасатвора-

ных у адпаведнасці з нацыянальнай ментальнасцю. У паэта сімвал – гэта непадзельная тэманасць агульнага і адзінкавага, ідэальнага і рэальнага, бясконцага і канечнага. Сімвал магільны, напрыклад, знаходзіць месца ў паэтычным светабачанні як увасабленне не канца жыцця, а як памяць, сведка, напамінак жывым (паэма «Узнясенне», «На могілках» і інш.). Смерць – гэта не толькі канец зямных спраў, але і пачатак нечага іншага, працягу жыцця ў нашчадках, сімвал людскай памяці. Сімвалам пакут, страт і скалечанага ўкрадзенага маленства, а таксама балючай памяці становіцца ў паэта вобраз вайны, які праходзіць праз усе яго кнігі, ад першай да апошняй.

Пашыранымі сімваламі ў творчасці паэта становяцца зоры і неба, да якіх імкнецца, як да вышэйшага ідэалу, лірычны герой («Буслы над аэрадромам», «Даўно закончаны палёты...»), «Быццам Салавей-разбойнік...» і інш.). У сувязі з вызначаным вобраз Ікара таксама становіцца сімвалам імкнення да мар, жадання выйсці на новую арбіту жыцця («Дарога ў неба», «Жывуць і ў нашы дні Ікары», «Аднак бяда адна не ходзіць...»). Гістарызм яго ідэйна-эстэтычнай пазіцыі вынікае з ведання старажытнагрэчаскай легенды пра лёс Ікара, пакаранага багамі за імкненне падняцца да сонца.

Заклучэнне. Зыходзячы з усяго сказанага вышэй, можна зрабіць наступныя высновы пра жанрава-тэматычны асаблівасці паэзіі Уладзіміра Скарынка: мастак узнімае маштабна-эпічныя па сваёй прыродзе праблемы (вайны і міру, будучыні нацыі, грамадства і чалавецтва, захавання экалагічнай раўнавагі і маральнай дабрачыннасці); у большасці вершы мастака ўзніклі як водгук на падзеі грамадскага быцця і ў сукупнасці ўтвараюць своеасаблівы летапіс эпохі, пазначаны праз прызму аўтарскай суб'ектыўнасці; эпічнай асновай для вершаў таксама з'яўляецца іх аўтабіяграфізм.

Літаратура

1. Скарыкін, У. Лосвіда: вершы і паэмы / У. Скарыкін. – Мінск: Маст. літ., 1993. – 199 с.
2. Сучасная літаратура: каардынаты ідэйна-мастацкага пошуку / С. А. Андрэюк [і інш.]; навук рэд. В. М. Стральцова. – Мінск: Беларуская навука, 2008. – 286 с.
3. Скарыкін, У. Выратавальны плыт: вершы, паэма / У. Скарыкін. – Мінск: Маст. літ., 1988. – 127 с.
4. Скарыкін, У. Апошнія слова: вершы / У. Скарыкін. – Мінск: Маст. літ., 1994. – 95 с.
5. Скарыкін, У. Пасадачныя агні: паэма, вершы / У. Скарыкін. – Мінск: Маст. літ., 1985. – 95 с.

Пасмуніў 12.03.2013

УДК 821.161.3(437.6)+929 Купала

М. В. Трус, кандыдат філалагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры (БДТУ)

ЯНКА КУПАЛА Ў СЛАВАКІІ: МЕТАДАЛАГІЧНЫ ДЫСКУРС ДАСЛЕДАВАННЯ ТЭМЫ

Факталагічнай асновай артыкула стаў візіт Янкі Купалы ў складзе дэлегацыі савецкіх журналістаў і пісьменнікаў у Чэхаславакію ў кастрычніку 1935 года. Праца ў архівах і бібліятэках Славакіі дазволіла выявіць і ўвесці ў навуковы ўжытак шэраг новых матэрыялаў і дакументаў, тым самым абвергнуць стэрэатыпы вызначэння некаторых напрамкаў даследавання як цалкам вывучаных, непersпектыўных. Канцэптуальнае меркаванне аўтара грунтуецца на тым, што тэма «Янка Купала ў Славакіі» павінна распрацоўвацца з улікам зменлівай грамадскай і культурнай сітуацыі, скарэктываванай прызмы асэнсавання мінулага ў Беларусі і Славакіі.

The factual aspect of the article is Yanka Kupala's visit to Czechoslovakia as a member of the delegation of Soviet journalists and writers in October 1935. The work in archives and libraries of Slovakia allowed a range of new materials and documents to be revealed and introduced to the scientific use. Thus, the stereotypes of evaluating some directions of research as completely investigated and unpromising were refuted. The author's concepts are based on the idea that the theme "Yanka Kupala in Slovakia" should be elaborated in conformity with the changing social and cultural situation and understanding the past of Belarus and Slovakia.

Уводзіны. У кастрычніку 1935 г. Янка Купала прадстаўляў Беларусь у Чэхаславакіі ў складзе дэлегацыі савецкіх журналістаў і пісьменнікаў. Пры асвятленні візіту ўласна чэшскі складнік у купалазнаўчай літаратуры мае свае набыткі. Адносна праграмы, маршруту паездкі па Славакіі купалазнаўчая літаратура доўгі час давала вельмі скупую інфармацыю. Праца аўтара гэтых радкоў у бібліятэках і архівах Славакіі паказала, што малавядомыя старонкі жыцця паэта можна разгледзець дэтальна.

Знаходкі і аналітычныя роздумы прадстаўлены ў цыкле нашых артыкулаў на старонках навуковага і метадычнага часопіса «Роднае слова», падсумаваны ў манаграфіі «Янка Купала ў Славакіі» (2012), прадмову да якой напісаў Надзвычайны і Паўнамоцны Пасол Славацкай Рэспублікі ў Рэспубліцы Беларусь Марыян Сэрватка.

Асноўная частка. Пасля Першай сусветнай вайны на абломках Аўстра-Венгерскай імперыі ўзнікла новая дзяржава – Чэхаславакія. Перад славацкім народам разгарнуліся перспектывы для эканамічнага, культурнага развіцця, актыўнага міжнароднага супрацоўніцтва. Славацкая мова стала мовай не толькі пісьменніка, але і чыноўніка, заняла належнае месца ва ўсіх сферах грамадскага жыцця. На скрыжальных нацыянальнага будаўніцтва пазначаны наступныя гістарычныя падзеі: у 1919 г. афіцыйна замацавалася славацкая назва галоўнага горада – Браціслава, адчынены ўніверсітэт імя Я. А. Коменскага; у 1920 г. заснаваны Славацкі нацыянальны тэатр. У краіне актывізавалася палітычнае і культурна-асветніцкае жыццё, з'явілася разгалінаваная сістэма сродкаў масавай інфармацыі.

На новым узроўні ўсталёўваліся сувязі з чэшскай культурай, сусветнай літаратурай увогуле. Галоўным дасягненнем было тое, што прыгожае пісьменства атрымала магчымасць адысці

ад традыцыйнай абарончай накіраванасці, пастаяннай засяроджанасці на праблемах нацыянальнага выжывання.

Беларуска-славацкія культурныя сувязі міжваеннага перыяду развіталіся ў агульным рэчышчы чэхаславацка-савецкіх стасункаў і ўзаемадзейненняў.

Урад Чэхаславакіі выступіў з ініцыятывай, якая атрымала назву «Руская акцыя». Маладая дзяржава дапамагала прадстаўнікам рускай, украінскай, беларускай эміграцыі ўладкавацца на працу, атрымаць адукацыю, садзейнічала зберажэнню культуры народаў былой Расійскай імперыі. Тут працягвала навуковую і творчую дзейнасць кагорта прызнаных навукоўцаў і літаратараў, жыццёва звязаных з Беларуссю. Сярод іх літаратуразнаўца Яўген Ляцкі, пісьменнік Яўген Чырыкаў, філосаф Мікалай Лоскі і інш. З Прагай і Карлавым універсітэтам звязаны важныя старонкі творчага сталення, грамадскай дзейнасці Уладзіміра Жылкі, Ігната Дварчаніна, Тамаша Грыба і іншых. Некаторых далейшы лёс парадніў з Браціславай. Так, выпускніца беларускай гімназіі ў Дзвінску (Даўгаўпілсе) Людміла Краскоўская (1904–1999) пасля заканчэння Карлава ўніверсітэта ўсё сваё жыццё прысвяціла Славацкаму нацыянальнаму музею, стала вядучым прадстаўніком славацкай археалогіі і нумізматыкі.

Янка Купала наведваў Чэхаславакію ў 1925 і 1927 гг. Наступная яго паездка ў кастрычніку 1935 г. істотна пашырыла геаграфію знаёмства з гэтай краінай. Паэт прадстаўляў Беларусь у складзе дэлегацыі савецкіх журналістаў і пісьменнікаў. Паездцы папярэднічала важная падзея: 16 мая 1935 г. была падпісана дамова паміж урадамі Чэхаславакіі і СССР аб узаемнай дапамозе. У гэты час ажывіліся і культурныя сувязі паміж краінамі, пра што сведчыў і абмен дэлегацыямі.

Місію савецкіх журналістаў і пісьменнікаў узначальваў Міхаіл Кальцоў. У яе склад уваходзілі асобы, якія вызначалі аблічча рускай, украінскай, беларускай літаратур, прадстаўлялі вядучыя перыядычныя выданні краіны. З пісьменнікаў, акрамя Янкі Купалы, гэта былі Аляксей Талстой, Аляксандр Фадзееў, Ганна Каравая, Іван Мікітэнка, Сяргей Трацякоў.

Візіт праходзіў пад эгідай падрабязнага знаёмства з эканамічным, культурным жыццём розных гарадоў і рэгіёнаў краіны. Дамінанта афіцыйных сустрэч – выступленні за ўмацаванне міру ў Еўропе, за аб'яднанне сілаў перад пагрозай фашызму.

Дэгацыя некалькі дзён падарожнічала па Славакіі. У інтэрв'ю і М. Кальцоў, і А. Талстой падкрэслівалі, што менавіта пра Славакію ў Савецкім Саюзе было вядома на той час найменш.

На старонках славацкіх газет друкаваліся першыя кароткія характарыстыкі-візіткі Я. Купалы. Ён называўся «літаратурным будзіцелем», «самым вядомым паэтам беларускай галіны рускага народа» і інш.

Пра праграму, маршрут паездкі па Славакіі купалазнаўчая літаратура сёння практычна не дае ніякай інфармацыі. Энцыклапедычны даведнік «Янка Купала» абмалёўвае, па сутнасці, адным штрыхом знаходжанне паэта ў Браціславе, фіксуе толькі тое, што ён «пабываў на прадпрыемствах горада». Яго інтэрв'ю, дадзеныя карэспандэнтам газет «Звязда» і «Літаратура і мастацтва» адразу пасля вяртання на радзіму, дыпламатычна хваласпеўныя і не ўтрымліваюць падрабязнай інфармацыі.

Між тым праца аўтара гэтых радкоў у бібліятэках і архівах Славакіі паказала, што малавядомыя старонкі жыцця народнага паэта можна разгледзець дэтальна. Такая магчымасць існуе дзякуючы найперш таму, што адказным за прыняцце дэлегацыі быў сіндыкат чэхаславацкіх журналістаў. Кожная сустрэча, імпрэза падрабязна апісвалася ў перыядычных выданнях. Для даследчыкаў творчасці Я. Купалы гэта сапраўды ўнікальная магчымасць: славацкія журналісты, надаючы вялікае значэнне гэтаму візіту, насамрэч склалі падрабязны дзённік жыцця беларускага песняра ў Славакіі – ад гарачага вітання дэлегацыі на платформе чыгуначнага вакзала ў Браціславе да развітальных сустрэч на ўлонні дзівосных краявідаў Высокіх Татраў [1; 13].

У час візіту рабіліся здымкі, афіцыйна-ўрачыстыя і будзённыя. Праграма візіту была насычаная. Акрамя Браціславы дэлегацыя наведвала Святы Юр, Модру, Пешцяны, населеныя пункты ў Высокіх Татрах. Гэта было знаёмства з культурным жыццём гарадоў, эканомікай, функцыянаваннем школ, бальніц, грамадскіх інстыту-

цый. Пералік знаёмых Янкі Купалы пры гэтым можа быць прадстаўлены шэрагам імёнаў адметных славацкіх пісьменнікаў таго часу: Гана Грэгарова, Эла Шандар, Янка Алексы, Гейза Вамаш, Ян Понічан і інш.

Славакі надавалі візіту дэлегацыі савецкіх журналістаў і пісьменнікаў вельмі важнае, сапраўды гістарычнае значэнне. Гасцям паказвалі ўсё самае лепшае, суправаджалі ганаровую місію таксама прызнаныя нацыянальныя майстры пяра. Як правіла, гэта былі палітычна ангажаваныя пісьменнікі, якія з вялікай сімпатыяй ставіліся да Савецкага Саюза, змагаліся супраць сацыяльнай няроўнасці ў сваёй краіне. Лёс кожнага з іх у далейшым склаўся па-рознаму. Падзеі Другой сусветнай вайны, пасляваенныя грамадска-палітычныя змены прадвызначылі тое, што многія з іх, як кажуць, апынуліся па розныя бакі барыкады, хтосьці стаў ахвярай малоха жорсткай гісторыі, пра некаторых папросту забылі. За апошнія амаль два дзесяцігоддзі многія імёны былі вернуты з небыцця, іх уклад у нацыянальную культуру карэнным чынам пераасэнсаваны.

У асвятленні візіту Янкі Купалы ў Чэхаславакію ў складзе дэлегацыі савецкіх журналістаў і пісьменнікаў уласна чэшскі складнік у купалазнаўчай літаратуры мае свае набыткі, хаця вычарпанай гэтую тэму палічыць аніжк нельга. Абставіны ж некалькіх дзён знаходжання дэлегацыі ў Славакіі яшчэ ў той час савецкі друк практычна праігнараваў. Можам меркаваць, што на тое былі палітычныя прычыны, ды і сам пясняр у сваіх справаздачных артыкулах пра славацкія дні і ўражанні фактычна нічога не напісаў. Магчыма, гэта засталася ў планах, магчыма, была перапіска з некаторымі славацкімі калегамі, але клопаты юбілейнага 1935 года, вядомыя пакручастыя зрухі гісторыі ў наступныя гады ламалі планы. Думаецца, што славацкія ўражанні сталі аднымі з самых светлых імгненняў успамінаў пісьменніка. Але гэта ў сферы тонкага, асабістага, а для даследчыкаў выяўляецца неапрацаваная дзялянка.

Цыкл нашых артыкулаў «Янка Купала ў Славакіі ў 1935 г.», апублікаваных на старонках часопіса «Роднае слова», дазволіў падняць гэты цалік. Таксама як і публікацыі Івана Чароты, багатыя на візуальную прэзентацыю, думаецца, яны пераканалі купалазнаўцаў у прадуктыўнасці пошукаў у славацкім кірунку [14; 15].

Вядома, самы аўтарытэтны падрачунак летапісу жыцця і творчасці паэта прадстаўляе Поўны збор твораў у 9 тамах. Звернемся да асвятлення ключавых момантаў візіту ў Чэхаславакію ў 1935 г.:

«*Кастрычнік, 5–20.* У складзе дэлегацыі пісьменнікаў і журналістаў, у якую ўваходзілі М. Кальцоў (кіраўнік дэлегацыі), А. Талстой,

А. Фадзееў, Г. Караваева, І. Мікітэнка і іншыя, падарожнічаў па Чэхаславакіі.

Кастрычнік, 6. Дэлегацыю прыняў міністр замежных спраў Чэхаславакіі Э. Бенеш.

Кастрычнік, 8. Выступіў у Міністэрстве замежных спраў Чэхаславакіі.

Кастрычнік, 9. Выступіў у Празе на сустрэчы з чэшскімі пісьменнікамі.

Кастрычнік, 11. З членамі дэлегацыі наведаў Пльзень. Агледзелі бровар і цэхі завода “Шкода”.

Кастрычнік, 13. “Rude pravo” змясціла інфармацыю пра паездку савецкай дэлегацыі, вершы Я. Купалы “Старыя акопы” і “Дзве дзяўчыны” ў перакладзе на чэшскую мову І. Барта.

Кастрычнік, 16. У “Літаратуры і мастацтве” сяброўскі шарж на Я. Купалу мастака В. Волкава, эпіграма Я. Коласа “Адзначым факт”...

Кастрычнік, 17. На курорце П’ешцяны. Наведалі таксама г. Модра.

Кастрычнік, 20. Праз Мінск праехала дэлегацыя пісьменнікаў і журналістаў СССР, якая вярталася з Чэхаславакіі. Я. Купала застаўся дома. “ЛіМ”, 23 каст.» [16, с. 229–230].

Паколькі акадэмічнае выданне спасылаецца на энцыклапедычны даведнік, звернемся і да яго:

«БРАЦІСЛАВА, горад у ЧССР, сталіца Славацкай Сацыялістычнай Рэспублікі. Купала ў складзе дэлегацыі савецкіх пісьменнікаў і журналістаў наведаў Браціславу ў кастрычніку 1935, пабываў на прамысловых прадпрыемствах горада» [17, с. 94].

«МОДРА, горад у ЧССР. Купала ў час паездкі па Чэхаславакіі ў складзе савецкай дэлегацыі 17.10.1935 наведаў Модру, дзе адбылася сустрэча з прадстаўнікамі гарадскіх улад і культурных арганізацый горада. Члены дэлегацыі агледзелі майстэрні славацкай керамікі, пабывалі ў дзяржаўнай вінаробча-пладаводчай школе. Пра гэта паведамлялі 18.10.1935 газеты “Slovenský denník” (“Славацкі дзённік”) і “Ludový denník” (“Народны дзённік”)» [17, с. 405].

Вынікам нашага даследавання сталі наступныя «рэанімаваныя» славацкія эпизоды жыцця Янкі Купалы. У спісе літаратуры прыведзены матэрыялы славацкай перыёдыкі тых часоў, якія сталі асновай для такіх фактаграфічных высноў:

«*Кастрычнік, 15.* У 19.45 дэлегацыя прыбыла цягніком у Браціславу. Урачыстая сустрэча гасцей з Савецкага Саюза на чыгуначным вакзале, зладжаная гарадскімі ўладамі, славацкімі калегамі па пярэ, працоўнымі Браціславы. Спыніліся ў гатэлі “Carlton” (“Карлтан”). А 21-й гадзіне ў гонар гасцей даваў урачыстую вячэру Сіндыкат чэхаславацкіх журналістаў.

Кастрычнік, 16. Першая палова дня была прысвечана экскурсіі па Браціславе. Сярод наведаных мясцін і ўстаноў – прыстань на Дунаі,

Цэнтральны кааператыў (Ústredné družstvo), школы, студэнцкі інтэрнат і інш.

У другой палове дня дэлегацыя перамясцілася ў Святы Юр. Пра гэту падзею ёсць запіс мясцовага храніста ў “Памятнай кнізе горада”. Госці з СССР пакінулі ў ёй свае аўтографы, Янка Купала ў тым ліку.

Наступным горадам у праграме знаёмства з памятнымі мясцінамі Славакіі ў той дзень была Модра. Тут былі агледжаны керамічная майстэрня і школа, якой былі падараваны прывезеныя з сабой кнігі.

Дзень завяршыўся знаёмствам з курортным горадам Пешцяны. Кіраўніцтва курорта ў гонар гасцей дало ўрачыстую вячэру ў рэстаране гатэля “Thermia Palace”. Адным з выступоўцаў на ёй быў Янка Купала, пра што пісалі газеты “Slovenský denník” і “Slovenské národné noviny”. У памятнай кнізе гэтага гатэля прадстаўнікі дэлегацыі пакінулі свае аўтографы, Янка Купала ў іх ліку.

Кастрычнік, 17. Знаёмства дэлегацыі савецкіх журналістаў і пісьменнікаў з краявідамі і дастапомнасцямі славацкіх Высокіх Татраў. У першай палове дня былі агледжаны Ломніца, Татранская Котліна, Бельская пачора, Ждзяр. Абед прайшоў у гатэлі “Palace” у Новым Смокаўцы. Пасля абеду наведалі горнае возера Штрбскае плеса, санаторый імя Масарыка ў Вышніх Гагах, турыстычны цэнтр у Новым Смокаўцы, у якім гасцям быў прапанаваны гукавы этнаграфічны фільм рэжысёра Карала Рыцкі “Зямля спявае”. Урачыстая вячэра ў гатэлі “Palace”, арганізаваная дырэкцыяй дзяржаўных курортаў.

Кастрычнік, 18. Наведанне дзіцячага аздараўленчага цэнтра ў Дольным Смокаўцы і ад’езд пражскім хуткім цягніком у Мараўскую Астраву».

Вынікам нашых росшукаў сталі выяўленыя аўтографы Янкі Купалы, пакінутыя ў Святым Юры і Пешцянах; невядомыя здымкі; інтэрв’ю паэта, дадзенае чэшскай газеце «Lidové noviny» (17.10.1935), а потым у скарочаным выглядзе перадрукаванае славацкай газетай «Ludový denník» (20.10.1935) (не увайшло ў Поўны збор твораў у 9 тамах). У навуковы ўжытак уведзены ўспаміны пра паэта Вольгі Шандаравай, сведкі візіту 1935 г. Перакладзены і апублікаваны на старонках «Роднага слова» першы артыкул пра Янку Купалу ў пасляваеннай Славакіі (мяркуем, у пасляваеннай Еўропе наогул) [18].

Заклучэнне. Распрацоўка тэмы дазволіла зрабіць наступныя высновы: сёння неабходна пазбаўляцца ад стэрэатыпаў маркіраванасці даследчыцкіх тэм як перспектывных або непerspектывных; архівы Славакіі даваеннага перыяду (дзяржаўныя і прыватныя) добра захаваліся,

плён працы з імі можа істотна ўзбагаціць факталагічна гісторыю славацка-беларускіх сувязяў; тэма «Янка Купала ў Славакіі» павінна распрацоўвацца з улікам зменлівай грамадска-палітычнай сітуацыі і прызмы асэнсавання мінулага ў Беларусі і Славакіі.

Літаратура

1. ak. Dva dni so sovietskymi novinármí / ak // Slovenský deník. – 1935. – 19 októbra. – S. 2.
2. ak. Veselý večer s ruskými spisovateľmi / ak // Slovenské národné noviny. 1935. – 19 októbra. – S. 4.
3. Kahanček. Hostia z Ruska v Bratislave / Kahanček // Slovenský deník. – 1935 – 17 októbra. – S. 3.
4. Najväčší zisk sovietskej delegácie // Ľudový denník. – 1935. – 20 októbra. – S. 4
5. rk. Cesta ruských novinárov a spisovateľov po Slovensku / rk // Slovenský deník. – 1935. – 18 októbra. – S. 1.
6. Ruskí hostia v Bratislave // Slovenský deník. – 1935. – 17 októbra. – S. 1.
7. Sovetski hostia v Bratislave // Slovenská politika. – 1935. – 17 októbra. – S. 1.
8. Sovietski hostia v Piešťanoch // Ľudový denník. – 1935. – 20 októbra. – S. 2.

9. Sovietski novinári v Piešťanoch // Slovenský deník. – 1935. – 22 októbra. – S. 3.

10. Sovjetskí spisovatelia a novinári v Bratislave // Robotnícke noviny. – 1935. – 17 októbra. – S. 2.

11. Urýchlený kurz sovjetských novinárov o Československu // Robotnícke noviny. – 1935. – 16 októbra. – S. 4.

12. V Sv. Jure a v Modre // Ľudový denník. – 1935. – 18. októbra. – S. 2.

13. Vzácní hostia // Robotnícke noviny. – 1935. – 16. októbra. – S. 1.

14. Чарота, І. Янка Купала ў Славакіі / І. Чарота // Польшча. – 2007. – № 7. – С. 114–118.

15. Чарота, І. Неспадзяваная рэтраспекцыя замежнай паездкі песняра / І. Чарота // Культура. – 2007. – 1–7 верасня. – С. 20–22.

16. Купала, Я. Поўны збор твораў: у 9 т. / Я. Купала. – Мінск: Маст. літ., 2003. – Т. 9, кн. 2. – 414 с.

17. Янка Купала: энцыклапедычны даведнік / БелСЭ; рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1986. – 727 с.

18. Verchovskaja, V. Janka Kupala – talentovaný básnik bieloruský / V. Verchovskaja // Bratislava – Moskva. – 1945. – № 1. – S. 10–11.

Паступіў 12.03.2013

УДК 822.6-09

Т. М. Федарцова, кандыдат філалагічных навук, дацэнт (БДТУ)

СІНОНІМЫ АРХЕТЫПА «ДАРОГА» Ў БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ

У беларускай літаратуры архетыпы актыўна выкарыстоўваліся ва ўсе гістарычныя эпохі. Але менавіта ў мінулым стагоддзі значна ўскладнілася сістэма вобразна-мастацкага мыслення, угрунтаваліся індывідуальныя стылі аўтараў. Іх узаемадзеянсць сфарміравала самадастатковую і суцэльную духоўна-эстэтычную прастору, у якой на змену сцішанаму маленню мінулых эпох прыйшлі сінанімія, метафарычнасць, алегарычнасць, а галоўнымі канцэптамі сталі філасафемы Жыццё і Смерць, Прастора і Час, Дабро і Зло. Разглядаючы філасафему «прастора» няцяжка заўважыць, як пашыраецца паняцце архетыпа «дарога».

У артыкуле паказаны духоўна-эстэтычныя пошукі аўтараў, якія здзяйсняюцца пры дапамозе падбору сінонімаў да архетыпа «дарога».

Archetypes were widely used in the Belarusian literature during all historical periods. But it is last century when the system of metaphorical-artistic thinking became more complicated and individual author's styles took root. Their interaction formed a basis for a self-sufficient and integral spiritual-aesthetic space where silent supplication of past epochs was replaced by synonymy, metaphoricalness, allegoricalness. Such philosophemes as Life and Death, Space and Time, Good and Evil became the main concepts of that time. Taking into consideration the "Space" philosopheme, the concept of "the road" archetype is obvious to get wider.

The article shows spiritual and aesthetic search of the authors by means of selecting synonyms to "the road" archetype.

Уводзіны. Сучасная літаратуразнаўчая навука ўсё часцей і больш настойліва, чым у XX ст., звяртаецца да праблемы функцыянавання ў мастацкай літаратуры архетыпаў, што дае магчымасць вылучаць агульныя заканамернасці і нацыянальныя асаблівасці светаўспрымання беларусаў. Калі разглядаць архетып «дарога», то першапачатковы матыў руху ў прастору па зададзеным маршруце бярэ свой пачатак з біблейскіх прыгчаў і міфалагічных паданняў. І нават з іх ужо заўважна, як дадзены архетып імкнецца набыць шматаблічча, наглядна паказаць усе магчымыя спосабы руху да пэўнай мэты.

Асноўная частка. Ды і пазней, у XX ст. дадзены архетып то інтэнсіўна злучаецца з топасам экзістэнцыйнага, як у коласаўскім апавяданні «Думкі ў дарозе», то ўтвораць тугі звяз з трагедыйным пафасам, як у вершы Я. Купалы «Паязджане», дзе выразна і рэзка гучыць матыў уласнай віны беларуса за няўменне пазбавіцца «шкодных чар» недабрадзеяў рознай масці, якія прымушаюць паязджан кружыць па замкнёным коле, не даюць адшукаць пуціну, каб выбрацца з паўсоннага таптання на месцы, то лучыцца з сюжэтам біблейскай прытчы пра «блуднага сына», як у вядомым рамане «Родныя дзеці» Ніла Гілевіча, дзе марныя і бессэнсоўныя памкненні вяртання ў маладосць сімвалізуе зарослая лесам дарога, то раптам, спаўна насыціўшыся напружанай эмацыянальна-пачуццёвай энергетыкай, дарога не толькі ўздымаецца да зорак, але і шырыцца, становіцца незваротнай, імкне ўвысь, быццам жадае прыўзняць беларуса над штодзённасцю, ўзнагародзіць яго цяпенне больш глыбокім пазнаннем сябе і сваёй краіны

(К. Чорны, «Млечны шлях»). Змітро Віталін называе дарогу святой, бо яна вядзе «да родных ніў, / бацькоўскага парога», Юрка Голуб прысвяціў дарозе трылет, а Змітрок Марозаў свой вянок вяноў санетаў «Апакаліпсіс душы» пачынае з параўнання санетнага радка з адвечным рухам па дарогах жыцця:

Вянок санетаў – летапіс дарог,

Занатаваны ў строгія каноны...

У кожнага паэта свой аблог,

Дзе ён шчыруе, мараю натхнёны [1, с. 43].

Аблог, разора, палетак – усе гэтыя азначэнні сінанімічныя архетыпу «дарога».

Янка Купала ў пачатку сваёй творчасці таксама актыўна выкарыстоўваў архетып «дарога». Гэта відаць нават па назвах вершаў: «З дарогі», «Дарогай змучаны далёкай», «Дарогі», «Па дарозе». Але з пашырэннем і паглыбленнем грамадзянскай тэматыкі Купала больш актыўна ўжывае такое апрадмечванне руху, як шлях.

Дарэчы, сінонім дарогі *шлях* актыўна выкарыстоўваўся нашымі класікамі ў пачатку XX ст. Дарога ў вобразна-мастацкім уяўленні тагачасных аўтараў не выпадкова ператвараецца ў больш шырокі прасторавы кампанент руху, які вядзе да пэўнай мэты, бо ён, па меркаванні Я. Купалы, не мае зваротнага напрамку, затое, у адрозненне ад дарогі, мае магчымасць змясціць на сабе і павесці ўперад шматлікую грамаду аднадумцаў. Такі падыход яскрава прасочваецца ў паэзіі Цёткі, якая вышэйшым ідэалам лічыла самаахвярнае служэнне ідэі нацыянальнага, сацыяльнага і духоўнага абуджэння сваёй Бацькаўшчыны. Яна разумела, што для кожнага беларуса самая

дарагія паняцці – зямля і воля. Але якімі б пакрычастымі сцэжкамі не ішоў да іх беларус, ён не дасягне мэты ў адзіночку, таму і ўзнікае сінонімі дарогі – *шлях*. І напрацягу ўсёй паэзіі Цёткі ён становіцца не менш значным, чым архетып «зямля», які ўжываецца паэткай не толькі ў разуменні «ўласная зямліца», «свой надзел», «глеба», але і як адраджэнскі сімвал, што яскрава паказана ў вершы «Наш палетак», дзе праслаўляецца супольнасць працы і надаецца павага тым: «Хто гараці добра зможа, / Хто разоры скоро ладзіць, / Хто шчасліва сее збожжа, / Хто гароды добра садзіць». Такім чынам на грунце архетыпа «зямля» і сіноніма дарогі *шляху* з'яўляецца цікавы персанаж сюжэтнага развіцця твораў Цёткі – грамада. Яе ўдзельнікі смела выносяць свае гора і радасць, думкі і пачуцці «на людзі», адкрыта выяўляюць асабістае супольна з іншымі, жывуць аднымі памкненнямі з усёй грамадой і рухаюцца з ёй у адным напрамку, па вызначаным для сябе, аднойчы і на заўсёды, напрамку.

Спынімся на асобных рысах, што вызначаюць адметнасць аблічча гэтага калектыўнага «персанажа» – грамады. Часцей за ўсё гэта супольнасць аднадумцаў, якія з'яўляюцца носьбітамі агульнага калектыўнага меркавання пра якую-небудзь з'яву, што выпрацавалася зыходзячы з доўгатэрміновага вопыту і непасрэднай жыццёвай практыкі. Так, у вершы «Наш палетак» паэтка пранікнёна паказвае, што і ў яе асабіста, таксама як і ў вясковай грамады, адначасова сфарміравалася супольная думка пра тое, што Бацькаўшчына – гэта «наш палетак негараны» і што прыйшоў час «ахвярнай супольнай працы». А значыць, што менавіта зараз асабліва патрэбныя калектывісцкія якасці, бо справа даходзіць да актыўнага супольнага дзеяння па адстойванні сваіх інтарэсаў. Вось таму і трэба выбірацца на шырокі шлях і настойліва рушыць па ім усёй грамадой да поўнага здзяйснення пастаўленай мэты.

Вобраз грамады Цётка паэтычна паказала і ў прозе. Варта нам звярнуцца да яе алегарычнага твора «Прысяга над крывавымі разорамі», і мы пераканаемся, што змаганне за свае зямельныя правы згуртавала сялян вакол ідэі яднання пралетарыяту, вясковай беднаты і салдат у барацьбе супраць самадзяржаўя. Вясковае грамада тут не толькі з'яўляецца «фонам», на якім вымалёўваюцца постаці галоўных дзеючых асоб, але і ўяўляе сабой, па сутнасці, своеасаблівы зборны персанаж, роля якога ў развіцці дзеяння можа быць даволі значнай. Цікава тое, што ў дадзеным выпадку калектывічны персанаж, які таксама нарадзіўся на падмурку сіноніма архетыпа «дарога» – *шляху* (які мае зыходныя па значнасці азначэнні – «разора», «мяжа», «сцежка»), сам з'яўляецца апанентам тром сынам старога Мацея.

Звычайна прысутнасць у грамадзе ўнутранага апанента, які выказвае сваю асобную думку, яшчэ больш падкрэслівае згуртаванасць і салідарнасць астатніх. У Цёткі ж члены грамады зыходзяць са сваіх галоўных карпаратыўных інтарэсаў і ў гэтым адчуваюць сваю моц. Трымацца супольнага рашэння, жыццём многіх пакаленняў пацверджанага, вымушае іх унутранае чуццё. Трымацца разам, асабліва не вытыркаючыся наперад, але і не адстаючы ад іншых, навучае іх самое жыццё, але ў дадзеным творы грамада выяўляе часам сваю інертнасць, бо сама яшчэ няздольная да дзеяння і можа толькі крычаць пра сваю абяздоленасць:

– Вузка! Цесна! Мала!

ці:

– Скуль узяць? Скуль дастаць? Кажы скуль?.. [2, с. 44].

У гэтым апавяданні вясковае супольнасць атрымоўвае і сваіх яскрава выражаных лідараў, якімі з'яўляюцца сыны Мацея: пралетар з Пецярбурга, парабак і жаўнер, яны паўстаюць проці крыўды сельскай грамады, становяцца на родную зямельку на калені і гучна прысягаюць грамадзе:

– Мы дамо!. Мы – сіла! Мы – права [2, с. 44].

Такім чынам, грамада ў творчасці Цёткі – шматпланавы і поліфанічны калектывічны вобраз, які насамрэч прымае актыўны ўдзел у выбудованні складанага, эпічна разгорнутага мастацкага свету паэтыкі, ў творчасці якой дзеянне грамады непасрэдна звязана з існаваннем такіх прасторавых паняццяў, як «шлях», «палетак», «разора», «мяжа», «зямля». Усе яны падаюцца як у прамым, так і ў пераносным значэнні, як сімвалы незалежнай Бацькаўшчыны.

Найменне *шлях* як сінонім архетыпа «дарога» найчасцей выкарыстоўвае Максім Танк. Так, у зборніку «На этапах» ён дэкларуе правы заходніх беларусаў на змаганне за сваю волю. І гэты лейтматыў выразна гучыць у вершах «Мы яшчэ ўсіх шляхоў не апелі», «Загарэліся шляхі зорныя», «Па шляху дзікіх гусей». Архетып «дарога» ў першым зборніку паэта выступае як аб'ект, які службыць для перасылкі вязнеў з аднога пастарунку ў другі. Таму і назва зборніка двухсэнсавая. Паэт паказвае, як этапы зняволення становяцца этапамі яго ўласнага жыцця. Таму і найменне *этап* у пэўнай меры становіцца сінонімам слову *дарога* ў нашым звыклым яго разуменні. Наватарства Танка – у смелым эксперыменце, які даволі часта нязмушана вядзе да нечаканага ўспрыняцця самых звычайных традыцыйных паняццяў і жанравай змястоўнасці. У яго зборніках «Хай будзе святло», «Збор калосся», «Прайсці праз вернасць», «Дарога, закалыханая жытам», «Еггата» мы можам сустрэць шматлікія сінонімы да архетыпа «дарога» (*шлях, гравейка, шаша, асфальтоўка, сцежка*), але

пры паўторы яны мо і праяўляюцца не заўсёды паслядоўна, але ніколі не ўжываюцца паэтам адназначна, бо пастаянна набываюць шматмернасць і мнагазначнасць. І гэта, відаць, тлумачыцца тым, што ХХ ст. – час сінтэзу ў грамадска-сацыяльным і культурна-эстэтычным жыцці. Шматмернасць жыцця ўпарта выклікае маштабныя задачы паэзіі. А іх Максім Танк вырашаў годна і адмыслова, усімі магчымымі спосабамі, у тым ліку і пры дапамозе арыгінальнай жанравай структуры – разамкнёнай і свабоднай, мабільнай і гнуткай, а таксама пры дапамозе непаўторных стылявых асаблівасцей, да якіх адносіцца карпатлівы і ўдумлівы падбор сінанімічных радоў. Але паэту часам не хапае зямной прасторы, і ён смела сцягае да касмічных высяў, пра што сведчаць вершы «Лячу Млечным Шляхам» і «Ёсць у свеце планета Зямля».

Безумоўна, найменні *шлях*, *сцяжына* і іншыя сінонімы архетыпа «дарога» актыўна выкарыстоўваюць амаль усе сучасныя паэты. Напрыклад, Э. Акулін у акрапаэме «Шлях да Радзімы», дзе кожная страфа пачынаецца радкамі з «Санета» Багдановіча («Паміж пяскоў Егіпецкай зямлі...»), выкарыстоўвае да васьмі сінонімаў, а Т. Бондар у сваім роздумным вянку санетаў «Шляхі» – да дзесяці. Іх шматлікасць у сваіх творчых стасунках маюць многія беларускія паэты: Н. Мацяш, У. Скарынкін, Я. Крупенька, Р. Барадулін, Р. Тармола-Мірскі, В. Аколава, Г. Бураўкін, П. Сушко, М. Віняцкі, П. Макаль, М. Шаўчонак, М. Башлакоў і інш.

Сінонім *сцежка* пастаянна ўжываецца ў інтымнай і лірычнай паэзіі, бо яна вядзе да самага дарагога – бацькоўскага парога, сэрца каханага чалавека, далёкіх успамінаў.

Але калі ўзяць (зусім нечаканы для чытача) праявічны твор Ганада Чарказяна – раман «Горкі пах палыну», які выйшаў у свет у выдавецтве «Мастацкая літаратура» ў 2012 г., то адрозненне звернеш увагу на вобраз сцяжыны, на якой акрэсліваецца лёс чалавека. Кастусь Змачынскі ў сваім крытычным артыкуле «Сповідзь над безданню», змешчаным у першым нумары часопіса «Польмя» за 2013 г., адзначае, што сцяжына і ёсць адзін з найбольш яркіх вобразаў рамана і што самыя «жыццыважныя разважанні героя твора прывязаны менавіта да яе». І гэта сапраўды так, возьмем з тэксту рамана толькі адзін роздумны момант галоўнага героя: «Я ішоў па вузкай сцяжыне, дзе стагоддзямі хадзілі людзі, ацяжараныя сваімі думамі і праблемамі. Якімі былі іх думы адзін Алах толькі ведае. Вузкая віхлястая сцяжына – вось і ўсё, што зас-

талася ад тысяч людзей, што пратапталі яе. Зараз я ўношу і сваю лепту ў захаванне гэтай векавой і, безумоўна, патрэбнай людзям сцяжыны. Ды і што застаецца ад кожнага з нас? Толькі невялікія дарожкі, якія мы топчам. І таму яны ніколі не канчаюцца. Праўда, некаторыя з іх ператвараюцца ў дарогі. Але і гэта выключэнне. Ды і ў тым, што застаецца пасля цябе малая, ды ўсё ж прыкметная сцяжына, ёсць найвышэйшая справядлівасць. Сцяжына – сціплы шлях ад чалавека да чалавека, ад бацькі да сына, які захоўвае жывы адбітак душы таго, хто ідзе. Сама ж дарога безаблічная і бяздушная. Па ёй не ідуць, а коцяцца ў такую ж безаблічную і прэсную будучыню» [3, с. 11].

Відаць, цяжка знайсці іншыя словы, каб перадаць тыя пачуцці, якімі апантаны галоўны герой рамана Глеб Бярозавік. Няпросты яго шлях дадому з афганскай вайны, гэта шлях уцекача з рабства, які ў сваім жаданні вярнуцца ў родную Блонь, пераможа ўсе няўзгоды... Менавіта горная, стаптаная тысячамі ног, пакрытая сцяжына стала яго выратавальніцай. Ёй і давярае Глеб свае роздумы, і даражэй яна яму за шырокую дарогу, гравейку, шашу ці аўтабан. Бо яна сталася лёсавызначальнай і ў яго жыцці.

Лаўрэат Дзяржаўнай прэміі Беларусі імя Янкі Купалы Генадзь Бураўкін як сінонім архетыпа «дарога» часта выкарыстоўвае слова *бальшак*, Анатоль Грачаннікаў, які вырас на берэзе цудоўнай ракі Сож, не пазбягае наймення *фарватар*, тонкі лірычны паэт сучаснасці М. Башлакоў, відаць, успамінаючы лясную вёсачку свайго дзяцінства, ўжывае найменне *прасека*. І такіх прыкладаў аўтарскіх сінонімаў да архетыпа «дарога» можна прывесці безліч.

Заклучэнне. Такім чынам, градацыя сінонімаў архетыпа «дарога» паказвае на неабходнасць арганічнага спалучэння народнай традыцыі, хрысціянскіх матываў і аўтарскага светаўспрымання рэчаіснасці.

Літаратура

1. Марозаў, З. Апакаліпсіс душы: вянок вяноў санетаў / З. Марозаў. – Мінск: Веды, 1997. – 230 с.
2. Цётка. Вершы і апавяданні: для ст. шк. узросту / Цётка; прадм. С. Х. Александровіча. – Мінск: Сталія, 2003. – 196 с.
3. Чарказян, Г. Горкі пах палыну / Г. Чарказян. – Мінск: Маст. літ., 2012. – 316 с.

Пастуніў 12.03.2013

УДК 655.5

Л. И. Петровичева, кандидат филологических наук, доцент (БГТУ);
Е. Н. Богданович, кандидат филологических наук, старший преподаватель (БГТУ)
**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ КАК ОБЪЕКТ ДИЗАЙНА
(НА ПРИМЕРЕ КНИГИ ДЛЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА)**

В статье анализируется дизайн современной книги для дошкольников, его влияние на восприятие произведения читателями. Оформление книги рассматривается с позиции книговедческого функционального подхода с учетом психологических особенностей восприятия ребенка в зависимости от возраста. Выявлены положительные и отрицательные тенденции оформления современной книги для дошкольников. Сделаны выводы и предложены рекомендации, направленные на повышение качества книги с учетом специфики ее дизайна для каждой возрастной группы.

The design of modern book for preschool children, its influence on perception of work readers is analysed in the article. Designing book is examined from position of functional approach, taking into account the psychological features of perception of child depending on age. The positive and negative tendencies of registration of modern book are educed for preschool children. Drawn conclusion and the recommendations sent to upgrading of book taking into account the specific of its design for every age-related group are offered.

Введение. Роль дизайна (художественно-технического проектирования) книги состоит в том, чтобы через визуальное представление содействовать смысловому восприятию содержания произведения художественной литературы читателями, реализации функций книги.

Актуальность работы обусловлена важностью самого явления детской книги как одного из главных орудий воспитания и образования человека. Огромна роль детской книги в формировании духовных и нравственных норм личности (справедливость, сострадание, отзывчивость, порядочность и др.), воспитании гражданина своей страны, социализации (познание окружающего мира, опыта предшествующих поколений и т. д.).

Известно, что в книге для детей особое значение приобретает ее читательский адрес [1, 2]. Последний учитывает в том числе и психологические особенности восприятия маленького читателя в зависимости от его возраста, что проявляется в структуре книги, в особенностях ее дизайна.

Основная часть. Цель работы – анализ дизайна современной книги для детей дошкольного возраста, его влияния на восприятие произведения читателями.

Цель статьи обусловила ее задачи: 1) выявить достоинства и недостатки дизайна книги с позиции функционального подхода, реализацию функций книги для детей (познавательной, воспитательной, эстетической); 2) рассмотреть влияние оформления книги на восприятие содержания литературного произведения маленькими читателями (от 1 года до 6 лет); 3) выработать пути улучшения качества дизайна книги в ходе редакторского анализа.

В работе использован книговедческий функциональный подход, позволяющий рас-

сматривать книгу в системе «книга – читатель». Проведено социологическое исследование (устный опрос), в котором участвовали 39 покупателей книги.

Объект изучения – оформление книги для детей дошкольного возраста. Предмет работы – процесс редакторского (книговедческого) анализа дизайна книги.

Проанализированы художественно-технические решения 16 книг для малышей, выпущенных белорусскими и российскими издательствами за последние четыре года. Издания рассматривались по принятым в издательской практике группам: по виду издания (моноиздание); по материальной конструкции (книжное издание, книжка-игрушка, книжка-картинка); по характеру информации (текстово-изобразительное, изобразительное); по читательскому адресу (для детей дошкольного возраста). Однако в связи с тем, что именно возраст ребенка является решающим фактором проектирования книги, были рассмотрены издания для следующих групп читателей: от 1 до 3, от 3 до 4, от 4 до 5, от 5 до 6 лет.

Нас интересовало, как оформление книги учитывает психологические особенности и требования ребенка, насколько эффективно оно воздействует на него на каждом этапе познания, воспитания.

В возрасте от 1 года до 3 лет ребенок приобретает первоначальный социальный опыт. Книжки читают взрослые, но ребенок играет с книгой, знакомится с героями, которые изображены на рисунках, с интересом ищет уже известных ему. Повторяя запомнившиеся тексты и рассматривая иллюстрации, он «играет в чтение». Следовательно, задача книги (в том числе, и ее дизайна) для этого возраста – вызвать интерес к такой игре, к восприятию книги

в будущем. На вопрос: «Каковы мотивы выбора книги для малыша?» – респонденты ответили, что в первую очередь они обращают внимание на форму (желательно, чтобы это была форма игрушки), на изображение «знакомых» малышу животных, на небольшой формат издания, а также на безопасность для ребенка (конструкции, дополнительных элементов и т. д.). Для этой группы детей родители покупают следующие издания: по виду – моноиздание, по материальной конструкции – книжка-картинка, книжка-игрушка, по характеру информации – изобразительное, текстово-изобразительное.

Накоплению первоначального опыта (в возрасте от 1 года до 3 лет) помогают книги-игрушки, например, в форме животных (котика, зайчика и т. д.). Психологи отмечают, что существование книжки-игрушки связано с тем, что ребенок «жадно» реагирует на внешние раздражители. Поэтому появились книжки с особыми раздражителями (слуховыми, оптически, конструктивными) [3, 4].

Приобретению первоначальных знаний через визуальное восприятие образов героев, предметов способствует и книжка-картинка малого формата. Ее возникновение «определено принципами природосообразности и наглядности обучения и воспитания» [3] в этом возрасте, поскольку ребенок воспринимает книгу (точнее, ее изобразительный ряд) через посредника и самостоятельно [3]. Реципиенты отметили, что таких книг в магазинах недостаточно.

На прилавках книжных магазинов обращают на себя внимание издания большого формата (70×100/8), на корешке которых указано: «книга для чтения детям от 6 месяцев до 3 лет». Например, богато проиллюстрированные сказки «Колобок», «Репка» и др. [5]. Строго говоря, в соответствии с издательской нормативной документацией такой читательский адрес не выделен. Однако пример такого издания, его дифференцированной направленности на детей этого возраста заслуживает отдельного внимания и внедрения в практику работы. Взрослый, открывая развороты книги, перемещает ребенка в сказку. Здесь играют роль не только красочные распашные иллюстрации, но и формат книги (в половину роста ребенка), а значит, и размер героев, предметов.

Далее рассмотрим дизайн книги, адресованной детям 3–4 лет. Но прежде отметим, что, по мнению психологов Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, Д. Б. Эльконина, А. В. Запорожца и др., для детей дошкольного возраста ведущей психической деятельностью является игра [6]. В психологии игра научно объяснена как своеобразная детская деятельность, она

представляет собой форму активного отражения ребенком окружающей среды [6].

Респонденты, отвечая на вопрос о мотивах выбора книг для детей рассматриваемого возраста, выделяли и малый формат, и легкость книги (вес), и прочность конструкции, и безопасность. Опрошенные поясняли, что детям нравятся книжки-малышки, которые воспринимаются ими как своеобразные игрушки. Дети размещают их в интерьере игровой мебели, предлагают «почитать» куклам.

Особое внимание родители обращают и на содержащуюся в книге идею игры, и на иллюстрацию, и на шрифт, поскольку в этом возрасте у детей возникает потребность попробовать читать самостоятельно.

Респонденты отметили, что детям интересны разные варианты книжки-малышки: книжка-игра, книжка-ширмочка, книжка-гармошка, книжка-вертушка, книжка с игровым замыслом, книжка-панорама, книжка-затяжка, книжка-фигура, книжка-поделка. Например, малышка понравилась книжка «Белочка и елочка» [7], выполненная в форме Белочки, а также книжка с игровым замыслом «Винни-Пух. Учим время» [8] со встроенными игрушечными часами, стрелки которых можно передвигать. Идея конструкции очень привлекательна для ребенка, поскольку он вместе с родителями может учиться определять время, в этом ему помогает текст книги (ее главный герой Винни-Пух, изображенный на каждом развороте). Главное для малыша, что это игра, расширяющая его познания, и он с удовольствием слушает текст, выполняет действия, которые ему предлагают герои книги.

На прилавках книжных магазинов можно найти книги с картинками и силуэтами, которые вырезаются и наклеиваются (например, «Домик про медвежонка»), картинки-головоломки (например, книжка-малышка «Колобок» (серия «Книжка с пазлом»)).

Психологи обращают внимание родителей на то, что характер ребенка формируется в возрасте от 3 до 5 лет. Это необыкновенно важный период в воспитании малыша, нужно его не упустить, поскольку закладывается фундамент будущего человека. Ребенок в возрасте 4–5 лет только учится читать и способен воспринимать лишь отдельные слова и предложения. В связи с этим роль «говорящих» иллюстраций в книге преобладающая, а совместная работа художника и редактора над планированием их сюжетов очень ответственна. Именно с помощью рисунков можно эффективно воспитывать ребенка.

Перед респондентами были поставлены такие вопросы: «Какие черты характера Вы стараетесь развить у своего ребенка? Чему Вы хо-

тите его научить? Помогает ли Вам в этом книга? Есть ли на прилавках магазинов книги, отвечающие Вашим требованиям?»

Реципиенты единодушно отвечали, что хотели бы видеть своих детей любящими родителей, добрыми, заботливыми, отзывчивыми, послушными, открытыми и дружелюбными, сопереживающими и милосердными. Опрошенные говорили, что именно в книге видят своего главного помощника в воспитании ребенка, но таких книг очень мало на прилавках магазинов.

Добавим также, что и художники не всегда справляются со своей задачей: не реализовывают воспитательную функцию иллюстрации. Например, внешнее оформление книжки-малышки Э. Мошковой «Жадина» [9] вызывало непонимание родителей. Почему? На обложке изображен главный герой Пёс с булкой, которой он не собирается делиться с друзьями Гусеницей и Пчёлкой. В тоже время они с радостью смотрят на него, приветствуют его. Сюжет иллюстрации одобряет его поведение. Но идея стихотворения другая, противоположная. Однако ребенок «прочитает» именно рисунок! Нельзя не сказать еще об одном недостатке обложки книги: о выборе цветов. Пёс помещен на агрессивный красный фон. Такое решение неверно не только с точки зрения работы с цветом, но и с учетом того смысла, которым художник (сам того не осознавая) наделил книгу. Получилось, что пропагандируется жадность, обособленность, эгоцентризм.

Хоть и не часто, но на обложках книг для детей можно увидеть иллюстрации, на которых не только изображен герой произведения, но и рассматриваемая ситуация, идея (воспитание), действие. Например, обложка книги Э. Успенского «Про собак» рассказывает малышу, что делиться – это хорошо: один герой угощает другого своей едой. Родители отмечали, что будут рады, если их ребенок станет подражать такому поведению, подумает о маме, братике.

Ребенок в возрасте 4–5 лет необыкновенно восприимчив. Детство – это период накопления не только знаний, но и эмоций. Мир для ребенка предстает новым и вызывает удивление. Эмоция удивления – свойство восприятия, которое участвует в управлении процессом познания и формировании интереса [10], в том числе к чтению. Интерес ребенка вызывают неожиданные разнообразные форматы, формы книги, оригинальные решения ее конструкции, дополнительные детали, встроенные игрушки. Например, книга с ручкой (Э. Успенский «Про собак»), книга-лукошко, книга-постелька («Мишуткины сказки» из серии «Спят усталые игрушки»), книга с вырубкой, с закладками из материи («От крылечка и до речки»), с окош-

ком («Осторожнее, Малыш!»), с набором букв («Я умею читать»), с игрушкой («Неуловимый Фунтик») и т. д.

Развитию эстетического вкуса ребенка способствует и правильный подбор цветов. Дети хорошо воспринимают простые яркие цвета (голубой, желтый, зеленый). К сожалению, в ряде изданий можно увидеть «ляпи-стость» и даже агрессию, перенасыщенность элементами и цветами.

На вопрос: «Какие цели чтения Вы преследуете, выбирая ту или иную книгу своему ребенку?» – опрошенные ответили: развлечение (90%), обучение (75%), воспитание (65%). Действительно, одна из задач книги для детей – развлекая учить и воспитывать. Ее решение невозможно без работы над всеми составляющими дизайна (формой, форматом, иллюстрациями, цветом, шрифтом, кеглем и т. д.). В книжке «Уроки светофора» [11] с помощью сюжетов, соответствующих тексту, развивается ход повествования. На ее обложке и первом развороте малыш видит главное: Светофор, являясь регулировщиком движения, включил красный свет и предупреждает Котика и Цыпленка о том, что идти нельзя. Они послушно стоят на тротуаре и смотрят, как едет машинка. На следующем развороте Светофор зажег зеленый свет и разрешает маленьким пешеходам переходить дорогу. В рассмотренном примере иллюстрации не только тесно связаны с текстом, но и несут дополнительную информацию, которой нет в тексте. Светофор, выступая в роли регулировщика, показывает жезлом знаки запрета и разрешения движения для пешеходов. Это, несомненно, полезная информация.

Дизайн этой книги разработан художником С. Михайловым в соответствии с психологическими особенностями ребенка. Малый формат, прочная конструкция, плотная бумага (картон), встроенная игрушка-машинка, красочность – все это удобно в использовании и привлекательно для маленького читателя-зрителя, читателя-слушателя. В иллюстрациях учтена логика ребенка (сравнение фактов и впечатлений), особенности восприятия (выделено главное, использованы понятные и знакомые малышу герои, реальность представлена как одушевленная и живая). Такая работа художника не раз привлечет малыша к этой полезной книге. Следовательно, она выполнит свои функции. Таких книг, по мнению респондентов, недостаточно.

Начиная с 5 лет, ребенок ищет ответы на вопросы: «Отчего?», «Почему?», «Какой?», «Откуда?», «Кто?» [10]. Следовательно, задача иллюстрации – дать ответы на некоторые из них. Детской иллюстрации присущи ясность, простота, выразительность рисунка, отражающие конкретность

детского мышления [3, 6]. В то же время требование ясности не предполагает упрощения или намеренного искажения предмета. Например, в книге «Три крокодила» [12] художник изобразил главных героев так, как если бы иллюстрации рисовали дети. Спорное решение. Персонажи получились невыразительными, непривлекательными. Известный иллюстратор детской книги В. М. Конашевич отмечал, что «ребенок – реалист, даже слишком последовательный. Он требует, чтобы предмет был изображен точно и со всеми признаками, но изображен просто и ясно: никаких нагромождений, ничего затемняющего образа, но и никаких упущений» [13].

В качестве положительного примера не только использования точных и ярких образов, но и отражения национального характера рассмотрим книгу народного поэта Беларуси Р. Бородулина «Сябрына» (серия «Нашым дзеткам») [14]. На вопрос: «Покупаете ли Вы книги для детей на белорусском языке, с белорусскими героями?» – респонденты отвечали, что они ищут такие книги, но их недостаточно. Дизайн рассматриваемой книги наполнен радостью, жизнью, воздухом, любовью к детям. Издатели выбрали средний формат, но квадратную форму, что позволило замечательной художнице М. Прокопович использовать пространство разворотов для свободного размашистого движения и перемещения героев книги – домашних животных Петуха, Козлика, Поросенка – по ее страницам. Художница ответила детям на вопросы, как выглядят петух, козлик. Они изображены точно, со всеми признаками. Этого нельзя сказать о книге П. Саковича «Князь-карась», где карась больше похож на головастика.

Возвращаясь к форме книги Р. Бородулина «Сябрына», следует отметить скругленные углы книги. Сделано это, чтобы дети не порезались. Сочные, природные цвета (много желтых, зеленых, голубых, в меру красных и коричневых), народный колорит, орнаментальные композиции радуют и детей, и их родителей. Достигнута прекрасная цветопередача, благодаря правильно выбранной бумаге и качественной полиграфии. Художник же книги П. Саковича «Князь-карась» предлагает маленькому читателю мрачную грязно-серую цветовую гамму. К сожалению, таких примеров много.

Дизайн книги Р. Бородулина «Сябрына» учитывает психологические особенности детей этого возраста (от 5 до 6 лет). Детям нравится движение и в жизни, и в оформлении книги, точное описание близкой им действительности, цвета окружающей их природы. Все это можно сказать и про оформление белорусской народной сказки «Ліса і мужык» (серия «Казка за казкай») [15]. Нельзя не отметить работу ху-

дожника Е. Каравай-Лойка, белорусскую стилистику иллюстраций. Внешнее и внутренне оформление взаимосвязаны, цветовое решение обложки гармоничное, композиционный центр обложки совпадает со смысловым, название книги интерпретировано, оформление книги целостно. Титульный лист перекликается с обложкой по цветовому и смысловому решению (как и положено, он легче обложки), содержит все необходимые данные. Текст белорусской народной сказки и иллюстрации тесно взаимосвязаны не только сюжетно, но и, как уже говорилось, стилистически. Это очень важно. Спускочная и концевая полосы великолепно оформлены сюжетными заставками и концовками, развороты – полосными и распашными иллюстрациями. Прочитав текст, ребенок может отдохнуть, рассматривая прекрасные иллюстрации. Однако согласно исследованым по педагогике в области детского чтения дети от 5 до 7 лет охотнее начинают читать, если «...2–3 строки текста даны под соответствующей им картинкой. Книга организацией своих элементов помогает читателю... Иллюстрация каждый раз предваряет чтение, помогает ребенку передохнуть, подготовиться к восприятию 2–3 предложений, которые ярко выделяются на странице и которые легко можно охватить взглядом» [16]. К сожалению, издатели не всегда используют результаты таких исследований. Можно говорить, что это уже сложившаяся в практике тенденция. В анализируемой книге текст распределен неравномерно: на одной странице 2 строчки, на другой 14. В то же время родители приобрели эту книгу для того, чтобы учить ребенка читать. Слова в книге разбиты на слоги. Выбранный формат 70×90/16 позволил поместить в книге иллюстрации большого размера.

Опрошенные обращают внимание также на шрифт и его размер в книге. В соответствии с СТБ «Издания книжные и журнальные для детей» [17] издатель выбрал шрифт «Прагматика», кегль 18 п., а также увеличил интерлиньяж на 4 п. Сразу отметим, что такие книги, к сожалению, редкость.

Заключение. Таким образом, выявленные достоинства и недостатки оформления книги для детей позволили увидеть пути улучшения качества дизайна книги. В ходе редакторского анализа следует:

1) анализировать оформление издания с точки зрения его соответствия целевому назначению (психологическим особенностям каждой возрастной группы, требованиям, предъявляемым к дизайну книги) и читательскому адресу;

2) оценивать, соответствует ли оформление содержанию произведения, направлять работу художника;

3) использовать возможности дизайна для реализации функций книги для малышей. Этому способствуют следующие общие для всех групп дошкольников дизайнерские решения: динамичная композиция, запоминающийся стиль иллюстрирования, яркие «природные» цвета, четкие контуры в изображениях и др. Следует исключить невыразительность рисунков, бессюжетность иллюстраций, непродуманность образов героев, блеклую либо агрессивную цветовую гамму и др.

Нужно учитывать психологические особенности каждой группы читателей: малышам от 1 года до 3 лет интересна форма книжки-игрушки малого формата, от 3 до 4 лет – книжки-игры. Для детей от 4 до 6 лет главной в книге является иллюстрация, поскольку чтение не систематично. Рисунки должны быть связаны с текстом, дополнять, а не искажать смысл произведения, содержать воспитательные и познавательные «зерна». Для детей в возрасте от 5 до 6 лет особое внимание необходимо уделять выбору шрифта и его размера, сочетанию текста и иллюстраций. Внутреннее оформление книги необходимо рассматривать как помощь ребенку в чтении.

В заключение отметим, что на прилавках книжных магазинов хотелось бы чаще видеть продукцию белорусских издательств, поскольку сегодня недостаточно книг, отражающих национальный характер, а также дающих детям верное представление об окружающем мире.

Литература

1. Петровичева, Л. И. Читательский адрес как основной признак функциональной модели книги / Л. И. Петровичева, З. М. Клецкая, Е. Н. Богданович // Теория и практика издательского дела: хрестоматия / авт.-сост. В. И. Куликович, В. В. Орлова, О. А. Бычкова. – Минск: БГТУ, 2012. – С. 34–38.

2. Петровичева, Л. И. Книговедение: учеб. пособие: в 2 ч. / Л. И. Петровичева, З. М. Клецкая. – Минск: БГТУ, 2004. – 2 ч. – 94 с.

3. Карайченцева, С. А. Книговедение: Литературно-художественная и детская книга. Издания по филологии и искусству: учеб. для вузов / С. А. Карайченцева; Моск. гос. ун-т печати. – М.: МГУП, 2004. – 427 с.

4. Крылов, А. История детской книги от эзекции до компьютеризации: часть 5 // КомпьютерАрт: журн. для полиграфистов и издателей. – М.: КомпьютерПресс, 2010. – № 5. – С. 24–28.

5. Книга для чтения детям от 6 месяцев до 3 лет: для чтения взрослыми детям / художник И. Цыганков. – Тула: Родничок; М.: Астрель, 2012. – 111 с. – (Родничок).

6. Композиция изданий: особенности проектирования различных типов изданий: учеб. пособие / под ред. С. М. Болховитиновой. – М.: МГУП, 2000. – 166 с.

7. Белочка и елочка: стихи: для дошк. возраста. – М.: ЭКСМО, 2012. – 8 с. – (Новогодние подарочные книги).

8. Винни-Пух. Учим время: стихи для дошк. возраста / О. Кузнецова; художник С. Кочилков. – М.: УМКА, 2012. – 8 с. – (Говорящие мультяшки).

9. Жадина: стихи: для дошк. возраста / Э. Мошкова; художники А. Чукавин, И. Чукавина. – М.: Стрекоза, 2011. – 8 с. – (Карамелька-раскладушка).

10. Редакторская подготовка изданий: учебник / С. Г. Антонова [и др.]; под общ. ред. С. Г. Антоновой. – М.: МГУП, 2002. – 467 с.

11. Уроки светофора / художник С. Михайлов. – М.: Издательский Дом «Детский мир», 2013. – 4 с. – (Ладушки).

12. Три крокодила: стихи для дошк. и младш. школьн. возраста / И. М. Ланда; художник И. М. Ланда. – Минск: Минская фабрика цветной печати, 2004. – 48 с.

13. Конашевич, В. М. О себе и своем деле / В. М. Конашевич. – М.: Книга, 1979. – С. 193.

14. Сябына: вершы: для дашк. узросту / Рыгор Барадулін; маст. М. Пракаповіч. – Мінск: Маст. літ., 2013. – 24 с. – (Нашым дзеткам).

15. Ліса і мужык: беларуская народная казка: для дашк. узросту / маст. Каравай-Лойка. – Мінск: Маст. літ., 2009. – 15 с. – (Казка за казкай).

16. Светловская, Н. Н. Внеклассное чтение в первом классе / Н. Н. Светловская. – М.: Книга, 1981. – С. 24.

17. Издания книжные и журнальные для детей: СТБ 7.206-2006. – Введ. 2006-11-01. – Минск, 2006. – 19 с.

Поступила 29.03.2013

УДК 821.161.3«19/20»:82.1

В. М. Ляшук, дацэнт (Каталіцкі ўніверсітэт у Ружамберку, Славацкая Рэспубліка)**ЛЕКСІЧНЫЯ ІНАВАЦЫІ Ў БЕЛАРУСКІМ ПАЭТЫЧНЫМ ДЫСКУРСЕ
НА РУБЯЖЫ ХХ–ХХІ СТАГОДДЗЯЎ**

У артыкуле прасочваюцца моўныя традыцыі і развіццё лексікі ў паэтычным дыскурсе, узніклым у XIX стагоддзі. Параўнанне лексічнай сістэмы беларускай паэзіі на мяжы стагоддзяў, што выступае натуральнай мяжой для прасочвання традыцый і змен, паказвае афармленне і далейшае папаўненне лексіка-семантычных груп назоўнікаў. Улічваецца асаблівасць лексікі быць выразным сігналам адносін, якія перадаюць мова як універсальная камунікатыўная сістэма і мастацкая літаратура як эстэтычная сістэма, заснаваная на моўнай сістэме. Асаблівасці лексікі паэзіі мяжы XIX і XX стагоддзяў звязаны з супадзеннем літаратурнага працэсу з нацыянальным адраджэннем. Асаблівасці лексікі паэзіі мяжы XX і XXI стагоддзяў указваюць на гуманізацыю, інтэлектуалізацыю і эстэтызацыю пасродкам філасофскай і рэлігійнай культурных сфер на аснове культурна-моўных і эстэтычных традыцый.

The article retraces linguistic tradition and lexis development in the poetic discourse that emerged in the XIXth century. The comparison of the lexical system of Belarusian poetry at the turn of the centuries, which serves as a natural boundary for tracing traditions and changes, indicates the formation and further augmentation of lexical and semantic groups of nouns. The analysis takes into consideration the peculiarity of lexis to be an expressive signal of relations rendered by the language as an all-purpose communication system and fiction as an aesthetic system based on the linguistic system. Distinctive features of poetry at the turn of the XIXth century are associated with concurrence of the literary process with national revival. Distinctive features of poetical lexis at the turn of the XXth century attest to humanization, intellectualization and anesthetization by means of philosophical and religious cultural spheres on the basis of cultural linguistic and aesthetic traditions.

Уводзіны. Беларускі паэтычны дыкурс, фарміраванне і вылучэнне якога на падставе выкарыстання для паэтычнай творчасці беларускай мовы звязваецца з XIX ст., асаблівае значэнне і дынамічнасць набыў у XX ст. На яго рубяжы з XIX ст. тэкставае і лексічнае выражэнне значна адрозніваецца ад тэматычна, лексічна, эстэтычна пасталелай і пабагацелай за стагоддзе паэзіі на рубяжы з новым XXI ст. і III тысячагоддзем. Такія натуральныя храналагічныя рамкі прыцягваюць увагу як да змен, так і да традыцый. У беларускім дыскурсе XX ст. адзначаецца развіццём і сталеннем класічнай традыцыі ў асобах найперш Я. Купалы, Я. Коласа і М. Багдановіча.

Асноўная частка. Створаная нашымі класікамі і многімі іншымі беларускімі паэтамі эстэтычная сістэма абапіраецца своеасаблівым чынам на лексічную сістэму мовы, якая развіваецца ў залежнасці ад тэматыкі і жанраў паэтычнага тэкставага масіву і спрыяе моўнаму развіццю ў цэлым, уплывае на выпрацоўку ўсіх камунікацыйных якасцей мовы, пачынаючы ад базавай правільнасці і даходзячы да якасцей другога парадку – дакладнасці, лагічнасці, выразнасці, разнастайнасці, багацця і інш. Рубеж XIX і XX стст. суадносіцца з накіраваным на практыку газеты «Наша Ніва» (1907–1916) росквітам так званай дакастрычніцкай (дарэвалюцыйнай) паэзіі. У гэты перыяд аформіліся асноўныя лексіка-семантычныя групы, якія сталі лексічным ядром беларускай літаратурнай мовы і антала-

гічна звязаны з эстэтычнай і адпаведнай ёй лексічнай сістэмай беларускага фальклору. Асновай слоўніка беларускай паэзіі з'яўляецца агульнаўжывальная (традыцыйная) лексіка.

Лексіка выступае найбольш выразным сігналам адносін, якія спараджаюць мова як універсальная камунікатыўная сістэма і мастацкая літаратура як эстэтычная сістэма, заснаваная на моўнай сістэме. Паэтычны дыкурс, такім чынам, стварае (вылучае) «эстетическое и семиотическое своеобразие художественных текстов как высказываний особого рода» [1, с. 3]. Сіла ўздзеяння слоў складаецца з семантычнай, тэматычнай, стылістычнай, матывацыйнай, выяўленчай і іншых асаблівасцей, спалучэнне якіх прыводзіць да ўзмацняльнага эфекту.

Паэты з'яўляюцца найбольш чуйнай да моўнага ўжывання і функцыянавання часткай носьбітаў мовы, здольных ствараць узорныя тэксты і ўздзейнічаць на моўнае развіццё. Адначасова паэтычны дыкурс непасрэдна ці апасродкавана адлюстроўвае актуаліі і праблемы сацыяльнага жыцця, а таксама грамадскіх змен і катаклізмаў.

Асаблівасці літаратурнага працэсу на Беларусі, яго супадзенне з нацыянальным адраджэннем абумовілі пэўную жанрава-стылістычную, тэматычную і лексічную дыферэнцыяцыю беларускай паэзіі канца XIX – пачатку XX ст. У гэты час адбывалася трансфармацыя ўяўлення пра народ, да якога ў Рэчы Паспалітай паводле сармацкай канцэпцыі належала шляхта: «Апошнія

дзесяцігоддзі XIX – пач. XX ст. сталі часам, калі шляхце на Беларусі прыйшлося зрабіць свой выбар на карысць аднаго з «раскручваемых» на землях былога ВКЛ нацыянальных праектаў – трэба было акрэсліць сваю нацыянальную прыналежнасць. І шляхта рабіла свой выбар. <...> Быў гэта былы шляхецкі народ Рэчы Паспалітай на адным з найважнейшых раздарожжаў гісторыі. Была гэта яшчэ па-ранейшаму агульная спадчына трох народаў – беларусаў, палякаў, літоўцаў» [2, с. 270].

Пераважна сялянская тэматыка беларускага паэтычнага дыскурсу рубяжа XIX–XX стст. знаходзіць непасрэднае адлюстраванне ў лексічным складзе паэтычнага маўлення ў лексіцы сялянскага побыту. У лексіконе паэзіі вылучаюцца таксама найменні навакольнай прыроды і эмацыянальна-пачуццёвага стану чалавека, апасродкавана скіраваны на сялянскую тэматыку. Яны ўтвараюць адпаведны лексіка-семантычныя групы (ЛСГ) – аб’яднанні слоў пэўнага лексіка-граматычнага класа паводле агульнасці іх родавага значэння. ЛСГ у паэтычных творах фарміруюцца пад уздзеяннем суб’ектыўнай манеры творчай апрацоўкі агульнаўжывальнага лексічнага пласта. У лексіка-семантычным разрадзе ЛСГ назойнікаў выразна акрэсліваюцца адзінствы, што абазначаюць:

- навакольнае прыроднае асяроддзе;
- культурныя ландшафты;
- прыродныя з’явы;
- астранамічныя аб’екты;
- часавыя і прасторавыя адносіны;
- чалавека (па розных яго прыкметах);
- рэальныя і ўмоўныя часткі чалавечага арганізма (саматызмы);
- эмацыянальна-пачуццёвы стан чалавека;
- светаўспрыманне сялян;
- рэаліі і паняцці разумовай і творчай дзейнасці;
- сацыяльна-філасофскія паняцці;
- з’явы дзяржаўнага ладу і звязаных з ім рэалій;
- рэаліі сялянскага побыту.

Паводле лексічнага складу гэта агульнаўжывальная лексіка з акцэнталагічнымі, фанетычнымі, словаўтваральнымі ці граматычнымі варыянтамі: *жыццё – жыцце, зямля – земля, сонца – слонца* і інш. ЛСГ ‘навакольнае прыроднае асяроддзе’ – адна з найбуйнейшых. У яе склад уваходзяць такія лексемы, як *зямля* ‘глеба’, *лес, гай, дуброва, бор, чаішчавік, раўніна, лагчына, нізіна, курган, гара, разлог, луг, балота* і інш. Іх інавацыйнасць праяўляецца ва ўключэнні ў паэтычны дыкурс. Гэтыя лексемы прысутнічаюць у многіх дакастрычніцкіх вершах, дзе на базе свайго прамога значэння выконваюць інфар-

мацыйную функцыю, з’яўляюцца фонам, на якім большую семантычную нагрузку атрымліваюць элементы іншых ЛСГ (душэўнага стану чалавека, з’яў прыроды, сацыяльна-культурных, філасофскіх паняццяў і інш.).

Сема ‘актыўнае пераўтварэнне прыроднага асяроддзя’ з’яўляецца дыферэнцыяльнай прыметай ЛСГ культурных ландшафтаў. У яе ўваходзяць лексемы *поле, ніва / ніўка / нівачка, зямля* ‘поле’, *ралля, паша, штур, сад, сажалка*, якія дапамагаюць стварыць рэалістычную пейзажна-бытавую замалёўку ці фон:

Трудна, нудна небарацэ
Гэтай цёмнай ночкай жыць,
Вецер хмары паганяе,
Па *палях*, лясах бяжыць [3, с. 440].

Інавацыйнасць гэтай групы лексікі звязана з эмацыянальным уражаннем, часта перададзеным у дэмінітыўных формах. У межах ЛСГ навакольнай прыроды вылучаецца лексіка флоры і фауны.

Названы лексічны рад характарызуецца незамкнутасцю, вызначаецца высокімі колькаснымі паказчыкамі, што адпавядае ў рэальнасці надзвычайнаму багаццю і разнастайнасці жывёльнага і расліннага свету Беларусі. Аднак функцыянальнае ўжыванне лексем заключаецца не ў прамой канстатацыі гэтага багацця. Сувязі беларуса з жывой прыродай значна глыбейшыя і складанейшыя. У старажытнасці яны вызначаліся анімістычнымі і татэмістычнымі ўяўленнямі. Рэшткі апошніх захоўвае фальклор і вобразная стылістыка аўтарскай паэзіі.

У непасрэднай сувязі з двюма вышэйразгледжанымі ЛС групамі знаходзіцца ЛСГ прыродных з’яў. Сувязь гэтая вынікае з наяўнасці сузалежнасці паміж іх дэнататамі. Таму і ў функцыянаванні гэтых груп шмат агульнага. Яркая экспрэсіўна-эмацыянальная канатацыя лексем уплывае на сюжэт і кампазіцыю вершаў, асабліва калі іх дэнататы выклікалі паэтычнае натхненне, паслужылі тэмай верша. У гэтым выпадку лексемы прысутнічаюць і ў назве твора. Акрамя таго, ЛСГ прыродных з’яў вызначаецца павышанай ступенню сімвалічнасці, з’яўляецца асноўнай пры наданні сімвалічнага значэння элементам іншых ЛС груп у межах паэтычнага маўлення. Яна ўключае наступныя кампаненты: *вецер / ветрык / ветрычак, віхар / віхор, бура, навальніца, зарніца, хмара / хмура* (некадыф.), *гром, пярун, маланка, разводдзе* і інш.

У першую чаргу сімвалічнасць маніфестуецца лексемамі – намінацыямі розных стыхійных з’яў. Іх разбуральная і патэнцыяльная моц іншасказальна ўвасабляе магутнасць, сілу народага пратэсту:

Так толькі бывае прад летняю *бурай* –
І птушка замрэ, й пагляд сонца нясмелы,

У дакастрычніцкай паэзіі пачуццёвыя і фізічныя сферы часта перадаюцца фраземамі, апорныя словы якіх складаюць элементы ЛСГ рэальных і ўмоўных частак чалавечага арганізма: *сэрца, душа, дух, сіла, кроў, пот, слёзы, галава, вочы, грудзі, жылы, спіна, плечы, рукі / ручкі / ручанькі* і інш.

Лексіка гэтай групы вызначаецца значнай дыферэнцыяцыяй у семантычным і функцыянальным планах. У пераважнай большасці выпадкаў названыя словы фарміруюць кантэкст гора, безвыходнасці, цяжкіх перажыванняў менавіта як структурны элемент у складзе адзначаных фразеалагізмаў:

У грудзях баліць і сэрца млее,

І так маркотна на душы.

Калі ж дзяснёк нам заяснее;

Чаму так, *сэрца*, млееш ты? [3, с. 292].

Пачуцці і адчуванні чалавека выражаюцца ў паэзіі таксама пры дапамозе адпаведных абстрактных, ці адцягненых, лексем, часта інавацыйных: *пачуццё, жаль, смутак, голад, холад, нуда, злосць, нянавісць* і інш. Гэта ЛСГ, характарызуючыся значнай доляй абстракцыі, вызначаецца даволі нізкай частотнасцю.

Вялікія магчымасці вобразна-стылістычнага функцыянавання ў паэтычным кантэксте мае лексема *Бог*. З фальклорных, моўна-гутарковых, рэлігійных традыцый вынікае ўжыванне клічнай формы гэтай лексемы ў сінтаксічнай функцыі зваротка ці эмацыянальнага выклічніка:

Ох, цяжкая ж доля! От так бы, здаецца,

Скрозь зямлю прапаў бы б ці ў слёзы разліўся!

Ці мне жыць на свеце, ці мне куды дзецца?

Ой, Божа ж мой Божа, нашто ж я радзіўся?!

[3, с. 19].

Такім чынам, разам з вопытам сацыяльна-псіхалагічнага аналізу духоўнага стану асобы дакастрычніцкай паэзія назапасіла вялікі патэнцыял лексічных, у тым ліку і вобразна-сімвалічных, сродкаў.

Дынаміка развіцця беларускай паэзіі ў XX ст. вызначалася сацыяльна-гістарычным кантэкстам і адлюстравана ў беларускім літаратуразнаўстве праз метафару кроку паралельна з акрэсленнем асноўных храналагічных этапаў яе развіцця: «Зрэшты, у розныя часы крок беларускай паэзіі быў розны: паскораны і магутны, як на пачатку XX стагоддзя, па-маладому энергічны і шматабяцальны, што было характэрна для 20-х гг., гучны, але запаволены, як у 30–50-я гг., уздымны і паходны ў гады вайны, напорысты і мужны, спароджаны так званай «адлігай» 60-х, паспешлівы і ў многім аднастайны, як у 70–80-я гг., разняволены і непрадказальны – з сярэдзіны 80-х... Праўда, паэтычнаму слову заўсёды была ўласціва разнастайнасць канкрэтных праяў, а не выключна адна мастацка-стылёвая арыентацыя. На зыходзе

XX ст. хада нашай паэзіі вельмі розная, часам нязвычайная, але калі вызначыць духоўна-эмацыянальную змястоўнасць і эстэтычную скіраванасць на галоўнай дамінанце, то нельга не заўважыць, што гэтая хада ў многім стала ўнутрана асэнсаванай, роздумнай і, я б сказаў, больш асабовай» [4, с. 101]. З акрэсленай дынамікай паралельна адбываецца і развіццё лексічных сродкаў мовы і эстэтычнай сферы яе этнічна-культурнай прэзентацыі – паэтычнага маўлення і дыскурсу.

У XXI ст. выразна праяўляюцца глабалізуючыя працэсы, адзначаецца мадэрнізацыя мыслення і надзвычайнае пашырэнне камунікацыйна-інфармацыйных магчымасцей найперш дзякуючы Інтэрнэту. У выніку паэзіі адводзіцца гуманізацыйная, духоўна-этнічная, ідэнтыфікацыйная роля.

На сучасным этапе моўнага функцыянавання лінгвісты адзначаюць пашырэнне словаўтваральнай варыянтнасці за кошт з'яўлення да лексем, агульных у беларускай і рускай мовах, паралельных сродкаў, якія маюць адпаведнікі ў польскай або ўкраінскай мовах і інтэрпрэтуюцца як запазычаныя з гэтых славянскіх моў. Некаторыя з іх адначасова належаць да актуалізацыі пасіўнага пласта, бо функцыянавалі ў часы паслякастрычніцкай беларусізацыі. Значнае месца сярод новых слоў займаюць англійцызмы і амерыканізмы, якія запазычаюцца не толькі з мэтай намінацыйнай і дэталізацыйнай, але і з экспрэсіўнай мэтай, што адпавядае спецыфіцы паэтычнага маўлення.

Лексічная дынаміка звязана і са зменамі, што адбываюцца ў жыцці грамадства і тычацца палітыкі, сацыяльнага ладу, ідэалогіі, эканамічных і фінансавых адносін, спорта, культуры, шоў-бізнеса, медыцыны, касметалогіі, інфармацыйных і камп'ютарных тэхналогій і, безумоўна, побыту.

У апошнія гады ў сістэме традыцыйных лексічных сродкаў назіраецца вяртанне і нават пашырэнне слоў рэлігійнай тэматыкі як вынік натуральнага ўплыву. Рэлігійны пачатак нясе ў сабе лексема *душа*. Шырокаўжывальная ў дакастрычніцкай паэзіі, яна ўваходзіць у частотнае лексічнае ядро ўвесь пасляваенны час, дасягнуўшы ў апошнія гады максімуму.

Сучасная паэзія эксплікуе сувязь душы з Богам, актуалізуючы адпаведныя лексемы:

У гэты свет не першы век

Адной і той дарогай

Прыходзіць кожны чалавек

З душой, пасланкай Бога... [5, с. 18].

Беларуская паэзія выкарыстоўвае рэлігійную лексіку ў яе прамым значэнні з канцэптуальнай прывязкай да рэлігійнай тэматыкі і праблематыкі, а таксама ўключае ў механізмы вобразнай трансфармацыі пры адлюстраванні жыццёвых праблем, пры арыгінальнай інтэрпрэтацыі тэмы кахання.

Перавага аддаецца агульвадомай рэлігійнай лексіцы: *алтар, анёл, Бог, Гасподзь, Ісус, імша, пілігрымка, Рай, сабор, святар* і пад.

Рэлігійная лексіка нясе ў сабе семы духоўнасці, кніжнасці, узвышанасці, інтэртэкстуальнасці, якія паглыбляюць вобразнасць і асацыятыўнасць паэтычных тэкстаў.

Прасочваецца імкненне данесці праз лексіку не толькі духоўнасць, але і дух беларускасці і яго вытокі. Лінгвістычны аспект тэмы звароту да каранёў заключаецца ў выразнай архаізацыі лексікі, г. зн. вяртанні ў літаратурную мову слоў з пасіўнага пласта, якія актыўна ўжываліся ў 20–30-я гады XX ст., а некаторыя функцыянавалі яшчэ ў старабеларускай мове. Многія з іх занатаваны ў Тлумачальным слоўніку беларускай мовы (1977–1984) з паметай *уст.:* *балагол, кроза, бячассе, вырак, юдоль, жагнаць, паходня, гарбата, угодкі, ратай* і інш. З іх у Тлумачальным слоўніку беларускай літаратурнай мовы (1999) зафіксаваны *балагол, юдоль, паходня, гарбата, угодкі, ратай*.

Паэтычная моватворчасць у сферы лексікі перадае зрух канцэптуальнага характару: «Літаратурная класіка засвойвала (прычым геніяльна) уласцівую мове рацыянальнасць азначвання свету. Сучасны пісьменнік імкнецца выявіць ірацыянальныя глыбіні слова, архетыпы, матывы, сімвалы, калектыўнае несвядомае» [6, с. 97]. Такая спецыфіка ў стварэнні новых слоў, разлічаных не на разуменне, а на ўспрыняцце, пачуццё, адзначаецца ў індывідуальнай мастацкай сістэме эмігранцкага паэта Янкі Юхнаўца. Аналізуючы феномен замкнёнасці такіх тэкстаў, літаратуразнаўцы ўказваюць на актыўнае аўтарскае стаўленне да фальклору, уплыў якога пры гэтым выклікаў нетрадыцыйныя рэфлексіі.

Сучасная беларуская паэзія характарызуецца ўзмацненнем інтэлектуальнага пачатку, узросшай філасофскай канцэптуальнасцю, аналітызмам, шматмернасцю ўспрымання з'яў рэчаіснасці, што выклікае шырокае ўключэнне ў мову мастацкіх твораў спецыяльнай лексікі.

Лексіка беларускай паэзіі канцэнтруе ў сабе асноўныя тэндэнцыі агульнамоўнага развіцця і паказвае арыгінальныя ўзоры рэалізацыі творчых патэнцый аўтараў.

Заклучэнне. Як на рубяжы XIX і XX, так і на рубяжы XX і XXI стст. інавацыі у паэтычным дыскурсе з'яўляюцца вынікам эстэтычна і эмацыянальна арыентаванага пошуку для адэкватнага самавыражэння і камунікацыі з чытачом сродкамі рыфмаванай, рытмізаванай мовы. Інавацыі, нават застаючыся набыткам толькі паэтычнага тэксту, становяцца часткай культуры, у тым ліку і паэтычнага дыскурсу. У большасці ж выпадкаў паэзія дапамагае ўмацаванню актыўнага лексікону, наладжвае эмацыянальны стрыжань у лексічных інавацыях, уключае іх у эстэтычныя і моўныя традыцыі.

Літаратура

1. Эстетический дискурс: семио-эстетические исследования в области литературы: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В. И. Тюпа. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1991.
2. Макарэвіч, В. С. Развітанне з сарматызмам – нацыянальны склад і мова шляхты Беларусі ў XIX стагоддзі / В. С. Макарэвіч // Шлях да ўзаемнасці: мат-лы XII Міжнар. навук. канф. / пад рэд. С. Мусіенкі і П. Скрабко. – Гродна: Гродзенскі аблвыканкам; ГрДУ, 2006. – С. 268–273.
3. Беларуская дакастрычніцкая паэзія / Акад. навук Беларускай ССР; Ін-т імя Я. Купалы. – Мінск: Навука і тэхніка, 1967. – 568 с.
4. Бельскі, А. Краса і смутак / А. Бельскі. – Мінск: Маст. літ., 2001. – 237 с.
5. Дзень паэзіі-2005: альманах / [уклад. В. Шніп; рэдакцыйны савет: А. Бадак [і інш.]]. – Мінск: Мастацкая літаратура, 2005.
6. Тычына, М. А. Ад «антрапалагічнага крызісу» да «антрапалагічнага пераходу» / М. А. Тычына // Чалавечы вымярэнне ў сучаснай беларускай літаратуры. – Мінск: Беларуская навука, 2010. – С. 22–168.

Паступіў 12.03.2013

УДК 811.161.3(038):81'282

Д. В. Дзятко, кандыдат філалагічных навук,
дацэнт, загадчык кафедры (БДПУ)

**СТРУКТУРНА-ЗМЕСТАВЫЯ АСАБЛІВАСЦІ
«СЛОЎНІКА ЦЯЦЕРСКІХ ГАВОРАК»
МАР'ЯНА ПЕЦЮКЕВІЧА**

У артыкуле вывучаюцца структурна-зместавыя асаблівасці лексічнай часткі «Слоўніка цяцерскіх гаворак» Мар'яна Пецюкевіча. Прыводзяцца біяграфічныя звесткі пра аўтара, даследуюцца асаблівасці мега-, макра- і мікраструктуры рукапіснага помніка. Падрабязна характарызуецца асаблівасці арганізацыі слоўнікавых артыкулаў: апісваюцца зона намінацыі, зона варыянтаў, зоны семантычнай, функцыянальна-стыльвай, граматычнай інфармацыі і зона ілюстрацый.

We study the structural and content features of the lexical part of the "Dictionary of Teterskii dialects" Mariana Petyukevicha. The curricula vitae of the author, explores features mego-, macro- and microstructure of the handwriting of the monument. Details the characteristics of the organization of entries: the category described zone, zone option, the zone of semantic, functional and stylistic, grammatical information and a zone of illustrations.

Уводзіны. Сучасная беларуская лексікаграфія характарызуецца багатай гістарычнай традыцыяй і значным аб'ёмам фактычнага матэрыялу. На дадзеным этапе свайго развіцця яна выходзіць на прыныпова новы ўзровень, фарміруецца як самастойная навука са сваім аб'ектам, метадамі і прыёмамі даследавання.

Асноўная частка. Апошнія дзесяцігоддзі адзначаны падрыхтоўкай і публікацыяй значнай колькасці слоўнікаў розных тыпаў. Акрамя ўжо вядомых і прызнаных відаў даведнікаў усё часцей выдаюцца новыя працы, у якіх камбінуюцца не толькі ідэйна блізкія, але нават і супрацьлеглыя канцэпцыі адбору і падачы матэрыялу. Іх структура фарміруецца ў адпаведнасці з асноўнымі тэндэнцыямі, прынятымі ў нацыянальнай лексікаграфіі, і дапаўняецца суб'ектыўнымі аўтарскімі падыходамі, якія выкрысталізаваліся ў працэсе апрацоўкі лексічнага матэрыялу.

У сувязі з гэтым уяўляецца выключна важным гістарычна і тэарэтычна разгледзець тыя ўсходнеславянскія слоўнікі, якія пакінулі заўважны след у развіцці беларускай лінгвістыкі, з мэтай прыцягнення вопыту традыцыі пры распрацоўцы тэм сучаснай лексікаграфіі – для стварэння тэарэтычна-метадалагічнай базы, пры выпрацоўцы навуковых перспектыв і вырашэнні новых кадыфікацыйных задач [1]. Не менш актуальнай задачай для прагназавання шляхоў далейшага развіцця мовазнаўчай навукі з'яўляецца вывучэнне малавядомых лексікаграфічных твораў, а таксама работ, якія па аб'ектыўных і суб'ектыўных прычынах засталіся неапублікаванымі.

У сучаснай беларускай лінгвістыцы існуючыя лексікаграфічныя выданні апісаны дастаткова поўна. Заслужаным аўтарытэтам карыстаюцца бібліяграфічныя паказальнікі «Беларускае

мовазнаўства» (1967, 1980, 1993, 2004), а таксама спецыялізаваны даведнік В. Кіпеля і З. Саўкі «Беларускія слоўнікі й энцыклапедыі» (2002). У гэтай узорнай рабоце прыводзяцца звесткі пра звыш 2000 апублікаваных слоўнікаў і каля 130 нявыдадзеных лексікаграфічных прац, якія захоўваюцца ў выглядзе рукапісаў і картатэк [2]. Аднак ва ўсіх названых выданнях адсутнічаюць звесткі пра рукапісны «Слоўнік цяцерскіх гаворак» М. Пецюкевіча, што сведчыць пра малавядомасць гэтай работы як сярод шырокіх колаў беларускай інтэлігенцыі, так і сярод вузкіх спецыялістаў.

Значную працу па сістэматызацыі і захаванні спадчыны М. Пецюкевіча правёў вядомы беларускі і польскі гісторык Ю. Туронак. У архіве аддзела рэдкіх кніг і рукапісаў Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Якуба Коласа Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі захоўваецца фонд № 60 «Мар'ян Пецюкевіч», які складаецца з шасці раздзелаў і налічвае 102 адзінкі захоўвання [3]. З пункту гледжання лінгвістыкі значную навуковую цікавасць ўяўляе картатэка «Słownik gwary Ciecierskiej. Leksemy rzadkouzuwano. Z mowy moich rodziców i prodków», якая складаецца з 1551 карткі, у тым ліку: а) уласна «Слоўнік цяцерскіх гаворак» (914 картак); б) «Фразеалагічны матэрыял да слоўніка» (328 картак); в) «Выслоўі» (103 карткі); г) «Параўнанні» (100 картак); д) «Прымаўкі і прыказкі» – (44 карткі); е) «Пералік назваў, што тычацца адпрацоўкі валакна» (17 картак); ж) «Лаянкі, праклёны» (13 картак); з) «Рознае» (жарты; 8 картак); і) «Загадкі» (4 карткі); к) «Падслуханае» (гутаркі; 1 картка) [3].

«Слоўнік цяцерскіх гаворак» М. Я. Пецюкевіча створаны з арыентацыяй на дыферэнцыйны прынып прэзентацыі дыялектнай лексікі. У яго ўключаны спецыфічныя для в. Цяцеркі

Браслаўскага павета назвы прадметаў, дзеянняў і з’яў, што адсутнічаюць у літаратурнай мове: *абыдзёнку, абэрвы, апоўзлік, быркаць, віплаваты, ганэсны, касачор, кубарка, лахва, мажджэр, полція* і інш.

Корпус слоўніка фарміруюць 916 слоўнікавых артыкулаў, але саміх слоў значна больш, бо некаторыя ўтрымліваюць варыянты і сінонімы да рэестравага слова.

ЗАВІЯ, ЗАВЯРУХА, ЗАМЕЦЬ. *Куды ты сабралася ў такую завію? Такая ўзьнілася завяруха, што на вуліцу носу ня высуніш. Узнілася вялікая замець.*

ЗУДЗЕЦЬ, ЗУРЗАЦЬ, КАПРЫСІЦЬ. Манатонна і доўга быццам плакаць, але без слёз. *Сядзіць на печы і ўсё рання зудзіць. Можна яму што далігаіць?*

КПАЦЬ, КПЦЮР, КАПЦЮРЫ. *Касьцюка Сявянёнка вяскоўцы празвалі кіпцям таму, што ў яго быў адзін паліц сусім падобны да каршуновага кіпця (кіпцюра) і інш.*

Макраструктура слоўніка – алфавітная з асобнымі адхіленнямі. Вытворныя лексічныя адзінкі з выразнымі марфалагічнымі і сэнсавымі сувязямі фіксуюцца ў адным слоўнікавым гняздзе:

БРЫЗГІ, БРЫЗГАЦЬ, АБРЫЗГАЦЬ, ЗАБ-РЫЗГАЎ польс. Пырскі абпыркаць. *Каб рай ня ўцёк, то яго нада вадой абпыркаць. Збрызьні падлогу вадой, а посьлі падмітай, каб мені было пылу.*

ГРАБІЦЬ, ЗГРАБІЦЬ, НАГРАБІЦЬ. *Паслаў я сваіх мальцоў сена грабіць на паліма. Зграбіўшы ўсё яны награвілі толькі дзьве нівякія капёшкі. Ня вырасла там трава.*

КАРАСКАЦА, ПРЫКАРАСКАЦА, АД-КАРАСКАЦА. *Вот гэты зяць Швэдаў як прыкарасцаўся да іх, то і рады нет, ніяк ня могуць ад яго адкараскацца. Цягніць і цягніць ад іх што папала.*

А таксама: *выхвастаць, адхвастаць; далізаваць, здалізаваць; драчыць, прыдрачыць; дружыцца, падужыцца; друг, дружыць, здружыцца; дурэць, дуронік; жлукто, жлактаць; заскаўрэць, заскаўрэлы; поўны, паўнюсенькі; чыста, чысты, чысьцюсенькі; гладка, гладкі, гладзюсенькі, гладзюсенька; борзда, борзденька; бунт, бунцік; малы, малюсенькі.* Разам з тым сустракаюцца і выпадкі адыходу ад заяўленага прыцыпу: групы слоў *гуся – гусянённак, гусённак – гусянённак, гусённак, гусіняты; парсюк – парасённак* чамусьці падаюцца ў асобных артыкулах.

Мнагазначнасць і аманімія. У падачы аманімаў і полісемантаў таксама не назіраецца сістэмнасці і лагічнасці. Так, відавочна, слова *абух*, якое мае значэнні ‘тупая верхняя частка сякеры’ і ‘тупіцца, няўдаліцца, маларозьвіты’ (тут і далей прыводзяцца азначэнні М. Пецюке-

віча), з’яўляецца мнагазначным, але такія словы прыводзяцца як амонімы ў розных слоўнікавых артыкулах. Выказаную думку пацвярджае таксама знаёмства са слоўнікавымі артыкуламі на лему *лыч*. Мнагазначнасць гэтай лексемы вынікае толькі з прыкладаў, паколькі тлумачэнні ў дадзеных артыкулах адсутнічаюць. З наступных ілюстрацый прыходзім да высновы, што *лыч* у першым выпадку – страва, у другім – частка цела свінні: *«Падвэнджаны лыч можыць дажджацца і сенакосу, а тады зварыць са шчавілям, то дужа добра і сіла прыбываіць»*, і *«Увядзі дрот у лыч свіні каб ня рыла ў хляве»*. Або два значэнні слова *сіпець* падаюцца ў розных слоўнікавых артыкулах *‘ціха гаварыць на прычыне хваробы горла’* і *‘пры дапамозе нашага органа слуха мы выразна чуем, як сырыя дровы ў печы «сіпяць»’*, што нібыта ўказвае на іх аманімічнасць.

Але ў слоўніку фіксуюцца артыкулы з мнагазначнымі словамі, што характарызуюцца паўнатай і дакладнасцю.

БУЛКА. 1. Булка хлеба. 2. Плошча зямлі для апрацоўкі ў прыгоне. *Наш прадзед чуць за 4 дні спраўляўся узараць (сахой) вялікаю «булку» над Кухаронкам.*

ГРЭБЛА. 1. Грэбла на дарозе. 2. Грэбла конай часаць.

Апошні слоўнікавы артыкул, відаць, планавалася дапоўніць ілюстрацыйнымі прыкладамі. Хаця нават пры аналізе саміх дэфініцый выразна выяўляецца мнагазначнасць лексемы.

ДРАЧКА. 1. Цёрка да бульбы. 2. Інструмэнт цеслярскі. *Была я учора ў Браслаў і купіла вінькою драчку. Цяпер ужо будзем дзёрць бульбячку і на бліны (дзяронікі) і на дзераную кашу.*

У дадзеным артыкуле прыведзены толькі ілюстрацыйны прыклад на першае значэнне слова *драчка*. Але філіяцыя значэнняў слова дае падставы лічыць, што яно полісемічнае.

У практыцы ўкладання слоўнікаў праблема апісання амоніміі з’яўляецца адной з найбольш складаных. Амонімы часцей за ўсё ўтвараюцца ў выніку распаду мнагазначнасці, таму межы паміж полісеміяй і аманіміяй няўстойлівыя і рухомыя. Укладальніку слоўніка часта бывае складана вызначыць, дзе заканчваецца полісемія і пачынаецца аманімія. У шэрагу выпадкаў М. Пецюкевіч паспяхова вырашае гэтую праблему:

КОРАБ. Посуд плецены з саломы і арэхавага або лазовага лыка.

КОРАБ. Рыба (камп).

Як самастойныя словы ўкладальнік падае назоўнікі *лежань* – ‘вулей’ і ‘гультай, які хапаецца за работу, а больш часу пралежвае’, *стая* – ‘мера даўжыні’ і ‘многа птушак’, *сядуха* – ‘дзяўчынка, якая доўга не пачынае хадзіць’ і ‘курыца, пасаджаная на яйкі’.

Разам з тым у «Слоўніку цяцерскіх гаворак» сустракаюцца артыкулы з аднолькавымі рэстравамі словамі і практычна тоеснай семантыкай.

АКОТА. Асьцюкі. *Вымалаціўшы ячмень нада яшчэ пабічаваць, каб аддзяліць акоту ад зернят.*

АКОТА. Асьцюкі ў ячмені. *Акота як пападзец у вока, то і выбраць цяжка. Усё вока парэжыць.*

АШАНУЦЦА. [Рэзка зрушыць з месца, спахапіцца, зварухнуцца]. *Ён глядзеў, глядзеў, а пасьлі як ашануўся. Як хваціў лейцы ды добра яе пірацягнуў праз хрыбёт, то і ўспакоілася. Ато і рады німа, грызець ды грызець яго, як тупая піла, так пілуць ад рання да вечара. Вот так і вылечыў. Ціпер такая ляконькая зрабілася.*

АШАНУЦЦА. [Рэзка зрушыць з месца, спахапіцца, зварухнуцца]. *Я калі ашануся каля вас, то супакоіцца. Ён глядзеў, глядзеў, а пасьлі, як ашануўся каля іх, то ўсе сьціхлі і ўспакоіліся.*

А таксама: *барма* – ‘начлежная вопратка; кажух з армяком, або цёплая адзежына пад армяк, разам з ім называецца бармой тых, хто едзе на начлег’ і ‘кажух з армяком, якія апаранюць на начлег або пастару да жывёлы’; *груда* – ‘замёрзлая грязь’ і ‘замёрзлая зямля, грязь’; *згарасьціць* – ‘на скорую руку нешта змайстраваць’, ‘збудаваць’ і ‘зладзіць, збудаваць, абы як з нічога зляпіць’; *кешкацца* – ‘марудзіць, павольна выконвае нейкую работу’ і ‘марудзіць, павольна выконвае нейкую работу’; *лётка* – ‘ляток у вуллі’ і ‘ляток у кожным вуллі’; *напяліць* – ‘цеснае адзец’ і ‘цесную адзежыну адзец’; *памяльнік* – ‘месца каля печы, для памяла, качаргі, чапялы, вілак’ і ‘кут каля печы, дзе стаіць памяло, чапяла, вілкі і інш.’; *спіразаць* – ‘ударыць, набіць’ і ‘ударыць каго’ і некаторыя іншыя.

Відаць, верагоднай прычынай такой непаслядоўнасці з’яўляецца не адсутнасць у аўтара канкрэтнай праграмы лексікаграфічнай апрацоўкі лексікі, а чарнавы характар прадстаўленых матэрыялаў.

Варыянтнасць. У лінгвістычнай навуцы варыянтнасцю называецца суіснаванне некалькіх рэалізацый адной моўнай адзінкі. Варыянтнасць з’яўляецца важнай спецыфічнай характарыстыкай лексікі і непасрэдна звязана з такімі асаблівасцямі дыялектнай мовы, як вусная форма яе існавання, спецыфіка маўленчай нормы (стыхійнасць, адсутнасць кадыфікацыі), уздзеянне з боку літаратурнай мовы.

У лексікаграфіі аформілася тэндэнцыя да ўключэння варыянтаў у розныя слоўнікавыя артыкулы з пэўнай сістэмай адсылак. У матэрыялах, падрыхтаваных М. Пецюкевічам для «Слоўніка цяцерскіх гаворак», занатавана некалькі фаналагічных і марфалагічных варыянтаў слоў, якія падаюцца ў адным слоўнікавым

артыкуле з агульнай дэфініцыяй: *абаніт* і *убуніт* (‘дакучлівы чалавек, пахабны’), *аплюшы* і *аплюхлы*, *атожалка* і *атожалак*, *атымачка* і *атымалка*, *бізаўка* і *бызаўка*, *братава* і *братавая* (‘жонка брата’), *вачавідкі* і *увачавідкі*, *выхвастаць* і *адхвастаць* (‘набіць’), *выперадкі* і *навыперадкі*, *гусянёнак* і *гусёнак*, *доднік* і *додня*, *завіда* і *завіднік* (‘зайздроснік’), *загарадка* і *зыгарадка*, *запашка* і *запашнік* (‘той, хто працуе на чужой гаспадарцы з палавіны, ці з трацяка’), *какора* і *какорына* (‘тоўсты блін на ўсю патэльную з мукі, альбо бульбянога цеста таркаванай бульбы’), *карапкацца* і *кірапкацца*, *надабе* і *надыбе* (‘трэба’), *паўдурак* і *прыдурак* (‘не зусім нармальны’), *пурзаць* і *пурзоліць* (‘яда без апетыту’), *распурзаць* і *распурзоліць* (‘размяшаць, размазаць’), *схудзец* і *пахудзец*, *турзаць* і *тузаць* (лейцамі), *халаміда* і *халамідзіна* (‘зношаная старая верхняя адзежына’). Сустракаюцца і адхіленні:

ПРЫСКАКАМ. З перапынкамі. *Гэты ячмень у гародзе я зжала прыскокам пры другой рабоце. Выскачу, некалькі снапоў ножну і зноў да красён.*

ПРЫСКОКАМ. З перапынкамі (выконваць якую работу не стала). *Які там за яго шовец. Ён жа маіць гаспадарку, а калі і згарасьціць каму боты, ці камашы, то толькі прыскокам, адрываючыся ад сваёй хазяйскай работы.*

Семантычная характарыстыка слоў. Характарыстыка рэстраваў адзінак у «Слоўніку цяцерскіх гаворак» праводзіцца трыма асноўнымі спосабамі: шляхам апісання, падборам эквівалентаў, адрасацыяй да семантыкі іншых слоў.

Апісальныя дэфініцыі акрэсліваюць значэнні дыялектных слоў праз указанне на з’явы аб’ектыўнай рэчаіснасці шляхам вызначэння родавага паняцця і набору дыферэнцыяльных прыкмет:

АПРАТАЦЬ. Навесці парадак у хаце, у сялібе. *Марыля Адасёва сусім зарасла ў гразі. Ёйна ні маіць часу заняцца хатой і апрацаць яе. Лётаіць толькі ад хаты да хаты і плёткі сабіраіць.*

АЦЯГАВАЦЦА. Не ахвотна брацца за работу, не спяшаюцца з выкананнем якіх колечы абавязкаў. *Ідзі ты касіць! Пасьнедаў, дык чаго тут ацягавацца.*

БУБНЕЦЬ. Шмат гаворыць без патрэбы. *Яна, як толькі вочы прадзярэць, то бубніць і бубніць, як пустая бочка.*

ВЫМАНТЭЖЫВАЦЬ. Рознымі хітрыкамі прыдбаць сабе. *Ён доўга хадзіў да іх, ну і вымантажыў тую скрытачку.*

ГОМЗАЦЬ. Невыразна гаворыць. *Гэты мальчак нешта гомзаіць сабе пад нос, што нічога ня можна зразумець.*

ЗАВІНУЦЦА. Хутка за штоколучы ўзяцца. *Два гады стаяў зрубліны ізруб, а паслі як завінуліся малыцы, то як відзім хату настроілі.*

ЛАТАШЫЦЬ. Абрываць з посьпехам. *Як у варваліся рабяты ў наш садок, то начыста аблаташылі ігрушку – «мурынку».*

БІЗАЎКА, БЫЗАЎКА. Гатунак мух, якія ўлетку складаюць ячкі на шэрці коней. *Коні мейсца ні знаходзяць ад гэтых праклятых бызавак.*

КАЖАРКА. Стары, зношаны паўшубак. *Лявон накінуў старую кажарку і пашоў у ток малаціць (цэпам).*

ЛУМІНА. Малая, балотністая з дзікай травой асакой заросшая сенажатка. *Як забарануем гэту ніву, то каня выпражы і спутай яго ў луміне, можа хоць гэтай дзікай асакі нахватаецца, бо што ён наскубець і многія іншыя.*

Апісальныя дэфініцыі дазваляюць не толькі раскрыць семантыку дыялектных лексем, але і даюць каштоўную інфармацыю пра гісторыю і культуру рэгіёна:

БАГАТАЯ КУЦЯ. Багатай куцёй называлі ў Цяцёрках ежу рыштаваную на вячэру перад Новым Годам...

ВАЛОВІК. Плячэнка зробленая (сплеченая) з васьмі вітак лазовых. Бывае, звычайна, каля 70–80 см даўжыні. Служыць яна за пугаў, найчасцей раменнай пугі. Карыстаюцца ёй да коннай язды, як нагайка...

ВУРЗГАЛКА. Робіцца з авечай костачкі пясярэдзіне прадзюраўленай. У дзюрэчку увадзіцца моцны шнурок скручаны з кужэльных нітак. Вурзголку накручваюцца на шнурку а посьля чачоніўшы за пальцы абедзвюх рук нацягваюць. Вурзгалка накручваючыся і раскручваючыся, круціцца з вялікай тынкосяцю і гэты віровы абарот дае бурчэнне...

КРЫШАВА. Гэта скрыня з тоўстых дошак на чатырох ножках, у якой сечкай рубваюць траву для сьвінней, пасечаная трава называецца ахрап'я для сьвінней.

ЮШНІК. Суп з сьвінней крыві. Пры убою сьвіней адкармлених спускаць кроў у посуд з заквашанай расчынкай, размешываць каб кроў ня збеглася у камы і астуджываюць. З гэтай жывжкі гатуюць суп, які называецца юшнік.

Дэфініцыі сінанімічнага тыпу выкарыстоўваюцца для апісання стылёва або экспрэсіўна афарбаваных значэнняў, вузка рэгіянальных слоў, што маюць шырокаўжывальныя і стылёва нейтральныя адпаведнікі ў мове.

Пры вызначэнні семантыкі рээстравых слоў часам выкарыстоўваюцца адпаведнікі (у тым ліку і з іншых моў):

ПІСКУН. Уюн, вьюн, piskocz...

ЛАМАКА. Нездара, гультай, недапечаны...

НАСЬКІ. Тутэйшы. *Прадсідзіць нашага калгасу гэта наські чалавек.*

ПАДВАРОЖНІЦА. Падваротня...

ПАРУШЭНЯ. Хвароба.

ПАХНЮЧЫ. Пахучы, духмяны.

РЫЗЬНІК. Анучнік.

ХОДАНЬНЕ. Страньне, перамога.

АГНІШЧА літ. Вогнішча, руск. Костёр.

У якасці дэфініцыі ў дадзеным артыкуле падаецца як беларускі літаратурны адпаведнік, так і рускі – з пэўнай паметай. У асобных выпадках падбор варыянта з рускай мовы ў слоўнікавым артыкуле камбінуецца з апісальным спосабам падачы дэфініцыі:

ШКАЛІЦЬ, ПАДШКЕЛІВАЦЬ. Руск. Падтрукваць. Злосна падсьміхаць, каб расстроіць каго. *Як пачалі нікаторыя на схадзі ішкеліць ды падшкеліваць з Куланіна. Ён і так і с'як прабаваў іх уціхамірыць, а калі гэта не памагала, то пачаў лаіць: маць, ды пірамаць, дык яны яшчэ гары на яго, тады ён з кулакамі да іх. І нікаторыя палучылі добрую апляху.*

Адрасацыя да семантыкі іншых слоў праводзіцца ў слоўніку двума шляхамі – з дапамогай этымалагічных дэфініцый і спосабам адсылкі да іншых слоўнікавых артыкулаў. Этымалагічныя дэфініцыі ўтрымліваюць характарыстыку семантыкі слова і захоўваюць матывавальныя і матываваныя сувязі значэнняў слова:

БРАДЗІЦЬ. Лавіць рыбу броднем...

БУЛЬБЯНІК. Блін з бульбянога цеста...

ПЛАВАТЫ. Прыметнік ад вяпла, прыдурак...

ВІЧАНІШЧА. Салома ад вікі.

ПРАСОНЬНЕ. Гаварыць праз сон.

ПРЫРОВАК. Бераг ля рава і інш.

Адсылчныя дэфініцыі афармляюцца з дапамогай паметы *гл.* і ў слоўніку М. Пецюкевіча падаюцца дастаткова бессістэмна:

ГАРГАРА *гл.* ваўкоўня. Вялікая будыніна, альбо і прадмет.

ПОЙСАВАЦЬ ЯЧМЕНЬ *гл.* бичаваць.

ЗАСКАРУЗЛЫ (*гл.* аскарузлы).

Функцыянальна-стылёвыя паметы. Функцыянальна-стылёвае размежаванне лексікі ў слоўнікавым выкарыстоўваецца для градацыі розных адценняў значэнняў і акрэслення сферы бытавання лексікі. У працы М. Пецюкевіча выкарыстоўваюцца наступныя стылёвыя паметы: *пагардл.* – пагардлівае, *разм.* – размоўнае, *вульг.* – вульгарнае, *ардын.* – ардынарнае: *вашывік пагард.*; *какярчукі, накакярчукі разм.*; *немач разм.* У некаторых слоўнікавых артыкулах стылістычныя паметы не выносяцца ў прапазіцыю адносна семантычнай характарыстыкі, а ўваходзяць у зону семантызацыі (дэфініцыі): *апоўзьлік* падаецца «іронічнае акрэсленне малога ростам і занябаннага хлопца ці мужчыны», *плейтух* – «пагардлівае слова ў адносінах да бруднага, апусціўшагася жыда».

Сустракаюцца і нетрадыцыйныя стылістычныя паметы. Так, да слова *выпруціцца* падаецца памета *злосна*.

З дапамогай стылістычных памет *вэтэрын.* (*ветэрынар.*), *анат.*, *заал.* (*заалаг.*) паказваецца спецыфічная сфера выкарыстання адпаведных лексічных адзінак: *занозы* і *золзы вэтэрын.* і *ветэрынар.* адпаведна; *коўш*, *лупы*, *машина*, *струк*, *шушка* – *анат.* (анатамічнае); *макруш* і *холка* – *заал.* і *заалаг.* адпаведна. Вялікая група слоў і словазлучэнняў (каля 25 адзінак), што маюць адносіны да бортніцтва, маркіруюцца паметай *пчал.* (пчалярскае): *вашчына*, *галава*, *должнік*, *дуплянка*, *дымакур*, *іск*, *лежань*, *лётка*, *ліжак*, *пешня*, *стаяк*, *узятка*, *чэр*, *абсесьць*, *злавіць*, *прывіцца*, *сбраць асадзіць роі*, *вясьці работу*, *падкурваць пчал*, *піраглідаць пчал*, *сяброўскія пчалы*, *хлеб пчаліны*.

Выкарыстоўваюцца паметы, што паказваюць на паходжанне лексічных адзінак: *шкаліць*, *агнішча* – *руск.* (рускае); *насьціж* – *пол.* (польскае); *гаразд* – *старверскае*.

Граматычная інфармацыя. Мар'ян Пецюкевіч не ўводзіць у слоўнік поўную граматычную характарыстыку слова як абавязковы лексікаграфічны прыём. Так, толькі ў адным артыкуле падаецца граматычная памета, што ўказвае на прыналежнасць да пэўнага лексікаграфічнага класа слоў: слова *заўтра* забяспечана паметай *наз.* (назоўнік), відаць, каб паказаць на магчымасць яго субстантывацыі, у двух артыкулах – граматычная памета для абазначэння родавай карэляцыі (*круглаліцы*, *-я* і *падзямельнік*, *-ца*). Шэраг артыкулаў забяспечаны паметами з указаннем на форму ліку заглавачай адзінкі. Напрыклад, слова *азадкі* суправаджацца паметай *толькі ў лічбе многай*, што паказвае на форму *pluralia tantum*. Іншыя граматычныя паметы, што выкарыстоўваюцца ў слоўніку, сведчаць пра магчымасць ужывання слова як у адзіночным, так і ў множным ліку: *атожалка*, *-кі*; *гурба*, *-ы*; *ійндык*, *-і*; *падышванец*, *-цы*; *пац*, *пацук*, *-кі*; *сэцімбур*, *-ры*; *хухталь*, *-і*.

Ілюстрацыі. У лексічнай частцы слоўніка М. Пецюкевіча выкарыстоўваецца некалькі тыпаў ілюстрацый. У асноўным прыводзяцца фрагменты запісаў вусных паведамленняў, атрыманых у палявых умовах:

АСЬЛЮЗЛЫ. <...> *Шкада той дзяўчыны – Лявонавай Юзэфы для таго асьлюзлага поўшавэлка. Плакала горкімі сьлізамі ад іжджаючы да шлюбу. Бацькі прымусілі бо ў жаніха троціна зямлі.*

АТЫМАЧКА, АТЫМАЛКА. *Ні бяры голымі рукамі саган з бульбай, бо апячэш рукі. Вазьмі атымачку і адцадзі бульбачку; вун іна вісіць на шасьце.*

ПАПАСКА, ПАПАСВАЦА. *Як бывала ездзілі з таварам з Дзьвінска, то без папаскі не заедзіш вёрст 80. Папаску рабілі найчасьцей у Бароўцы ці ў Краснагорцы. Папасываліся ня долга, часікі два-тры, а посьлі надкарміўшы і папоўшы коняў ехалі з Дзьвінска.*

У асобных выпадках такія ілюстрацыі разрастаюцца ў цэлыя мікратэксты, цікавыя не толькі з лінгвістычнага, але і культурна-этнаграфічнага боку:

ВОГНІК. *Мясцовае заражэнне на целе. Скулу раздражніў, дык цяпер прыкінуўся вогнік, расчырванела нага і ня гоіца. Ехаць до дохтара, нет грошы. Кажуць, што дзёртая бульба адцяговоіць вогнік, дык будзім прыкладаць.*

МАЛЬГА. *Малюга (нарыбок). Было гэта вясной. Іду я з поля завёўшы каня ў Кладкі, гляджу аж у рове каля самага мосьціка поўна малгі, аж іна кішыць. Ну чым іе налавіць? Дык я здзеў штаны, завізаў калашыны і давай чэрпаць гэту малгу. І начэрпаў поўныя штаны, мусіць болі двух гарцоў. Гануля натушыла іе з цыбуляй і перцам дык хоць ты язык палыкай.*

БАГАТКІ. *Расьліна, з якой вароужуць. З багаткаў нас варажылі. Яны ўсё растуць на межках. Перад Янам назьбіраюць іх і затыкаюць у сьцяну па аднэй на кожнага сям'яніна. Калі чыя багатка праз ноч ні распусьціцца, то тот памрць.*

Не ўсе слоўнікавыя артыкулы ў «Слоўніку цяцерскіх гаворак» уключаюць у сваю структуру ілюстрацыйныя зоны. Як правіла, без ілюстрацый фіксуецца словы (усяго 193 адзінкі), якія тлумачацца: а) энцыклапедычным спосабам; б) з дапамогай этнаграфічнага каментарыя; в) з выкарыстаннем графічнай выявы.

ВАЛОВІК. *Пляцёнка зробленая (сплеченая) з васьмі вітак лазовых. Бывае, звычайна, каля 70–80 см даўжыні. Служыць яна за пугаў, найчасьцей раменнай пугі. Карыстаюцца ёй да коннай язды, як нагайка.*

ГУНЬКА. *Тканіна узорыстая з пачастых нітак. Узор пераважна ў клетку. Гунька служыць да накрываньня сядзеньня на цялезе або на саннях, калі ездзіцца на кірмаш, у царкву. Гунькай таксама накрываюць каня, зімой сагрэтага, летам ад мух і аваднёў.*

ЛІЖАК *пчал.* *Калодачны вулей, якога правы канец абпіраецца на крыжаку, (галава), левы (піта) на каменнай пліце.*

ЗАСТАРОНАК. *Частка (нутраная) гумна [малюнак].*

У некаторых артыкулах ілюстраванне служыць спосабам дэфініцыі лексічных адзінак і размежавання розных іх значэнняў:

АХАПАК. 1. *Набраў цэлы ахак дроў, як панясьці і прынесшы ў хату штурнуў каля печы.*

2. *Хваціў Альбэрт Дуната ў ахапкі і прывалокшы ў хату добра намяў яму бакі.*

Часам да рээстрадага слова прыводзіцца адно (асноўнае) значэнне, а ілюстрацыя паказвае магчымасць пераноснага ўжывання дадзенай лексемы:

ГЫРЧЭЦЬ. Гырчаць. *Сабака гырчыць. Гэта Проска Трахімава як тая сучка гырчыць і гырчыць на нявестку.*

У некаторых артыкулах у ілюстрацыйнай зоне ўжываюцца лексемы і іх формы, якія адрозніваюцца ад рээстравых словаўтваральнымі элементамі:

ТРАЦІНА. Мера грунту, трэцяя частка валокі. *Адасёва Гунэфа вышла замуж у Спаруны за трацініка.*

Заклучэнне. Такім чынам, «Слоўнік цяцерскіх гаворак» М. Я. Пецюкевіча з'яўляецца каштоўнай працай, у якой даецца лексіка маладаследаванага рэгіёна. Нягледзячы на хібы і не-

дахопы, якія спарадычна сустракаюцца ў ім, слоўнік уяўляе сабой сістэмны лексікаграфічны твор, які заслугоўвае далейшага навуковага асэнсавання і папулярызацыі.

Літаратура

1. История русской лексикографии / под ред. Ф. П. Сороколетова. – М.: Наука, 2001. – 614 с.

2. Кіпель, В. Беларускія слоўнікі й энцыклапедыі / В. Кіпель, З. Саўка. – Нью-Ёрк; Менск: Беларускі інстытут навукі й мастацтва, 2002. – 569 с.

3. Грамовіч, В. А. Да пытання аб вывучэнні навуковай спадчыны Мар'яна Пецюкевіча / В. А. Грамовіч // Нацыянальная мова і нацыянальная культура: аспекты ўзаемадзеяння: зб. навук. арт. / рэдкал. В. Д. Старычонок, Д. В. Дзятко (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДПУ, 2011. – С. 74–76.

Паступіў 12.03.2013

УДК 81'282.2 (476.7)

В. М. Босак, доктар сельскагаспадарчых навук, прафесар (БДТУ);**А. А. Босак**, кандыдат філалагічных навук, дацэнт (БДЭУ)**ДАСЛЕДАВАННЕ ГАВОРАК ВЕРХНЯГА НАД'ЯСЕЛЬДЗЯ**

На тэрыторыі Верхняга Над'ясельдзя выдзелены наступныя групы гаворак: *гродзенска-баранавіцкія* (уключаюць лыскаўскую і варанілавіцкую падгрупы) – на поўначы, *паўночнабрэсцкія акаючыя* (уключаюць роўбіцкую і вялікасельскую падгрупы) – на захадзе, *паўночнабрэсцкія акаючыя* (уключаюць шанёўскую і шарашоўска-гараднянскую падгрупы) – у цэнтры, *верхнясельдскія* (уключаюць рудніцкую, смальяніцкую і ліноўскую падгрупы) – у цэнтры, на ўсходзе і паўднёвым усходзе, *малецкія* – на паўднёвым усходзе, *паўночназагародскія* – на паўднёвым захадзе, *сярэднезагародскія* – на поўдні даследуемага рэгіёна.

As a result to the conducted research in Verkhnyae Nadyaseldze district the following basic types of dialects are revealed: *grodzenska-baranavitskaya* (including *lyskauskaya* and *varanilavitskaya* subgroups) – on the north, *paunoch nabrestskaya akayuchaya* (including *roubitskaya* and *vyalikaselskaya* subgroups) – on the west, *paunoch nabrestskaya okayuchaya* (including *shanyouskaya* and *sharashouska-garadnyanskaya* subgroups) – in the centre, *verkhnyaseldskaya* (including *rudnitskaya*, *smalyanitskaya* and *linouskaya* subgroups) – in the centre, on the east and southeast, *maletskaya* – on the southeast, *paunoch nazagarodskaya* – on the southwest, *syarednezagarodskaya* – on the south of the region researched.

Уводзіны. Тэрыторыя Верхняга Над'ясельдзя (Пружанскі раён Брэсцкай вобласці і сумежжа) уяўляе сабой адзін са своеасаблівых рэгіёнаў Рэспублікі Беларусь. Тут праходзіць мяжа паміж заходнепалескай і гродзенска-баранавіцкай групамі гаворак. Гаворкі Верхняга Над'ясельдзя цікавыя тым, што яны знаходзяцца на стыку Беларускага Панямоння і тыповага Заходняга Палесся ў зоне моўных міждыялектных кантактаў і дыялектных узаемаўплываў [1–2].

Даследаванне асноўных фанетычных, марфалагічных і лексічных асаблівасцей гаворак Верхняга Над'ясельдзя праводзілася на тэрыторыі Пружанскага раёна Брэсцкай вобласці (асноўная частка даследавання) і на сумежных тэрыторыях Бярозаўскага, Івацэвіцкага, Камянецкага, Кобрынскага раёнаў Брэсцкай вобласці, Ваўкавыскага, Зэльвенскага, Свіслацкага і Слонімскага раёнаў Гродзенскай вобласці. Усяго абследаваны гаворкі жыхароў 231 населенага пункта, з іх у Пружанскім раёне – 214, Бярозаўскім – 6, Свіслацкім – 5, Ваўкавыскім – 1, Зэльвенскім – 1, Івацэвіцкім – 1, Камянецкім – 1, Кобрынскім – 1, Слонімскай раёне – 1 населены пункт.

Апытанне праводзілася па спецыяльна распрацаванай праграме, якая ўключала пытанні па фанетыцы, марфалогіі і лексіцы. Поўная праграма даследавання ўключала 40 пытанняў па фанетыцы і 40 пытанняў па марфалогіі, а таксама 102 пытанні па лексіцы. Усяго складзена 204 карты, у тым ліку фанетычных – 30, марфалагічных – 40, лексічных – 90, ізагласных – 35, гістарычных – 5, агульных – 4 [3–5].

Асноўная частка. Па выніках праведзенага даследавання на тэрыторыі Верхняга Над'ясельдзя выдзелены наступныя групы гаворак: *гродзенска-баранавіцкія* (уключаюць лыскаў-

скую і варанілавіцкую падгрупы) – на поўначы, *паўночнабрэсцкія акаючыя* (уключаюць роўбіцкую і вялікасельскую падгрупы) – на захадзе, *паўночнабрэсцкія акаючыя* (уключаюць шанёўскую і шарашоўска-гараднянскую падгрупы) – у цэнтры, *верхнясельдскія* (уключаюць рудніцкую, смальяніцкую і ліноўскую падгрупы) – у цэнтры, на ўсходзе і паўднёвым усходзе, *малецкія* – на паўднёвым усходзе, *паўночназагародскія* – на паўднёвым захадзе, *сярэднезагародскія* – на поўдні даследуемага рэгіёна.

Сярэднезагародскім гаворкам характэрны наступныя рысы: шасціфанемны склад галосных – [i], [y], [e], [a], [o], [u]; «оканне» (у гаворках некаторых населеных пунктаў «уканне») (*молокó, головá, курóва, увэс*); перад рэфлексамі *е, *і зычныя б, в, м, п, д, т, з, с, н вымаўляюцца цвёрда (*бэда́, высна́, мышо́к, пысо́к, дэнь, тэплó, зыма́, сы́ла, ны́ва*); цвёрдасць заднеязычных у былых спалучэннях *гы, *кы, *хы (*дorangý, korótky*); на месцы *Ѣ пад націскам вымаўляецца [i] (*сіно, ліс, літо*); на месцы *о ў новых закрытых складах пад націскам вымаўляецца [i / ы] (*стыг, кінь, він, віз*); пратэтычны [в] у займенніках 3-й асобы (*він, вонá, вонó, воні́ /вунá, вунó, вуны́*); формы інфінітыва з асновай на галосны з фанетычным варыянтам суфікса -ці -гы (*умыва́ты, купáты, спáты*); «саканне» адсутнічае (*умыва́тыся, купáтыся, умыва́юся, купáюся; умыв́ся, купáв́ся*); лексемы *карто́плі* 'бульба', *шчаву́х* 'шчаўе', *пухля́й* 'падбярозавік', *багню́к* 'махавік', *пырыты́лка* 'матылёк', *комны́рцы* 'манжэты', *крупя́на* 'крывяная каўбаса', *вы́шкы* 'гарышча', *мутю́н* 'манюка', *кля́бня* 'гумно', *бэлі́тыся* 'мыць бялізну', *красню́к* 'падасінавік', *запі́л* 'падол', *хві́йка* 'сасна'.

Паўночназагародскім гаворкам характэрны наступныя рысы: шасціфанемны склад галосных – [i], [ы], [e], [a], [o], [y]; «оканне» (мо́локо, го́лова, ко́рва); перад рэфлексамі *е, *і зычныя б, в, м, п, д, т, з, с, н вымаўляюцца цвёрда (ба́да, вы́сна, мышо́к, пысо́к, да́нь, та́плó, зыма́, сы́ла, ны́ва); цвёрдасць заднеязычных у былых спалучэннях *гы, *кы, *хы (до́рога, ко́роткі); на месцы *Б пад націскам вымаўляецца [i] (сіно, ліс, літо); на месцы *о ў новых закрытых складах пад націскам вымаўляецца [y] (сту́г, ку́нь, ву́н, ву́з); пратэтычны [в] у займенніках 3-й асобы (ву́н, вона́, вонó, воны́); формы інфінітыва з асновай на галосны з фанетычным варыянтам суфікса -ці -ты (умыва́ты, купа́ты, спа́ты); «саканне» адсутнічае (умыва́тыся, купа́тыся; умыва́юся, купа́юся; умы́вся, купа́вся); лексемы картóплі ‘бульба’, шча́вух ‘шчаўе’, пухла́й ‘падбярозавік’, багню́к ‘махавік’, пыры́ны́лка ‘матылёк’, ко́мні́рцы ‘манжэты’, ба́літы ‘мыць бялізну’, кру́эня ‘крывяная каўбаса’, вы́шкы ‘гарышча’, му́цін ‘манюка’, кля́ня ‘гумно’, красню́к ‘падасінавік’, запу́л ‘падол’, хвуйка́ ‘сасна’.

Малецкім гаворкам характэрны: васьміфанемны склад галосных – [i], [ы], [e], [a], [o], [y], [ie], [yo]; паслядоўнае оканне (мо́локо, го́лова, ко́рва); перад рэфлексамі *е, *і зычныя б, в, м, п, д, т, з, с, н вымаўляюцца цвёрда (ба́да, вэ́сна, мэшо́к, пэсо́к, да́нь, та́плó, зыма́, сы́ла, ны́ва); на месцы *Б пад націскам вымаўляецца дыфтонг [ie] (сіе́но, ліе́с, ліе́то); на месцы *о ў новых закрытых складах пад націскам вымаўляецца дыфтонг [yo] (сту́ог, ку́онь, ву́он, ву́оз); пратэтычны [в] у займенніках 3-й асобы (ву́он, вона́, вонó, воны́); формы інфінітыва з асновай на галосны з фанетычным варыянтам суфікса -ці -ты (умыва́ты, купа́ты, спа́ты); «саканне» (умыва́тыся, купа́тыся; умыва́юся, купа́юся; умы́ўся, купа́ўся); лексемы пёр’е ‘лісце цыбулі’, губка́ ‘сыраежка’, ба́лец ‘дзежка для жывёлы’, якмáнь ‘толькі што’, жура́хліны ‘журавіны’, краснаго́ловэц ‘падасінавік’, пова́л ‘столь’, гак ‘матыка’.

Верхнясельдскім гаворкам характэрны наступныя рысы: васьміфанемны склад галосных – [i], [ы], [e], [a], [o], [y], [ie], [yo]; паслядоўнае оканне (мо́локо, го́лова, ко́рва); перад рэфлексамі *е пярэднеязычныя (акрамя л) і губныя вымаўляюцца цвёрда (зэ́мля, сэ́ло, да́нь, пэсо́к, мэшо́к, нэ́бо); перад рэфлексамі *і пярэднеязычныя і губныя вымаўляюцца мякка (зі́ма, сі́ла, пі́ла, ві́шня, мі́ска); мяккасць заднеязычных у былых спалучэннях *гы, *кы, *хы (до́рогі, ко́роткі); на месцы *Б пад націскам вымаўляецца дыфтонг [ie] (сіе́но, ліе́с, ліе́то); на месцы *о ў новых закрытых складах пад націскам вымаўляецца дыфтонг [yo] (сту́ог, ку́-

о́нь, ву́он, ву́оз); пратэтычны [в] у займенніках 3-й асобы (ву́он, вона́, вонó, воны́); формы інфінітыва з асновай на галосны з суфіксам -ці (умыва́ці, купа́ці, спа́ці); «саканне» (умыва́ціся, купа́ціся; умыва́юся, купа́юся; умы́ўся, купа́ўся); лексемы бодкі́ (ба́дэха) ‘сасновая ігліца’, бу́льва ‘бульба’, ба́рэзняк ‘падбярозавік’, пэ́дэрка ‘божая кароўка’, маты́лка ‘матылёк’, па́разок ‘пасак з тканіны’, кішка́ ‘крывяная каўбаса’, тоўка́ніца ‘таўчоная бульба’, ко́пашка ‘невялікая рыдлёўка’.

У ліноўскай падгрупе на месцы *д’ (d’) і *д’ (d’) вымаўляецца [д] цвёрды перад *е (да́нь, да́рэво, і́дэ, да́, нідэ́, нэдэ́), [дз’] мяккі – у іншых пазіцыях (да́ед, хо́дзіці, лю́дзі). У рудніцкай падгрупе, у адрозненне ад ліноўскай, у некаторых словах перад *е вымаўляецца [дз’] мяккі (да́е, нідэ́, нэдзі́). У смаляніцкай падгрупе на месцы *д’ (d’) і *д’ (d’) вымаўляецца [д] цвёрды перад *е (да́нь, да́рэво, і́дэ), у некаторых словах – [дз’] мяккі (да́е, нідэ́, нэдзі́). У іншых пазіцыях у гэтай падгрупе на месцы *д’ (d’) і *д’ (d’) вымаўляецца [д’] мяккі (да́ед, хо́д’іці, лю́д’і). Смаляніцкай і рудніцкай падгрупам характэрны лексемы ба́гновік ‘махавік’, пако́т ‘гарышча’, ку́таці ‘мыць бялізну’, пэ́лена ‘падол’, уша́ток ‘дзежка для жывёлы’ і г. д. Ліноўскай падгрупе адпавядаюць лексемы мша́р ‘махавік’, го́ра ‘гарышча’, мы́ці ‘мыць бялізну’, па́дблòк ‘падол’, ба́лец ‘дзежка для жывёлы’.

Паўночнабрэцкім акаючым гаворкам на тэрыторыі Пружанскага раёна характэрна паслядоўнае аканне (галава́, малако́, каро́ва); прыстаўны гук [г] (га́раці, га́нуча); ненаціскны канчатак -ае ў прыметнікаў ніякага роду адзіночнага ліку ў назоўным склоне (но́вае, бе́лае), ненаціскны канчатак -ым у прыметнікаў ніякага роду адзіночнага ліку ў месным склоне (у но́вым, у бе́лым), лексемы шчыпéр ‘лісце цыбулі’, лгу́н ‘манюка’, па́грэб ‘капец бульбы’, каро́бка ‘прыстасаванне для сяўбы’ і г. д.; паўночнабрэцкім акаючым – паслядоўнае оканне (го́лова, мо́локо, ко́рва), адпаведна адсутнасць прыстаўнога [г] (о́раці, о́нуча); ненаціскны канчатак -э ў прыметнікаў ніякага роду адзіночнага ліку ў назоўным склоне (но́вае, бе́лае), ненаціскны канчатак -ом у прыметнікаў ніякага роду адзіночнага ліку ў месным склоне (у но́вом, у бе́лом); лексемы цыбу́ля ‘лісце цыбулі’, му́цяр ‘манюка’, ско́пэц ‘капец бульбы’, севэ́нька ‘прыстасаванне для сяўбы’.

Да агульных асаблівасцей паўночнабрэцкіх гаворак адносяцца: шасціфанемны склад галосных – [i], [ы], [e], [a], [o], [y]; паслядоўнае цеканне-дзеканне (да́нь, і́дэ, да́ед, лю́дзі, да́ялка, сядэ́, ца́плó, ца́хо, це́нь, ца́жко, п’я́ць); мяккасць пярэднеязычных перад рэфлексамі *е, *і (зя́мля (зе́мля), се́ло, сі́ла, зі́ма); мяккасць губных перад

рэфлексамі ***і** (*вішня, піла, міска*); цвёрдасць губных (у большасці гаворак) перад рэфлексамі ***е** (*пасок, машок, васна* – паўночнабрэсцкія акаючыя (роўбіцкая падгрупа), *пэсок, мэшок, вэсна* – паўночнабрэсцкія акаючыя (шанёўская падгрупа)); мяккасць заднеязычных у былых спалучэннях ***гы, *кы, *хы** (*дарагі /дарагі/, кароткі /короткі/*); на месцы ***о** ў новых закрытых складах пад націскам вымаўляецца [о] (*стог, конь, воз*); на месцы ***Ѣ** пад націскам вымаўляецца [е] (*сэно, лес, лето*); пратэтычны **[в]** у займенніках 3-й асобы (*вон, вонá /ванá/, вонó /ванó/, вонь /вань/*); формы інфінітыва з асновай на галосны з суфіксам **-ці** (*умываці, купаці, спаці*); «саканне» (*умываціса, купаціса, умываюса, купаюса; умыўса, купаўса*); лексемы *беліці /бэліці/* ‘мыць бялізну’, *кацюба* ‘качарга’, *памост /помост/* ‘падлога’, *шыката /шыкотá/* ‘сасновая ігліца’.

У вялікасельскай і шарашоўска-гараднянскай падгрупах губныя перад рэфлексамі ***е** мяккія (*песок, мешок, ведро*); у роўбіцкай і шанёўскай падгрупах – цвёрдыя (*пасок, машок, вадро; пэсок, мэшок, вэдро*).

Гродзенска-баранавіцкім гаворкам на тэрыторыі Верхняга Над’ясельдзя характэрны: шасціфанемны склад галосных – [і], [ы], [е], [а], [о], [у]; паслядоўнае аканне (*галава, малак, карова*); мяккасць губных і пярэднеязычных перад рэфлексамі ***е, *і** (*бэраг, пэсок, зямля, сіла, зіма, вішня*); мяккасць заднеязычных у былых спалучэннях ***гы, *кы, *хы** (*дарагі, кароткі*); на месцы ***о** ў новых закрытых складах пад націскам вымаўляецца [о] (*стог, конь, воз*); на месцы ***Ѣ** пад націскам вымаўляецца [е] (*сэно, лес, лето*); паслядоўнае цеканне-дзеканне (*дэнь, ідэ, дзед, людзі, дзялка, сядзь, цяплó, ціхо, цень, цяжко, пяць*); займеннікі 3-й асобы *ён, яна, яно, яны*; формы інфінітыва з асновай на галосны з суфіксам **-ць** (*умываць, купаць, спаць*); формы зваротных дзеясловаў у інфінітыве з постфіксам **-ца** (*умывацца, купацца*); формы зваротных дзеясловаў у першай асобе адзіночнага ліку цяперашняга часу і зваротных дзеясловаў у прошлым часе з постфіксам **-ся /-сѣ/** (*умываюся, купаюся /умываюсѣ, купаюсѣ/; умыўся, купаўся /умыўсѣ, купаўсѣ/*); лексемы *кастрыца* ‘сасновая ігліца’, *чабор* ‘чабор’, *сіняк* ‘махавік’, *папруга* ‘скураны пасак’, *столь* ‘столь’, *качарга* ‘качарга’, *ржышчо* ‘ржышча’, *картоплі* ‘бульба’, *гумно* ‘гумно’.

Гаворкам варанілавіцкай падгрупы характэрны пратэтычны **[в]** (*вока, возера*); вымаўленне галоснага **[і]** на месцы ***е** ў першым пераднаціс-

кным складзе пасля ***н** (*німа, ні знаю*); ненаціскны канчатак **-а** ў прыметнікаў жаночага роду адзіночнага ліку ў назоўным склоне (*нова, добра*); націскны канчатак **-ое** ў прыметнікаў ніякага роду адзіночнага ліку ў назоўным склоне (*маладбе, старбе*); лексемы *абшлагі* ‘манжэты’, *наліванка* ‘крывяная каўбаса’, *камяк* ‘таўчоная бульба /пюрэ/’, *дрыгва* ‘халадзец’; лыскаўскай падгрупе ўласціва адсутнасць пратэтычнага **[в]** (*око, озеро*); вымаўленне галоснага **[е]** на месцы ***е** ў першым пераднаціскным складзе перад ***н** (*нема, не знаю*); ненаціскны канчатак **-ая** ў прыметнікаў жаночага роду адзіночнага ліку ў назоўным склоне (*новая, добрая*); націскны канчатак **-оѣ** ў прыметнікаў ніякага роду адзіночнага ліку ў назоўным склоне (*маладбѣ, старбѣ*); лексемы *абшэўкі /ашэўкі/* ‘манжэты’, *кішка* ‘крывяная каўбаса’, *каша* ‘таўчоная бульба /пюрэ/’, *квашаніна /квашаніна/* ‘халадзец’.

Заклучэнне. На тэрыторыі Верхняга Над’ясельдзя выдзелены наступныя групы гаворак: *гродзенска-баранавіцкія* (уключаюць лыскаўскую і варанілавіцкую падгрупы) – на поўначы, *паўночнабрэсцкія акаючыя* (уключаюць роўбіцкую і вялікасельскую падгрупы) – на захадзе, *паўночнабрэсцкія акаючыя* (уключаюць шанёўскую і шарашоўска-гараднянскую падгрупы) – у цэнтры, *верхнясельдскія* (уключаюць рудніцкую, смалянцкую і ліноўскую падгрупы) – у цэнтры, на ўсходзе і паўднёвым усходзе, *малецкія* – на паўднёвым усходзе, *паўночназагародскія* – на паўднёвым захадзе, *сярэднезагародскія* – на поўдні даследуемага рэгіёна.

Літаратура

1. Клімчук, Ф. Д. Гаворкі Заходняга Палесся. Фанетычны нарыс / Ф. Д. Клімчук. – Мінск: Навука і тэхніка, 1983. – 127 с.
2. Крывіцкі, А. А. Дыялекталогія беларускай мовы / А. А. Крывіцкі. – Мінск: Вышэйшая школа, 2003. – 294 с.
3. Босак, А. А. Атлас гаворак Пружанскага раёна Брэсцкай вобласці і сумежжа (Верхняга Над’ясельдзя). Фанетыка і марфалогія / А. А. Босак, В. М. Босак. – Мінск: ІВЦ Мінфіна, 2005. – 94 с.
4. Босак, А. А. Атлас гаворак Пружанскага раёна Брэсцкай вобласці і сумежжа (Верхняга Над’ясельдзя). Лексіка / А. А. Босак, В. М. Босак. – Мінск, 2006. – 124 с.
5. Босак, А. А. Дыферэнцыяцыя гаворак Верхняга Над’ясельдзя / А. А. Босак, В. М. Босак. – Мінск: БДТУ, 2010. – 160 с.

Пастуніў 12.03.2013

УДК 808.2:159.937

У. І. Куліковіч, кандыдат філалагічных навук, дацэнт (БДТУ)

ФАНЕМНА-МАРФЕМНЫ ПРЫНЦЫП АРФАГРАФІІ Ў СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

У артыкуле разглядаюцца дыскусійныя пытанні, якія датычацца марфалагічнага прыпыску беларускай арфаграфіі. Змяшчаюцца прапановы ўвесці новы тэрмін і яго дэфініцыю. Апісваюцца асноўныя патрабаванні арфаграфіі, заснаваныя на гэтым прынцеце, а таксама пералічваюцца правілы напісання арфаграм, якія адпавядаюць яму: перадача на пісьме галосных, зычных, мяккага знака. Прадстаўлены фактычны матэрыял сведчыць пра тое, што фанемна-марфемны прынып шырока выкарыстоўваецца ў беларускай арфаграфіі.

In this article debatable questions touching morphological principle of Belarusian orthography are examined. It also contains the suggestion to introduce a new term and its definition. The main standards of orthography based on this principle are described, but also the rules of the spelling corresponded to it: spelling of the vowels, consonants, the soft sign are enumerated there. The given factual material gives evidence of using phonemic and morphemic principle in Belarusian orthography widely.

Уводзіны. Прынцып арфаграфіі – адно з ключавых паняццяў тэорыі навукі, якая даследуе правілы перадачы вуснага маўлення на пісьме. У рускім мовазнаўстве праблема арфаграфічных прыныпаў даследуецца на працягу трох апошніх стагоддзяў, аднак па-ранейшаму знаходзіцца ў стадыі распрацоўкі, а пытанне вядучага прыныпу арфаграфіі так і не мае адзінага варыянта рашэння [1].

Традыцыя вывучэння лінгвістычнай сутнасці арфаграфічных прыныпаў беларускай літаратурнай мовы выглядае больш сціпла як у колькасным, так і якасным плане. Сёння можна назваць адзінкавых аўтараў (Л. М. Бажэнка, Я. М. Камароўскі, В. М. Курцова, І. Я. Лепешаў, З. Саўка, Л. І. Сямешка, П. У. Сцяцко), у чыіх працах закранаюцца пытанні ўзаемадзеяння існуючых прыныпаў, сфер іх прымянення, колькаснага складу правілаў, заснаваных на гэтых пастулатах, тэрміналагічнага абазначэння.

Найменш распрацаваным у тэорыі беларускай арфаграфіі сярод арфаграфічных прыныпаў з’яўляецца марфалагічны, паводле якога напісанне слоў ці частак слоў па магчымасці заўсёды аднолькавае. Пра гэта сведчыць неаднастайнасць правілаў, якія прыводзяцца ў вучэбнай літаратуры, заснаваных на гэтым прынцеце, адсутнасць дакладных крытэрыяў яго вызначэння. І гэта нягледзячы на тое, што паводле назіранняў асобных беларускіх навукоўцаў колькасць правіл, заснаваных на гэтым прынцеце, пераважае [2, с. 49].

Задача артыкула – устанавіць лінгвістычную сутнасць марфалагічнага прыныпу, акрэсліць асноўныя правілы, што адпавядаюць крытэрыям гэтага прыныпу і прапанаваць новы тэрмін для яго абазначэння.

Асноўная частка. Паводле В. Ф. Івановай, першым назваў гэты прынып марфалагічным у 1887 г. В. А. Багародзіцкі [3, с. 105]. Аднак з цягам часу з’явіліся і іншыя тэрміны: *этыма-*

лагічны (Л. У. Шчэрба), *фаналагічны*, *фанематычны*, *фанемна-марфалагічны* (Л. І. Сямешка, В. Ф. Іванова), *марфематычны* (Л. Р. Зіндэр).

У беларускім мовазнаўстве прынып правапісу, паводле якога кожная значымая частка слова (корань, прыстаўка, суфікс, канчатак) пішацца заўсёды аднолькава, хоць яе вымаўленне ў розных фанетычных умовах можа быць розным, найчасцей называецца *марфалагічным* [4, с. 34]. Іншыя найменні фіксуюцца значна радзей. Напрыклад, паводле назіранняў А. І. Падлужнага, тэрмін «фанематычны прынып» у тэорыі і практыцы нашай лінгвістыкі да 60-х гг. XX ст. увогуле не ўжываўся [5, с. 132]. А ў працах Л. Ц. Выгоннай, відаць, пад уплывам распрацовак у рускім мовазнаўстве, як два самастойныя прыгаворваюцца марфалагічны і фанематычны прыныпы [6, с. 33–35].

Сутнасць фанематычнага (фанемнага, фаналагічнага) прыныпу заключаецца ў тым, што адны і тыя ж літары алфавіта абазначаюць фанему ва ўсіх яе разнавіднасцях [6, с. 35], г. зн. значымыя часткі слова захоўваюць сваё напісанне незалежна ад яго вымаўленчых рэалізацый. Спецыфіка марфалагічнага (марфематычнага) прыныпу – ў захаванні аднастайнага напісання адных і тых жа марфем. З пазіцый Маскоўскай фаналагічнай школы на ім пабудавана арфаграфія толькі асобных слоў рускай мовы, а з пазіцый Санкт-Пецярбургскай фаналагічнай школы ён лічыцца вядучым, паколькі прадугледжвае неабазначэнне пазіцыйных чаргаванняў і спрыяе захаванню графічнай аднастайнасці марфем.

Як бачым, мяжа паміж фанемным і марфалагічным прыныпамі даволі хісткая. Пацвярджэннем таму можа служыць і выказванне Л. Ц. Выгоннай, якая адзначала, што «фанематычны прынып часта супадае з марфалагічным, бо забяспечвае аднастайнае напісанне адных і тых жа частак слова: прыставак, каранёў, суфіксаў, кан-

чаткаў» [6, с. 35]. Таму, на наш погляд, неабходна падабраць іншы тэрмін, які б аб'яднаў гэтыя два паняцці ў адзінае цэлае і дазволіў хутка арыентавацца на практыцы, быў зручным, зразумелым сваёй унутранай формай і не акцэнтаваў увагу на сувязі з граматыкай. Пра гэта, дарэчы, у свой час пісаў Л. Р. Зіндэр [7, с. 96].

Такім тэрмінам, як нам здаецца, магло б стать найменне «фанемна-марфемны прынцып». Дэфініцыя прынцыпу ўяўляецца наступнай. **Фанемна-марфемны прынцып** – гэта заканамернасць, якая прадугледжвае аднастайную перадачу на пісьме фанем у складзе марфемы (прыстаўкі, кораня, суфікса, канчатка), устаноўленых па іх моцных пазіцыях (для галосных моцная пазіцыя – знаходжанне пад націскам, для зычных – перад галоснымі ці санорнымі), а таксама фанемнага складу асобных значымых частак слова незалежна ад іх вымаўлення з мэтай захавання аднастайнасць перадачы іх на пісьме дзеля хуткага разумення і асэнсавання слова: *калядаванне* бо *Каляды*, *мякенькі* бо *маленькі*, *ёдапірын* бо *ёд*, *носьбіт* бо *насіць*, *лётчык* бо *лётаць*, *ад'язджаць* бо *празьны*, *звышіндустрыяльны* бо *індустрыя*.

У астатніх выпадках, калі выбар літары ў каранёвай марфеме ажыццяўляецца не на аснове праверкі моцнай пазіцыяй, а на аснове этымалогіі і традыцыі, такія напісанні варта лічыць традыцыйнымі (*мяцеж*, *мяцяжы*; *міраж*, *языком*).

Асноўныя патрабаванні беларускай арфаграфіі, заснаваныя на фанемна-марфемным прынцыпе, могуць быць зведзены да наступнага: 1) каб ведаць, як перадаць на пісьме ненаціскную галосную фанему, трэба паставіць яе пад націскам; 2) каб ведаць, як перадаць на пісьме звонкую або глухую зычную, патрэбна паставіць гэтую зычную перад галоснымі або санорнымі [м], [н], [л], [р], [в], [ў], [j] (на пісьме перад апострафам); 3) каб ведаць, ці патрэбна пісаць **ь** (мяккі знак) пасля зычнай перад другой зычнай, патрэбна змяніць слова так, каб другая зычная стала цвёрдай; калі пры гэтым першая зычная застаецца мяккай, то мяккі знак пісаць трэба; 4) каб ведаць, якую літару напісаць у неправяраемай пазіцыі, неабходна ведаць, у склад якой марфемы яна ўваходзіць, паколькі нешматлікая колькасць асобных марфем пішацца ў беларускай мове заўсёды нязменна і не залежыць ад папярэдніх ці наступных зычных.

У супрацьлегласць фанетычнаму прынцыпу, які фіксуе гукавы састаў маўлення, марфалагічны не прадугледжвае адлюстравання на пісьме шматлікіх пазіцыйных чаргаванняў зычных і некаторых чаргаванняў галосных гукаў; спрыяе адзінству графічнага вобраза марфем (прыставка, каранёў, суфіксаў, канчаткаў) як носбітаў канкрэтнага значэння; спрыяе фіксацыі фане-

тычнага саставу марфем асобна ў адносінах да кожнага гукі ў яго моцнай пазіцыі; спрыяе хуткаму разуменню і асэнсаванню тэксту, паколькі ўвага не затрымліваецца на абазначэннях гукавых чаргаванняў.

Такім чынам, у беларускай мове паводле фанемна-марфемнага прынцыпу на пісьме фіксуецца: галосныя, якія можна праверыць націскным становішчам; галосныя ў асобных марфемах, якія спрыяюць захаванню графічнага адзінства марфемы і якія не заўсёды можна праверыць націскай пазіцыяй; зычныя ў марфемах; мяккі знак.

Правілы перадачы на пісьме галосных. Да ліку арфаграм, напісанне якіх адпавядае фанемна-марфемнаму прынцыпу, варта адносіць наступныя.

1. Літара **е** ў часціцы **не** і прыназоўніку **без**, нягледзячы на чаргаванне гукаў [э] → [а], [э] → [і] падчас вымаўлення: *не быў*, *не бачыў*, *без веры*, *без памяці*, *не пайду* (вымаўляем: [н'абыў], [н'абачыў], [б'аз'в'эры], [б'аспам'ац'і], [н'пайду]).

2. Літара **я** ў саставе большасці каранёвых марфем тыпу *дзятляня* (*дзяцел*), *калядаваць* (*Каляды*), *лямантаваць* (*лямант*), *ляскатанне* (*ляскаць*), *святкаванне* (*святка*), *цяганіна* (*цягавы*), *ядавіты* (*яд*). Тыя словы, дзе адзначна ўстанавіць націскае становішча каранёвага гукі [а] немагчыма, адносяцца да традыцыйнага прынцыпу.

3. Літара **я**, што з'яўляецца суфіксам у нешматлікай групе дзеясловаў і аддзяслоўных назоўнікаў: *баязь*, *веялка*, *лаянка*, *сеялка*, *баяць*, *веяць*, *кашляць*, *лаяць*. Падставай служаць словы, дзе гэты гук знаходзіцца пад націскам – *баяцца*, *смяцца*.

4. Літара **е**, за выключэннем першага складу перад націскам, дзе пазіцыйнае чаргаванне гукаў [э] → [а] перадаецца на пісьме літарай **я**: **у прыстаўках**: *не-*: *нелюдзімы* (*нелюдзь*), *невінаваты*, *недальнабачны*, *непаўнапраўны*; *без-* (*бес-*): *безвыніковы* (*безліч*), *бесклапотны*, *беззаганны*; **каранёвых марфемах**: *бегуны* (*бег*), *ветракі* (*вецер*), *леснічыха*, *леснікі* (*лес*), *мёдзведзяня* (*мёд*, *ведаць*), *Петруся* (*Пеця*), *сплеснявелы* (*плесень*), *цемнаваты* (*цемень*), *цецэручаня* (*цецеравы*, *цяцера*); **суфіксах**: *-ев-* (*-еў*): *Антосеў*, *дзядулеў*, *сынулеў* (*Васільеў*); *-еньк-*: *кволенькі*, *мякенькі*, *просцеенькі*, бо маюцца словы, дзе гук [э], абазначаны літарай **е** ў складзе гэтага суфікса, можна знаходзіцца пад націскам – *дурнеенькі*, *малеенькі*;

5. Літара **ё** ў словах, дзе яна абазначае ненаціскны склад [йо]: *ёдаваны*, *ёдапірын*, *ётаванне*, *ётачыя* (*ёд*, *ёт*).

6. Літара **ы** ў канчатках меснага склону уласных асабовых назоўнікаў: *Барысавым*, *Быкавым*,

Пушкіным, Шамякіным, бо маецца магчымасць правярць націскным становішчам – *Льіным*.

7. Літары *е, ё, і, ы, ў* канчатках дзеясловаў з улікам спражэння: *мелем, полем, сцелем*; праверачныя формы – *ідэ́м, нясе́м; возі́м, гаворы́м*, паколькі ёсць – *стаі́м, ляжы́м*.

8. Фанемна-марфемны прынцып распаўсюджваецца і на напісанне літары *і*: 1) пасля беларускіх прыставак *звыш-, між-*; 2) пасля ўсіх іншамоўных прэфіксаў і прэфіксоедаў на цвёрды зычны; 3) у складанаскарочаных словах, першая частка якіх заканчваецца на цвёрды зычны (насуперак графічнаму правілу пісаць *ы* – *разысціся, дэзынфіцыраваць, субынспектар*): *звышідэйны, міжінстытуцкі, гіперінфляцыя, контрідэя, постіндустрыяльны, панісламізм, суперігра, форінжэктар, дзяржінспектар, палітінфармацыя, спецінструктаж*. У дадзеным выпадку гэты прынцып дазваляе захаваць адзінства марфемы – кораня.

Правілы перадачы на пісьме зычных. На фанемна-марфемным прынцыпе заснаваны наступныя правілы перадачы на пісьме зычных.

1. Правапіс звонкіх зычных перад глухімі і глухіх зычных перад звонкімі ў сярэдзіне каранёвай марфемы: *бацька (бацечка), дачка (дачок), дзёгця (дзёгаць), зарубцаваны (рубец), лыжка (лыжак), пераязджаць (праязны; не правяраць словам заеда, бо тут з стаіць перад літарай, якая абазначае звонкі гук [д]), казка (казачы), пясчаны (пясок), хлапчанё (хлопец), шапка (шапачка), шлюпка (шлюпак)*.

2. Правапіс звонкіх і глухіх перад суфіксальнымі *к, ц*: *грузкі (грузнуць), дзежка, дзежцы (дзежа), залезці (лезу), рыбка, рыбцы (рыбны), кладка, кладцы (кладачка), коўзкі (коўзацца), мышка, мышцы (мышэй), пухкі (пуху), рэдзька, рэдзцы (рэдзек), трэсці (трасу), уперамешку (перамяшаць), хатка, хатцы (хата)*;

3. Правапіс звонкіх і глухіх перад канчаткам *-це* і постфіксам *-ся* дзеясловаў: *гладзье (гладзіць), сядзье (сядзець); змогся (магу), намажся (намажуся), разросся (расла)*.

4. Правапіс літар *б, п, д* перад суфіксамі *-ск-, -ств-*: *арабскі, рабства, біскупскі, епіскапскі, эфіопскі (арабы, рабы, біскупы, епіскапы, эфіопы); багдадскі, бедства, бесядскі, валагодскі, гарадскі, людскі, грамадства, канадскі, навагрудскі, суседскі, параходства (Багдада, бяда, Бесядзі, Волагда, гарады, лоду, грамада, Канада, Навагрудак, суседа, параходы)*.

5. Правапіс літар *ж, ш, з, г, х* у прыметніках, утвораных ад географічных назваў: *нясвіжскі, парыжскі, волжскі (у Нясвіжы, Парыжы, валжанка); добрушскі, латышскі, чэшскі (у Добрушы, латышы, Чэхія); каўказскі, сілезскі, французскі (на Каўказе, Сілезія, французы); бугскі, выбаргскі, магдэбургскі, пецябургскі, чыкагскі*

(па Бузу, у Выбаргу, Магдэбурга, у Пецябурггу, Чыкага); *казахскі, цюрыхскі (казахі, у Цюрыху)*.

6. Правапіс каранёвай літары *к* у прыметніках, утвораных ад неславянскіх географічных назваў пры дапамозе суфікса *-ск-*: *бангкокскі, іракскі, нью-ёркскі, таджыкскі, узбекскі (у Бангкоку, Іраку, Нью-Ёрку, таджыкі, узбекі)*.

7. Правапіс звонкіх і глухіх перад суфіксамі *-ш-, -шыч-, -чык-, -чын-*: *апаратчык (апарата), Брэстчына (Брэста), гардэробшчык (гардэроба), дакладчык (даклада), заклёпшчык (кляпаць), малодшы (малады), перабезжчык (бяжыць), перавозчык (перавозіць), перакладчык (перакладаць), перапісчык (пісаць), разносчык (разносіць), рэзчык (рэзаць), салдатчына (салдаты), старасветчына (старога свету)*.

8. Правапіс звонкіх і глухіх перад суфіксальнымі *-б-*: *лічба (лічыць), малацьба (малаціць), просьба (прасіць), прызба (па аналогіі з папярэднім словам), разьба (рэзаць), хадзьба (хадзіць), хрэсьбіны (хрысціянін)*.

9. Правапіс звонкіх і глухіх на канцы зменных слоў: *грыб (параўнайце: грыбы), грып (параўнайце: грыпу), ніц (ніцма), дождж (дажджы), воз (вазы), вась (васі), змок (змагу), прамок (мокнуць), мантаж (мантажнік), рэж (рэжу), кот (каты), код (коды), маж (мажу), роўнядзь (роўнядзі), замець (замеці)*.

10. Правапіс звонкіх і глухіх на канцы нязменных слоў. Да іх адносяцца прыназоўнікі, злучнікі, часціцы, якія заўсёды пішуцца нязменна з канцавымі літарамі *б, д, ж, з*: *аб, ад, аж, без, з, каб, між, над, пад, паміж, пасярод, перад, скрозь, уздоўж, цераз*; прыслоўі, для праверкі напісання якіх можна выкарыстоўваць аднакаранёвыя словы: *аднаруч (ручны), басанож (ножанькі), наперад (спераду), наўзрыд (рыдаць), услед (следам), наперарэз (рэзаць), ледзь (ледзьве)*.

11. Правапіс літар *ж, ш, ц* у прэфіксоедах *між-, звыш-, супраць-*: *міжгор'е, міжпланетны; звышадчувальны, звышгукавы, звышмодна; супрацьболевы, супрацьдымны, супрацьзаконны*.

12. Правапіс літары *с* у прыстаўках *абяс-, бес-, рос- (рас-), с-* перад літарамі *ш, ч*: *абясшкодзіць, росшукі, шытак, штарэлы, расшумеца, расшпілены, бяшлюбны, росчырк, расчахляць, расчэсваць, счысціць, счачіць, счачацца, бесчалавечны, бяшчулы, расчачіць (у значэнні «раз'яднаць»), расшчачіць (у значэнні «раскалоць»)*.

13. Правапіс літар *б, д* у прыстаўках *аб-, ад-, над-, пад-, перад-* (*прад-*): *аб'ехаць, абхадзіць, адрэзаць, адказаць, надламаць, надпісаць, падняць, падперці, пераднавагодні, перадсвяточны, прадказаць*.

14. Правапіс звонкіх і глухіх у складаных і складанаскарочаных словах: *двухбортны (двухнаборны), педфак (педагагічны)*.

15. Правапіс іншамоўных прыставак (прэфіксоідаў) *экс-* і *экстра-*: *эксгаўтар*, *эксгумацыя*, *экспарт*, *экспатрыяцыя*, *экстэнсіўна*, *экстраардынарны*, *экстравагантны*, *экс-чэмпіён*.

Выключэннямі з правілаў з'яўляюцца некаторыя запазычаныя словы, у якіх на пісьме адлюстроўваюцца чаргаванні ў мове крыніцы: *абстракцыя*, *рэакцыя*, *карэкцыя* – пішам літару *к*, хаця правяраем: *абстрагавацца*, *рэагаваць*, *карэгіраваць*; *транскрыпцыя* – пішам літару *п*, хаця правяраем *транскрыбіраваць*; *прагнастычны*, *дыягностыка* (хаця *прагнозу*, *дыягназу*). Да іх ліку адносіцца і дзеяслоў загаднага ладу *еш* (*есці*), дзе пішам літару *ш*, хаця правяраем словам *ежа*.

У некаторых словах, якія аднолькава гучаць, пры выбары арфаграм неабходна ўлічваць лексічнае значэнне: *нарэжце* (*нарэжу*) і *нарэшыце* (нязменная слова); *уперамежку* (папераменная чаргуючыся) і *уперамешку* (*перамешана*), *ножка* (*ножачка*) і *ношка* (*ноша*).

Правілы перадачы на пісьме мяккага знака.

Моцная пазіцыя для праверкі напісання мяккага знака – канец слова і перад цвёрдым зычным. З улікам гэтай асаблівасці ў нашай мове існуюць наступныя правілы, заснаваныя на фанемна-марфемным прынцыпе.

1. Правапіс мяккага знака ў сярэдзіне слова перад літарамі, якія абазначаюць мяккія зычныя гукі, але толькі тады, калі ў іншых формах таго ж слова (або ў іншых словах з тым жа каранем) гэтыя літары абазначаюць адпаведныя цвёрдыя гукі, а папярэднія зычныя захоўваюць сваю мяккасць: *разьбяр* (*разьба*), *вазьмі* (*возьмуць*), *васьмі* (*восьмы*), *пісьменнік* (*пісьмо*), *дзьме* (*дзьмуць*), *зацьменне* (*цьма*), *барацьбіт* (*барацьба*).

2. Правапіс мяккага знака перад канчаткам другой асобы множнага ліку *-це* ў дзеясловах: *сядзьце*, *будзьце*, *станьце* (*сядзь*, *будзь*, *стань*); перад зваротнай часціцай *-ся*: *завесься* (*завесь*); *кінься* (*кінь*), *надзенься* (*надзень*).

3. Правапіс мяккага знака ў сярэдзіне складаных слоў, калі пры адкіданні другой часткі мяккасць апошняга зычнага захоўваецца: *чвэрцьфінал* (*чвэрць*), *пяцьдзясят* (*пяць*), *шэсцьдзясят* (*шэсць*).

4. Правапіс мяккага знака ў суфіксах *-еньк-*, *-эньк-*, *-аньк-*: *дарагі* – *даражэнькі*, *малы* – *маленькі*, *прыгожы* – *прыгожанькі*, *ціхі* – *ціхусенькі*.

5. Правапіс мяккага знака ў постфіксе *-сьці*, які выкарыстоўваецца ў займенніках і прыслоўях: *штосьці*, *калісьці*, *чымсьці*, *дзецьці*, *чамусьці*, *якісьці*.

Заклучэнне. Для абазначэння пастулата беларускай арфаграфіі, згодна з якім захоўваецца графічнае адзінства адных і тых жа марфем, мы прапануем узаконіць тэрмін «фанемна-марфемны прынцып», які, на наш погляд, больш дакладна акцэнтуюе ўвагу на спецыфіцы яго дзеяння: нязменная перадача на пісьме фанем у складзе марфемы і, як вынік, аднолькавае напісанне ўсёй значымай часткі слова. Паводле папярэдніх падлікаў, у нашым правапісе колькасць арфаграм, заснаваных на гэтым прынцыпе, даволі значная. Гэта дазваляе сцвярджаць, што ў сучаснай беларускай мове ён прымяняецца значна шырэй, чым пра гэта паведамляецца ў вучэбнай літаратуры. На ім грунтуецца не толькі вялікая колькасць правілаў напісання літар для абазначэння зычных гукаў, але і значная група правілаў напісання літар для абазначэння галосных і мяккага знака. Ён дазваляе карыстальнікам мовы суадносіць структурнае члянэнне слова і беспамылкова пісаць патрэбную арфаграму.

Літаратура

1. Гвоздев, А. Н. Избранные работы по орфографии и фонетике: к 70-летию со дня рождения (1892–1959) / Акад. пед. наук РСФСР; А. Н. Гвоздев. – М.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1963. – 284 с.

2. Беларуская мова: энцыкл. / Беларус. энцыкл.; пад рэд. А. Я. Міхневіча; рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭН, 1994. – 655 с.

3. Иванова, В. Ф. Принципы русской орфографии / В. Ф. Иванова. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1977. – 230 с.

4. Камароўскі, Я. М. Сучасная беларуская арфаграфія / Я. М. Камароўскі. – Мінск: Народная асвета, 1985. – 160 с.

5. Падлужны, А. І. Фаналагічная сістэма беларускай літаратурнай мовы / А. І. Падлужны. – Мінск: Навука і тэхніка, 1960. – 144 с.

6. Беларуская мова: цяжкія пытанні фанетыкі, арфаграфіі, граматыкі / А. І. Падлужны [і інш.]; пад рэд. А. І. Падлужнага. – Мінск: Нар. асвета, 1987. – 144 с.

7. Зиндер, Л. Р. Очерк общей теории письма / Л. Р. Зиндер. – Л.: Наука, 1987. – 112 с.

Пастуніў 12.03.2013

УДК 81'255.2:6

В. А. Кузьміч, дацэнт (БДТУ)

НАВУКОВЫ СТЫЛЬ У КАНТЭКСЦЕ СПЕЦЫЯЛЬНАГА ПЕРАКЛАДУ

У сувязі з працэсам глабалізацыі ўзрастае роля перакладу як сродку абмену навукова-тэхнічнымі ведамі. У дадзеным артыкуле разглядаюцца асаблівасці перакладчыцкай апрацоўкі тэкстаў навуковага стылю, вылучаюцца асноўныя з'явы перакладчыцкага працэсу і тыповыя цяжкасці, з якімі сутыкаецца перакладчык, а таксама вызначаюцца асноўныя патрабаванні да перакладу спецыяльных тэкстаў.

Due to globalization, the role of translation as a means of exchange of scientific and technical knowledge is constantly growing. This article discusses the features of translating scientific texts, the main elements of translation and the typical challenges faced by the translator are highlighted, the basic requirements for a translated text in the field of science and technology are defined.

Уводзіны. Імклівае пашырэнне навукова-тэхнічных кантактаў на сусветным узроўні стварае сітуацыю, калі практычна кожны спецыяліст сутыкаецца з іншамоўнымі спецыяльнымі тэкстамі. Веданне замежнай і роднай мовы і ўменне перакладаць – гэта важны фактар у прафесійным росце кожнага, хто імкнецца інтэгравацца ў сусветную прастору і дасягнуць міжнароднага прызнання. У сувязі з працэсам глабалізацыі, які закранае ўсе сферы чалавечай дзейнасці, ўменне адэкватна перакладаць навуковыя тэксты на родную ці замежную мову набывае істотнае значэнне. Асабліва гэта важна для маладога навукоўца, які павінен не толькі выводзіць айчынную навуку на сусветны ўзровень, але і пераносіць на родную глебу найлепшыя дасягненні замежнай навукі.

Асноўная частка. Для якаснага перакладу тэксту навукова-тэхнічнага тэксту спецыяліст павінен усведамляць лінгвістычную адметнасць навуковага стылю і валодаць яго моўнымі сродкамі. Навуковы стыль абслугоўвае разнастайныя сферы навукі (дакладныя, прыродазнаўчыя, гуманітарныя і інш.), галіны тэхнікі і вытворчасці. Характэрныя асаблівасці навуковага стылю – гэта сэнсавая дакладнасць (адзначнасць выражэння думкі), інфармацыйная насычанасць, аб'ектыўнасць выкладу, абстрактнасць, бязобразнасць, лагічнасць, доказнасць, яснасць, паслядоўнасць выкладу інфармацыі, абмежаванасць эмацыянальна-экспрэсіўнай афарбоўкі. У навуковым стылі, як правіла, захоўваецца дыстанцыя адрасанта да апісаных з'яў, што праяўляецца ў сутнасным апісанні меркаванняў без выкарыстання ацэначных моўных элементаў. Таму аўтары навуковых прац часцей за ўсё ўжываюць форму множнага ліку ці выказваюцца безасабова.

Паўната і дакладнасць перакладу навукова-тэхнічных тэкстаў у значнай ступені залежаць ад таго, наколькі правільна перакладчык вызначае і разумее граматычныя формы, сінтаксічныя канструкцыі і структуру сказаў. Можна сказаць, што для выканання перакладу веданне граматыкі і спосабу перадачы граматычных з'яў

такое ж важнае, як і веданне тэрміналогіі. Адпаведнікі тэрмінаў можна дастаткова хутка знайсці ў спецыяльным перакладным слоўніку, у той час як пошук граматычнай формы або сінтаксічнай канструкцыі можа быць значна даўжэйшым, калі не ведаць заканамернасці ўжывання перакладчыцкіх трансфармацый (*перастаноўка, замена, дапаўненне, пропуск, комплексная трансфармацыя* і інш.).

Мова навукова-тэхнічнай літаратуры адрозніваецца ад гутарковай або літаратурна-мастацкай мовы пэўнымі лексічнымі, граматычнымі і стылістычнымі асаблівасцямі. Калі лексічная адметнасць бачна нават для неспецыяліста (а гэта, перш за ўсё, наяўнасць спецыяльнай лексікі, тэрмінаў), то ў граматычным плане яны не такія выразныя. Адна з найважнейшых граматычных асаблівасцяў навукова-тэхнічных тэкстаў – гэта вялікая колькасць пашыраных складаных (у першую чаргу складаназалежных) сказаў, якія ўжываюцца для перадачы тыповых для навуковага тэксту лагічных адносін паміж аб'ектамі, падзеямі і фактамі.

Паміж навукова-тэхнічнымі тэкстамі, напісанымі на розных мовах, існуюць таксама граматычныя адрозненні, абумоўленыя асаблівасцямі граматычнага ладу мовы, нормаў і традыцыямі пісьмовага навуковага маўлення.

Абавязковая ўмова адэкватнага перакладу – гэта ўменне правільна аналізаваць граматычную будову іншамоўных сказаў, правільна вызначаць граматычныя цяжкасці перакладу і афармляць перакладны тэкст у адпаведнасці з нормаў і жанрам перакладу. Перакладчык павінен добра ведаць граматычныя асаблівасці абедзвюх моў, асновы тэорыі перакладу наогул і навукова-тэхнічнага перакладу ў прыватнасці, а таксама перакладныя адпаведнікі ў галіне граматыкі і лексікі, спосабы перакладу розных моўных з'яў. Акрамя таго, пры перакладзе трэба правільна разумець сэнсавыя адносіны паміж сказаў і элементамі арганізацыі тэксту ў цэлым. Усё гэта складае агульную кампетэнцыю спецыяліста.

Трэба ўсведамляць, што ўменне перакладаць – гэта не толькі веданне роднай і замежнай мовы, прадметнай галіны перакладу. Для стварэння якаснага, адэкватнага перакладу неабходна разумець усе этапы тэхналогіі перакладчыцкага працэсу і прытрымлівацца прынятых правіл.

Асноўныя задачы перакладчыка:

- зразумець сэнс зыходнага тэксту;
- ведаць або ў працэсе перакладу высветліць, як трэба перадаць тэкст на мове перакладу;
- выкладзі тэкст зразумела і дакладна, сцісла, у адпаведнасці з традыцыямі мовы перакладу.

Да перакладаў прад’яўляюцца наступныя патрабаванні:

- перакладны тэкст павінен быць адэкватны зыходнаму тэксту, г. зн. дакладна перадаваць сэнс, у тым ліку змешчаны ў відавочным падтэксце зыходнага тэксту;

- перакладны тэкст павінен быць выкладзены зразумела, дакладна і па магчымасці сцісла;

- у перакладным тэксце павінны быць выдзелены ўсе заўважаныя выпадкі нелагічнага выкладу, а таксама памылкі зыходнага дакумента;

- пры перакладзе неабходна абавязкова выкарыстоўваць стандартныя моўныя звароты, якія выкарыстоўваюцца ў канкрэтнай галіне ведаў;

- перакладны тэкст не павінен змяшчаць стылістычных дэфектаў тэксту (няправільны лагічны націск, расшчэплены выказнік, таўталогія і да т. п.);

- па стылі выкладу перакладны тэкст павінен адпавядаць жанравым асаблівасцям дакумента;

- пераклад павінен быць тэхнічна правільным. Выкарыстаная тэрміналогія павінна адпавядаць дзяржаўным стандартам і іншым нарматыўным дакументам;

- у перакладным тэксце павінна захоўвацца адзінства тэрміналогіі;

- у перакладным тэксце не павінна быць пропуску, арфаграфічных і сінтаксічных памылак;

- у перакладным тэксце павінны захоўвацца правілы рэдакцыйна-выдавечкага афармлення.

Правільная паслядоўнасць дзеянняў пры падрыхтоўцы перакладу дапаможа рацыянальна арганізаваць працу і пазбегнуць памылак.

Праца перакладчыка складаецца з наступных этапаў:

- прачытанне ўсёй працы з выкарыстаннем слоўнікаў, даведнікаў і спецыяльнай літаратуры (калі гаворка ідзе пра пераклад навукова-тэхнічнага або іншага спецыяльнага тэксту);

- сэнсавы аналіз тэксту: выдзяленне фраз і абзацаў, якія нясуць асноўную сэнсавую нагрузку;

- папярэдні аналіз тэксту з выдзяленнем цяжкіх тэрмінаў, граматычных канструкцый, лексічных абаротаў, спецыяльных паняццяў;

- чарнавы пераклад тэксту;
- пераклад і запіс загаловка.

Такім чынам, уменне перакладаць – гэта не толькі веданне роднай і замежнай мовы, прадметнай галіны перакладу, але і разуменне тэхналогіі і ўніверсальных прынцыпаў перакладу.

Пры перакладзе любога тэксту асаблівую ўвагу трэба звяртаць на пытанні культуры мовы. Лагічнасць і зразумеласць перакладнага тэксту шмат у чым залежыць ад умення правільна пабудаваць фразу і стварыць цэласны і звязны тэкст.

У дрэнна напісаных (перакладзеных) тэкстах можна выдзеліць шэраг тыповых памылак, абумоўленых няведаннем асаблівасцей пісьмовага маўлення ў параўнанні з вусным. Ніжэй прайлюстраваны найбольш частыя памылкі перакладу і недахопы перакладнага тэксту (няправільныя варыянты перакладу пазначаны «*»).

Няправільны лагічны націск і парадак слоў.

У вусным маўленні лагічны націск можна паставіць на кожнае слова, выдзеліўшы яго інтанацыяй і сілай голасу. У беларускім пісьмовым маўленні лагічны націск падае на апошняе слова перад кропкай (або коскай). Таму словы, якія нясуць асноўную інфармацыйную нагрузку, трэба размяшчаць у канцы сказа: **Абавязкова пераканайцеся ў тым, што наветраны фільтр чысты, перш чым прыступіць да эксплуатацыі кандыцыянера ў новым сезоне. – Перш чым прыступіць да эксплуатацыі кандыцыянера ў новым сезоне, пераканайцеся ў тым, што наветраны фільтр чысты.* Вельмі важна правільна ставіць лагічны націск у перакладным тэксце, каб ён гучаў натуральна. Для гэтага трэба заўсёды дагучваць да канца сегмент перакладу (сказ, абзац і г. д.) і перафармулёўваць тэкст у адпаведнасці з мовай перакладу, а не перакладаць яго на хаду.

Неадназначнасць разумення тэксту.

Тэкст можа быць двухсэнсоўны з прычыны няправільных сэнсавых сувязяў ў сказе або змяшчэння лагічнага націску: **Паддон для збору кандэнсату з нержавеючай сталі... – Паддон з нержавеючай сталі для збору кандэнсату... Няправільныя сэнсавыя сувязі ў сказе – гэта адзін з найгрубейшых дэфектаў, якія ўплываюць на разуменне.*

Плеаназм (ад гр. *pleonasmos* – лішак, празмернасць) – гэта ўжыванне ў маўленні сэнсава блізкіх і таму лагічна лішніх слоў: **візуальна адлюстравач на дысплей – вывесці на дысплей; *амартызацыйны знос абсталявання – амартызацыя абсталявання; *найбольш аптымальны – аптымальны.*

Таўталогія (ад гр. *tauto* – тое самае, *logos* – слова) – паўтарэнне аднакаранёвых слоў. Паўтары робяць фразу немілагучнай і сведчаць пра няўменне выкарыстоўваць сінанімічныя рэсурсы мовы: **Любая няспраўнасць электраабсталявання павінна быць неадкладна выпраўлена. –*

Любая няспраўнасць электраабсталявання павінна быць неадкладна ліквідавана.

Празмерная дэталізацыя апісання і зрувасткасць тэксту. Слова, пазбаўленыя сэнсавай нагрукі, з'яўляюцца дэфектам стылю. Яны не скажаюць сэнс, але робяць навуковы тэкст цяжкім для ўспрымання, што раздражняе чытача: **патрабаванні, выкладзеныя ў дадзенай інструкцыі – патрабаванні дадзенай інструкцыі; *для атрымання аптымальнага ахалоджвання паветра – для аптымальнага ахалоджвання паветра; *кантакт выключальніка знаходзіцца ў замкнёным становішчы – кантакт выключальніка замкнёны.*

«Расшчэплены» выказнік – гэта выражэнне пэўнага дзеяння з дапамогай назоўніка і дзеясловаў тыпу *выконваць, ажыццяўляць, падлягаць* і да т. п. Замест іх лепш выкарыстоўваць простыя дзеяслоўныя формы.

Парушэнне лексічнай і лагічнай спалучальнасці. У кожнай мове нямала слоў, якія маюць абмежаваную спалучальнасць: **разрыў шнура сілкавання – абрыў шнура сілкавання; *знікненне фазы – абрыў фазы; *канструкцыя дадзенай машыны аналагічная старому ўзору машыны – канструкцыя дадзенай машыны аналагічная канструкцыі машыны старога ўзору.*

Злоўжыванне залежнымі станамі. Пасіўныя канструкцыі па магчымасці трэба замяняць актыўнымі, паколькі залежны стан у большасці выпадкаў ускладняе разуменне тэксту: **інжынерамі быў распрацаваны праект – інжынеры распрацавалі праект; *Мантаж павінен выконвацца кваліфікаваным спецыялістам. – Мантаж павінен выконваць кваліфікаваны спецыяліст.*

Выкарыстанне неўласцівых для тэхнічнай мовы слоўных формул-калькаў. Пры перакладзе не трэба «калькаваць» зыходны тэкст: **У выпадку памылак пры мантажы і недавальняючай якасці вады магчыма з'яўленне спецыфічных дэфектаў. – Няправільны мантаж*

і недавальняючая якасць вады могуць прывесці да псавання аграгата.

Заклучэнне. Як бачна, падрыхтоўка якаснага спецыяльнага перакладу ў галіне прафесійнай дзейнасці – гэта комплексная задача. Для яе выканання неабходна дасканала ведаць мовы, мець спецыяльныя веды, валодаць асновамі перакладчыцкага майстэрства і ўсведамляць асаблівасці навуковага стылю. Адпаведная лінгвістычная падрыхтоўка ў ВНУ можа істотна павысіць прафесійны ўзровень будучых спецыялістаў, паспрыяць навукова-культурнаму абмену і дапамагчы вывесці айчынную навуку на міжнародны ўзровень.

Літаратура

1. Карабан, В. І. Посібник-довідник з перекладу англійскай навуковай і тэхнічнай літаратуры на украінскую мову. Частина І. Граматычныя труднощі. – Флоренція; Страсбург; Гранада; Київ: Tempus, 1997. – 317 с.
2. Красневская, З. Я. Правда в переводе: этюды о работе переводчика с английского / З. Я. Красневская. – М.: Изд-во деловой и учеб. лит., 2007. – 200 с.
3. Кутателадзе, С. С. Russian – English in writing: советы эпизодическому переводчику / С. С. Кутателадзе. – Новосибирск: Институт математики им. С. Л. Соболева СО РАН, 1997. – 166 с.
4. Методическое и справочное руководство по переводу на русский язык, тематическому редактированию, литературной правке и редакционно-издательскому оформлению инженерно-технической документации / сост. И. С. Шалыт. – Б. м.: Инженерная переводческая издательская компания «Интент», 2007. – 57 с.
5. Zobel, J. Writing for computer science: the art of effective communication / J. Zobel. – 2nd ed. – Singapore: Springer-Verlag Pte. Ltd, 2000. – 76 p.

Паступіў 12.03.2013

УДК 811.161.1:81'36

Т. А. Козлякова, старший преподаватель (БГТУ)

**О НЕКОТОРЫХ ТРУДНОСТЯХ УСВОЕНИЯ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ
НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ**

Статья посвящена грамматике – одному из важнейших аспектов обучения иностранным языкам. Говорится о роли грамматики в различных методах обучения (в грамматико-переводном, прямом, коммуникативном). Акцентируется внимание на трудностях усвоения иностранными учащимися глагольных парадигм. Отмечается, что особую сложность для китайских учащихся представляют видо-временные формы глагола, а также предложно-падежная система русского языка. Подчеркивается, что сознательное владение грамматическим строем языка невозможно без осознания его основных закономерностей.

The article considers Russian grammar – one of the most important aspects in teaching foreign languages. The role of grammar is being spoken about in different methods of teaching (grammar-translating, direct, and communicative). Particular attention is paid to difficulties of verbal paradigms. The article admits the difficulties for Chinese students to be in forms of verbs as well as preposition and case system of the Russian language. It is underlined that the perceived command of language grammar is impossible without understanding of its basic laws.

Введение. Грамматика – один из важнейших аспектов обучения иностранным языкам. Практические задачи изучения русского языка как иностранного требуют особой организации отобранного материала.

История методики показывает, что отношение к роли грамматики при обучении языку являлось основой для создания различных методических систем. В зависимости от оценки той или иной теории языка или грамматики с точки зрения использования для обучения авторы по-разному представляют систему языка в учебниках. Системы, предлагаемые лингвистами в научных трудах, и система, которой пользуется каждый человек, различны. И какой бы совершенной ни была модель описания системы, она лишь частично отражает реально существующую, так как в ходе учебного процесса учащиеся конструируют собственные системы.

В грамматико-переводных методах грамматика рассматривалась как одна из основных целей обучения: а) научить учащихся читать, переводить и анализировать литературные произведения; б) достичь лучшего понимания грамматики родного языка; в) развить интеллект.

Во второй половине XIX в. возникает прямой метод. Грамматика в этот период изгонялась из программы. При обучении языкам рекомендовалось идти путем, которым ребенок овладевает в детстве родным языком, – путем имитации и многократного повторения. Смена этих течений наблюдалась и в разных странах. В период до 1961 г. все системы обучения были направлены на усвоение теории грамматики, знаний правил и их закрепление.

Потом положение изменилось. Стали различать грамматику как строй языка и грамматику как науку о строе языка. В связи с этим

изменилось и решение всех, связанных с овладением грамматикой вопросов.

Основная часть. Очевидно, что системой языка учащиеся овладевают только при условии функционирования ее в реальных отрезках коммуникации: высказываниях, ситуативно обусловленных диалогах, монологах. Грамматические закономерности формируют предложения, а следовательно, и речь в целом. Однако нельзя забывать, что языковая система представляет собой сложный организм, в котором существуют разные составные части: фонетика, лексика, морфология, синтаксис. Эти аспекты языка характеризуются разнообразными связями и тесным взаимодействием. Отметим, что морфология и синтаксис изучаются во взаимной связи, а грамматические закономерности раскрываются в связи с лексикой. Иными словами, обучение морфологии на синтаксической основе максимально приближено к механизмам речевой деятельности.

По мнению Е. И. Пассова, формировать грамматические навыки можно лишь на основе тех лексических единиц, которыми учащиеся владеют достаточно свободно. Таким образом, как грамматические, так и лексические навыки и умения представляют собой центр языковой компетенции [1].

В процессе обучения иностранный учащийся должен освоить ядро грамматического минимума начального этапа, который включает в себя следующие грамматические явления: категорию рода и одушевленности/неодушевленности, падежную систему, спрягаемые формы, виды глагола, глагольное управление, притяжательные и указательные местоимения, согласование имен существительных с именами прилагательными.

Известно, что глагол является самой сложной частью речи. Значительную трудность для

иностранных учащихся представляет усвоение категории глагольного вида. Это объясняется тем, что вид – это одна из немногих грамматических категорий русского языка, которая не осознается непосредственно из практики. С самого начала знакомства с видами учащиеся должны понимать все три семантических варианта несовершенного вида: значение конкретного процесса, значение повторяемости действия и так называемое общефактическое действие.

В китайском языке категория глагольного вида как грамматического способа выражения аспекта отсутствует. Отсюда и ошибки в употреблении видовых пар в различных временах, например: *У меня нет учебника. Я обязательно покупаю его. В будущем году я обязательно учусь на I курсе. Я завтра буду купить продукты.*

Анализируемая категория в базовом УМК «Дорога в Россию» [2] впервые вводится в уроке 11 части первой на материале форм глаголов совершенного вида прошедшего времени: сделал, прочитал, написал, приготовил, посмотрел. В качестве оппозитивных схем учащимся предлагаются следующие: факт действия (вчера гулял, читал, писал, играл в футбол); результат, изменение ситуации (сделал, прочитал, написал, приготовил, посмотрел); повторяемость действия (часто звонил, раз в месяц звоню); однократность действия, результат (вчера позвонил и сказал). Вне оппозиции дана схема процесса (читал рассказ два часа).

Как отмечает И. И. Акимова, «слабые стороны ставшего традиционным подхода связаны с тем, что в контексте “вчера” аспектные характеристики действия могут носить интерпретационный характер: ср. вчера писал – написал» [3].

Большое количество ошибок китайские учащиеся допускают в управлении: *я люблю читать книга, я читал много книга*; в координации и согласовании: *я купил новый тетрадь, каждый утро*; в неверном употреблении предлога: *в каждом этаже*.

С начального этапа обучения для китайских учащихся очень сложны изменения самостоятельных частей речи по лицам, числам, падежам, так как в китайском языке отсутствует сложная система окончаний существительных, прилагательных, числительных, местоимений, глаголов. В предложении употребляется второе сказуемое, выраженное личным местоимением, например: *Студент, который приехал из Китая, он учится в БГТУ.*

Однако самые большие проблемы у китайских студентов вызывает ситуация реального общения. Китайским учащимся необходима

регулярная практика, в результате которой речевые образцы автоматизируются.

Е. И. Пассов считает, что процесс автоматизации должен пройти шесть последовательных стадий формирования грамматического навыка: 1) *восприятие*, 2) *имитация*, 3) *подстановка*, 4) *трансформация*, 5) *репродукция*, 6) *комбинирование*. Он предлагает правила-инструкции давать определенными дозами на протяжении процесса автоматизации. В этом случае сознание учащихся будет направлено на выполнение речевой задачи, а правила-инструкции помогут оформить речевую единицу [1].

К сожалению, опыт работы показывает, что в реальности ни один из видов речевой деятельности не формируется в должной степени: иностранные учащиеся, изучая русский язык два-три-четыре года, плохо читают, практически не понимают лекции и могут писать только по шаблонам. Пожалуй, это объясняется прежде всего невысоким интеллектуальным уровнем, слабой общеобразовательной подготовкой учащихся, отсутствием фоновых знаний.

Заключение. Сознательное владение грамматическим строем языка невозможно без осознания его основных закономерностей в результате целенаправленного обучения. Любое обобщение ориентировано на лингвистическое осмысление языковых явлений, их особенностей в системе аналогичных фактов языка.

В настоящее время в учебниках используются повторительные обобщающие уроки, цель которых – обобщение и повторение определенной «суммы» пройденного материала, проверка уровня владения различными навыками и умениями. Повторительные уроки учебников УМК «Дорога в Россию» в полной мере отвечают требованиям адекватного и методически верного описания языковых явлений системы русского языка.

Литература

1. Пассов, Е. И. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: метод. пособие / Е. И. Пассов, Н. Е. Кузоваева. – М.: Русский язык. Курсы, 2010. – 568 с.
2. Антонова, В. Е. Дорога в Россию: учебник русского языка (базовый уровень) / В. Е. Антонова, М. М. Нахабина, А. А. Толстых. – М.: ЦМО МГУ; СПб.: Златоуст, 2005. – 256 с.
3. Акимова, И. И. Пути преодоления грамматического барьера китайских учащихся при овладении категорией глагольного вида в русском языке / И. И. Акимова // Русский язык за рубежом. – 2012. – № 3. – С. 41.

Поступила 12.03.2013

УДК 811.161.1:376-054.57

Т. В. Жуковская, преподаватель (БГТУ)

ПРОБЛЕМНОСТЬ КАК СПОСОБ ОБУЧЕНИЯ ВИДАМ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ СЛУШАТЕЛЕЙ

В статье ставится цель обратить внимание на более глубокое осмысление методов, приемов формирования творческой деятельности учащихся, включение их в процесс поиска решения новых проблем. Основная идея проблемного обучения состоит в том, что знания в большей степени не передаются студентам, а приобретаются ими в процессе самостоятельной познавательной деятельности. В результате установки на проблемное изучение русского языка как иностранного учащиеся осознают смысл учебных действий, логику их выполнения; повышается коммуникативная значимость знаний; возрастает мотивация обучения. Стимулом для познавательной активности становится познавательная потребность, зависящая от значимости информации, которая может быть получена в итоге решения проблемы.

In the article we set a goal to draw attention to a deeper understanding of the methods, techniques of forming a creative activity of students, including them in the process of finding solutions to new problems. The main idea of problem-based learning is that knowledge is mainly not imparted to students, but it is gained by them in the process of the independent cognitive activity. As a result of the set on the problem-based learning of Russian as a foreign language, students become aware of the meaning of educational activities, the logic of their performance; increases the communicative importance of knowledge as well as the motivation of learning. The stimulus for the cognitive activity is the cognitive need that depends on the importance of information that can be obtained as a result of the problem solving.

Введение. Формирование творческого начала в учебной деятельности студента стало в настоящее время одной из актуальных задач высшей школы. Эффективным способом решения этой задачи является применение принципа проблемного обучения. Проблемное обучение делает акцент не столько на восприятии и памяти, сколько на мышлении. Исходя из опыта известно, что в том случае, если обучение в целом носит объяснительно-иллюстративный характер, ориентированный на восприятие и память, активность учащегося, а следовательно, и эффективность обучения снижаются. Основная идея проблемного обучения заключается в том, что знания в значительной степени не передаются студентам в готовом виде, а приобретаются ими в процессе самостоятельной познавательной деятельности.

Проблемное обучение – это совокупность дидактических приемов, которые обеспечивают активизацию мыслительной деятельности учащихся на всех этапах учебных занятий путем создания проблемной ситуации.

Основная часть. В сфере преподавания русского языка как иностранного проблемный подход (приемы проблемного и личностно-деятельного обучения) находит свое развитие в плане разработки конкретных проблемных ситуаций. Преподаватель сознательно создает условия обучения, способствующие реализации принципа «учись учиться». Принципиальным положением теории проблемного обучения, как утверждает педагог, психолог Кудрявцев Т. В., является то, что процесс усвоения осуществляется как решение проблемной ситуации; при

этом в организации учебного процесса создаются такие условия, которые позволяют учащимся «открыть» для себя усваиваемые знания [1].

Схема реализации проблемного обучения для большинства дисциплин, в том числе и русского языка как иностранного, следующая: акцентирование преподавателем спорности, противоречивости, неоднозначности какого-либо явления; создание проблемной ситуации преподавателем или подталкивание учащегося к постановке проблемы; затем творческое решение этой проблемы учащимися совместно с преподавателем или самостоятельно. Но высший уровень метода проблемности – когда сами учащиеся формулируют и решают проблемную ситуацию.

Проблемная ситуация – базовое понятие проблемного обучения. Это способ включить студента в работу еще до того, как он получит новую информацию, возбудить его интерес к поставленной задаче и показать, что для решения ее нужны новые знания. Необходимо заметить, что важным методом активизации мыслительной деятельности учащихся является постановка задачи, которая имеет для них социально значимый смысл. Доктор филологических наук Рожкова Г. И. утверждает, что существенным элементом «проблемно-поискового обучения» должна быть установка на сам процесс познания, в результате которого учащимся осознается смысл учебных действий, логика их выполнения, повышается их коммуникативная значимость, возрастает мотивация обучения: учащийся понимает, зачем и почему предлагаются для решения те или иные задачи, видит (чувствует)

увлекательность в постижении скрытых языковых закономерностей, раскрывает для себя путь самопознания и самообразования [2].

По мнению многих ведущих лингвистов, содержание проблемности раскрывается в нескольких направлениях: во-первых, в анализе языкового материала, в обнаружении его характеристик, норм употребления в речи; во-вторых, в понимании значимости этого материала для коммуникации; в-третьих, в нахождении механизма, приводящего к решению проблемных задач.

Проследим на примере презентации языкового материала (употребление предлогов *в/на*) постановку проблемы «почему это так, а не иначе». Учащимся предлагается система наводящих вопросов, побуждающих к сравнению языковых фактов, которые приводят к усвоению норм выбора предлогов *в* или *на*: *где находится ключ/пятно (в/на кармане); цветы/узор (в/на вазе); ручка/царапина (в/на руке); карта/гвоздь (в/на стене)* и т. д.

Известны сложности в усвоении употребления в речи сочетания типа *получить, узнать у/от*. Преподаватель предлагает ряд лексических парадигм, позволяющих учащемуся увидеть семантическую общность глаголов и найти определяющий признак, характерный каждой из парадигм: а) *взять, узнать, купить, спросить – у кого?* б) *узнать, получить, перенять, доставать, набраться – от кого?* Ответив на вопрос преподавателя, глаголы какой группы передают активное действие заинтересованного субъекта, учащиеся приходят к выводу, что именно с этими глаголами употребляется предлог *у*, а если не передают активной заинтересованности субъекта, он зависит от другого лица, обстоятельств, ситуации, значит, употребляется предлог *от*. (Купить билет у кассира – получить информацию *от* кассира; получить у соседа – получить *от* соседа, узнать домашнее задание у друга – узнать новость *от* друга.)

Постепенность, ступенчатость учебных действий ведут учащихся к познанию закономерностей употребления той или иной грамматической формы. Механизмы, которые приводят к решению поисковых задач в выборе нужного предлога, можно представить следующим образом: необходимо увеличить ряды словосочетаний с предлогом *у* и с предлогом *от*; определить семантическую общность глаголов каждой из групп; выяснить, какие глаголы передают активное, заинтересованное действие субъекта, а какие не передают активность действий, они зависят от другого лица, обстоятельств и т. д.

Проблемные задачи, раскрывающие функциональную сущность языковых фактов, могут быть представлены по разным частям речи, на-

пример, в разделе бесприставочные и приставочные глаголы: *Не могу дышать этим воздухом. – Не могу надыхаться этим воздухом.* Преподаватель в данном случае подводит учащихся к выводу, что бесприставочные и приставочные глаголы различаются не только по смыслу (семантике) (в приставочном глаголе с приставкой *на-* передается усиленная количественная характеристика действия), но и морфологически – употребление возвратной частицы *-ся*. Здесь же можно поставить еще одну проблемную задачу: какой глагол передает позитивные действия, а какой – негативные. Предварительно постановке задачи был проведен анализ ряда бесприставочных глаголов и глаголов с приставкой *на-*, когда переходные глаголы с приставкой *на-* передают значение интенсивного действия, значение большого количества объекта, например, *делать пельмени – наделать пельменей; рвать цветы – нарвать цветов*. Такая логическая цепочка помогает выделить ориентировочные опоры, передающие смысловые различия глаголов.

Необходимо отметить, что содержательной основой проблемных заданий является *текст*. Как утверждает известный русский лингвист Костомаров В. Г., проблему представляет студентам учебный текст, в нем самом и в сопровождающем его учебно-методическом аппарате задается «поворот» проблемы, закладываются проблемные ситуации [3]. Одной из главных задач подготовительной работы преподавателя является отбор текстов. Основным мотивом при отборе текста должна быть его актуальность для учащихся, а также заложенная в нем дискуссионность, основа для полемики. По словам И. А. Зимней, «предмет общения должен быть понятен, приемлем и интересен для всей учебной группы» [4]. Исходя из этого положения, не все тексты могут быть использованы для решения проблемных ситуаций, поскольку многие страноведческие реалии или темы непонятны иностранным учащимся или могут вызвать активное неприятие. Как отмечает И. А. Зимняя, в многоязычной иностранной аудитории, изучающей русский язык, «возникает острая социально-психологическая и дидактическая проблема соотношения менталитетов мировосприятий и мировоззрения студентов одной учебной группы – представителей разных стран, разных культур, разных традиций» [4]. Выбрав текст, преподаватель составляет познавательные задачи. Для этого необходимо: 1) отобрать ряд вопросов, на основе которых будет создана проблемная ситуация; 2) выделить в тексте важнейшие проблемы, требующие логического размышления. При подготовке проблемной ситуации и ее решении препода-

даватель формулирует вопросы различной степени трудности, которые рассчитаны на учащихся разного уровня подготовки. Это помогает активизировать всех учащихся. Грамматические и синтаксические задания состоят из нескольких уровней: сначала учащиеся анализируют определенные речевые модели, которые затем трансформируют. Содержание моделей от задания к заданию усложняется. Для построения синтаксически правильного высказывания учащиеся могут самостоятельно делать выбор соответствующих форм слов, предложений. Главная задача этих заданий – выработка автоматических навыков для дальнейшего использования языковых форм в коммуникации в рамках предложенной темы и ситуации. После выполнения лексико-грамматических упражнений и обсуждения вопросов, поставленных в ориентирующих заданиях, учащиеся знакомятся с текстом, выполняют послетекстовые задания, которые помогают им понять композицию текста, выделить структурно-смысловые компоненты, определить информационные центры.

Занятия, которые построены на основе принципа проблемности, имеют следующую структуру: а) создание проблемной ситуации – ориентирующие задания; б) подготовка к решению проблемных задач – языковые, предречевые задания; в) послетекстовые задания как решение заданной проблемы. С целью эффективности усвоения языковых средств, необходимых для коммуникации в условиях проблемной ситуации, используются лексико-грамматические задания, которые, во-первых, содействуют повторению, углублению, активизации накопленных знаний, во-вторых, знакомят с различными грамматическими и лексическими средствами, которые необходимы для выполнения проблемных заданий.

В работах, посвященных проблемному обучению, отмечается, что есть проблемные ситуации, которые являются не средством достижения какой-либо цели, например, вывода определенного правила, закономерности, а самой этой целью, т. е. конечным моментом удовлетворения каких-либо потребностей; в применении к учебным текстам социально-бытовой тематики – потребностей этических, мировоззренческих, нравственных, социальных.

Заключение. Итак, модель организации проблемности (а ее всегда надо специально организовывать, проблемность никогда не лежит

на поверхности) в общем сводится к следующим этапам: актуализация имеющихся у учащихся знаний по данному вопросу; осознание учащимися спорности, противоречивости явлений, т. е. создание собственно проблемности; разрешение проблемности. Этот последний этап в системе русского языка как иностранного специфичен: если решение проблемной ситуации в точных науках приводит к выводу какой-либо закономерности, а сама ситуация является при этом лишь средством выработки этой закономерности, то в практическом изучении русского языка как иностранного этап решения проблемной ситуации – и средство, и цель учебного процесса. Все это обеспечивает не только рациональное, но и эмоциональное усвоение материала (учащиеся «проживают» ситуацию).

Все задания при организации проблемного обучения носят в большей или меньшей степени творческий характер. Они помогают развивать у учащихся познавательную активность, способность анализировать как языковые, так и лингвистические явления, самостоятельную деятельность, способность решать определенные логические задачи, умение вести диалог, т. е. активизируют внутренние резервы личности. Совершенно очевидно, что достижение всех этапов работы при проблемном обучении и овладение навыками познания являются конечной целью любого целостного учебного процесса.

Необходимо отметить, что в настоящее время проблемное обучение не абсолютизируется, этот метод не исключает всех остальных. Однако ввиду его неоспоримых достоинств, таких как нацеленность на активизацию мышления, творческий, поисковый характер, он внедряется очень широко и многоаспектно.

Литература

1. Кудрявцев, Т. В. Система проблемного обучения / Т. В. Кудрявцев // Проблемное и программированное обучение. – М., 1973.
2. Рожкова, Г. И. Русский язык в нерусской аудитории / Г. И. Рожкова. – М., 1986.
3. Костомаров, В. Г. Пути развития методики / В. Г. Костомаров, О. Д. Митрофанова // Русский язык за рубежом. – 1986. – № 2.
4. Зимняя, И. А. Личностно-деятельностный подход в обучении русскому языку как иностранному / И. А. Зимняя // Русский язык за рубежом. – 1985. – № 5.

Поступила 12.03.2013

УДК 37:39

Р. В. Міксюк, старшы выкладчык (БДТУ)**РОЛЯ ХРЫСЦІЯНСКІХ ТРАДЫЦЫЙ У ВЫХАВАННІ МОЛАДЗІ**

Артыкул прысвечаны праблеме выхавання грамадзянскай пазіцыі моладзі, заснаванай на каштоўнаснях арыентацыях хрысціянскай маралі і нацыянальных прыярытэтах. Разглядаюцца важнейшыя накірункі выхавання на хрысціянскіх традыцыях: культурна-гістарычны, маральна-эстэтычны, этнакультурны. Вызначаны мерапрыемствы па распрацоўцы навукова-метадычнага забеспячэння духоўна-маральнага выхавання асобы.

The article is dedicated to the issues of creation of young people's civic stand, based on the valuable orientation in Christian morality and national priorities. Besides, the article contains main directions of Christian traditions' education: cultural-historical, morally-aesthetic and ethno-cultural. The author also underlined the main measures for the development of scientific-methodological ensuring of psychomoral person's upbringing.

Уводзіны. Праблема выхавання надзвычай актуальная для сучаснасці. На яе трэба звяртаць увагу як на сродак фарміравання стабільнасці грамадства. Беларускі народ на працягу ўсёй сваёй гісторыі (язычніцкі перыяд, хрысціянскі перыяд) прыярытэтнае месца адводзіў маральнаму выхаванню. На традыцыйнае народнае выхаванне звярталі ўвагу шэраг вучоных-этнографікаў і педагогаў. Рэлігія таксама займала ў выхаванні пэўнае месца, вартае той ролі, якую яна адыгрывала на працягу гістарычнага развіцця беларускага народа.

Хрысціянства прыйшло на беларускія землі больш за тысячу гадоў назад. Прыняцце новай рэлігіі ў культурным плане прывяло да пашырэння пісьменнасці, асветы і мастацтва. У буйных гарадах адкрываліся праваслаўныя школы, з XIV ст. – каталіцкія, а з XVI – пратэстанцкія і ўніяцкія.

Беларусь – краіна старажытнай багатай праваслаўнай і каталіцкай культуры. Тут склаліся самабытныя высокамастацкія традыцыі культурнай архітэктуры, якая адлюстроўвае духоўную спадчыну нацыі, сведчыць пра невычэрпны талент народа. У храмабудаўніцтве сінтэзуюцца архітэктура, жывапіс і дэкаратыўна-прыкладнае мастацтва, у якія народ уклаў свае лепшыя ідэалы і пачуцці.

У пачатку XXI ст. менавіта храмы сталі месцам вяртання спрадвечнай гістарычнай і грамадзянскай духоўнай сілы. Яны ўздываюць людзей над паўсядзённасцю, фарміруюць нацыянальную самасвядомасць народа, падкрэсліваюць яго высокае зямное прызначэнне. На працягу многіх стагоддзяў царква адыгрывала значную ролю ў выхаванні падрастаючага пакалення.

Асноўная частка. Кардынальныя змены ў жыцці, палітыцы, эканоміцы, культуры, міжнацыянальных адносін, рэлігіі ў канцы XX – пачатку XXI ст. прывялі да глыбокіх супярэчнасцей у грамадстве, звязаных з падзеннем маралі і духоўнасці. Адносіны да рэлігійнага выхавання пастаянна змяняліся.

У пачатку XX ст. ў гісторыі педагогікі адзначаны разнапланавыя тэорыі, ідэі, канцэпцыі, якія паступова аддаляліся ад рэлігійных традыцый класічнай педагогікі XIX ст. З першых гадоў савецкай улады ў вучэбных установах ішло пераадоўванне рэлігійных уплываў і выхаванне дзяцей і моладзі вялося ў духу ваяўнічага атэізму. Гэта важная дзяржаўная праблема вырашалася найчасцей гвалтоўным шляхам, насаджаліся догмы марксісцкай філасофіі, а маральныя катэгорыі, такія як паслухмянасць, міласэрнасць, пакорлівасць, лагоднасць, цнатлівасць, самаабмежаванне, устрыманне, усёдарванне, цяплівасць, усеагульная любоў, засталіся за мяжой метадалогіі камуністычнага выхавання. Аддзяленне царквы ад дзяржавы і школы мела вынікам шэраг змен. Хрысціянскія заповедзі, якія служылі многім пакаленням маральным эталонам, зневажаліся дзяржаўнымі ўладамі, якія праз розныя інстытуты сацыяльнага выхавання фарміравалі ў моладзі новы ўклад думкі і жыцця. Іх вучылі шукаць, выяўляць і знішчаць ідэйных злачынцаў. Нават пятая запаведзь: «Чти отца своего и мать свою...» – перастала быць галоўнай у адносін паміж дзецьмі і бацькамі. Паважаць трэба было толькі «сумленных» бацькоў, якія разумелі ідэалогію дзяржавы, а «несумленных» – асуджаць і крытыкаваць. Такім чынам падаў аўтарытэт бацькоў, рушыліся сямейныя ўстоі.

У выхаваўчай практыцы сярэдзіны XX ст. адзначаюцца факты аб зменах хрысціянскіх пастулатаў і аддаленні чалавека ад веры і царквы.

На жаль, водгукі той эпохі адбіваюцца і ўскладняюцца ў нашы дні. Бруднаслоўе, эгаізм, распушчанасць, курэнне, алкагалізм, наркаманія, жорсткасць, цынізм, зняважлівыя адносіны да старэйшага пакалення ў асяродку дзяцей і моладзі ўсё часцей становяцца не столькі выключэннем, колькі нормай.

Сёння роля рэлігіі ў беларускім грамадстве заметна расце. У царквы і дзяржавы ёсць шэраг агульных мэт, але дасягаюцца яны рознымі

шляхамі. Дзяржава стала звяртаць больш увагі на ўзаемадзеянне з традыцыйнымі канфесіямі. У 2003 годзе было падпісана пагадненне аб супрацоўніцтве паміж Рэспублікай Беларусь і Беларускай Праваслаўнай Царквой (БПЦ). Працягваецца праца над праектам падобнага пагаднення з Рымска-каталіцкай Царквой у Рэспубліцы Беларусь. Праграма супрацоўніцтва Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь з Беларускай Праваслаўнай Царквой пашырыла межы выхавання ў адукацыйным працэсе навучальных устаноў. У сувязі з гэтым перад Міністэрствам адукацыі паўстае пытанне: якое месца павінна заняць рэлігія ў сучасным адукацыйным працэсе? Улічваючы, што пры савецкай сістэме адукацыі вялася жорсткая барацьба з рэлігіяй і сённяшнія выкладчыкі фактычна выхаваны на антырэлігійных традыцыях, ім прыйдзецца абапірацца на новую сістэму адносін з рэлігіяй. З атрыманнем Рэспублікай Беларусь незалежнасці прынята ўласная нарматыўна-прававая база, заснаваная на падпісаных нашай краінай міжнародных дакументах, якія тычацца рэлігійных арганізацый і супрацоўніцтва з імі.

Выхаванне духоўна-маральнай асобы на аснове хрысціянскіх традыцый прадугледжвае наступныя накірункі: 1) культурна-гістарычны (вывучэнне гістарычнага мінулага народа, сваёй сям’і, засваенне культурных дасягненняў); 2) маральна-эстэтычны (выхаванне маральных якасцей асобы, эстэтычнай культуры); 3) этнакультурны (вывучэнне хрысціянскіх традыцый, святаў, абрадаў).

Без вывучэння асноў хрысціянства немагчыма зразумець сэнс многіх музычных і літаратурных твораў, мастацкіх палотнаў, немагчыма быць культурным і паўнацэнна адукаваным чалавекам, бо хрысціянскі светапогляд, хрысціянскія каштоўнасці пранізваюць усю беларускую культуру, гісторыю, народныя традыцыі.

Моладзь – гэта люстэрка грамадства і дзяржавы. Нявыхаваная моладзь – горкі вынік разбурэння традыцыйнага хрысціянскага выхавання, у аснове якога ляжыць развіццё духоўных і маральных якасцей з самага ранняга ўзросту. Прыярытэтнымі ў выхаванні з’яўляюцца фізічнае здароўе, лідарства, прадпрымальнасць, актыўная жыццёвая пазіцыя. Але, на жаль, сродкі масавай інфармацыі разбураюць асновы духоўнасці, часта паказваючы нізкапробныя кінафільмы, занадта вольныя тэлеперадачы, выдаючы бульварныя раманы, дзе пераступаецца ўсё чыстае і святое, парушаюцца хрысціянскія заповедзі. Варта адзначыць, што ў выхаваўчай практыцы сёння надаецца вялікая ўвага абраднасці, а не духоўна-маральнаму зместу.

Маральнасць павінна быць неад’емнай часткай адукацыйнага працэсу. Студэнты ў вучэбны

ці пазавучэбны час павінны знаёміцца з роллю хрысціянства ў фарміраванні нацыянальнага менталітэту, духоўна-маральных каштоўнасцей беларускага народа. Перспектыўным накірункам выхаваўчай працы можа стаць краязнаўства, у рамках якога будзе вывучацца гісторыя роднага краю, гісторыя храмаў і манастыроў, жыццё святых, іконапіс, святыя крыніцы і т. п. У гісторыі Беларусі святыя і святыні заўсёды займалі асобнае месца. Менавіта ў іх сабраны асвечаны дух народа, знаходзіцца сэнс яго культурнай творчасці. З гэтай мэтай можна праводзіць канферэнцыі, экскурсіі па важных для Беларусі месцах, сустрэчы са святарамі.

Не менш перспектыўным накірункам у выхаванні грамадзянскай пазіцыі з’яўляецца экалагічны. Царква актыўна супрацоўнічае з прыродаахоўнымі і адукацыйнымі ўстановамі па экалага-асветніцкай рабоце, заклікае да супрацоўніцтва ў грамадскіх акцыях. Разам з тым яна адзначае, што асновы, на якіх складаюцца адносіны чалавека з прыродай, павінны насіць не толькі гуманістычны, але і хрысціянскі характар. З хрысціянскага погляду прырода – гэта не ўмяшчальны рэсурсаў, прызначаны для эгаістычнага і безадказнага спажывання, а дом, дзе чалавек – гаспадар, і храм, дзе ён святар.

Экалагічныя праблемы носяць антрапалагічны характар, іх прычына – чалавек, а не прырода. Таму адказы на многія пытанні, пастаўленыя крызісам навакольнага асяроддзя, – у чалавечай душы, а не ў сферы эканомікі, біялогіі, тэхналогіі ці палітыкі. Прырода змяняецца ці гіне не сама па сабе, а пад уздзеяннем чалавека. Духоўна дэградзіраваная асоба прыводзіць да дэградацыі і прыроду, таму што не здольная аказваць рэфарматарскае ўздзеянне на свет. Святары вучаць грамадзян быць беражлівымі да навакольнага асяроддзя, яго чалавечага, культурнага і прыроднага патэнцыялу. Распрацоўваюцца выхаваўчыя праграмы па хрысціянскіх адносінах да навакольнага свету. Арганізуюцца мерапрыемствы, звязаныя з вырашэннем надзённых глабальных і рэгіянальных экалагічных праблем, у тым ліку сумесныя семінары, канферэнцыі, канцэрты, выставы і іншыя навуковыя і культурныя мерапрыемствы, праводзяцца сумесныя экалагічныя экскурсіі, паломніцтвы.

У кожнай ВНУ павінна праводзіцца актыўная работа па распрацоўцы навукова-метадычнага забеспячэння духоўна-маральнага выхавання моладзі. У план мерапрыемстваў прапануваецца ўключыць напісанне рэфератаў па тэмах: «Моц народа ў яго мове», «Беларускія святыні», «Беларускі іконапіс», «Святыні майго краю», «Славутыя людзі зямлі беларускай», «Беларуская духоўная музыка» і інш. Асобнае месца

ў рэалізацыі духоўна-маральнага выхавання павінны займаць сустрэчы, паездкі, экскурсіі.

Можна прымаць удзел у каляндарных рэлігійных святах, паездках па святых месцах Беларусі (Полацк, Будслаў, Жыровічы і інш.), экскурсіях у Свята-Ефрасінеўскі манастыр, Свята-Елісавецкі манастыр, Сафійскі сабор, музей кнігадрукавання, краязнаўчы музей, у Нацыянальную бібліятэку і інш.

Напярэдадні Вялікадня можна, напрыклад, арганізаваць мастацкую выставу «Пасхальнае яйка», на якой студэнты выстаўяць на агляд распісаныя імі яйкі, а перад Калядамі зрабіць выставу «Старажытны абраз», дзе можна пазнаёміцца з беларускім іконапісам.

Можна ладзіць вечарыну духоўнай паэзіі, на якую варта запрасіць святароў-паэтаў. Сустрэчы з такімі людзьмі, гутаркі з імі дапамогуць вырашыць шматлікія пытанні духоўнасці чалавека.

Немалое месца ў духоўным выхаванні зоймуць дабрачынныя акцыі ў дзіцячых дамах, бальніцах.

Безумоўна, лепшая спадчына, якую мы павінны пакінуць новаму пакаленню, – гэта добрае выхаванне. Яно мае большую каштоўнасць, чым усе багацці свету. Нездарма складзены 10 заповедзяў дабра. Калі б хрысціяне іх выконвалі, то не было б сёння злыдняў, казнакрадаў, здраднікаў, п'яніц і наркаманаў, такой колькасці разводаў і іншых негатываў. Кожнаму маладому чалавеку патрэбна разумець, што ён павінен любіць і паважаць сваіх бацькоў, сваю Радзіму, што ён культурны чалавек, добры сябар, паважае іншых людзей. Ніякая сума навук не ў стане замяніць любоў, веру, міласэрнасць. Сучаснае вырашэнне праблемы маральнага выхавання немагчыма без звяртання да яго духоўных асноў. Пры гэтым улік станоўчай ролі царквы ў айчынай гісторыі і педагогіцы, а таксама магчымасцей яе істотнага ўплыву на чалавека ў працэсе фарміравання новага грамадства прынясе вялікую карысць.

Заклучэнне. Выхаваць грамадзяніна і патрыёта, каштоўнасныя арыентацыі якога заснаваны на хрысціянскай маралі і нацыянальных прыярытэтах, – важнейшая задача сёння.

Прыярытэтным накірункам з'яўляецца далучэнне моладзі да хрысціянскіх традыцый. Кожны малады чалавек павінен быць паўнапраўным членам сацыяльнага і духоўнага жыцця грамадства, весці здаровы лад жыцця.

Такое выхаванне павінна весціся на пэўных прынцыпах:

- сувязі духоўнага выхавання з традыцыйнай беларускай культурай;
- інтэграцыі краязнаўчага падыходу і мэты духоўна-маральнага выхавання;
- апоры на верацярпімасць, талерантнасць, камунікатыўнасць.

Пасля таго як Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь падпісала з Беларускай Праваслаўнай Царквой пагадненне аб супрацоўніцтве, у першую чаргу ў справе выхавання маладога пакалення, асноўная ўвага засяроджваецца на пошуку новых формаў і метадаў, інавацыйных падыходаў у духоўна-маральным выхаванні, у прыватнасці ў працы па пярэджанні п'янства і наркаманіі, па ўмацаванні сям'і, разглядаюцца шкодныя з'явы сучаснасці, якія нясуць пагрозу знішчэння інстытута сям'і.

Сумеснымі намаганнямі лепш за ўсё фарміраваць у моладзі любоў да бліжняга і да сваёй Радзімы, выходзіць дабрыню, сумленнасць, міласэрнасць. Вывучэнне праваслаўных святых беларускага народа абумоўлена сацыяльна-педагагічнай патрэбнасцю ў вырашэнні задач духоўна-маральнага выхавання моладзі. Хрысціянскія прынцыпы любові, гармоніі нясуць невычэрпныя адукацыйныя і выхаваўчыя магчымасці. Менавіта іх неабходна выкарыстоўваць для пераадолення крызісу культурнага і духоўнага стану чалавека.

Літаратура

1. Кулагін, А. М. Праваслаўныя храмы на Беларусі: энцыклапедычны даведнік / А. М. Кулагін. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2001. – 328 с.
2. Белла, Р. Социология религии / Р. Белла // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / сост. В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. – М., 1996. – С. 116–118.
3. Закаблукowski, Б. Г. Упразднение традиций православного воспитания в отечественной педагогике начала XX века: уроки истории / Б. Г. Закаблукowski // Адукацыя і выхаванне. – 2011. – № 4. – С. 32–38.
4. Каралёў, М. Г. Месца рэлігіі ў сучаснай адукацыйнай парадыгме / М. Г. Каралёў // Адукацыя і выхаванне. – 2009. – № 2. – С. 46–51.

Паступіў 12.03.2013

УДК 37:378:82(061.8)

Н. Я. Савіцкая, старшы выкладчык (БДТУ)

ПРЫЯРЫТЭТЫ ВЫХАВАННЯ ГАРМАНІЧНА РАЗВІТАЙ АСОБЫ НА ПРЫКЛАДЗЕ ДЗЕЙНАСЦІ ЛІТАРАТУРНАГА КЛУБА «ВЕТЛІЦА»

Прадстаўлены артыкул прысвечаны прыярытэтам выхавання гарманічна развітай асобы на прыкладзе дзейнасці літаратурнага клуба «Ветліца», які працуе ў БДТУ больш за 15 гадоў. Аўтар дае агульную карціну кірункаў творчай працы ў клубе. Адмысловая ўвага звяртаецца на выхаванне патрыятызму, талерантнага стаўлення да людзей старэйшага пакалення, на духоўна-маральнае, эстэтычнае, моўнае развіццё асобы. У якасці ілюстрацыі разглядаюцца тэмы прыведзеныя цытаты з вершаў розных аўтараў, апублікаваных у сёмым літаратурна-мастацкім альманаху «АВЕ», выдадзеным у БДТУ у 2012 г.

The article dwells upon the priorities in training of harmonically developed personality on the example of literary club «Vetlitsa» existing at BSTU more than 15 years. The author highlights the main trends of creative work in the club. A particular attention is paid to patriotic education, tolerance to older people as well as to spiritual, moral, aesthetic and linguistic education of personality. As an illustration of the topic being under discussion the article demonstrates quotations of poems by various authors published in the seventh literary miscellany «AVE», issued at BSTU in 2012.

Уводзіны. Вядома, што кожны чалавек ёсць тое, што дала яму прырода ад нараджэння, улічваючы ўмовы пражывання і выхавання. Атрымліваючы вышэйшую адукацыю, шматлікія студэнты імкнуцца самастойна ўдасканалвацца, пазнаваць сусвет і сябе ў сусвеце, развіваць свае здольнасці, шукаць аднадумцаў, блізкіх па інтарэсах людзей. Тыя, хто любяць прыгожае пісьменства, пішуць вершы і праявілі творы, спрабуюць рабіць мастацкія пераклады, змогуць знайсці блізкіх па творчасці людзей ў літаратурным клубе «Ветліца», які працуе ў БДТУ 15 год. Па выніках разнастайнай дзейнасці клуба выдаецца літаратурна-мастацкі альманах «АВЕ», які мае і другую назву, якую можна прачытаць як «Адраджэнне. Вера. Еднасць». Выдадзена 7 нумароў альманаха, у якіх надрукаваны творы рознай тэматыкі і розных жанраў звыш 500 чалавек. Звяртаючыся да тэмы выхавання гарманічна развітай асобы, прааналізуем некаторыя паэтычныя творы аўтараў сёмага альманаха, які выйшаў з друку ў 2012 годзе і змяшчае творы 69 аўтараў. У гэтых творах, на нашу думку, шматбакова адлюстравана сённяшняе жыццё, пачуцці і памкненні маладых людзей.

Асноўная частка. У клуб кожны прыходзіць са сваімі думкамі, перажываннямі, бачаннем і разуменнем свету, з набалелым, жадамым або страчаным, са смуткам або з радасцю.

Калі чалавек гатовы вынесці сваю творчасць на прысуд іншых, значыць, ён лічыць, што яго варта паслухаць, сам гатовы выслухаць прысутных і, як губка, убірае тое, што ад душы прапаваюць члены клуба. Адбываецца тэматычнае, эмацыянальнае, вобразнае, эстэтычнае, лексічнае, моўнае ўзбагачэнне асобы, яе гарманізацыя. І тут важны не столькі ўзрост, колькі адкрытасць душы, гатоўнасць чалавека да ўспрыняцця новага, прыгожага, цікавага да думак і памкненняў іншых людзей.

У клубе судакранаюцца сваёй творчасцю людзі розных узроставых катэгорый і сацыяльнага статусу. Можна сказаць, што адбываецца сувязь пакаленняў, узаемнае ўзбагачэнне вопытам, мудрасцю, з аднаго боку, і імпульсам, новым свежым поглядам на жыццё і падзеі – з другога. Хоць вядома, што кожнае новае пакаленне робіць новы крок наперад, тым самым робячы немагчымым існаванне поўнага паразумення паміж бацькамі і дзецьмі, паміж старым і новым.

Сучасную моладзь называюць пакаленнем *next*, што ў перакладзе з англійскай азначае *наступны*. Пакаленне ідзе наперад, таму ідэалы моладзі адрозніваюцца ад бацькоўскіх. Зараз моладзь не жадае быць падобнай да каго-небудзь, бо ў большасці сваёй лічыць, што не існуе людзей ідэальных, а быць падобным да чалавека з недахопамі не хоча. Таму лічыць за лепшае ўдасканалваць сябе і шануе сваю індывідуальнасць. І гэтак сённяшняе пакаленне – будучыня свету. Каб гэты свет існаваў далей, варта рабіць ўсё неабходнае, каб моладзь стварала, ўдасканалвала і ўмацоўвала свае ідэалы і не адыходзіла ад іх, не страціла імкнення да свайго развіцця. Сустрэчы ў клубе з людзьмі старэйшага пакалення і іх творчасцю спрыяюць выхаванню талерантнасці да гэтых людзей, павялічваюць іх жыццёвага лёсу, паразумення.

На думку многіх, моладзь дэградуе. Інтэрнэт, вялікая колькасць не зусім станоўчых каналаў на тэлебачанні – усё гэта не дапамагае моладзі развівацца, а наадварот, адсутнасць яркіх станоўчых вобразаў, прыгожых узаемаадносін нясе расчараванне ў жыццё, недавер да людзей, часта фарміруе жорсткасць, сее ў душы злосць.

Сённяшняе зло не заўсёды можна зразумець. Яно ўзнікае раптам, без бачнай прычыны. Можна сказаць, што сёння светам кіруе незнішчальнае зло, якое ператварае людзей у марыянетак,

якія не бачаць загану ў тым, каб рабіць зло, а іншыя нават не задумваюцца, што яны робяць – дабро ці зло. Лесвіцца быцця, закліканая імкнучца ў неба, да Горніх вяршынь, вядзе ўніз, у антысвет. Душамі многіх людзей авалодваюць злыя думкі, якія ўсяляюцца ў іх цішком і міжволі. І нават той, хто застаецца сацыяльна актыўным, свае адносіны з навакольнымі людзьмі выстройвае не з любові да іх, а з нелюбові. Можна сказаць, што ўсе гэтыя асобы адзначаны адной якасцю – пачуццём адзіноты, паколькі не адчуваюць праяўленай да іх цікавасці і, мабыць, не спадзяюцца, што да іх нехта можа паставіцца з любоўю і зацікаўленасцю.

Некаторыя аўтары бачаць зло і ў свеце, і ў сабе, задумваюцца, ці ёсць магчымасці ў чалавека нешта ў сабе змяніць дзеля таго, каб стаць лепшым, каб паслаць дабрыву ў наваколле і каб атрымаць яе ў адказ. Некаторыя ж жывуць напружаным душэўным жыццём, і іх энергія можа быць скіравана на карысць грамадства або на самацвярджэнне ў грамадстве. Тыя, хто змагаюцца са злом, вырастаюць як асоба. Аптымізму дадаюць радкі з вершаў членаў клуба: «Крыўду і злосць перамеле жыцця жорсткі млын», – піша студэнтка 5-га курса Таццяна Мянцялава. А студэнтка 4-га курса Вольга Адамовіч сцвярджае: «У віры дзён калупаць не змагу, / Бо дзесьці стогне, крычыць сумленне, / І зноў устану, і зноў упаду, / Але з надзеяю на збаўленне». Упэўнены ў сваіх сілах у барацьбе са злом аспірант Міхаіл Дзядзенка: «Не сломать меня судьбе, / Я пройду и через тьму». А выпускніца Вікторыя Татарчанка дае парад, як пазбавіцца ад зла: «Согрев других теплом, никогда не заболеешь одиночеством и злом» [1].

Творы аўтараў клуба «Ветліца» дазваляюць гаварыць пра разнастайнасць і шматлічнасць аўтарскіх інтарэсаў, пра разнастайнасць эстэтычных і этычных пазіцый, стылёва жанравае багацце, шырокі тэматычны дыяпазон.

Тэмы кахання і звязаныя з ім тэмы вернасці і здрады, бацькоў і дзяцей, чалавечай адзіноты і людскай еднасці, п'янства, пошласці, маральнай разбэшчанасці, чалавечнасці, радаводнага дрэва чалавека, будучыні чалавецтва прыцягваюць увагу сваёй шматграннасцю. Можна адзначыць, што ў кожнага аўтара свой жыццёвы вопыт, тэмперамент, светапогляд, глыбіня адукацыі і культурны дыяпазон, закладзены бацькамі, школай, навакольным асяроддзем, СМІ.

Ёсць творы, у інтанацыях якіх гучыць хрысціянскае спачуванне і шкадаванне чалавека, якому так нялёгка жывецца ў сённяшнім апакаліптычным свеце. І аўтары вераць ў Бога, спадзяюцца на яго дапамогу і ласку, але чалавеку самому трэба зрабіць першы крок насустрач, пра што і сцвярджае Вольга Адамовіч: «Бог нас шукае, нас ён чакае, / А часта проста насустрач бяжыць».

Калі чытаеш вершы маладых, узнікае адчуванне, што многім удаецца стварыць пэўнае паэтычнае поле, у якое можна акунуцца: акунуцца ў стыхію маладосці з яе пошукамі сябе і свайго шляху, з яе жаданнем унутранага разнаволення, з непрыкаянасцю і прагай кахання. «Не ослабеюць руки-крылы каханне наше трымаць», «з нябёсаў улюбёнымі вачамі глядзіць на закаханых Бог», – піша Святаслаў Філатаў. «Я чытаю цябе па вачах: па-другому чытаць немагчыма», – канстатуе Юлія Швайкоўская. «Ты знайдзі мяне ў натоўпе шалёным, правядзі мяне цераз шлях ў зорах», – звяртаецца да люблага Ганна Кулікова. Іншыя адчуванні у Паліны Кузьміцкай: «Я – дочка сотни противоречий, а можно... просто любовь», «Я не знала, что так легко научиться летать без крыльев». Кацярына Цітова: «Няхай сябрамі зваць не адважуся, усё адно за іх аддам жыццё», «Ты ёй абяцаў бесконечно любить, но словами лишь всё и осталось», «Две души так в одну и не слились и теперь обездушена я». А Міхаіл Дзядзенка сцвярджае, што «выше птиц и богов лишь вера в любовь». Сяргей Мацін лічыць, што «не кіламетры робяць межы, а нелюбоў».

Важным складнікам гарманізацыі асобы з'яўляецца выхаванне ўмення бачыць, разумець і адчуваць прыгожае. Эстэтычная прырода чалавека ўвогуле – здольнасць бачыць і адчуваць прыгожае і проста патрэба ў харакстве, бо, як сцвярджаў З. Бядуля, «характэра – маці жыцця, кіраўніцтва дабра і праўды» [2].

Творы розных аўтараў, якія гучаць падчас прэзентацый або друкуюцца ў альманахах «AVE», успрымаюцца з цікавасцю і прытоеным чаканнем новага вобраза, слова, фразы, дэталі, метафары, раскрыцця сэнсу чалавечага быцця, узаемаадносін. Акрамя ўсяго іншага – гэта чужы вопыт. А нам часта не хапае для роздму і ўспрыняцця жыцця чужога вопыту. Не ведаць думак і памкненняў іншых – гэта ўсё роўна як жыць сіратой. А з твораў іншых аўтараў кожны вынесе штосьці важнае для сябе. Адзін чалавек, як бы актыўна ён ні жыў, ніколі не зможа ўбачыць, зведаць, адчуць, спазнаць ўсю разнастайнасць свету. У любой творчай асобы заўсёды шмат пытанняў, на якія яна шукае адказ. І калі знойдзецца адказ на пытанне, калі ўбачыш аўтарскую знаходку ў слове, пастаўленым у пэўны кантэкст, калі ўспрымеш тактоўную парад, вопыт другога чалавека, то ён акрыляе, дадае аптымізму, гарманізуе асобу, ураўнаважвае яе, узбагачае і лекуе.

Важнае месца ў дзейнасці клуба займае эстэтычнае выхаванне. Прыгажосць адыгрывае вядучую ролю ў самарэгуляцыі ўнутранага свету асобы, складаючы сутнасць сэнсавай напоўненасці чалавечага быцця. Ачышчаючы ад адмоў-

ных эмоцый, яна пазітыўна ўздзейнічае на фарміраванне аптымістычнага светаўспрымання.

Развіваючы, удасканалюючы эстэтычныя здольнасці, творчая асоба займаецца складанай унутранай працай у сваёй душы – яна культывуе эстэтычнае пачуццё, самаствараецца, самавыхоўваецца, працуючы на творчасць. Можна сказаць, што асоба нараджаецца і развіваецца праз усведамленне эстэтычнага патэнцыялу рэчаіснасці і ўласных творчых здольнасцей. І можна сказаць: «Улыбнись – как магнит ты притянешь улыбки, / Невозможное станет прекрасным возможным, / Тебя ждут миллионы солнечных дней», «Я поверила в солнце, не видя его, / И оно из-за тучи мне улыбнулось», – так і хочацца ўсміхнуцца, прачытаўшы гэтыя радкі Юліі Кірылавай. Прыгажосцю і філасафічнасцю напоўнены радкі ветэрана працы Галіны Лукшы, якая з здавальненнем выступае ў студэнцкай аўдыторыі, дэманструючы багацце і пражосць беларускай мовы: «Блукае поўня па кватэры, / Пяшчоту сазывае», «Бель разлажылася на краскі, / Як векавечнасць на імгненні, / Як дабрыня людзей на ласкі, / Як народ на накаленні, / Як фантазія на казкі, / Як ідэя на памкненні». Студэнтка Вераніка Страковіч, адзначаючы, што «мы – частка огромнейшего мира», што «жизнь бывает наша тоньше волоса», сцвярджае: «Ведь чудеса приходят к тем, / Кто верит в них и говорит об этом всем», «Кто-то сам своим силам удивится», і запрашае: «Поднимись наверх и ощути свободное / Чувство красоты и небо непреклонное».

У кожным чалавеку трэба шукаць і знаходзіць чалавечае, гуманнае. Гуманізацыя – гэта даволі сур'ёзная праблема ва ўмовах, калі ўсё большыя абароты набірае тэхніцызм. У тэхнічнай ВНУ тым больш актуальна разумець, што вельмі важна развіваць маральна-этычныя і эстэтычныя пачаткі ў маладых чалавеку, выхоўваючы не толькі спецыяліста, але і гарманічна развітую асобу, чаму спрыяе дзейнасць клуба.

У наш поўны выклікаў час беларускі вучоны Пётр Нікіценка распрацаваў мадэль станаўлення наанасфернага грамадства як новай светапогляднай канцэптуальнай парадыгмы жыццядзейнасці чалавека ў імя захавання духоўна-маральнай гармоніі і развіцця самога чалавека, прыроды, грамадства і Космасу ў ХХІ ст. Ён лічыць, што тэхнагеннае развіццё цывілізацыі разам з іншымі наступствамі прывяло да крызісу духоўнасці чалавека, і выжыванне цывілізацыі, захаванне біясферы магчыма толькі пры ўмове гарманізацыі ўзаемаадносін чалавека, грамадства і прыроды, дзе «каштоўнасцю і самакаштоўнасцю грамадскага ўзнаўлення становяцца Чалавек і Прырода... пры захаванні сваёй натуральнай гістарычнай, духоўнай і матэрыяльнай культуры»,

прычым адзначае, што духоўныя якасці ў параўнанні з матэрыяльнай культурай вечныя [4].

І сапраўды, пераадоленне пагроз стабільнаму існаванню чалавецтва магчыма на аснове гуманістычнай пераарыентацыі развіцця чалавека і соцыуму. Важным механізмам пры гэтым выступае мэтанакіраванае фарміраванне ў моладзі гуманістычнага светапогляду, якое «павінна быць заснавана на ведах пра чалавечае ў чалавеку, і патэнцыяле чалавека (фізічным, псіхічным, духоўным) і сродках узыходжання да Яго, спецыфічным становішчы чалавека ў свеце і яго адказнасці за захаванне жыцця ў Сусвеце» [5]. Сістэмаўтваральным элементам гэтага працэсу з'яўляецца рэалізацыя патрэбнасці чалавека ў вызначэнні сэнсу свайго існавання і прызначэння. Варта адзначыць, што кожны шукае адказы на пытанні, якія ён ставіць сабе сам і якія яму ставіць жыццё, і імкнецца знайсці правільны адказ і зрабіць правільны выбар у залежнасці ад прыхільнасцей, маральна-эстэтычных установак, ступені адукаванасці і валявога фактару.

Аналізуючы творы аўтараў апошняга выпуску альманаха, бачым, што на шляху маладых людзей паўстае шмат цяжкасцей і выпрабаванняў, якія яны пераадоляюць, дзівяцца сваім сілам, з аптымізмам глядзяць у будучыню, прапануючы свае рэцэпты гармоніі асобы, соцыуму, свету: «Сильный всегда впереди, / А слабый ищет оправданье» (Мікалай Вырко); «Хочу быть голодным всегда, а не сытым», «Не хочу быть ручьём, что впадает в болото», «Необходимо в едином пространстве / Вырастить новых счастливых людей» (Анатоль Касянчук); «Того, кто молчит – забывают, / А кто говорит, того бьют», «Горад сонца і горад агню, / Горад, што перайначвае сэрцы, / У далікатным маўчанні стаю, / Каб пачуць, як жыццё яго б'еца», «Век неизвестный, непонятный, / Волнует многих он людей» (Аляксандр Астапчык); «Заўсёды казка – гэта немагчыма» (Люсіне Аруцюнян); «Не каждому дано понять, / Что зримо в нём, и то, что мир скрывает» (Васіль Васільцоў); «Эта жизнь что-то да значит, / Просто умеи разгадать загадку», «Я хочу белорусского неба, / Чтобы рот расплывался в улыбке» (Паліна Вілава); «Пламя и лёд не обвенчат, / Добрым для всех не стать», «Душа и плоть – огонь и лёд, / У них свой путь – идти вперёд» (Міхаіл Дзядзенка); «Что мы считаем мгновеньем, / Есть бесконечности звон» (Аляксандр Кабайла); «Ведь деньги важны, но еще для успеха / Нужна голова, на плечах голова...», «Толькі ў руху існуе жыццё, / Толькі ён ратуе ад знікнення», «Шматзначнасць нашага жыцця / Нам ёсць крыніцай невычэрпнай» (Сяргей Мацін); «Сумленне – духу ўладар» (Галіна Лукша); «Калі ёсць, што сказаць – не маўчы!»,

«*Не пачуеш у маўчанні хлусні*» (Таццяна Мянйлава); «*Я молча гаворю, недвижимо творю / И мир вокруг себя меняю*» (Кацярына Ціханкова); «*А на небе анёл мой дзівіцца: / Я здолена ўзысці / Па прыступках крывавых на мыліцах*» (Юлія Швайкоўская).

Што да патрыятычнага выхавання, то ў сучасных умовах гэта даволі складаны працэс, у якім важна звярнуць увагу на сям'ю, на пачуццё прыналежнасці да свайго роду, усведамленне сябе як прадаўжальніка сям'і, карані якой знаходзяцца ў далёкім мінулым. Патрыятычнае выхаванне немагчыма без паважлівых адносін да малой радзімы, да традыцыйных духоўных каштоўнасцей, без грамадзянскай пазіцыі, моўнай культуры асобы, без ведання роднай мовы і паважлівых да яе адносін. У клубе шмат студэнтаў, у якіх сфарміравана пачуццё патрыятызму. І яны самі прамаўляюць пра любоў да маці, бацькі, бабулі, дзядулі, да дзяцей, братоў і сясцёр, мараць пра шчаслівую будучую сям'ю, утульны дом, шукаюць свайго адзінага – аднадумца, сябра, каханага, будучага бацьку будучых дзяцей. Добра, калі яны прамаўляюць пра сямейныя каштоўнасці і традыцыі, паказваючы свае адносіны, свае веды і даючы прыклад тым, хто па нейкіх прычынах гэтага вопыту і ведаў пра сям'ю не мае. Некалькі радкоў з сёмага альманаха для прыкладу: «*Дзіця ўдыхае і ціхенька спіць, / Даверыўшы маці жыццё, / Яна ж як анёлак стаіць, / Ахоўвае сна забыццё*» (Вольга Адамовіч); «*Любіце маму, шануйце яе, / Кажыце ёй словы любові свае*» (Дзмітрый Думны); «*Дзяціны смех – вада на промні*» (Галіна Лукша).

Сапраўдны патрыятызм не можа быць іншамоўным. Каб абудзіць яго, падчас Вялікай Айчыннай вайны нават цэнтральная савецкая газета «Правда» змясціла ў першыя дні вайны верш Якуба Коласа без перакладу. Партызанскія газеты і лістоўкі таксама ў большасці былі беларускамоўнымі.

Мы ведаем, што наша мова нясе ментальнасць высокай культуры, і менавіта актыўныя носьбіты беларускай мовы з'яўляюцца асноўнымі стваральнікамі беларускай культуры і мастацтва. Дарэчы, беларуская мова і беларуская паэзія – адны з самых мілагучных і прыгожых у свеце, а нашу Беларусь называюць краінай паэтаў. Мабыць, гэта сапраўды так, калі толькі ў БДТУ столькі паэтаў знайшлося, лепш сказаць – праявілася, бо дакладна вядома, што пішуць вершы значна больш студэнтаў. Вось некалькі радкоў, прысвечаных Беларусі і тэме Вялікай Айчыннай вайны. Варта адзначыць, што шосты выпуск альманаха (у дзвюх кнігах) цалкам складаецца з твораў ваеннай тэматыкі. «*Все зовут её войной, но только знай, / Что даже ей не удалось / Тех, кто сражался за люби-*

мый край» (Валерыя Крукава); «*Я иду по кварталам, выросшим / На костях, обточенным временем, / И врастаю затоптанным семенем, / У дороги времён выпавшим*» (Аляксандр Холадаў); «*Прыгожая наша краіна / Абняць, прыгарнуць бы, схавацца б у ейных палёў канюшыны*» (Таццяна Мянйлава); «*Ужо колькі згінула прарокаў, / Каб даказаць, што беларус абраны Богам / Для святасці, да справядлівасці і міру*» (Святаслаў Філатаў); «*Найлепшыя ў свеце, на цэлай планеце Бацькава слова, матчына мова!*» (Марыя Ціхановіч); «*Ганаруся я мовай пявучай, / Бусел крылы над ёй уздымае. / І завецца яна беларускай, / Мовай роднага краю*» (Ірына Шаркель); «*І вецер кліча зноў у наваколле, / Дзе час і мара ткуць паркаль*» (Юлія Шэмель).

Заклучэнне. Прыярытэтамі выхавання гарманічна развітай асобы ў літаратурным клубе «Ветліца» з'яўляецца ўвага і павага да чалавека, развіццё здольнасцей, пошукі эстэтычнага ідэалу, моўнае развіццё і ўдасканаленне асобы. Гэта і духоўна-маральнае, і грамадзянска-патрыятычнае выхаванне. Вынікам гэтай працы з'яўляюцца выдадзеныя зборы лепшых літаратурных твораў, падрыхтаваныя камп'ютарныя зборнікі ўласных твораў студэнтаў, удзел у выставах, літаратурных і навуковых конкурсах, удзел у літаратурных вечарынах, сустрэчах з пісьменнікамі, у акцыях для ветэранаў, выступленні на шматлікіх сустрэчах у студэнцкіх групах, школах, на канцэртах.

Гарманізацыя асобы адбываецца праз раскрыццё душы, праз абмен творчым і жыццёвым вопытам, эмоцыямі, новым бачаннем свету, праз узбагачэнне асобы разнастайным вопытам іншых людзей (жыццёва-падзейным, эмацыянальным, эстэтычным), узвышэнне словам, характарам і любоўю праз сувязь пакаленняў, праз разуменне неабходнасці пераймання вопыту, традыцый, глыбіннага сэнсу жыцця, вечнага таго стрыжня, на якім трымаецца свет веры, добра, любові, ахвярнасці, сяброўства, спачування і ўзаемадапамогі.

Літаратура

1. АВЕ (Адраджэнне. Вера. Еднасць): літ.-маст. альб. / склад. Н. Я. Савіцкая. – Мінск: БДТУ. – Вып. 7. – 2012. – 285 с.
2. Бядуля, З. Збор твораў: у 5 т. Т. 5 / З. Бядуля. – Мінск, 1989. – 394 с.
3. Никитенко, П. Г. В поисках планетарной гармонии / П. Г. Никитенко // Беларуская думка. – 2012. – № 12. – С. 29.
4. Позняк, А. В. Формирование у учащихся навыков созидательного преобразования себя и действительности / А. В. Позняк // Адукацыя і выхаванне. – 2012. – № 12. – С. 37.

Пастуніў 12.03.2013

УДК 37.022:378:811

Т. С. Коженец, преподаватель (БГТУ)

ДЕЛОВАЯ ИГРА КАК АКТИВНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ

Статья рассматривает вопросы применения игровых технологий в обучении профессиональному иноязычному общению. Автор статьи раскрывает сущность такой активной технологии, как деловая игра, формулирует ее цели и задачи, а также освещает специфические особенности технологии деловых игр. Подробно изложены психологические и педагогические требования к использованию этой формы обучения. Автор приводит различные классификации деловых игр, исходя из форм человеческого взаимодействия и характера педагогического процесса. Отдельное внимание уделено этапам подготовки и проведения деловых игр, описаны сущность и задача каждого из этапов, факторы, влияющие на их успешность.

The article dwells upon the use of role-plays for improving communication skills of professional foreign language. The author gives a thorough analysis of business role-plays, objectives and reasons for using them in the classroom as well as their specific features to be considered. Psychological and didactic conditions necessary for such activities are touched upon. The author also gives various classifications of business role-plays which are based upon different forms of interpersonal communication and nature of the teaching process. Special emphasis is made on the phases of preparation and organization of role-playing activities, each of the phases being described separately. Different factors which can improve the above mentioned technique are considered.

Введение. Владение иностранным языком для профессионального общения является важным условием конкурентоспособности специалиста на рынке труда. Любой специалист в профессиональной деятельности испытывает необходимость в получении новейшей информации по своей специальности, в умении пользоваться базами данных, оформлять различные документы, значительная часть которых представлена на иностранном языке. Эффективность иноязычного общения напрямую зависит от умения учитывать культурные особенности страны собеседника, предвидеть ход беседы, от способности изменить тактику коммуникативного поведения в нестандартных, меняющихся условиях ситуации общения, а значит, быть не только грамотным, но и продуктивным. Владение иностранным языком является обязательным компонентом профессионализма будущих специалистов [1].

Подготовка студентов к профессиональному иноязычному общению в неязыковых вузах осуществляется в два этапа: на первом этапе она направлена на решение общеобразовательных задач, а на втором этапе (язык для специальных целей) – на решение специальных профессиональных задач, когда происходит формирование профессиональных иноязычных коммуникативных умений.

При разработке программ обучения иностранному языку в неязыковом вузе необходимо учитывать те сферы деятельности и ситуации, в которых предстоит общаться студентам; в какие профессиональные контакты им придется вступать; какие задания выполнять; какова будет тематика их деятельности.

К сожалению, далеко не всегда фактический уровень владения иностранным языком выпускниками технических вузов соответствует требованиям современного общества и рынка труда. Поэтому требуется качественно новый подход к подготовке специалистов технического профиля по иностранному языку, необходима модернизация содержания обучения, разработка новых активных методов обучения, поиск наиболее эффективных средств и образовательных технологий, позволяющих качественно улучшить учебный процесс [2].

Основная часть. Из всех активных технологий чаще всего в целях обучения общению на иностранном языке используются ролевые и деловые игры. Целью деловой игры является конкретная деятельность, овладение навыками и умениями иноязычного общения в определенном профессиональном контексте.

Под деловой игрой понимается комплекс ситуаций профессионального общения, объединенных методически единым сценарием.

Деловая игра используется для решения комплексных задач: усвоения нового, закрепления старого материала, развития творческих способностей, формирования общеучебных умений; она дает возможность студентам понять и изучить учебный материал с различных позиций.

Деловая игра выступает в учебном процессе как средство обучения и средство контроля, как средство активизации учебной деятельности студентов и организации коллективного взаимодействия, как средство повышения уровня мотивации обучаемых.

Технология деловой игры обладает рядом специфических черт:

– побуждает обучаемых к активным действиям, целенаправленно развивает и усиливает их автономность и креативность;

– провоцирует эмоциональную реакцию, создает творческое раскрепощение личности;

– учит рефлексии, приучает к самооценке и самокоррекции;

– кардинальным образом меняет роль педагога, который из транслятора знаний становится соавтором профессионального становления личности студента;

– способствует не только максимально эффективному изучению иностранного языка, но, что более важно, позволяет решать в активной игровой форме сложные профессиональные задачи, когда иностранный язык становится не целью изучения, а средством решения этих задач;

– содействует прочному, заинтересованному овладению студентами профессионально значимой социокультурной информацией, профессиональными стратегиями поведения и профессиональной этикой общения;

– является оптимальной для тренировки и формирования языковых и речевых навыков, потому что включенность в игровую деятельность, вызывающую интеллектуальное затруднение в условиях эмоциональной напряженности, отвлекает внимание студентов от языковой формы высказывания. Возникают реальные условия для автоматизации речевых действий и перевод их на уровень операций;

– позволяет студентам развивать мышление, не просто воспроизводя усвоенные знания, но и используя их в практико-ориентированной деятельности;

– обеспечивает психологический комфорт, раскрепощает студента, позволяет ему скрыться за ролью-маской. Включает образное мышление, сферу интуитивного, импровизационного и, являясь продуктивной речью, может рассматриваться мостиком к спонтанной неподготовленной речи [3].

Основными требованиями к игре и условиям ее проведения являются психологические и педагогические требования. Учебная игра должна обладать релевантностью и иметь личностный смысл и значимость для каждого из участников. Применяя игру как форму обучения, преподаватель должен быть уверен в целесообразности ее использования, должен определить цели игры в соответствии с задачами учебного процесса. Учебные игры должны составлять систему, предполагающую их определенную последовательность и постепенное усложнение. При этом необходимо учитывать особенности группы и ее членов.

Деловая игра должна базироваться на реальном речевом материале, отражающем кон-

кретную ситуацию общения в профессионально-трудовой сфере.

В деловой игре преобладает момент самообучения над обучением. Существенным фактором следует назвать ее проблемность, ведь в профессионально-трудовой сфере часто возникают ситуации, требующие оперативного вмешательства.

В деловой игре одними из ведущих являются принципы совместной деятельности и диалогического общения участников, последовательная реализация которых обеспечивает активное развертывание содержания этой игры. Участники самоутверждаются не только как личности, но и прежде всего как специалисты в своей области трудовой деятельности.

Исходя из классификации форм человеческого взаимодействия, можно выделить следующие типы деловых игр: игра-сотрудничество (например, достижение договоренности между белорусской и зарубежной фирмами о совместном строительстве предприятия), игра-соревнование (например, подготовка и обсуждение проектов производства и сбыта какого-либо вида продукции фирмами-конкурентами), игра-конфликт (например, беседа руководства белорусского предприятия с представителями зарубежной фирмы по поводу срыва поставок нового оборудования) [4].

По характеру педагогического процесса выделяются следующие группы игр:

– обучающие, тренировочные, контролирующие и обобщающие;

– познавательные, воспитательные, развивающие;

– репродуктивные, продуктивные, творческие;

– коммуникативные, диагностические, профориентационные и др.

Что касается технологии подготовки и проведения деловой игры, то в деловой игре можно выделить следующие этапы:

1. Введение в игру. Участники знакомятся с целями игры, осуществляется консультирование и инструктаж.

2. Разделение слушателей на группы. Оптимальный размер – 4–6 человек. В каждой группе выбирается лидер и распределяются роли.

3. Погружение в игру. Слушатели получают специальное игровое задание: разработать визитную карточку, подготовить мини-презентацию.

4. Изучение и системный анализ ситуации или проблемы. Студенты анализируют предлагаемую ситуацию, осуществляют диагностику и ранжирование проблем.

5. Игровой процесс. На этом этапе в соответствии с принятой стратегией осуществляется поиск и выработка вариантов решений. В ходе

дискуссии принимается коллективное решение, затем разрабатывается и обосновывается проект, который визуализируется на плакатах или слайд-шоу.

6. Общая дискуссия или пленум. На пленуме активно работают экспертные группы, которые оценивают не только результаты проективной деятельности команд, но и культуру коммуникации и презентации.

7. Подведение итогов игры. Игра получает логическое завершение, особенно если ее итоги подводит не только преподаватель, но и сами студенты. Грамотное подведение итогов помогает участникам адекватно оценить свои слабые и сильные стороны, утвердиться в собственном мнении, сделать соответствующие выводы.

8. Рефлексия. Это важный фрагмент игры, устанавливающий обратную связь, позволяющий провести мониторинг мнений и выяснить степень удовлетворенности проведенной игрой и принятыми решениями.

9. «Выгужение из игры». Завершающая стадия игры может быть посвящена размышлениям участников об их будущем, о перспективах их профессии.

Успех проведения деловой игры зависит в первую очередь от четкого моделирования элементов как плана содержания, так и плана выражения. На тренировочном этапе студент должен овладеть навыками языкового оформления коммуникативных намерений, необходимых для реализации поставленных целей коммуникации. При непосредственной подготовке деловой игры преподаватель обрабатывает материал, определяет тип игры, состав участников, цели каждого коммуниканта, планирует возможные пути их достижения, прогнозирует проблемные ситуации, которые могут возникнуть в процессе решения поставленных задач.

На этапе реализации преподаватель определяет роли и ролевые отношения, дает задание по оценке результатов незадействованной части группы. При проведении деловой игры преподаватель выполняет роль «администратора»: направляет общение, выводит его из тупика, изменяет направление игры. Исправлению подлежат только те ошибки, которые затрудняют или нарушают коммуникацию.

Очень важно определить время и место деловой игры в учебном процессе. В неподготовленной аудитории студентов новизна формы занятий может чрезвычайно отвлечь внимание обучаемых от сюжета игры и даже вызвать непонимание. Поэтому на начальном этапе обуче-

ния студентов деловую игру следует проводить в конце изучаемой темы, предварительно проведение самой игры подготовительными мероприятиями: работой в парах, микрогруппах с постановкой конкретных небольших заданий, с использованием различного рода опор: схем, таблиц.

На успешность деловой игры влияют следующие факторы: 1) лингвистические (общий уровень владения иностранным языком, владение лексическим материалом по теме); 2) дидактический (подготовленность к игре всем ходом предшествующих занятий); 3) психологические.

Заключение. Таким образом, в деловой игре присутствует особый игровой контекст, разворачивающийся в соответствии с сюжетом, определенными игровыми правилами и предусматривающий ролевое взаимодействие участников. В игре присутствуют цели – игровые и учебные. В деловой игре происходит моделирование значимых для участников игры проблемных ситуаций профессионального общения, способствующих формированию устойчивых навыков и умений делового общения на иностранном языке.

Следовательно, можно сделать вывод, что активные образовательные технологии являются эффективным средством обучения профессионально-иноязычному общению, а деловая игра позволяет успешно преодолеть психологический и лингвокультурный барьер в ситуациях делового общения на иностранном языке и ведет к формированию коммуникативной компетентности.

Литература

1. Исаева, О. Н. Сущность профессионально-ориентированного обучения студентов-нефилологов иностранному языку / О. Н. Исаева // Вестник СамГУ. – 2007. – № 1. – С. 9–10.
2. Смышляева, Л. Г. Педагогические технологии активизации обучения в высшей школе: учеб. пособие / Л. Г. Смышляева, Л. А. Сивицкая. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2008. – 178 с.
3. Астафурова, Т. Н. Стратегии коммуникативного поведения в профессионально-значимых ситуациях межкультурного общения: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02 / Т. Н. Астафурова. – М., 1997. – 41 л.
4. Вербицкий, А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход: метод. пособие / А. А. Вербицкий. – М: Высш. шк., 1991. – 207 с.

Поступила 11.03.2013

УДК 378.1

Н. А. Козловская, преподаватель (БГТУ)**МОДУЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ
В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ**

Самообразование является неотъемлемой частью профессиональной компетенции специалиста. Поэтому современные педагогические технологии должны способствовать развитию у студента навыков самостоятельного приобретения знаний. Одной из таких технологий, способных решить данные проблемы и осуществить переход к новому, измененному процессу обучения, является модульное обучение. Модульное обучение основано на следующей основной идее: студент должен учиться сам, а преподаватель обязан осуществлять управление его обучением – мотивировать, организовывать, координировать, консультировать, контролировать. По мнению авторов данной технологии, она интегрирует в себе все то прогрессивное, что накоплено в педагогической теории и практике.

Self-education is an integral part of the professional competence of a specialist. Therefore, modern educational technologies should promote the development of students' skills of independent learning. One of such technologies that can solve these problems and make the transition to a new, modified learning process is a modular training. Modular training is based on the following idea: a student has to learn himself, and a teacher must manage his learning – motivate, organize, coordinate, advise, monitor. According to the authors of this technology, it integrates everything progressive that has been accumulated in educational theory and practice.

Введение. В настоящее время идет поиск путей преодоления недостатков в традиционных методах обучения. Решение этой проблемы – в разработке и использовании новых методик и технологий обучения, с тем чтобы подготовить творчески мыслящего специалиста, способного видеть наиболее перспективные пути развития научно-технического прогресса. Достичь этого в процессе обучения – крайне сложная педагогическая задача. Одним из важнейших условий ее успешного решения является, несомненно, повышение педагогического мастерства всех преподавателей вуза на основе поиска новых, более эффективных форм, методов и принципов ведения учебного процесса [1].

Основная часть. Серьезной проблемой, в которой кроется причина неудач в овладении иностранным языком, является неумение студентов работать самостоятельно. Традиционное обучение в большинстве случаев сводится к передаче информации от преподавателя к студенту, а затем к ее воспроизведению. Сейчас самостоятельность рассматривается как одно из важнейших личностных качеств, необходимых для формирования самообразовательной компетенции.

Переход на модульное обучение логически вытекает из основных принципов Болонской декларации, предполагающих активную и автономную деятельность обучающихся. Даже во внеязыковой среде это позволяет разрабатывать индивидуальные образовательные маршруты в зависимости от реальных потребностей, имеющихся ресурсов, базовых знаний в том или ином виде речевой деятельности, а также с учетом требований кредитно-рейтинговой системы.

Несмотря на частое упоминание в образовательной риторике понятий «модульный подход», «модуль», единого понимания этого термина нет. В широком смысле под модулем понимается «блок дисциплин, которые образуют определенную взаимосвязанную целостность в составе программы» [2]. В более узком смысле, особенно в методике преподавания иностранных языков, модуль рассматривается:

– с точки зрения содержания – как тема, которую предполагается изучить за определенное количество учебных часов;

– с точки зрения видов речевой деятельности (РД) – как учебные блоки «говорение», «аудирование», «чтение», «письмо»;

– с точки зрения строения языка – как языковые аспекты (лексика, грамматика, фонетика);

– с точки зрения степени сложности изучаемого материала – как уровни владения иностранным языком;

– с точки зрения дидактики – как учебный материал, предлагаемый различным группам обучаемых [2].

Общей чертой понятия «модуль» и в широком смысле, и в узком является идея определенной самостоятельности, автономности образовательного модуля, обусловленная его тематической замкнутостью. С другой стороны – идея вхождения модуля как части в определенное целое. Важными составляющими определения модуля в применении к курсу иностранного языка являются следующие:

– модуль – самостоятельная, логически и структурно завершенная информационная единица;

– модуль имеет *узлы сопряжения* с другими модулями. Например, модуль «Язык для научной

коммуникации» имеет с модулем «Общепотребительный язык» общий узел сопряжения – грамматику, но их лексическое наполнение различно;

– модуль имеет собственное программно-целевое и методическое обеспечение: целевую программу действий, методические рекомендации по выполнению технологических решений и дидактических целей. Подробно расписываются *тематические блоки*, подлежащие изучению, *цели обучения, формы обучения* (практические занятия, творческие занятия, самостоятельная работа и т. д.). Следует также подробно расписать *необходимый входной уровень* – знания, умения и навыки, необходимые для успешного прохождения именно этого модуля; *трудоемкость модуля* и его *длительность*.

Изучение модуля заканчивается обязательной формой контроля. Подробно описываются виды отчетности, формы устного и письменного контроля, объема, времени аттестации.

Таким образом, обобщая, можно дать такое определение модуля: *учебный модуль* – это самостоятельная, логически и структурно завершенная информационная единица, обладающая узлами сопряжения с другими информационными единицами, имеющая собственное программно-целевое и методическое обеспечение, направленное на формирование необходимых знаний, умений и навыков в определенном отрезке учебного времени, и завершающаяся определенной формой контроля.

Теоретические основы модульного обучения для высшей школы наиболее полно разработаны в трудах литовской исследовательницы П. А. Юцявичене. Ею было уточнено понятие «модуль», сформулированы принципы модульного обучения и построения модульных программ. В дальнейшем идеи П. А. Юцявичене были развиты С. Я. Батышевым, К. Я. Вазинной, В. М. Гареевым, Н. Н. Суртаевой и др.

Сущность модульного обучения состоит в том, что студент самостоятельно или с определенной дозой помощи достигает конкретных целей учебно-познавательной деятельности в процессе работы с модулем. Поэтому большое внимание должно быть уделено подготовке учебных материалов, включающих информационную часть модуля и методические рекомендации по работе с ним.

Для организации модульного обучения прежде всего необходимо разработать модульную программу, которая состоит из комплексной дидактической цели и совокупности модулей, обеспечивающих достижение этой цели. Чтобы составить такую программу, преподавателю нужно выделить основные научные идеи курса. Затем необходимо структурировать учебное со-

держание вокруг этих идей в определенные блоки, после чего сформировать комплексную дидактическую цель. Затем из комплексной дидактической цели выделяются интегрирующие дидактические цели и формируются модули, т. е. каждый модуль имеет свою интегрирующую дидактическую цель. Совокупность решения этих целей обеспечивает достижение комплексной дидактической цели.

В модули входят крупные блоки учебного содержания, поэтому каждая интегрирующая дидактическая цель делится на частные дидактические цели, на основе которых выделяются учебные элементы (УЭ). Каждой частной дидактической цели соответствует один учебный элемент. Если говорить о структуре модуля, то она образуется набором учебных элементов, число которых может быть различным. При этом три учебных элемента являются обязательными для любого модуля:

УЭ-0 – всегда идет первым, и в нем представлены цели и содержание модуля;

УЭ-Р – предпоследний, в котором дается резюме (или обобщение);

УЭ-К – всегда идет последним и реализует функцию итогового контроля.

Для внедрения модуля следует руководствоваться некоторыми критериями. Используя модули, можно успешно осуществлять внутрипредметные и межпредметные связи, интегрировать учебное содержание, формируя его в логике содержания ведущего учебного предмета. Другой критерий связан с необходимостью осуществлять дифференциацию учебного содержания. Нижним пределом будет уровень обязательной подготовки. Верхнего предела может и не быть, все зависит от интересов студентов. Важным критерием построения модуля является структурирование деятельности учащегося в логике этапов усвоения знаний: восприятие, понимание, осмысление, запоминание, применение, обобщение, систематизация. В модуле должна быть возможность для повторения основного содержания. Эта возможность реализуется через учебный элемент «Резюме». Хорошо, если обобщение сделано не только словесно, но и в форме таблиц сравнительных характеристик, графиков, диаграмм и т. д.

При разработке модулей нужно учитывать основные пункты их определения, а именно:

– модуль является самостоятельной, автономной информационной единицей, которая в то же время образует часть целого;

– модуль строится на основе межпредметных связей (т. е. имеет узлы сопряжения с другими информационными единицами);

– каждый модуль имеет собственное целевое назначение и методическое оснащение;

– модуль всегда начинается с входного контроля для определения уровня подготовленности студентов и заканчивается итоговым контролем.

Модуль считается изученным, если 75% контрольных заданий обучаемый выполнил правильно. В этом случае он может приступить к изучению следующего модуля. В рамках блочно-модульной технологии студент имеет возможность большей самореализации, что способствует мотивации учения. Данная система обучения гарантирует каждому студенту освоение стандарта образования, продвижение на более высокий уровень обучения. Принципиально изменяется деятельность преподавателя. Его главная задача – разработать модульную программу, а на занятии он организует, координирует, консультирует, контролирует, т. е. использует потенциал модульного обучения, осуществляет рефлексивное управление обучением [3].

Модульная технология, как и любая другая, имеет как преимущества, так и ряд недостатков. Одну из главных проблем представляет неготовность студентов учиться самостоятельно, ведь модульное обучение требует проявлять самостоятельность, свободу выбора и ответственность на всех этапах учебного процесса. Регулярный контроль, бесспорно, положительно влияет на результат обучения, но сложность при этом представляет разработка жестких критериев оценивания результатов.

При модульном обучении каждый студент имеет возможность и право в определенной мере самостоятельно выстроить индивидуальный план обучения и выбрать интересующие его модули. Задачей преподавателя в данной ситуации является обеспечение высокого качества процесса обучения, что требует от него более узкой и глубокой специализации.

Учебный материал модуля необходимо структурировать таким образом, чтобы он обусловливал возникновение проблемных ситуаций, на создании которых и строится коммуникативное обучение иностранным языкам. При разработке модулей серьезную проблему представляет отбор их содержательного наполне-

ния, который должен происходить с учетом требований предприятий, для которых ведется подготовка специалистов. Специфика отдельных специализаций подготовки может быть отражена путем соответствующей корректировки набора модулей.

Заключение. Обобщая вышеизложенное, следует подчеркнуть, что профессиональное образование сегодня особенно нуждается в новых педагогических технологиях, обеспечивающих эффективную подготовку специалистов, конкурентоспособных на рынке. Модульное обучение, являясь одной из таких технологий, может успешно применяться при дистанционном и очном обучении специальным дисциплинам, а также при изучении иностранного языка. Для разработки всего комплекса модулей необходимы системный анализ и глубокая методическая проработка содержания и структуры дисциплины, при которых будет обеспечиваться требуемый квалификационной характеристикой объем знаний, навыков и умений студентов.

Модульный подход как нельзя лучше сочетает традиционные и нетрадиционные методы обучения иностранным языкам, соответствующим требованиям, которые обычно предъявляются дидактикой к обучению иностранному языку в неязыковой – искусственной – среде.

Литература

1. Гареев, В. М. Принципы модульного обучения / В. М. Гареев, С. И. Куликов, Е. М. Дурко // Вестник высшей школы. – 1987. – № 8. – С. 52.
2. Ямшанова, В. А. Переход на модульное обучение иностранным языкам как реализация идей Болонской декларации / В. А. Ямшанова // Иностранные языки в экономических вузах России: Всерос. науч.-информ. альманах. – 2006. – № 5. – С. 6–22.
3. Тимофеева, Ю. Ф. Роль модульной системы высшего образования в формировании творческой личности педагога-менеджера / Ю. Ф. Тимофеева // Высшее образование в России. – 1993. – № 4. – С. 119–125.

Поступила 11.03.2013

УДК 37.022:811:378

Е. В. Кривоносова, преподаватель (БГТУ)**ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ**

Статья указывает на некоторые особенности преподавания иностранного языка взрослым слушателям. Дискутируются некоторые проблемы выявления наиболее эффективных методик обучения. Приводятся полезные правила успешного научения. Определяются педагогические условия для продуктивного изучения иностранного языка взрослыми, выявляются аспекты решения этого вопроса. Сформулированы отличия в обучении взрослого обучаемого, обоснована целесообразность выбора обобщенного метода, который получил название компетентностного подхода.

The article points out peculiarities of teaching English as a foreign language to grown ups. Some problems of distinguishing the most effective methods are being discussed. Some helpful rules of successful learning are being specified. Pedagogical rules for productive learning of a foreign language are defined; some aspects of the solution of this problem are identified. The differences in learning grown ups are formulated; the choice of a generalized method, which is called a competence-based approach is grounded.

Введение. В настоящее время в мире активизируются процессы глобализации, демократизации обществ, расширения международной торговли и возможности сотрудничества с другими государствами в области экономики, политики, культуры. Огромное количество взрослых людей испытывают насущную потребность в изучении иностранного языка, чтобы стать полноправными партнерами в международной коммуникации и деятельности. Однако именно взрослые испытывают повышенные трудности при изучении иностранного языка, что чаще всего объясняется безрезультатным предыдущим опытом изучения иностранного языка и высокими требованиями к срокам обучения. Обучение взрослой аудитории имеет ряд особенностей, знание и учет которых поможет эффективно использовать методические приемы и решить проблему оптимизации учебного процесса.

Основная часть. По мнению психологов, с возрастом улучшаются показатели логической памяти по сравнению с механической, но хуже становятся показатели кратковременной памяти. Положительным фактором является взаимосвязанность и скоординированность функций, что может компенсировать отдельные недостатки. Например, развитое логическое мышление, накопленный опыт, умение выводить умозаключение из суммы предъявленных знаний поможет восполнить объем кратковременной памяти. Лингвистический опыт – это совокупность накопленных ЗУН как в родном языке, так и в иностранных языках. Опыт может оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на эффективность обучения. Недостаточный словарный запас в родном языке, особенно в профессиональной области, будет затруднять понимание и успешное усвоение лексических, а также грамматических конструкций.

С другой стороны, высокий уровень владения родным языком при ограниченных воз-

можностях иностранного языка может стать тормозом, так как потребность взрослых в творческом говорении, их богатый жизненный опыт приходит в резкое противоречие с возможностями в иностранном языке и приводит к появлению многочисленных ошибок.

Однако практика показывает, что лингвистический опыт в изучении одного иностранного языка способствует успешному овладению другим иностранным языком.

Особую значимость в обучении взрослых приобретает мотивация, которая находит свое выражение в побуждении человека к действию, в мобилизации его внутренней энергии, в направленности его действий и поступков.

Не вызывает сомнения, что обучение взрослых требует специфической организации учебного процесса и особых форм педагогического общения.

Требования взрослого обучаемого к результативности учебного процесса весьма высоки, и они вызваны не только ближайшими личными и профессиональными мотивами, интересами и потребностями, но и тем обстоятельством, что специалист склонен соизмерять эффективность своей профессиональной деятельности с результативностью учебного процесса. Работа со взрослой аудиторией, состоящей из специалистов высокой квалификации, требует внимания к личности каждого обучаемого, учета его социальной роли. Правильно организованное педагогическое общение позволяет интенсифицировать учебный процесс и повысить речевую активность обучаемых. Для создания оптимальных условий психического комфорта в процессе обучения следует стремиться к естественному неформальному общению, которое характеризуется дружеским участием, эмоциональной отзывчивостью и вниманием к собеседнику. Тон обращения должен быть предельно доброжелательным, доверительным, заинтересованным.

Успешность обучения иностранному языку тесно связана с эмоциональным комфортом личности и характером межличностных отношений в группе, поэтому в решении вопроса комплектования групп следует учитывать как уровень владения языком, так и возраст членов группы.

Очень важно постоянно оценивать результаты и успехи обучаемых и комментировать их ответы, отмечать достоинства и недостатки, давать конкретные советы и не забывать поощрять их за старания и успехи.

Вслед за А. В. Балластовым [1] мы считаем необходимым определить педагогические условия для эффективного изучения иностранного языка взрослыми. Существует два аспекта решения этого вопроса: 1) теоретическое изучение специфических особенностей обучения взрослых и формирование на основе этого принципов, применение которых станет залогом успешного обучения иностранному языку; 2) выбор научно-обоснованной методики обучения иностранному языку. Исследователи процесса обучения взрослых предлагают учитывать именно возрастные отличия зрелого человека, которые несут определенные противоречия. С одной стороны, в период зрелости человеку сопутствует достижение целей, расширение сферы потребностей, сферы мотивации, открывается больше возможностей для развития личности, с другой – кризис несоответствия между «Я-реальным» и «Я-идеальным», потеря чувства нового, отставание от жизни, понижение собственной самооценки, усталость. По мнению ученых, основные отличия взрослого обучающегося следующие:

1. Взрослый обучаемый осознает себя самостоятельной, самоуправляемой личностью и имеет большой жизненный опыт, в том числе учебный.

2. Взрослый обучаемый обладает высокой изначальной и конкретной мотивацией к обучению, которая обусловлена возможностью решить свои профессиональные проблемы при помощи учебной деятельности.

3. Взрослый обучаемый стремится к немедленному практическому применению полученных знаний и умений в повседневной и профессиональной жизни.

4. Взрослый обучаемый предъявляет повышенные требования в отношении качества и результатов обучения.

Таким образом, основными педагогическими принципами в организации обучения взрослых являются: приоритет самостоятельного обучения, принцип совместной деятельности, опора на опыт, индивидуализация, гибкость в формировании программ обучения, практическая направленность обучения, роль препода-

вателя в организации, консультации, предоставлении знаний.

Психологи выделяют восемь существенных особенностей обучения взрослых.

1. Взрослые люди должны захотеть учиться сами. Они будут противиться оказываемому извне давлению. Их учеба будет эффективной, лишь когда у них появится сильная внутренняя мотивация для овладения новыми навыками или приобретения определенных новых знаний. Желание учиться можно разбудить или стимулировать внешним воздействием, но невозможно его навязать.

2. Взрослые будут изучать лишь то, что считают необходимым для себя изучать. Взрослые проявляют практический интерес к учебе и будут изучать то, что непосредственно пригодится им в профессиональной деятельности.

3. Взрослые люди учатся в процессе работы. Через год взрослый человек забудет около 50% изученного «пассивно», через два года – 80%. Но если у него будет возможность сразу после изучения закрепить полученные знания на практике, а затем периодически повторять эти практические упражнения, новые знания удержатся значительно дольше.

4. Учеба взрослых должна быть сконцентрирована на реалистичных проблемах. Лучше брать проблему из практической жизни и искать ее конкретное решение.

5. На учебу взрослых большое влияние оказывает предшествующий опыт. Восприятие новых знаний у взрослых неразрывно связано с накопленным жизненным опытом. Если новые знания не согласуются с тем, что уже известно обучаемому, он подсознательно настраивается на то, чтобы такие знания отвергнуть.

6. Взрослые лучше обучаются в неформальной обстановке. Со школьными занятиями у многих связаны неприятные воспоминания. Нужно стараться создавать на занятиях неформальную обстановку.

7. При обучении взрослых нужно использовать разнообразные методы обучения. Процесс обучения протекает быстрее, если информация воспринимается сразу несколькими органами чувств. Видеофильмы, аудиозаписи, наглядные пособия могут значительно усилить впечатление от занятий. Чтобы вызвать изменения в образе действий, отношений или мыслей взрослого обучаемого, нужно привлечь слушателя к активному участию в учебном процессе, т. е. использовать также дискуссионный метод обучения.

8. Взрослых людей не нужно «оценивать», их нужно направлять. Конкуренция негативно влияет на обучение взрослых людей. Большинство из них критически относится к своей

способности чему-то научиться. Если их поставить перед необходимостью сдавать зачеты, писать проверочные работы или участвовать в других учебных мероприятиях, предназначенных для оценки их успехов в учебе, они могут бросить занятия из боязни публичного осуждения [2].

Существует ряд коммуникативных правил при обучении взрослых.

Правило № 1. Не навязывайте своего мнения! Преподаватель должен выступать в последнюю очередь. Сначала выслушать, обсудить, проанализировать, при необходимости провести «мозговую атаку», попросить слушателей сделать свои выводы, а уж потом высказать свое мнение, если это уместно.

Правило № 2. Умейте слушать! Любому человеку, который дает советы, необходимо научиться слушать. Для преподавателя особенно важно (и в то же время достаточно трудно) уметь внимательно слушать во время групповых занятий.

Правило № 3. Помогите раскрыться! Человеческий разум подобен парашюту: он не работает, если его не раскрыть. Преподаватель должен тщательно продумывать свои действия и добиться того, чтобы разум его слушателей был открыт для новых знаний.

В структуре личности взрослого как субъекта межличностного взаимодействия выделяются сферы межличностных отношений как наиболее актуальные для характеристики данного процесса. Межличностное взаимодействие выступает одним из условий успешного обучения взрослых иностранным языкам. Учет психологических особенностей межличностного взаимодействия, таких как организаторские склонности, потребность в лидерстве, одобрении со стороны участников группы, принципов личностно-ориентированного, коммуникативно-направленного обучения оптимизирует процесс обучения и приводит к повышению успешности обучения взрослых.

Взрослые стремятся к активному участию в процессе обучения. Мы полагаем, что наибольшая эффективность достигается при совместной деятельности преподавателя и взрослого обучаемого на всех этапах учебного процесса: от его планирования и подготовки до анализа результатов. Например, мы практикуем такие задания, где нет единственно правильного решения. Основная цель таких упражнений – развить языковые навыки на базе существующего индивидуального опыта слушателя. У взрослых есть потребность в безотлагательном применении полученных знаний, умений, навыков. Для ее реализации мы применяем на занятиях ролевые игры, имитацию реальных жизненных

ситуаций. Это существенно ускоряет применение языка в практике. Взрослые учащиеся имеют более высокую мотивацию по сравнению с детьми и подростками. Они психологически настроены на то, чтобы получить запланированный результат и лучше осознают необходимость языка в их жизни. Используется целый комплекс мотивационных технологий. Высокая мотивация поддерживается и управляется преподавателем, что значительно снижает нагрузку на учащихся. Большинство взрослых негативно относятся к оцениванию их знаний. На занятиях мы практикуем более эффективный прием. Сначала оценку результатов проводит сам обучаемый. Затем результаты обсуждаются совместно преподавателем и обучаемым. С возрастом у многих людей способность к запоминанию падает. Поэтому наши взрослые слушатели не учат, например, грамматические правила, а изучают логику языка. Нарботка лексики идет по специальному графику повторения слов, который разработан психологами на основе ритмов работы памяти человека. Для лучшего запоминания слов слушатели используют ассоциации, создают зрительные образы, интеллект-карты.

Заключение. В работе со взрослыми полностью оправдывает себя когнитивно-коммуникативный метод, т. е. обучение через познание, осмысление и понимание системы языка. Чистая имитация и репродукция может дать положительные результаты только на начальном этапе. Таким целям удовлетворяют методики, реализующие личностно-ориентированный подход. К ним можно отнести следующие технологии: обучение в сотрудничестве, проектный метод, «портфель обучаемого», интернет-технологии и др.

Таким образом, речь идет о формировании обобщенного метода, который получил название «компетентностный подход». Это означает формирование различных компетенций, формирование мнений, отношений, умений, желания совершенствоваться дальше. Эти цели адекватны ожиданиям взрослого обучаемого.

Литература

1. Балластов, А. В. Практическое применение информационных технологий при обучении взрослых профессионально ориентированному иноязычному общению в условиях неязыкового вуза / А. В. Балластов // Вестник ТГПУ. – 2012. – № 4. – С. 74–79.
2. Козлова, О. В. Интегративная технология обучения взрослых иностранному языку / О. В. Козлова // Современные наукоемкие технологии. – 2005. – № 8. – С. 135–137.

Поступила 11.03.2013

УДК 004.9:378.147:802.0

О. А. Рогова, старший преподаватель (БГТУ)**К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ
АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ НА ОСНОВЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В УСЛОВИЯХ БИЛИНГВАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ**

В статье рассмотрены некоторые вопросы организации дистанционного обучения по дисциплине «Английский язык» в условиях билингвальной образовательной среды. Описаны необходимые мультимедийные средства и технологии, применяемые в образовательном процессе, особое внимание при этом уделяется использованию возможностей глобальной сети Интернет. Приведена классификация средств коммуникации на асинхронные и синхронные, особенности их использования в дистанционном обучении иностранному языку. В статье также рассмотрены проблемы билингвальной коммуникации, модели и методы преподавания английского языка в двуязычной среде.

The article considers some issues related to distance learning of English in the bilingual environment. Necessary facilities and multimedia are described that are used for teaching and learning purposes. Special emphasis is made on using the Internet for developing communication skills of students. The means used for feedback communication are classified as asynchronous (forums, e-mail, wiki) and synchronous (on-line video conferences, chats, etc.). The paper also focuses on the concept of bilingual communication, as well as models and techniques for teaching English in the bilingual environment.

Введение. Дистанционное обучение английскому языку – это обучение на расстоянии, то есть в ситуации, когда обучаемый отделен от обучающего расстоянием. Специфика дисциплины «Английский язык» заключается в его деятельностной основе, что предусматривает необходимость организации самостоятельной деятельности учащихся, предоставления каждому обучаемому достаточной практики в соответствующем виде речевой деятельности, в упражнении по формированию соответствующих навыков.

В основе обучения английскому языку дистанционно должна лежать самостоятельная практика каждого обучаемого в том виде речевой деятельности, которым он овладевает в настоящее время. Самостоятельная деятельность обучаемого нуждается в эффективной обратной связи в отношении как используемого учебного материала, так и внешней обратной связи при работе в группах, при контактах с преподавателем английского языка. Обучаемый, таким образом, должен иметь разнообразные контакты в процессе обучения английскому языку, помимо обучающего курса: с партнерами по курсу (парные, групповые, коллективные), куратором сервера, преподавателем. Виды самостоятельной деятельности обучаемых также должны быть разнообразными: индивидуальными, парными, групповыми – обучение в малых группах по принципу обучения в сотрудничестве (*cooperative learning*), со всей группой курса (конференции, коллективные обсуждения).

Основная часть. Среди всех технических средств, являющихся органическим компонентом учебного процесса, компьютер сегодня выступает самым важным в процессе обучения

иностранному языку. Исследования свидетельствуют о том, что применяемые адекватным образом современные компьютерные технологии, в частности Интернет, могут существенным образом содействовать эффективности преподавания и изучения иностранных языков.

В первую очередь это обеспечивается тем, что международная компьютерная сеть предоставляет огромное количество информации, обрабатывая которую обучающиеся не только являются потребителями накопленных человеческих знаний, но и создают при этом что-то сами, выступая в роли создателей. Интернет повышает мотивацию у изучающих иностранный язык, оказывая положительное влияние на весь процесс обучения, делает доступным аутентичные материалы, усиливает коммуникативное взаимодействие, обеспечивает независимость от одного, а иногда и единственного, источника информации [1].

Интернет позволяет на основе аутентичных звуковых текстов совершенствовать умения аудирования, такие как слушать и слышать собеседника, пополнять свой словарный запас лексикой современного иностранного языка, отражающей определенный этап развития культуры народа, социального и политического устройства общества. Для этого можно использовать различные записи последних радио или теленовостей, многочисленные аудио- и видеопрограммы на компакт-дисках.

При дистанционном обучении через интернет характерной особенностью межличностного общения на иностранном языке между преподавателем и обучаемым является его опосредованный характер. Отсутствие «живого» общения и является главным фактором, который определяет

специфику психолого-педагогических условий дистанционного обучения через интернет. Как отмечает Е. И. Дмитриева, межличностное общение по телекоммуникациям в основном обеспечивает функционально полноценную схему осуществления учебного процесса, включая прямую и обратную связь между обучаемым и преподавателем. Тем не менее, функции последнего очень сильно ограничены и сведены к тому, чтобы управлять ходом работы обучаемого с дидактическими материалами. Преподаватель уже не является главным и непосредственным источником учебной информации [1].

Как известно, действенность любого вида обучения на расстоянии зависит от четырех составляющих: 1) эффективного взаимодействия преподавателя и обучаемого; 2) используемых при этом педагогических технологий; 3) эффективности разработанных методических материалов; 4) продуктивности обратной связи. Другими словами, успешность и качество дистанционного обучения в большой мере зависят от организации и методического качества используемых материалов, руководства и мастерства участвующих в этом процессе педагогов.

Выделяют ряд характеристик, присущих эффективному обучению на расстоянии:

- более тщательное и детальное планирование деятельности обучаемого, ее организации; четкая постановка задач и целей обучения; доставка необходимых учебных материалов;

- интерактивность – ключевое понятие образовательных программ дистанционного обучения. Курсы должны обеспечивать максимально возможную интерактивность между обучаемым и преподавателем, обратную связь между обучаемым и учебным материалом, а также предоставлять возможность группового обучения;

- высокоэффективная обратная связь – обучаемые должны быть уверены в правильности своих решений и дальнейшего продвижения от незнания к знанию;

- мотивация – наиболее важный элемент любого курса дистанционного обучения; для этого важно использовать разнообразные приемы и средства;

- модульное структурирование курса – обучаемый будет иметь возможность четко осознавать свое продвижение от модуля к модулю, выбирать любой модуль по своему усмотрению или по усмотрению ведущего педагога;

- звуковое сопровождение – оно может быть реализовано либо на основе сетевых технологий, либо на CD-ROM [1].

При всех преимуществах, у дистанционной системы образования есть и слабая сторона – общение и обратная связь. Решением этих проблем являются средства коммуникаций.

Асинхронные – средства коммуникаций, позволяющие передавать и получать данные в удобное время для каждого участника процесса, независимо друг от друга. К данному типу коммуникаций можно отнести следующие средства.

Форумы и доски объявлений. Удобство их использования заключается в публичном обмене опытом, знаниями и любой другой информацией. Достаточно создать новую тему (топик) или присоединиться к существующим, затем оставить свои сообщения. Информация будет доступна всем участникам процесса, что позволит в любой момент ответить или прочитать сообщение.

Электронная почта. Одно из первых средств коммуникации в интернете и все еще не менее популярное среди других. Целенаправленные вопросы, ответы или утверждения можно отправлять любому участнику процесса обучения на электронный адрес. Этот вид связи подходит только для персонального, «адресного» общения, делая затруднительными публичные обсуждения.

Wiki. Относительно новый и популярный способ обмена информацией. Это веб-сайт, содержимое которого наполняется любым из участников обучения, с возможностью многократного редактирования и внесения новых данных. Групповое участие в создании материала делает процесс интересным, вовлекая студентов в формирование базиса знаний.

Синхронные – это средства коммуникаций, позволяющие обмениваться информацией в реальном времени. Данный тип обратной связи между участниками учебного процесса является наиболее перспективным, предоставляя возможность непосредственного общения.

Голосовые и видеоконференции. Общение проходит в контакте с преподавателем и студентами. С видеосвязью грань между личным присутствием в аудитории и дистанционным обучением стирается. Фактически, такой метод получения знаний сочетает в себе все положительные качества от классического очного обучения и от дистанционного.

Текстовые конференции (чаты). Наиболее распространенными вариантами общения являются персональные чаты между двумя участниками процесса обучения. Однако при необходимости чат может быть публичным, с тремя и более участниками процесса дистанционного обучения. К недостаткам можно отнести отсутствие визуального контакта, а со стороны преподавателя – невозможность проверить, с кем он действительно общается. Это особенно важно в моменты тестирования и проверки знаний, например, при проведении дистанционных экзаменов или семинаров [2].

В настоящее время нарастает потребность производства в специалистах, готовых успешно

обучаться за границей и в равной степени владеть языками, а также решать профессиональные вопросы в сфере международного бизнеса. Поэтому возникают новые требования к уровню профессиональной подготовки, заметное место в которой, по нашему мнению, занимает такая комплексная характеристика, как готовность к билингвальной коммуникации. Это обусловлено тем, что билингвальная коммуникация становится одним из направлений совершенствования профессиональной подготовки будущего специалиста в свете современных тенденций развития образования [3].

Билингвальную коммуникацию следует рассматривать как процесс обмена информацией между людьми на основе использования иноязычной системы с учетом смысловых особенностей языка собеседника, результатом которого является взаимное понимание передаваемой информации партнерами. Таким образом, определяющим фактором сформированности билингвальной коммуникации является не просто степень владения иностранным языком, а результативность его использования; при таком понимании даже примитивный акт вербальной иноязычной коммуникации, закончившийся взаимным пониманием передаваемой информации партнерами, является актом билингвального поведения, и человек, совершивший его, действует в этом случае как билингв.

В европейской педагогике наиболее распространенной является немецкая модель билингвального обучения, получившая название *Content and Language Integrated Learning (CLIL)*, то есть изучение специального материала (специального предмета, например, географии, истории, биологии, литературы) на иностранном языке. Концепт CLIL практикуется в разных странах Европейского Союза, принимая различные формы в зависимости от «специфической» языковой ситуации в той или иной стране [4].

Изучение иностранного языка на билингвальной основе является в настоящее время одним из важнейших стилей изучения иностранного языка в современном европейском образовательном пространстве, в которое в настоящее время активно пытается интегрироваться Беларусь, а также является одной из задач языковой и образовательной политики.

Деятельность студентов в ходе профессиональной подготовки в университете и деятель-

ность преподавателей в рамках повышения квалификации по билингвальному обучению должна охватывать следующие аспекты *пополнения словарного запаса*:

- подразделение специальных терминов по тематике, нахождение сходств с родным языком;
- использование одно- и двуязычных словарей, лексических комментариев, графических изображений, новых информационных технологий;

- аналитическое чтение;
- использование технологий по раскрытию основного содержания текстов;

- использование текстов на родном языке [4].

Заключение. В настоящее время современные информационные технологии представляют неограниченные возможности в размещении, хранении, обработке и доставке информации на любые расстояния, любого объема и содержания. Поэтому на первый план выходит педагогическая, содержательная и структурная организация учебного материала дистанционного обучения. Основная методическая проблема обучения иностранным языкам фактически сводится к тому, как обеспечить достижение поставленных учебных целей в условиях ограниченных возможностей преподавателя управлять ходом учебного процесса, какими методическими средствами возможно компенсировать дефицит этого управления. Очевидно то, что подобное ослабление роли преподавателя можно нейтрализовать теми методическими средствами, которые содержатся в используемых обучаемым дидактических материалах.

Литература

1. Демкин, В. П. Организация учебного процесса на основе технологий дистанционного обучения / В. П. Демкин, Г. В. Можяева. – Томск: ТГУ, 2003. – 135 с.
2. Мальцев, А. О. Средства коммуникаций дистанционного обучения / А. О. Мальцев // *Фундаментальные исследования: науч. журн.* – М., 2009. – № 3. – С. 35–38.
3. Гальскова, Н. Д. Обучение на билингвальной основе как компонент углубленного языкового образования / Н. Д. Гальскова, Н. Ф. Коряковцева, Е. В. Мусницкая. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 147 с.
4. Hamers, J. F. *Bilinguality and Bilingualism* / J. F. Hamers, M. Blanc. – Cambridge, 1989. – 76 p.

Поступила 15.03.2013

УДК 800

Э. В. Рубанюк, кандидат филологических наук, доцент (БГТУ)

УПОТРЕБЛЕНИЕ НАЗВАНИЙ ПТИЦ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ СОБЕСЕДНИКА К ОПРЕДЕЛЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье речь идет о том, что для успешной межкультурной коммуникации важно не только в совершенстве владеть иностранным языком, но и обладать исчерпывающей информацией, касающейся разницы в менталитете собеседников. На примере названий птиц иллюстрируется тот факт, что их употребление в составе идиоматических выражений может, во-первых, украсить речь говорящего, делая ее более образной, поэтичной, богатой и емкой; во-вторых, помочь сгладить негативный смысл. Возникновение у собеседника как положительных, так и отрицательных эмоций, о которых говорящий может даже не подозревать, как правило, преддетерминировано другой культурой собеседника и, соответственно, иной «картиной мира». На другое восприятие сказанного могут влиять многочисленные исторические и религиозные причины.

The article reads that for a successful intercultural communication it is not enough to have a strong command of a foreign language; one should have exhaustive information, concerning the difference in the interlocutor's mentality to avoid misunderstanding. The birds' names confirm the fact that in the idiomatic expressions they can make speech more expressive, poetic and informative; besides, they may neutralize the negative meaning. The positive or negative emotions that the interlocutors experience are usually predetermined by their cultural background and their different "picture of the world", as well as by numerous historical and religious reasons.

Введение. На сегодняшний день повсеместно неоспоримым признается тот факт, что для успешной межкультурной коммуникации важно не только в совершенстве владеть иностранным языком, но и обладать исчерпывающей информацией, касающейся разницы в менталитете собеседников.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы, во-первых, раскрыть стилистико-прагматический потенциал употребления в иноязычной речи названий птиц, а во-вторых, систематизировать факторы, учет которых помог бы предотвратить возможные отрицательные ассоциации у предполагаемого собеседника.

Принадлежность к иной культуре и, следовательно, обладание иной «картиной мира» может предопределять у собеседников возникновение разных ассоциаций и гипотетически приводить к непониманию.

Основная часть. В учебной литературе отмечается, например, что в Китае *карканье ворон* приносит несчастье, а *сороки* – счастье; в Греции несчастье приносит *сова* [1, с. 129], в России же эта птица является символом мудрости.

В немецком социуме, согласно лексикографическим источникам, *die Eule* 'сова', может в переносном значении характеризовать некрасивую или неприятную женщину, а в молодежном жаргоне – привлекательную девушку [2, с. 294]. Таких коннотаций в русском языке нет, и при недостаточном владении иностранным языком это слово может быть превратно истолковано. А фразеологизм, содержащий упоминание совы, буквально обозначает 'говорить о том, что всем уже доподлинно известно': „*Eulen nach Athen tragen*“.

Хотя общепризнанным эквивалентом перевода является: «*Ехать в Тулу со своим самоваром*».

Aust в русском социуме символизирует счастливое прибавление в семье, так как существует поверье, что именно эти птицы приносят младенцев в клюве. Такое же отношение к аистам существует и в немецкой культуре, что закрепилось в пословице: „*Der Storch bringt die Kinder*“. Более того, если шутя «*aust уцупнул женщину за ногу*», то этого достаточно для того, чтобы стать матерью: „*Der Storch hat sie ins Bein gebissen*“ [3, с. 1475].

В Сингапуре *aust* символизирует уже не рождение, а смерть младенца в детской кроватке [4, с. 21], поэтому очень важно знать, какую культуру Ваш собеседник представляет и, соответственно, какую коннотацию в ней может иметь наименование той или иной птицы.

К любимой женщине в русском языке принято обращаться, называя ее *голубушкой*, *голубкой*; при этом можно употреблять и производные глаголы: *голубить* – 'ласкать, миловать, нежить'; *голубиться* – 'ласкаться, миловаться, нежничать' [5, с. 158].

Ласточка тоже вызывает в России самые нежные чувства: это ласкательное, приветливое обращение к близкой женщине или ребенку. Это слово имеет уменьшительно-ласкательный суффикс, поэтому, по мнению С. Г. Тер-Минасовой, это название птицы используется как ласковое обращение к дорогой женщине. В английском языке это слово не имеет ласкательной эмоционально-оценочной окраски (птица ассоциируется только с высокой скоростью полета [6, с. 149]), так как *ласточка* 'swallow' – это омоним глагола

glotatъ. В немецкой культуре ласточка ‘*die Schwalbe*’ – это только один из признаков прихода лета: ‘*Eine Schwalbe macht noch keinen Sommer*’. А смысл этого фразеологизма сводится к тому, что хорошие признаки еще не гарантируют окончательный успех [7].

По отношению к ребенку и взрослому, которого любят, в немецком социуме чаще, чем в русском используется ласковое слово ‘*der Spatz*’ ‘воробей’, которое признается синонимом слова *Liebling* ‘любимый’. Эквивалентом в русском языке является уменьшительно-ласкательная форма от названия этой же птицы – *воробушек*.

Женщина в русском социуме может поэтично сравниваться с лебедушкой. Лебединая шея – символ грациозности и красоты. А «*лебединая верность*» является эталоном красоты в человеческих отношениях. В разговорном варианте немецкого языка идеоматическое выражение: ‘*Du/Mein lieber S!*’ (досл. ‘Ты / Мой дорогой лебедь!’) функционирует как междометие и используется как возглас удивления, раздражения, досады [7]. Незнание этих смысловых несоответствий может также привести к комичным ситуациям.

В английской языковой картине мира ласкательные нежные ассоциации по отношению к женщине связаны с другой птицей – *уткой*. Имя существительное *duck* ‘утка’ имеет именно такое переносное значение, как *голубушка*. Русское слово *утка* лишено таких коннотаций, даже наоборот, оно содержит довольно негативную окраску, ср.: *прожорлива как утка, ходить как утка* (переваливаться с ноги на ногу).

Несомненно, употребление правильных ласковых обращений может придать речи дружелюбную окраску и способствовать установлению доверительных отношений.

С другой стороны, негативные оценочные характеристики могут быть сглажены путем употребления метафорических высказываний: *каркать как ворона* ‘накликать беду’, *кудахтать как курица* ‘много шуметь не по существу’, *трещать как сорока* ‘много болтать’, *клевать как птичка* ‘мало кушать’, *быть дятлом* ‘«не догонять» смысл’ и т. д.

Характеризуя человека, который любит воровать блестящие вещи, в русском и немецком социуме упоминается *сорока-воровка* ‘*die Elster*’, а нечистый на руку собеседник сравнивается в немецком языке не только с сорокой, но и с вороном: *wie ein Rabe stehlen/klauen* [7]. В русском языке ворона воспринимается в точности наоборот, так как *ворон считать* значит ‘ротозейничать’, т. е. вороном называют зевак и/или ротозеев. А глагол «*проворонить*» означает проморгать, потерять, но не украсть. Произ-

водный глагол *воронить* является синонимом *чернить* кого-либо, что-либо. Таким образом, сравнение человека с *вороном* в немецком и русском социумах зиждется на диаметрально противоположных качествах.

Смотреть коршуном обозначает ‘смотреть угрожающе, как хищник’. В немецком социуме сравнение человека с этой птицей свидетельствует еще и об его алчности: ‘*Der Geier – ein sehr habgieriger Mensch*’ [7].

Упоминание названий птиц в некоторых фразеологических оборотах функционирует как так называемая табуистическая замена, например, *коршун* ‘*der Geier*’ или *кукушка* ‘*der Kuckuck*’ замещают упоминание черта: ‘*Weiß der Geier! Weiß der Kuckuck!*’ – и служат для выражения проклятия: ‘*Der Kuckuck soll dich holen! Hol dich der Geier!*’ [7].

В данной связи следует сделать следующую оговорку: «В глубине человеческой психики полярные сущности могут отождествляться или взаимозаменяться (жизнь и смерть, добро и зло, начало и конец, смех и плач и т. д.)». Амбивалентность символики привела к течением времени к тому, что осуждение обернулось восхвалением, а пожелание неудачи считаться условием успеха. Установившиеся языковые формулы проклятия или брани имеют конечной целью все-таки положительный результат (здоровье, плодородие) [8, с. 36].

Синица ‘*die Meise*’ в русском социуме ассоциируется с поговоркой: «*Лучше синица в руке, чем журавль в небе*», т. е. упоминание названия этой птицы несет положительный смысл. Аналогичная поговорка в немецком языке также существует, но в ней упоминаются названия иных птиц: ‘*Besser den Spatz in der Hand als die Taube auf dem Dach*’. В немецком языке упоминание синицы несет отрицательный смысл, так как выражение: ‘*Du hast wohl eine Meise!*’ (досл. ‘У тебя есть синица!’) – означает, что ‘у собеседника не все дома, т. е. он свихнулся’ [7].

Многие случаи употребления названий птиц в переносном значении в немецком языке нужно заучивать, так как им нет аналогов в русском языке. В письменном варианте немецкого языка, например, сравнение политика с *соколом* ‘*der Falke*’ свидетельствует о том, что он ведет себя очень жестко и непреклонно: ‘*Er geht im politischen Bereich sehr hart und rigoros gegen seine Gegner vor*’ [7]. Болельщик, подсказывающий играющим в шахматы или карты, сравнивается с *чибуком* ‘*der Kiebitz*’ [2, с. 502].

Анализ словарных статей 65 названий птиц показал, что, во-первых, они содержат общепризнанные терминологические латинские эквиваленты: *der Pirol – Oriolus oriolus – иволга* – наряду с их эквивалентом перевода в другом языке.

Во-вторых, названия птиц, которые представляют Австралийский, Африканский континенты или Антарктиду, снабжаются достаточно подробным комментарием: „*Pinguin – ein großer Vogel, der in der Antarktis lebt und nicht fliegen, aber gut schwimmen kann*“ [7]. Но их названия редко фигурируют в немецком языке в словарных статьях в переносном значении и, как правило, не входят в состав фразеологических или идиоматических оборотов.

Пернатые, которые живут по соседству, могут довольно часто употребляться в переносном значении и быть компонентами большого количества фразеологических оборотов. Лидирующие позиции в немецком социуме занимает воробей: „*Das pfeifen die Spatzen von allen Dächern*“ (‘это уже известно каждому’), „*Besser den Spatz in der Hand als die Taube auf dem Dach*“ (‘лучше воробей в руке, чем голубь на крыше’). Аналогом в русском языке признана поговорка: «*Лучше синица в руке, чем журавль в небе*» и т. д.

Это наблюдение подтверждает общеизвестный постулат о том, что картина мира говорящего преддетерминирована в первую очередь явлениями действительности, которые его непосредственно окружают, что находит свое отражение в языке.

Заключение. В заключение необходимо отметить, что одни и те же исторические события могут приобретать особые детали в разных культурах. Наглядно это можно проиллюстрировать на примере последних часов жизни Христа. В русской культуре считается, что именно ласточка была той птичкой, которая кружила над головой Христа на Голгофе. В английской культуре колючку из тернового венца поднимавшегося на Голгофу Христа выхватила другая птица – малиновка ‘*robin*’ [6, с. 150], видимо, поэтому изображение этой птицы с красной грудкой (кровью Иисуса) стало неотъемлемой частью английских рождественских открыток.

Все вышеизложенное можно кратко подытожить следующим образом. Употребление назва-

ний птиц в составе идиоматических выражений может: во-первых, украсить речь говорящего, делая ее более образной, поэтичной, богатой и емкой; во-вторых, помочь созданию доверительных отношений; в-третьих, сгладить негативный смысл. Важно при этом не упускать из виду, что этот пласт лексики может способствовать возникновению у собеседника как положительных, так и отрицательных ассоциаций, о которых говорящий может даже и не подозревать, так как они преддетерминированы другой культурой собеседника и, соответственно, иной «картиной мира». Более того, на другое восприятие сказанного влияют многочисленные исторические и религиозные причины.

Литература

1. EuroLingua 2. Deutsch als Fremdsprache. – Berlin: Cornelsen-Verlag, 1997. – 239 s.
2. Лейн, К. Немецко-русский словарь / К. Лейн, Д. Г. Мальцева, А. Н. Зуев. – М.: Рус. яз., 1992. – 1040 с.
3. Deutsches Universalwörterbuch. – Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1989. – 1816 s.
4. Knapp, K. Schwarz ist weiß, ja heißt nein / К. Knapp // Fremdgänge. Eine anthologische Fremdheitslehre für den Unterricht Deutsch als Fremdsprache. – Bonn: Internationales. – S. 19–24.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: избранные статьи / В. И. Даль; под ред. Л. В. Беловинского. – М.: ОЛМА-ПРЕСС: ПФ «Красный пролетарий», 2004. – 700 с.
6. Тер-Минасова, С. Г. Война и мир языков культуры: вопросы теории и практики...: учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. – 286 С.
7. EDV-Wörterbuch. Deutch-Russisch. – Mainz: GRIN verlag, 2011. – 88 p.
8. Мечковская Н. Б. Общее языкознание. Сущность и история языка: учеб. пособие / Н. Б. Мечковская, Б. А. Плотников, А. Е. Супрун; под общ. ред. А. Е. Супруна. – 2-е изд. – Минск: Выш. шк., 1993. – 287 с.

Поступила 15.03.2013

УДК 811.161.1'243-054.6:33

Д. В. Старченко, старший преподаватель (БГТУ)**ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ
НА ОСНОВЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ**

В статье рассматриваются аспекты подготовки специалистов в техническом вузе с целью формирования у них коммуникативных умений, которые позволили бы осуществлять контакты на иностранном языке в различных сферах и ситуациях. Целью обучения иностранным языкам в техническом вузе является достижение уровня, достаточного для практического использования иностранного языка в будущей профессиональной деятельности. Правильный отбор текстового материала для профессионально-ориентированного обучения иностранному языку способствует повышению мотивации и формированию профессиональных умений и навыков.

The article is devoted to solving actual problems of higher technical education namely the process of developing foreign language competence of students in their professional domain. The results obtained confirm new possibilities of using authentic texts as a means of improving not only grammar but comprehensive skills. Authentic materials can produce a sense of achievement and have a positive effect on learner motivation.

Введение. Развитие международных связей, взаимопроникновение культур, а также научно-техническое сотрудничество диктуют необходимость обратиться к проблеме формирования коммуникативных умений студентов. На современном этапе межкультурный, научный обмен и профессиональное взаимодействие способны осуществлять только специалисты, приобщенные к иноязычным культурам. Формирование коммуникативной компетенции происходит посредством изучения иностранных языков в ходе ознакомления с национальными особенностями, историей, социальными нормами поведения, принятыми в странах изучаемого языка. Процесс обучения иностранным языкам как неотъемлемый компонент профессиональной подготовки специалиста должен носить коммуникативно-ориентированный и профессионально-направленный характер, в полной мере отвечающий требованиям подготовки современного специалиста.

Основная часть. Ведущими сферами общения в профессиональной деятельности выпускников технических вузов являются: беседа с использованием специальных технических терминов; делопроизводство и деловая переписка; составление и перевод технической документации с описанием функционирования и технического обслуживания различных устройств; беседа с использованием деловой лексики и беседа на общие темы; составление факсов; участие в семинарах, конференциях, презентациях. В связи с этим особое значение приобретает проблема коммуникативной направленности учебных занятий, т. е. обучение иностранному языку как языку профессионального общения. Проблема, стоящая перед техническими вузами, заключается в том, что объем времени, отведенный на предмет «Иностранный язык», весьма незначителен, а задачи, стоящие

перед студентами в современных условиях, все более усложняются и формулируются как овладение всеми видами речевой деятельности на основе профессиональной лексики, а также овладение навыками делового общения.

В качестве базовой формы на занятиях по профессионально-ориентированному иностранному языку необходимо применять групповую форму работы, так как она позволяет создать условия для общения. Индивидуальная форма обучения предполагает, что каждый студент получает для самостоятельного выполнения задание, подобранное специально для него в соответствии с его подготовкой и учебными возможностями. Однако следует отметить тот факт, что индивидуальная форма работы несколько ограничивает общение студентов между собой и должна применяться в комплексе с другими формами работы [1].

Правильный отбор текстов должен учитывать междисциплинарные знания, так как их актуализация в профессионально-ориентированном обучении обусловлена тем, что получаемая при восприятии текста информация обязательно соотносится с уже имеющимися фоновыми знаниями. Интеграция знаний, полученных при изучении профилирующих предметов, помогает сформировать систему знаний, умений и навыков, необходимых для успешного изучения специального немецкого подязыка экономики. В свою очередь, проблематика немецких текстов находит отражение в дальнейшей специализации студентов.

В профессионально-ориентированном обучении специальному языку экономики текст – это материал для обучения пониманию с последующим анализом и критической оценкой информации.

В обучении профессионально-ориентированному общению студентов-экономистов

используются аутентичные материалы, не предназначенные для обучения иностранным языкам, например книги по специальности, статьи, реклама, деловая корреспонденция и т. д. Они поддерживают мотивацию, являются источником получения достоверных профессиональных данных, развивают коммуникативные умения, позволяют использовать иностранный язык для изучения специальности. Аутентичные источники, такие как реклама, буклеты, деловые письма, являются примером практического использования иностранного языка в профессиональной деятельности, наглядно показывающим, где и как студенты могут в дальнейшем использовать свои умения и навыки. Эти материалы также являются источником для создания реальных ситуаций общения, коммуникативных задач, с которыми специалисты сталкиваются в повседневной работе.

На стадии отбора материала в профессионально-ориентированном обучении необходимо учитывать учебные факторы. Для учебных факторов существуют следующие критерии: 1) мотивационный (представляет ли данный текст (аудио- и видеозаписи) интерес для студентов?); 2) методический (какую базу он представляет для последующих заданий и упражнений?); 3) концептуальный (соответствует ли уровень сложности в языковом и содержательном плане ожиданиям студентов?); 4) развивающий (может ли данный материал в дальнейшем послужить стимулом для студента продолжить работу за пределами аудитории?); 5) временной (как долго материал сможет оставаться актуальным по содержанию?) [2].

Рекламные материалы, например, являются объектом и одним из компонентов профессионального обучения специалистов-маркетологов, их содержание полностью принимается студентами и становится действенным мотивом общения, основой для взаимодействия между студентами, которая стимулирует их к размышлению, высказыванию своей точки зрения, мнения по профессиональным вопросам.

Аутентичные рекламные материалы как профессионально-направленные тексты в обучении профессионально-ориентированному общению студентов-экономистов обладают такими характеристиками, как доступность, разнообразие, аутентичный язык, распространенность, небольшой объем, социокультурная ценность, универсальность, информативность, практическая направленность.

Недостаток практики использования полученных знаний, умений и навыков со стороны студентов может быть восполнен путем максимального приближения и ориентации процесса обучения языку профессионального общения к

требованиям и традициям профессиональной деятельности.

Для профессионально-ориентированного общения должны быть развиты следующие умения:

1) коммуникативные: интерпретировать намерения партнера в процессе профессионального общения в зависимости от поставленной цели; активно участвовать в обсуждениях профессионального характера (вступать, поддерживать, отстаивать свою точку зрения, вести переговоры, договариваться об общем решении, убеждать и склонять на свою сторону, завершать общение); раскрывать в общении обсуждаемую профессиональную тему средствами языка; порождать высказывания разных типов профессиональной речи; владеть разными формами профессионально-ориентированного общения (монологом, диалогом, полилогом); обсуждать узкоспециализированные профессиональные вопросы; оценивать достоинства и недостатки полученных предложений, ценность и актуальность информации в процессе совместного обсуждения; обобщать профессионально значимую информацию, соотнося ее с существующими тенденциями развития профессиональной сферы деятельности, аргументируя свою точку зрения;

2) стратегические: активно участвовать в профессиональном общении, используя разнообразие речевые стратегии (совещание, переговоры и т. д.); проводить свою стратегическую линию; выделять для себя наиболее ценную информацию профессионального характера; устанавливать связи между фактами в процессе обсуждения профессиональных вопросов, придерживаясь заранее выработанной стратегии поведения; разворачивать систему доводов, выделяя наиболее значимые моменты, подкрепляя свои утверждения аргументами; ясно, логично структурировать высказывания профессионального характера;

3) профессионально-экономические: извлекать конкретную информацию профессионального характера и интерпретировать ее в соответствии с поставленной задачей общения; использовать знания, умения и навыки для получения новых знаний; сопоставлять получаемую информацию путем анализа, рассмотрения ее с профессиональной точки зрения на основе имеющегося опыта и специальных знаний; активно и творчески оперировать информацией на основе имеющихся прочных знаний по специальности.

От преподавателя требуется владение определенными знаниями в данной профессиональной области, знакомство с комплексом навыков, необходимых для осуществления профессиональной деятельности, желание усовершенствовать

процесс преподавания иностранного языка на материале, представляющем профессиональный интерес для студентов.

С начала изучения курса профессионального немецкого языка наряду с использованием базовых учебных пособий, согласно рабочей программе по иностранному языку, последовательно вводятся аутентичные рекламные материалы, отобранные в соответствии с разработанными критериями, для продолжения формирования перечисленных компетенций.

Все исследователи проблемы организации профессионально-ориентированного обучения иностранному языку в техническом вузе сходятся на том, что работа со специальными текстами включает следующие этапы по овладению подязыком экономики, а именно его терминологической системой и грамматическими структурами: 1) предтекстовый – терминологический (учет словообразовательных моделей для понимания значения слов, выявление интернациональных слов и их понимание, выявление сложных слов, элементы которых знакомы, и их понимание, догадка о значении некоторых слов-терминов, исходя из контекста); 2) прогнозирующий содержание текста (чтение заголовка, предположение); 3) первичное восприятие текста (чтение текста, привлечение междисциплинарных знаний по проблеме текста, его понимание); 4) переработка текстовой информации (задания на закрепление лексического материала, выявление типичных грамматических явлений для подязыка экономики, понимание их образования обучаемыми, определение формулы образования, употребление в личном контексте); 5) коммуникативный (отработка предыдущих этапов, резюмирование текста, порождение новой личностно-значимой ситуации по теме).

Процесс обучения профессионально-ориентированному общению начинается с некомуникативных упражнений с переходом к условно-коммуникативным для работы над формированием профессиональной коммуникативной и профессионально-экономической компетенций и развитием умения профессионально-ориентированного монологического общения. При развитии умения высказываться, активно оперируя профессионально-направленной информацией, вводятся условно-коммуникативные упражнения, направленные на развитие умения партнерского общения с переходом к коммуникативным упражнениям для развития умения профессионально-ориентированного полилогического общения. Количество и вид используемых упражнений варьируется в зави-

симости от уровня развития умения в рамках каждой темы.

Задачей некомуникативных упражнений является формирование навыков работы с текстами экономического (в том числе рекламного) характера, оперирования лексическим и грамматическим материалом. Это упражнения на отработку лексического и грамматического материала, упражнения на формирование навыков прогнозирования информации, упражнения по функционально-смысловой отработке текста. Задачей условно-коммуникативных упражнений является развитие умений профессионально-ориентированного монологического и диалогического общения, формирование профессиональной коммуникативной и профессионально-экономической компетенций. Это упражнения на развитие умения ориентироваться в культурных различиях, упражнения на развитие умения партнерского участия в профессиональном диалоге. В содержание обучения иностранному языку необходимо также включать систему знаний национально-культурных особенностей и реалий страны изучаемого языка. На заключительном этапе при помощи профессионально-направленных коммуникативных упражнений («деловая беседа», «дискуссия», «совещание», «переговоры») развиваются умения профессионально-ориентированного полилогического общения и ведется работа над формированием профессиональной компетентности специалиста.

Заключение. Таким образом, профессионально-ориентированное обучение специальному языку экономики, правильный отбор текстов, учет их характеристик, тщательная проработка каждого этапа работы над текстом, повышение самостоятельности и активности самих студентов, развитие у них сознательного отношения к процессу обучения являются залогом повышения мотивации изучения иностранного языка и дают студенту возможность в будущем стать профессионально компетентным специалистом в своей области знаний.

Литература

1. Образцов, П. И. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов: учеб. пособие / П. И. Образцов, О. Ю. Иванова; под ред. П. И. Образцова. – Орел: ОГУ, 2005. – 114 с.
2. Алексеева, Л. Е. Методика обучения профессионально ориентированному иностранному языку. Курс лекций: метод. пособие / Л. Е. Алексеева. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. – 136 с.

Поступила 15.03.2013

УДК 371.31

Н. В. Теплова, преподаватель (БГТУ)**ФАКУЛЬТАТИВНЫЕ ЗАНЯТИЯ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ**

Данная статья затрагивает проблемы организации внеаудиторных занятий в технических высших учебных заведениях. Автор подробно описывает основные методы повышения уровня языковой подготовки студентов на факультативных занятиях по иностранному языку. Активное использование нашими студентами иностранных языков в своей профессиональной деятельности остается сегодня одной из основных задач. Факультативный курс помогает сделать саму систему преподавания иностранного языка более гибкой.

The article below deals with problems of organization of out-of-classes activities at the technical higher educational establishments. The author in details describes the main techniques of increasing the students' level of language training within the course of optional studies. The active usage of the foreign languages by our students in their professional activity remains one of the essential tasks today. Optional courses help to make the system of the language training itself more flexible.

Введение. Модернизация системы образования и ее содержания повысила значимость иностранного языка как дисциплины, направленной на формирование коммуникативных языковых компетенций. В первую очередь это касается языка специальности, который становится необходимой и обязательной составляющей профессиональной подготовки студента, основой его успешной профессиональной деятельности как будущего специалиста. Качество подготовки специалиста в настоящее время определяется его способностью адаптироваться в современных быстро меняющихся условиях, а также владением профессиональными умениями и навыками, позволяющими эффективно использовать полученные знания при решении задач профессиональной коммуникации.

Таким образом, совершенно очевидно, что требования, предъявляемые к уровню языковой компетенции учащихся, достаточно высоки. К сожалению, не все студенты обладают необходимыми знаниями в области иностранного языка в силу того, что средняя школа не всегда способствует достижению требуемого вузом уровня сформированности языковых навыков и речевых умений. Решить эту проблему позволяет организация внеаудиторных занятий, чаще это факультативы, которые значительно расширяют возможности преподавания языка и делают саму систему обучения языку более гибкой с учетом различного уровня языковой подготовки учащихся.

Основная часть. Само слово «факультатив» имеет латинское происхождение (*facultas*) и переводится как «возможность». По определению факультатив – это необязательный учебный курс, изучаемый по выбору студента для углубления и расширения научно-теоретических знаний. Поэтому практика показывает, что основной целевой аудиторией факультативного курса по иностранному языку являются студен-

ты, чей уровень языковой компетенции не отвечает предъявляемым требованиям.

Не достигнув к моменту поступления в вуз по тем или иным причинам необходимого уровня владения иностранным языком, учащиеся уже на первом курсе сталкиваются с серьезными трудностями. Им приходится иметь дело со специальной лексикой, которая представляет совершенно новый пласт, требующий серьезного осмысления. Ситуация осложняется также и тем, что на начальном этапе студенты не обладают достаточными знаниями в профессиональной области на русском языке. Откуда, например, первокурсник даже экономического факультета может знать, что такое «клиринговый банк» или «акцизные ставки», «монополизация хозяйственной жизни», «налог на добавленную стоимость»? А в текстах по специальности встречаются подобные определения. В соответствии с программными требованиями выпускник технического вуза должен быть готов к активному использованию иностранного языка в своей будущей профессиональной деятельности. И мы должны его к этому готовить.

Количество часов, отведенных в рамках программы на изучение иностранного языка в неязыковом вузе, является недостаточным для того, чтобы подобная категория студентов самостоятельно могла преодолеть все трудности и выйти на требуемый уровень языковой компетенции. Все это может привести не только к отставанию в учебном процессе, но и к утрате интереса к изучаемому предмету, а следовательно, к потере мотивации, что негативно сказывается на профессиональной подготовке будущего специалиста. В данной ситуации организация факультативного курса позволяет увеличить время, которое отводится на повторение, закрепление и активизацию материала, помогает восполнить существующие пробелы как в области так называемого общего языка, так и в языке

специальности. В конечном итоге это даст возможность студентам более уверенно чувствовать себя на занятиях и будет способствовать повышению активности учащихся в стремлении овладеть иностранным языком.

Особенностью факультативного курса по иностранному языку является то, что, с одной стороны, в основе его лежит стандартная учебная программа, а с другой стороны, он представляет собой определенный этап в серии занятий, преследующий цели, отличающиеся от тех, которые ставит основная программа. В целях обеспечения успешности процесса программа курса должна строиться с учетом потребностей и ожиданий самих студентов так, чтобы они не воспринимали факультативные занятия как простое повторение того, что изучалось во время основных занятий, а рассматривали данный курс как средство повышения уровня владения языком [1].

В основу факультативного курса по иностранному языку должно быть положено дальнейшее развитие максимального количества речевых умений на том лексическом и грамматическом материале, который изучается студентами во время основных занятий. Однако преимущество основного курса и факультативных занятий не означает дублирование тем, форм и методов работы. В подобной ситуации факультативный курс должен быть ориентирован не столько на расширение лексического и структурного запаса студентов, сколько на возможность использования полученных ими знаний, что позволяет им строить наиболее полные, разнообразные и логичные высказывания в пределах, не выходящих за рамки программного профессионально-ориентированного материала. Следовательно, работа над лексическими и грамматическими навыками на факультативных занятиях должна ориентироваться на развитие продуктивных языковых навыков и их активизацию, а также развитие умения моделировать и структурировать устную и письменную речь в пределах изучаемой тематики. Задача преподавателя заключается в том, чтобы найти определенные методические приемы, способствующие наиболее эффективному проведению занятия, определить тему, подобрать соответствующий материал и расположить по степени сложности задания, направленные на его отработку, используя различные способы реализации коммуникативных задач.

Любое занятие в рамках факультатива должно представлять управляемый системный процесс, направленный в первую очередь на формирование коммуникативной компетенции навыков устного общения, т. е. формирование у учащихся умения использовать язык в разных

ситуациях общения для достижения любых, в том числе и профессиональных, целей.

В зависимости от цели занятия могут быть посвящены совершенствованию лексических или грамматических навыков построения высказывания, обучению монологическому высказыванию и диалогическому общению или могут совмещать вышеупомянутые навыки с развитием навыков чтения и аудирования. Развитию коммуникативных навыков способствует выполнение речевых упражнений, а также обсуждение изучаемых тем в парах и группе в целом [2].

Направленность на совершенствование навыков означает, что занятия могут строиться на материале, где преобладает либо лексический, либо грамматический аспект. При этом грамматические явления обобщаются так, чтобы обеспечить на занятии определенную совокупность разнообразных коммуникативных заданий. Если одновременно отрабатывается несколько конструкций, то подбираются такие коммуникативные задания, где все эти грамматические явления были бы одинаково необходимы для достижения цели. Если идет работа над одним сложным грамматическим явлением, то в речевых заданиях следует показать различные возможности его применения для выполнения нескольких коммуникативных задач.

Среди основных принципов, на которых строятся факультативные занятия, можно выделить следующие: определение цели занятия, способ ее достижения и ожидаемых результатов, взаимосвязь видов речевой деятельности, коммуникативная направленность этапа тренировки и дальнейший переход к речевой практике, предупреждение ошибок, чему во многом способствуют подобранные в определенной последовательности с учетом сложности задания. Учитывая тот факт, что на факультативном занятии не вводятся грамматические явления сверх основной программы или принципиально новые лексические темы, этап ознакомления с языковым материалом, как правило, не бывает подробным, развернутым и занимает довольно незначительную часть времени. В результате появляется возможность больше, чем на обычном занятии, уделять внимания коммуникативным заданиям. Если на занятии, где вводится и подробно объясняется новый сложный материал, приходится ограничиваться коммуникативными заданиями в рамках четко определенной схемы, то факультативное занятие предоставляет возможность включить речевые задания, главным критерием которых является информативность высказывания. Речевые задания развивают речевые умения, сформированные ранее. При этом предпочтение отдается заданиям, связанным с выражением собственного

мнения. Выражению своего мнения можно учить на каждом занятии, причем не только на этапе речевой практики, но и на этапе тренировки. Подобная организация занятий ведет к совершенствованию структуры речи, грамматического построения высказывания, развитию всех языковых навыков, осознанию единства формы и содержания высказывания.

В связи с тем, что на факультативные занятия отводится ограниченное время, особое значение приобретает самостоятельная работа учащихся. Для этой цели могут привлекаться ресурсы интернета (например, портал открытого доступа YouTube, Studio4learning), являющиеся источником языкового материала, используемого в различных контекстах. Эти материалы способствуют удовлетворению познавательных интересов учащихся, а также повышению мотивации к овладению иностранным языком [3].

Особая роль в системе факультативных занятий отводится контролю и оценке деятельности студентов. В ходе контроля преподаватель получает информацию как об эффективности своей работы в целом, так и об эффективности используемых им отдельных методов и приемов в процессе обучения языку.

Заключение. Факультативный курс, обладающий самостоятельностью, тем не менее, проводится параллельно с основным курсом и составляет с ним единое целое. Являясь по своей сути отдельной системой занятий, он предоставляет широкие возможности для формирования и развития языковых компетенций и, следовательно, мотивирует студентов к изучению иностранного языка с целью использования его в своей дальнейшей профессио-

нальной деятельности. В результате помимо решения обычных учебных задач – формирования лексико-грамматических навыков, навыков чтения и т. д. – решаются и сопутствующие, но не менее важные задачи: повышение интереса к учебному процессу, формирование и дальнейшее развитие коммуникативных компетенций, осознание их полезности.

Правильно подобранные, профессионально-ориентированные, представляющие собой источник специальной лексики и доступные в языковом отношении тексты, интересные задания и разнообразные стимулы для работы должны помочь избежать однообразия в организации учебного процесса и являются одним из ключевых компонентов успешного проведения факультативных занятий. Факультативные занятия позволяют развивать такие важные умения, как сопоставление, обобщение, четкое формулирование своей точки зрения, принятие решения в связи с поставленной проблемой, что особенно важно, так как может быть в будущем использовано в профессиональной деятельности студентов.

Литература

1. Фокин, К. В. Методика преподавания иностранного языка / К. В. Фокин, Л. Н. Тернова, Н. В. Костычева. – М.: Высшее образование, 2008. – С. 27–29.
2. Гальскова, Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам / Н. Д. Гальскова. – М.: Аркти – Глосса, 2000. – С. 34–38.
3. Common European Framework of Reference for Languages: learning, teaching, assessment. – Cambridge University Press, 2007. – P. 16–18.

Поступила 15.03.2013

УДК 004.0:81'1:27.026

В. В. Царенкова, старший преподаватель (БГТУ);
С. И. Шпановская, преподаватель (БГТУ)

КОМПЬЮТЕРНАЯ ЛИНГВОДИДАКТИКА В СИСТЕМЕ ИННОВАЦИОННОГО ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Данная статья посвящена актуальной проблеме лингводидактики и методики обучения иностранным языкам – проблеме использования информационно-коммуникативных технологий. В статье представлено понятие о компьютерной лингводидактике. Описана модель дидактической системы формирования профессионально-иноязычной компетентности студентов специальностей. Показано, что данная технология направлена на восприятие и усвоение готовых форм социального опыта носителей языка, а также на интеграцию приобретенного социального опыта, его активное воспроизведение и использование для решения социально-коммуникативных задач.

The article is focused on a current issue of lingvodidactics and foreign language teacher training methods. It presents basic understanding of the key concept in computer lingvodidactics. The authors describe the model of the didactic system for developing foreign language competence of students in their professional domain. On the basis of this approach lies a complex of reflexive and estimating procedures contributing to conceptual self-determination, self-organization and self-education of the student in his professional and social activity.

Введение. В настоящий момент информатизация образования выходит на качественно новый уровень: решается задача массового использования компьютерных и сетевых технологий в общем и профессиональном образовании. За последние десятилетия мы могли наблюдать многочисленные попытки использования компьютера в практике преподавания языка. Проблема решалась, как правило, посредством создания компьютерных обучающих программ, с помощью которых, по мнению их авторов, можно снять многие проблемы компьютерного обучения. Созданные программы отражали в основном интуитивное, т. е. научно не обоснованное, понимание использования компьютерных программ в преподавании языка и не являлись частью мировоззрения, позволяющего строить системное обучение на основе компьютерных и сетевых технологий.

Обучающие программы, которые дают ответы «правильно/неправильно», отжили свой век. Теперь речь идет о программах обучения, которые способны не только дать ответ «правильно/неправильно», но и сообщить, *почему* ответ правильный или неправильный, направить на дальнейшее обучение, перейти на более продвинутый этап обучения, выполнить дополнительные задания на текущем уровне или перейти на более низкий, предыдущий уровень.

Несмотря на множество инноваций, которые внедряются в образовательный процесс, обучение по-прежнему остается ориентированным на простое развитие знаний, умений и навыков, а методы обучения – репродуктивными.

Основная часть. Компьютерная лингводидактика – одна из интенсивно развивающихся областей методики преподавания языка. За относительно небольшой срок своего суще-

ствования она прошла значительный путь, тесно связанный с развитием вычислительной техники, с одной стороны, и концепцией обучения языку – с другой. Возможности, предоставляемые современными информационными технологиями, настолько значимы в обучении языку, что уже невозможно отделить одно от другого. Возрастает интерес к данной области методики, и использование компьютеров становится неотъемлемой частью учебного процесса. Ее использование в методике преподавания иностранных языков открывает новые возможности перед преподавателями и студентами в своих исследованиях и позволяет решать принципиально новые задачи в методике преподавания иностранного языка.

В конце прошлого и начале этого веков стремительный прогресс в области новых информационных технологий (НИТ) создал условия для преподавания языка в Интернете. Исследователи обратили внимание на изучение дидактического потенциала компьютерного обучения за счет использования новых возможностей, которые приобрел компьютер в связи с развитием локальных и глобальных сетей, а также программного обеспечения системного, прикладного и специального назначения. Проблема усложнилась, разделившись на два тесно связанных, но обладающих своими специфическими особенностями направления: собственно компьютерное обучение и обучение в сети.

Однако информационные технологии в образовании являются предельно наукоемкими, поэтому современному педагогу необходимо объединение компетенций – профессиональной и информационной.

Как известно, процесс обучения иностранному языку строится с учетом использования

преподавателем имеющихся в его распоряжении различных средств обучения от элементарных учебных материалов до комплексных технических устройств. Средства обучения, применяемые в учебном процессе по иностранному языку, можно разделить по принципу реализации обратной связи со студентами: пассивные и активные. Пассивные средства обучения (учебник, книга для чтения, тетрадь на печатной основе, аудио- и видеозаписи, информационные ресурсы сети Интернет) сами по себе не предполагают обратной связи со студентами и требуют значительного участия преподавателя для реализации своего дидактического потенциала. Активные средства обучения (программируемые обучающие комплексы) обеспечивают запрограммированную реакцию обучающегося, управляют ею и контролируют ее.

Многие исследователи в области информатизации иноязычного образования признают, что большинство существующих активных средств обучения не могут эффективно применяться в учебном процессе по иностранному языку по нескольким причинам:

- отсутствие адресности, т. е. учета специфики потребностей пользователей программы;
- несоответствие методическим принципам обучения иностранным языкам;
- несистемность их разработки и применения.

Преодоление данных недостатков, по мнению ведущих методистов, возможно при объединении на основе информационно-коммуникационных технологий всех средств обучения иностранному языку в виде электронного учебного контента.

Электронный контент способен систематизировать практически все, что требуется для организации процесса формирования иноязычных навыков и умений: наглядный графический материал, видео- и звукозаписи, тексты, учебники, рабочие тетради, книги для чтения, книги для учителя и т. д. В то же время электронный контент должен представлять собой не просто совокупность учебных материалов, а многомерный программный комплекс, обеспечивающий средства разработки, внедрения, контроля, управления, обучения.

Важнейшим функциональным преимуществом электронного контента по сравнению с системой «традиционных» средств обучения должна стать возможность программируемого управления самостоятельной деятельностью студентов, способного освободить от рутинной работы преподавателя и позволить максимально использовать аудиторное время для развития коммуникативных умений.

При таком разделении труда между преподавателем и компьютером форма самостоя-

тельной работы обучаемых должна быть разделена на два подвида:

1) автономную (не контролируемую во внеаудиторное время, например пересказ, подготовка диалога, монолога);

2) программированную (управляемую и контролируемую компьютером).

Оба подвида самостоятельной работы должны быть обязательными составляющими подготовки, необходимыми для развития коммуникативных умений на занятиях под руководством преподавателя.

Электронный контент заключает потенциал для качественного прорыва в плане формирования языковых навыков и является, по мнению К. В. Александрова, инновационным подходом к организации учебного процесса по иностранному языку.

Основным дефицитным ресурсом, ограничивающим прогресс в овладении иностранным языком, является время. Компьютер как виртуальный репетитор индивидуально объяснит каждому обучаемому языковой материал, который может быть значительно более информативным и полным, чем тот, который преподаватель в условиях цейтнота предлагает на занятиях. Например, для совершенствования лексических навыков необходимо дать значительный объем информации о слове (значения, толкования, примеры применения, словосочетания, синонимы). На этапе знакомства с информацией о лексических единицах и выполнении различных упражнений у обучаемого происходит формирование образа изучаемого слова, что необходимо для его правильного употребления и восприятия и развития языкового сознания в целом. В рамках занятия это невозможно сделать без ущерба для работы над другими аспектами и видами речевой деятельности, а в режиме самостоятельной работы с компьютером это вполне осуществимо. Кроме того, система электронных упражнений, проверяемых автоматически, обеспечивает стопроцентную проверку их выполнения (без нагрузки на преподавателя). Количество и качество этих упражнений благодаря мультимедийным возможностям ИКТ (звук, графика, анимация) позволяют достигать высокого уровня развития языковых навыков с минимальными затратами времени и сил обучаемого, а также максимально освобождать ресурсы занятия для развития коммуникативных умений.

Электронный контент становится полноценным средством организации программированной самостоятельной работы обучаемых. Он способен по-новому объяснять фонетический, грамматический и лексический материал, обеспечивать его тренировку в достаточном

количестве упражнений и осуществлять мгновенный контроль их выполнения. Это означает, что он должен быть «электронным ассистентом преподавателя».

Специфика самостоятельной работы обучаемого с электронным контентом заключается в отсутствии подлинной коммуникативности последнего. Будучи средством формирования поликультурной языковой личности, способной к иноязычному общению, сам контент не вступает с обучаемым в подлинную коммуникацию, а лишь создает основу для формирования речевых умений.

ИКТ обладает значительными возможностями интенсификации учебного процесса. Это проявляется в автоматизированном контроле, мгновенном доступе к информации, в индивидуализации обучения. Вместе с тем их реализация в электронном контенте не может заменить преподавателя как организатора и координатора общения на иностранном языке.

На наш взгляд, самой актуальной задачей современной компьютерной лингводидактики (КЛД) является активное использование инфокоммуникационных технологий для решения профессиональных задач в практической работе на новом технологическом уровне. Мониторинг развития информационных технологий и их влияния на реформирование образовательной сферы позволяет прийти к следующим выводам:

– в настоящий момент информатизация образования вступает на качественно новый уровень: решается задача массового использования компьютерных технологий в общем и профессиональном образовании;

– актуальные проблемы методики преподавания языка как иностранного неразрывно связаны с компьютерными средствами обучения – наиболее перспективным и наиболее неразработанным направлением науки;

– информационные технологии развиваются по направлению создания инструментальных

средств, позволяющих преподавателю самостоятельно продуцировать электронные обучающие материалы, которые можно использовать в компьютерном и сетевом обучении;

– протекание информатизационных процессов в каждой сфере сопряжено с решением специфических профессиональных задач.

Заключение. В завершение всего вышесказанного необходимо отметить, что исследования в данной области призваны быть катализатором современных средств обучения иностранным языкам на основе ИКТ, способствовать изучению и внедрению в практику преподавания иностранных языков ИКТ, экспонировать лингводидактический материал, разработанный на цифровой основе. Своим содержанием и философией функционирования исследования должны быть направлены на продвижение передовых технологий в области обучения языку как специальности, находящихся на авансцене передовой научной мысли среди студенческой молодежи, содействовать учебно-воспитательному процессу и подготовке высококвалифицированных кадров в области лингвистики и лингводидактики.

Литература

1. Александров, К. В. Компьютерная программа для формирования лексической компетенции при изучении иностранного языка / К. В. Александров // Ин. яз. в шк. – 2011. – № 6. – С. 15.

2. Александров, К. В. К вопросу о компьютерной лингводидактике / К. В. Александров // Ин. яз. в шк. – 2012. – № 2. – С. 15.

3. Бовтенко, М. А. Компьютерная лингводидактика: учеб. пособие / М. А. Бовтенко. – М.: Наука, 2005. – 54 с.

4. Гальскова, Н. Д. Еще раз о лингводидактике / Н. Д. Гальскова // Ин. яз. в шк. – 2008. – № 8. – С. 2.

Поступила 11.03.2013

УДК 378:001.895

О. В. Шахаб, кандидат педагогических наук, доцент,
заместитель начальника учебно-методического отдела (БГТУ)

РЕАЛИЗАЦИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ГУМАНИТАРНОЙ КАФЕДРЫ

Статья посвящена рассмотрению некоторых продуктивных форм и методов реализации инновационного потенциала гуманитарных кафедр Белорусского государственного технологического университета. Технологизация педагогического взаимодействия в процессе кафедрального проектирования усиливает мировоззренческий потенциал гуманитарных дисциплин, позволяя формировать профессионала-интеллектуала, способного определять инновационные стратегии развития в избранной сфере деятельности.

The article considers some productive forms and methods of implementation of the innovative potential of humanities departments of Belarusian state technological university. Technologization pedagogical interaction in cathedral design reinforces the ideological potential of the humanities and allows creating professional-intellectual able to identify innovative development strategy in the chosen field of activity.

Введение. Интенсивное увеличение информационных потоков в общественной жизни и сознании человека стимулирует качественное совершенствование знания и развитие новых способов его усвоения. Инновационное развитие всех отраслей жизнедеятельности сегодня напрямую зависит от умения человека гибко реагировать на требования времени и в какой-то мере опережать их. В данном контексте основную траекторию развития нашего общества определяет система образования.

Сегодня интеллектуальный потенциал нашей страны постепенно концентрируется в сфере высшего образования. Именно здесь формируется основной инновационный продукт нашего времени – специалист, способный быстро обучаться, корректно и грамотно использовать новейшую научную информацию и интеллектуальную собственность, адаптировать ее к потребностям конкретных организаций и предприятий и в целом формировать эффективные стратегии инновационного развития в избранной сфере деятельности.

Основная часть. Миссией Белорусского государственного технологического университета, который является одним из ведущих учреждений высшего образования нашей страны, является «технологическое образование для инновационного развития Республики Беларусь с учетом опыта прошлого, анализа настоящего и взгляда в будущее». Программой развития БГТУ на 2011–2015 гг. одним из приоритетных направлений определено создание такой образовательной среды, которая будет максимально способствовать достижению качественно нового уровня научной, научно-технической и инновационной деятельности и обеспечению ее тесной взаимосвязи с учебным процессом и промышленным производством.

Формирование инновационной образовательной среды в университете осуществляется прежде всего путем расширения спектра образовательных услуг и повышения их качества с учетом изменяющихся потребностей в образовании различных категорий населения и организаций-заказчиков кадров. Кафедра, будучи основным учебно-научно-производственным звеном инновационного механизма, эффективно решает актуальные задачи только тогда, когда все виды ее деятельности основаны на новейших информационных и инновационных технологиях.

Чрезвычайно важно то, что современный специалист, которому предстоит работать в динамичной профессиональной среде, должен иметь такой социальный интеллект и культурно-ценностные ориентации, которые позволят ему жить в гармонии с обществом и государством. Роль и миссия гуманитарных кафедр БГТУ в этом процессе очевидна: мировоззренческий потенциал их дисциплин неизменно важен и увеличивается с учетом достижений науки и современных требований к формируемым компетенциям специалистов.

Оптимизация педагогического взаимодействия в образовательном пространстве БГТУ неизменно связана с проектированием на уровне определенных образовательных программ высшего образования и профессионально-педагогической деятельности в целом. Как отмечает известный российский ученый Н. В. Бордовская, «во взаимосвязи с этим направлением можно говорить о выходе на управление процессом личностного и профессионального развития участников образовательного процесса в вузе. Именно разработки технологии развития тех или иных личностных характеристик человека средствами учебных дисциплин и условиями обучения в вузе находятся в поле внимания

и интересов современных ученых и вузовских практиков. Совокупность таких технологий, реализуемых в логике развития определенной группы личностных характеристик человека при опоре на закономерности такого развития, обогатит операционально-деятельностную составляющую современного вузовского образования» [1, с. 102].

Одной из самых распространенных педагогических технологий на кафедрах БГТУ сегодня является проектная, которая, как известно, является прекрасной возможностью разработки и презентации новых образовательных продуктов и эффективным способом творческой самореализации современного студента и педагога.

Комплексное кафедральное проектирование направлено на объединение коллективов единомышленников в тематической работе, повышающей продуктивность инновационной педагогической деятельности по конкретному избранному направлению. Например, целесообразным и плодотворным является выполнение комплексного проекта на кафедре белорусской филологии, обеспечивающей преподавание дисциплин лингвистического цикла. Использование возможности языковых дисциплин для воспитания студентов непосредственно в ходе учебной деятельности не только помогает достижению дидактических целей, но и содействует развитию профессиональных компетенций преподавателей, их инновационному мышлению, а также выработке коллективного стиля деятельности кафедры. Эффективное решение педагогических задач, стоящих в ходе реализации проекта, зависит от того, как преподаватель, обеспечивая выполнение образовательных стандартов в рамках конкретных дисциплин, «вписывается» в непрерывную системную работу всего педагогического коллектива по формированию личности каждого студента.

Учитывая, что развитие личности осуществляется только в деятельности и общении как ее специфическом виде, воспитание в ходе преподавания языковых учебных дисциплин можно квалифицировать как стимулирование самостоятельного решения студентами задач, способствующих их продуктивному развитию в нужном направлении. Поэтому и решение поставленных в ходе проектирования задач сопряжено с тем, что они должны содержать в себе особого рода ценностные маркеры и проблемные ситуации, или ситуации нравственного выбора.

В качестве исходных установок для кафедрального проектирования выступает не только образовательный стандарт, но и модель специалиста с высокой степенью личностной, нравственной и социальной зрелости. Педагоги руководствуются тем, что на занятиях по лин-

гвистическим дисциплинам учебный процесс наиболее продуктивен при его четкой технологизации. Развивающий и воспитательный эффект достигается при соответствующем обеспечении текстами и дидактическими материалами, соотносимыми не только с требованиями программ, но и с реальными сферами духовности (этики, культуры, морали), актуальными для развития современного общества (текстоцентрический подход). Преподавателями накапливается и систематизируется информационно насыщенный, стилистически разнообразный материал, предлагается широкий спектр послетекстовых заданий (написание эссе, очерков, публицистических выступлений; дополнительные сообщения профессиональной и социально-культурной тематики; изучение энциклопедической и справочной литературы; самостоятельная поисково-исследовательская деятельность и т. д.), которые стимулируют развитие устной и письменной речи студентов и в целом повышают их коммуникативную компетентность. Параллельно с формированием лингвистических понятий у студентов повышается интеллектуальный потенциал, вместе с тем приобретаются качества духовно богатой, высоконравственной, патриотичной личности, способной защищать и отстаивать национальные ценности и гуманистические традиции, сохранять гармонию и комфорт в обществе и природе.

Сотрудники кафедры совместно создают банк данных о применяемых ими инновационных технологиях, позволяющих организовать направленную интерактивную образовательную среду.

Получаемые результаты отслеживаются, выявляется мера влияния на эти результаты каждого фактора, в соответствии с полученными результатами происходит корректировка тех или иных аспектов деятельности преподавателей или обучаемых, выстраивается образовательная перспектива для каждой студенческой группы (отдельных студентов). Обобщенные материалы описываются преподавателями и оформляются в соответствии с предметно-тематическими блоками.

Следует отметить, что результативность целей, поставленных участниками комплексного кафедрального проекта, достигается не только за счет технологичности процесса обучения, эффективного согласования курсов и отдельных тем и оптимизации лингводидактического обеспечения по каждой дисциплине, но и посредством проявления и культивирования преподавателями кафедры и университета в целом гуманитарного стиля мышления и гуманитарной культуры.

Технология проектного обучения в БГТУ также эффективно внедряется при изучении всех

дисциплин на кафедре истории Беларуси и политологии. Например, на занятиях по политологии эффективность образовательного процесса повышается путем активного включения обучаемых в творческий процесс по достижению дидактической цели. Результаты проектной работы студентами представляются в самых различных формах: собран ценный информационный материал, на основе которого подготовлены статьи на сайт университета, собраны фото- и презентационные материалы на дисках, оформлены газеты и выставки литературы и плакатов. Преподавателями организуются встречи с представителями органов государственного управления, проводятся итоговые конференции по проектам. Инновационный характер деятельности преподавателей и обучающихся обеспечивается формированием чувства причастности студентов ко всем общественным процессам, происходящим в стране, и осознанием плодотворности собственной деятельности на благо государства.

Заключение. В настоящее время, когда университет может и должен стать центром инновационного развития технологий и услуг, чрезвычайно важно использовать все функциональные ресурсы развития инновационного специалиста, гармоничное развитие личности которого в обязательном порядке предполагает наличие духовно-нравственного и личностного измерения. И поэтому предельно важно сформировать у молодого человека осознанную потребность в получении знаний, умение слушать и анализировать, понимать жизненные приори-

теты и ценности и выстраивать на их основе индивидуальную траекторию развития.

Гуманитарная кафедра является важной и объективно необходимой константой в интеллектуальном и учебно-воспитательном пространстве технического университета.

Совместная работа преподавателей и студентов в рамках проектов является одной из самых эффективных форм реализации инновационного потенциала университетской гуманитарной кафедры. Продуктивное сотрудничество и сотворчество в рамках инновационного поиска максимально способствует развитию творческих способностей и профессионализма обучаемых.

Помимо этого, систематизация педагогических инноваций в рамках каждого проекта, реализуемого в ходе преподавания гуманитарных дисциплин, позволяет готовить основу для создания многоуровневых информационных мультимедийных систем, актуальных для сферы интересов университетских педагогов-новаторов и для студентов. Также это весомый вклад в популяризацию образовательных программ БГТУ, развитие и укрепление его традиций и информационное сопровождение научно-технических и гуманитарно-прикладных исследований.

Литература

1. Бордовская, Н. В. Гуманитарные технологии в вузовской образовательной практике: теория и методология проектирования: учеб. пособие / Н. В. Бордовская. – СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. – 408 с.

Поступила 12.03.2013

УДК 378-054.6

Е. И. Янукович, старший преподаватель, декан по работе с иностранными учащимися (БГТУ)**О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКЕ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН
НА ЭТАПЕ ПОЛУЧЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ПЕРВОЙ СТУПЕНИ**

В статье анализируются актуальные вопросы организации обучения иностранных студентов на первой ступени получения высшего образования. Проведен анализ факторов, влияющих на эффективность процесса обучения. Рассмотрены особенности организации этого процесса на примере БГТУ. Сформулированы сильные и слабые стороны, а также направления по улучшению организации процесса обучения иностранных студентов в вузе.

The article dwells on to up-to-date questions of foreign students' educational process organization at institutions of higher education. The author analyses the factors influencing the effectiveness of teaching process for foreign students. The peculiarities of teaching process organization are looked upon the example of BSTU. The article highlights both pros and cons of the approach to teaching foreign students and ways of its improving.

Введение. Адаптация иностранных студентов к обучению в университетах является актуальной проблемой международного образования. Ее значение постоянно возрастает в связи с развитием идей академической мобильности. Традиционно педагогика высшей школы развивается в направлении совершенствования средств и методов обучения. В основе же успехов, достигнутых в последние годы, лежит прогресс в области компьютерных обучающих технологий, применения активных методов обучения и различных технических средств обучения. При этом остается без достаточного внимания психологическое и физическое состояние самого обучаемого, состояние его здоровья и обусловленная этим возможность в конкретный период обучения с успехом воспринимать предлагаемый учебный материал. Исследование причин отчисления студентов, проведенное во многих вузах, свидетельствует о том, что в основе большинства случаев лежат причины, прямо или косвенно связанные с состоянием здоровья и проблемой адаптации студентов.

Основная часть. Как показали исследования, у иностранных студентов сложность этого периода на порядок выше. Иностранцам студентам необходимо адаптироваться к совершенно новой для них среде обучения и проживания. С первых шагов жизни в новых условиях за рубежом студенты испытывают ряд разнообразных трудностей в своей жизнедеятельности. Так, социально-психологические трудности обусловлены вхождением в новую среду (образ, стиль и качество жизни, нормы поведения в малых группах студентов, их межличностные отношения в учебной группе, умение рационально распределить и использовать свободное время и др.).

Трудности биологического аспекта адаптации приезжих студентов, в том числе иностранцев, к условиям обучения в вузе связаны со сменой климата (температура воздуха, влажность, световой режим, ионизация и пр.) и с изменением

характера питания (минеральный состав воды, продуктов питания и др.). Смена климата является также сильным раздражителем для организма, нередко пробуждает дремлющую патологию и обостряет выявленные хронические болезни.

Дидактические трудности означают необходимость осваивать новые знания большого объема, методы и организацию обучения. Стандартная педагогическая технология обучения фундаментальным дисциплинам, в особенности в университетах, носит в значительной мере шок-характер, когда академическая строгость изложения материала сочетается со строгостью зачетных и экзаменационных требований, предъявляемых преподавателями к студенту-новичку. Для иностранцев трудности адаптации зачастую приобретают непреодолимый характер, вплоть до попыток суицида, делая невозможным дальнейшее обучение в вузе.

Таким образом, необходима особая «адаптационная» психолого-педагогическая технология обучения иностранцев, элементы которой были бы полезны и для белорусского студенчества.

Иностранные учащиеся на начальном этапе обучения в белорусских вузах прежде всего сталкиваются с «языковым барьером», от быстрого преодоления которого зависит успех их дальнейшего обучения. Они начинают изучать русский язык с нуля и уже в первые месяцы испытывают острую потребность в общении с носителями языка в бытовой и учебной сферах общения. Одной из специфических особенностей их подготовки по русскому языку в этот период является тот факт, что русский язык из объекта изучения должен стать средством обучения, т. е. рабочим языком их будущей специальности. В этом состоит специфика обучения русскому языку нефилологов. За короткий срок (9–10 месяцев) они должны овладеть русским языком: а) как средством общения; б) средством ознакомления с новой действительностью и культурой; в) рабочим языком будущей специальности.

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть основные функции русского языка и выделить наиболее значимые и ведущие с точки зрения методики обучения русскому языку как иностранному:

– гностическая (русский язык является средством познания действительности), культурологическая функция. Язык – средство познания культуры и истории страны, образа жизни людей изучаемого языка;

– коммуникативная (русский язык – средство общения в стране пребывания). Помогает в общении с носителями языка, устраняет барьеры непонимания и дискомфорта в новом окружении, предупреждает фрустрацию и депрессию, облегчает или устраняет ностальгию, дает возможность почувствовать себя полноценным членом нового национального социума, способствует пониманию через общение национального характера народа, образа жизни, культуры, истории народа и т. д.;

– инструментальная (русский язык – средство, инструмент обучения, средство решения профессиональных задач);

– адаптивная (русский язык как условие более быстрой адаптации к новой действительности, новому образу жизни, новой культуре, к новым социальным нормам поведения в новом социуме и т. д.).

Процесс адаптации иностранных студентов и аспирантов происходит при одновременном действии целого ряда факторов и поэтому может рассматриваться как адаптация к комплексному стресс-фактору, включающему в себя следующие виды адаптации:

- 1) языковую;
- 2) формальную (приспособление к требованиям системы высшей школы);
- 3) социально-психологическую (приспособление к новой культурной и социальной среде, языку общения, учебной группе);
- 4) дидактическую (усвоение форм, методов и организации учебной работы);
- 5) биологическую (приспособление к климату, новому временному поясу, среде обитания и режиму двигательной активности).

Известно, что пусковым сигналом комплексного стресс-фактора является психоэмоциональное напряжение, связанное с языковым барьером. Оно вызывает возникновение фрустрирующих ситуаций, длительные фрустрации приводят к синдрому хронической усталости, депрессивным расстройствам, нарушению общего физического состояния человека. Важнейшим путем преодоления стресс-факторов является реализация адаптивной функции языка и быстрое включение изучаемого в сферу общения в новой языковой среде. В этом смысле

для иностранных студентов и аспирантов важнейшим путем овладения русским языком в кратчайшие сроки (имеется в виду начальный этап – первые 3–4 месяца обучения и первый год обучения) является интенсивный путь, экстенсивное же обучение ведет к возникновению фрустрирующих ситуаций и стресс-фактору. При этом важно организовать коммуникативность обучения.

Коммуникативность обучения – это такая организация и направленность учебных занятий по языку, при которой цель обучения связана с обеспечением коммуникативности, т. е. общения на изучаемом языке во всех или нескольких видах речевой деятельности и в разных сферах общения (бытовой, учебной, профессиональной, социально-культурной). Одним из ведущих принципов коммуникативного и интенсивного обучения является лично-деятельностный подход, который предполагает, что в процессе обучения максимально учитываются национальные, возрастные, индивидуально-психологические особенности изучаемого как личности. Этот учет осуществляется через содержание и форму самих заданий, через характер общения с учащимися.

Можно утверждать, что названный подход к обучению «направлен на активизацию внутренних резервов самой обучающейся личности и оптимизацию ее учебной деятельности и поэтому он может рассматриваться как необходимое условие повышения эффективности этого процесса» [1].

Для начального обучения иностранных студентов, изучающих русский язык с нуля, на наш взгляд, целесообразным является проведение интенсивных курсов для быстрого включения их в сферу общения на русском языке, для снятия языковых барьеров. После интенсивного курса обучение может строиться по разным системам и методам, однако оно должно быть интенсифицированным. «Интенсифицировать учебный процесс значит увеличить количество прорабатываемого на занятиях материала и обеспечить прочность его усвоения за единицу времени, т. е. добиться более высокого качества обучения, максимальной производительности педагогического процесса» [2]. При использовании современных компьютерных систем в режиме «человек – машина» реализуется фактор «гипермнезии» – сверхзапоминания информации, обусловленный явлением суггестивного воздействия, возникающего под влиянием авторитета источника информации.

Кроме того, при работе с новейшими компьютерными системами у изучаемого возникает высокая степень мотивации, активизируются резервы памяти, возникает повышенный

интерес к предъявляемому материалу. Интенсификация при работе с компьютером возникает также за счет использования разных анализаторов, не только слухозрительных, увеличивающих восприятие в 2,5 и более раз, но и различных цветовых тонов, воздействующих на обучаемого через зрительный канал. Таким образом, применение новейших технологий обучения позволяет существенно интенсифицировать учебный процесс, раскрыть и активизировать резервные возможности личности обучаемого, резервы памяти, позволяющие человеку без напряжения запоминать и усваивать объем материала, значительно превышающий традиционные нормы [3].

Заключение. Подводя итог, можно выделить следующие моменты:

- глобализация и растущая академическая мобильность в сфере высшего образования предъявляют растущие требования к качеству и гибкости образовательных услуг в вузе;

- адаптация иностранных студентов в вузе является «контекстом», влияющим на эффективность образовательного процесса;

- существенными факторами адаптации иностранных студентов являются климатический, личностно-психологический, а также фактор особенностей педагогической системы вуза. Именно последний из них поддается регулированию со стороны вуза с целью повышения эффективности образовательного процесса для иностранных студентов;

- национально-психологические особенности иностранных студентов сильно влияют на их обучение, поэтому администрации и профессорско-преподавательскому составу необходимо их учитывать при разработке образовательных программ и организации процесса обучения иностранных студентов;

- существует проблема снижения академической мотивации у иностранных студентов, уже обучающихся в российских вузах. Наблюдается относительное разочарование в качестве знаний, организации процесса обучения и т. д.;

- развитие образовательных программ для иностранных студентов на русском языке, при всей ее объективной привлекательности для вуза, является экстенсивным путем развития, который можно рассматривать как подготовительный этап или первую ступень в интегра-

ции в международное образовательное пространство [4]. Однако на этом нельзя останавливаться. В противном случае интеграция может ограничиться абсорбцией, для которой характерно более пассивное и неохотное следование за современными тенденциями развития в международной образовательной сфере. Наличие диверсифицированного предложения образовательных программ на английском языке в сравнении с программами на русском языке является наиболее привлекательным для иностранных студентов.

Исходя из вышеизложенного можно выделить следующее наиболее важное направление совершенствования организации процесса обучения по специальностям иностранных студентов в вузе: активное развитие образовательных программ на английском языке. Данное направление включает в себя следующие составляющие:

- 1) маркетинговые усилия по привлечению иностранных студентов на обучение по образовательным программам на английском языке;

- 2) изучение опыта и мониторинг вузов, успешно предлагающих образовательные услуги иностранным студентам;

- 3) разработка и совершенствование программ повышения квалификации в области языковой подготовки для преподавателей технических специальностей [5].

Литература

1. Зимняя, И. А. Личностно-деятельностный подход в обучении русскому языку как иностранному / И. А. Зимняя // Русский язык за рубежом. – 1985. – № 5. – С. 23–27.

2. Капитонова, Т. И. Современные методы обучения русскому языку иностранцев / Т. И. Капитонова, А. Н. Щукин. – М.: Русский язык, 1987. – С. 156–178.

3. Щуревич, Г. А. Адаптация молодежи к высшей школе / Г. А. Щуревич, А. В. Зинковский, Н. И. Пономарев. – СПб., 1994. – 226 с.

4. Зинковский, А. В. Адаптация иностранных студентов к обучению в университетах России / А. В. Зинковский // Обучение иностранных студентов: состояние и перспективы. – СПб., 1997. – С. 37–43.

5. Проблемы адаптации / Ю. С. Васильев [и др.]. – СПб.: СПбГТУ, 1999. – С. 256–267.

Поступила 12.03.2013

УДК 811.161.3(276.3)

Т. А. Ячная, преподаватель (БГТУ)

СПЕЦИФИКА ИЗМЕНЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА ПОД ВЛИЯНИЕМ ВОЗРАСТНОГО ФАКТОРА

Одним из наиболее важных факторов, влияющих на изменения семантической структуры слова, является фактор возраста. Чрезвычайно редкими остаются сегодня исследования динамики значения слова у людей пожилого возраста. Особенности выбора стратегии ассоциирования в геронтогенезе могут быть объяснены психофизиологическими и интеллектуальными изменениями, происходящими в языковом сознании индивида.

One of the most important factors changing the semantic structure of the word is the age factor. The investigations of the semantic dynamics of the structure of word meaning in the elderly are extremely rare today. Peculiarities of a strategy choice of association in the process of gerontogeneze can be explained by psycho-physiological and intellectual changes in the linguistic consciousness of the senescent individual.

Введение. Значение слова и содержательные связи между словами продолжают оставаться в центре интересов многих психолингвистических исследований. Современный психолингвистический подход к исследованию семантического развития предполагает изучение протекания процесса внутреннего развития смыслового строения слова, анализ тех семантических изменений, которые слово претерпевает по мере общепсихического развития человека. Изучение проблемы динамики развития значения слова является большим шагом в понимании и решении проблем, связанных с речемыслительной деятельностью индивида. Многие психолингвистические исследования направлены на изучение проблемы семантической динамики у детей и взрослых, чего нельзя сказать об исследовании развития значения слова у пожилых людей. Чрезвычайно редкими сегодня являются исследования динамики значения слова у людей пожилого возраста.

Основная часть. Изучение процессов ассоциирования у пожилых людей являлось одним из этапов проводимого нами исследования. На материале английского языка нами был проведен ассоциативный эксперимент в различных возрастных группах. Респондентами одной из этих групп были 60 мужчин и женщин в возрасте от 60 до 85 лет.

Результаты экспериментов, проведенных на широком возрастном диапазоне, позволяют говорить о том, что развитие значения слова есть процесс постепенный и непрекращающийся в каком-то определенном возрасте. Обращение к изучению рассматриваемой проблемы в геронтогенезе обусловлено необходимостью выявить особенности развития значения слова в старшей возрастной группе. Сопоставительное исследование позволяет уточнить специфику и закономерности семантического развития в индивидуальном сознании стареющей личности. Решение этой проблемы дает возможность мо-

делировать семантические процессы в индивидуальном сознании, детализировать стратегии ассоциирования, а также дает более четкое представление о структурировании языкового сознания человека.

Мы проанализировали 732 вербальные реакции, полученные в ходе ассоциативного эксперимента с людьми пожилого и старческого возраста. Особенностью нашего эксперимента можно считать то, что на предъявленный стимул респондентам было предложено реагировать неограниченным количеством реакций в ограниченный период времени (3 мин). В роли стимула выступило относящееся к высшим абстрактным концептам словосочетание «*moral values*». В ходе эксперимента нами фиксировался латентный период порождения реакций.

Мы провели количественный и качественный анализ полученного экспериментального материала. В результате количественного анализа было установлено, что уровень стереотипности реакций пожилых людей выше, чем у представителей молодого поколения. В проведенных нами ранее экспериментах в возрастных группах 14–17 лет был установлен рост стереотипности реакций, который завершается к 16–17 годам. К этому времени усвоение высших абстрактных понятий практически прекращается. В последующих возрастных группах (18–22, 23–35, 36–59 лет) нашим экспериментом, а также экспериментами, проводимыми Александрой Александровной Залевской, Татьяной Михайловной Рогожкиной, Натальей Октябрьской Золотовой и многими другими, было продемонстрировано снижение стереотипности реакций, что объясняется нами как окончательное усвоение ядерных (основных) сем и последующее (дальнейшее) развитие семантической структуры. У лиц пожилого и старческого возраста наблюдается обратная тенденция (60–74, 75–85 лет).

Количественный анализ материала также был направлен на выявление соотношения

парадигматических и синтагматических реакций у пожилых людей. Известно, что эти типы отношений между словами изменяются с возрастом. В результате количественной обработки материала было установлено, что большинство пожилых людей идентифицировали слова-стимулы через реакции парадигматического типа. Необходимо отметить, что в старости происходит нарастание многословных реакций в виде словосочетаний и предложений. Такой же тип реагирования встречается на этапе усвоения семантической структуры слова, хотя он значительно отличается по качественному наполнению. Так, для подростков характерны реакции-перефразы, основанные на толковании. Это попытки описать состояние, образ либо ситуацию: *когда мама не ругает, когда тебе стыдно, калі ў чалавека ёсць яка-небудзь прычынцы; калі чалавек дапаможа першаму сустрачнаму, my friends and family are amazing*. Для людей старшей возрастной группы характерны более академические реакции: *moral values create the backbone of a society; types of human society depend on moral values; all civilization collapsed when moral values collapsed*. Нами также было отмечено, что процесс порождения бинема, основанного на синтагматической связи, требует у пожилых людей меньше времени, чем порождение пары на основе гиперогипонимической связи, основанной на парадигматических отношениях.

Качественный анализ экспериментального материала показал, что процесс идентификации слов протекает в двух направлениях: по смысловым и по формальным признакам. Смещение идентификационных опор с семантических на формальные наблюдается в процессе становления значения (14–16 лет), а также в более старом возрасте, ближе к 80 годам.

Анализ реакций по линии формальных признаков выявил следующие типы реакций [1]: эхологические (буквально воспроизводящие слово-стимул: *moral values*), словообразовательные (изменение грамматической формы или словоизменительной парадигмы стимула), автоматические (*гэта вельмі важна; everybody needs it*), реакции-отрицания (*маральныя каштоўнасці – німа ніякай маралі, німа нічога каштоўнага; they don't exist*), реакции-вопросы (*маральныя каштоўнасці – а што гэта?*), личные/персонифицированные реакции (*that thing I shouldn't talk about within priest*); отказов реагирования в ходе эксперимента зафиксировано не было.

Результаты исследования позволяют предположить, что опора на формальные признаки является наиболее характерной для людей престарелого возраста (80–90 лет). В нашем эксперименте респондентов такого возраста было

совсем немного, и для подтверждения данного утверждения необходимо увеличить количество испытуемых в старшей возрастной группе. Для испытуемых пожилого возраста (60–70 лет) данный способ идентификации менее значим и актуален по сравнению с идентификацией по семантическим признакам.

В основу анализа по семантическим признакам нами была положена классификация Л. В. Газизовой [2]. Анализ ассоциативной связи между стимулом и реакцией по семантическим признакам выявил следующие, характерные для пожилых людей способы идентификации и опорные элементы:

1. Идентификация слова-стимула с опорой на наглядный образ или представление. В составе семантической структуры конкретных существительных присутствуют реакции, вызванные в сознании неким образом или представлением. Данный способ идентификации слова-стимула следует разделить на два подтипа: а) воспроизведение целостного образа: *ethics; Christian morals; family unit; moral code*; б) воспроизведение расчлененного образа: *honour; kindness; freedom*. По мнению Л. В. Барсук, тенденция к построению целостного образа происходит путем актуализации более частных примеров-эталонов, способных замещать в сознании весь класс.

2. Идентификация слова-стимула с опорой на чувственно-эмоциональные переживания: *no means NO; no sex before marriage; lack of love*.

3. Идентификация слова-стимула с опорой на «абстрактную» понятийную систему. «Абстрактная» понятийная система, в отличие от «конкретной» понятийной системы, характеризуется высокой степенью интеграции, дифференциации и свободы от непосредственных свойств ситуации, а также определенной независимостью, гибкостью и креативностью и т. д. Примерами могут служить следующие реакции: *personal; relative; religious*.

4. Идентификация слова с опорой на словообразовательный потенциал слова. Данный вид опоры при уяснении значения слова также имеет место в ассоциативном эксперименте с пожилыми людьми: *moral, morality, valuable, value*.

5. Идентификация слова как уяснение его значения для самого себя: а) идентификация словоформы происходит с опорой на синонимы, или так называемые психологические симилары. Согласно результатам эксперимента, синонимизация для пожилых людей является одним из основных способов определения значения слова. Данный способ уяснения значения можно проиллюстрировать следующими примерами реакций: *spiritual values; moral code; ethics; religious believes; religious believes*; б) идентификация

исходного слова с опорой на антонимы, или психологические оппозиции. В своих работах А. А. Залевская утверждает, что скорость получения антонимических реакций больше и объясняется это тем, что слово-стимул и ассоциат находятся на одном поверхностном ярусе лексикона [3]. При данном способе идентификации испытуемые дают более развернутые разъяснения и уточнения: *uphold basic rights to housing, education and good health; know difference between write and wrong; knowing there are rules which are implemented to uphold the dignity; moral values create the backbone of a society; moral values help to eliminate coarseness, crudeness and rough manner, which seems to be accepted today as a characteristic, a necessary ingredient and attribute of success.*

6. Идентификация значения слова с опорой на ситуацию. В данном случае ситуация рассматривается и как событие, в котором принимает участие субъект, и как целый комплекс ассоциируемых со словом внутренних контекстов, т. е. это могут быть словосочетания, названия популярных произведений, рифмовки, например Robin Hood.

7. Реакции с латентным субъектом/объектом. Среди реакций пожилых людей присутствуют ответы, в которых указание на конкретный субъект или объект отсутствует, хотя в сознании испытуемого при предъявлении реакции он был явно представлен, например: *do they do not instill right or wrong on many levels to children today (parents); not to force your own moral values on others; knowing there are rules which are implemented to uphold the dignity; etc.* Окончательно реконструировать латентные единицы удастся только в беседе с участником эксперимента.

Результаты, полученные в ходе эксперимента, подтверждают исследования Т. М. Рогожниковой, А. Н. Леонтьева и, конечно, Л. С. Выготского и свидетельствуют, что изменения значения слова (в норме) не прекращаются в каком-то

возрасте, а продолжают в течение всей жизни человека.

Заключение. Нами были перечислены далеко не все стратегии идентификации слова-стимула респондентами. В нашей работе были приведены лишь наиболее часто встречающиеся у пожилых людей стратегии ассоциирования.

Экспериментальным способом мы выяснили, что в норме у людей, составляющих старшую возрастную группу (от 60 лет и выше), не наблюдается значительных изменений в функционировании системы значений и выборе стратегий ассоциирования. К данным выводам мы пришли, проанализировав данные, полученные в других возрастных группах (подростки, молодые люди, взрослые). Полученный языковой материал позволяет судить о том, что особенно сти стратегий ассоциирования у пожилых людей выражаются в процентном соотношении типов реакций и их стандартизации, а также в опорах, используемых испытуемыми при идентификации знакомого слова. Процесс семантического развития у лиц пожилого и старческого возраста имеет ряд универсальных и специфических особенностей, обусловленных возрастными психофизиологическими и интеллектуальными изменениями в семантической структуре памяти.

Литература

1. Касаткина, Т. Ю. Специфика развития значения слова в геронтогенезе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Т. Ю. Касаткина. – Ижевск, 2007. – 192 л.
2. Газизова, Л. В. Интеграция опор в процессе идентификации слова / Л. В. Газизова // Вопросы обучения иностранным языкам: методика, лингвистика, психология: материалы конф. – Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2006. – С. 57–60.
3. Залевкая, А. А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование / А. А. Залевская. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 202 с.

Поступила 11.03.2013

РЕФЕРАТЫ

УДК 327(476)(438)

Полюян И. В. **Белорусско-польские отношения на современном этапе** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 3–5.

В статье рассматриваются принципы многовекторной внешнеполитической деятельности Республики Беларусь. Подчеркивается, что наша страна выступает за развитие всестороннего взаимовыгодного сотрудничества с соседним государством – Республикой Польша. На примере конкретных фактов показано, что на современном этапе белорусско-польские отношения развиваются непросто. Для позитивного изменения требуется желание обеих сторон.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 9:323.15

Козляков В. Е. **Истоки и сущность национально-персонального автономизма** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 6–8.

В статье раскрываются истоки и сущность национально-персонального автономизма. Автор подчеркивает, что идеи данной программы были высказаны задолго до появления известных работ К. Реннера, О. Бауэра. Доказывается, что непосредственным прообразом национально-персональной автономии являются ваады – центральные советы еврейских кагалов, существовавших в Польше, Литве и Беларуси в XVI–XVIII вв. Элементы национально-персонального автономизма использовались в программных установках и тактике политических партий Беларуси и России.

Библиогр. – 13 назв.

УДК 739.2.033(476)

Наркевич Н. И. **Шейные гривни в ювелирном искусстве Беларуси: истоки и художественные особенности** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 9–11.

В статье рассматриваются истоки и художественные особенности шейных гривен в ювелирном искусстве Беларуси. Отдельное внимание уделяется исследованию семантики формообразования ювелирных изделий, композиции орнаментальных мотивов и узоров. Затрагиваются вопросы видовых особенностей шейных гривен на территории средневековой Беларуси, среди которых выделяются пластинчатые, проволочные и витые изделия балтского типа. В центре внимания исследователя и традиции изготовления шейных гривен, связанные с этнической принадлежностью населения.

Библиогр. – 9 назв.

УДК 94(476)«14»

Казаков А. В. **Московские эмигранты в Великом княжестве Литовском во второй половине XV в. по материалам Метрики** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 12–14.

Представленная статья посвящена возможностям использования такого комплекса документальных источников, как Метрика Великого княжества Литовского, для изучения проблемы эмиграции из русских земель (главным образом из Московского государства) в Великое княжество Литовское во второй половине XV в., что продемонстрировано на нескольких примерах. Также отмечены те трудности, с которыми сталкивается исследователь при обращении к материалам Метрики для изучения вышеназванной проблемы.

Библиогр. – 13 назв.

УДК 947.2:323.311

Доморад А. А. **Аристократия белорусских земель в генеологических процессах Российской империи XIX в.** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 15–17.

В статье рассматриваются основные аспекты влияния аристократии белорусских земель на генеологические процессы в Российской империи в XIX веке. Показывается ее роль и восприятие властями представителей белорусской знати, а также ее имидж в среде российского дворянства. Участие аристократии показывается на примерах наиболее известных дворянских семей и их представителей, акцентируется внимание на их близости к царскому двору. По итогам статьи сделан вывод о значительной роли белорусской аристократии в указанных процессах.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 947.6 «XIX–XX»

Крючек П. С. **Проблема Люблинской унии в историографии второй половины XIX – начала XX в.** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 18–21.

В настоящее время актуальной является проблема государственности на белорусских землях. Важным этапом на пути ее становления являлось Великое княжество Литовское. Однако в середине XVI века в результате заключения Люблинской унии с Польшей Великое княжество Литовское фактически перестало существовать как самостоятельное государство. В данной статье рассматривается вопрос о том, как трактовалась проблема Люблинской унии в отечественной историографии второй половины XIX – начала XX веков.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 94(476)«18/19»:37

Острога В. М. **Правительственная политика в области педагогического образования в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 22–25.

В статье рассматривается правительственная политика в области педагогического образования в Беларуси во второй половине XIX – начале XX вв. Показано, что в данный период было создано и организационно оформлено среднее и низшее звено педагогического образования. Вместе с тем учебно-воспитательный процесс находился под непосредственным контролем государства и православной церкви, был пронизан монархическими идеями. Проводимые мероприятия в сфере народного образования, в том числе и педагогического, характеризовались непоследовательностью и реакционностью.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 355.123«1917/1918»

Семенчик Н. Е. **Военнослужащие российской армии во властных структурах Беларуси (март 1917 – март 1918 гг.)** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 26–28.

Статья посвящена характеристике военной власти и ее влиянию на органы гражданского управления и самоуправления в Беларуси накануне и во время революционных событий 1917 г., а также на последнем этапе участия России в Первой мировой войне. Дается оценка существующей литературы по рассматриваемому вопросу. Показана структура основных военных и гражданских органов управления, их общие задачи и взаимодействие. Обращено внимание на милитаризацию исполнительных органов власти в Беларуси после прихода к власти большевиков.

Библиогр. – 17 назв.

УДК 947.6.«1917»

Рыжанков И. М. **Общественно-политическая жизнь на этапе подготовки к земским выборам: по материалам белорусских губерний (весна – лето 1917 г.)** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 29–31.

В статье освещается проблема демократизации земств на этапе развертывания Февральской революции. Показывается, что процесс введения в состав земских структур представителей Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов осуществлялся поступательно и практически без эксцессов. Временное правительство было заинтересовано в демократическом характере реорганизации, поскольку на осень 1917 г. были запланированы выборы в новые земские структуры. Последние должны были заменить временные, чрезвычайные органы власти, созданные в ходе Февральской революции – губернские и уездные комиссарии, волостные, продовольственные и земельные комитеты, соответственно, стать инструментом осуществления постановлений Учредительного собрания, а в дальнейшем – быть основой реального народоуправления. В статье раскрывается процесс создания избирательных округ, комиссий, а также особенности предвыборной борьбы.

Библиогр. – 13 назв.

УДК 94(476):323.17«1917»

Райченко А. А. **Подходы к проблеме самоопределения белорусской нации после Октябрьской революции** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 32–34.

В данной статье рассматривается развитие белорусского национального движения после Октябрьской революции. Анализируются подходы различных политических партий и движений к проблеме реализации права белорусской нации на самоопределение. Отражается борьба этих сил в ходе развертывания исторического процесса. Выделяются ключевые события истории данного периода, приведшие в итоге к созданию белорусской государственности.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 325.2:061.213(476)(477)

Коваль О. В. **Общие проекты молодежи белорусской и украинской диаспор (1918–1939)** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 35–38.

В статье проанализированы молодежные белорусско-украинские проекты, которые были реализованы эмигрантами в межвоенный период. Особый интерес представляли общие студенческие общественные объединения, театральные труппы, хоровые коллективы, танцевальные труппы и спортивные кружки.

В исследовании использован ряд публикаций украинских историков и эмигрантов, которые позволили шире представить данную тему.

Библиогр. – 10 назв.

УДК 908:06.7(476)323.329«1920»

Денисов А. В. **Участие интеллигенции в создании и деятельности добровольных краеведческих обществ в Советской Беларуси в начале 1920-х гг.** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 39–41.

В статье анализируется роль представителей интеллигенции в создании и деятельности добровольных общественных организаций (на примере краеведческих обществ). Основной вывод из данного исследования заключается в том, что доля участия белорусской интеллигенции в деятельности краеведческих обществ была очень высокой, а вклад в деятельность – решающим. Что во многом оспаривает тезис советской историографии о ведущей роли органов власти в генезисе краеведческого движения.

Библиогр. – 10 назв.

УДК 94(73+476)«1920/1980»

Острога В. А. **Изучение истории США в БССР в 1920–1980-е гг.** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 42–45.

В статье рассматривается изучение истории США в БССР в 1920–1980-е гг. Подчеркивается, что в данный период вопросы новой и в особенности новейшей истории США наряду с историей Польши и Германии достаточно активно разрабатывались белорусскими учеными. Вместе с тем отечественные исследования советского периода не были избавлены от тенденциозности, идеологической окраски и одностороннего подхода в оценке основных направлений внутренней и внешней политики, особенно периода «холодной войны».

Библиогр. – 18 назв.

УДК 94(476)«1930...»:343.43

Коледа И. В. **Борьба с «национал-демократизмом» и репрессии в Беларуси в 1930-е годы** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 46–48.

В статье рассматриваются события 1930-х гг., происходившие в Беларуси и связанные с судьбой белорусской интеллигенции, в адрес которой все чаще стали звучать обвинения в «национал-демократизме». В республике фактически начинается кампания по его разгрому. Репрессии этого времени обрушились прежде всего на интеллигенцию и привели к трагическому финалу – многие выдающиеся деятели искусства, науки, культуры были уничтожены.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 355.42.424

Зайцев А. А. **Разведывательная деятельность советских партизан в годы Великой Отечественной войны** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 49–51.

В статье по опыту Великой Отечественной войны раскрывается важность разведывательной деятельности партизан для достижения победы над врагом. Показывается внимание, которое уделяло разведке партизан Верховное Главнокомандование, указаны сильные и слабые стороны партизанской разведки.

Отмечена необходимость использования опыта организации и ведения разведки партизанскими формированиями при разработке теории ведения современных военных действий.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 37.09:377,12«1976/1985»

Якуш Н. М. **Усовершенствование подготовки кадров массовых профессий в системе сельских профтехучилищ БССР (1976–1985)** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 52–54.

Статья отражает пути совершенствования подготовки кадров рабочих специальностей для агропромышленного комплекса. Анализируются программы строительства и реконструкции училищ по областям и районам, рассмотрены направления реформирования профессиональной школы и создания средних СПТУ, включенных в агропромышленные объединения. Представлены материалы о научно-технической базе профтехучилищ, квалификационном уровне инженерно-педагогических работников, возможностях подготовки кадров по профессиям широкого профиля, совмещенным и сложным.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 9(476–058.232.6

Зайцева Н. В. **Основные направления решения жилищной проблемы на селе в 1966–1975 гг.** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 55–57.

В статье достаточно подробно анализируются основные направления решения жилищной проблемы белорусского села. Решение данных вопросов осуществлялось с учетом множества факторов: специфики производства, специализации и концентрации сельского хозяйства и его организационных форм, состояния рассе-

ления, миграции, национальных и исторических особенностей, географических и климатических условий. Особое внимание уделяется комплексному строительству жилищных и культурно-бытовых объектов. Отмечаются характерные черты и особенности.

Библиограф. – 4 назв.

УДК 008:323.1(476)

Жарина Л. В. **Культура как средство формирования национального самосознания на современном этапе (на примере Республики Беларусь)** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 58–60.

Современная этническая среда в настоящее время представляет собой многокультурное образование. В Беларуси исторически сложился интернациональный тип культуры, чему способствует этническая толерантность населения. В статье отмечается, что язык, национальные традиции и обычаи, материальные и духовные ценности, народное творчество, искусство являются действенными средствами формирования национального самосознания.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 378.015.2.005.32-057.873

Александрович П. И. **Педагогическое мастерство преподавателя вуза** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 61–63.

В данной статье раскрыта структура педагогического мастерства, знания, навыки, умения, которыми должен обладать преподаватель. В мастерстве педагога выделены четыре относительно самостоятельные части: мастерство организатора коллективной и индивидуальной деятельности студентов, мастерство убеждения, мастерство передачи знаний и формирования опыта деятельности, мастерство владения педагогической техникой. Отражаются основные требования компетентности преподавателя в современной системе образования: умение проектировать учебный процесс, использовать инновационные системы обучения, осуществлять педагогическую рефлексию.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 303.425.4

Водопьянов П. А. **Истоки экологического кризиса** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, филология, философия. – С. 64–66.

В статье дана периодизация основных этапов взаимодействия общества и природы. Показано, что по мере вовлечения вторичных ресурсов в орбиту хозяйственной деятельности происходило нарушение нормального функционирования экосистем, что послужило одной из причин экологического кризиса.

Библиогр. – 1 назв.

УДК 141.7

Шалаев В. П. **Управление как философско-синергетическая проблема: в поисках новой парадигмы** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 67–72.

В настоящей статье исследуется проблема управления в современной науке и обществе. Факторы глобализации, потребления, роста сложности и динамики общественных процессов рассматриваются как решающие в понимании новых условий управленческой науки и практики во всех сферах жизнедеятельности современного общества. В качестве одной из наиболее адекватных современным условиям парадигм управленческой науки рассматривается и обосновывается синергетический подход в общественном знании. Синергетика рассматривается с философских позиций как наука о сложном и адекватном управлении сложностью.

Библиогр. – 12 назв.

УДК 316.61

Бурнашев К. Э. **Социальные стандарты человека: миф или реальность** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 73–76.

В представленной работе осуществляется попытка проанализировать наиболее общие стандарты человека и дать им характеристику. Автор доказывает, что формирование социальных стандартов происходило на протяжении длительного периода истории. Основное внимание уделено проблеме стандартов человека в современном обществе, особенностям их формирования и взаимодействия. Немаловажное место в статье занимает вопрос о формировании стандартов возможного человека, что особенно актуально в условиях глобальных трансформаций.

Библиогр. – 13 назв.

УДК 316.4.06

Бурак П. М. **Интегративный подход в стратегии безопасной трансформации постиндустриализма на постсоветских территориях** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 77–80.

Статья посвящается актуальной проблеме разработки философско-методологического анализа сложных, противоречивых тенденций развития современного общества под влиянием эволюции постиндустриализма

в условиях глобализации. На примере выявления продуктивной роли интегративного подхода обосновывается идея о том, что объективные знания о позитивных и негативных проявлениях постиндустриальной трансформации общества, полученные с помощью интегративного подхода, являются необходимой теоретической предпосылкой выбора наиболее безопасного будущего на постсоветских территориях.

Библиогр. – 2 назв.

УДК 316.728:330.58+316.485

Лазаревич Н. А. **Экологический кризис и ответственность человека** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 81–83.

В статье рассматриваются причины и последствия экологического кризиса в контексте их человекомерного значения. Обращается внимание на то, что данная человекомерность является результатом социопотребительской идеологии современной цивилизации. Подчеркивается, что оптимальная экологическая политика зависит от сложившихся ценностных ориентаций по отношению к природе и ответственности человека за последствия своей деятельности.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 111+316.35+37.013.73

Шалаева С. Л. **Межпоколенные отношения как фактор национальной безопасности современного общества** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 84–88.

В статье исследуется феномен межпоколенных отношений в современном обществе, констатируется их нарастающая кризисность и метаморфозы, которые вызваны происходящими в обществе динамичными изменениями, связанными прежде всего с трансформацией системы ценностей и мировоззрения современного человека. Анализ происходящих изменений позволяет говорить о реальном наступлении префигуративной культуры межпоколенных отношений и подводит к необходимости серьезного осмысления и конфликтологической экспертизы этой ситуации, поскольку модель межпоколенных отношений выступает базовой моделью социального поведения индивидов, поколений и иных социальных общностей в их социальной динамике, значительно влияя на вопросы национальной безопасности современного общества.

Библиогр. – 12 назв.

УДК 165.1:613.94

Карканица О. А. **Человеческая инженерия: синтез знаний о человеке** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 89–91.

В данной статье автор обращается к проблеме синтеза знаний о человеке, рассматривая возможности ее решения как необходимое условие для обеспечения адекватного анализа основных вариантов будущего человеческой природы и сценариев исключения наиболее серьезных рисков при осуществлении модификации человека средствами человеческой инженерии.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 141.7

Пунченко О. П., Дыдышко И. И. **Человекотворческий потенциал интересубъективности** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 92–94.

В статье исследуется смысловое содержание категории «интересубъективность». Она обосновывается как нелинейная социальная среда, отражающая духовную синергию социума. Раскрывается противоречивый характер составляющих этой синергии. Человекотворческий потенциал объясняется через формирование в его интересубъективном мире нравственных ценностей, императивов, постулатов как смыслообразующих начал этого процесса.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 316.324.8

Шилина Н. Е. **Современная личность в информационном обществе** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 95–97.

Статья посвящена проблеме становления личности в современном информационном обществе. Автор анализирует психоаналитический подход к рассмотрению личности З. Фрейда и К. Г. Юнга. Затрагивается проблема целостности личности и пути ее достижения.

Библиогр. – 1 назв.

УДК 316.35:39

Ракачев В. Н. **Беларусь и белорусы в представлениях россиян: опыт социально-психологического исследования** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 98–102.

Статья опирается на результаты социально-психологического исследования, направленного на выявление стереотипного образа Беларуси в представлениях россиян, его структуры, содержания и направленности. Ис-

следование, проведенное с использованием метода неоконченных предложений, позволяет говорить о высокой степени согласованности стереотипа, его устойчивости и позитивной направленности.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 1(091)+355.01

Сидоренко И. Н. **Антиномия войны и мира в философии Я. Паточки** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 103–105.

В статье анализируется экзистенциально-феноменологический подход чешского философа Яна Паточки к определению природы войны. Автор статьи рассматривает данный подход как одну из попыток рационализации войны, в данном случае – через раскрытие антиномичной природы социального бытия как противоречивого единства войны и мира, при котором война предстает как стремление к миру, а мир – как подготовка к войне. Современная ситуация социально-экономического кризиса, непрекращающиеся военные конфликты и терроризм доказывают неспособность человека победить в войне, которая стала «борьбой за мир», так как в глобализирующемся мире условием возможности мира уже давно стала война, а мир уже давно перестал быть мирным.

Библиогр. – 2 назв.

УДК 0.88

Криворотько В. В. **Постиндустриализм и социобиосферный этап развития геоверсума** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 106–108.

В статье рассмотрены проблемы взаимосвязи постиндустриальной модели развития цивилизации и ее геоверсума. Главное внимание уделено некоторым аспектам деструктивного влияния техногенного социума на социобиосферу. Указывается на необходимость поиска новых стратегий «самодостаточного» развития геоверсума.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 378:33

Подручный М. В. **Методологические проблемы синтеза естественнонаучного и социогуманитарного знания** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 109–112.

Статья посвящена сравнительному анализу специфики естественнонаучного и социогуманитарного познания в методологической и исторической перспективах. Тенденции конвергенции, характерные для современного этапа развития естествознания и обществоведения, требуют ревизии и анализа метатеоретических оснований научного познания в его транс- и междисциплинарных формах. В качестве одной из синтетических методологий рассмотрено учение глобального эволюционизма.

Библиогр. – 2 назв.

УДК 316.74:94(438)

Матусевич О. А. **Польская историческая политика в условиях трансформации общества** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 113–115.

Статья посвящена анализу мероприятий в рамках публичной практики, направленных на формирование социальной памяти поляков в условиях посткоммунистической трансформации общества. Автор рассматривает особенности и механизмы реализации исторической политики, а также способы изменения массовых, обыденных представлений о прошлом в период III Речи Посполитой. В статье в большей степени уделено внимание формальной стороне исторической политики, нежели содержательной или институциональной.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 1:281.9(476)

Кожич Н. М. **Формы деятельности Русской православной церкви в современных условиях** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 116–118.

В статье рассматриваются особенности форм и методов деятельности Русской православной церкви в современных условиях; отмечается стремление церкви всячески способствовать решению проблем, вызванных духовно-нравственным кризисом; сделан вывод о том, что, несмотря на неизменность основных догматических положений, православная церковь является открытой структурой, активно взаимодействующей с современным обществом.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 346

Кулис Л. А. **Правовой режим служебных объектов интеллектуальной собственности** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 119–121.

Статья посвящена анализу соотношения личных неимущественных и имущественных прав на служебные объекты интеллектуальной собственности. В законодательстве об интеллектуальной собственности закрепле-

на презумпция принадлежности нанимателю имущественных прав на служебные объекты интеллектуальной собственности. Обладание имущественными правами имеет самостоятельную экономическую ценность, так как позволяет получать выгоду от использования объекта интеллектуальной собственности.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 342.9:343.351

Зенькович В. А. **Сравнительный анализ законодательств Республики Беларусь и Российской Федерации, устанавливающих административную ответственность за нарушение авторских и смежных прав** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 122–125.

В данной статье проанализировано действующее гражданско-правовое и административно-деликтное законодательство Республики Беларусь и Российской Федерации, регулирующее оборот объектов авторского права и смежных прав и устанавливающее административную ответственность за нарушение авторских и смежных прав.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 347.77.028

Бородко Н. П. **Уголовная ответственность за нарушение изобретательских и патентных прав** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 126–129

В статье исследуются вопросы уголовной ответственности за нарушение изобретательских и патентных прав. Раскрывается основной состав преступления (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона). Обозначены рекомендации совершенствования уголовного законодательства с учетом поставленных целей реализации государственной политики в сфере интеллектуальной собственности на 2012–2020 годы.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 347.214

Сергеева Е. М. **Некоторые особенности сделок с недвижимым имуществом** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 130–132.

Некоторые письменные сделки подлежат нотариальному удостоверению и обязаны проходить государственную регистрацию (например, сделки с недвижимостью). Несоблюдение требований закона к форме сделки может в будущем привести к неблагоприятным последствиям, например, послужить основанием к признанию сделки недействительной.

Библиогр. – 2 назв.

УДК 821.161.3:82-1 Скарынкін

Говзич И. Н. **Художественно-образный мир поэзии Владимира Скоринкина** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 133–137.

В статье исследуются компоненты художественного мира Владимира Скоринкина, определяются приоритетные жанры, используемые автором. Творчество поэта рассматривается как сложный художественный феномен, в котором выявилось сочетание традиций и новаторства, классического и современного, традиционного и индивидуально-авторского начал.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 821.161.3(437.6)+929 Купала

Трус Н. В. **Янка Купала в Словакии: методологический дискурс исследования темы** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 138–141.

Фактологической основой статьи стал визит Янки Купалы в Чехословакию в качестве члена делегации советских журналистов и писателей в октябре 1935 года. Работа в архивах и библиотеках Словакии позволила выявить и ввести в научный обиход ряд новых материалов и документов, опровергнув тем самым стереотипы оценки некоторых направлений исследования как полностью изученных, бесперспективных. Концептуальные суждения автора основываются на том, что тема «Янка Купала в Словакии» должна разрабатываться в соответствии с учетом изменчивой социальной и культурной ситуации, скорректированной призмы осмысления прошлого Беларуси и Словакии.

Библиогр. – 18 назв.

УДК 882.6-09

Федорцова Т. Н. **Синонимы архетипа «дорога» в белорусской литературе** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 142–144.

В белорусской литературе архетипы активно использовались во все исторические эпохи. Но именно в прошлом столетии значительно усложнилась система образно-художественного мышления, укоренились индивидуальные стили авторов. Их взаимодействие сформировало самодостаточный и целостный духовно-эстетический простор, в котором на смену тихому молению прошедших эпох пришли синонимия, метафоричность, аллегорич-

ность, а главными концептами стали философы Жизнь и Смерть, Пространство и Время, Добро и Зло. Рассматривая философу «пространство» нетрудно заметить, как ширится понятие архетипа дорога.

В статье показаны духовно-эстетические поиски авторов, которые осуществляются при помощи подбора синонимов к архетипу «дорога».

Библиогр. – 3 назв.

УДК 655.5

Петровичева Л. И., Богданович Е. Н. **Литературно-художественное издание как объект дизайна (на примере книги для детей дошкольного возраста)** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, филология, филология. – С. 145–149.

В статье анализируется дизайн современной книги для дошкольников, его влияние на восприятие произведения читателями. Оформление книги рассматривается с позиции книговедческого функционального подхода с учетом психологических особенностей восприятия ребенка в зависимости от возраста. Выявлены положительные и отрицательные тенденции оформления современной книги для дошкольников. Сделаны выводы и предложены рекомендации, направленные на повышение качества книги с учетом специфики ее дизайна для каждой возрастной группы.

Библиогр. – 17 назв.

УДК 821.161.3«19/20»:82.1

Ляшук В. М. **Лексические инновации в белорусском поэтическом дискурсе на рубеже XX–XXI веков** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 150–154.

В статье прослеживаются языковые традиции и развитие лексики в поэтическом дискурсе, возникшем в XIX веке. Сравнение лексической системы белорусской поэзии на рубеже веков, который выступает натуральной границей для прослеживания традиций и изменений, указывает на оформление и дальнейшее пополнение лексико-семантических групп имен существительных. Учитывается особенность лексики быть выразительным сигналом отношений, которые передает язык как универсальная коммуникативная система и художественная литература как эстетическая система, основанная на языковой системе. Особенности лексики поэзии рубежа XIX и XX веков связаны с совпадением литературного процесса с национальным возрождением. Особенности лексики поэзии рубежа XX и XXI веков указывают на гуманизацию, интеллектуализацию и эстетизацию посредством философской и религиозной культурных сфер на основе культурно-языковых и эстетических традиций.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 811.161.3(038):81'282

Дятко Д. В. **Структурно-содержательные особенности «Словаря тетерских говоров» Марьяна Петюкевича** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 155–160.

В статье изучаются структурно-содержательные особенности лексической части «Словаря тетерских говоров» Марьяна Петюкевича. Приводятся биографические сведения об авторе, исследуются особенности мега-, макро- и микроструктуры рукописного памятника. Подробно характеризуются особенности организации словарных статей: описываются зона номинации, зона вариантов, зона семантической, функционально-стилевой, грамматической информации и зона иллюстраций.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 81'282.2 (476.7)

Босак В. Н., Босак А. А. **Исследование говоров Верхнего Надьясельдя** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 161–163.

В статье приведены результаты исследований народных говоров на территории Верхнего Надьясельдя (Пружанский район Брестской области Республики Беларусь и пограничье). В результате проведенных исследований выделены следующие группы народных говоров: гродненско-барановичские – на севере, севернобрестские окающие – на западе, севернобрестские окающие – в центре, верхнеясельдские – в центре, на востоке и на юго-востоке, малечские – на юго-востоке, севернозагородские – на юго-западе, среднезагородские – на юге исследуемого региона.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 808.2:159.937

Куликович В. И. **Фонемно-морфемный принцип орфографии в современном белорусском языке** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 164–167.

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы, касающиеся морфологического принципа белорусской орфографии. Содержится предложение ввести новый термин и его дефиницию. Описываются основные требования орфографии, основанные на этом принципе, а также перечисляются правила написания орфограмм, соответствующие ему: передача на письме гласных, согласных, мягкого знака. Представленный фактический материал свидетельствует о том, что фонемно-морфемный принцип широко используется в белорусской орфографии

Библиогр. – 7 назв.

УДК 81'255.2:6

Кузьмич О. А. **Научный стиль в контексте специального перевода** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 168–170.

В связи с процессом глобализации возрастает роль перевода как средства обмена научно-техническими знаниями. В данной статье рассматриваются особенности переводческой обработки текстов научного стиля, выделяются основные звенья переводческого процесса и типичные трудности, с которыми сталкивается переводчик, а также определяются основные требования к переводу специальных текстов.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 811.161.1:81'36

Козлякова Т. А. **О некоторых трудностях усвоения русской грамматики на начальном этапе обучения** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 171–172.

Статья посвящена грамматике – одному из важнейших аспектов обучения иностранным языкам. Говорится о роли грамматики в различных методах обучения (в грамматико-переводном, прямом, коммуникативном). Акцентируется внимание на трудностях усвоения иностранными учащимися глагольных парадигм. Отмечается, что особую сложность для китайских учащихся представляют видо-временные формы глагола, а также предложно-падежная система русского языка. Подчеркивается, что сознательное владение грамматическим строем языка невозможно без осознания его основных закономерностей.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 811.161.1:376-054.57

Жуковская Т. В. **Проблемность как способ обучения видам речевой деятельности иностранных слушателей** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 173–175.

В статье ставится цель обратить внимание на более глубокое осмысление методов, приемов формирования творческой деятельности учащихся, включение их в процесс поиска решения новых проблем. Основная идея проблемного обучения состоит в том, что знания в большей степени не передаются студентам, а приобретаются ими в процессе самостоятельной познавательной деятельности. В результате установки на проблемное изучение русского языка как иностранного учащиеся осознают смысл учебных действий, логику их выполнения; повышается коммуникативная значимость знаний; возрастает мотивация обучения. Стимулом для познавательной активности становится познавательная потребность, зависящая от значимости информации, которая может быть получена в итоге решения проблемы.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 37:39

Миксюк Р. В. **Роль христианских традиций в воспитании молодежи** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 176–178.

Статья посвящена проблеме воспитания гражданской позиции молодежи, основанной на ценностных ориентациях христианской морали и национальных приоритетах. Рассматриваются важнейшие направления воспитания на христианских традициях: культурно-историческое, нравственно-эстетическое, этнокультурное. Определены мероприятия по разработке научно-методического обеспечения духовно-нравственного воспитания личности.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 37:378:82(061.8)

Савицкая Н. Е. **Приоритеты воспитания гармонически развитой личности на примере деятельности литературного клуба «Ветлица»** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 179–182.

Представленная статья посвящена приоритетам воспитания гармонически развитой личности на примере деятельности литературного клуба «Ветлица», который работает в БГТУ более 15 лет. Автор дает общую картину направлений творческой работы в клубе. Особое внимание обращает на воспитание патриотизма, толерантного отношения к людям старшего поколения, на духовно-моральное, эстетическое, языковое развитие личности. В качестве иллюстрации рассматриваемой темы приведены цитаты из стихотворений разных авторов, опубликованных в седьмом литературно-художественном альманахе «AVE», изданном в БГТУ в 2012 году.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 37.022:378:811

Коженец Т. С. **Деловая игра как активно-образовательная технология обучения профессиональному иноязычному общению** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 183–185.

Статья рассматривает вопросы применения игровых технологий в обучении профессиональному иноязычному общению. Автор статьи раскрывает сущность такой активной технологии, как деловая игра, формулирует ее цели и задачи, а также освещает специфические особенности технологии деловых игр. Подробно

изложены психологические и педагогические требования к использованию этой формы обучения. Автор приводит различные классификации деловых игр, исходя из форм человеческого взаимодействия и характера педагогического процесса. Отдельное внимание уделено этапам подготовки и проведения деловых игр, описаны сущность и задача каждого из этапов, факторы, влияющие на их успешность.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 378.1

Козловская Н. А. **Модульная технология обучения иностранному языку в техническом вузе** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 186–188.

Самообразование является неотъемлемой частью профессиональной компетенции специалиста. Поэтому современные педагогические технологии должны способствовать развитию у студента навыков самостоятельного приобретения знаний. Одной из таких технологий, способных решить данные проблемы и осуществить переход к новому, измененному процессу обучения, является модульное обучение. Модульное обучение основано на следующей основной идее: студент должен учиться сам, а преподаватель обязан осуществлять управление его обучением – мотивировать, организовывать, координировать, консультировать, контролировать. По мнению авторов данной технологии, она интегрирует в себе все то прогрессивное, что накоплено в педагогической теории и практике.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 37.022:811:378

Кривоносова Е. В. **Особенности обучения взрослых иностранному языку** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 189–191.

В статье анализируются некоторые особенности преподавания иностранного языка взрослым слушателям. Наиболее эффективные методики обучения рассматриваются с точки зрения восприятия взрослым обучаемым. Приводятся некоторые полезные правила успешного научения. Формулируются педагогические условия для продуктивного изучения иностранного языка взрослыми, выявляются аспекты решения этого вопроса. Обосновывается целесообразность выбора обобщенного метода, который получил название компетентностного подхода. В заключении приводится ряд методик, адекватно удовлетворяющих потребностям взрослых обучаемых.

Библиогр. – 2 назв.

УДК 004.9:378.147:802.0

Рогова О. А. **К вопросу об организации дистанционного обучения английскому языку на основе компьютерных технологий в условиях билингвальной образовательной среды** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 192–194.

В статье рассмотрены некоторые вопросы организации дистанционного обучения по дисциплине «Английский язык» в условиях билингвальной образовательной среды. Описаны необходимые мультимедийные средства и технологии, применяемые в образовательном процессе, особое внимание при этом уделяется использованию возможностей глобальной сети Интернет. Приведена классификация средств коммуникации на асинхронные и синхронные, особенности их использования в дистанционном обучении иностранному языку. В статье также рассмотрены проблемы билингвальной коммуникации, модели и методы преподавания английского языка в двуязычной среде.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 800

Рубанюк Э. В. **Употребление названий птиц в речи как отражение принадлежности собеседника к определенной культуре** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 195–197.

В статье речь идет о том, что для успешной межкультурной коммуникации важно не только в совершенстве владеть иностранным языком, но и обладать исчерпывающей информацией, касающейся разницы в менталитете собеседников. На примере названий птиц иллюстрируется тот факт, что их употребление в составе идиоматических выражений может, во-первых, украсить речь говорящего, делая ее более образной, поэтичной и емкой; во-вторых, помочь сгладить негативный смысл. Возникновение у собеседника как положительных, так и отрицательных эмоций, о которых говорящий может даже и не подозревать, как правило, предтерминировано другой культурой собеседника и, соответственно, иной «картиной мира». На другое восприятие сказанного также могут влиять многочисленные исторические и религиозные причины.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 811.161.1'243-054.6:33

Старченко Д. В. **Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на основе экономических текстов** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 198–200.

В статье рассматриваются аспекты подготовки специалистов в техническом вузе с целью формирования у них коммуникативных умений, которые позволили бы осуществлять контакты на иностранном языке в различных сферах и ситуациях. Подробно рассмотрены умения, необходимые для достижения уровня,

достаточного для практического использования иностранного языка в будущей профессиональной деятельности. Представлены критерии правильного отбора текстового материала для профессионально-ориентированного обучения иностранному языку для повышения мотивации и формирования профессиональных умений и навыков.

Библиогр. – 2 назв.

УДК 371.31

Теплова Н. В. **Факультативные занятия как способ повышения языковой компетенции студентов** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 201–203.

Статья затрагивает проблемы организации внеаудиторных занятий в технических высших учебных заведениях. Автор подробно описывает основные методы повышения уровня языковой подготовки студентов на факультативных занятиях по иностранному языку. Активное использование нашими студентами иностранных языков в своей профессиональной деятельности остается сегодня одной из основных задач. Поэтому факультативный курс помогает сделать саму систему преподавания иностранного языка более гибкой и результативной.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 004.0:81'1:27.026

Царенкова В. В., Шпановская С. И. **Компьютерная лингводидактика в системе инновационного языкового образования** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 204–206.

Данная статья посвящена актуальной проблеме лингводидактики и методики обучения иностранным языкам – проблеме использования информационно-коммуникативных технологий. В статье представлено понятие о компьютерной лингводидактике. Описана модель дидактической системы формирования профессионально-иноязычной компетентности студентов специальности. Показано, что данная технология направлена на восприятие и усвоение готовых форм социального опыта носителей языка, а также на интеграцию приобретенного социального опыта, его активное воспроизведение и использование для решения социально-коммуникативных задач.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 378:001.895

Шахаб О. В. **Реализация инновационного потенциала университетской кафедры** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 207–209.

Статья посвящена рассмотрению некоторых продуктивных форм и методов реализации инновационного потенциала гуманитарных кафедр Белорусского государственного технологического университета. Технологизация педагогического взаимодействия в процессе кафедрального проектирования усиливает мировоззренческий потенциал гуманитарных дисциплин, позволяя формировать профессионала-интеллектуала, способного определять инновационные стратегии развития в избранной сфере деятельности.

Библиогр. – 1 назв.

УДК 378-054.6

Янукович Е. И. **О педагогической поддержке иностранных граждан на этапе получения высшего образования на первой ступени** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 210–212.

В статье анализируются актуальные вопросы организации обучения иностранных студентов на первой ступени получения высшего образования. Проведен анализ факторов, влияющих на эффективность процесса обучения. Рассмотрены особенности организации этого процесса на примере БГТУ. Сформулированы сильные и слабые стороны, а также направления по улучшению организации процесса обучения иностранных студентов в вузе.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 811.161.3(276.3)

Ячная Т. А. **Специфика изменения семантической структуры слова под влиянием возрастного фактора** // Труды БГТУ. – 2013. – № 5: История, философия, филология. – С. 213–215.

Одним из наиболее важных факторов, влияющих на изменения семантической структуры слова, является фактор возраста. Исследования, проводимые автором, убедительно доказывают, что изменения значения слова (в норме) не прекращаются в каком-то возрасте, а продолжают в течение всей жизни человека. Полученный языковой материал позволяет судить о том, что особенности стратегий ассоциирования у пожилых людей выражаются в процентном соотношении типов реакций и их стандартизации, а также в опорах, используемых испытуемыми при идентификации знакомого слова. Особенности выбора стратегии ассоциирования в геронтогенезе могут быть объяснены психофизиологическими и интеллектуальными изменениями, происходящими в языковом сознании индивида.

Библиогр. – 3 назв.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	3
Полуян И. В. Белорусско-польские отношения на современном этапе	3
Козляков В. Е. Истоки и сущность национально-персонального автономизма	6
Наркевіч Н. І. Шыйныя грыўні ў ювелірным мастацтве Беларусі: вытокі і мастацкія асаблівасці	9
Казакоў А. У. Маскоўскія эмігранты ў Вялікім Княстве Літоўскім у другой палове XV ст. па матэрыялах Метрыкі	12
Дамарад А. А. Арыстакратыя Беларусі ў генеалагічных працэсах Расійскай імперыі XIX ст.	15
Кручак П. С. Праблема Люблінскай уніі ў гістарыяграфіі другой паловы XIX – пачатку XX ст.	18
Острога В. М. Правительственная политика в области педагогического образования в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.	22
Сяменчык М. Я. Ваеннаслужачыя расійскай арміі ва ўладных структурах Беларусі (сакавік 1917 – сакавік 1918 гг.)	26
Рыжанкоў І. М. Грамадска-палітычнае жыццё на этапе падрыхтоўкі да земскіх выбараў: па матэрыялах беларускіх губерняў (вясна – лета 1917 г.)	29
Райчонак А. А. Падыходы да праблемы самавызначэння беларускай нацыі пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі	32
Коваль В. У. Супольныя праекты моладзі беларускай і ўкраінскай дыяспар (1918–1939).....	35
Денисов А. В. Участие интеллигенции в создании и деятельности добровольных краеведческих обществ в Советской Беларуси в первой половине 1920-х гг.	39
Острога В. А. Изучение истории США в БССР в 1920–1980-е гг.	42
Каляда І. У. Барацьба з «нацыянал-дэмакратызмам» і рэпрэсіі на Беларусі ў 1930-я гады.....	46
Зайцев А. А. Разведывательная деятельность советских партизан в годы Великой Отечественной войны.....	49
Якуш Н. М. Удасканаленне падрыхтоўкі кадраў масавых прафесій у сістэме сельскіх прафтэхвучылішч БССР (1976–1985)	52
Зайцева Н. В. Основные направления решения жилищной проблемы на селе в 1966–1975 годах	55
Жарина Л. В. Культура как средство формирования национального самосознания на современном этапе (на примере Республики Беларусь)	58
Александрович П. И. Педагогическое мастерство преподавателя вуза.....	61
ФИЛОСОФИЯ	64
Водопьянов П. А. Истоки экологического кризиса	64
Шалаев В. П. Управление как философско-синергетическая проблема: в поисках новой парадигмы.....	67
Бурнашев К. Э. Социальные стандарты человека: миф или реальность	73
Бурак П. М. Интегративный подход в стратегии безопасной трансформации постиндустриализма на постсоветских территориях.....	77
Лазаревич Н. А. Экологический кризис и ответственность человека	81
Шалаева С. Л. Межпоколенные отношения как фактор национальной безопасности современного общества.....	84
Карканица О. А. Человеческая инженерия: синтез знаний о человеке	89
Пунченко О. П., Дыдышко И. И. Человекотворческий потенциал интерсубъективности	92
Шилина Н. Е. Современная личность в информационном обществе	95
Ракачев В. Н. Беларусь и белорусы в представлениях россиян: опыт социально-психологического исследования	98

Сидоренко И. Н. Антиномия войны и мира в философии Я. Паточки	103
Криворотько В. В. Постиндустриализм и социобиосферный этап развития геOVERСУМА.....	106
Подручный М. В. Методологические проблемы синтеза естественнонаучного и социогуманитарного знания	109
Матусевич О. А. Польская историческая политика в условиях трансформации общества.....	113
Кожич Н. М. Формы деятельности Русской православной церкви в современных условиях	116
Кулис Л. А. Правовой режим служебных объектов интеллектуальной собственности	119
Зенькович В. А. Сравнительный анализ законодательств Республики Беларусь и Российской Федерации, устанавливающих административную ответственность за нарушение авторских и смежных прав	122
Бородко Н. П. Уголовная ответственность за нарушение изобретательских и патентных прав	126
Сергеева Е. М. Некоторые особенности сделок с недвижимым имуществом	130
ФИЛОЛОГИЯ	133
Гоўзіч І. М. Мастацка-вобразны свет паэзіі Уладзіміра Скарынка	133
Трус М. В. Янка Купала ў Славакіі: метадалагічны дыскус даследавання тэмы.....	138
Федарцова Т. М. Сінонімы архетыпа «дарога» ў беларускай літаратуры	142
Петровичева Л. И., Богданович Е. Н. Литературно-художественное издание как объект дизайна (на примере книги для детей дошкольного и младшего школьного возраста)	145
Ляшук В. М. Лексічныя інавацыі ў беларускім паэтычным дыскурсе на рубяжы XX–XXI стагоддзяў	150
Дзятко Д. В. Структурна-зместавыя асаблівасці «Слоўніка цяцерскіх гаворак» Мар’яна Пецкокевіча	155
Босак В. М., Босак А. А. Даследаванне гаворак Верхняга Над’ясельдзя	161
Куліковіч У. І Фанемна-марфемны прыныцып у сучаснай беларускай мове.....	164
Кузьміч В. А. Навуковы стыль у кантэксте спецыяльнага перакладу	168
Козлякова Т. А. О некоторых трудностях усвоения русской грамматики на начальном этапе обучения.....	171
Жуковская Т. В. Проблемность как способ обучения видам речевой деятельности иностранных слушателей	173
Міксюк Р. В. Роля хрысціянскіх традыцый у выхаванні моладзі	176
Савіцкая Н. Я. Прырытэты выхавання гарманічна развітай асобы на прыкладзе дзейнасці літаратурнага клуба «Ветліца»	179
Коженец Т. С. Деловая игра как активно-образовательная технология обучения профессиональному иноязычному общению	183
Козловская Н. А. Модульная технология обучения иностранному языку в техническом вузе	186
Кривоносова Е. В. Особенности обучения взрослых иностранному языку	189
Рогова О. А. К вопросу об организации дистанционного обучения английскому языку на основе компьютерных технологий в условиях билингвальной образовательной среды.....	192
Рубанюк Э. В. Употребление названий птиц в речи как отражение принадлежности собеседника к определенной культуре	195
Старченко Д. В. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на основе экономических текстов	198
Теплова Н. В. Факультативные занятия как способ повышения языковой компетенции студентов	201
Царенкова В. В., Шпановская С. И. Компьютерная лингводидактика в системе инновационного языкового образования.....	204
Шахаб О. В. Реализация инновационного потенциала университетской гуманитарной кафедры	207
Янукович Е. И. О педагогической поддержке иностранных граждан на этапе получения высшего образования на первой ступени	210
Ячная Т. А. Специфика изменения семантической структуры слова под влиянием возрастного фактора	213
РЕФЕРАТЫ	216